

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**МУСУЛЬМАНСКИЙ
БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ,
ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ**

Сборник статей

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 86.38

М 91

Ответственные редакторы

В.Я. Белокреницкий, Н.М. Мамедова, Н.Ю. Ульченко

Подготовка рукописи к изданию

О.Е. Митрофаненкова

Рецензенты: Н.Д. Саженов, В.В. Макаренко

Утверждено к печати Издательской комиссией

Ученого совета Института востоковедения РАН

М 91 **Мусульманский** Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография : сб. ст. / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.М. Мамедова, Н.Ю. Ульченко; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 528 с.

ISBN 978-5-907384-66-8

В книге рассматривается комплекс вопросов, связанных с современным развитием, историей и историографией Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана и этнического Курдистана. Авторы статей уделяют внимание текущим тенденциям в социально-экономической и политической эволюции стран региона, основным конфликтам – курдскому и афганскому, проблемам регионального взаимодействия и геополитического противостояния, вопросам национального примирения и государственной консолидации, социологии и культуры. Отдельный раздел составляют статьи по истории и историографии.

Книга адресована студентам, аспирантам, научным сотрудникам, преподавателям, дипломатам, а также всем, интересующимся историей и современным положением в мусульманском ареале БСВ, непосредственно примыкающем к южному фронтиру России.

© Коллектив авторов, 2021

© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
Раздел I. ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ	13
<i>В.Я. Белокреницкий</i> Современный Средний Восток – геополитическая динамика, специфика общества и дивергенция государств	13
<i>Н.М. Мамедова</i> Особенности социальной модернизации в Иране	28
<i>Н.Ю. Ульченко</i> К вопросу об эволюции исламской буржуазии Турции в период правления Партии справедливости и развития	44
Раздел II. КОНФЛИКТЫ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	70
<i>В.М. Ахмедов</i> Роль военных в сирийском конфликте.....	70
<i>И.И. Иванова</i> Российско-турецкие отношения в вопросе сирийского урегулирования	84
<i>В.И. Сажин</i> Иран в Сирии: проблемы и будущее	102
<i>И.Е. Федорова</i> Политика Ирана в отношении конфликта в Нагорном Карабахе	114
Раздел III. ЭКОНОМИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	125
<i>С.Л. Волкова</i> Главные направления географии внешней торговли Турции на современном этапе (2014–2020 гг.).....	125
<i>А.Н. Обухова</i> Особенности структуры владения в нефтехимической отрасли ИРИ	148
<i>О.Е. Митрофаненкова</i> Переход к массовому производству наркотиков в Афганистане	162
<i>В.И. Белов</i> Иран и Индия: вызовы стратегического партнерства	173
<i>И.Н. Серенко</i> Россия – Китай – Пакистан: от «Шёлкового пути» к «Золотому кольцу» евразийской интеграции?	185
<i>Р.Е. Прохоров</i> Китайско-пакистанские отношения в системе международных связей Ближнего и Среднего Востока	195

Раздел IV. НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.....	203
<i>К.В. Вертяев</i>	
Иракский и Сирийский Курдистан как повстанческие государства: теоретические подходы к проблеме курдской протогосударственности.....	203
<i>М.С. Озманиян</i>	
Рожава в условиях пандемии – 2020 (Автономная администрация Северной и Восточной Сирии).....	226
<i>И.Н. Веденеев</i>	
Спор о бюджете: проблема финансирования курдской автономии Ирака на современном этапе	238
<i>М.О. Нессар</i>	
Национальное примирение в Афганистане	246
<i>С. Пойя</i>	
Системный подход к анализу взаимосвязи внутренней и внешней политики Афганистана. Политика США и государств региона и их влияние на политические процессы в Афганистане	268
<i>М.М. Слинкин</i>	
Военно-политическая обстановка в Афганистане на рубеже десятилетий: невнятные перспективы.....	281
<i>И.Х. Мирзоев</i>	
Лагерь реформаторов в преддверии президентских выборов 2021 г. в Иране.....	307
<i>Н.А. Замараева</i>	
Пакистан: демократические институты и армия (вызовы 2018–2020 гг.).....	317
Раздел V. СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА	336
<i>И.А. Свистунова</i>	
Политика Турции в сфере образования для немусульманских меньшинств	336
<i>А.И. Полищук</i>	
Исламские праздники в Иране	348
<i>М.С. Каменева</i>	
Иранская диаспора в Канаде: иранские канадцы или канадские иранцы.....	365
<i>В.И. Месамед (Израиль)</i>	
Еврейская община Исламской Республики Иран: между политикой и идеологией.....	377
<i>О.Е. Митрофаненкова</i>	
Проблема женской наркомании в Афганистане	398
<i>В.Я. Белокреницкий</i>	
Карачи – проблемы и перспективы большого города в Пакистане	408

<i>И.Н. Серенко</i> К проблеме реформирования системы образования в культурно-сложном социуме современного Пакистана	427
<i>В.П. Кириченко</i> Положение исмаилитов в Пакистане	438
Раздел VI. ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ	448
<i>У.В. Окимбеков</i> Налоги и налоговая политика Афганистана первой половины XIX в. (на примере аграрного сектора)	448
<i>З.А. Арабаджян</i> Иран и Первая мировая война	474
<i>А.В. Болдырев</i> О взглядах современных турецких исследователей на нейтралитет Турции в годы Второй мировой войны и советско-турецкие отношения	487
<i>И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина, А.А. Комаха (Нижний новгород)</i> Востоковеды и изучение стран Ближнего Востока в Нижегородском государственном университете в XXI веке	496
CONTENTS	519
<i>Приложение</i> Программа конференции «Мусульманский Ближний и Средний Восток (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан, соседние страны) – проблемы современного развития, истории и историографии»	522

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую читатель держит в руках, продолжает серию изданий, подготовленных Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН по истории и современным проблемам региона. Начало серии было положено в 2001 г. изданием сборника статей «Ислам и политика»*. В состав того сборника вошли статьи, написанные по итогам первой конференции, проведенной Центром (тогда – Отделом Ближнего и Среднего Востока) в 1999 г. Настоящий сборник является итогом XII конференции, организуемой с тех пор раз в два года**.

Двенадцатая по счету конференция прошла в декабре 2020 г. в очно-заочном формате в связи с пандемией COVID-19. Основная часть докладчиков в сложившихся условиях состояла из сотрудников Центра. Кроме того, в конференции приняли участие приглашенные ими специалисты из Института востоковедения РАН, некоторых высших учебных заведений Москвы, коллеги из России (Нижегородского) и Израиля (Программу конференции см. в конце книги в приложении).

Организаторы конференции в лице ответственных редакторов данного издания предложили для обсуждения на конференции целый ряд в научном отношении актуальных и политически злободневных тем и проблем. Не перечисляя их, отметим наличие нескольких главных блоков. Первый из них был посвящен проблемам современной эволюции в регионе, состоящем из Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана и этнического Курдистана. Второй блок касался истории перечисленных стран и курдского ареала, а третий – историографии проблем истории и современного развития. Большинство участников конференции посвятили свои доклады темам первого блока. Их отличает разнообразие затронутой внутриполитической, международно-политической, экономической, социологической и культурологической проблематики. В центре внимания ока-

* Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии) / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин. М.: ИВ РАН, 2001.

** Подробнее об изданиях серии см.: Предисловие к книге «Мусульманский мир на исторических рубежах России» / отв.ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульянов. Вып. 5. Труды Института востоковедения РАН. М., 2017. С. 20–21.

зались протекающие в регионе конфликты (в Сирии и Афганистане) и процессы национального примирения и государственной консолидации. Определенное внимание на конференции было уделено также историко-географической тематике.

Почти все участники конференции подготовили по ее итогам статьи, вошедшие в данный сборник. При этом мы сочли целесообразным выделить шесть тематических разделов, расположив внутри них статьи с учетом названия разделов и принципа географического расположения стран, с запада на восток.

Первый раздел сборника «Тенденции современного развития» открывает статья *В.Я. Белокреницкого*, посвященная ряду тем, в частности выявлению геополитического региона современный Средний Восток, его генезису и нынешней роли, институциональной специфики общественного развития и дивергенции социально-экономической эволюции основных региональных государств – Турции, Ирана и Пакистана. В статье *Н.М. Мамедовой*, посвященной особенностям социальной модернизации Ирана, отмечается, что главными ее направлениями в новейшей истории страны была светскость и вестернизация. Несмотря на отказ от этих направлений после революционных событий конца 1970-х гг. модернизационные процессы продолжились в рамках исламского правления – и в экономической, и в социальной сфере, что может стать фактором влияния на политическую жизнь ИРИ. Статья *Н.Ю. Ульченко* анализирует эволюцию исламской буржуазии Турции в период правления Партии справедливости и развития (с 2002 г. по настоящий момент). Автор делает подкрепленный расчетами вывод, что в стране при активной поддержке правящей партии формируется новая крупная исламская буржуазия, которая наряду с мелкой и средней составляет опору партии Р.Т. Эрдогана.

Второй раздел книги называется «Конфликты и межгосударственные отношения». Открывают ее три статьи, посвященные сирийскому кризису. В статье *В.М. Ахмедова* основное внимание уделено роли военных в сирийском конфликте, причем автор исходит из того, что она серьезно возросла, и это касается как правительственных, так и оппозиционных сил. Автор полагает, что, несмотря на всю сложность кризиса, мир в Сирии возможен, а позиция военных при этом будет иметь существенное значение. В статье *И.И. Ивановой* рассматриваются российско-турецкие отношения на современном этапе.

Отмечается, что сирийское направление остается для них важнейшим. Запущенный в результате договоренностей 2016 г. Астанинский процесс сохраняет свое значение в условиях (пока не находящихся своего разрешения) противоречий между Россией и Турцией по вопросу об урегулировании в Сирии. Статья *В.И. Сажина* продолжает обсуждение сирийской темы, рассматривая ее с точки зрения политики Исламской Республики Иран. Автор полагает, что политика Тегерана на сирийском треке преследует цели сохранения своего влияния и может повредить процессу урегулирования и будущему развитию Сирии. Другой аспект в политике Ирана в регионе затронут в статье *И.Е. Федоровой*. Автор рассмотрел его отношение к конфликту в Нагорном Карабахе, приведшему к боевым действиям осенью 2020 г. Заслуживает внимания, что, по мнению автора, затяжной конфликт между Азербайджаном и Арменией негативно влияет на безопасность и внутреннюю стабильность в ИРИ.

Третий раздел посвящен вопросам экономики и региональным проектам взаимодействия, главным образом в экономической сфере. В статье *С.Л. Волковой* выявлены главные географические направления внешней торговли Турции на текущем этапе, во второй половине 2020-х гг. Автор делает вывод, что Турция развивает торговлю и сотрудничество как с географически близкими странами, в том числе мусульманскими, так и с более отдаленными государствами и регионами, и это позволяет ей играть существенную роль в миро-экономических процессах. Статья *А.Н. Обуховой*, посвященная анализу проблемы владения в нефтехимической отрасли Ирана, содержит вывод о высокой степени концентрации акционерного капитала в рамках структур, связанных с госсектором, а также о наличии крайне ограниченной группы физических лиц, имеющих доступ к доходам от наиболее экспортно ориентированной сферы экономики страны. Статья *О.Е. Митрофаненковой* посвящена истории перехода к массовому производству наркотиков в Афганистане в годы правления талибов (1996–2001). Автор демонстрирует большое значение, которое производство и незаконный сбыт наркотиков имели для финансирования военных действий отрядов Движения Талибан. Статья *И.Н. Серенко* открывает тему обсуждения проблем регионального взаимодействия. В центре статьи – сотрудничество России, Китая и Пакистана главным образом в экономической области. Автор подчеркивает значение Большой Евразии как пространства

для взаимовыгодного партнерства. Продолжением этой темы служит статья *Р.Е. Прохорова*, посвященная китайско-пакистанским взаимосвязям в торговле и обеспечении безопасности, осуществлению энергетических и транспортных проектов в рамках многомиллиардного инвестиционного проекта «Китайско-пакистанский экономический коридор». Автор отмечает стремление Исламабада и Пекина «продлить» коридор сотрудничества в направлении ближневосточных государств. Завершает рассмотрение геополитической и геоэкономической тематики статья *В.И. Белова (Юртаева)* по современным ирано-индийским отношениям. Автор показывает роль Тегерана в формировании региона с двумя центрами силы и влияния – Ираном и Индией – и касается проблем их участия в реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь».

Четвертый раздел носит название «Национальное примирение, государственное строительство и внутренняя политика» и начинается со статей по курдскому ареалу. В статье *К.В. Вертяева* рассмотрена проблема курдской протогосударственности и отмечено, что, хотя на данном этапе сирийские курды не стремятся выйти из состава Сирии, гипотетически возможно соединение сирийского и иракского Курдистана. Рассмотрены объективные причины, препятствующие такому объединению, а вместе с тем связанные с таким проектом тенденции политической мобилизации в среде сирийских и иракских курдов. Статья *М.С. Озмаян* посвящена анализу различных сторон жизни в Рожаве, северо-восточном автономном районе Сирии с преобладающим курдским населением, в условиях пандемии COVID-19. Автор останавливается на создании в районе автономной системы здравоохранения как следствия пассивности правительства и сохраняющейся конфликтной ситуации в стране. *И.Н. Веденеев* рассмотрел проблему финансирования Курдской автономии в Ираке с трех точек зрения – ретроспективно, в исторической динамике, на данный исторический момент, в масштабах всего Ирака, и на уровне автономии с позиции борьбы между ведущими курдскими политическими партиями. Последующие статьи посвящены конфликту в Афганистане. В статье *М.О. Нессара* «Национальное примирение в Афганистане» показана зависимость между внутренними процессами и внешними, а именно подготовкой к завершению миссии США и стран НАТО в этой стране. Автор рассматривает различные сценарии развития мирного процесса, акцентируя внимание на его неопределенности.

В статье *С. Поля*, анализирующей, по существу, тот же вопрос взаимосвязи внутренней политики в Афганистане и внешней среды, подчеркивается роль существующей центральной власти как доминирующей силы. Одновременно автор затрагивает влияние политики США и ряда региональных государств (Пакистана, Ирана) на политический процесс в Афганистане. Статья *М.М. Слинкина* посвящена текущей военно-политической обстановке в Афганистане. Автор отмечает сложившийся баланс сил и асимметрию форм и способов ведения боевых действий. Конфликт, по его мнению, достиг стадии военного тупика, выход из которого лежит в плоскости политического компромисса. Две статьи в данном разделе посвящены специфике внутриполитической борьбы. В статье *И.Х. Мирзоева* дается характеристика лагеря реформаторов в Исламской Республике Иран накануне президентских выборов в июне 2021 г. Автор указывает, что реформаторы, поддержка которых обеспечила избрание в 2013 и 2017 гг. президентом Х. Роухани, утратили доверие населения и переживают кризис. В статье дан анализ разнообразных причин сложившегося положения и ставится вопрос о дальнейших перспективах лагеря реформаторов. Статья *Н.А. Замараевой* посвящена взаимодействию между демократическими институтами и армией в Пакистане после прихода к власти в 2018 г. нынешней правящей партии Пакистанское движение за справедливость (Техрик-е-инсаф). Хотя, как отмечает автор, между двумя главенствующими силами страны возникает немало трений, антагонизма между ними нет, что позволяет им извлекать из ситуации наибольшие выгоды.

Пятый раздел книги включает статьи по социологии и культуре. Начинается раздел со статьи *И.А. Свистуновой* «Политика Турции в сфере образования для немусульманских меньшинств». Автор отмечает, что у представителей религиозных меньшинств, прежде всего христиан, со времен Османской империи до наших дней, сохраняется возможность получать образование в своих учебных заведениях. Хотя в республиканской Турции порядок функционирования таких заведений неоднократно менялся, само их существование не ставилось под сомнение, что иллюстрирует и положение на нынешнем историческом этапе. Статья *А.И. Полищука* посвящена описанию общеисламских и собственно шиитских праздников и памятных дат, ежегодно отмечаемых в Иране. Помимо рассказа о знаменательных событиях в статье указывается на связь мусуль-

манских и некоторых домусульманских праздников и традиций. Статья *М.С. Каменевой* посвящена иранской диаспоре в Канаде. Отмечается, что, несмотря на большие культурные различия и сложные двусторонние отношения, Канада остается достаточно комфортным местом пребывания для иранцев, покинувших страну после исламской революции 1979 г. Автор анализирует сложности адаптации иранцев к жизни в Канаде и ставит вопрос о том, кого следует считать канадскими иранцами, а кого – иранскими канадцами. В статье *В.С. Месамеда* прослеживается история еврейской общины в Иране, отмечается, что положительные изменения в ее жизни произошли после реформ 1906–1911 гг. Исламский режим в своей политике декларативно проводит разницу между иранскими евреями, Израилем и сионизмом, но на деле отличается, по мнению автора, «примитивным антисемитизмом». Статья *О.Е. Митрофаненковой* «Проблема женской наркомании в Афганистане» выявляет остроту этой социальной проблемы на фоне массовой «наркотизации» афганского общества. Показывая приниженное положение афганской женщины, автор отмечает разнообразные последствия распространившейся в последнее время социальной болезни на положение в семье, на проблему воспитания детей и сохранение защищающих от наркомании традиций. В статье *В.Я. Белокреницкого* рассматриваются проблемы, особенности и перспективы одного из крупнейших городов Азии, самого большого пакистанского города Карачи. Статья затрагивает ряд тем – историю и политическую роль мегаполиса, причины стремительного увеличения численности, приближающейся к 20 млн человек. Автор характеризует ключевую роль города-порта в экономике Пакистана, его значение главного промышленного и финансового центра страны и в то же время слабую инфраструктуру, нехватку жилья, преобладание трущоб. Статья *И.Н. Серенко* посвящена реформированию системы образования в Пакистане. В ней отмечается сложность проблемы преобразования ввиду культурной сложности общества, состоящего из крупных этнолингвистических групп, разных конфессий и религиозных деноминаций, зависимости государственной политики от давления групп интересов и представляющих эти интересы сил. *В.П. Кириченко* подверг анализу положение исмаилитских общин в Пакистане. Отметив, что пакистанские исмаилиты распадаются в основном на две большие группы – низаритов (ходжа) и мусталитов (бохра), автор остановился на масштабной деятельно-

сти организаций, основанных главой ходжа Ага-ханом IV. Важнейшими сферами их деятельности являются здравоохранение и культура, бизнес и торговля.

Шестой раздел сборника составляют статьи по истории и историографии. Статья *У.В. Окимбекова* посвящена характеристике налогов и налоговой политики Афганистана в середине и второй половине XIX в. Автор высвечивает различия между системами налогообложения, главным образом в аграрной сфере, существовавшими между основными областями страны. Основное внимание он уделяет самой населенной в то время области Кандагар и сравнивает нововведения, привнесенные в страну тогдашними властями, с положением в других областях – Кабуле, Балхе и Герате. Автор статьи «Иран и Первая мировая война» *З.А. Арабаджян* приходит к выводам, заставляющим по-новому взглянуть на перспективы сохранения Ираном реального нейтралитета в годы войны. Они существовали, отмечает он, лишь до вступления в войну Османской империи. В дальнейшем нейтралитет был невозможен не только из-за того, что иранская территория превратилась в арену боевых действий воюющих держав, но и из-за развернувшейся по всей стране национально-освободительной борьбы против колониального гнёта Англии и царской России. В статье *А.В. Болдырева*, носящей историографический характер, речь идет о взглядах современных турецких исследователей на нейтралитет Турции в годы Второй мировой войны и на советско-турецкие отношения в этот период. Автор полагает, что большинство исследователей в Турции исходят из концепции советской угрозы для безопасности, и лишь некоторые специалисты ставят под сомнение тезис о ее реальности. В статье *И.В. Рыжова, М.Ю. Бородиной* и *А.А. Комаха* рассматриваются основные направления развития востоковедения в Нижегородском госуниверситете (национальном исследовательском) им. Н.И. Лобачевского. Авторы отмечают, что в университете в нынешнем столетии сложилась школа изучения Ближнего Востока – арабских стран, Турции, Ирана и Израиля. Наибольшее внимание исследователей, как следует из статьи, привлекли вопросы внешней политики региональных государств, некоторые актуальные аспекты внутренней политики и истории в Новое и Новейшее время.

В.Я. Белокрыцкий, Н.М. Мамедова, Н.Ю. Ульченко

Раздел I

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.31696/978-5-907384-66-8-013-027

В.Я. Белокреницкий

Современный Средний Восток – геополитическая динамика, специфика общества и дивергенция государств

Резюме. В статье кратко рассматривается история возникновения и употребления термина Средний Восток вслед за выявлением двух геополитических традиций – западной и российской. Автор обосновывает точку зрения, что современный Средний Восток является композиционно сложным широтным регионом, включающим Турцию, Иран, этнический Курдистан, Афганистан и Пакистан. В статье отмечается меняющаяся роль региона в эпоху после окончания Второй мировой войны, анализируется концептуальная структура обществ, сформировавшихся в границах региональных государств, и затрагивается вопрос о ключевых институтах общественного развития. Автор демонстрирует расходящиеся траектории социально-экономического развития основных государств региона – Турции, Ирана и Пакистана – и касается некоторых последствий происходящих перемен.

Ключевые слова: Средний Восток, Турция, Иран, Пакистан, геополитика, социально-экономическая дифференциация государств

Summary. A brief history of the origin and usage of the term Middle East is presented in the article in the wake of discussing two geopolitical traditions, Western and Russian. The author proves the view that the contemporary Middle East is a structurally composite latitudinal region that includes Turkey, Iran, ethnic Kurdistan, Afghanistan and Pakistan. The article dwells on the changing international role of

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока. ORCID HD 0000-0001-8471-928X.

the region after the end of WW II, analyzes conceptual structure of societies which have taken shape in the framework of regional states and touches upon the question of key institutes determining development of societies. The author demonstrates the increasing differences in socio-economic growth of the main nations of the region – Turkey, Iran and Pakistan – and singles out certain consequences of these changes.

Key words: Middle East, Turkey, Iran, Pakistan, geopolitics, socio-economic differentiation of the states

Геополитические традиции и Средний Восток

Начнем с понятия «Средний Восток». В подходе к нему нужно иметь в виду существование двух геополитических традиций – западной, широтной, и российской, долготной, меридиональной¹. Первая традиция сложилась в колониальную эпоху как по преимуществу британская (англосаксонская), но в начале эпохи она формировалась как португальская и голландская под воздействием движения европейцев морским путем с запада на восток вокруг Африки. Европейские военно-торговые корабли плыли к берегам Индии и далее на восток, вплоть до Малаккского пролива и китайского Макао. В XVII и XVIII вв. европейцы делили господство на морских торговых путях с османскими (арабскими) и персидскими купцами. На рубеже XVIII–XIX столетий, особенно после окончания наполеоновских войн, наступила эпоха продвижения более передовых в экономической сфере европейцев на ближний к Западной Европе Восток (европейский, Балканы) и азиатский, включающий также Египет, Аравийский полуостров и район Персидского залива. Все эти регионы входили тогда в состав Османской империи, и именно за ними закрепилось, хотя и не получило, как кажется, широкого употребления, название Ближний Восток². При этом картографически имело место движение по широте, с запада на восток.

Вслед за понятием «Ближний Восток» в самом начале XX в. вошел в употребление термин «Средний Восток». Произошло это главным образом с легкой руки американского контр-адмирала в отставке (иногда пишут морского капитана) Альфреда Т. Мэхена, историка и геополитика, придававшего особое значение морскому театру военных действий. Он предложил этот термин в 1902 г. в статье под назва-

нием «Персидский залив и международные отношения», написанной по заказу английского журнала «National Review»³. Изобретенный Мэхеном термин оказался востребованным, хотя он не уточнил, что включает в обозначенный им регион. Основное внимание в статье он уделил Дальнему Востоку и долго подыскивал неологизм для стратегического ареала, лежащего между Ближним и Дальним Востоком⁴. При этом основной вывод автора, касающийся Среднего Востока, состоял в необходимости для Англии укреплять свое военно-морское присутствие в Персидском заливе, который, по его мысли, занимает срединное место «между Суэцем и Сингапуром».

Много позднее, только в 1970-х гг., выяснилось, что до адмирала термин «Средний Восток» («Middle East») использовал британский военный публицист генерал Томас Эдвард Гордон. В 1900 г. он опубликовал статью «Проблема Среднего Востока» в британском журнале «Nineteenth Century»⁵. Судя по всему, она оказалась неизвестной Мэхену, который с долей сомнения признавал, что впервые использует такое словосочетание, как «Middle East». Но дело не только в приоритете. Статья Гордона проясняет геополитическую суть, собственно проблему Среднего Востока. А она состояла в защите Британской Индии от угрозы со стороны Российской империи. Как отмечает Р.Л. Гривз, современная исследовательница вопроса, Гордон обсуждает безопасность Индии в связи с опасениями относительно продвижения Росийской империи из Средней Азии в Персию и далее в Индию. Под Средним Востоком он имеет в виду регион, состоящий из Персии и Афганистана⁶.

Стоит заметить, что статьи Мэхэна и Гордона, по-видимому, не случайно появились в период, когда вице-королем Индии был лорд Керзон, уделявший особое внимание защите северо-западных и западных рубежей Британской империи на юге Азии и совершивший осенью 1903 г. длительную поездку в зону Персидского залива⁷.

Отметим, что при сохранении широтности западной геополитической традиции она меняет картографическое движение с запада на восток на противоположное – с востока на запад, соответствующее общему направлению расширения английских завоеваний в Индии.

Позволительно заключить, что понятие «Средний Восток» возникло как проекция геополитических интересов Британской Индии. Имперское геополитическое видение, формируясь из двух центров –

в Лондоне и Калькутте – как бы смыкалось на Среднем Востоке. И не исключено, что именно это в какой-то мере объясняет предпочтение, которое английская публицистика и политическая наука отдавали в дальнейшем термину «Средний Восток».

Другая геополитическая традиция, российская, сложилась вследствие особой географии России. Для Санкт-Петербурга, а затем и Москвы Восток раскрывался тоже благодаря движению с запада, но всегда находился южнее ее рубежей. К XIX в. он распадался для нее умозрительно на три крупных сегмента – Османская империя, включая Балканы, представляла собой Ближний Восток с выделением в качестве отдельной семантической единицы Передней Азии. Хотя такое понимание в целом совпадало с европейским, но было наполнено еще и дополнительным смыслом, поскольку регион был близок не только географически, но и культурно. В его пределы входили те части Османской империи, где проживали православные греки и румыны, а также славянские православные народы, прежде всего сербы и черногорцы. Дальний Восток представлялся именно дальним, находящимся на огромном расстоянии от центральной, европейской, части державы, и ассоциировался по преимуществу с Китаем и Японией.

В русле долготной традиции Средняя Азия – от северных казахских, или, по тогдашней терминологии, киргиз-кайсацких (встречаются и другие написания), степей до населенных туркменскими племенами южных оазисов – представляла собой для России, по существу, Средний Восток. Традиция выделения отдельного региона под таким названием не сложилась, а Среднюю Азию нередко называли Центральной Азией⁸. Для Российской империи, несомненно, большую роль играли ее интересы в Персии, а также в малоосвоенном к тому времени Тибете, но она осознавала силу противодействия со стороны Великобритании, наиболее мощной тогда мировой державы, и строила свою политику в регионе к югу от Средней Азии и Сибири с учетом европейских дел. После поражения в войне с Японией и в преддверии мировой войны* Российская империя в 1907 г.

* Предвестником грядущей войны было усиление кайзеровской Германии и формирование основ германо-османского союза, свидетельством чего явилось соглашение о строительстве железной дороги из Берлина до Багдада. Оно имело, понятно, прямое отношение к ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

пошла на разграничение сфер влияния с Англией в материковой части Азии, подписав с ней в Петербурге Конвенцию по делам Персии, Афганистана и Тибета⁹.

После окончания Первой мировой войны и Гражданской войны в России Советское государство укрепило свои внешнеполитические позиции на выявлявшем постепенно свое геополитическое значение мусульманском Востоке, заключив в феврале-марте 1921 г. договоры о дружбе с Афганистаном, Ираном и Турцией¹⁰.

Возвращаясь к вопросу о западной терминологии, стоит отметить, что понятие «Средний Восток» («Middle East») стало широко употребляться в научной и экспертной литературе после окончания Второй мировой войны, когда США стали вплотную заниматься делами арабских стран и всего региона, прилегающего с юга к границам СССР. Наряду с ним использовался термин «Ближний и Средний Восток» («Near and Middle East»). Первый из элементов этого термина обычно охватывал страны Северной Африки, но не включал Египет, который традиционно считался частью Среднего Востока. Кроме него в Средний Восток западная традиция долгое время включала Турцию, другие государства Юго-Западной и Западной Азии вплоть до Пакистана, а нередко включая и его в состав региона, одновременно с признанием принадлежности страны к Южной Азии.

Интересно, что в первые послевоенные годы в Госдепартаменте США существовал Офис, состоявший из подразделений ближневосточных (североафриканских по сути), средневосточных и африканских дел. До сих пор во внешнеполитическом ведомстве США «под крылом» заместителя госсекретаря (Under Secretary) по политическим вопросам сохраняется Бюро ближневосточных дел (Bureau of Near Eastern Affairs), которое ведает политикой на Среднем Востоке и в Северной Африке (Middle East and North Africa)¹¹.

После войны в США использовался также термин «Центральный регион» как расположенный между Атлантическим и Тихим океаном. Отсюда появившийся в 1955 г. блок СЕНТО, который до 1959 г. чаще именовался Багдадский пакт, а иногда и Организацией Средневосточного договора (Middle East Treaty Organization, МЕТО). Центральный регион, таким образом, совпадал, по сути, со Средним Востоком, но отказ Египта от участия в блоке и его признанная роль

ведущего компонента Среднего Востока заставили США отказаться от широкого использования связанного с регионом названия стратегического блока. К тому же до 1959 г. они формально не были его членом, а с того года вошли в состав ряда его ключевых комитетов.

Существование СЕНТО с 1955 по 1979 г. совпало по времени с активным противостоянием на Ближнем и Среднем Востоке двух военно-политических блоков, возглавляемых США и СССР. Страны СЕНТО, от Турции до Пакистана, образовывали по представлениям американских экспертов, «северный ярус» («Northern Tier») обороны, примыкая к «мягкому подбрюшью» («Soft Underbelly») Советского Союза, которым они считали Среднюю Азию и Кавказ.

Что касается отечественной традиции, то в советский период, особенно после Великой Отечественной войны, наиболее распространенным в публицистике и научно-экспертной литературе стал термин «Ближний и Средний Восток» – понятие, включающее арабский мир (Северную Африку и Юго-Западную Азию), а также Турцию, Иран и Афганистан.

Нужно отметить, что после революции 1978 г. в Афганистане, особенно же начала войны в этой стране с участием советских войск, судьба Пакистана оказалась тесно связанной с Афганистаном и имевшим там место вооруженным конфликтом. Переориентация Пакистана на запад от своих границ происходила, впрочем, еще раньше, с начала 1970-х гг., когда он остался без своей восточной провинции, где образовалось независимое государство Бангладеш. Геополитический разворот сопровождался резко возросшей миграцией пакистанцев на Ближний и Средний Восток, усилением легальных и нелегальных (наркотики) связей Пакистана с мусульманскими нефтедобывающими странами.

В 1990-е гг. процесс превращения Пакистана в страну, принадлежащую двум регионам – Южной Азии и БСВ, вступил в завершающую фазу. Наблюдались изменения и внутри страны. На задний план в политической и экономической жизни были отодвинуты переселившиеся из Индии после 1947 г. урдуязычные мусульмане и их потомки, под влиянием политики исламизации угасла синкретическая культура страны. После восстания в индийском Кашмире, начавшегося на рубеже 1980–1990-х гг., отношения с Индией превратились в вялотекущий неразрешимый конфликт. Взаимное отталкивание

двух соседей усилилось после победы на выборах 2014 г. и особенно 2019 г. в Индии коммуналистской индульской партии и расформирования правительством этой партии в августе 2019 года индийского штата Джамму и Кашмир. Политика правящей в Индии партии привела к фактической ликвидации Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), единственной межгосударственной организации, в которую входили на правах лидеров Индия и Пакистан. Укрепление связей Пакистана с Китаем усилило противоположность пакистанских и индийских интересов. Таким образом, Пакистан в силу как внутривосточных, так и внешнеполитических причин ныне превратился **геополитически** в страну Среднего Востока, восточный фланг региона.

Представление о нем как о широтной полосе вдоль границ Кавказа и Центральной (бывшей Средней) Азии укладывается и в традиционную для России меридиональную геополитическую проекцию. Выше было показано господствующее место такого представления в западной (иногда говорят англосаксонской) геополитической традиции. Совпадение в этом пункте, скорее всего, закрепило комплекс противоречий времен холодной войны, когда регион от Турции до Пакистана еще до событий в Афганистане играл видную роль в расчетах и планах Запада.

Изменилось ли геополитическое значение региона после окончания холодной войны и в условиях XXI в.? Роль региона, надо полагать, претерпела перемены, но не радикального свойства. В настоящее время он занимает срединное положение между **китаеццентричным** Дальним Востоком и современным Ближним Востоком, который ассоциируется прежде всего с **арабским миром**. Между тем регион по-прежнему играет роль «прокладки» между Северной Евразией, которая отчасти входит в состав России и в большой мере ею контролируется, и Южной Евразией, входящей в зону интересов НАТО и одновременно Китая.

Итак, современный Средний Восток в нашем понимании состоит из четырех государств (Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана) и курдского ареала. Этнический Курдистан отличается, помимо существования населенных преимущественно курдами-мусульманами областей Турции и Ирана, «заходом» на территории арабских Сирии и Ирака.

Структура и специфика общества

Переходя к структуре общества в этом «пятиконечном» регионе, нужно отметить ее сложность по следующим основным параметрам – конфессиональному (этноконфессиональному), этническому (этнолингвистическому), социально-экономическому (статусному, профессиональному, имущественному) и эколого-территориальному (провинциально-областному). Каждое из составляющих регион обществ в рамках сложившихся государственных образований отличает своеобразие, анализ которого не входит в задачу данной статьи.

Со сложной структурой общества неразрывно связано управление общественными процессами. Оно сводится главным образом к политике государства, а также социальных (субгосударственных) институтов, под которыми имеются в виду, конечно, не только организации и учреждения, но и формальные и неформальные институты, включая положения основных законов (конституций), права собственности, правила и традиции пользования ими, а также личное право, гражданские свободы, их гарантии и т. п.

Не вдаваясь в рассмотрение институциональных особенностей стран региона, коснемся некоторых связанных с ними ключевых понятий. В известной книге Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона¹² существовавшие в мире на протяжении последних веков институты подразделяются на инклюзивные и экстрактивные. Первые опосредуют более быстрое и в то же время гармоничное развитие общества путем включения в процесс социально-экономической эволюции широких слоев населения. Институты противоположного типа играют роль изымающих ресурсы различного вида (трудовые, материальные, накопленные и т. п.) и замедляющих общественное развитие. Господство инклюзивных или экстрактивных институтов, по мысли авторов, наряду с рядом других факторов, в том числе вполне случайных, единичных, но крайне значимых, объясняет, почему одни страны остаются бедными, а другие идут впереди и процветают.

В качестве иллюстрации приведем взятый из книги яркий пример преобладания экстрактивных институтов. С начала XVI вплоть до XX в. такой страной, как Гватемала, управляла олигархия, состоящая из представителей примерно 50 семей испанских конкистадоров

и их потомков. Изменяя способ изымания под воздействием внешних обстоятельств, например при переходе в XIX столетии на экспорт кофе, они сохраняли полный контроль над политическими и экономическими институтами. Порочный круг стагнирующей эволюции там, как и в других обществах, создавался неизменностью институтов, обеспеченной силовыми методами, к которым постоянно прибегала правящая в обществе и управляющая государством олигархия.

Из стран современного Среднего Востока стоит привести в пример элиту в Пакистане, прежде всего, в его южной провинции Синд. На протяжении веков она там мало менялась и сохранила господство над бесправным крестьянством, состоящим в основном из подневольных арендаторов, известных под названием *хари*. И дело даже не только в неизменности персонального состава эксплуататоров, но и в преемственности самой экстрактивной системы, которую колонизаторы, к примеру, наследовали у предшествующих форм управления или насаждали новые, слегка измененные. После достижения независимости у руля управления встали национальные элиты, воспроизводящие в существенной степени господство прежних институтов власти и собственности.

При освещении вопроса об управлении общественными процессами в странах современного Среднего Востока неплохо было бы, на наш взгляд, использовать для характеристики, сравнений и сопоставления некоторые из приемов и терминов книги Д. Аджемоглу и Д. Робинсона. Кстати, Н.Ю. Ульченко, опираясь на их концепцию инклюзивных институтов, провела анализ развития Турции в первые десятилетия нынешнего века, в период правления Партии справедливости и развития. Она показала, что инклюзивность развития Турции повысилась и в результате, в частности, уменьшилась разница в уровнях социально-экономического развития традиционно более передовых западных турецких областей и отстающих восточных и юго-восточных районов¹³.

Государство, как известно, нацелено на сохранение национальной целостности, нерушимости границ и безопасности граждан. Впрочем, граждане в государствах рассматриваемого региона и ныне, как кажется, ближе по менталитету и общественным запросам не к членам современного гражданского общества, а к подданным держав

и империй, которые со стародавних времен существовали в данном мусульманском ареале. На этом вопросе автор останавливался раньше, используя термин «подданныческий национализм»¹⁴.

Последний термин можно заменить на «державный национализм», более, пожалуй, благозвучный, но с тем же содержанием. А оно состоит в том, что нации-государства на современном Среднем Востоке пока еще не сложились. Главным в существующих там государствах остается державное начало. Можно полагать, что такое понятие, как «государство-нация» в том понимании, что оно включает в себе зрелое гражданское общество и пользуется доверием большинства населения, органически чуждо традициям Востока, в том числе мусульманского, построенного строго иерархически, следующего закону подчинения низов верхам и безусловному авторитету верховной власти. В таком случае нужно говорить о глубинных цивилизационных различиях общества на Ближнем и Среднем Востоке, имеющего иные ценностные ориентиры и ментальность, соответствующую типологически незападным «государствам-цивилизациям»¹⁵.

Почему в таком случае интересен вопрос о структуре изучаемых нами обществ? Интерес в том, чтобы выявить специфику каждого из самобытных и весьма различных общественно-государственных образований, определить, какая из сторон ромба (конфессиональная, этническая, социально-экономическая, эколого-территориальная) обнаруживает наибольшую степень нестыковок и противоречий.

Для примера, в Пакистане, по нашему мнению, наиболее острой сегодня является эколого-территориальная сторона, т. е. ухудшающаяся экология и территориальные перепады, наличие продвинутых и хронически отстающих регионов. Острота этой стороны условного ромба характеризует не только Пакистан, но и Египет, что убедительно продемонстрировано в одном из разделов коллективной монографии «Экономический рост в странах Востока»¹⁶. Возвращаясь к нашему региону, в Турции это будет социальная дифференциация или этническая сторона по линии турки – курды. В Иране на первом плане окажутся этноконфессиональные различия между шиитским большинством и суннитским меньшинством, представленным прежде всего арабами, курдами и белуджами. Ромбом можно не ограничивать сложность общественной структуры. Но преимущества этой фигуры состоят в том, что она дает представление о связанности

различных сторон общественного устройства и позволяет наглядно представить различия между странами по выделенным параметрам. И понятно, что от особенностей структуры социума зависит сложность управления протекающими в нем процессами.

Сравнительная динамика социально-экономического развития

Прежде чем заключить статью, хотелось бы остановиться на таком вопросе, как возросшая дифференциация государств региона по агрегатным социально-экономическим параметрам и общему уровню экономического развития. Речь далее пойдет об основных государствах региона – Турции, Иране и Пакистане. Афганистан необратимо отстал вследствие продолжающейся более четырех десятилетий междоусобной борьбы. Она нанесла его экономике огромный урон, поставила в зависимость от внешних доноров и опустила до уровня наименее развитых стран.

Что касается курдского ареала, то в целом он тоже испытал за последние десятилетия серьезные потрясения. При этом экономическое положение в разных частях этнического Курдистана весьма неодинаково, а достижение политического единства даже на суженной основе (в Сирии и Ираке) крайне проблематично¹⁷.

Вопрос о расходящихся траекториях (дивергенции) экономического и социального развития трех основных государств региона уже был предметом анализа автора статьи, который отмечал, что уровень, с которого начали развиваться Турция, Иран и Пакистан после окончания Второй мировой войны, был если не одинаковым, то вполне сопоставимым. Впрочем, Турция уже тогда немного превосходила Иран по большинству экономических и социальных показателей и была существенно впереди Пакистана. Согласно некоторым подсчетам, душевой национальный доход в Турции в 1950 г. равнялся 125 долл. США (по обменному курсу), Ирана – 85, а Пакистана – 60¹⁸. Имелись и другие расчеты, согласно которым разница между Турцией и Ираном была минимальной, либо даже иранские показатели превосходили турецкие.

За первые 30 лет послевоенной эволюции (к 1980 г.) разрыв между странами заметно увеличился. Разница между душевым доходом Турции и Ирана серьезно возросла, достигая, по некоторым

оценкам, двукратного размера. Впрочем, можно встретить относящиеся и к этому рубежу подсчеты, особенно опирающиеся на официальные обменные курсы, ставящие Иран даже впереди Турции. Бесспорно в то же время, что отрыв Турции и Ирана от Пакистана продолжал возрастать¹⁹.

К рубежу веков дивергенция уровней развития усилилась. Согласно данным Всемирного банка на 2000 г. валовой национальный доход Турции составил, по официальному обменному курсу в текущих ценах (по методу Атласа), 3090, Ирана – 1630, а Пакистана – 470 долл. США. Приводимый ВБ расчет дохода с учетом паритета покупательной способности (ППС) дает более благоприятную для Ирана картину – его доход оценивается в 5900 долл. против 7030 долл. у Турции. Пакистанский доход в системе ППС возрастает по сравнению с оценками по обменному курсу в наибольшей мере, до 1960 долл., но существенное (в 3–3,5 раза) отставание Пакистана сохраняется и при этом²⁰.

Стоит принять во внимание также динамику ряда ключевых демографических и социальных параметров. В 1950 г. население Турции равнялось примерно 21 млн, Ирана – 17 млн а Пакистана – 34 млн человек. К 2000 г. население выросло до 65 млн в Турции, 64 млн в Иране и 138 млн человек в Пакистане. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила 69 лет в Турции, 71 год – в Иране и 63 года – в Пакистане. По степени урбанизации все три страны в 1950 г. почти не отличались друг от друга – в городах проживало 18–25% жителей. Турция и Иран по этому показателю уже к 2000 г. существенно оторвались от Пакистана – 67% горожан в Турции, 65% – в Иране и лишь 34% – в Пакистане²¹.

Начальные десятилетия XXI в. оказались наиболее благоприятными для Турции. В 2019 г. ее душевой доход по методу Атласа вырос до 9610 долл., а по системе ППС – до 27410 долл. С такими показателями Турция вошла в число стран с средневысоким доходом (Upper Middle Income). Неровная эволюция Исламской Республики Иран, сопровождавшаяся введением против нее санкций Запада и вынужденной изоляцией, привела к тому, что по душевым показателям (5490 и 14560 долл.) она отстала от Турецкой Республики. Дистанция между Пакистаном и его соседями по региону еще более увеличилась (1530 и 5210 долл.). При этом в отличие от Турции и Ирана, где

темпы прироста населения существенно снизились и обе страны перешли в категорию совершивших демографический переход (низкая смертность и рождаемость), Пакистан по скорости демографического роста остается среди мировых лидеров (среднегодовой прирост оценивается в 2,0–2,4%). Его население в 2019 г. превысило 216 млн человек, между тем как население Турции (83,4 млн и Ирана (82,9 млн оказалось практически одинаковым (Иран за период в 70 лет догнал Турцию), а совокупное их население почти в полтора раза уступало пакистанскому²². Одинаковой в Турции и Иране является ныне и доля городского населения (76%), тогда как в Пакистане она в два раза меньше (38%)²³.

В целом соответствуют показателям урбанизации и большинство других социальных параметров трех стран. Хотя экономически Турция за последние 20 лет продвигалась вперед быстрее, чем Иран, разница в социальных параметрах возросла незначительная. Обе страны по уровню жизни населения, качеству образования и здравоохранения вплотную подошли к среднемировому стандарту.

В то же время достаточно четко видна граница, отделяющая Турцию и Иран от Пакистана и типологически близкого к нему Афганистана. Успешное экономическое развитие Турции при нынешнем правительстве Партии справедливости и развития объясняет в немалой степени более активную, наступательную внешнюю политику страны, в том числе и в отношении государств, входящих в рассматриваемый нами регион. Проявлением такой политики служит соперничество Анкары и Тегерана за влияние на Пакистан и его внешнюю политику как на ключевом ныне афганском направлении, так и в более широком контексте международной политики на всем Ближнем и Среднем Востоке²⁴.

Заключение

Завершая, хотелось бы подчеркнуть оправданность выделения региона современного Среднего Востока с геополитической точки зрения и актуальность анализа формирующих его обществ, которые принадлежат к обширному мусульманскому ареалу, расположенному к югу от исторических рубежей России. Сложная структура этих обществ-государств (или протогосударств, если иметь в виду насе-

ленные курдами районы Ирака и Сирии) задает рамки их внутренней эволюции и во многом обуславливает неоднозначность и даже непредсказуемость ее будущих результатов. Кроме того, стоит обратить внимание на растущую дивергенцию уровней социально-экономического развития главных государств региона и вытекающие отсюда последствия для их внешнеполитического курса.

¹ Hauner M. What is Asia to Us. Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston, 1990. P. 72–73; Белокреницкий В. Геополитическая вертикаль в сердце Азии. *Pro et Contra*. Т. 2. № 2. С. 99–100.

² Нужно заметить, что употребление терминов, характеризующих целые регионы, иными словами, объединяющих соседние и смежные страны, представляется достаточно поздней традицией, сложившейся в рамках английского, французского, немецкого и русского языков.

³ Mahan A.T. The Persian Gulf and International Relations. *National Review*. 1902. № 40. 1902. P. 27–45.

⁴ Koppes C.R. Captain Mahan, General Gordon and the Origins of the Term 'Middle East'. *Middle East Studies*, January, 1976. P. 95.

⁵ Gordon T.E. The Problem of the Middle East. *Nineteenth Century*. March 1900. № 47. P. 413–424.

⁶ Grieves R.L. Gordon, Thomas Edward. *Encyclopedia Iranica*. XI/2. P. 139–140 // <http://www.iranicaonline.org/article/Gordon> (accessed 15.01.2012).

⁷ Bence-Jones M. The Viceroy of India. L., 1982. P. 182; Smith V.A. The Oxford History of India. Fourth Edition / ed. P. Spear. Delhi, 1981. P. 753.

⁸ Характерным в связи с этим представляется употребление географических терминов в монографии: Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке XIX – начало XX в. Анализ внешнеполитических концепций. М., 1990. С. 6. Часто употребляя вынесенный в заглавие термин и подразумевая под ним, как правило, Иран и Афганистан, автор признает, что он в рассматриваемый в работе период не применялся. В английской, как и в русской, литературе использовался термин «Центральная» или «Средняя Азия» для обозначения «территорий Афганистана, Ирана, а иногда и Индии».

⁹ Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / под ред. А.Д. Богатурова. М., 2011. С. 116–117.

¹⁰ Системная история международных отношений. В 4 т. 1918–2000. Т. 1 / под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000. С. 125, 213, 217.

¹¹ Здесь и ниже фактологическая часть изложенного почерпнута из электронных баз данных Госдепа США (US Department of State) и сайта en.wikipedia.

¹² Acemoglu D. and J.A. Robinson. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York, 2012.

¹³ Турция: социально-экономическая эволюция Востока и Юго-Востока с точки зрения концепции инклюзивного развития (автор параграфа 1.7 – Н.Ю. Ульченко). Экономический рост в странах Востока. Тенденции. Неравномерность. Неравенство экономического развития / отв. ред. И.В. Дерюгина. М., 2020. Книга 1. С. 139–157.

¹⁴ Белокреницкий В.Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана) // Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульянов. М., 2015. С. 17–18.

¹⁵ Наумкин В.В. Модель Не-Запада: существует ли государство-цивилизация? Полис. Политические науки. 2020. № 4. С. 78–93.

¹⁶ Экономический рост в странах Востока. Тенденции. Неравномерность. Неравенство социального развития / под ред. И.В. Дерюгиной. М., 2020. Кн. 2. С. 173–186.

¹⁷ Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность. М., 2015.

¹⁸ Белокреницкий В.Я. Послевоенная модернизация в странах Западной Азии. Общие тенденции и расходящиеся траектории развития. Особенности модернизации на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.Л. Фадеева. М., 1997. С. 31.

¹⁹ Там же. С. 44.

²⁰ World Development Report 1990–2000. Wash., 2000. P. 230–231; World Development Indicators. Wash., 2000. P. 12–14.

²¹ Использованы данные ряда пособий и источников приведенные в докладе автора на 37-м Международном конгрессе востоковедов в Москве. См.: Белокреницкий В.Я. «Мусульманский Восток» на современном этапе социально-экономической и социокультурной эволюции. ICANAS XXXVII. Труды. М., 2004. Т. III. С. 1004–1014.

²² World Development Indicators 2019. World Bank 2019//downloads/WV.1_Size_of_the_economy%20(1).pdf

²³ По данным сайта CIA World Factbook.

²⁴ Turkish FM to begin three-day visit to Pakistan tomorrow. The Express Tribune, 11.01.2021 //tribune.com/pk/story/2279560/Turkish-fm-to-begin-three-day-visit-to-pakistan-tomorrow; Erdogan launches welding of 3rd Milgem warship being constructed for Pakistan Navy. Dawn, 24.01.2021//dawn.com/news/1603331/erdogan-launches-of-3rd-milgem-warship-being-constructed-for-pakistan-navy

Особенности социальной модернизации в Иране

Резюме. В статье рассматриваются особенности социальной модернизации в Иране в разные периоды его истории. Главными направлениями модернизации в новейшей истории Ирана являлись светскость и ускоренная вестернизация. Создание Исламской Республики Иран в 1979 г. ознаменовало отказ от этих направлений. Но модернизационные процессы идут и в рамках исламского режима. Сопоставление изменений, которые проявились за 40 лет, дает основание считать, что наибольшие сдвиги произошли в социальной сфере. Автор приходит к выводу, что в отличие от исторического прошлого, когда реформы проводились «сверху», в настоящее время ситуация изменилась. Иранское общество больше настроено на перемены, чем властные структуры, и это является своеобразным результатом социальной модернизации в последние десятилетия.

Ключевые слова: Иран, модернизация, социальная политика, исламский режим, индекс человеческого развития, гендерное неравенство

Summary. The research article reviews the social modernization process factors in different time periods of Iran's history. The secularity along with the westernisation trends rapid spread had been the key drivers behind the modernization processes. The Islamic republic system establishment in 1979 triggered drastic changes in the social processes evolution. Notwithstanding, the modernization processes still go on within the scope of the Islamic regime. A comparative analysis reveals that over the past 40 years the most drastic shifts occurred in the social sphere. The author resumes that the momentum signals the dramatic changes in the current situation distinguishing from the past when the reforms were imposed top-down. The Iranian society tends to back the changes more than the authorities do, which it its turn highlights a certain outcome of the social modernization processes over the past decades.

Keywords: Iran, modernization, social policy, Islamic regime, human development index, gender inequality

Модернизация как процесс обновления характерна как для общества в целом, так и для отдельных его составляющих. Конечно, социальная модернизация общества в широком смысле слова вклю-

Мамедова Нина Михайловна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, доцент МГИМО. ORCID: 0000-0002-4571-8206.

чает в себя модернизацию всех надстроечных отношений, включая модернизацию политических, юридических, правовых и даже этических отношений. В данной статье речь идет о социальной модернизации в более узком смысле, который касается главным образом уровня жизни основной массы населения и проблем неравенства в иранском обществе.

Каждая из стран проходит свой путь модернизации. Представляется, что чем древнее цивилизация, тем ей сложнее обновлять свои сложившиеся веками традиции в разных сферах жизни. Иран относится к таким древним цивилизациям, и его путь к модернизации даже в Новое и Новейшее время был тернист и очень своеобразен.

Исторические этапы модернизации

При Каджарах, как и в большинстве восточных стран в XIX – начале XX в., модернизация в Иране в основном сводилась к насаждению европейских норм хозяйствования. Эти нормы касались главным образом создания предприятий по типу европейских. Правовой основой их создания стали концессионные договоры, но в работе этих предприятий участие принимали жители Ирана, участвуя в капитале, знакомясь с новыми технологиями, новыми трудовыми отношениями. Этот этап модернизации не мог не затронуть и традиционных предпринимателей. Даже такая средневековая форма организации производства и торговли, как синфы, была включена в процесс модернизации. Эти изменения в экономике проявились и в других сферах жизни – бытовой, культурной. Примером может служить появление портретной живописи вопреки исламским запретам на изображение людей, развитие фотографии, первых просмотров кинофильмов.

Для социальной модернизации наиболее значимыми стимулами являются сдвиги в системе образования. Если в середине XIX в. было открыто только одно заведение светского типа – военное училище «Дарольфонун», – то уже с конца XIX в. в стране стали появляться общеобразовательные и высшие учебные заведения светского типа. Конечно, такими первыми школами были школы иностранных миссий, но в них могли учиться и иранские дети. При

помощи Бомбейского общества парсов стали открываться школы для зороастрийцев, в которых преобладали светские дисциплины. При Каджарах возник парламент, один из первых на Востоке, который стал регулировать и социальные процессы. Однако хотя парламент еще в 1911 г. принял закон об обязательном начальном образовании, школы продолжали находиться под сильным контролем духовенства.

Следующим этапом социально-экономической модернизации стал период правления Реза-шаха Пехлеви. Пришедший на смену Каджарам Реза-шах, как и Ататюрк в Турции, взял четкий курс на светский путь развития, а секуляризация – это один из признаков модернизации. Надо отметить, что при Реза-шахе модернизация носила очень своеобразный характер: преимущественно без иностранного капитала, но путем привнесения в экономику европейских форм хозяйствования уже отечественными предпринимателями. Именно тогда произошла наиболее крутая ломка по сравнению с предыдущими периодами социальных институтов, и она касалась главным образом внедрения светских норм в области права, образования, здравоохранения, культуры, даже одежды. После 1928 г. была создана, например, единая государственная система общеобразовательных школ и введено преподавание на основе французских учебников¹.

После Второй мировой войны происходит борьба двух тенденций – и вновь обращение к вестернизации, главным образом к широкому использованию иностранного капитала, и к упрочению позиций национального капитала. Но поражение М. Мосаддека привело к победе первого тренда. Он проявился прежде всего в технико-экономическом аспекте, что позволило обеспечить чрезвычайно высокие темпы экономического роста. Для этого нужно было не только закупать новейшее оборудование и технологии, но нужно было готовить и людей, чтобы работать на этих предприятиях и участвовать в потреблении современных услуг.

В период «белой революции» были приняты достаточно прогрессивные законы о труде, о социальном обеспечении, даже об участии рабочих в прибылях, об обязательном не только начальном, но и среднем образовании, начала реализовываться Программа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, расширялась сеть государ-

ственного здравоохранения, особенно в связи с принятием законов об обязательном медицинском страховании. При этом была не только продолжена, но и усилена политика по ограничению роли духовенства в жизни иранского общества. Были созданы различные «Корпуса» из новобранцев, осуществлявших социальные функции на селе и в малых городах – Корпуса здравоохранения, просвещения, благоустройства и т. п., вплоть до Корпуса веры, взявшего на себя функции духовенства в решении ряда правовых вопросов.

Реформы «белой революции» объективно были прогрессивными, но они носили в основном технико-экономический характер, меньшей их составляющей была социальная модернизация, и в самой меньшей степени – политическая модернизация. Но без этих последних двух составляющих нарастало расслоение общества. И вот это несоответствие и стало главной причиной исламской революции.

Общие тенденции социальных изменений после исламской революции

К концу 1970-х гг. иранское общество было разделено на элитарную часть, представленную в основном вестернизированными слоями, приближенными к шахскому двору, и традиционную часть, к которой относились не только представители низших и средних слоев населения, но и духовенство. Не только традиционное предпринимательство, но и современный бизнес, в основном малый и средний, которому перекрыли пути развития крупные монопольные объединения, тесно связанные с иностранным капиталом, воспринимали шахский режим как компрадорский, зависимый от Запада². Это объясняло характер первых мероприятий новой власти, направленных не только против иностранного капитала, но и социальных и культурных структур, созданных по западным образцам и объективно улучшавших социальное положение населения.

Само создание нового типа государства во главе с духовенством, провозгласившего приоритет религиозных принципов над светскими, показывает, сколь тернист путь модернизации в восточных обществах. Исламская революция показала, что в конце XX в. тип модернизации как вестернизация потерпел крах. Но как с точки

зрения модернизации можно рассматривать саму исламскую революцию? Ведь была ликвидирована тысячелетняя монархия. Является ли это элементом политической модернизации? Казалось бы, да. Но уже после принятия новой конституции стало ясно, что параметры нового государства никак не вписываются в понятие модернизации даже в политическом смысле слова, так как объем прав лидера нового государственного устройства – рахбара – ничуть не уступал шахским. Рахбар стал не только религиозным, но и светским главой государства, даже главнокомандующим. Конституционный переход всех сторон жизни общества на религиозные основы также противоречил общепринятым принципам модернизации, в том числе социальной. Даже был восстановлен, казалось бы, канувший в средневековые институт временного брака – сиге. Были внесены жесткие нормы в ношение одежды, даже мужской (запрет на ношение галстуков, рубашек с отложным воротником), в культуру, даже в спорт. В первые годы после революции были, например, запрещены шахматы, игра на скрипке. Распущены были все Корпуса, выполнявшие на селе социальные функции, была закрыта даже шахская Программа по ликвидации безграмотности, которая никак не противоречила исламским принципам. При этом висели портреты Хомейни, портреты шахидов революции и войны с Ираком (вопреки кораническим запретам на изображение лиц).

Однако процесс модернизации даже в рамках этого нового типа государства, основанного на религиозных принципах, не остановился. Наиболее знаковыми символами технико-экономической модернизации стали и развитие атомной энергетики, и космической промышленности, металлургии на основе новейших технологий и т. п.

Если технико-экономические аспекты модернизации более легко поддаются измерению, то сложнее с показателями социальной модернизации. Она включает в себя такие крайне сложно поддающиеся оценке процессы, как эволюция менталитета, отношение к труду, к государственной власти, к иным религиозным и этническим группам, к положению женщин в социуме, в семье, отношение к собственности и т. п.

Рассмотрим некоторые сдвиги в социальной эволюции за чуть более 40 лет исламского правления.

Изменения в отношении к собственности

Если в первое десятилетие существования исламского режима делался акцент на обобществление, на передачу наиболее современных компаний в руки государства и духовенства (путем создания исламских фондов, поощрения создания и деятельности вакфов), то уже со второго десятилетия XXI в. был взят курс на передачу собственности населению, в том числе путем продажи акций государственных компаний, а также исламских акций «сукук» (или облигаций) – через Тегеранскую биржу и внебиржевой рынок – через Фарабурс. Стало очевидным, что законодательный перевод всех банков и страховых компаний в статус государственных крайне ослабил финансовую систему страны. Уже при правительстве М. Ахмадинежада при согласии рахбара была принята программа по передаче 80% государственной собственности населению. Стали создаваться не только частные банки, но и осуществляться приватизация государственных банков через Тегеранскую биржу, хотя исламские формы кредитования были сохранены. Приватизация путем продажи «сукук» наибольшее распространение получила в период деятельности правительства Х. Роухани после введения санкций администрацией Д. Трампа, чтобы пополнить доходную часть бюджета. И хотя в целом эту программу можно рассматривать как ведущую к расширению числа собственников, к доступу к собственности населения, но, как представляется, этот процесс не прямолинеен, так как часть облигаций типа «сукук» может оказаться в руках квазичастных организаций. Поэтому нельзя исключать того, что в результате пандемии и санкций доля государства в экономике увеличится. По оценкам экспертов Всемирного банка, доля частного сектора только в потреблении ВВП с 40,8% в 2019/20 г. может сократиться в 2020/21 г. на 2,0–5,5,3%³.

Обеспечение населения базовыми услугами

Надо отметить, что все население страны в настоящее время имеет доступ к базовым услугам – на 100% к электроэнергии (вместо 43% до революции), на 92% – к чистой питьевой воде (вместо 33%)⁴. Газифицированы все города и 85% всех домов в деревнях. Данные ПРООН позволяют проследить эти показатели социального обеспечения населения в динамике.

Таблица 1

Показатели обеспечения населения базовыми услугами

	2000–2008 гг.	2018–2019 гг.
Продолжительность жизни, лет	73,0	76,5
Доступ к электроэнергии, % населения	98,4	100,0
Доступ к чистой питьевой воде	58,0	92,0
Охват населения мобильной связью	59,6	108,5
Доступ к Интернету	15,9	70,0
Распространенность недоедания, %	5,8	4,7
Доля расходов на образование, % от ВВП	4,8	5,0
Доля расходов на здравоохранение	3,0	8,7

Источник: ПРООН. Доклад о развитии человека 2010; UNDP. The 2020 Human Development Report; World Bank Indicators 2020.

Как видно из Таблицы 1, только за одно последнее десятилетие произошли заметные сдвиги в улучшении обеспечения населения услугами, которые непосредственно связаны с их социальным положением. Улучшилось снабжение продовольствием, питьевой водой, электроэнергией. В результате только за одно десятилетие средняя продолжительность жизни увеличилась на 3,5 года (мы не брали в расчет военные и послевоенные годы с повышенной смертностью от военных ран). Если в 1990 г. охват населения мобильной связью составлял 0%, в 2000 г. – всего 1,5%, то в 2019 г. на каждые 100 человек приходилось 142,4 мобильных телефона. Данные пользователями Интернетом очень разные. В 1990 г. индивидуальных пользователей в Иране не было, в 2000 г., когда Интернет был разрешен, число пользователей составляло всего 0,9% от населения⁵. И несмотря на то что в Иране до настоящего времени Интернет строго контролируется, периодически отключается, особенно во время массовых беспорядков и оппозиционных выступлений, он получает все большее распространение. В Иране компьютерами оснащены не только городские школы разного уровня, но и все сельские школы. Уже в 2008 г. на каждые 100 человек приходилось 10,4 персональных ком-

пьютера⁶. Стало меняться и отношение к бытовым запретам (кроме обязательного покрытия головы), развивается музыкальное искусство, кино, театры. Очень ограничено используется институт временного брака. Например, его запрещено применять сотрудникам администрации рахбара Али Хаменеи. Традиционные формы поддержки стариков, инвалидов, больных, нетрудоспособных членов семьи стали все заметнее сменяться социальной поддержкой государственных организаций, типичной для XXI в.⁷ и религиозных фондов.

Показатели социальной модернизации

Некоторые из уже разработанных международных критериев также можно использовать для определения того, как идут процессы социальной модернизации, как реализуется одна из главных целей революции – «адалят», или справедливость, в распределении доходов, в доступе к общественным благам.

Одним из таких показателей может служить Индекс человеческого развития (ИЧР), дающий представление об уровне жизненного уровня, здоровья, доступа к образованию. Иран по этому индексу в настоящее время входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития.

Посмотрим на эволюцию этого индекса со времени развития страны после войны с Ираком.

Таблица 2

Тенденции Индекса человеческого развития Ирана

1990–2013 гг.	ИЧР	2015–2019 гг.	ИЧР
1990 г.	0,536	2015 г.	0,789
2000 г.	0,619	2016 г.	0,799
2005 г.	0,660	2017 г.	0,799
2010 г.	0,702	2018 г.	0,798
2013 г.	0,785	2019 г.	0,783

Источник: составлено по данным «Human Development Report» (за соответствующие годы).

Постепенно Иран из группы стран с низким уровнем ИЧР к 1990 г. перешел в группу стран со средним уровнем, а в 2010 г. – с высоким уровнем ИЧР. Среднегодовой прирост индекса с 1990 по 2018 г. составил 1,17%, в том числе за 1990–2000 гг. – 1,53%, за 2000–2010 гг. – 1,2%, за 2010–2018 гг. – 0,68%. Наиболее высокий рост индекса ИЧР пришелся на период, когда у власти находились реформаторские силы и еще не сформировался санкционный режим. Однако непрерывный рост индекса прервался в 2018 г. и особенно в 2019 г., что оказалось напрямую связано с уменьшением размеров ВВП и ВНД на душу населения. Это явилось отражением негативного влияния санкций, введенных администрацией Д. Трампа в отношении Ирана. В результате рейтинг страны понизился с 63-го места в 2017 г. до 65-го в 2018 г. Расчет индекса ИЧР постоянно усложняется. Уже после 2010 г. индекс стал рассчитываться по 4 показателям.

В 2019 г. индекс ИЧР Ирана 0.783 складывался из показателей, непосредственно отражающих уровень социальной поддержки населения: 1) ожидаемая продолжительность жизни – 76,7 лет; 2) ожидаемая продолжительность обучения – 14,8 лет; 3) средняя продолжительность обучения – 10,3 лет; 4) ВНД на душу населения (долл. по ППС) – 12447⁸.

Одним из главных сдвигов в социальной модернизации, произошедших за время исламского режима, по праву можно считать рост грамотности населения, повышение уровня подготовки рабочей силы, расширение сети высших учебных заведений. Только за пять лет – с 2011/12 г. по 2016/17 г. уровень грамотности населения свыше 5 лет повысился с 84,8 до 87,6%. При этом основной прирост грамотности был обусловлен повышением грамотности среди женщин (с 81,1 до 84,2%), т.е. на 3,1 пункта, в то время как грамотность мужчин увеличилась на 2,6 пункта (с 88,4 до 91,0%).

Однако, несмотря на положительные сдвиги в повышении уровня грамотности иранского населения, некоторые провинции, особенно сельские районы, сильно отставали от общестранового уровня. И это, как правило, провинции с преобладанием национальных меньшинств, наиболее отстающие по уровню жизненного уровня (табл. 3).

Таблица 3

**Уровень грамотности
в наиболее отсталых провинциях Ирана, %**

	Общий уровень грамотности	В том числе среди мужчин	В том числе среди женщин
Систан и Белуджистан	76,0	81,2	70,8
Курдистан	81,5	87,8	83,2
Лурестан	83,0	87,2	78,6
Кухгилуйе и Бойерахмад	84,4	89,2	79,4
Керманшах	84,5	89,4	79,6
Чахармахал и Бахтиария	84,7	89,5	79,7
Хузестан	86,3	90,0	82,5

Источник: Iran Statistical Yearbook 1397 (2018/19). P. 650–651.

Численность обучающихся в дошкольных и школьных заведениях в 2019/20 г. составила 15,5 млн или около 19% всего населения. Только в вузы в этом году было принято на обучение почти 820 тыс. студентов (426 тыс. мужчин, 394 тыс. женщин)⁹.

Диверсифицирована и система здравоохранения. Число государственных и частных больниц и клиник только с 2014/15 г. по 2018/19 г. увеличилось с 895 (число мест – 145 тыс.) до 1016 (166,5 тыс. мест)¹⁰.

Если первые три показателя Индекса человеческого развития имеют постоянный тренд к росту, то наиболее уязвимым для индекса ИЧР Ирана является размер национального дохода на душу населения.

Несомненно, что этот показатель, отражающий уровень жизни, отражает в значительной мере и тенденции социальной модернизации общества, и колебания этого показателя сказываются и на материальном положении иранцев, и на их политических предпочтениях. Так, например, резкое уменьшение размера ВВП на душу населения в 2012–2013 гг. (с 14 тыс. долл. в 2011 г. до 12,6 тыс. долл. в 2013 г., т. е. почти на 10%) стало одной из причин предпочтения кандидатов реформаторско-центристского блока во время выборов президента в 2013 г. Снижение подушевого дохода в 2018–2020 гг. более

чем на 14% уже привело (в результате выборов в меджлис в 2020 г.) во власть консерваторов и усиливало их позиции во время президентских выборов 2021 г.

Проблема неравенства

Для характеристики социальной ситуации чрезвычайно важной является проблема неравенства. Анализ составных частей индекса ИЧР показывает, что в Иране наибольшие права население имеет в доступе к образованию, меньше – к здравоохранению и качеству питания, а самый высокий уровень социального неравенства наблюдается в доходах.

По состоянию на 2019 г. показатели социального неравенства были следующими¹¹:

Общий коэффициент неравенства людей – 11,3%, в том числе:

- 1) неравенство в продолжительности жизни – 9,2%;
- 2) неравенство в образовании – 5,0%;
- 3) неравенство в доходах – 19,7%.

Неравенство в доходах достаточно полно отражает коэффициент Джини, который за 2010–2018 гг. составил 40,8%. Накануне исламской революции в 1976–1977 гг. он превысил 50%, но затем снизился до 40%. На протяжении сорока с лишним лет, несмотря на провозглашенные цели революции о создании благоприятных условий для развития человека и помощь, оказываемую населению государством и религиозными фондами, индекс оставался в пределах 40%, временами снижаясь до 37% (в 2014 г.), временами повышаясь до 43% (2001 г.). В этой связи нельзя не согласиться с мнением иранского ученого С.А. Мирмусави, что в Иране «уровень неравенства оказался достаточно устойчивым и на него не оказали решающего воздействия ни революция, ни политические изменения в течение 40 лет»¹².

В 2010–2018 гг. на долю 40% беднейших слоев населения приходилось всего 16,2% всех доходов, а на долю 10% богатых слоев почти в два раза больше – 31,3%. Но даже и среди этой децили наиболее богатого населения тоже наблюдается высокий уровень неравенства – только 1% этой группы аккумулирует в своих руках 18,3% всех доходов страны¹³.

Поэтому, хотя средний уровень объема ВВП на душу населения благодаря нефтяным доходам был достаточно высоким, значительная часть населения этим уровнем жизни не была удовлетворена. Даже накануне санкционного режима в 2006–2009 гг., согласно социальным опросам, степень удовлетворенности населения уровнем жизни составляла всего 55%. Надежды на рост благосостояния, которые появились после прихода к власти Х. Роухани и заключения в 2015 г. Совместного Плана Действий (СВПД), не оправдались из-за жестких санкций администрации Д. Трампа. Они продолжают действовать до сих пор, несмотря на смену администрации США. С 2018 г. в Иране стал снижаться ВВП (до минусовых показателей), что при сохраняющемся положительном росте населения (до 1,4% в 2018 г.) привело к сокращению подушевого дохода. Наиболее значительным было снижение динамики ВВП в Западном Азербайджане, Курдистане, Систане и Белуджистане, Южном Хорасане и других национальных провинциях, в которых объем ВВП на душу населения был ниже среднего по стране. Уровень бедности в 2018 г. (менее 5,5 долл. в день по ППС) был самым высоким в Систане и Белуджистане, а также в Йезде и Кермане, – до 33% в 2018 г., до 11% – в Южном Хорасане, Северном Хорасане и Хорасане-Раззави, до 9% – 10% – в провинциях Семнан, Голестан, Кухгилуйе и Бойерахмад. Хотя исламскому режиму удалось решить проблему крайней бедности (ниже 1,9 долл. по ППС в день), а уровень бедности (из расчета дохода в 5,5 долл. в день – по потреблению) снизился в 2017/18 г. до 8,9% (в 2016/17 г. он составлял 9,8%), в результате введенных в 2018 г. санкций уровень бедности уже в 2018/19 г. поднялся до 10,7%. Рассчитанный по доходам, уровень бедности в 2016/17 г. составлял 14,9%, в 2017/18 г. снизился до 13,2%, а в 2018/19 г. поднялся до 15,7%, а по отдельным группам населения – даже до 16,4%. При этом уровень бедности в сельских районах в целом был в три раза выше, чем в городах. В городах он составлял в 2018 г. 7%, а среди сельского населения – 22%¹⁴.

Но проблема с голодом остается практически решенной. Согласно ежегодному Global Hunger Index 2020, если в 2000 г. Иран по этому индексу имел рейтинг в 13,5, то в 2020 г. он снизился до 7,9. По темпам сокращения доли недоедающего населения Иран является одним из мировых лидеров. Недоедает примерно 5% насе-

ния страны, около 7% детей в возрасте до 5 лет имеют задержку роста и примерно 5% страдают от дистрофии, которые тесно связаны с недоеданием¹⁵. При этом абсолютно искоренен детский труд (до 14 лет).

Негативные явления, связанные с влиянием санкций, в 2020 г. были усилены пандемией, которая затронула Иран, начиная с февраля 2020 г. Крайне осложнилась ситуация в области образования и особенно здравоохранения, которые потребовали новых капиталовложений на дополнительное оборудование больниц и школ (в связи с переходом на удаленное преподавание).

Дополнительных затрат потребовал перевод ряда предприятий на производство медицинских масок, дезинфицирующих средств, больничных кроватей, тест-систем на основе собственных разработок. Созданный к этому времени потенциал базовых услуг позволил обеспечить 90%-ный охват населения медицинской помощью, медицинским консультированием по Интернету. В результате увеличился внутренний государственный долг, так как правительство было вынуждено обращаться за кредитами к банкам. Особенно острую нехватку средств испытывает в настоящее время Организация социального обеспечения. Только для поддержки от пандемии малообеспеченных семей в 2020 г. требовалось минимум 5 млрд долл. Кроме того, была разработана программа помощи (почти в таком же объеме) предприятиям малого и среднего бизнеса (с числом занятых до 50 человек). Согласно данным опросов, проведенных только в апреле в Тегеране, почти 65% жителей заявили, что им требуется помощь из-за пандемии. Больше всего сократился жизненный уровень горожан, что показали опросы летом 2020 г.¹⁶

Проблема гендерного неравенства

Для исламских стран острой проблемой является проблема женского неравенства, отражающая процесс социальной модернизации. Для Ирана как страны, политика которой строится на исламских принципах, эта проблема является особенно актуальной. Используем для анализа индекс гендерного неравенства, в котором наименьший индекс означает и меньший уровень неравенства.

Таблица 4

Индекс гендерного неравенства в Иране на 2010–2018 гг.

	2010	2018
Индекс	0,674	0,492
Доля мест женщин в меджлисе	2,8	5,9
Доля женщин свыше 25 лет, имеющих среднее и высшее образование	39,0	67,4
Доля мужчин свыше 25 лет, имеющих среднее и высшее образование	57,2	72,0
Коэффициент экономической активности женщин	32,5	16,8
Коэффициент экономической активности мужчин	73,1	71,2

Источник: Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. UNDP (ПРООН). С. 331.

В 11-м меджлисе, избранном в 2020 г., число женщин-депутатов составило 16, т. е. доля мест женщин в меджлисе повысилась до 6,2%. При этом нужно учитывать, что большинство депутатов относятся к консервативному лагерю. Особенно впечатляющим выглядит рост образования среди женщин.

В кризисный 2018 г. общая экономическая активность сократилась за счет женщин, что отчетливо указывает на углубление неравенства при ухудшении социально-экономических условий.

Заключение

Наиболее заметной в период исламской государственности стала именно социальная модернизация. В экономике режим фактически восстанавливал ту структуру, которая была создана в шахский период. Кардинально снизить зависимость иранской экономики от нефтяных доходов, поставок комплектующих деталей для промышленности и для новых видов связи не удалось. Экономическая и финансовая структура оказалась не готовой к жесткому санкционному давлению извне. В политической модернизации сдвиги в определенной степени проявились в создании партий, в выборной системе, особенно при выборах в муниципальные органы власти. Но по индексу демократии (The Economist intelligence Unit's Democracy Index 2020) в 2018 г., когда у власти находилось правитель-

ство даже центристско-реформаторской ориентации, Иран занимал одно из последних мест в мире – 150-е – с индексом 2,45, который относит его к государствам с авторитарным типом власти. Показателем, оказавшим наибольшее негативное влияние на индекс, стала выборная система из-за жесткого контроля Наблюдательного Совета над отбором кандидатов при выборах президента, парламента и в Совет экспертов, выбирающий лидера страны. Сопоставление изменений, которые проявились со времени образования исламской республики, приводит к выводу, что наибольшие модернизационные изменения произошли в постепенном расширении участия населения в экономической жизни, в повышении уровня жизни, в росте охвата населения социальными услугами, в расширении участия женщин в общественной и экономической жизни.

Однако нельзя и преувеличивать степень социальной модернизации. Закрытость деятельности руководимых духовенством организаций, практика налоговых льгот, предоставляемых в первую очередь организациям духовенства и КСИР, порождают коррупцию, увеличивают «теневую экономику», в которой сложно поддерживать обеспечение социальной справедливости, сдерживают демократические тенденции общественного развития. Например, по индексу восприятия коррупции в 2014 г. Иран был на 136-м месте, а в 2019 г. – уже на 150-м месте. Хотя в Иране уровень «теневой экономики» низок по сравнению с другими странами Востока, но и он поднялся с 16,01% в 2004 г. до 18,38% в 2015 г.¹⁷ Высокий уровень инфляции (в 2020 г. – до 40%), безработицы, особенно в депрессивных провинциях, которые являются наиболее социально нестабильными. Но это главным образом – результаты санкций и пандемии 2020–2021 гг., а не социальной политики.

В прошлом в развивающихся обществах, в том числе в Иране, реформы чаще всего проводились «сверху», а широкие слои не были к ним готовы. В Иране в настоящее время, как представляется, ситуация кардинально изменилась: общество больше настроено на перемены, чем властные структуры, и это – своеобразный итог именно социальной модернизации. При этом часть политической элиты, учитывая настроение общества, сотрясаемое протестными выступлениями, а также влияние светских ценностей современного мира, готова идти навстречу реформам – и экономическим, и социальным,

и даже политическим. Другая часть элиты, особенно религиозной и военной, используя антизападный настрой населения из-за санкций и убийств известных в Иране лиц, стремится затормозить модернизационные процессы, но главным образом касающиеся политической модернизации.

¹ Образовательное законодательство и образовательные системы зарубежных стран. Центр публично-правовых исследований. М.: Akademia. 2007. С. 386–387.

² Keddie N.R. *Modern Iran: Roots and Results of Revolution*. Yale University Press, 2006. P. 170–171.

³ *Iran Economic Monitor. Mitigation and Adaptation to Sanctions and the Pandemic*. WB. Spring 2020. P. 10.

⁴ *Human Development Report*. 2020. P. 370.

⁵ *World Development Indicators database*. 2020.

⁶ Доклад о развитии человека 2010. С. 212.

⁷ Hegland M.E., Sarraf Z., Shahbazi M. *Modernisation and Social Change. The Impact on Iranian Elderly Social Networks and Care Systems*. – *Anthropology of the Middle East*. Vol. 2, № 2, Winter 2007. P. 55–73. URL: <http://www.research.gate.net.23666> (дата обращения: 10.11.2020).

⁸ *Human Development Report 2020. The next frontier Human development and the Anthropocene*. UNDP. P. 344. (доход на душу населения дан на 2017 г.).

⁹ *Iran Statistical Yearbook 1397 (2018/19)*. P. 656, 680.

¹⁰ *Ibid*. P. 712.

¹¹ *Human Development Report 2020. The next frontier Human development and the Anthropocene*. UNDP. P. 352. Коэффициент неравенства людей исчислен с использованием индекса социального неравенства Аткинсона и представляет собой не взвешенное среднее от неравенств по трем измерениям.

¹² 40 лет Исламской республике Иран. М.: ИВРАН. 2020. С. 297.

¹³ *Human Development Report 2020. The next frontier Human development and the Anthropocene*. UNDP. P. 352.

¹⁴ *Iran Economic Monitor. Mitigation and Adaptation to Sanctions and the Pandemic*. World Bank. Spring 2020. P. 23–24.

¹⁵ 2020 *Global Hunger Index*. URL: <https://www.globalhungerindex.org/ranking.html> (дата обращения: 4.03.2021).

¹⁶ Дунаева Е.В., Мамедова Н.М. Иран в 2020 году – под гнетом санкций и пандемии // *Восток(Orience)*. 2020. № 6. С. 129–140.

¹⁷ *IMF Working Paper. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years?* IMF. January 2018. P. 52.

К вопросу об эволюции исламской буржуазии Турции в период правления Партии справедливости и развития

Резюме. В качестве одного из факторов устойчивости власти правящей в Турции с 2002 г. Партии справедливости и развития рассматривается ее целенаправленная политика по поддержке и усилению позиций лояльной (исламской) части национальной буржуазии. Имея первоначально статус преимущественно средней и мелкой, она постепенно занимает более уверенные позиции в группе наиболее крупных турецких компаний, обеспечивая власти не только политическую, но и финансово-экономическую опору. Процесс эволюции размерного статуса лояльной (исламской) буржуазии подтвержден количественными оценками.

Ключевые слова: Турция, Партия справедливости и развития, исламская буржуазия, МЮСИАД, ТЮСИАД

Summary. The Pro-Islamic Justice and Development Party (AKP), which has been ruling in Turkey since 2002, represents the interests of a significant part of Turkish society that has long been in implicit opposition to the secular reforms of the Republican period. The AKP came to power as a party of small and medium-sized Anatolian entrepreneurs. The AKP has been worked actively to create a «new» big capital loyal to the new government through privatization and transfer of state orders to closely connected with AKP companies on preferential terms.

Some statistical assessments on identifying the positions of so called Islamic business in the midst of the largest Turkish companies have allowed us to recognize that the policy of nurturing, or rather, growing to a bigger loyal to ruling AKP business is yielding results.

Keywords: Turkey, Justice and Development Party, Islamic bourgeoisie, MUSIAD, TUSIAD

По признанию большинства исследователей, правящая в Турции с 2002 г. происламская Партия справедливости и развития (ПСР) представляет интересы той значительной части турецкого общества, которая длительное время пребывала в скрытой оппозиции к свет-

Ульянов Наталья Юрьевна – д.э.н., ведущий научный сотрудник ЦИС БСВ, зав. кафедрой ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-0078-1199.

ским реформам республиканского периода. Таким образом, с приходом к власти ПСР наступил момента реванша для консервативной части общества и определенного ослабления позиций республиканцев-модернизаторов. Но разделение турецкого общества на две приблизительно равные по численности группы создает не столько баланс устойчивости, сколько поддерживает возможность обратного перехода власти к настроенным более светски политическим силам. Тем не менее бессменное правление ПСР длится уже более 15 лет. Следовательно, можно предположить, что феномен политического долгожительства партии опирается на определенные механизмы обеспечения устойчивости. Как представляется, важнейшим из них является разделение общества на противников и сторонников ПСР не столько по границам определенных социальных страт, сколько внутри каждой из них, таким образом, что в ПСР имеет значительную опору практически в каждой существующей социальной группе, что и обеспечивает устойчивость конструкции. В пользу того, что механизм политического конструкта, поддерживающий власть ПСР, установлен, скорее всего, верно свидетельствует активно протекающий процесс создания лояльной ПСР крупной национальной буржуазии. Альянс власти и поддерживаемых ею крупных предпринимателей традиционно является одним из важнейших элементов экономического и политического устройства турецкого общества на протяжении послевоенной истории республиканской Турции. По замечанию турецких исследователей А. Бугры и О. Савашкана, политически поддерживаемое накопление капитала представляет собой существенный аспект развития частного сектора в Турции в XX в.¹ Между тем для ПСР на начальном этапе правления подобный альянс с крупной национальной буржуазией не складывался.

ПСР пришла к власти как партия мелких и средних анатолийских предпринимателей консервативного *происламского* толка. Турецкий исследователь И. Сафи собрал интереснейшие данные, иллюстрирующие «социально-экономический профиль» членов ПСР – происхождение, основные вехи биографии и сегодняшний статус². Он проанализировал данные анкет, заполненных депутатами парламента от ПСР (речь, очевидно, идет о том составе депутатов, которые вошли в парламент после первой победы ПСР в 2002 г.), а также главами администраций илей и муниципалитетов от ПСР. Итак, 92%

принявших участие в анкетировании имели высшее образование³. Однако среди поколения отцов опрошенных членов ПСР лишь 3% имели высшее образование, тогда как основная часть получила только начальное образование (63%), 17% – среднее образование (профессиональное или полное), 11% были грамотны, но нигде не обучались, 6% – не умели читать и писать. Картина становится еще более убедительной при анализе образовательного статуса матерей элиты ПСР. Среди них не нашлось женщин с высшим образованием, зато на выпускниц начальной школы пришлось 50% исследованной совокупности, на выпускниц средней школы – 6%, грамотными, но не обучавшимися где-либо, оказались 13%, не владевшими грамотой – 31%⁴. Статус высшего образования как обретенного действующей элитой ПСР впервые в семейном опыте поколений ее представителей подтверждается не только более низким образовательным уровнем родителей, но и сравнительно невысоким образовательным цензом для супругов: только четверть являлись обладательницами университетского диплома, практически столько же – 24% – получили лишь начальное образование, основная масса – свыше 50% – получила среднее или среднее специальное образование, весьма незначительной была доля не получивших образование вовсе. И. Сафи удачно резюмирует итоги анкетного обследования: «Среднеобразованные жены представителей и руководителей ПСР являются своего рода связующим звеном между своими мужьями, которые получили высшее образование, и их малообразованными родителями»⁵.

Еще более интересны данные по профессиональному составу членов ПСР и их близких родственников. Наиболее высокой оказалась доля бизнесменов (27%) и адвокатов (18%), далее по убывающей следовали учителя, государственные служащие, ученые, дантисты, инженеры и пр. Полностью отсутствовали лица рабочих специальностей. Весьма низкой оказалась доля фермеров (крестьян) – 2%. Что касается рода занятий отцов членов ПСР, участвовавших в анкетировании, то наиболее высоким был как раз удельный вес занятых в сельском хозяйстве (фермеры-крестьяне) – 30%, вторая по численности группа – 24% – отнесли себя к ремесленникам, 12% – к рабочим, более высокой оказалась доля торговцев (12% против 5%), в качестве бизнесменов себя определили лишь 2% опрошенных. Что касается матерей, то абсолютно доминировали домохозяйки – 99%⁶.

Итак, на уровне поколения сыновей (действующих членов ПСР) можно говорить, во-первых, о выходе на более высокий уровень «качества» предпринимательской деятельности посредством ее ухода от традиционной архаичной формы ремесленного производства и мелкой торговли. Тем не менее, предпринимательство находится/находилось в фокусе внимания обоих поколений. Поколение сыновей, по всей видимости, совершило переход к более современным и высокоорганизованным формам предпринимательства, но поскольку он произошел совсем недавно, то пока категориально речь идет в основном о переходе к малому, в лучшем случае, среднему бизнесу в его сегодняшнем понимании. Во-вторых, поколение сыновей смогло оторваться от «рабоче-крестьянских» корней посредством получения, как правило, высшего образования и перемещения в такие специальности, как юриспруденция, медицина, наука, инженерное дело и проч.

Между тем на уровне жен лидеров новой партии власти эволюционные изменения происходят гораздо медленнее: статус домохозяйек сохраняли 83%, среди работающих наиболее популярным было учительствование – 9%⁷.

Часть вопросов анкеты касалась религиозности членов ПСР и использования в повседневной жизни ее внешних атрибутов. На вопрос «Считаете ли Вы себя религиозным человеком» утвердительно ответили 76% опрошенных, 23% заявили о своей частичной религиозности, лишь 1% опрошенных выбрали ответ «Нет». Покрывали голову мусульманским платком 99% матерей и 85% жен опрошенных членов Партии. Несколько иная ситуация среди взрослых дочерей опрошенных: 56% носят платок⁸.

Итак, для религиозно-консервативной части турецкого общества приход к власти ПСР – знак того, что после десятилетий республиканского развития она наконец нашла пути и способы усиления своего социально-экономического веса и получила возможность обрести влияние на ход развития страны. Поэтому для этой части турецкого общества политическая повестка весьма актуальна, а приход к власти ПСР наконец позволил обозначить в ней свои интересы.

Комментируя эту постепенную эволюцию, турецкий автор Дж. Ульсивер писал: «Впервые в своей истории Турция столкнулась с независимым предпринимательством, не вскормленным центром,

не зависящим от него и “расцветающим зеленью” (*кавычки авт. – Н.У.*) преимущественно в Анатолии»⁹.

Между тем крупный капитал западной части страны традиционно поддерживал консервативные *светские* (курсив наш) партии, отстаивавшие ранее принятую интерпретацию республиканских ценностей и не скрывал неприятия ПСР в качестве партии власти. Но тесное взаимодействие с крупным национальным капиталом занимало важное место в долгосрочных стратегических планах новой власти. В итоге его удалось обеспечить двумя путями. Во-первых, завоеванием частичной лояльности «старого» крупного капитала. И во-вторых, что более важно, активными усилиями по созданию «нового», своего, для действующей власти крупного капитала.

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать основные направления политики по «выращиванию» крупной национальной буржуазии, лояльной ПСР, привести возможные количественные оценки, с тем чтобы оценить эффективность усилий Партии справедливости и развития по укреплению собственных позиций посредством создания опоры в лице политически заинтересованной в сохранении действующей власти новой крупной консервативной буржуазии.

Поскольку поставленная цель довольно сложна, ее достижение требует определенных категориальных упрощений и принятия связанных с этим ограничивающих условий. А именно, речь идет о том, чтобы отождествить сформировавшуюся в республиканский период до прихода ПСР крупную преимущественно светски настроенную буржуазию с такой бизнес-ассоциацией, как ТЮСИАД, а более мелкую, консервативную (исламскую), интересы которой тесно связаны с ПСР, – с МЮСИАД.

Впрочем, как будет показано ниже, подобная условность имеет достаточную обоснованность.

ТЮСИАД – Союз турецких промышленников и предпринимателей (Türkiye Sanayi ve İşadamları Derneği, TÜSİAD) представляет собой созданную еще в 1971 г. ассоциацию крупных турецких компаний, расположенных преимущественно в западных наиболее развитых районах страны. Она насчитывает 450 компаний-членов, которые обеспечивают 50% национального дохода, производимого частным сектором Турции; 85% объема внешней торговли без учета импорта энерго-

сырья; более 50% официальной занятости, не считая занятых в госсекторе и сельском хозяйстве (при общей численности в 9,5 млн человек на одну компанию приходится свыше 20 тыс. занятых), 80% суммарных поступлений от сбора корпоративного налога¹⁰. По существу, создание ассоциации означало новую ступень институционализации процесса поддержки властью национального крупного бизнеса. Как отмечали Бугра и Савашкан, «создание ТЮСИАД знаменовало наступление эры создаваемой государством буржуазии»¹¹. Альянс власти и крупного бизнеса предопределял и провластную политическую позицию последнего – активную поддержку светских, а впоследствии демократических принципов развития страны в целом и либеральных принципов развития экономики.

Отношения ПСР в качестве партии власти и ТЮСИАД Бугра и Савашкан характеризовали как довольно прохладные, если не сказать конфликтные, что, очевидно, предопределялось несхожестью политических воззрений и принципов. Ассоциация критически оценивала многие решения правительства. Данное обстоятельство, в свою очередь, вызывало острую реакцию Партии и дальнейшую конфронтацию. Так, ТЮСИАД довольно негативно высказался по поводу инициированных правительством ПСР в 2010 г. изменений конституции. Когда в 2012 г. Ассоциация критически прокомментировала предложенную ПСР реформу системы образования, премьер-министр страны (на тот момент – Р.Т. Эрдоган) отреагировал довольно резко, заявив, что «ТЮСИАД следует думать о своем бизнесе». Основная масса разногласий возникала вокруг решений по социальным и экономическим вопросам¹².

Следует отметить, что противостояние между ТЮСИАД и правительством ПСР носило особенно острый характер в те годы, когда пост председателя Ассоциации занимали женщины-предприниматели – Арзухан Доган Ялчин и Умит Бойнер. Их подчеркнута критический настрой был связан, помимо прочего, с беспокойством женщин из разных социальных групп по поводу роста в стране религиозного консерватизма. И кстати, способ, которым правительственные чиновники реагировали на подобную критику, в полной мере находился в русле того нетерпения, которое обычно демонстрируют консервативно настроенные турецкие мужчины в моменты конфронтации с проявляющими феминистский напор женщинами¹³.

Противостояние ТЮСИАД и правительства автоматически трансформировалось в противостояние ТЮСИАД и МЮСИАД. Последняя ассоциация как представлявшая интересы турецких средних и мелких предприятий считала крупный бизнес ТЮСИАД выросшим за счет остальных (читай – за их счет). Часто упоминался тот факт, что члены ТЮСИАД полагались на государственную поддержку и протекционистскую защиту национальной экономики, а их приверженность принципам секуляризма рассматривалась как проявление враждебности культурным ценностям местной провинциальной буржуазии¹⁴.

Тем не менее, как справедливо отмечают Бугра и Савашкан, значение конфронтации или же гармонии в отношениях между правительством и добровольными бизнес-ассоциациями не сводится к возможности влияния ассоциаций на политические решения. Природа этих отношений способна сделать ассоциации более могущественными или, наоборот, снижает их власть и влияние для их членов. Гармоничные отношения с властью позволяют ассоциациям лучше артикулировать и защищать интересы членов. Затянувшийся период конфронтации привел к тому, что более опытные члены ТЮСИАД стали обвинять руководство «в неспособности адаптироваться к меняющимся условиям». Таким образом, дальнейшее нагнетание конфронтации грозило обострением отношений между руководством Ассоциации и ее членами, особенно с учетом того обстоятельства, что их ряды пополнили несколько быстро выросших предпринимателей, тесно аффилированных с правящей партией¹⁵. Эти факторы предопределили начало неизбежного сближения. Период наиболее острого противостояния ТЮСИАД и правительства стал подходить к концу, сменяясь трендом на осторожное развитие сотрудничества. В итоге турецкий исследователь З. Ониш выделил как один из устойчивых элементов политики ПСР признание важности крупного светского бизнеса, представляемого ТЮСИАД, наряду с поддержкой усиления новой анатолийской буржуазии с ее прочными органичными связями с правящей Партией¹⁶.

МЮСИАД – ассоциация независимых промышленников и предпринимателей (Müstakil Sanayici ve İşadamları Derneği, MÜSİAD) была основана в Стамбуле в 1990 г. группой частных предпринимателей, имевших консервативные религиозные убеждения и представляв-

ших в основном мелкий, в лучшем случае – средний, турецкий бизнес. Подобная размерная спецификация остается актуальной для преобладающей массы членов и на сегодняшний день – МЮСИАД насчитывает более 11 тыс. членов, численность занятых на предприятиях фирм-членов составляет 1 млн 600 тыс. человек, при этом среднее число занятых на одном предприятии – 27 человек.

С момента организации МЮСИАД его лидеры делали ставку на использование возможностей ислама как платформы консолидации схожих по убеждениям и взглядам на ведение бизнеса предпринимателей. На первом этапе механизмы взаимной поддержки играли решающую роль в развитии деятельности исламских предпринимателей. МЮСИАД была учреждена на основе принципов безоговорочных отношений, основанных на взаимном доверии, взаимопомощи, взаимовыручке, использования на взаимной основе беспроцентных кредитных схем. В этой связи Бугра и Савашкан справедливо отмечают, что организационная стратегия Ассоциации заключалась в использовании исламских воззрений и специфически интерпретируемой религиозной идентичности в качестве базы для формирования бизнес-сетей¹⁷.

Российский исследователь Н.Г. Киреев также рассматривал МЮСИАД как общество, созданное окрепшим в стране исламским бизнесом¹⁸.

Подобным же образом турецкий исследователь Д. Янкая отождествляет данную Ассоциацию с понятием исламской буржуазии. По ее мнению, исламская буржуазия представляет собой ту часть национальных предпринимательских кругов, выразителем интересов которой является МЮСИАД¹⁹. Бугра и Савашкан отмечают, что возникновение и развитие МЮСИАД шло параллельно с подъемом политического ислама в Турции и что религиозные отсылки в значительной мере присутствуют в формулировках, описывающих организационный дискурс Ассоциации и ее стратегию. Ассоциация отстаивает социально-экономические проекты, принципы которых провозглашаются политическими партиями, признающими центральную роль ислама в турецком обществе и культуре. «В этом смысле МЮСИАД может быть отнесена к ассоциациям, представляющим сторонников политического ислама», – резюмируют Бугра и Савашкан²⁰. Вместе с тем они предостерегают от необоснованно широких обобщений,

которые могут подтолкнуть к ошибочному представлению о том, что вся турецкая провинциальная буржуазия состоит лишь из консервативных мусульман, отличающихся по своим взглядам от крупных стамбульских предпринимателей²¹.

Отношения с МЮСИАД с самого начала выдвижения ПСР в качестве партии власти носили принципиально иной характер. Среди компаний, являющихся членами Ассоциации, есть и те, которые принадлежали семье Абдуллаха Гюля – близкого соратника Эрдогана по первым годам правления ПСР, семье самого Эрдогана и компании, собственниками которых является весьма значительное число парламентариев от ПСР. Партия всегда оставалась тесно инкорпорированной в исламскую часть бизнес-сообщества, встречаясь с членами Ассоциации и участвуя в организуемых ею мероприятиях. В результате Ассоциация получала возможность формулировать свои требования и более эффективно добиваться проведения политики в своих целях. Подобное близкое взаимодействие-сотрудничество стало своего рода основой стиля правления ПСР, в рамках которого оказались размыты границы между интересами бизнеса и политики. «Вместо узкой группы политиков, стремящейся поддержать ограниченный авангард бизнеса, в эру правления ПСР мы стали свидетелями развития, нацеленного на широкий класс турок, сформировавшийся на основе семейных связей, деловых контактов, политических предпочтений, контактов по линии Ассоциации, прошлой совместной деятельности, школьных связей памяти о притеснениях, пережитых в годы, предшествовавшие воцарению у власти происламской ПСР. Вся совокупность этих связей концентрируется вокруг общих понятий об исламской добродетели и поддержке друг друга в поисках индивидуальных путей социального роста. В то время как прежние правительства были слишком автономны по отношению к обществу или же, напротив, слишком слабы, чтобы отвечать на требования отдельных его групп, ПСР удалось найти удачный баланс. Ее отличие от правящих партий прошлого заключается в более широких масштабах взаимодействия с той многочисленной частью бизнес-сообщества, которое не ограничивается его верхушкой»²².

Таким образом, новация ПСР заключалась в открытой нацеленности политики на удовлетворение интересов широкой группы представителей, скорее, среднего и даже мелкого консервативного

бизнеса, лояльного происламской ориентации Партии. Отсюда же и, очевидно, верное определение исламской буржуазии как буржуазии ПСР²³.

Оказавшись без поддержки крупной буржуазии, выпестованной светскими правоцентристскими партиями, которые находились у власти в Турции в предыдущий период времени, ПСР, тем не менее, нашла опору в местной, менее крупной, преимущественно провинциальной буржуазии. Их тесное взаимодействие означало продолжение традиционной для республики политики поддержки властью предпринимательских классов с той разницей, что она неизбежно оказалась менее концентрированной в силу сравнительной многочисленности целевого сегмента.

Тем не менее оставалась актуальной задача по формированию «своей» *крупной* буржуазии, взаимодействие с которой в силу ее финансовых возможностей оказывается для власти в ряде критических случаев более эффективным, нежели сотрудничество с мелкокоразмерными, а потому более многочисленными представителями бизнеса. Связка политических лидеров с лидерами экономики, очевидно, сохраняет стратегическую важность. С другой стороны, первоначальный процесс поддержки властями широких слоев сравнительно мелких предпринимателей естественным образом приводит к выделению лидеров, которые пользуются предоставленными возможностями более эффективно и которые таким образом становятся особенно интересны государственной элите как объект тесного взаимодействия. Таким образом, критически важным в данном процессе становится определение и начало активного использования методов поддержки. В число основных вошли приватизация и передача государственных заказов «партнерским» фирмам через приспособление системы формально независимых тендеров к целям действующей власти.

ПСР с самого начала рассматривала приватизацию как процесс, важный для формирования более рациональной экономической инфраструктуры, направленный на обеспечение роста производительности экономики и недопущения действий государства, нарушающих конкурентную среду. ПСР намеревалась создать возможности «для быстрой и общественно полезной приватизации», для чего начали вноситься соответствующие изменения в законодательство.

Следует отметить, что правление ПСР ознаменовалось беспрецедентным ростом масштабов приватизации, если оценивать ее по размерам доходов от реализации государственной собственности. Так, и в 2005, и 2006 гг. доходы превысили 8 млрд долл., тогда как в период, предшествующий приходу к ПСР власти, максимум выручки от продаж госимущества пришелся на 2000 г. и составил чуть более 2 млрд долл. Турецкие исследователи Б. Есэн и С. Гюмюшчу в работе, опубликованной в 2017 г., приводят данные, согласно которым за период правления ПСР в общей сложности были проданы государственные активы на сумму 62 млрд долл., тогда как за весь предшествующий период турецкой либерализации с 1983 по 2002 г. общая сумма продаж составила 8 млрд долл. Они же не без иронии цитируют официальный интернет-сайт Партии, который сообщает, что 90% объема турецкой приватизации со времени основания Республики – 1923 г. – было осуществлено Партией справедливости и развития²⁴.

Именно в период правления ПСР были приватизированы такие крупные государственные компании, как Türk Telekom (телекоммуникации), TÜRPAŞ (нефтепереработка) и ERDEMİR (черная металлургия).

Что касается механизма использования приватизации в целях укрепления имущественного статуса лояльных предпринимателей, то показателен следующий пример. В 2005 г. государственная текстильная компания Ramuklu Mensucat (г. Маниса) была продана за 3,7 млн долл. консорциуму местных бизнесменов – Группе предпринимательского партнерства Манисы. Акт продажи вызвал активную критику общественности, так как пять месяцев спустя часть компании была продана TESCO-Kira – сети турецко-британских супермаркетов за 13,7 млн долл., в то время как другая часть – датскому ритейлеру Redevko за 46 млн долл. Таким образом, первоначальная продажа компании была осуществлена по заниженной цене, притом что главой компании-покупателя являлся мэр города Манисы от ПСР Бюлент Кар.

Отметим особо, что методы поддержки политических союзников ПСР из числа предпринимателей, использующиеся в ходе процесса приватизации, являются вполне законными, указывая на бреши в турецком законодательстве, но не нарушая его. В итоге, как пишет

Сильверман, «эра ПСР полна примерами того, как члены партии и их семьи конвертируют свои позиции в прибыль, позволяя предположить, что ослабление официальных позиций государства в экономике – приватизация – используется для оказания помощи союзникам партии, а значит, служит усилению неформального контроля партии над рынком»²⁵. Есэн и Гюмюшчу также отмечали, что парадоксальным образом приватизация усиливала не рыночных акторов, а повышала роль правительства в определении направлений накопления капитала²⁶. Схожим образом комментирует содержание процесса приватизации в эру ПСР и турецкий экономист И. Эртугрул. По его мнению, основное направление проводимой ПСР политики приватизации – обеспечение концентрации собственности в руках сторонников партии, благодаря чему происходит накопление исламского капитала²⁷. Правда, он ставит под сомнение эффективность данного способа «взращивания» лояльного правящей партии капитала, так как, по его мнению, ПСР не учитывает того факта, что бизнес переменчив, как хамелеон, и большая часть тех, кто сегодня представляется «зелеными» в силу того, что у власти находится ПСР, изменят свой цвет, как только произойдет смена власти.

Второй важнейший инструмент обеспечения интересов и укрепления лояльной ПСР части предпринимательского класса – государственные закупки.

Приходу к власти правительства Партии справедливости и развития предшествовало два важных институциональных шага в процессе экономических реформ: принятие в 2002 г. Закона о Государственных Закупках и создание Агентства Государственных Закупок (*Kamu İhale Kurumu – KİK*) с целью обеспечения прозрачности процедур государственных закупок и ограничения вмешательства государства, способного помешать свободной конкуренции поставщиков товаров и услуг. Закон также открыл государственные торги для иностранных участников.

Государственные тендеры на участие в строительстве таких инфраструктурных проектов, как мосты, порты, автодороги или железные дороги, всегда обеспечивали возможность получения прибыли для участвующих в их реализации частных компаний. «Поскольку “развитие” – главное в повестке ПСР, каждый избирательный цикл знаменуется своим набором обещанных инфраструктур-

ных проектов – новых дорог, стадионов, мостов, нового доступного жилья. А каждый новый проект требует армии подрядчиков и субподрядчиков. Традиционно строительство этих проектов связано с предоставлением возможностей для вознаграждения политических союзников», – отмечает Р. Сильверман²⁸.

Закон о Государственных Закупках устанавливал довольно жесткие и прозрачные рамки взаимоотношений правительства и деловых кругов в этих областях. С учетом данного обстоятельства характерно, что попытки «противодействия» закону правительство ПСР начало предпринимать сразу же после прихода к власти. Его вступление в действие ожидалось с 1 января 2003 г. Однако в конце 2002 г. правительство попыталось отложить начало его применения на несколько месяцев, как считается, во-первых, с целью его улучшения, а во-вторых, для того, чтобы осуществить быструю и беспрепятственную реализацию серии важных инфраструктурных проектов, заявленных в предвыборной программе партии. Многие усматривали в попытках отложить начало применения закона и намерение передать исполнение контрактов своим сторонникам без привлечения излишнего внимания к данной процедуре. Потребовалось давление МВФ, с которым Турция на тот момент имела действующее соглашение о кредитном сотрудничестве, для того, чтобы закон все же вступил в силу в первоначально оговоренный срок. Тем не менее премьер-министр Р.Т. Эрдоган неоднократно выражал недовольство нормами, регулирующими проведение тендеров: «Закон об Общественных Закупках» в нынешнем виде служит интересам 50 или 60 компаний. Я не отдам сооружение 15 тыс. километровой дороги 50 компаниям»²⁹. В итоге через шесть месяцев после вступления в силу закон вновь начали пересматривать. Одно из изменений обеспечивало возможность исламским банкам выступать гарантами по заключаемым контрактам. Критики предложенных изменений не сомневались, да и не имели оснований сомневаться в том, что они преследовали цель обеспечить преференции исламским банкам и связанным с ним компаниям, т.е. электоральной базе ПСР. «ПСР, создавая возможности исламским финансам, просто-напросто обеспечивало пространство благочестивым мусульманам в национальной экономике» – резюмирует Р. Сильверман³⁰.

В период с 2003 по 2013 г. правительство изменило Закон о Государственных Закупках 29 раз, внося более 100 поправок, касающихся

его применения, а также заметно расширило список исключений, не подпадающих под его регулирование. Так, поправка, принятая в 2003 г., значительно изменяла основные нормы законодательства, которое прежде применялось ко всем сделкам с привлечением государственных средств. Благодаря этой поправке из-под действия закона были изъяты предприятия, основанные муниципалитетами в соответствии с коммерческим кодексом. В дальнейшем в закон были внесены изменения, исключающие из сферы его действия закупки в сфере коммунальных услуг (энергетика, водоснабжение, транспорт и связь). В 2008 г. в законе было изменено положение, отменявшее необходимость проведения торгов в случаях, когда для исполнения контракта необходимо было привлечь компанию с уникальными компетенциями. Как пишет Р. Сильверман, отмечалось большое количество случаев, когда контракты передавались отнюдь не фирмам с уникальными компетенциями, но тем, чье преимущество заключалось в направленности и наличии прочных политических связей. Он приводит случай, когда на основании данного положения закона фирма Ekrim Construction выиграла контракт стоимостью в несколько миллионов лир на обновление десяти железнодорожных станций. Ее владелица Эмине Алиоглу являлась членом женской фракции ПСР и всего годом ранее создала компанию, которая, тем не менее, успела приобрести «уникальные компетенции». «Членство в партии во многом предопределило выигрыш Алиоглу, также как получение подрядов членами партии или компаниями, связанными с их семьями, и во многих других случаях», – резюмирует Р. Сильверман³¹.

В результате принятия многочисленных поправок число пунктов, предусматривающих основания для изъятия контрактов из-под действия закона, возросло с 8 до 19. По данным Агентства Государственных Закупок, число контрактов, заключенных по положениям об исключении, стабильно возрастало, достигнув в 2012 г. 26,2% от общего числа и 7,54% от общей стоимости закупок. Наиболее широко используемым является положение об изъятии в отношении государственных тендеров, стоимость закупок по которым ниже определенной суммы. На них пришлось свыше половины общей стоимости тендеров, не подпадавших под действие общего закона, что, по всей видимости, свидетельствует о широкомасштабной тен-

денции к раздроблению государственных заказов с целью получения оснований для применения более либерального законодательства. Речь идет об отступлении от процедуры открытых тендеров, которое раньше допускалось только в случае чрезвычайных ситуаций, таких как распределение госзаказов в условиях ликвидации последствий природных катаклизмов и в сфере национальной безопасности. Как следует из доклада Агентства Государственных Закупок отмечалось, что в 2012 г. свыше 19% общей стоимости всех государственных закупок было осуществлено при ограниченном и неполном соблюдении общих условий тендера. Одновременно был расширен масштаб использования прямых закупок, который позволяет властям проводить тендер без публикации объявления и передавать заказы определенным подрядчикам по их выбору. В результате в 2012 г. итоговая стоимость сделок, заключенных иначе, чем на основе использования метода открытых торгов, составила более 30% от общего объема стоимости государственных закупок³².

В 2018 г. вне рамок действующего Закона № 4734 было осуществлено свыше 13% от суммарного объема государственных закупок, из них – на основе особых (исключительных) условий было осуществлено около 11% закупок, около 2% пришлось на прямые закупки³³. Таким образом, тенденция прежних лет сохранилась, хотя масштабы ее проявления стали меньшими.

Полномочия Агентства Государственных Закупок постепенно сужались, а в 2011 г. правительственное распоряжение фактически ограничило автономию агентства, так же как и всех других Независимых Регулирующих Агентств, подчинив их соответствующим министерствам. Кроме того, структура Агентства Государственных Закупок была изменена с целью исключения представителей частного сектора, которые ранее участвовали в процессе принятия решений. После этого изменения членство в управляющем комитете агентства было ограничено чиновниками, назначавшимися правительством.

Обеспеченный методом законодательных изъятий существенный рост участия национальных инвесторов в выполнении государственных контрактов противоречил первоначальной стратегии, направленной на привлечение иностранных инвестиций в турецкую экономику. К тому же иностранные инвесторы были отстранены

от участия в государственных тендерах с определенным порогом стоимости. Дробление тендеров и ограничение участия субподрядных фирм в пользу национальных компаний было широко распространено, особенно в случае с крупными проектами в сфере общественного транспорта. С 2012 г. доля иностранных инвесторов в субподрядных контрактах была ограничена до 2,8%³⁴. Стремление сделать регулирующие процедуры более гибкими было направлено не только на исключение иностранных инвесторов. Управляемость законов давала властям больше возможностей для вмешательства в процесс распределения государственных заказов среди местных подрядчиков, позволяя новым небольшим турецким фирмам извлекать выгоду из государственных контрактов.

В качестве значимого канала перераспределения государственных средств в пользу связанного с ПСР бизнеса многими авторами рассматривается и Администрация по делам жилищного строительства (Toplu Konut İdaresi – TOKİ). Она была создана еще в 1990 г., но в период правления ПСР значительно активизировала свою деятельность по строительству доступного жилья с целью решения в стране жилищного кризиса. В последние годы масштабы обеспечения социальным жильем по линии TOKİ составляют свыше 100 тыс. единиц ежегодно³⁵. Среди оппозиционно настроенной общественности Турции деятельность Администрации считается коррумпированной в силу того обстоятельства, что предпочтение отдается строительным фирмам – членам МЮСИАД или иным происламским бизнес-ассоциациям. В частности, к подобному заключению пришел Харун Гюрек в своей работе «Строители ПСР» («AKP's Constructors»), которая представляет собой анализ материалов интервью автора с представителями наиболее преуспевающих строительных фирм и их связей с правительством. Он, в частности, указывает на то обстоятельство, что на 8% компаний, которые выиграли строительные тендеры, пришлось почти 50% средств, переданных частным компаниям через систему государственных торгов. При этом он признает, что не все они имели исламские корни, но тем или иным образом были близки к правительству. Тем не менее Гюрек признает, что коррупция не является уникальным явлением периода правления ПСР, равно как и не стали беспрецедентными и масштабы ее распространения³⁶.

Вместе с тем интересно замечание Сильвермана о том, что хотя процесс торгов скорее всего и подвергается манипуляциям, он, тем не менее, существует и часто приводит к победе компаний, не ассоциирующихся с исламской ориентацией. ПСР считается с существованием могущественных не исламских бизнес-сетей и использует их для обеспечения некоторой степени автономности от исламского бизнеса, в который внедрена слишком глубоко³⁷.

Определенные дополнительные возможности для бизнеса в целом и особенно близкого к власти создали и другие активизировавшиеся в период правления ПСР направления социальной политики, например переход к системе обязательного медицинского страхования, создавший спрос на повышение мощностей национальной системы здравоохранения. При этом частично права на предоставление необходимого объема медицинских услуг были переданы частному сектору, что позволило говорить о начавшемся процессе «приватизации социальной сферы».

Ряд исследователей склонен считать формой поддержки лояльной ПСР средней и мелкой буржуазии активизацию использования в первом-втором десятилетии ХХI в. в качестве экспортных рынков стран Ближнего и Среднего Востока. Данное направление рассматривалось как новое, альтернативное (на традиционном европейском доминировали компании-члены ТЮСИАД), призванное обеспечить внешними рынками анатолийскую буржуазию, в частности членов МЮСИАД, которые к тому же благодаря ориентации на исламские ценности получали дополнительные преимущества в налаживании связей с мусульманскими странами. Специальные привилегии, предоставленные турецким экспортерам, опирались на активные внешнеполитические усилия ПСР по развитию и укреплению связей с этими странами. Например, в ходе многочисленных официальных визитов Р.Т. Эрдогана в государства региона его сопровождали многочисленные делегации турецких экспортеров, в задачи которых входило, воспользовавшись благоприятным моментом, установить перспективные деловые связи в той или иной стране региона.

Таким образом, по мнению А. Бугры и О. Савашкана, «в период ПСР приватизация естественных монополий и объектов государственной собственности, коммерциализация социальных услуг открыла много прибыльных сфер накопления капитала для част-

ных инвесторов, как то: энергетика, добывающая промышленность, туризм, строительство, здравоохранение»³⁸. Несколько более определенно резюмирует Р. Сильверман: «Продажа государственных промышленных предприятий обеспечила политиков богатыми возможностями для обогащения своих союзников в бизнес-сообществе. Но даже после того, как возможности приватизации исчерпали себя, у правительства оставалось множество методов помощи своим привилегированным союзникам: в случае Турции они включали внешне-торговые миссии, консультации с местными бизнес-ассоциациями, целенаправленное регулирование, региональные проекты развития. И все это позволяло выигрывать одним за счет других»³⁹.

Но перечень направлений деятельности властей, нацеленных на поддержку лояльной буржуазии, сам по себе недостаточен для того, чтобы уверенно говорить об эффективности политики формирования крупной происламской буржуазии и подтвердить тезис Бугры и Савашкана о происходящем замещении одной группы предпринимателей другой, политически привилегированной по принципу опоры на культурный ресурс, сформированный религиозной идентичностью⁴⁰.

Коль скоро исламская буржуазия отождествлена с компаниями – членами МЮСИАД, то более или менее убедительным свидетельством процесса укрепления лояльных правительству предпринимательских кругов могли бы оказаться сравнительно сильные позиции компаний, представляющих Ассоциацию, в общей совокупности наиболее крупных турецких компаний.

Подходящей базой для выяснения их позиций представляются списки пятисот наиболее крупных компаний страны по версии Стамбульской торговой палаты. Эти списки составляются в двух версиях – для первых пятисот компаний (ISO 500-1) и вторых пятисот (ISO 500-2). Таким образом, в целом речь идет о первой тысяче компаний-лидеров, поделенных на два списка. Следует отметить, что работу по определению сравнительного статуса исламского бизнеса осложнило отсутствие единого списка компаний – членов МЮСИАД, что позволило бы выявить все компании – члены Ассоциации, входящие в общий список тысячи лидеров. Поэтому пришлось довольствоваться частичной информацией, полученной из косвенных источников, которая, тем не менее, позволила определить 23 компании –

члена МЮСИАД, вошедшие в список ISO 500–1, и 20 компаний из списка ISO 500–2 по версии 2017 г.⁴¹

Некоторые усредненные показатели производственной деятельности по компаниям-лидерам из первых пяти сотен и компаниям – членам МЮСИАД, вошедшим в данный список, представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Усредненные показатели деятельности 500 компаний-лидеров (ISO 500–1) и представленных в их числе компаний – членов МЮСИАД

	Усредненные показатели для всего списка компаний ISO 500–1	Усредненные показатели для 23 компаний – членов МЮСИАД, вошедших в список ISO 500–1
Численность наемных работников ⁴²	1480	1191
Объем продаж, млн тур. л.	1337,8	971,8
Экспорт, млн. \$	173,3	54,543
Доля национального частного капитала в суммарном капитале компании, %	58	9944

Рассчитано по: URL: <http://www.iso500.org.tr/500-buyuk-sanayi-kurulusu/2017/>

Как следует из данных Таблицы 1, средняя численность наемных работников в компаниях – членах МЮСИАД более чем в 1,2 раза уступает показателю по компаниям всего списка, средний показатель годового объема продаж ниже почти в 1,4 раза, более чем в 3 раза меньше средний объем экспорта. Следовательно, компании – члены МЮСИАД, имея меньшие размерные характеристики, в большей мере ориентированы на внутренний рынок. К тому же экспортные операции осуществляют не все компании – члены МЮСИАД: из 23 компаний 9 работают только на внутреннем рынке. Особо следует обратить внимание на то обстоятельство, что компании МЮСИАД – это практически компании со 100%-ным национальным капиталом, чуждающиеся в основной массе партнерства с иностранными инвесторами: капитал 22 из 23 компаний выборки полностью турецкий. В то же время доля иностранного капитала в капитале

всех компаний списка составляет чуть менее 60%. Таким образом, видимо, существует взаимосвязь между преобладающей ориентацией на внутренний рынок страны и преимущественно закрытым с точки зрения иностранного участия характером наиболее крупных компаний – членов МЮСИАД.

В Таблице 2 представлены усредненные показатели по компаниям-лидерам из вторых пяти сотен (ISO 500–2) и 20 компаниям – членам МЮСИАД, находящихся в данном списке.

Таблица 2

Усредненные показатели деятельности 500 компаний-лидеров (ISO 500–2) и представленных в их числе компаний – членов МЮСИАД

	Усредненные показатели для всего списка компаний ISO 500–2	Усредненные показатели по 20 компаниям МЮСИАД
Численность наемных работников ⁴⁵	1187	313
Объем продаж, млн тур. лир	214,25	216,15
Экспорт, млн. \$ ⁴⁶	24,8	9,3
Доля национального частного капитала в суммарном капитале компании, %	53	95 ⁴⁷

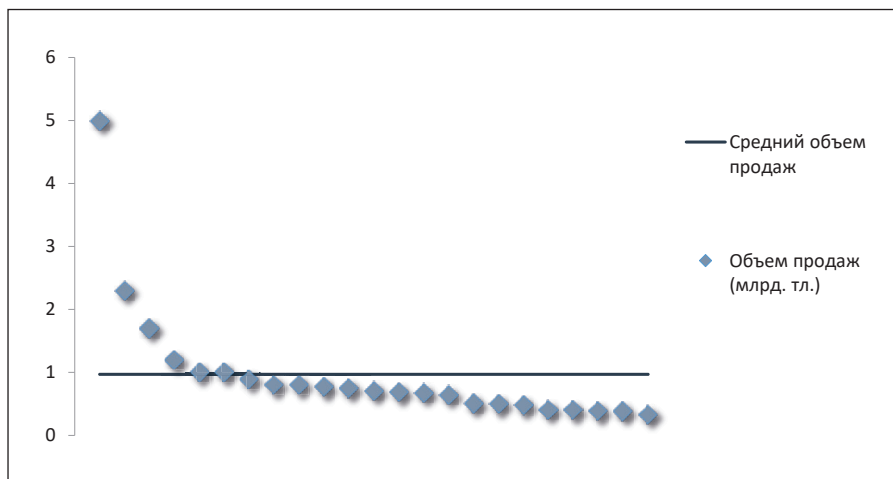
Рассчитано по: URL: <http://www.iso500.org.tr/ikinci-500-buyuk-sanayi-kurulusu/2017/>

Средняя численность наемных работников в компаниях – членах МЮСИАД почти в 4 раза меньше, чем аналогичный показатель для всех компаний из списка, но при этом средние объемы продаж на внутреннем рынке несколько выше, чем для всех компаний списка. Однако средние объемы экспорта почти в 3 раза меньше. Таким образом, и в этом случае компании – члены МЮСИАД ориентированы в первую очередь на внутренний рынок. Средняя доля национального капитала для компаний – членов МЮСИАД составляет 95%. При этом, как и в случае с первой частью списка, капитал всех компаний выборки, кроме одной, на 100% сформирован национальными инвесторами, что подтверждает вывод об их преобладающем негативном отношении к иностранному участию. В то же время для всех компаний списка средняя доля иностранного участия превышает 50%.

Рассмотрим характер распределения относительно среднего значения объема продаж для компаний – членов МЮСИАД, находящихся в списке ISO 500–1. Заметим предварительно, что для всех 500 компаний списка характерен значительный разброс по данному показателю – коэффициент вариации составил $2,3^{48}$. Тем не менее для компаний – членов МЮСИАД оказалась характерной относительная однородность (график 1). Как видим, из общего ряда довольно близких показателей выбиваются заметно более высокие значения объема продаж для трех компаний. Поэтому значение коэффициента вариации для всех 23 компаний чуть выше 1, а для 20 компаний за вычетом тройки локальных лидеров – 0,355. Но в обоих случаях гомогенность существенно выше, чем для всей группы компаний-лидеров.

График 1

**Распределение компаний – членов МЮСИАД
из списка ISO500 (1) по объему валовых продаж,
млрд т. л.**

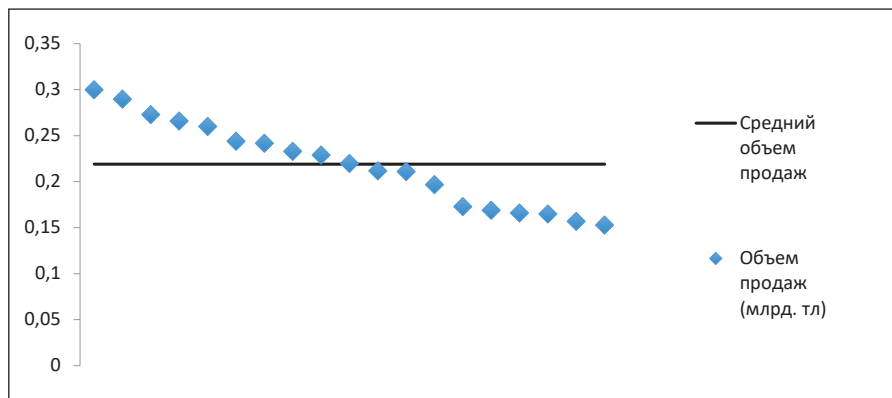

Рассчитано по: URL: <http://www.iso500.org.tr/500-buyuk-sanayi-kurulusu/2017/>

Что касается компаний – членов МЮСИАД из списка ISO500 (2), то здесь разброс показателей вокруг среднего еще менее значителен – коэффициент вариации для 19 компаний составляет 0,213.

График 2

**Распределение компаний – членов МЮСИАД из списка ISO500 (2)
по объему валовых продаж, млрд т. л.**

Рассчитано по: URL: <http://www.iso500.org.tr/ikinci-500-buyuk-sanayi-kurulusu/2017/>

Итак, и в первом, и во втором случае правомерно говорить о неформальном характере средних значений и возможности их использования для получения представления о средней типичной размерности компаний – членов МЮСИАД, входящих в списки лидеров первого и второго порядка.

Итак, типичная компания – член МЮСИАД из первого списка по своим размерным характеристикам пока заметно уступает средним показателям – ее объем продаж составляет чуть более 70% среднего. Таким образом, условный исламский капитал пока проигрывает «старому республиканскому» в «супервысшей лиге» турецкого бизнеса. Но что касается второго списка, то здесь размерность типичной компании – члена МЮСИАД чуть превышает среднюю. Поэтому правомерно говорить о довольно прочном положении компаний во втором списке лидеров, где они уже утрачивают статус наиболее мелких среди крупных и начинают выходить на тренд превышения средних показателей. Таким образом, во втором эшелоне крупного турецкого бизнеса появились сравнительно крупные лояльные власти компании. Это означает наличие аргументов в пользу того, что политика возвращения (выращивания до более крупных размеров) лояльной правящей ПСР новой в терминологии настоящей статьи

исламской буржуазии дает свои результаты, что позволяет согласиться с мнением А. Бугры и О. Савашкана о том, что «в XXI в. мы стали свидетелями появления нового типа политически созданных бизнес-акторов (сравнительно крупных. – Н.У.), которые наслаждаются благами, происходящими от новых механизмов государственного вмешательства»⁴⁹.

Оценивать итоги усилий властей по поддержке предпринимательского класса можно и на более общем уровне с точки зрения понимания основных особенностей той модели экономического развития, которая в результате формируется в Турции. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в названии неоднократно цитировавшейся по ходу статьи работы А. Бугры и О. Савашкана присутствует термин, пожалуй являющийся ключевым с точки зрения понимания этой модели – «новый капитализм», который и определяется как доминирование влиятельных групп в ряде отраслей промышленности, зачастую обладающих львиной долей отраслевых активов и, главное, – близкими связями с правящей партией. З. Ониш предлагает схожий термин – турецкая разновидность «государственного капитализма»⁵⁰. В более поздней статье, написанной им в соавторстве с М. Кутлаем, З. Ониш дает резюмирующее пояснение предложенного термина: «В последние годы Эрдоган развивал свой собственный бренд государственного капитализма, в рамках которого новые турецкие экономические элиты в сфере строительства, энергетики и медиа, превратившись в ближайших союзников президента, стали основными бенефициарами реализуемой политической модели»⁵¹. Ониш считает данную модель своего рода реактивным ответом на глобальные изменения в понимании оптимальных схем государственной экономической политики. По его мнению, относительное ослабление традиционно сильного влияния Запада при одновременном подъеме стран БРИКС, прежде всего авторитарных, возможно, ведет к формированию альтернативного пути успешного развития капитализма, бросающего вызов нормам пост-Вашингтонского консенсуса – капитализма с сильным элементом государственного участия и, как следствие, – государственного контроля. В результате

происходит формирование гибридных норм в рамках *авторитарного государственного капитализма* (курсив наш. – Н.У.), к которым охотно адаптируется Турция, поскольку речь идет не просто о выборе новой парадигмы развития, но и возможности ослабления зависимости от традиционных западных институтов, таких как МВФ, Всемирный банк и, наконец, ЕС⁵².

Формальное понимание, а главное оценка этих процессов европейскими экспертами как дистанцирование Турции от статуса многообещающего кандидата в члены ЕС и превращение в страну, экономика которой страдает от «нелепой политики и кумовства»⁵³, в свою очередь, подталкивает Европу к реактивному ответу, как то: применение санкций, отказ от развития сотрудничества до возобновления исполнения Турцией обязательств партнера ЕС, сокращение поставок компонентов военного производства и тому подобное. Очевидно, что в результате такого рода ответной реакции Турция будет лишь более уверенно склоняться к выбору «БРИКС-альтернативы». Более продуктивными как с точки зрения европейских перспектив Турции, так, возможно, и ее экономического будущего стали бы дополнительные аргументы в пользу экономических принципов ЕС и новые привлекательные перспективы взаимовыгодного сотрудничества.

¹ Buğra A., Savaşkan O. New Capitalism in Turkey. The Relationship between Politics Religion and Business. Cheitenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2014. P. 18.

² Safi İ. Türkiye'de Muhafazakar Siyaset ve Yeni Aرایشlar. Ankara: Lotus Yayınevi, 2007.

³ Правда, стоит отметить, что из 365 депутатов парламента от ПСР 38 (11%) получили высшее образование по направлению «богословие». Для сравнения: среди депутатов от Народно-республиканской партии Турции – старейшей консервативной партии светского толка – получивших подобное образование не было вовсе.

⁴ Safi İ. Türkiye'de Muhafazakar Siyaset.... S. 297–299.

⁵ Ibid. S. 299.

⁶ Ibid. S. 301.

⁷ Ibid. S. 303.

⁸ Ibid. S. 305, 307.

⁹ Цит. по: Safi İ. Türkiye'de Muhafazakar Siyaset...S. 302.

¹⁰ См.: TÜSİAD. Официальный сайт ассоциации. URL: <https://tusiad.org/tr/tusiad/hakkinda>

¹¹ Buğra A., Savaşkan O. New Capitalism in Turkey. P. 140.

¹² Ibid. P. 125.

¹³ Ibid. P. 139.

¹⁴ Ibid. P. 115.

¹⁵ Ibid. P. 125, 115.

¹⁶ Öniş Z. Turkey under the challenge of state capitalism: the political economy of the late AKP era // *Southeast European and Black Sea Studies*. Apr., 2019. P. 7.

¹⁷ Ibid. P. 127.

¹⁸ Киреев Н.Г. Турецкая деловая элита о турецко-российских отношениях // *Ближний Восток и современность*. Сб. ст. Вып. 9. Москва, 2000. С. 70.

¹⁹ Yankaya D., Yeni İslami Burjuvazi. Türk Modeli. İstanbul, İletişim, 2014. S. 19.

²⁰ Buğra A., Savaşkan O. New Capitalism in Turkey. P. 109.

²¹ Ibid. P. 127.

²² Silverman R. Justice and Development Party in the Marketplace: Business and Politics in AKP-Era in Turkey. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in International Studies. Washington: University of Washington, 2012. P. 33.

²³ Yankaya D. Yeni İslami Burjuvazi. S. 16.

²⁴ Esen B. & Gumyscu S. Building a Comparative Authoritarian Regime: State-Business Relations in the AKP's Turkey // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Nov., 2017. P. 356, 369. URL: <http://yoksis.bilkent.edu.tr/pdf/files/13126.pdf>

²⁵ Silverman R. Justice and Development Party in the Marketplace. P. 21.

²⁶ Esen B. & Gumyscu S. Building a Comparative Authoritarian Regime. P. 354.

²⁷ Ertuğrul N.İ. AKP ve Özelleştirme/ AKP Kitabı – bir dönüşümün bilançosu, Phoenix Yayınevi. Ankara, 2009. S. 552.

²⁸ Silverman R. Justice and Development Party in the Marketplace. P. 23.

²⁹ Buğra A., Savaşkan O. New Capitalism in Turkey. P. 80.

³⁰ Silverman R. Justice and Development Party in the Marketplace. P. 24.

³¹ Ibid.

³² Buğra A., Savaşkan O. New Capitalism in Turkey. P. 79–80.

³³ Подсчитано по: Kamu Alımları İzleme Raporu 2018. Ankara: Kamu İhale Kurumu, 2019. S. 1.

³⁴ Ibid. P. 80.

³⁵ См. официальный сайт Администрации по делам жилищного строительства. URL: <http://www.toki.gov.tr/faaliyet-ozeti>

³⁶ Цит. по: Silverman R. Justice and Development Party in the Marketplace. P. 25.

³⁷ Ibid. P. 34.

³⁸ Buğra A., Savaşkan O. New Capitalism in Turkey. P. 82.

³⁹ Silverman R. Justice and Development Party in the Marketplace. P. 25.

⁴⁰ Buğra A., Savaşkan O. New Capitalism in Turkey. P. 19.

⁴¹ См.: Борисова В.Н. Исламская буржуазия в Турции: зарождение, этапы развития, роль в современном экономическом развитии страны: дисс. на соиск. уч. степ. магистра регионоведения. М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (научный руководитель Н.Ю. Ульченко).

- ⁴² Ряд компаний, в том числе 8 компаний – членов МЮСИАД, не предоставили данные о числе наемных работников
- ⁴³ Среднее значение для 14 компаний – членов МЮСИАД, которые предоставили данные об объемах экспорта.
- ⁴⁴ Все компании, кроме одной, имеют 100% национального частного капитала.
- ⁴⁵ Ряд компаний, в том числе 10 компаний – членов МЮСИАД, не предоставили данные о числе наемных работников.
- ⁴⁶ Среднее значение для 10 компаний – членов МЮСИАД, которые предоставили данные об объемах экспорта.
- ⁴⁷ Все компании, кроме одной, имеют 100% национального частного капитала
- ⁴⁸ Рассчитано по: URL: <http://www.iso500.org.tr/500-buyuk-sanayi-kurulusu/2017/>
- ⁴⁹ Buğra A., Savaşkan O. New Capitalism in Turkey. P. 19, 82.
- ⁵⁰ См.: Öniş Z. Turkey under the challenge of state capitalism: the political economy of the late AKP era // Southeast European and Black Sea Studies. Apr., 2019. URL: <https://doi.org/10.1080/14683857.2019.1594856>
- ⁵¹ Öniş Z. & Kutlay M. The Global Political Economy of Right-wing Populism: Deconstructing the Paradox/The International Spectator. Italian Journal of International Affairs. March, 2020. P. 4. URL: <https://doi.org/10.1080/03932729.2020.1731168>
- ⁵² Öniş Z. Turkey under the challenge of state capitalism: the political economy of the late AKP era // Southeast European and Black Sea Studies. Apr., 2019. P. 5. URL: <https://doi.org/10.1080/14683857.2019.1594856>
- ⁵³ Pierini M., Siccardi F. Why the EU and United States Should Rethink their Turkey Policies in 2021. Carnegie Europe. January 21, 2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/2021/01/21/why-eu-and-united-states-should-rethink-their-turkey-policies-in-2021-pub-83662>

Раздел II

КОНФЛИКТЫ

И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31696/978-5-907384-66-8-070-083

В.М. Ахмедов

Роль военных в сирийском конфликте

Резюме. В статье исследуются основные события и результаты 10-летнего сирийского кризиса. Автор обращает особое внимание на место и роль военных в сирийских событиях. Автор исследует земляческие, этнические, идеологические измерения сирийского кризиса в историческом контексте. Автор полагает, что в результате гражданской войны в Сирии основные институты государства и общественные организации серьезно ослабли, а их роль в процессе восстановления страны заметно снизилась. В этой связи автор считает, что основные государственные институты страны, прежде всего армия и органы безопасности, нуждаются в серьезном реформировании. Автор пытается делать некоторые прогнозы относительно развития ситуации в Сирии с учетом возможностей мирного урегулирования конфликта политическими, а не военными инструментами, принимая во внимание новые тенденции в развитии сирийского кризиса. Большое внимание уделяется политике и действиям правительственных войск и вооруженной оппозиции. Автор отмечает ключевую роль России в урегулировании сирийского кризиса и предпринимаемые нашей страной усилия по восстановлению национальной армии и местных спецслужб. Автор считает, что, несмотря на всю сложность этого кризиса, мир в Сирии вполне возможен. Многое зависит от политической воли и готовности к взаимным компромиссам между ключевыми внутренними и внешними участниками на поле сирийского кризиса.

Ахмедов Владимир Мртузович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-4952-2964.

Ключевые слова: Сирийский кризис, политика России в Сирии, политика США на Ближнем Востоке, Иран, Турция, Саудовская Аравия, Ближний Восток, сирийская оппозиция, исламисты, армия, военные, спецслужбы, офицерский корпус, система региональной безопасности

Summary. The article studies main developments and results of the 10 year Syrian crisis. The author pays special attention to the role of military in Syrian crisis. The author studies ethnic, ideological, regional dimensions of the Syrian crisis based on historical background. The author tries to make some forecasts about further development of the current situation in Syria in view of abilities to peacefully resolve the conflict by political instruments rather than military options. The publication tends to study the role of regime forces and military opposition in managing and developing the crisis. Main attention is paid to Russia's politics in Syria and its ability to rebuild the main institutions (army and special services) of the Syrian state. In this regard the author supposes that much depends on how main players of the Syrian crisis could change the previous agreements on the security system in Syria. The author believes that despite all the complexity of this crisis, peace in Syria is quite possible. A lot depends on political will and the readiness for mutual compromises between key internal and external actors in the Syrian crisis.

Key words: Syrian Crisis, Russia, USA in the Middle East, Iran, Turkey, Saudi Arabia, Syrian opposition, Islamists. Army, security, officers, Secularism, Islamists

В марте 2021 г. исполняется 10 лет со времени начала вооруженного конфликта в Сирии. Сирийский кризис превратился сегодня в одну из ключевых проблем Ближневосточного региона. Его развитие определяет основные параметры региональной безопасности в регионе и оказывает заметное влияние на всю структуру международных отношений.

Начавшиеся в марте 2011 г. события в Сирии представляли собой движения социального протеста, которые в течение нескольких первых месяцев носили характер мирных протестных движений.

С началом вооруженного противостояния конфликтующих сторон мирное протестное движение постепенно переросло в гражданскую войну. В результате страна оказалась расколотой на различные враждующие районы и была ввергнута в состояние религиозного конфликта. Сирийский социум утратил свой прежний единый характер и оказался расколотым по национальным и конфессиональным признакам. Сегодня политическое решение сирийского

конфликта определяется рядом ключевых особенностей и обстоятельств¹.

Прежняя политическая система страны и ее основные государственные институты были фактически парализованы. Сложившая в стране ситуация не способствует созданию новых инструментов власти, в то время как прежние институты государства не способны реформироваться и справиться со стоящими задачами без внешней помощи и поддержки².

Отличительной особенностью прежней государственно-политической модели управления страной был ее институализированный авторитаризм при опоре на силовой фактор, который воплощался в деятельности мощных служб безопасности и армии. Действительно, на протяжении последних 50 лет характер военно-гражданских отношений в Сирии во многом определялся главенствующей ролью военных в решении практически всех вопросов внутренней и внешней политики³.

В результате контроль над развитием начавшихся в марте 2011 г. событий и их последующей эскалацией во многом оказался в руках военных, которые фактически диктовали политической власти те или иные решения, а в ряде критических, с их точки зрения, вопросов действовали самостоятельно⁴. С этой точки зрения было бы логичным, на наш взгляд, уделить особое внимание роли армии и спецслужб как важнейшим институтам государства в политике страны. Исследовать их взаимоотношения с гражданскими институтами управления. Описать поведенческий стереотип военных, их политические и идеологические взгляды и воззрения, которые фактически определяли принимаемые ими решения по вопросам управления кризисом в САР⁵.

Подобный анализ необходимо также отнести и к отрядам вооруженной оппозиции, которые на протяжении долгих лет активно противостояли правительственным войскам и также оказывали большое влияние на ход и развитие сирийского кризиса.

В условиях хорошо структурированной модели управления с сильной властной вертикалью, созданной Х. Асадом, поведенческий стереотип гражданских институтов государства определялся данной военными установкой, которая в кратком виде сводилась к тому, что любые антиправительственные акции – суть заговор внешних врагов⁶.

Таким образом, режим, вернее, его военная составляющая, способствовал радикализации сирийского протестного движения, которое достаточно быстро приобрело характер вооруженной борьбы с ярко выраженной конфессиональной составляющей. Не случайно первый и самый сильный удар был нанесен по светским и демократическим силам в составе сирийского движения протеста⁷.

В условиях ассиметричной войны правящий режим использовал артиллерию и авиацию для бомбежки занятых оппозицией районов, где находились не только вооруженные формирования, но и гражданские объекты. С другой стороны, нехватка вооружений и боеприпасов у сражавшихся отрядов оппозиции нередко заставляла некоторых из них прибегать к тактике использования джихадистов-смертников, которые единственно могли как-то сдерживать превосходящие силы властей. Достаточно быстро такая практика привела к созданию и распространению так называемых исламистских бригад, использовавших джихадистскую тактику. Постепенно их численность стала расти, а влияние на население подконтрольных районов заметно усиливаться⁸.

С другой стороны, сирийский режим испытывал острую нехватку опытных и лояльных режиму военных кадров. Поэтому он был вынужден прибегнуть к тактике использования иностранных наемников, которые в основном были представлены ливанской «Хезболлой», милицейскими формированиями из Ирака и Афганистана, которыми руководили иранские военные специалисты из элитного корпуса «Аль-Кодс». Последние насчитывали несколько тысяч бойцов, численность которых росла ежегодно. Данное обстоятельство служило определенным оправданием для привлечения в Сирию иностранных наемников из различных исламских и европейских стран, которые сражались на стороне оппозиции⁹.

В целях исправления ситуации в правительственных вооруженных силах режим с 2013 г. приступил к созданию новых войсковых подразделений на основе милицейских формирований¹⁰.

К концу 2015 г., по данным различных источников, общая численность такого рода формирований составляла от 35000 до 40000 человек¹¹.

После начала военной операции в Сирии ВКС РФ ситуация в армии режима стала постепенно меняться. Так, в 2015 г., под руководством российских и иранских советников, режим приступил

к созданию 4-го и 5-го армейских корпусов, в состав которых были включены вышеупомянутые подразделения¹².

Основные особенности сирийского конфликта, которые отличали его от других и в то же время служили серьезным препятствием на пути его урегулирования, заключались в его беспрецедентной длительности и избыточной интернационализации. Характерной чертой сирийского кризиса являлся традиционный для Сирии разрыв между городскими центрами и провинцией. Именно провинция сыграла ключевую роль в начале кризиса, а впоследствии постоянно подпитывала его¹³.

Провинциальные центры стали источником сирийского кризиса, где постепенно складывались его предпосылки и формировались условия его развития. В значительной степени подобная ситуация сложилась в результате падения авторитета армии и сил безопасности в провинции среди массы населения. Сказалось также и сложное экономическое положение, в котором оказалась Сирия накануне событий. Вызванное им падение доходов населения прежде всего ударило по населению провинциальных центров. В результате нескольких лет засухи к 2010 г. урожаи заметно сократились. В провинции стала остро ощущаться нехватка основных продуктов питания. В результате вышеуказанных событий около 1 миллиона фермеров разорились. Значительная часть населения провинций устремилась в города в поисках работы и пропитания¹⁴.

Таким образом, население этих районов оказалось особенно восприимчивым к радикальным идеям. Постепенно роль «умеренного» ислама стала сходить на нет, а население стало оценивать политику режима с экстремистских позиций. Подобная ситуация стала питательной средой для распространения среди массы населения страны идей радикального ислама.

С другой стороны, силовое управление кризисом со стороны режима только усиливало радикальные настроения среди массы населения. Все это послужило определенного рода матрицей для распространения джихадистских идей как местного, так и иностранного происхождения.

В результате национально-патриотические настроения среди ряда политических сил, порожденные «арабской весной», стали все больше принимать радикальный характер, а светский компонент

практически исчез, уступив место исламистским настроениям. После того, как к концу 2011 г. сирийское протестное движение все больше теряло свой мирный характер и превращалось в вооруженную борьбу, позиции вооруженной оппозиции, прежде всего исламистского характера, стали укрепляться.

На рубеже 2016–2017 гг. происходила трансформация исламистских вооруженных отрядов. Ряд из них были уничтожены или прекратили свое существование. Другие самораспустились и перестроились в отдельные подразделения. Некоторые объединились с более крупными отрядами и фронтами типа ИГИЛ, Джейш аль-Ислам, Джейш Фатх аш-Шам, Ахрар аш-Шам, Фейлак аш-Шам и др. На рубеже 2016–2017 гг. появились новые отряды вооруженной оппозиции, которые создали единые командные центры и подразделения. Например, Джейш ан-Наср, в состав которого вошли Джабха аш-Шамийя, Джейш аль-Изъа, Фалькон аль-Габ и еще 13 отрядов. Была создана так называемая Новая Сирийская Армия (в основном на базе боевых курдских формирований) и ряд других. С учетом сложной ситуации внутри страны и быстро меняющейся обстановки достаточно сложно точно исчислить состав сирийской вооруженной оппозиции. Ряд экспертов полагают, что на рубеже 2017–2018 гг. в Сирии действовало около 100–120 вооруженных отрядов оппозиции (включая ИГИЛ и Джебхат ан-Нусру), в которых сражалось не менее 70000 хорошо вооруженных профессиональных бойцов¹⁵.

Несмотря на произошедшие за последние годы трансформации в рядах сирийской вооруженной оппозиции, ее социальная матрица, идеологические концепции, политическое мировоззрение, основные цели и задачи остались прежними и практически мало изменились со времени ее появления в первой половине 2012 г.

Большинство бойцов в отрядах вооруженной сирийской оппозиции составляли салафиты, многие из которых остаются привержены джихадистской идеологии. Одним из наиболее ярких примеров может служить Джейш Тахрир аш-Шам. Многие отряды оппозиции поддерживают идею создания Исламского государства в САР на основе шариата.

В то же время исламистский компонент вооруженной оппозиции претерпел заметные изменения в последние 2–3 года. Нельзя исключать, что по мере ослабления накала вооруженного противостоя-

яния и с началом политического процесса в САР исламистский феномен может постепенно ослабнуть и отойти на второй план¹⁶.

Сегодня борьба за власть между режимом и его войсками, с одной стороны, и политической оппозицией и местными вооружёнными отрядами – с другой, привела к активному соперничеству между рядом мировых держав и региональных акторов за влияние в Сирии и в регионе в целом.

Одним из ярких примеров сложившейся ситуации служит Иран и его политика в сирийском конфликте. Иран сыграл решающую роль в сохранении действующего режима.

Иран создал в Сирии свою собственную армию – Джейш Тахрир аш Шам, численность которой составляет, по некоторым данным, до 5000 человек. В идеологическом плане личный состав в основном состоит из шиитских наемников из Ирана, Афганистана и ряда арабских стран и незначительного числа сирийцев. По данным сирийской оппозиции, в Сирии действует около 60–62 отрядов шиитских милиций, которые управляются из Тегерана. Они противостоят отрядам Сирийской Свободной Армии (ССА), костяк которой составляют дезертировавшие солдаты и офицеры, ряд милицейских формирований. Их общая численность не превышает 30000–35000 бойцов.

Острая нехватка вооружений и обмундирования, обещанного Западом, прежде всего США, Великобританией и Францией, серьезно затрудняет действия ССА в борьбе с ослабевшими правительственными войсками, не говоря уже о противодействии шиитским милицейским отрядам из Ливана, Ирана, Ирака и Афганистана. Без поддержки исламистской вооруженной оппозиции численность, которой на рубеже 2013–2015 гг. составляла от 70000 до 80000 бойцов, ССА вряд ли смогла бы долго продержаться¹⁷.

Несмотря на массированную поддержку Ирана позиции сирийского режима к лету 2015 г. серьезно ослабли. Согласно данным Российского центра по примирению противоборствующих сторон, в САР летом 2015 г. сирийский президент контролировал не более 14,5% территории страны.

Со времени начала сирийского восстания в 2011 г. силовые структуры страны претерпели серьезные изменения. Это выразилось, в частности, в значительном сокращении численности их личного состава, количестве вооружений и военной техники. Серьезные

изменения произошли в организационной структуре, прежде всего армии¹⁸.

Действительно, в начальный период сирийского восстания сирийские регулярные части понесли серьезные потери. К середине 2013 г. численный состав сирийской армии составлял фактически 50% от прежних вооруженных сил (220 тыс. до начала событий) и равнялся 110 тыс. человек. Так, под полным контролем сирийского военного командования находилось не более 20–25 тыс. солдат и офицеров.

Одной из причин сложившейся ситуации могло стать то, что национальные вооруженные силы изначально формировались на основе призыва. Данное обстоятельство предопределило, что большая часть регулярных армейских частей была укомплектована суннитами. Действительно, ряд представителей суннитской общины занимали при Хафезе Асаде немало руководящих постов в армии. Однако реальное руководство ключевыми подразделениями сирийских вооруженных сил находилось в руках алавитов¹⁹.

Так, Дивизия республиканской гвардии (ДРГ), 4-я дивизия, а сегодня и новые части народного ополчения типа Tiger Forces (Сухейл аль-Хассан) практически полностью укомплектованы алавитами.

В то же время суннитские части были в основном задействованы в выполнении логистических мероприятий и не оказывали серьезного влияния на боевые операции. Более того, офицеры сунниты находились под плотным контролем Управления военной контрразведки (УВКР) и других спецслужб. В результате их командиры предпочитали не проявлять какую-либо инициативу и слепо следовали приказам сверху, что негативно сказывалось на эффективности их действий в условиях начавшегося вооруженного конфликта.

С учетом конфессионального характера сирийской армии не было ничего удивительного в том, что после начала весной 2011 г. сирийского восстания командование Сирийской Арабской Армии (САА) из 20 дивизий смогло использовать не более трети своего личного состава и боевых сил в борьбе с повстанцами. Негативную роль сыграли и пропагандистские установки самого режима, который, пытаясь очернить оппозиционеров, в основном суннитов, характеризовал их как террористов и экстремистов. Таким образом, многих военных-суннитов стали подозревать в отсутствии лояльности режиму

и поддержке оппозиции. В конечном итоге режим сделал опору исключительно на лояльные с его точки зрения алавитские части и местные милиции, нерегулярные отряды по типу «шабиха»²⁰.

Растущая фракционность, ослабление боевой мощи и потери САА вынудили режим прибегнуть к помощи «шабиха»* и различных зарубежных сил, которые носили явно конфессиональный характер. При этом их подлинные интересы зачастую плохо корреспондировались с реальным положением в самой Сирии и тем более не отвечали планам поствоенного обустройства этой арабской страны.

С учетом того, что различные милицейские отряды и подразделения не были вписаны в структуру сирийских вооруженных сил и не представляли собой часть единого целого важнейшего института государства (армии), это в конечном итоге подрывало авторитет самого Б. Асада как главнокомандующего и его ближайшего военного окружения.

На практике это приводило к тому, что режим не мог полностью контролировать ситуацию на территории возвращенных районов, которые постепенно превращались в полунезависимые зоны влияния отдельных отрядов и их командиров, которым Б. Асад ранее делегировал часть своих полномочий в военных вопросах.

В результате эти районы постепенно превращались в зоны коррупции и безраздельного влияния военных баронов. Характерным примером могут служить Национальные демократические силы (НДС), созданные по инициативе Ирана и его непосредственной поддержке. Зачастую НДС сталкивались с подразделениями САА в борьбе за влияние в том или ином районе САР. Взаимные обвинения в коррупции и неэффективном управлении освобожденными районами сыпались с обеих сторон.

Нельзя исключать, что Иран мог рассматривать Сирию в качестве козырной карты в более крупной геополитической игре. В то же время не следует недооценивать интересы ИРИ в Сирии, которую Тегеран рассматривал в качестве основного форпоста в расширении своего влияния в регионе²¹.

Развитие сирийского конфликта претерпело серьезные перемены после начала операции в Сирии ВКС РФ. Менее чем за год тер-

* «Шабиха» – в переводе с арабского – призрак. Местные милицейские формирования, состоящие из алавитов.

ритория под контролем режима увеличилась до 35–40%. Москва превратилась в ключевого игрока на поле сирийского конфликта, что были вынуждены признать США, Европа, Турция, Израиль и соседние арабские государства. Освобождение Халеба (Алеппо) – оплота сирийской вооруженной оппозиции – стало результатом российского военного участия в сирийском конфликте.

Начиная с конца 2017 – начала 2019 г. ситуация в сфере вооруженной конфронтации в Сирии и вокруг нее подверглась серьезным изменениям. Продолжающееся вооруженное противостояние отличалось непредсказуемостью и могло запустить новые процессы в развитии сирийского кризиса.

Сирийский конфликт стал развиваться в новой парадигме, которую условно можно было назвать «посттеррористической» фазой развития. После решительной победы над террористами в лице ИГИЛ в стране стала постепенно созреть новая ситуация. В то же время в ряде районов страны продолжают действовать джихадистские организации, связанные с «аль-Каидой», наподобие Джейш Тахрир аш-Шам и ряд других. С другой стороны, в ряде ключевых районов Сирии, прежде всего в пригородах Идлиба и Халеба, Тахрир аш-Шам постепенно теряет свои лидирующие позиции, и ее социальная база поддержки неуклонно сужается²².

С начала 2020 г. в развитии сирийского кризиса произошли важные и внезапные изменения. Прежде всего они были вызваны ростом вооружённой конфронтации противоборствующих сторон. Ряд основных региональных и международных акторов, активно вовлеченных в сирийские события, вполне могли применить силовые методы с тем, чтобы изменить баланс сил и реализовать таким образом свои интересы в Сирии на этапе политического транзита.

В подобной ситуации достаточно сложно однозначно утверждать абсолютное доминирование кого-либо из основных участников конфликта, способных переформатировать местную военно-политическую ситуацию в соответствии с собственной национальной стратегией, а также прогнозировать быстрое решение вопроса о политическом урегулировании в САР.

В 2020 г. Россия смогла практически полностью исключить концепцию «территорий под контролем оппозиции» из текущей повестки сирийской вооруженной оппозиции. Возвращение зна-

чительной части сирийской территории под контроль сирийского режима фактически исключало из переговорной повестки по Сирии вопрос о роли Башара Асада²³.

Одновременно Россия, согласно данным из сирийских оппозиционных источников и информационных утечек из рядов вооруженной оппозиции, стала активно продвигать подготовленных в Москве и лояльных России сирийских военных на командные посты в ключевых и наиболее боеспособных подразделениях сирийских спецслужб и армии. Это давало России возможность контролировать деятельность ключевых институтов государства и оказывать в ряде случаев выгодное ей влияние на принятие решений.

Действительно, вопрос о формировании новых параметров безопасности, где Москва могла утвердить свое превосходство и влиять на важнейшие военно-политические процессы в стране, приобретает сегодня первостепенное значение²⁴.

Важным итогом 10-летнего вооруженного конфликта в Сирии стало изменение баланса сил в пользу Б. Асада и его союзников – России и Ирана. В результате начавшейся в сентябре 2015 г. операции российских ВКС сирийские правительственные войска смогли вернуть под свой контроль основные населенные пункты в стране, создав так называемый пояс «полезной Сирии», включая Дамаск, Хомс, Хаму, Алеппо и Латакию. Прорыв блокады ИГИЛ Дейр аз-Зора создало предпосылки для последующих успехов в борьбе за полное овладение городом и его пригородами, а также открыло путь к стратегически важному городу Абу Камаль на границе с Ираком. Достигнутые результаты фактически создали весомые предпосылки для выживаемости и сохранения правящего режима²⁵.

Важная роль в завершении вооруженного этапа конфликта и переход к политическому диалогу принадлежит национальным вооруженным силам.

В то же время одним из уязвимых мест режима остаются его вооруженные силы и органы безопасности. Сирийским властям с большим трудом удастся перестраивать Сирийскую Арабскую Армию (САА) с точки зрения повышения ее структурной эффективности и боеспособности. Правительственные вооруженные силы вынуждены прибегать к поддержке различного рода лояльных режиму милицейских отрядов при проведении критически важных военных операций.

Данное обстоятельство порождает дальнейшую фракционность в САА и ослабляет авторитет и власть центрального военного командования. В свою очередь, это сеет различного рода сомнения среди как союзников, так и противников режима в его возможностях и способности правительственных вооруженных сил обеспечить в будущем безопасность страны, а также сохранить порядок в возвращенных под контроль сирийского правительства районах.

Сложившаяся в САА ситуация вынуждает основных союзников режима (Россия и Иран) стремиться расширить сферу своего контроля над различными подразделениями ССА. В будущем это может неоднозначно сказаться не только на боеспособности и эффективности сирийских вооруженных сил, но и оказать влияние на мировоззрение их личного состава и идеологические установки.

Приоритетная опора Б. Асада на лояльные режиму конфессиональные милиции (в основном инациональные) в борьбе с вооруженной оппозицией вместо того, чтобы использовать собственные вооруженные силы, ставит ряд важных вопросов²⁶.

Поэтому в сложившейся ситуации вряд ли возможно говорить об абсолютном доминировании какого-либо одного участника конфликта, способного разрешить вышеупомянутый комплекс вопросов, принудив конфликтующие стороны к миру в собственных интересах. Данная фаза сирийского конфликта требует от его основных участников серьезно пересмотреть свои прежние подходы к ключевым проблемам сирийского урегулирования с учетом быстро меняющейся ситуации в стране и новой роли своих союзников и соперников на поле сирийского кризиса, чтобы добиться его подлинного урегулирования.

¹ Подробнее см.: Akhmedov V. Syrian Crisis. Special Report. 10.04.2019. URL: <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf> (accessed 04.10.2020).

² Quilliam N. Syria and the New World Order. L., 1999. P. 27–60.

³ Zisser E. The Syrian Army: Between the Domestic and the External Fronts // Middle East Review of International Affairs. 2001. 5.1. P. 1–12.

⁴ Ziadeh R. As-Sulta wa-l-Istihbarat fi Syria. [Power and Policy in Syria. Intelligence Services, Foreign Relations and Democracy in the Modern Middle East (in Arabic)]. Beirut, 2013. P. 143–170.

⁵ Seale P. Asad of Syria. The Struggle for the Middle East. L., 1988. P. 552.

- ⁶ Alan G. Syria: Neither Bread nor Freedom. L., New York, 2003. P. 8, 40–87.
- ⁷ Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy // Rubin B., Keaney Th. A. (Eds.). L., Portland, 2002. P. 1–23.
- ⁸ Подробнее о роли исламистской оппозиции в Сирии см.: Ахмедов В.М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. – начало XXI в.). М., 2015. С. 52–57.
- ⁹ Lister C., Nelson D. All the President's Militias: Assad's Militiafication of Syria // Middle East Institute. 14.12.2017. URL: <http://www.mei.edu/content/article/all-president-s-militias-assad-s-militiafication-syria> (дата обращения: 25.04.2018).
- ¹⁰ Journal of Strategic Studies. 2015. 38.5. P. 626–649. Published online: 04.08.2015. URL: <https://www.tandfonline.com/toc/fjss20/38/5?nav=tocList> (accessed 01.10.2020).
- ¹¹ Syria Deeply, Analysis: The Fifth Corps and the State of the Syrian Army. Newsdeeply. 11.01.2017. URL: <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/2017/01/11/analysis-the-fifth-corps-and-the-state-of-the-syrian-army> (accessed 01.11.2020).
- ¹² Ахмедов В. Кто воюет в Сирии? Институт Ближнего Востока. 2014. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20322#more-20322> (дата обращения: 01.09.2020).
- ¹³ Dusen Van M. Political Integration and Regionalism in Syria // The Middle East Journal. 1972. № 2. P. 23–56.
- ¹⁴ Ахмедов В.М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. М.: ИВ РАН, 2018. С. 74–120.
- ¹⁵ Itani F. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Atlantic Council of the United States. Rafik Hariri Center for the Middle East // Issue in Focus. June 27, 2014. P. 3–5.
- ¹⁶ Подробнее о роли «Братьев-мусульман» в сирийском кризисе см.: Lund A. Struggling to Adapt: The Muslim Brotherhood in a New Syria. Carnegie Endowment. URL: http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf (accessed 01.10.2020).
- ¹⁷ Подробнее о роли салафитов в сирийском восстании см.: Abdurrahman al-Haj. Al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad. Al-Jazeera Special Report. 20 May 2013p. 11–12, 16–18, 27–39 [Abdurrahman al-Haj. Salafiya and salafists in Syria: from al-Islam to al-Jihad. Al-Jazeera Special Report. 20 May 2013 (in Arabic)].
- ¹⁸ Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток. Арабские революции и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012.
- ¹⁹ Подробнее см.: Ахмедов В. Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока // Гуманитарий. М.: ИВ РАН, 2008.
- ²⁰ Подробнее см.: Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке.
- ²¹ Подробнее о роли Ирана в Сирии см.: Clawson P. Iran's Vulnerabilities to U.S. Sanctions. Part 1: Finding the Weak Spots. The Washington Institute. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-vulnerabilities-to-u.s.-sanctions-part-1-finding-the-weak-spots> (accessed 01.09.2020).
- ²² Djabhat An-Nusra Tafkadu Hadinatiha Ash-Sha'abiya Fi Ibleb Wa Intilak Al-A'ad Al-Aksyi Li-t-Tafakkuk. Elnashra. URL: <https://www.elnashra.com/news/show/118521/> (accessed 01.09.2020); Leader in Levant Liberation [Committee] to Quds Arabi: We will fight Zenki Movement that wants to eliminate us... Al-Quds al- Arabi (UK). 23.02.18. URL: <https://www.alquds.co.uk/?p=88547/> (accessed 01.09.2020).
- ²³ Ахмедов В.М. Восточная Гута – переломная точка в Сирийской войне // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 1. С. 135–140.

²⁴ Подробнее об инициированных Россией перестановках в сирийских спецслужбах см.: An-Nahas S. Al-Mamluk wa Kadat Al-Istihbarat Al-Judud: Russiya Tanal Hissat Al-Assad. Almodonline. 08.07.2019. URL: <https://bit.ly/2JpNnfM> (accessed 12.08.2019); Al-Tamimi J.A. Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel: Translation & Analysis. Pundicity. 03.05.2017. URL: <https://goo.gl/ngXYKc> (accessed 01.09.2020); Al-Tamimi J.A. The Hay'at Tahrir al-Sham-al-Qaeda Dispute: Primary Texts (VIII). Aymenn Jawad Al-Tamimi blog. 03.02.2019. URL: <http://www.aymennjawad.org/2019/02/the-hayat-tahrir-al-sham-al-qaeda-dispute-primary-7> (accessed 01.09.2020).

²⁵ Ахмедов В.М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М.: ИВ РАН, 2018. С. 134–152.

²⁶ Подробнее о развитии российско-сирийских отношений см.: Ахмедов В.М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: ИВ РАН, 2011. С. 207–219.

Российско-турецкие отношения в вопросе сирийского урегулирования

Резюме. В политической сфере одним из наиболее приоритетных направлений российско-турецкого сотрудничества является сирийское урегулирование. В 2016 г. Турция и Россия приняли решение обсудить сирийскую проблему, несмотря на противоположные взгляды на ситуацию. Астанинский процесс привел к формированию зон деэскалации. И на данном этапе основным неурегулированным вопросом остается ситуация в провинции Идлиб.

Ключевые слова: Турция, Россия, Астанинский процесс, Сирия, Идлиб

Summary. One of the main directions of the Russian-Turkish relations in the political sphere is Syrian settlement. In 2016 year Turkey and Russia decided to discuss the Syrian problem in spite of opposite opinions concerning the situation Astana process led to the development of deescalation zones. And at this stage the main unsettled item is the situation in the province of Idlib.

Key words: Turkey, Russia, Astana process, Syria, Idlib

Российско-турецкие отношения имеют множество направлений и являют собой феномен наращивания многопланового сотрудничества при сохранении расхождений во взглядах по важным для каждой из сторон проблем. В политической сфере приоритетным направлением сотрудничества в настоящее время является сирийское урегулирование. Имея важное с точки зрения геополитики географическое положение, Россия и Турция несут ответственность за обеспечение мира и стабильности на Ближнем Востоке, где сталкиваются интересы не только региональных, но и внерегиональных государств.

30 сентября 2015 г. в ответ на обращение сирийского правительства началась военная операция Воздушно-космических сил Российской Федерации в Сирии, определяемая Дамаском и Москвой как контртеррористическая; и Анкара, и Москва незамедлительно осознали, что ситуация с Сирией напрямую влияет на отношения

Иванова Инесса Ильинична – доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока (МГИМО), старший научный сотрудник ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-3696-2290.

двух стран. Путь к пониманию позиций друг друга и поиски компромисса были долгими и непростыми. Результатом несогласованности действий сторон стал инцидент в небе над Сирией 24 ноября 2015 г., когда турецкий истребитель сбил российский военный самолет. Эта трагедия привела к резкому ухудшению российско-турецких отношений и введению Россией экономических санкций против Турции. В то же время Москва значительно расширила помощь сирийскому правительству в борьбе с терроризмом, подчеркивая необходимость, говоря словами российского МИДа, «полного отмежевания отрядов так называемой “умеренной” оппозиции от ИГИЛ и [являющейся ее подразделением “Аль-Каиды” “Джабхат ан-Нусры”]».

Охлаждение отношений между Москвой и Анкарой имело негативные последствия для обеих сторон. Поскольку США продолжали поддерживать формирования YPG* (вооруженных сил курдской самообороны) на севере Сирии, в позиции турецкого руководства прагматизм взял верх, и Анкара направила в Москву письмо с выражением сожаления относительно инцидента. В 2016 г. турецкое правительство, возглавляемое новым премьер-министром Бинали Йылдырымом, взяло курс на улучшение отношений с соседними странами и снижение уровня напряженности с ними. В то время как механизмы взаимодействия требовали значительной оптимизации и существовала настоятельная необходимость в установлении прямого диалога на различных институциональных уровнях, нормализация отношений между Анкарой и Москвой началась главным образом благодаря экономическим перспективам.

Чтобы изменить неблагоприятно складывавшуюся для нее обстановку в регионе, Турция была вынуждена кардинальным образом пересмотреть собственные внешнеполитические ориентиры. Назначение нового премьер-министра, которым стал один из давних соратников президента Бинали Йылдырым¹, символизировало начало изменений вектора внешней политики страны. Так, к примеру, был сделан первый шаг в нормализации отношений с Россией, поскольку именно А. Давутоглу отличился наиболее острыми высказываниями в отношении Москвы после инцидента со сбитым само-

* YPG – турецкая аббревиатура вооруженных сил курдской самообороны, которые являются военным крылом сирийской курдской Партии демократический союз (ПДС) (PYD в турецкой аббревиатуре).

летом в ноябре 2015 г. Вслед за его отставкой конфликт был частично улажен благодаря письму Р.Т. Эрдогана на имя Президента В. Путина, в котором он выражал свое личное сожаление и горечь всего турецкого народа в связи с гибелью российского летчика².

Важным катализатором изменения курса внешней политики стала попытка военного переворота в Турции, который, по версии правительства, был осуществлен сторонниками группировки ФЕТО³, признанной в Турции террористической. Показательной для турецкого руководства стала реакция западных государств, которые в ходе переворота заняли выжидательную позицию и не выступили в поддержку правительства Р.Т. Эрдогана. Россия же, наоборот, стала первой страной, осудившей действия путчистов и высказавшей поддержку официальным властям Турции⁴.

Тем не менее сирийский кризис оставался основной нерешенной проблемой между двумя странами. Турция по-прежнему настаивала на том, что единственным легитимным представителем Сирии является сирийская оппозиция, и оказывала содействие антиправительственным группам; Россия же оставалась верна своим обязательствам перед правительством Б. Асада.

В 2016 г. Турция и Россия приняли решение обсудить сирийскую проблему, несмотря на диаметрально противоположные взгляды на ситуацию. Это обсуждение, как и реализация нового подхода Анкары к внешней политике, началось за несколько недель до попытки военного переворота в июле 2016 г. Поддержка Россией президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана стала еще одним доводом в пользу приверженности Анкары своим планам по восстановлению и развитию двустороннего диалога. Встречи президентов и рабочих групп двух стран участились, что позволило несколько повысить уровень взаимопонимания и разработать конкретные механизмы сотрудничества в Сирии. Однако вопрос о YPG оставался для Анкары делом принципа – турецкие власти были уверены в том, что формирования YPG, действующие в Сирии, входят в структуру РПК (Рабочая партия Курдистана), и категорически возражали против их участия во внутрисирийских переговорах. По итогам первой – после «кризиса отношений» встречи Путина и Эрдогана в Санкт-Петербурге 9 августа 2016 г. была исправлена ошибка несогласованности действий в Сирии и создан двусторонний комитет по координации усилий по военной

и дипломатической линиям, использующий совместные разведданные, а также налажена прямая линия для обсуждения инцидентов в воздушном пространстве, достигнута договоренность об обмене информацией о районах, подконтрольных умеренной оппозиции и ИГИЛ.

24 августа 2016 г. Турция при поддержке Свободной сирийской армии начала военную операцию «Щит Евфрата» по устранению Отрядов народной самообороны (YPG) на севере Сирии, угрожавших безопасности Турецкой Республики. В результате окончания операции 29 марта 2017 г. была создана буферная зона безопасности между пограничными городами Аазаз и Джараблус.

Одновременно с началом операции Эрдоган сделал важное заявление – выразил согласие на то, чтобы Асад остался на переходный период. Следует отметить, что Турция выбрала подходящее время и подготовила почву для проведения операции: она получила молчаливое согласие России и США, наладила контакты с Ираном, обеспечив таким образом признание операции мировым сообществом. Сирийская политика России к тому моменту претерпела изменения. Вместо поддержки курдов вследствие их несогласия выступать под сирийским флагом Москва сделала ставку на негласное разграничение сфер влияния в САР совместно с Анкарой. Россия и режим Асада взяли под контроль Дамаск, Центральную Сирию и приморские районы, т.е. территорию, где расположены базы российского флота и авиации, а Турция – Северную Сирию. В связи с началом операции «Щит Евфрата» Москва выразила лишь беспокойство. Посол России в Турции отметил, что Россия понимает, что Турция не раз подвергалась атакам с сирийской территории, что объясняет проведение данной операции⁵. Разделение сфер влияния способствовало и выводу Анкарой повстанцев, которых она прежде сама поддерживала, из Алеппо. Таким образом, Турция сделала первые важные шаги навстречу России в вопросе сирийского урегулирования.

20 декабря 2016 г. в ходе встречи министров иностранных дел России, Турции и Ирана была принята совместная декларация, согласно которой три страны становились гарантами мирных переговоров между правительством и оппозицией Сирии. 29 декабря уже были достигнуты первые успехи трехстороннего сотрудничества: подписаны соглашения между официальным Дамаском и оппози-

цией о прекращении огня, комплекс мер по контролю за режимом прекращения огня и заявление о готовности к началу мирных переговоров по сирийскому урегулированию.

К тому времени сирийские вооруженные силы при воздушной поддержке России перешли в наступление на ключевых направлениях, освободили более 600 населенных пунктов от боевиков ИГИЛ, что поставило на повестку дня поиск новых форматов политического урегулирования. Таковым стал предложенный Российской Федерацией Астанинский процесс.

Одновременно с вышеперечисленными тремя документами были подписаны два Соглашения о формировании делегаций для начала переговоров о политическом урегулировании в целях комплексного разрешения сирийского кризиса мирным путем. В соответствии с ними сирийское правительство и вооруженная оппозиция обязались сформировать делегации, которые будут представлять эти две стороны на переговорах в Астане. Все эти пять документов были одобрены Советом Безопасности ООН в принятой им резолюции № 2336.

Первая встреча в Астанинском формате прошла 23–24 января 2017 г. В ней участвовали делегации от сирийского правительства и оппозиции, наблюдатели ООН и – в качестве стран-гарантов режима прекращения огня – Россия, Турция, Иран. К третьей встрече 14–15 марта того же года присоединились Иордания, ЕС и США. Однако в ней не приняла участие делегация оппозиции, сославшаяся на нарушение режима прекращения огня правительственными силами САР. Важной темой обсуждения четвертой встречи, прошедшей 3–4 мая, стало создание зон деэскалации. С 6 мая в созданных в Идлибе соседних провинциях (Алеппо, Латакия, Хама), в провинции Хомс и Восточной Гуте зонах деэскалации был введен запрет на военную деятельность.

18 января 2017 г. Россия и Турция провели первую совместную воздушную операцию в районе города Эль-Баб по позициям ИГИЛ. Позитивные итоги борьбы с ИГИЛ вновь заставили задуматься о новом формате политического диалога. На этот раз, в октябре 2017 г. В. Путин предложил созвать всеобъемлющий Конгресс сирийского национального диалога, который должен был объединить представителей сирийского правительства, внешней и внутренней оппо-

зиции, всех этнических и конфессиональных групп Сирии, наблюдателей ООН, Красного Креста и Всемирной организации здравоохранения. Конгресс состоялся в Сочи 29–30 января 2018 г. Это была первая попытка провести переговоры с участием всех вовлеченных в конфликт. Главным итогом заседания стала договоренность о создании Конституционного комитета, ответственного за разработку изменений в конституции и включающего в себя представителей официального Дамаска и оппозиции.

20 января 2018 г. Турция при поддержке Свободной сирийской армии начала вторую собственную военную операцию – «Оливковую ветвь». Она проводилась в Африне, населенном в основном курдами. Главной задачей было обозначено недопущение проникновения сирийских и турецких курдов на турецкую территорию, объединения сирийских и турецких курдов, передачи последним оружия, образования так называемого «террористического коридора» в Северной Сирии, для чего необходимо было отрезать курдам выход к Средиземному морю. 4 марта 2018 г. Генштаб Турции заявил об успешном окончании операции и взятии Африна под свой контроль.

К августу 2018 г. правительственными войсками были отвоеваны три зоны деэскалации, за исключением Идлиба. В решении проблемы устранения последнего оплота террористов Россия пошла навстречу Турции, решительно выступавшей против проведения военной операции. Анкара аргументировала свою позицию тем, что там находились и члены умеренной оппозиции, и операция вызвала бы новый приток беженцев и привела бы к гуманитарной катастрофе. Последней опасались и западные страны, и спецпредставитель ООН по Сирии Стеффан де Мистура. Выходом из этой проблемы стал достигнутый Путиным и Эрдоганом в Сочи 17 сентября 2018 г. меморандум по стабилизации ситуации в Идлибе, состоящий из 10 пунктов. Он подразумевал создание к 15 октября новой демилитаризованной зоны 15–20 км вглубь зоны деэскалации, из которой выводилось все тяжелое вооружение, а террористические группировки должны были уйти. За российской военной полицией и турецкими военными оставался контроль вдоль границ демилитаризованной зоны. Турция обязалась провести размежевание радикальной и умеренной оппозиции. Меморандум поддержали официальный Дамаск и Тегеран. Однако, как

показало время, исполнение меморандума не раз подвергалось угрозе срыва из-за продолжающихся атак боевиков.

14 февраля 2019 г. в Сочи состоялся трехсторонний саммит Астанинской группы по Сирии. В переговорах участвовали президенты России, Турции и Ирана – Владимир Путин, Реджеп Тайип Эрдоган и Хасан Роухани. Подводя итоги трехсторонней встречи, президент России сказал: «Вместе с партнерами мы определили ключевые направления дальнейшего взаимодействия в деле урегулирования сирийского кризиса. Очень важно, что наши три страны намерены укреплять сотрудничество в рамках Астанинского процесса, доказавшего свою востребованность. По нашему общему мнению, только сами сирийцы должны определять будущее своей родины. Других вариантов разрешения кризиса нет»⁶.

Вместе с тем можно констатировать, что процесс мирного урегулирования в Сирии идет достаточно трудно. Многие объявленные инициативы не получили реализации. Например, в Идлибе вместо обещанной турками зоны демилитаризации получилась зона скопления боевиков, где активизировалась «Джабхат ан-Нусра», которая либо уничтожила, либо подмяла под себя другие группировки и захватила примерно 90% территории зоны деэскалации⁷. Еще более неопределенным, чем Идлиб, был предполагавшийся уход США из Сирии. Известно, что на освобождающейся территории турецкий президент хотел разместить собственные войска. «Пока курдские террористы не будут вытеснены от Восточного Евфрата до Манбиджа, спокойствия не будет», – подчеркнул Эрдоган. Так называемая зона безопасности, по планам Эрдогана, должна была протянуться вдоль всей сирийско-турецкой границы (около 900 км) и на 32 км уходить вглубь территории Сирии. «Мы удовлетворены позитивным подходом России к идее создания зоны безопасности на севере Сирии», – заявил Эрдоган Путину, явно выдавая желаемое за действительное, поскольку Россия на самом деле настаивала на территориальной целостности Сирии и отсутствии на ее территории иностранных войск.

В конце января 2019 г. МИД РФ предложил искать туркам компромисс с Б. Асадом на основе Аданского соглашения 1998 г., в соответствии с которым сирийское правительство должно отказаться от поддержки Рабочей партии Курдистана и ее производных в Сирии.

А турецкие военные получили право зайти на несколько километров вглубь Сирии для проведения антитеррористических операций. Этот же механизм, как полагают в Москве и Тегеране, можно применить для урегулирования конфликта и сейчас, обойдясь без создания огромной буферной зоны. Конечно, конкретные детали тех или иных проблем, а их множество – ситуация в Сирии, которая должна была складываться после вывода оттуда американских войск, обстановка в Идлибе, перспективы работы сирийского Конституционного комитета – обсуждались и уточнялись на уровнях двух и трехсторонних встреч глав внешнеполитических и силовых ведомств. Поэтому на заключительной пресс-конференции по итогам переговоров Путин, Эрдоган и Роухани говорили почти одними и теми же словами о своих дальнейших совместных шагах в целях долгосрочной реализации обстановки в Сирии. Но главное заключается в том, что Москва, Анкара и Тегеран вместе выступили за сохранение территориальной целостности Сирии.

9 октября 2019 г. Турция объявила о начале третьей операции – «Источник мира» – все с той же целью обеспечения национальной безопасности и ликвидации так называемого «террористического коридора» на границе с Сирией. Кроме того, Анкара планировала в образовавшейся зоне безопасности разместить беженцев. Турецкие вооруженные силы совместно с протурецки настроенными членами оппозиции взяли под контроль города Рас-эль-Айн и Телль-Абьяд на границе и соседние районы, перекрыли стратегическое шоссе М-4 вдоль сирийско-турецкой границы.

22 октября 2019 г. Путин и Эрдоган провели 6-часовые переговоры в Сочи, в результате которых была достигнута договоренность о приостановлении операции и согласованы соответствующие условия. Две стороны подписали Меморандум о взаимопонимании, определяющий мирное разрешение данной ситуации. В соответствии с Меморандумом в нынешнем районе операции, между Телль-Абьядом и Рас-эль-Айном, будет сохранен статус-кво глубиной до 32 км; подразделения Курдских отрядов самообороны должны покинуть 30-километровую зону у сирийско-турецкой границы в течение 150 часов, после чего Россия и Турция начнут совместное патрулирование к востоку и западу от района операции, за исключением города Камышлы, на глубину до 10 км от границы⁸.

Благодаря достигнутому между Путиным и Эрдоганом соглашению были спасены тысячи жизней. Принятый Меморандум является свидетельством доверительных отношений между Москвой и Анкарой. Российская сторона не раз заявляла, что понимает опасения Турции за свою границу и предложила вариант выхода из сложившейся ситуации, который устроил и Турцию, и курдов, и Сирию.

Сейчас наиболее напряженная ситуация в Идлибе, ставшим анклавом террористов, свезенных туда из разных районов Сирии. Еще 19 июня 2019 г. глава МИД Сирии Валид Муаллем заявил о невыполнении Турцией меморандума о демилитаризованной зоне⁹. Российский МИД также не раз заявлял о том, что Турция не выполнила условие, на основании которого в Северной Сирии находится ее армия, – не размежевала умеренную и радикальную оппозицию и не вывела экстремистов из демилитаризованной зоны.

10 января 2020 г. Москва и Анкара в очередной раз объявили о введении с 12 января режима прекращения огня в зоне деэскалации. Это привело к увеличению атак со стороны экстремистов.

5 февраля на заседании парламентской фракции ПСР Реджеп Тайип Эрдоган выступил с заявлением, заключающим в себе ультиматум Башару Асаду о том, что сирийская армия должна отойти за наблюдательные пункты турецких вооруженных сил в Идлибе, в противном случае «Турция будет вынуждена добиться этой цели собственными силами»¹⁰.

21 февраля 2020 г. В.В. Путин выразил «серьезную обеспокоенность» агрессивными действиями радикалов в Идлибе¹¹. Лидеры России и Турции в ходе телефонного разговора договорились об активизации межведомственных консультаций по сирийской провинции, нацеленных на ликвидацию террористической угрозы, обеспечение прекращения огня и снижение напряженности. Однако атаки террористов на российскую авиабазу Хмеймим не прекращались, последняя оборонялась.

27 февраля Турция в ответ на обстрелы по позициям террористов со стороны сирийской армии, в результате которых погибли турецкие военные, начала операцию «Весенний щит». Боевики исламистского альянса «Хайят Тахрир аш-Шам» (основу которого составляет бывшая «Джабхат ан-Нусра») и «Национального фронта освобождения», объединившего в 2018 г. основные экстремистские груп-

пировки в Идлибе, при поддержке турецких ВВС стали наступать на позиции сирийской армии. Им удалось взять поселок Нейраб, а затем расположенный рядом стратегически важный город Саракиб на пересечении магистралей М-4 (Латакия – Алеппо) и М-5 (Дамаск – Алеппо), его пригороды и установить контроль над 12-километровым участком трассы М-5. В результате наблюдательные пункты турецких вооруженных сил в южной и восточной частях города были деблокированы. Сирийская армия при поддержке российских ВКС смогла вернуть город под свой контроль 2 марта. Тогда же в него вошла российская военная полиция, призванная стабилизировать обстановку.

5 марта Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган провели 6-часовые переговоры сначала с глазу на глаз, а затем в расширенном составе. В результате было выработано новое соглашение по Идлибу. Оно предусматривало с полуночи 6 марта начало действия режима прекращения огня, создание коридора безопасности в границах по 6 км к северу и югу от трассы М-4 (Латакия – Алеппо), совместное патрулирование с 15 марта от находящегося в 2 км от Саракиба населенного пункта Трумба до населенного пункта Айн-эль-Хавра¹². В ходе пресс-конференции по итогам переговоров стороны подтвердили приверженность соглашению о создании зон деэскалации от 2017 г. и Меморандуму по стабилизации ситуации в Идлибе от 17 сентября 2018 г. Вместе с тем Эрдоган заявил, что «Турция оставляет за собой право ответить на всяческие нападения со стороны режима своими силами»¹³. 28 апреля было проведено очередное патрулирование. Однако джихадисты сдаваться не собирались, что они продемонстрировали атаками в день достижения мирного соглашения, поэтому угроза терроризма по-прежнему остается.

С точки зрения развития двусторонних отношений эти переговоры в очередной раз показали наличие у обоих лидеров твердого намерения продолжать сотрудничество, в том числе в Астанинском формате, придавшем новый импульс сирийскому урегулированию. Оба президента отметили, что соглашение стало возможным благодаря тесным личным контактам, достижению странами высокого уровня развития сотрудничества, основанному на взаимном уважении и взаимной основе, а также общим традициям и историческому прошлому народов.

Параллельно с военными операциями маленькими шажками идет подготовка к послевоенному возвращению Сирии к мирной жизни. В ходе первой сессии Конституционного комитета 30 октября – 2 ноября 2019 г. была сформирована малая группа из 45 человек для выработки предложений по изменению Конституции САР. Вторая сессия, состоявшаяся в конце ноября, не принесла результатов из-за разногласий между делегациями. Третья, запланированная на март – апрель 2020 г., была отложена на неопределенное время из-за коронавируса, однако образование редакционной группы уже является прогрессом в политическом процессе.

Итак, политика – определяющая сфера в отношениях России и Турции. Именно в ней особенно ярко проявляются противоречия, на преодоление которых нацелены гуманитарные и экономические связи, смещающие акцент на привлекательные черты государства и взаимные выгоды от продолжения сотрудничества. Последнее, согласно позиции России, однако, возможно при нормальных дипломатических отношениях.

Москву и Анкару связывает очень многое, более того, они понимают, что несут ответственность за обеспечение мира и стабильности в Черноморском регионе и на Ближнем Востоке, что требует их совместных действий. Это, по всей видимости, и не позволяет им ставить двусторонние разногласия выше общей цели. При этом главным принципом сотрудничества, безусловно, является соответствие национальным интересам. Именно из него страны исходят при поиске компромиссных решений или оставлении каких-либо вопросов в стороне.

Перемирие, утвержденное на саммите в Москве, продолжает держаться, но при этом просматривается перспектива раздела Сирии на сферы влияния. Сегодня турецкие вооруженные силы стоят в Идлибе. Турки дальше углубляться в Сирию не намерены, но и выводить войска не собираются. «Заставить турок уйти или зачистить Идлиб от вооруженной оппозиции ни сирийская армия, ни ее союзники, ни российская группировка не в состоянии», – указывает известный эксперт по Ближнему Востоку П. Фельгенгауэр¹⁴. Таким образом, мартовская встреча в Москве заморозила текущую ситуацию на пути сирийских сражений, однако не проложила пути к урегулированию. Так, есть буферная зона вдоль турецко-сирийской гра-

ницы, контролируемая с теми или иными оговорками турками. Есть Идлиб, который оказался под контролем турецких вооруженных сил в результате операции «Весенний щит».

Есть восточный берег Евфрата, где ситуацию контролируют подерживаемые США курдские вооруженные формирования. В Сирийском демократическом совете – управляющем органе автономного региона Северо-Восточной Сирии – заявили о заключении сделки с американской компанией Delta Crescent Energy LLC: в обмен на право разработки трех месторождений – Румейлан, Телль-Хамис и Телль Брак – компания построит нефтеперерабатывающий завод в Заевфратье за 150 млн долл.¹⁵ Это косвенно свидетельствует о том, что американское присутствие в Сирии будет долгосрочным. Этот проект подкрепляется и политическими шагами со стороны США. Как сообщают в Вашингтоне, контракт с курдами по добыче нефти был подписан «при поддержке Белого дома». По словам тогдашнего госсекретаря США Майкла Помпео, благодаря сделке будут «модернизированы месторождения на северо-востоке Сирии»¹⁶.

Новость о заключении соглашения между курдами и американской компанией об обустройстве нефтяных месторождений вызвала резкую критику со стороны Дамаска, Анкары и Москвы.

Сирийские власти назвали США «ворами» и подчеркнули, что сделка, заключенная в обход центрального правительства, незаконна¹⁷. Анкаре также не нравится укрепление экономической независимости сирийских курдов. «Природные ресурсы Сирии принадлежат сирийскому народу. Мы сожалеем, что США поддерживают шаг, который нарушает нормы международного права, разрушает территориальную целостность Сирии и подпадает под статью финансирование терроризма», – заявили в МИД Турции, комментируя новость о заключении соглашения между автономной администрацией Северной Сирии и американской нефтяной компанией Delta Crescent Energy. В МИД России также была выражена озабоченность противоправной сделкой США и курдов по добыче нефти в Сирии.

В МИД РФ указали, что речь идет «о систематическом нарушении Вашингтоном норм международного права и международного гуманитарного права», а также обязательств в качестве оккупирующей державы. «Более того, администрация США вновь продемонстрировала очевидное пренебрежение к Уставу ООН и решениям

Совбеза и Генассамблеи в пользу неукоснительного уважения суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики (САР), государства – члена организации», – отметили в министерстве.

«Американцы не только незаконно оккупируют территории на северо-востоке и юге Сирии, но и участвуют в разграблении и нелегальной торговле природными ресурсами страны, которые являются достоянием всего сирийского народа. И это на фоне очередного ужесточения односторонних санкций, принятых в обход СБ ООН, исключение из которых показательно делается для неподконтрольных правительству САР территорий», – подчеркивалось в сообщении.

При этом в МИД РФ обратили внимание, что доходы от добычи и контрабанды нефтепродуктов в регионе «получают далеко не все жители этого района Сирии».

«СМИ и аналитические центры регулярно публикуют информацию о гражданских протестах на северо-востоке САР против незаконного присутствия США и произвола курдских властей, не заботящихся о благополучии мирных жителей. В то же время курс США на искусственное усиление курдов в ущерб другим этноконфессиональным группам Заевфратья не только провоцирует внутреннюю напряженность, но и создает серьезные угрозы региональной безопасности и стабильности», – указали в российском внешнеполитическом ведомстве¹⁸.

7 сентября 2020 г. глава МИД РФ Сергей Лавров посетил Дамаск. Это был его первый официальный визит в Сирию с февраля 2012 г. Во время поездки он встретился с президентом республики Башаром Асадом и своим сирийским коллегой Валидом Муаллемом. Итоги дипломаты подвели на совместной пресс-конференции, она прошла с участием вице-премьера РФ Юрия Борисова.

Дипломаты дали понять, что политический переход и урегулирование ситуации в стране идут по плану. Стороны обсудили один из ключевых вопросов – размежевание оппозиции от террористов в сирийской провинции Идлиб, которое взяла на себя турецкая сторона. По словам Сергея Лаврова, у Москвы есть все основания полагать, что Анкара свою работу доведет до конца.

Ситуация в стране в последнее время успокоилась, и оставшиеся очаги терроризма будут уничтожены, заявил российский

министр, затронув ситуацию вокруг Конституционного комитета Сирии, недавно возобновившего работу в Женеве, а также тему президентских выборов в САР.

«Вопрос о выборах в Сирии – это вопрос сирийского правительства. И пока не разработана новая конституция или не изменена действующая, в силе остается нынешняя конституция в том виде, в котором она сейчас существует», – сказал Сергей Лавров, подчеркнув, что по работе Конституционного комитета «никаких крайних сроков нет и быть не может».

В свою очередь, Валид Муаллем заявил, что выборы президента пройдут, как и задумывалось, в 2021 г. По его словам, их проведение никак не связано с работой Конституционного комитета в Женеве.

Это был очень важный визит. Наступило такое время – свертка часов, поэтому назрела необходимость самому Сергею Лаврову поехать в республику. Конечно, первым и главным вопросом была ситуация в Идлибе, вторым – вопрос Конституционной комиссии и, наконец, экономика страны. Все эти три блока были рассмотрены на встрече¹⁹.

В вопросе Идлиба очень важно, что Сергей Лавров подтвердил приверженность Астанинскому процессу. Он указал на то, что и Турция, и Иран, и Сирия успешно взаимодействуют, несмотря на разницу подходов. Что касается Конституционного комитета, то на встрече были снова обозначены четкие позиции. Важно и то, что Москва подтвердила: работа комитета и проведение президентских выборов в САР в 2021 г. никак не связаны между собой.

По мнению востоковеда и дипломата Вячеслава Матузова, визит главы российского МИДа прошел как раз вовремя: завершив основную борьбу с терроризмом, Сирия столкнулась с политической неурегулированностью, которая мешает главному – сохранению территориальной целостности страны.

Поэтому требуется реализовывать те договоренности, которые были достигнуты в Астане, Сочи, Анкаре и Москве по поводу сирийского урегулирования. Недавно состоялся первый раунд переговоров Конституционного комитета Сирии (возобновил работу 24 августа после десятимесячного перерыва), который, по оценкам российского МИДа, закончился с позитивными результатами²⁰.

Вместе с тем обстановка в сирийской провинции Идлиб, большую часть которой контролирует протурецкая оппозиция наравне

с радикальными формированиями, может в очередной раз обострить отношения между Россией и Турцией.

Об усилении турецкого присутствия в Идлибе сообщила базирующаяся в Великобритании Сирийская обсерватория по правам человека (SOHR). Согласно ее информации, колонна с турецкой бронетехникой накануне пересекла контрольно-пропускной пункт Кафр-Лосин в южном направлении. Мониторинговая группа напоминает, что с марта 2020 г., когда президенты Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган сумели согласовать очередные договоренности о прекращении огня в Идлибе, турецкая сторона успела направить в этот неподконтрольный сирийскому правительству анклав свыше 6 тыс. единиц бронетехники и грузовиков. Это усиление сопровождалось переброской сотен военнослужащих, отмечают наблюдатели²¹.

Тем временем источники арабского издания «Аль-Араби аль-Джадид» сообщили, что за одно только воскресенье, 20 сентября, проправительственная авиация совершила несколько десятков нападений на позиции в Идлибе. Это самый интенсивный обстрел провинции с момента подписания мартовских соглашений между Россией и Турцией, отмечает издание.

О том, что отношения между Москвой и Анкарой – двумя гарантами сирийского урегулирования – снова могут обостриться, следует и из заявлений МИД РФ. В интервью агентствам, которое вышло 21 сентября, спецпредставитель президента РФ по Ближнему Востоку и Африке, замглавы МИД РФ Михаил Богданов заметил, что в Идлибе остается слишком много радикалов. «Они все еще представляют большую угрозу и для сирийцев, и для нашего присутствия по просьбе легитимного правительства САР, – отметил дипломат. – Обстановка там пока еще тревожная. Турецкая сторона заверяет, что будет последовательно выполнять обязательства, вытекающие из договоренностей об обеспечении безопасности в Идлибской зоне».

Похожие оценки дала 17 сентября 2020 г. на своем регулярном брифинге официальный представитель МИД РФ Мария Захарова, заметив, что активность радикальных структур «частично сдерживается присутствием в Идлибской зоне турецких военных и совместными российско-турецкими патрулями на трассе М-4». «Однако выполнение Анкарой своих обязательств по российско-турецкому

меморандуму, который был подписан 5 марта текущего года, затягивается», – подчеркнула дипломат. По ее словам, «несмотря на успехи, достигнутые в борьбе с международным терроризмом на многострадальной сирийской земле при ключевой роли российских военных, ситуация в стране все еще далека от стабильности»²².

Осенью 2020 г. Москва и Анкара были вынуждены активизировать каналы на высшем уровне из-за многочисленных жертв, которые понесла турецкая регулярная армия из-за – якобы случайных – ударов Сирийской арабской армии. Последние очные контакты по поводу судьбы Идлиба состоялись в Анкаре 16 сентября на уровне представителей дипведомств. Российскую делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел Сергей Вершинин, турецкую – его коллега Седат Онал. Тем не менее, если судить по заявлениям официальных лиц, существенных подвижек в диалоге о сирийской провинции переговорщикам добиться не удалось.

Основным стратегическим противником для США, по версии новой команды американского президента Джозефа Байдена, будет Россия. Об этом уже заявили выдвинутые им кандидаты на посты госсекретаря Тони Блинкен и главы Пентагона Ллойд Остин. Судя по их словам, США намерены активизироваться на геополитически важных для РФ территориях, в том числе в регионах Ближнего Востока и на постсоветском пространстве. В Афганистане и Ираке Пентагон свертывает свои воинские контингенты, а в Сирии и Восточной Европе он начинает их наращивать.

Новая администрация США, судя по заявлениям ее потенциальных сотрудников, будет более жестко противодействовать России. Скажем, если в Сирии ушедший президент Дональд Трамп намеревался сократить до минимума контингент американских сил, то сейчас силы там наращиваются. Как сообщает телеканал Syria TV, на днях из Ирака на северо-восток Сирии США перебросили 200 своих военнослужащих. Они распределены в районе нефтегазовых полей в провинции Дейр-эз-Зор, которые вместе с американцами контролируют курдские вооруженные формирования, настроенные оппозиционно к правительству Сирии. Ллойд Остин, говоря о планах на посту главы Пентагона, заявил, что «пересмотрит проблему присутствия американских военных на Ближнем Востоке, чтобы быть уверенным в том, что это присутствие должным образом сбалансировано для

решения широкого спектра вызовов в регионе. В том числе вызовов со стороны Китая и России».

Москва, Пекин и Дамаск не раз высказывались против присутствия американских войск в Сирии. Но вытеснить их пока не получалось. Поддержка администрацией Байдена курдских формирований только усугубит противоречия и потребует от России усиления военного потенциала, позволяющего поддерживать режим сирийского лидера Башара Асада²³.

Можно констатировать, что на данном этапе политический процесс в рамках международно признанных границ Сирийской Арабской Республики зашел в тупик. Определились границы контроля над определенными районами Сирии. Есть буферная зона вдоль турецко-сирийской границы, контролируемая с теми или иными оговорками турками. Есть Идлиб, который оказался под контролем турецких вооруженных сил в результате операции «Весенний щит». Есть восточный берег Евфрата и нефтеносные поля, удерживаемые американской армией. Нет четкого понятия о будущем конституционном устройстве Сирии. Поскольку кризис в Сирии затянулся на долгие годы, трудно в ближайшей перспективе ожидать его окончательного решения.

¹ Ak Parti'de yeni Başbakan Binali Yıldırım oldu // [aksam.com.tr](https://www.aksam.com.tr/yasam/ak-partide-yeni-basbakan-ne-zaman-aciklanacak/haber-517181/), 20.05.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aksam.com.tr/yasam/ak-partide-yeni-basbakan-ne-zaman-aciklanacak/haber-517181/>.

² Эрдоган извинился перед Путиным за сбитый СУ-24 // [tass.ru](https://tass.ru/politika/3407975), 27.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/3407975>.

³ Попытка военного переворота в Турции в 2016 году // [ria.ru](https://ria.ru/20170715/1498412630.html), 15.07.2017 [Электронный ресурс]. URL: [https://ria.ru/20170715/1498412630.html/](https://ria.ru/20170715/1498412630.html).

⁴ 15 Temmuz Darbe Girişimi ve Milletin zaferi / Cumhurbaşkanlığı Genel Sekreterliği / Cumhurbaşkanlığı Yayınları. Ankara, 2016. S. 27–29 // [tccb.gov.tr](https://www.tccb.gov.tr/assets/dosya/15_Temmuz_tr.pdf) [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tccb.gov.tr/assets/dosya/15_Temmuz_tr.pdf/](https://www.tccb.gov.tr/assets/dosya/15_Temmuz_tr.pdf).

⁵ URL: <http://www.trt.net.tr/russian/turtsiia-rossia-dvie-strany-dva-obshchestva/2016/10/03/581980/>

⁶ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59830>.

⁷ Известия. 16.02.2019.

⁸ Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. 22.10.2019. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/supplement/5452?fbclid=IwAR0nxODiIfPNzMiIOS2-Jilva tvDLLi TnOBPblzA6OBPbINDLERJXPc>.

⁹ Глава МИД Сирии заявил, что Турция не выполняет сочинский меморандум. Рамблер. – Режим доступа: URL: <https://news.rambler.ru/middleeast/42366749-glava-mid>

sirii-zayavil-chtoturtsiyaa-ne-vypolnyaet-sochinskiy-memorandum/ (Режим доступа: 19.06.2019).

¹⁰ Турция отвела Асаду время для отвода войск в Идлибе. – Режим доступа: URL: <https://aa.com/tr/ru/1724795>.

¹¹ Путин выразил Эрдогану обеспокоенность агрессивными действиями экстремистов в Идлибе. ТАСС. – Режим доступа: URL: <https://tass-ru.turbopages.org/s/tass.ru/politika/7817589>.

¹² Лавров назвал три договоренности России и Турции по Идлибу. – Режим доступа: URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/s/rbc.ru/politics/05/03/2020/5e6106459a79475127524e80>. – Режим доступа: 5.02.2020.

¹³ Заявления для прессы по итогам российско-турецких переговоров. – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62948>.

¹⁴ Новая газета. 11.03.2020.

¹⁵ Независимая газета. 09.08.2020.

¹⁶ Коммерсантъ, № 137. 04.08.2020.

¹⁷ Коммерсантъ, № 137. 04.08.2020.

¹⁸ URL: tass.ru/politika/9148945. 7.08.2020. В МИД России озабочены противоправной сделкой США и курдов по добыче нефти.

¹⁹ URL: iz.ru/10579/39/izdaleka-bystrozachem-sergei-lavrov-ezdil-v-siriu // Известия. 07.09.2020.

²⁰ Там же.

²¹ Независимая газета. 21.09.2020.

²² Там же.

²³ Независимая газета. 21.01.2021.

Иран в Сирии: проблемы и будущее

Резюме. В статье делается попытка конспективно проанализировать участие и роль Исламской Республики Иран (ИРИ) в событиях в Сирийской Арабской Республике (САР) в последние годы.

При этом деятельность Ирана в Сирии в политической, экономической, идеологической сферах прослеживается на фоне позитивной работы России в этой стране. Это касается в том числе и активности Москвы в деле снижения напряженности между Ираном и Израилем, которая четко проецируется сегодня на сирийской территории.

В статье отмечается, что нынешняя политика Ирана в Сирии не является конструктивным фактором, способным содействовать решению сложнейшей многослойной и неоднозначной проблемы будущего Сирии. Иран действует исключительно в своих эгоистичных интересах, которые отталкивают многие страны от сотрудничества в деле восстановления всех сфер жизни Сирии.

Ключевые слова: Иран, Сирия, Россия

Summary. This article attempts to concisely analyze the participation and role of the Islamic Republic of Iran (IRI) in the events in the Syrian Arab Republic (SAR) in recent years.

At the same time, Iran's activities in Syria in the political, economic, and ideological spheres can be traced against the background of Russia's positive work in this country.

This concerns, among other things, Moscow's activity in reducing tensions between Iran and Israel, which is clearly projected today on Syrian territory.

The article notes that the current Iranian policy in Syria is not a constructive factor capable of contributing to the solution of the most complex multi-layered and controversial problem of the future of Syria. Iran acts exclusively in its own self-interests, which alienate many countries from cooperation in the restoration of all spheres of Syrian life.

Key words: Iran, Syria, Russia

С 2011 г. проблемы Сирийской Арабской Республики (САР) и вокруг неё не исчезают с поля зрения политиков, политологов и аналитиков.

Сажин Владимир Игоревич – старший научный сотрудник ИВ РАН, кандидат исторических наук. ORCID: 0000-0003-1429-476X.

В этой связи в последнее время в СМИ всё чаще обсуждаются вопросы участия и роли Исламской Республики Иран (ИРИ) в событиях, происходящих в Сирии уже более десяти лет.

Не секрет, что Иран был первой страной, подключившейся к гражданской войне в Сирии, разразившейся в 2011 г. Именно Тегеран оказал скорую экстренную помощь режиму президента Башара Асада, не дав оппозиции его свергнуть. Однако дальше события развивались не так, как предполагали в Тегеране.

К лету 2014 г. восточная часть страны оказалась под властью террористической организации «Исламское государство» (она же ИГ, ИГИЛ, ДАИШ – запрещена в РФ), провозгласившего создание халифата на части территории Сирии и Ирака со столицей в сирийском городе Ракка.

В 2015 г. вооруженные силы режима Асада и иранский контингент Корпуса стражей исламской революции (КСИР), под командованием генерала Солеймани, ливанская «Хезболла», а также проиранские многонациональные шиитские формирования потерпели ряд серьезных поражений. Судьба Асада опять повисла на волоске.

Спасая положение, Касем Солеймани дважды посетил Москву в конце июля и в начале августа 2015 г., и убеждал российское руководство принять участие в гражданской войне в Сирии¹. 30 сентября Воздушно-космические силы (ВКС) РФ начали боевые действия против исламистских террористов ИГ. Участие российских ВКС, их боевые усилия предопределили разгром террористических группировок в Сирии, восстановление территориальной целостности этой страны, сохранение ее суверенитета.

Успехи антитеррористических сил в Сирии побудили президента России Владимира Путина сделать в Сочи на встрече с президентом Асадом 17 мая 2018 г. заявление о необходимости вывода всех иностранных вооруженных формирований с территории этой страны: «Исходим из того, что в связи со значительными победами и успехом сирийской армии в борьбе с терроризмом, с началом более активной части, с началом политического процесса в его более активной фазе иностранные вооруженные силы будут выводиться с территории Сирийской Арабской Республики»².

Это заявление вызвало неоднозначную, но быструю реакцию в Тегеране. Министр иностранных дел ИРИ Мохаммад Джавад Зариф

заявил, что Иран находится в Сирии с официального разрешения властей, и намекнул, что никуда из Сирии уходить не намерен. И это понятно: Сирия слишком значима для Тегерана в его геополитических раскладах.

Пожалуй, именно май 2018 г. стал развилкой на ранее совместном пути военно-политических процессов, осуществляемых Россией и Ираном в отношении Сирии. Тогда, после практически полного разгрома ИГИЛ на сирийской территории, стал вопрос о будущем сирийского государства. И здесь взгляды Москвы и Тегерана разошлись.

Россия видит Сирию как многонациональное, многоконфессиональное, при этом светское государство, которое имеет дружеские отношения с Москвой и учитывает ее интересы в этой стране и на всем Ближнем Востоке (включая российские военные базы ВКС (Хмеймим) и ВМФ (Тартус). При этом для РФ важно, чтобы Сирия имела нормальные отношения с соседями, прежде всего с Израилем и Турцией. Сегодня, после победы над ИГИЛ, формирование «новой Сирии» могло быть обеспечено, по мнению России, только мирным путем, то есть активизацией конституционного процесса, в который включены все заинтересованные стороны, в том числе оппозиция Башару Асаду. При этом не секрет, что в данном контексте для России личность Башара Асада не является абсолютом.

Однако в настоящее время, когда работа сирийского Конституционного комитета сталкивается со значительными трудностями в связи с глубокими разногласиями его участников, президент Асад пока остается единственной фигурой, олицетворяющей государственность Сирии. Это учитывают в Москве и, несмотря на разные гипотетические варианты дальнейшей судьбы Башара Асада, делают всё возможное для укрепления сирийской государственности, что, естественно, укрепляет сегодня, правда, и самого Асада. Но асады приходят и уходят, а Сирия должна оставаться, сохраняя свой суверенитет. Одним из основных факторов суверенитета и государственности являются вооруженные силы, подчиненные легитимному руководству. В этом плане Россия сделала много для Сирии и ее будущего.

Так, за пять лет российского присутствия в Сирии Москва, приложив максимум усилий по реорганизации, модернизации и оснащению сирийской армии, смогла добиться повышения ее профес-

сионизма, восстановления управляемости, боеготовности. Благодаря помощи и инициативным действиям России сформированы, обучены и оснащены 4-й и 5-й корпуса сирийской армии, реорганизовано элитное подразделение «Сила тигров», которое добилось ряда побед в конфликте над террористами. Поэтому можно констатировать, что Россия, возрождая вооруженные силы, подчиненные исключительно сирийскому государству, укрепляла не режим Башара Асада, а сирийскую государственность.

Иран, в отличие от России, видит в Сирии цитадель, форпост в своей стратегической борьбе против Израиля и «неправильных мусульманских режимов, продавшихся мировому сионизму и американскому империализму». На алтарь формирования этой крепости иранцы принесли немало жертв и денег. За девять лет участия в боевых действиях в этой стране Иран потерял несколько тысяч своих бойцов, в том числе 11 генералов. Кроме того, по разным оценкам, начиная с 2011 г., Тегеран ежегодно тратил на помощь Сирии от 5 до 20 млрд долл.³

Иран сознательно и целенаправленно платит высокую цену (в прямом и переносном смысле) за Сирию. Для ИРИ эта страна – «золотое звено», как любят повторять в Тегеране (термин, предложенный советником верховного лидера ИРИ по внешней политике Али Акбаром Велаяти), в шиитской цепи, простирающейся от Ирана на запад через Ирак, Сирию, Ливан к Средиземному морю. Эту цепь ещё называют «шиитским поясом» или «осью сопротивления» (надо понимать, Израилю и США). Как пояснил командующий аэрокосмическими силами КСИР бригадный генерал Амир Али Гаджизаде, «все члены “оси сопротивления” едины, и мы должны объединить наши усилия по выводу американских сил из региона и уничтожению сионистского режима... “Ось сопротивления” – это не только Иран, она простирается от Красного до Средиземного моря и от “Ансар Аллы” в Йемене до “Хезболлы” в Ливане»⁴.

Потеря Сирии для Ирана – это разрыв «оси сопротивления», это потеря сухопутных путей в Ливан, к своей крестуре – организации «Хезболла», – это потеря возможности непосредственно угрожать Израилю через сирийско-израильскую границу, это в значительной степени потеря авторитета среди шиитских группировок на Ближнем Востоке, это в целом ослабление позиций Тегерана в регионе.

Разгром ИГИЛ стал для ИРИ первым этапом «иранизации» Сирии. Как мы знаем, победа над ИГИЛ в первую очередь была обеспечена действиями ВКС России. При этом, конечно же, целью Москвы была не «иранизация» Сирии, а защита ее государственности. И здесь определились, возможно, основные разногласия РФ и ИРИ по Сирии.

В то же время активность Тегерана в Сирии значительно возрастает после разгрома основных сил террористов. И здесь можно наблюдать несколько направлений.

Во-первых, это чисто военное. Иран задействовал в Сирии свои элитные подразделения Сил специального назначения «Кодс», входящие в КСИР⁵, которые ведут непосредственно боевые действия. Кроме того, их офицеры выступают в качестве командиров шиитских группировок, собранных со всего мусульманского мира⁶, а также в роли инструкторов и советников проиранских вооруженных формирований, подчиненных Дамаску.

Самым многочисленным и боеспособным из числа шиитских организаций является ливанская «Хезболла», находящаяся под контролем Ирана. Она обладает значительными ресурсами – это и целая собственная армия, и финансовые структуры, и разветвленные сети представительств организации в регионе, и хорошо вооруженные и подготовленные отряды боевиков. «Хезболла» является одним из самых мощных участников конфликта.

На территории Сирии иранцы устраивают в определенных и выгодных для себя местах военные базы (без особого преувеличения, эти объекты можно назвать именно так) и склады с оружием, боеприпасами, материально-техническими средствами, причем не столько для своих подразделений КСИР, сколько для шиитских формирований из других стран.

КСИР создает разного рода перевалочные пункты и склады для «Хезболлы», в которых накапливается и хранится оружие и боеприпасы, в том числе для дальнейшей транспортировки в Ливан. И часто они делают это «под зонтиком» группировки Вооруженных сил России в Сирии, т. е. в непосредственной близости от разного рода российских военных объектов.

В основе подобных действий Ирана лежит надежда обезопасить себя от ударов Армии обороны Израиля, которая тоже активно дей-

ствуется в регионе против иранских боевых формирований, и в первую очередь против «Хезболлы». В Тегеране прекрасно понимают, что Израиль не станет подвергать российских военнослужащих ракетно-авиационным ударам, тем самым будет обеспечена безопасность и объектов Ирана.

В отличие от Москвы Тегеран в деятельности по восстановлению сирийских вооруженных сил делает ставку на создание и развитие параллельных негосударственных военных структур, не подчиняющихся напрямую сирийскому государству, а подчиняющихся «проиранским» сирийцам или непосредственно офицерам КСИР. Кроме того, иранцы направляют своих или лояльных им командиров в различные армейские подразделения и проасадовские ополчения, созданные ими по образу и подобию иранских Сил сопротивления «Басидж» (сирийские Национальные силы обороны и Местные силы обороны). Иранцы пытаются как можно плотнее слиться с военнослужащими режима Асада, наводняя их своими командирами, завербованными боевиками и др. Одним из таких соединений выступает 4-я дивизия.

Во-вторых, Иран проводит в Сирии масштабную экономическую экспансию. Представители Тегерана активно занимаются скупкой недвижимости, приобретают различные предприятия промышленности (даже пострадавшие в ходе боевых действий, это особого значения для иранских покупателей не имеет). Активно покупаются также земельные участки.

Сделки оформляются или на иранцев, или на сирийцев, которые представляют в этой стране интересы Ирана. Прежде всего имеются в виду шииты и только затем алавиты. К примеру, в столице Сирии Дамаске уже очень много рекламы и вывесок магазинов и разного рода лавок на персидском языке (фарси). То есть самым активным образом Иран укрепляется во многих секторах экономики Сирии.

В-третьих, это, безусловно, идеологическое направление. Иран проводит огромную работу по «шиизации» населения Сирии, причем настолько, насколько это возможно. Напрямую перевести суннитов в шииты достаточно сложно, если возможно в принципе. Но при этом иранцы используют экономическое давление на определенные группы неустойчивых людей в Сирии. Если вспомнить особенности обстановки в стране до событий 2010–2011 гг., то Сирия все же не была прямо

уж такой религиозной страной. Поэтому сегодня колеблющиеся и неустойчивые в религиозном отношении части сирийского населения являются в первую очередь объектом шиитского воздействия.

Кроме того, иранцы проводят большую работу по раздаче различных экономических и финансовых привилегий многим группам населения Сирии, прежде всего алавитам и шиитам. Они оказывают им гуманитарную помощь, проводят масштабную пропагандистскую и PR-работу. И результаты, в общем-то, достигаются.

Ну, и конечно, здесь надо говорить и о политическом влиянии. Все вместе – и военное, и экономическое, и идеологическое – в комплексе представляет собой в той или иной степени и политическое влияние.

У иранцев есть сильные позиции на самом высшем уровне военно-политической элиты Сирии, в окружении президента Башара Асада, в его спецслужбах. Особую роль в «иранизации» Сирии играет младший брат Башара Асада – Махер, который со своей жесткой проиранской ориентацией командует большой частью сирийских силовиков.

Представители ИРИ имеют достаточное влияние и на местном – низовом и среднем – уровне руководства Сирии.

Безусловно, политика Тегерана в отношении Сирии не вызывает восторга не только у России, но и у Турции, суннитских арабских стран, США, Израиля.

Израиль является камнем преткновения в российско-иранских отношениях, в том числе и по сирийской проблеме.

Иран и его сателлиты считают Израиль своим главным противником в регионе. Для России же Израиль – надёжный партнёр, с которым есть общее понимание сирийского вопроса, где многие взгляды сходятся. Так, незадолго до начала операции ВКС РФ в Сирии (30 сентября 2015 г.) был создан специальный координационный центр для обеспечения взаимодействия российских и израильских военных в этом регионе.

Между Россией и Израилем существуют тесные политико-экономические отношения, включающие постоянные контакты на высшем уровне, взаимодействие в борьбе с терроризмом, сотрудничество в области безопасности и разведки, в военно-технической сфере, космосе. Товарооборот России с Израилем составил в 2019 г.

2,25 млрд долл. США⁷, в то время как с Ираном – 1,59 млрд долл.⁸ При этом надо учитывать, что население Израиля 9,1 млн человек, а ИРИ – 83,1.

Активно развиваются гуманитарные связи между россиянами и израильтянами. И это понятно. В России еврейская община насчитывает порядка одного миллиона человек, а в Израиле русскоязычных (выходцев из бывшего СССР), по разным данным, от 15 до 25% из 9,1 млн жителей. Между двумя странами осуществляется безвизовый режим. Разрушать всё положительное в российско-израильских отношениях ради Ирана в Москве никто не будет.

Это свидетельствует о том, что Россия не разделяет взглядов Ирана по вопросу Израиля. Пожалуй, также и по вопросам Сирии.

Неспроста Израиль приблизительно раз в неделю на протяжении вот уже нескольких лет наносит удары своими ВВС по иранским военным объектам, а также по объектам «Хезболлы» на территории Сирии. Россия при этом остается индифферентной. Это показывает, что между Россией и Израилем установлены доверительные отношения. Российские ПВО, которые, вроде бы, должны прикрывать партнеров РФ – Башара Асада и иранцев – не ведут огонь по израильским боевым самолетам. Россия не хочет эскалации конфликта, понимая обеспокоенность Израиля действиями ИРИ и «Хезболлы».

В этой связи можно отметить, что Москва делает многое, чтобы снизить напряженность между Израилем и Ираном с его сателлитами. В сентябре прошла информация, что подразделения ливанской «Хезболлы» покидают Сирию. Как полагают наблюдатели, это, не в последнюю очередь, результат негласных договоренностей Москвы с Тегераном и Дамаском, а также Анкарой⁹. Конечно, объективные обстоятельства (снижение уровня боевых действий в Сирии, сложнейшая внутривосточная ситуация в Ливане) заставляют «Хезболлу» вернуться в Ливан. Но отрицать позитивную роль РФ в этом невозможно.

Москва вела также переговоры с Дамаском и Тегераном об отводе проиранских ополчений и воинских соединений с юга Сирии от границы с Израилем и о замене их пророссийскими соединениями. Но на практике этого не произошло, в том числе потому, что режим Асада раздает проиранским боевикам сирийские паспорта и направляет их в район израильской границы под видом сирийцев.

Иранцы и их сторонники рассматривают свое присутствие на юге Сирии возле израильской границы как свой стратегический актив в противостоянии с еврейским государством. Ведь сирийско-израильская граница – очень важный психологический барьер в ирано-израильском противостоянии.

В свою очередь, все эти амбиции ИРИ в Сирии малоинтересны России. Было бы верхом наивности предполагать, что Россия пришла в Сирию, чтобы помогать Ирану строить антиизраильскую цитадель и вместе с ним «освободить Иерусалим». У России другие задачи в Сирии, о которых уже сказано выше.

Поэтому на этом фоне есть все основания говорить о непростых отношениях между Россией и Ираном в Сирии. До определенной степени можно рассуждать даже о конкуренции между Москвой и Тегераном в вопросах влияния на военно-политическую элиту страны. Причем эта конкуренция время от времени воплощается в противостояние сирийских военных формирований, ориентированных на разных спонсоров и благотворителей. Так, по данным мониторинговой группы The Syrian Observatory for Human Rights (SOHR), в октябре в провинции Даръа, на юге Сирии, разгорелся «российско-иранский конфликт». Российские военные пытаются добиться усиления влияния контролируемого ими 5-го корпуса, но их усилиям противостоит проиранская 4-я дивизия под командованием Махера Асада, брата президента Сирии¹⁰. Конечно, серьезного силового противостояния Москвы и Тегерана в Сирии нет, хотя в последние годы отмечались боевые действия между пророссийскими и проиранскими силовиками. Однако это, вне всякого сомнения, не может привести к прямому противоборству России и Ирана.

В итоге было бы корректным констатировать, что политика Ирана в Сирии на современном этапе не является конструктивным фактором, способным содействовать решению сложнейшей многослойной и неоднозначной проблемы будущего Сирии. Иран действует исключительно в своих эгоистичных интересах, которые отталкивают многие страны от сотрудничества в деле восстановления всех сфер жизни Сирии.

Это наглядно демонстрирует интервью бывшего начальника российского Центра примирения сторон в Сирии (2016 г.), генерал-лейтенанта в отставке Сергея Чваркова редакции РИА Новости.

В частности, генерал Чварков отмечает: «В августе 2018 года Дамаск и Тегеран подписали соглашение о военном сотрудничестве, которое предусматривает помощь Ирана в восстановлении сирийской военной промышленности и инфраструктуры страны. Реализация соглашения может, с одной стороны, привести к усилению позиций Ирана в Сирии и еще больше увеличить зависимость благополучия режима Асада от Тегерана, а с другой – финансирование Ираном шиитских группировок и попытки распространения шиизма на исконных суннитских территориях приведет к обострению отношений с суннитами, курдами внутри Сирии. Дальнейшее масштабное проникновение Ирана в Сирию создаст ряд довольно серьезных препятствий продвижению реформ и развитию политического процесса в Сирии и приведет к осложнению отношений с Израилем, США, Турцией и суннитскими арабскими странами. Это еще более обострит задачу по поиску альтернативных иностранных источников для восстановления страны, так как усилий Ирана и России будет явно недостаточно»¹¹.

Здесь мы прервем генерала Чваркова и напомним, что Башар Асад заявил, что на восстановление инфраструктуры Сирийской Арабской Республики потребуется около 400 млрд долл., на это уйдет, по его оценкам, от 10 до 15 лет¹². Эксперты оценивают расходы на восстановление страны в 1,2 трлн долл.¹³ Космическая сумма, которую трудно собрать даже совместными усилиями многих стран.

Генерал Чварков продолжает: «А отсутствие средств не позволит добиться видимых успехов в восстановлении инфраструктуры государства, прогресса в политическом процессе, возвращении беженцев, проведении реформ в армии и спецслужбах. К тому же расширение влияния Ирана в Сирии приведет к невозможности снятия санкций, наложенных США, что делает невозможным поставку современных технологий и оборудования для восстановления экономики и практически всех сфер государственной деятельности в Сирии»¹⁴.

Таким образом, если говорить о будущем, то специалисты по Сирии и Ирану утверждают, что Тегеран вряд ли в ближайшее время уйдет из Сирии. Как подчеркнул генерал Чварков, «о том, что Иран пришел в Сирию надолго, свидетельствуют те договоры, которые подписаны между Сирией и Ираном в последнее время. Так что Иран по-прежнему в игре, если это можно назвать игрой»¹⁵.

Пожалуй, уход Ирана из Сирии возможен разве что под многосторонним и разноплановым давлением на ИРИ, резким ухудшением социально-экономического положения в Иране. Да, Тегеран может вывести некоторые свои формирования, в первую очередь шиитские группировки. Но в любом случае политическое, военное, экономическое и идеологическое влияние иранцев в Сирии останется, и они по возможности будут использовать Дамаск в своих интересах.

А это естественно откладывает решение сирийской проблемы на неопределенный, но ясно, что длительный срок.

¹ Мария Баранова. Иранец, который привел Россию в Сирию // Интернет-сайт Gazeta.Ru. 29.09.2016. // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/09/29_a-10222325.shtml#page2 (дата обращения: 05.11.2020); Касем Сулеймани. Кем был генерал, убедивший Путина прийти в Сирию // Интернет-сайт BBC. 03.01.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-50981883> (дата обращения: 05.11.2020).

² Путин и Асад провели переговоры // Интернет-сайт РИА Новости. 17.05.2018. URL: <https://ria.ru/20180517/1520804238.html> (дата обращения: 11.10.2020).

³ Сергей Чварков: Россия за пять лет восстановила боеготовность армии Сирии. Интервью РИА Новости с генерал-лейтенантом в отставке Сергеем Чварковым // Интернет-сайт РИА Новости. 30.09.2020. URL: <https://ria.ru/20200930/siriya-1577948800.html> (дата обращения: 02.10.2020).

⁴ Иран мобилизует «ось сопротивления» на выдавливание США с Ближнего Востока // Интернет-сайт Eurasia Daily (EADaily). 16.02.2020 // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/02/16/iran-mobilizuet-os-soprotivleniya-na-vydvivanie-ssha-s-blizhnego-vostoka> (дата обращения: 12.10.2020).

⁵ Подробнее см.: Сажин В.И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (3). С. 83–109.

⁶ Список шиитских боевых формирований, собранных со всего мира добровольно-принудительным методом, насчитывает более 30 единиц. Их качественный и количественный состав различен, но все они прошли подготовку под эгидой иранцев и ныне контролируются и зачастую возглавляются офицерами КСИР.

Наиболее известные и боеспособные шиитские группировки, действующие под руководством ИРИ: афганская дивизия «Фатимиян», пакистанская бригада «Зайнабиун», иракская группировка «Нуджаба», таджикский батальон «Хайдар».

Наибольшее число боевых формирований собрано из Ирака. Это: бригада «Хайдар-иун», боевые группировки иракской партии «Хизбушайтан», бригада «Зуль Фикар», иракские отряды «Ашура», группировка «Хашд», батальоны «Хайдар Карар», бригада «Имам Хусейн», бригада «Кафиль Зайнаб», бригада «Шабаб Расали», корпус «Вагд Садик», бригада «Абу Фадль Аббас», боевые формирования иракской организации «Шиитский полумесяц», бригада «Асад Аллах» (в основном иракцы).

Из Палестины: боевые группировки Народного фронта освобождения Палестины, группировки организации «Поднятие восстания в Палестине», группировки Движения «Свободная Палестина», группировки палестинской организации «Народная борьба», группировки палестинской организации «Сагика», армия освобождения Палестины, палестинская бригада «Кудс».

Из Ливана: группировки ливанского «Хизбушайтан», батальоны национал-социалистической партии Ливана, группировки ливанской Партии БААС.

Из Ирана: батальоны «Сайид Шухуда», батальоны «Имам Али», отряды «Талаи» из Хорасана (ИРИ).

Интернет-сайт Yandex. 28.03.2020 // Иранский фактор в Сирии. URL: <https://zen.yandex.ru/media/safarli/iranskii-faktor-v-sirii-5e7f9441e76e9e2043c7e373> (дата обращения: 29.09.2020).

⁷ Интернет-сайт Внешняя Торговля России // На основе данных Федеральной таможенной службы РФ. 13.02.2020. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-i-izrailem-v-2019-g/> (дата обращения: 12.09.2020).

⁸ Интернет-сайт Внешняя Торговля России // На основе данных Федеральной таможенной службы РФ. 13.02.2020. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiei-i-iranom-v-2019-g/> (дата обращения: 12.09.2020).

⁹ Сергей Маржецкий. Уход Хезболлы из Сирии говорит о надвигающейся большой войне в регионе. // Интернет-сайт Репортёр. 19.09.2020. URL: <https://topcor.ru/16539-chto-stoit-za-resheniem-vyvesti-boevikov-hezboly-iz-sirii.html> (дата обращения: 12.11.2020).

¹⁰ SOHR: на юге Сирии усиливается конфликт между проиранскими и пророссийскими силами // Интернет-сайт Newsru. 15.10.2020. URL: https://www.newsru.co.il/mideast/15oct2020/syria_130.html (дата обращения: 05.11.2020).

¹¹ Сергей Чварков: Россия за пять лет восстановила боеготовность армии Сирии.

¹² Асад назвал \$400 млрд необходимой суммой для восстановления Сирии // Интернет-сайт Interfax. 15.04.2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/608591> (дата обращения: 12.11.2020).

¹³ Маттиас Гебауэр, Кристоф Сидов. Восстановление Сирии – задача столетия // Интернет-сайт InoPressa. 30.08.2018. URL: <https://www.inopressa.ru/article/30Aug2018/spiegel/syrien.html> (дата обращения: 05.11.2020).

¹⁴ Сергей Чварков: Россия за пять лет восстановила боеготовность армии Сирии.

¹⁵ Там же.

Политика Ирана в отношении конфликта в Нагорном Карабахе

Резюме. Конфликт между Азербайджаном и непризнанной Республикой Арцах, которую поддерживает Армения, в течение тридцати лет создает напряженность на территории Южного Кавказа и оказывает негативное влияние на безопасность и внутреннюю стабильность в ИРИ. В статье анализируются отношения Ирана со сторонами конфликта и позиция Тегерана во время войны в Нагорном Карабахе в 1991–1994 гг. и во время боевых действий осенью 2020 г.

Ключевые слова: Иран, Азербайджан, Армения, Нагорный Карабах, Турция

Summary. A long-term conflict between Azerbaijan and its breakaway province – «Republic of Artsakh» – supported by Armenia, has been a center of tension in the South Caucasus and has had a negative influence on the security and domestic stability of the Islamic Republic of Iran for 30 years. The author analyses relations of Iran with the parties to the conflict and Tehran's position during the war of 1991–1994 and military activities in 2020.

Key words: Iran, Azerbaijan, Armenia, Nagorno Karabagh, Turkey

Обострение ситуации в Нагорном Карабахе осенью 2020 г. и новая карабахская война, унесшая несколько тысяч человеческих жизней, вновь привлекли внимание всего мира к этой небольшой территории на Южном Кавказе.

Несколько слов об истории конфликта. Его корни уходят в начало 20-х гг. XX в., когда, руководствуясь международными сообщениями, а не внутренней логикой, которую диктовали национальный состав и географическое положение Нагорного Карабаха, правительство Советской России (СНК) во главе с В.И. Лениным и ЦК РКП(б) также во главе с В.И. Лениным приняли весьма противоречивое решение. Несмотря на то что в горной части этого района проживало в основном армянское население, в июле 1921 г. Нагорный Карабах был передан в состав Азербайджана и по указанию Кавказ-

Федорова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-3819-8957830X.

ского Бюро ЦК РКП(б) ему был предан статус автономного района¹. Отсутствие рационального решения, принятого советским правительством в те годы, наглядно проявилось в начале 1990-х гг., после развала Советского Союза, когда в 1991 г., после провозглашения независимости Арменией и Азербайджаном Нагорный Карабах также объявил себя независимой Республикой Арцах. Стоит отметить, что ни одна страна в мире – член ООН, включая Республику Армению, не признала это вновь объявленное государство. Тем не менее о его признании заявили частично признанные Абхазия и Южная Осетия, а также ряд городов в Европе и даже штатов в Америке и Австралии. Например, Альфорвиль, Лимоне (Франция), Ампоста (Испания), Черкьяра-ди-Калабрия, Палермо (Италия), законодательная ассамблея штата Новый Южный Уэльс (Австралия), штат Нью-Джерси (США)². Неудивительно, что это города и штаты со значительным армянским населением.

В сентябре 1991 г. конфликт между Азербайджанской Республикой и непризнанной Республикой Арцах перерос в первую полномасштабную войну Азербайджана и Нагорного Карабаха, поддерживаемого Арменией. Боевые операции дестабилизировали обстановку на Южном Кавказе и затронули интересы всех государств региона. Они помешали развитию экономических и торговых отношений между странами, приостановили планы по осуществлению перспективных региональных экономических, энергетических, транспортных проектов и привели к гибели не только военных, но и большого количества гражданских лиц. Особое беспокойство война вызвала в Исламской Республике Иран, имеющей совместную границу с каждой из противоборствующих сторон.

Этому было много причин. Будучи многонациональным государством, Исламская Республика Иран не заинтересована в развитии каких-либо сепаратистских тенденций и изменении границ. Поэтому с самого начала конфликта руководство ИРИ объявило о необходимости сохранения территориальной целостности Азербайджана при соблюдении прав армянского населения Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской Республики. При этом тезис о нерушимости границ и сохранении территориальной целостности государств имеет важнейшее значение для внешней политики Тегерана в целом и является причиной, по которой Иран не признает ни Южную Осетию, ни Абхазию.

В 1991 г. Тегеран, с одной стороны, опасался разрастания конфликта и возможного переноса боестолкновений на свою территорию. С другой – продолжение военных действий грозило ростом напряженности внутри страны. Этнические азербайджанцы – граждане Ирана – на демонстрациях активно заявляли о своей поддержке Баку и призывали правительство страны выступить на его стороне. При этом наряду с националистическими лозунгами звучали и призывы помочь братьям-шиитам по ту сторону границы, что повышало шансы проазербайджанских демонстраций перерасти в более серьезные беспорядки, в первую очередь в провинциях Западный и Восточный Азербайджан, Ардебиль и Зенджан вблизи от ирано-азербайджанской границы.

Исходя из этих установок, с самого начала военных действий Тегеран предпринимал дипломатические усилия по организации переговорного процесса между Баку, Степанакертом и Ереваном. Роль посредника между противоборствующими сторонами давала возможность руководству ИРИ быть в гуще событий, влиять на их ход и, соответственно, повышала его статус в регионе.

Особенно активно Тегеран начал действовать в начале 1992 г. после присоединения 30 января 1992 г. Армении и Азербайджана к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе* и создания в марте 1992 г. Минской группы СБСЕ по мирному урегулированию конфликта. Руководство в Тегеране не высказывалось против деятельности этой международной структуры, но видело в ней конкурента и было недовольно тем, что в переговорный процесс были вовлечены не только Россия и Турция, традиционно соперничающие с Ираном за влияние на Южном Кавказе, но и европейские страны весьма далекие от региона: Белоруссия, Германия, Италия, Финляндия, Франция, Швеция и даже США.

24 февраля 1992 г. министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти посетил страны Южного Кавказа с целью посредничества между сторонами конфликта. 16 марта 1992 г. руководство Ирана добилось подписания трехстороннего коммюнике между Ираном, Арменией и Азербайджаном о недельном прекращении огня³. А 7 мая 1992 г. после переговоров в Тегеране президента Ирана А. Хахеми

* С 1 января 1995 г. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Рафсанджани с Я. Мамедовым, исполняющим обязанности президента Азербайджана, и президентом Армении Л. Тер-Петросяном состоялось подписание их Совместного заявления⁴.

В нем было отмечено, что стороны пришли к согласию организовывать встречи как на высоком уровне, так и между главами районов, которые были затронуты военными действиями, и представителями вооруженных сил, чтобы мирным способом решать вопросы, связанные с нормализацией двусторонних отношений на основе принципов СБСЕ и международного права. Важнейшим пунктом этого документа было положение о том, что не позднее 15 мая специальный представитель президента Ирана М. Ваези посетит Ереван, Баку и Степанакерт для заключения соглашения о прекращении огня и одновременного открытия всех коммуникаций для обеспечения экономических потребностей⁵. Однако на следующий день после подписания Совместного заявления, 8 мая 1992 г., армянские войска взяли город Шушу, и все достигнутые договоренности остались только на бумаге. Неудачный опыт посреднических усилий ИРИ определялся во многом тем, что ее руководство, официально поддерживая территориальную целостность Азербайджана, проводило политику балансирования между Баку и Ереваном, стараясь сохранить хорошие отношения с каждой из столиц. И ни Якуб Мамедов, ни Левон Тер-Петросян полностью не доверяли Тегерану, подозревая его в двойной игре.

В дальнейшем Иран одобрил все Резолюции Совета Безопасности ООН, призывающие к сохранению территориальной целостности Азербайджанской Республики (№ 822, 853, 874, 884), и приветствовал Соглашение о бессрочном прекращении огня 12 мая 1994 г., оформленного российским посредником, подписанного министрами обороны всех сторон конфликта – Азербайджанской Республикой 9 мая, Республикой Армения 10 мая и Нагорного Карабаха 11 мая – и направленного в Москву в виде послания⁶.

Это соглашение давало возможность перевести конфликт в дипломатическую плоскость и начать переговорный процесс. А Тегеран, не входивший в Минскую группу ОБСЕ, в целом поддерживал ее работу, хотя и относился к усилиям этой структуры весьма ревниво, полагая, что он может и должен быть более активно привлечен к международному переговорному процессу.

Бессрочное прекращение огня 12 мая 1994 г. и установившийся на протяжении четверти века, до осени 2020 г., *status quo* дали Тегерану возможность сосредоточить свое внимание на развитии широкого спектра политических, экономических и торговых отношений со всеми сторонами конфликта.

Для анализа политики Тегерана во время второй войны в Карабахе представляется необходимым рассмотреть состояние ирано-армянских и ирано-азербайджанских отношений накануне событий сентября 2020 г.

Отношения Ирана, в котором азербайджанцы являются вторым по численности этносом, с Азербайджанской Республикой носят сложный комплексный характер. Баку и Тегеран объединяет общая культура, история, религия. При этом Азербайджан опасается распространения иранского шиитского фундаментализма. Иран, со своей стороны, боится подрыва светским Азербайджаном идеологических основ исламского режима и усиления националистических и сепаратистских настроений среди этнических азербайджанцев.

Вектор на укрепление ирано-азербайджанских отношений получил развитие после вступления в должность президента Х. Роухани в русле его прагматического подхода к решению внешнеполитических вопросов. В 2013–2020 гг. президенты двух стран встречались более десяти раз в рамках двусторонних и многосторонних форматов. Тесно взаимодействовали в Организации Объединенных Наций, Организации экономического сотрудничества, Организации исламского сотрудничества и Движении неприсоединения. Особое значение имели визиты министра разведки ИРИ С. Алави в 2018 г. и начальника Генерального штаба ИРИ М. Багери в 2019 г. в Баку, во время которых обсуждалось двустороннее взаимодействие в области региональной безопасности и стабильности, а также противодействие новым вызовам и угрозам, включающим борьбу с терроризмом.

Однако существует ряд факторов, которые мешают развитию полнокровного взаимодействия между странами. Отрицательно сказываются тесные политические, военные и военно-технические связи Азербайджана с Израилем и США. В Тегеране считают, что несмотря на ирано-азербайджанский договор 2005 г. о ненападении, запрещающий обеим странам размещать на своей территории иностранные военные базы, Баку может предоставить военные аэродромы и комму-

никации вооруженным силам США и Израиля в случае антииранской агрессии. Кроме того, тесные связи Азербайджана с Турцией – членом НАТО также вызывают опасения в Тегеране, усилившиеся после заключения в 2010 г. азербайджано-турецкого Соглашения о стратегическом партнерстве и взаимной помощи, важной частью которого стали статьи о военно-политическом и военно-техническом сотрудничестве⁷.

Добавляют озабоченности и неурегулированные споры о принадлежности ряда нефтяных месторождений в Каспийском море (Араз-Алов-Шарг и Сардар-Джангаль), которые привели к тому, что иранский парламент до сих пор не ратифицировал «Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря» 2018 г.

Тем не менее ирано-азербайджанские торгово-экономические отношения развиваются. В 2019 г. товарооборот достиг 500 млн долл.⁸ Его основную часть, около 85%, составляет экспорт иранских товаров в Азербайджан: дистиллятов, минерального топлива, керамических изделий, пластмасс, сельхозпродукции. Иранские и азербайджанские СМИ сообщают о военно-техническом сотрудничестве и поставках из Ирана в Азербайджанскую Республику военной техники в соответствии с решениями совместной оборонной комиссии, созданной в 2016 г. Малый и средний иранский бизнес представлен в Азербайджане более 1000 компаний в сфере услуг, торговли, связи. Реализованы крупные двусторонние экономические проекты: автомобильный завод Аз Крон (25% принадлежит Iran Khodro), построена железная дорога между приграничными гг. Астара (Иран) и Астара (Азербайджан). Строится железная дорога Решт – Астара (провинция Гилян). Инвестиции Азербайджана в проект достигли 500 млн долл. Отмечается сотрудничество по освоению газоконденсатного морского месторождения «Шах Дениз» в Каспийском море (10% принадлежит иранской компании NICO). Началась работа по созданию энергетического коридора Иран – Азербайджан – Россия. В марте 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 Баку предоставил финансовую помощь Тегерану в 5 млн долл.

На наш взгляд, экономическая заинтересованность в развитии связей с Азербайджаном позволяет руководству ИРИ обходить острые углы при формировании внешнеполитического курса на этом направлении и сдержанно относиться к усилиям Баку по развитию устойчивых отношений с традиционными противниками Тегерана на международной арене: Израилем и США.

Что касается отношений Ирана с Ереваном, то они носят стабильный характер и основываются на «Декларации о принципах и целях отношений между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран» 1992 года, предусматривающей высокие темпы развития политического взаимодействия. Проходят регулярные визиты на высоком и самом высоком уровне. С 1995 г. работает Межправительственная комиссия по координации армяно-иранских отношений, реализующая программы двустороннего сотрудничества.

Существенную роль в сближении двух стран играет армянская диаспора в ИРИ, насчитывающая от 100 до 150 тыс. человек, которая обладает влиянием в различных сферах политики и бизнеса и в ряде случаев осуществляет неофициальные контакты со своими соотечественниками за пределами Ирана, иногда в странах, с которыми у официального Тегерана нет дипломатических отношений.

При этом усиление проатлантического вектора в армянской политике и активизация армяно-израильских отношений после прихода в 2018 г. к власти премьер-министра Н. Пашиняна вызвали настороженность Тегерана и оказали негативное влияние на его подходы к развитию отношений с Ереваном. В этой связи в сентябре 2020 г. после открытия посольства Армении в Тель-Авиве, временный поверенный в делах Армении в Тегеране был вызван в МИД ИРИ, где ему был заявлен протест в связи с этим событием⁹.

Экономические отношения двух стран развиваются медленнее, чем политическое взаимодействие. Небольшое по численности население Армении – 3,2 млн человек, обладающее низкой покупательной способностью, сокращает возможности Ирана в продвижении товаров и услуг на ее рынки. Торговый оборот Тегерана и Еревана, 83% которого приходится на поставки иранского газа в обмен на импорт электроэнергии, составил около 400 млн долл. в 2020 г. Кроме газа Иран экспортирует нефтепродукты, полимеры, удобрения, строительные материалы, а импортирует мясо, древесину, металлические отходы. В начале XXI в. были реализованы крупные двусторонние проекты: проложены первая и вторая линия электропередач, в 2007 г. был построен газопровод «Иран – Армения». После введения в начале 90-х гг. XX в. сухопутной транспортной и экономической блокады Армении со стороны Азербайджана и Турции Иран не прекращал с ней торгово-экономические связи и предоставлял финансовую

и гуманитарную помощь через 35-километровый отрезок совместной границы («Мегринский коридор»). В условиях периодических ограничений транспортной связи с Арменией правительством Грузии этот коридор приобрел жизненно важное значение для Еревана.

Ограниченные финансовые возможности обеих стран, нахождение Тегерана под американскими санкциями и пандемия COVID-19 оказали негативное влияние на двусторонние и международные проекты. Строительство Мегринской ГЭС, нефтепровода «Иран – Армения», НПЗ на территории Армении, автомагистрали Север – Юг, третьей высоковольтной линии электропередачи заморожено или тормозится. Заключение в 2018 г. «Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Ираном», превращающим Армению в ключевой транзитный центр, пока не принесло существенных изменений в объемы торговли.

Представляется, что, оценивая возможности и преимущества экономического сотрудничества ИРИ с Арменией и Азербайджаном, иранское руководство отдает предпочтение последнему, видя в нем сложного, но более сильного регионального партнера.

Иранские подходы к урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта во время войны в 2020 г. не изменились по сравнению с предыдущим периодом. Позиция Тегерана была сформулирована в выступлениях Верховного лидера Ирана и президента Х. Роухани. Так, аятолла Хаменеи в выступлении 3 ноября 2020 г. по случаю годовщины рождения пророка Мохаммеда подтвердил право Азербайджана на освобождение Карабаха и выступил за безопасность армян, которые проживают на этой территории¹⁰. В целом Тегеран настаивал на прекращении военных действий, возвращении Азербайджану оккупированных Арменией территорий при сохранении прав армянского населения, создании маршрутов передвижения людей и мониторинг странами региона процесса реализации мирного плана. Тегеран подчеркивал, что в процессе урегулирования не должны принимать участие внерегиональные державы, считая, что решение необходимо найти в пятистороннем формате: Армения, Азербайджан, Россия, Турция и Иран. Эта позиция была озвучена в ходе визитов замминистра иностранных дел ИРИ Аббаса Аракчи в Баку, Ереван, Москву, Анкару в конце октября 2020 г.

В обострении военного конфликта в конце сентября 2020 г. Иран увидел угрозу своим национальным интересам чреватой дестабилизацией внутривнутриполитической ситуации в стране. Это было связано с националистическими и сепаратистскими настроениями среди этнических азербайджанцев, которые резко усилились после начала конфликта. В городах Тебризе, Урмие, Тегеране прошли демонстрации с требованием к руководству страны вмешаться в конфликт на стороне Азербайджана, ряд участников которых были арестованы и впоследствии осуждены¹¹. Манифестации, на которых звучали и сепаратистские лозунги, были поддержаны влиятельными представителями духовенства, в частности членом Совета стражей аятоллой Али Реза Арафи, депутатами меджлиса от провинций Западный и Восточный Азербайджан, Зенджан и Ардебиль, представителями Верховного лидера страны в этих же провинциях¹².

Руководство в Тегеране учитывало, что в случае разрастания конфликта и непреднамеренного переноса военных действий на территорию ИРИ Тегеран может быть втянут в войну. В качестве превентивных мер Министерство обороны и Корпус стражей исламской революции предприняли усилия по созданию буферной зоны на армяно-иранской и ирано-азербайджанской границах: разместили дополнительные подразделения иранской армии и КСИР, увеличили численность бронетехники и комплексов противовоздушной обороны, провели учения сухопутных войск на северо-западе и масштабные учения сил ПВО в центральных провинциях Ирана.

Особое беспокойство у руководства ИРИ вызвали данные о переброске поддерживаемых Турцией боевиков международных террористических организаций из состава Свободной Сирийской армии в зону конфликта. На это обратил внимание Верховный лидер аятолла Хаменеи, потребовав, чтобы террористам, проникшим в регион, никогда не было позволено приблизиться к иранским границам¹³. В контексте его указаний иранское руководство уделило повышенное внимание охране государственной границы и вопросам внутренней безопасности с целью не допустить инфильтрации радикальных исламистов на свою территорию. При этом в Тегеране осознают, что Азербайджану будет весьма непросто удалить их со своей территории после заморозки конфликта.

Заключение соглашения 10 ноября 2020 г. о прекращении огня между Ереваном и Баку и вводе российских миротворцев в район конфликта в целом отвечает интересам Ирана. Тегеран поддержал его, выразив готовность содействовать размещению российского миротворческого контингента на линии соприкосновения, которая находится в непосредственной близости от иранской границы. Замороженный таким образом конфликт дал возможность Тегерану по-прежнему проводить сбалансированную политику, поддерживая отношения и с Баку, и с Ереваном.

При этом прослеживается и настороженное отношение иранского руководства к усилению влияния Москвы в регионе. Представляется, что неучастие Тегерана в выработке российско-армяно-азербайджанского соглашения от 10 ноября 2020 г. вызывает определенное недовольство в иранском истеблишменте. На это указывают слова секретаря Совета по определению политической целесообразности Мохсена Резаи, сделанные им на конференции по проблемам Нагорного Карабаха в Куме 1 марта 2021 г.: «Все вовлеченные стороны и все международные наблюдатели должны знать, что требования и решимость жителей региона заключаются в том, чтобы Иран принял участие в Карабахском комитете по прекращению огня и восстановлению и эффективно присутствовал в мониторинге, а также в обеспечении безопасности и экономического сотрудничества в регионе», – подчеркнул он¹⁴.

В заключение представляется сказать следующее.

Тегеран и дальше будет стремиться занять свое место за столом переговоров в ходе дипломатического урегулирования конфликта и попытается расширить контакты с представителями военно-политической элиты как Армении, так и Азербайджана, выполняя роль посредника.

Тесные политические, военные и военно-технические связи Азербайджана с Израилем, США и Турцией станут препятствием на этом треке. А необходимость считаться с интересами влиятельной армянской диаспоры в Иране может осложнить посреднические усилия иранского руководства.

Во властных кругах Тегерана, при определении внешнеполитической линии в отношении конфликта в Нагорном Карабахе, также не могут не учитывать, что заморозка конфликта в условиях победы

Баку с помощью Анкары приведет к резкому усилению турецких позиций в Азербайджане, что, несмотря на присутствие там российских миротворцев, нарушит сформировавшийся региональный баланс сил.

Таким образом, правительству Ирана придется разработать новые подходы к развитию отношений не только с Азербайджаном и Арменией, но и на всем Южном Кавказе, и в Каспийском регионе в условиях, возникших после войны в Нагорном Карабахе.

¹ Сажин В. Иран и проблемы Нагорного Карабаха. URL: [http:// interaffairs.ru> news> show/27745](http://interaffairs.ru/news/show/27745) (дата обращения: 12.02.2021).

² Кто же все-таки признал Карабах? URL: [http:// Kavkaz-uzel.eu/282171](http://Kavkaz-uzel.eu/282171) (дата обращения: 24.02.2021).

³ Важнейший материал по этим вопросам содержится в книге Казимирова В.Н. – выдающегося дипломата, который в 1992–1996 гг. руководил российской посреднической миссией, был полномочным представителем Президента РФ по Нагорному Карабаху и сопредседателем Минской группы ОБСЕ от России. – См.: Казимиров В.Н. Мир Карабаху. Россия в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. М., 2009. С. 456.

⁴ Казимиров В.Н. Мир Карабаху. Россия в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. С. 337.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Turkey and Azerbaijan Achieve a Strategic Partnership. URL: [http:// wordview.stratfor.com/ articles/turkey-and-azerbaijan-achieve-strategic-partnership](http://wordview.stratfor.com/articles/turkey-and-azerbaijan-achieve-strategic-partnership) (дата обращения: 11.03.2021).

⁸ Товарооборот между Азербайджаном и Ираном. URL: [http:// Interfax.az> view/791992](http://Interfax.az>view/791992) (дата обращения: 01.03.2021).

⁹ Временный поверенный Армении вызван в МИД Ирана из-за открытия посольства в Израиле. URL: [http:// yerkamas.org> article/174530 /vremennyy-poverennyj-armenii-vyzvan-v-mid-irana-iz-za-otkrytiya-posolstva-v-izraile](http://yerkamas.org>article/174530/vremennyy-poverennyj-armenii-vyzvan-v-mid-irana-iz-za-otkrytiya-posolstva-v-izraile) (дата обращения: 26.02.2021).

¹⁰ The Karabagh dispute-and-Imam Khamenei's rational position. URL: <http://english.khamenei.ir/news/8069/> (дата обращения: 11.03.2021), <https://english.khamenei.ir/news/8067/Azerbaijani-land-should-be-freed-and-the-safety-of-its-Armenian> (дата обращения: 14.03.2021).

¹¹ Pro-azerbaijan protesters in Tabriz demand closure of Iran-Armenia border//URL: [http:// https://www.dailysabah.com/politics/pro-azerbaijan-protestors-in-tabriz-demand-closure-of-iran-armenia-border/news](http://https://www.dailysabah.com/politics/pro-azerbaijan-protestors-in-tabriz-demand-closure-of-iran-armenia-border/news) (дата обращения: – 22.02.2021).

¹² URL: <https://www.azernews.az/karabakh/171548.html> <https://www.evnreport.com/politics/nagorno-karabakh-and-iranian-public-and-foreign-policy> (дата обращения: 13.03.2021).

¹³ URL: [http:// https://english.khamenei.ir/news/8081/Terrorists-brought-for-the-Azerbaijan-Armenia-War-approaching](http://https://english.khamenei.ir/news/8081/Terrorists-brought-for-the-Azerbaijan-Armenia-War-approaching) (дата обращения: 11.03.2021).

¹⁴ URL: [http:// http://www.iran.ru/news/photo/117531/Iran_hochet_voyti_v_sostav_komiteta_po_nadzoru_zh_peremiriyem_v_Karabahskom_region](http://http://www.iran.ru/news/photo/117531/Iran_hochet_voyti_v_sostav_komiteta_po_nadzoru_zh_peremiriyem_v_Karabahskom_region). (дата обращения: 20.03.2021).

Раздел III

ЭКОНОМИКА

И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

DOI: 10.31696/978-5-907384-66-8-125-147

С.Л. Волкова

Главные направления географии внешней торговли Турции на современном этапе (2014–2020 гг.)

Резюме. В статье дается анализ основных направлений географии внешней торговли Турции за указанный период. Автором выделяются как единые тенденции, так и отличные от предыдущего периода динамики по основным характеристикам географической структуры внешней торговли. Представлены и проанализированы турецкий экспорт и импорт по группам стран, по регионально-интеграционному принципу, основные страны-лидеры по внешней торговле Турции. Приводятся примеры сотрудничества с отдельными странами, которые были отмечены как перспективные и целевые для внешнеторгового сотрудничества Турции, рассматриваются встречи и заключенные с ними договоры.

Ключевые слова: география внешней торговли Турции, географическая структура экспорта и импорта, целевые рынки, тенденции развития

Summary. The article analyzes the main directions of the geography of Turkey's foreign trade during this period. The author identifies both common trends and dynamics that differ from the previous period in terms of the main characteristics of the geographical structure of foreign trade. Turkish exports and imports are presented and analyzed by groups of countries, according to the regional integration principle, the main leading countries in Turkey's foreign trade. Examples of cooperation with individual countries that were noted as promising and

Волкова Светлана Леонидовна – старший преподаватель Военного университета МО РФ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук. ORCID: 0000-0002-3819-1785-8957.

targeted for Turkey's foreign trade cooperation are given, meetings and agreements concluded with them are considered.

Key words: geography of Turkey's foreign trade, geographical structure of exports and imports, target markets, development trends

Турция продолжает следовать экспортно ориентированной стратегии и развивать торгово-экономическое сотрудничество, направленное на увеличение объемов экспорта, сокращение импорта, расширение числа партнеров и рост значения страны на мировой арене. При этом географическая диверсификация экспорта остается важным направлением экономической политики. Как и при реализации мер, прописанных в 8-м и 9-м Планах экономического развития, в период проведения 10-го и 11-го Планов развития страны (2014–2020 гг.) все также значимым является расширение географии турецких партнеров, развитие отношений как с европейскими странами, так и с другими государствами, сотрудничество как с географически близкими партнерами, так и с более отдаленными регионами, налаживание сотрудничества с этнически близкими странами и с новыми альтернативными партнерами, сотрудничество с экономиками, имеющими взаимодополняющий характер, а также выход на новые производственные цепочки, выделение перспективных целевых рынков, заключение договоров о свободной торговле, увеличение роли сотрудничества с различными организациями.

В 10-м пятилетнем Плане экономического развития на 2014–2018 гг. отмечалось, что Турция намерена принимать меры, направленные на рост экспортного сотрудничества со странами, не входящими в ЕС, при этом не снижая доли экспорта в традиционные страны-партнеры. Турция планировала обеспечить поддержку, гарантию и защиту турецких инвесторов за рубежом. Руководство республики заявляло, что в связи с тем, что в XXI в. образуются новые мировые лидеры и центры, а прежние лидеры все также продолжают играть центральную роль, страна будет выстраивать многовекторное сотрудничество как на уровне регионов, так и с мировым сообществом в целом. Новые направления внешнеэкономического сотрудничества – африканские страны и страны Ближнего Востока – являлись достаточно перспективными партнерами, хотя, конечно же, Турция осознавала и оценивала риски от нестабильности в данных регионах¹.

Для страны продолжали играть значительную роль такие региональные организации, как Организация экономического сотрудничества (Ekonomik İşbirliği Teşkilatı (EİT)), Организация Черноморского экономического сотрудничества (Karadeniz Ekonomik İşbirliği (KEİ)), Восьмерка развивающихся стран (D-8 (Gelişmekte Olan 8 Ülke)). Также увеличился экспорт в страны – члены Постоянного Комитета по торговому и экономическому сотрудничеству при Организации исламского сотрудничества (İSEDAK)².

Согласно годовому плану развития на 2016 г. (10-й План экономического развития), предполагалось, что возрастет число торговых делегаций и выставок за границей (из 3450 индивидуальных выставок 300 планировалось организовать за рубежом, тогда как в 2015 г. их число составляло всего лишь 140). Отмечалась необходимость принятия мер для заключения договоров о свободной торговле с такими странами, как Сингапур, Япония, Мексика, Перу, Эквадор и Катар, США, Канада, Таиланд, Индия, Индонезия, Вьетнам и страны Центральной Америки³.

В экспорте Турции по группам стран за период осуществления 10-го пятилетнего плана неизменно лидировали страны ЕС. Причем стоит отметить, что если ранее доля стран ЕС сокращалась (2007–2013 гг.), то за указанный период она вновь начала расти (2014 г. – 43,5%, 2016 г. – 47,9% и 2018 г. – 50%). То есть в данный период страны ЕС имели тенденцию, обратную той, начало которой было дано в период осуществления 9-го пятилетнего плана (2014 г. – 22,5%, 2016 г. – 22,0% и 2016 г. – 17,5%). Как и ранее, доля стран Ближнего и Среднего Востока продолжала расти. Экспорт же других европейских стран, занимавших 3-е место в турецком экспорте, сократился с 9,6% в 2014 г. до 7,4% в 2016 г. Азиатские страны заняли 4-ю позицию, их доля за указанный период составляла около 7%. Страны Северной Африки сместились с 4-й позиции в 2013 г. на 5-ю в 2014 г. и 6-ю в 2018 г., пропустив страны Северной Америки (их доли составили в 2014 г. 6,2%, в 2016 г. – 5,4% и 2018 г. 5,6%).

По регионально-интеграционному принципу в турецком экспорте пятерка мест распределилась так же, как и в период осуществления 9-го пятилетнего плана: страны OECD (ОЭСР), Организация исламского сотрудничества, страны Черноморского экономического сотрудничества, страны СНГ и Организации экономического сотруд-

ничества. Однако отдельные группы стран демонстрировали тенденции, обратные тем, о которых упоминалось при осуществлении 9-го пятилетнего плана. Так, доля стран OECD имела рост (с 48,6% в 2014 г. до 54,3% в 2016 г. и 55,8% в 2018 г.). Доля стран Организации исламского сотрудничества сократилась с 30,9% в 2014 г. до 28,9% в 2016 г. и 24,5% в 2018 г. Если в предыдущий период доля стран СНГ увеличивалась, то сейчас она имела сокращение с 9,9% в 2014 г. до 5,8% в 2018 г. Та же тенденция происходила и со странами Организации экономического сотрудничества (снижение с 7,4% в 2014 г. до 4,3% в 2018 г.). И если ранее мы отмечали рост доли тюркских республик (занимали 6-е место), то сейчас они демонстрировали падение – 4,5% в 2014 г. и 2,3% в 2018 г.⁴ Таким образом, для данного периода (2014–2018 гг.) было характерно снижение роли региональных организаций, занимавших основные позиции по доли в турецком экспорте, за исключением лидера – стран ОЭСР, демонстрировавших рост.

Для оценки географического распределения экспорта важным является анализ стран-лидеров по турецкому экспорту. Так, за указанный период пятерка была представлена следующими странами (см. табл. 1).

Таблица 1

Пятерка стран-лидеров в турецком экспорте

Годы/ Место (доля,%)	2014	2016	2018
1	Германия (9,6)	Германия (9,8)	Германия (9,6)
2	Ирак (6,9)	Англия (8,2)	Англия (6,6)
3	Англия (6,3)	Ирак (5,4)	Италия (5,7)
4	Италия (4,5)	Италия (5,3)	Ирак (5,0)
5	Франция (4,1)	США (4,6)	США (4,9)

Рассчитано и составлено по: Ülkelere göre ihracat: 1996–2019. URL: <http://www.tuik.gov.tr/>

Стоит отметить, что в пятерке стран в турецком экспорте вновь лидировала Германия. Ирак за данный период переместился с 2-го места в 2014 г. на 3-е – в 2016 г. и 4-е место в 2018 г. И вновь в пятерке стран появились США, которые отсутствовали в период предыду-

щего пятилетнего плана. Российская Федерация в 2014 г. заняла уже всего лишь 6-е место (3,8%), а в 2016 г. она переместилась на 19-е место (1,2%). Однако в 2018 г. ситуация начала понемногу выравниваться, и Российская Федерация стала подниматься и заняла уже 12-е место (2,0%).

Рассмотрев основные товары, экспортируемые Турцией в страны-лидеры, следует отметить, что среди товаров, отправляемых в Германию, лидировали легковые автомобили и прочие транспортные средства (6,5% от турецкого экспорта в Германию), части и принадлежности моторных транспортных средств (6,0%), части для двигателей разного рода (5,9%). Далее шли предметы одежды и принадлежности к ней – майки, фуфайки (4,0%) и свитера, пуловеры, кардиганы (2,8%). В Англию экспортировались моторные транспортные средства для перевозки грузов (10,3%), легковые автомобили и прочие транспортные средства (10,3%), золото (5,4%), провода, кабели и проводники (4,9%), мониторы и проекторы, аппаратура для телесвязи (3,7%). Первое место в экспорте в Италию также заняли легковые автомобили и прочие транспортные средства (17,9%). Далее шли черный металлопрокат из железа и стали (8,4%), моторные транспортные средства для перевозки грузов (6,3%), продукты растительного происхождения – орехи (3,6%) и детали для наземных транспортных средств (3,2%). Структура экспорта в Ирак выглядела следующим образом: ювелирные изделия (13,5%), пшеничная мука (6,3%), мясо и субпродукты птицы (3,9%), хлеб, хлебобулочные и кондитерские изделия (3,7%), мебель и ее части (3,7%). В США, замыкающие пятерку лидеров по турецкому экспорту, Турция отправляла ковры и прочие текстильные покрытия (6,3%), двигатели и турбины (3,9%), легковые автомобили и прочие транспортные средства (3,9%), ювелирные изделия и их части (3,6%), нефть и нефтепродукты (3,6%)⁵. Таким образом, мы наблюдаем, что экспорт Турции в лидирующие страны-партнеры в основном был представлен легковыми автомобилями и прочими транспортными средствами, частями и принадлежностями моторных транспортных средств, двигателями разного рода – данные статьи занимали первые места. Отмеченные товары принадлежали к продукции среднетехнологичных отраслей, и тенденция их преобладания в экспорте пятерки лидеров подтверждает развитие технологичности турецкого экспорта. В экспорте Турции в США основное место

занимали ковры, хотя указанные среднетехнологические товары все же заняли последующие основные места. И лишь только экспорт в Ирак был представлен в основном низкотехнологичными товарами, что говорит о том, что Турция экспортирует высокотехнологичные товары в те страны, которые имеют на них спрос, экономика стран которых технологически нуждается в данной продукции, и, напротив, экспортирует средне- и низкотехнологичные товары в те страны, которые являются зависимыми от данной группы товаров.

В импорте Турции по группам стран продолжали лидировать страны ЕС. И если ранее их доля уверенно снижалась, то за данный период эта тенденция была приостановлена. Так, в 2014 г. доля стран ЕС составила 36,7%, в 2016 г. – 39,0% и в 2018 г. – 36,2%. Вторую позицию заняли другие азиатские страны (2016 г. – 27,3%, 2018 г. – 23,1%). Доля других европейских стран, занявших 3-е место, снижалась с 15,0% в 2014 г. до 11,0% в 2016 г. и 10,5% в 2018 г. Страны Ближнего и Среднего Востока, имевшие ранее уверенный рост, имели падение в 2016 г. по сравнению с 2014 г. (6,9 и 8,5% соответственно). А доля стран Северной Америки демонстрировала рост (5,7% в 2014 г., 6,0% – в 2016 г. и 6,4% – в 2018 г.).

В турецком импорте по регионально-интеграционному принципу все также лидировали страны OECD, однако ранее отмеченное сокращение их доли в турецком импорте было приостановлено, и в 2016 г. даже отмечался рост (2014 г. – 48,1%, 2016 г. – 50,8%, 2018 г. – 48,0%). Вторую позицию продолжали занимать страны Черноморского экономического сотрудничества (их доли соответственно составили 16,9% в 2014 г., 12,2% – в 2016 г., 14,7% – в 2018 г.). Далее шли страны СНГ (стоит отметить незначительное сокращение их доли – 2014 г. – 13,7%, 2018 г. – 12,6%) и Организация исламской конференции, чья доля снизилась в 2016 г. – 11,7% по сравнению с 12,0% в 2014 г.). На 5-е место вышли страны Организации экономического сотрудничества, и их удельный вес также сократился с 5,6% в 2014 г. до 4,7% в 2018 г.⁶ Таким образом, по импорту из региональных организаций отмечалась тенденция сокращения их доли, и лишь только лидер – страны ОЭСР – вновь стал демонстрировать рост.

Пятерка стран-лидеров за указанный период была стабильной. Лидирующие места по турецкому импорту в 2018 г. занимали Россия, Китай, Германия, США и Италия (см. табл. 2).

Таблица 2

Пятерка стран-лидеров в турецком импорте

Годы/ Место (доля,%)	2014	2016	2018
1	Россия (10,4)	Китай (12,8)	Россия (9,9)
2	Китай (10,3)	Германия (10,8)	Китай (9,3)
3	Германия (9,2)	Россия (7,6)	Германия (9,1)
4	США (5,3)	США (5,5)	США (5,5)
5	Италия (5,0)	Италия (5,1)	Италия (4,6)

Рассчитано и составлено по: Ülkelerle göre ithalat: 1996–2019. URL: <http://www.tuik.gov.tr/>

Стоит отметить, что в 2016 г. произошло падение доли России и ее перемещение с 1-го места на 3-е (доля сократилась с 10,4 до 7,6%). А Китай вышел в лидеры – его доля составила 12,8%. Однако в 2018 г. позиции стран вновь вернулись на свои места.

В импорте из страны-лидера России 1-е место в 2018 г. заняла статья нефть и нефтепродукты (23%), далее следовали каменный уголь (6,3%), полуфабрикаты из железа и нелегированной стали (5,6%), пшеница и зерновые (4,7%), прокат из железа и нелегированной стали (4,0%). Из Китая в 2017 г. импортировались телефонные аппараты и аппаратура для связи (12,1%), вычислительные машины, считывающие устройства (5,4%), синтетические нити (2,5%), части для аппаратуры (2,3%), части и принадлежности моторных транспортных средств (1,8%). В 2018 г. у Германии закупались легковые автомобили и прочие транспортные средства (10%), части и принадлежности моторных транспортных средств (6,4%), золото (3,3%), двигатели внутреннего сгорания (2,6%) и лекарственные средства (2,5%). Среди импортных товаров из США 1-е место принадлежало черным металлоотходам, лому (10,4%), летательным аппаратам (8%), двигателям, газовым турбинам (7,2%), хлопковому волокну (5,7%) и каменному углю (3,7%). В импорте из Италии лидировала статья нефть и нефтепродукты (6,0%), части и принадлежности моторных транспортных средств (5,2%), двигатели внутреннего сгорания (2,7%), ювелирные изделия и части из драгоценных металлов (2,6%), части летательных аппаратов (2,3%)⁷. Следует отметить, что у стран-лидеров Турция в основном закупала машины и транс-

портные средства, нефть, минеральное топливо, продукцию химической промышленности. Страна вынуждена закупать продукцию среднетехнологичных отраслей, но хотя это и говорит о ее пока еще недостаточном самостоятельном производстве, указывает одновременно и на спрос на данные товары и развитие технологичности ее экономики.

Таким образом, мы отмечаем, что за период осуществления 10-го пятилетнего плана в географической структуре экспорта и импорта произошли определенные изменения, которые не были характерны для общих тенденций в экспорте и импорте в стране за последний период. Это было связано с кризисом в Турции в 2016 г., кроме того, свою негативную роль сыграло и ухудшение турецко-российских отношений, что также отразилось на географической структуре турецкой внешней торговли.

Рассмотрим десятку стран, лидирующих по объему внешней торговли с Турцией в 2018 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

Десятка стран-лидеров по объему внешней торговли с Турцией в 2018 г.

Страна/ место	Экспорт Турции, млрд долл.	Импорт Турции, млрд долл.	Объем внешней торговли, млрд долл.	Доля страны в общем объеме внешней торговли Турции, %
1. Германия	16136	20407	36543	9,4
2. Россия	3399	21989	25388	6,5
3. Китай	2912	20719	23631	6,0
4. США	8304	12377	20681	5,3
5. Италия	9560	10154	19714	5,0
6. Англия	11106	7446	18552	4,7
7. Франция	7287	7413	14700	3,8
8. Испания	7780	5492	13272	3,4
9. Ирак	8346	1420	9766	2,5
10. Иран	2392	6931	9323	2,4

Рассчитано и составлено по: Ülkelere göre ihracat: 1996–2019/ <http://www.tuik.gov.tr/> и Ülkelere göre ithalat: 1996–2019. URL: <http://www.tuik.gov.tr/>

Лидерами по внешней торговле с Турцией в 2018 г. стали Германия, на долю которой приходилось 9,4% от общего объема турецкой внешней торговли, Россия – 6,5%, Китай – 6%, США – 5,3% и Италия – 5%.

В 2019 г. был принят 11-й пятилетний План экономического развития до 2023 г.⁸ В экономическом плане вновь ставилась задача по увеличению роли Турции в мировой торговле, обеспечению стабильного роста экспорта за счет поддержки конкурентоспособных и трудоемких отраслей производства, а также снижению зависимости от импорта с целью улучшения ситуации по дефициту внешнеторгового баланса. Предполагалось принятие дорожных карт по экспорту на среднесрочный период, продолжение работы по определению рынков-целей и целевых продуктов. Руководством ставилась задача по подготовке Основного плана по экспорту (*İhracat Ana Planı*), целью которого являлась поддержка турецких фирм при встраивании их в мировые стоимостные цепочки и стабильный рост экспорта. Планировалось увеличить добавленную стоимость и конкурентоспособность экспортных товаров за счет поддержки производства на турецких предприятиях, разработки товаров и брэндинга, развивать новые методы поддержки экспорта. Предполагалось прилагать все необходимые усилия для увеличения значимости Турции на рынках мусульманских стран, развивать механизмы по поддержке экспорта турецких фирм в мусульманские страны. Руководство страны планировало более эффективно работать в направлении сотрудничества с Институтом стандартизации и метрологии исламских стран (*İslam Ülkeleri Standartlar ve Metroloji Enstitüsü*), куда входит и Турция, создать единую базу данных, включающую информацию по всем фирмам за рубежом, сотрудничающим с Турцией. В Пlane говорилось о продолжении налаживания как двусторонних, так региональных и многосторонних контактов. Ставилось целью продолжать заключать соглашения о свободной торговле и работать в направлении ранее достигнутых договоренностей по данному курсу. Отдельное внимание вновь уделялось африканским странам – расширению сотрудничества в различных сферах и увеличению объема торговли. Страны Ближнего Востока также занимали особое место в данном 5-летнем Пlane развития, в частности говорилось об усилении экономического и торгового сотрудничества с ними и наращивании товарооборота.

Министр торговли Турции Рухсар Пекджан в отчете за сентябрь 2019 г., подготовленном Главным управлением по иностранным представительствам и международным вопросам при Министерстве торговли⁹, подчеркнула, что в августе 2019 г. был оглашен подготовленный Основной план по экспорту, в котором в качестве целевых рынков были определены 17 стран и регионов: США, Бразилия, Китай, Эфиопия, Марокко, Северная Африка, Южная Корея, Индия, Ирак, Англия, Япония, Кения, Малайзия, Мексика, Узбекистан, Россия и Чили. При этом отмечалось, что при выборе данных рынков-целей уделялось внимание тому факту, что на данные страны приходится 60% мирового ВВП, 43,7% мирового импорта и 25,2% турецкого экспорта. Кроме того, в качестве основных целевых секторов отмечались машиностроение, автомобилестроение, электрическая и электронная промышленность, химическая и промышленная индустрия. Таким образом, Турция планировала увеличить рост экспорта до 3,5%, а долю высокотехнологичных товаров в турецком экспорте – до 5% (в 2015 г. данный показатель составлял 3,7%). Отмечалось, что за 8 месяцев 2019 г. экспорт имел 2,9%, рост и его значения достигли самых высоких показателей – 117,2 млрд долл., а импорт снизился на 16,9%. При этом соотношение экспорта к импорту (экспортная квота) составило 85,6% (для сравнения в прошлом году – 69,2%)¹⁰.

Согласно данным, предоставленным Союзом экспортеров Турции (TİM), турецкий экспорт оборонной и авиационной промышленности за три квартала 2019 г. вырос на 37,5% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. При этом увеличился как объем экспорта, так и количество стран-партнеров по экспорту. Так, за указанный период 2018 г. Турция осуществила экспортные поставки данной продукции в 155 стран на общую сумму 1 млрд 855 млн долл. Стоит отметить, что объем экспорта данных отраслей за весь 2017 г. составил 1 млрд 738 млн долл., за 2018 г. – 2 млрд 35 млн долл., что, несомненно, демонстрирует рост. Среди стран-лидеров по экспорту оборонной и авиационной промышленности за первые пять месяцев 2019 г. 1-е место занимали США, экспорт в которые увеличился на 20,8% с 291,884 млн долл. до 352,624 млн долл. Основную долю экспортных товаров составили беспилотные летательные аппараты и бронированные транспортные средства. Далее шла Германия, экспорт в которую составил в 2019 г. 107,464 млн долл., демонстрируя рост на 6,6%,

Оман – 100,671 млн долл. – рост на 40%, Индия – 30,327 млн долл. и Нидерланды – 33,202 млн долл. При этом наибольший рост в 2019 г. по сравнению с данным периодом 2018 г. демонстрировали ОАЭ (рост на 1803,5%), Катар (рост на 1803,5%) и Саудовская Аравия (рост на 193%).

Среди стран, в которые в 2018 г. экспортировались колесные бронетранспортеры, можно отметить Катар (90 шт. БТР), Бангладеш (47 шт.), Буркина-Фасо – государство в Западной Африке (40 шт.), Бахрейн (26 шт.), Сенегал (25 шт.), Оман (22 шт.), Республика Чад (20 шт.). Кроме того, Турция продавала другие виды БТР и бронированные машины для разведки и связи¹¹. В связи с активным ростом экспорта продукции оборонной промышленности стоит отметить рейтинг 100 крупнейших оборонных компаний мира, опубликованный в августе 2020 г. Американским интернет-изданием Defense News. Распределение мест в «TOP-100 Defense News» производилось в зависимости от объема выручки компаний от продукции военного назначения. В данный список вошли семь турецких компаний: ASELSAN, TUSAŞ, BMC, ROKETSAN, STM (Savunma Teknolojileri Mühendislik ve Ticaret AŞ), FNSS и HAVELSAN. Согласно данному рейтингу, например, компания ASELSAN расположилась на 52-й позиции списка (в 2006 г. флагман турецкой оборонной промышленности находился в списке на 93-й позиции). Один из главных поставщиков таких крупных международных компаний, как Boeing, Airbus, Lockheed Martin, Northrop Grumman и Bombardier и Leonardo, компания TUSAŞ, которая впервые попала в список в 2011 г., разместившись на 83-й строчке, в 2019 г. увеличила свой оборот на 42% по сравнению с годом ранее – с 1,3 млрд до 1,8 млрд долл. и в прошлом году компания заняла уже 53-ю строчку рейтинга, поднявшись сразу на 16 ступеней¹².

Экспорт и импорт по группам стран за 2019 г. и первую половину 2020 г. наглядно отражает тенденции, имевшие место за этот период.

В экспорте Турции по группам стран в 2019 г. все также лидировали страны ЕС. Их доля в общем объеме экспорта по группам стран составила 42,4%, хотя и отмечалось незначительное снижение данного показателя в 2019 г. по сравнению с 2018 г. (снижение на 0,9%). Следующую позицию так же, как и в предыдущие годы, заняли страны Ближнего и Среднего Востока (19,4%), и по сравнению с 2018 г. стоит

отметить рост, причем один из самых значительных по группам стран (на 8,0%). Третью позицию заняли другие европейские страны (13,5%), а далее находились другие азиатские страны (7,4%), страны Северной Африки (6,0%) (данная группа стран также демонстрировала наибольший рост – на 9,2%) и Северной Америки (5,5%).

По регионально-интеграционному принципу деления турецкого экспорта места в 2019 г. распределились так же, как и в период осуществления 10-го пятилетнего плана. Страны OECD заняли 1-е место – на них пришлось 54,9% общего экспорта Турции, далее следовала Организация исламского сотрудничества (27,0%), страны Черноморского экономического сотрудничества (11,3%), страны СНГ (5,3%), Организации экономического сотрудничества (4,8%) и тюркские республики (2,8%). Однако если доля стран OECD в период 10-го пятилетнего плана росла, то в 2019 г. она снизилась на 1,7%. Все остальные отмеченные группы стран имели рост в 2019 г. по сравнению с 2018 г. При этом самый значительный рост имели тюркские республики – 15,6%, что приостановило тенденцию, отмеченную в период 10-го плана, а именно – сокращения доли тюркских республик. То же было характерно и для стран Организации исламского сотрудничества – приостановка сокращения доли данной группы стран (30,9% в 2015 г., 25,3% – в 2018 г. и 27% – в 2019 г.)¹³. Рассмотрев данные за первые 7 месяцев 2020 г., стоит отметить, что порядок распределения мест остался таким же: страны OECD (55,5%), Организация исламского сотрудничества (26,4%), страны Черноморского экономического сотрудничества (11,9%), страны СНГ (5,9%), Организации экономического сотрудничества (4,9%) и тюркские республики (3,2%). Лишь только по странам OECD, занимавшим 1-е место, вновь отмечался рост по сравнению с 2019 г. (доля данной группы стран составила 55,5%, а в 2019 г. – 54,9%). И немного снизилась доля стран Организации исламского сотрудничества (с 27% в 2019 г. до 26,4% в 2020 г.)¹⁴.

В десятке стран-лидеров по турецкому экспорту в 2019 г. находились Германия (9,2% общего турецкого экспорта), Англия (6,2%), Ирак (5,7%), Италия (5,4%), США (5,0%), Испания (4,5%), Франция (4,4%), Нидерланды (3,2%), Израиль (2,5%) и Российская Федерация (2,3%). По пятерке лидеров тенденции по сравнению с 2018 г. практически не изменились, лишь только поменялись местами Италия и Ирак. Россия, как было отмечено, заняла 10-ю позицию, что демонстри-

рует рост ее доли – эта тенденция была отмечена еще в 2018 г., тогда как в предыдущем периоде она значительно понизила свои позиции (так, в 2016 г. она занимала лишь 19-е место (1,2%), в 2018 г. – 12-е место (2,0%))¹⁵. Согласно данным за первые 7 месяцев 2020 г., места распределились следующим образом: Германия (9,5%), США (6,2%), Англия (6,0%), Ирак (5,4%), Италия (4,7%), Франция (4,2%), Испания (3,8%), Нидерланды (3,2%), Израиль (2,8%) и Российская Федерация (2,6%). Таким образом, США с пятой позиции в 2019 г. (причем такую же позицию они занимали и в 2018 г., и в 2016 г., а ранее вовсе не входили в пятерку лидеров – лидировали только лишь в период осуществления 8-го плана и в начале 9-го плана) поднялись на вторую позицию. Позиция Российской Федерации осталась неизменна, а доля в турецком экспорте даже незначительно повысилась¹⁶.

Германия, являясь лидером по турецкому экспорту, имела небольшое снижение объемов турецкого экспорта в 2019 г. по сравнению с 2018 г. (15281 млн долл. против 16137 млн долл.). В экспортной структуре лидировали моторные транспортные средства (19,7%), машины и оборудование (14,9%), предметы одежды и принадлежности к ней (11,4%), невязанная одежда (5,3%), пластмасса и готовые изделия из нее (8,7%), ювелирные изделия (6,5%). Стоит посмотреть на структуру экспорта в США, которые вновь заняли 5-ю позицию (а в 2020 г. – 2-ю). На первом месте в товарной структуре находились части и принадлежности транспортных средств (13,6%), в отличие от 2018 г., когда на первом месте были ковры и прочие текстильные покрытия, далее шли моторные транспортные средства (11,8%), ковры и текстильные покрытия (8,3%), камень, гипс, цемент, слюда и изделия из них (4,7%) и ювелирные изделия (4,3%). Рассмотрев структуру экспорта в РФ, мы отмечаем, что хотя и незначительно, но имел место рост (2017 г. – 2734 млн долл., 2018 г. – 3400 млн долл., 2019 г. – 2853 млн долл.). Лидером стали овощи и фрукты (23%), части и принадлежности транспортных средств (16,7%), моторные транспортные средства (13,9%), пластмасса и готовые изделия из нее (6%), электрические машины и оборудование (5,9%)¹⁷.

В турецком импорте по группам стран в 2019 г. лидировали страны ЕС, на их долю приходилось 32,3%. Как отмечалось выше, в период осуществления 10-го плана тенденция снижения доли стран ЕС была приостановлена, и в 2016 г. даже отмечался рост. А в 2019 г.

мы вновь отмечаем снижение доли стран ЕС, и причем довольно значительное – на 11,9%. Второе место занимали другие азиатские страны (22,5%) – в данной группе также отмечалось падение – на 12%. Далее шли другие европейские страны (17,6%), страны Ближнего и Среднего Востока (7,6%) и Северной Америки (6,4%). Во всех группах стран отмечалось снижение доли турецкого импорта по сравнению с 2018 г. Причем снижение в странах Ближнего и Среднего Востока – на 15%, Северной Америки – на 10%.

В импорте по региональным группировкам места в 2019 г. были распределены так же, как и в 2018 г.: 1-е место заняли страны OECD (47%), причем если в предыдущем плане мы отмечали приостановку снижения доли этих стран и даже в отдельные годы увеличение, то в 2019 г. вновь отмечалось падение на 12,6%; второе место заняли страны Черноморского экономического сотрудничества (16,1%) – небольшое снижение – на 0,6%, страны СНГ (12,7%), страны Исламской организации сотрудничества (12,5%) – снижение на 12,4% и Организация экономического сотрудничества (3,6%) – здесь наблюдалось наибольшее снижение доли турецкого импорта – на 31,7%, тогда как, например, в 2017 г. отмечался рост на 43%¹⁸.

Проанализировав данные за первые 7 месяцев 2020 г., стоит отметить, что распределение мест по группам стран по турецкому импорту осталось прежнее (по сравнению с 2019 г.), доля стран ЕС осталась на том же уровне (32,3%), немного снизилась доля других европейских стран (15,1% против 17,6%) и возросла доля стран БСВ (8,9% против 7,6%). Что касается деления по регионально-интеграционному принципу, то здесь следует отметить, что распределение мест немного изменилось – на 2-е место вместо стран Черноморского экономического сотрудничества (их доля составила 13,3%) вышли страны Исламской организации сотрудничества (13,9%), а 5-е место имели развивающиеся страны восьмерки (3,3%)¹⁹.

В десятке стран-лидеров по турецкому импорту места в 2019 г. принадлежали: Российской Федерации (11%) – тенденция роста доли РФ сохранилась, отмечался рост на 1% по сравнению с 2018 г., хотя и совсем незначительный по сравнению с 2017 г. – рост на 30%, 2018 г. – рост на 18%, Германия (9,2%), Китай (9,1%), США (5,6%), Италия (4,4%), Франция (3,2%), Индия (3,2%), Южная Корея (2,7%), Англия (2,7%) и Испания (2,1%). Причем стоит отметить, что во всех

остальных странах, кроме РФ, отмечалось падение доли турецкого импорта. Наиболее значительные цифры отмечались в Англии – 26%, Испании – 21%, Франции – 13,7%, Италии – 13%, что и подтверждает описанные выше тенденции снижения доли стран ЕС. Согласно данным за первые 7 месяцев 2020 г., места были перераспределены следующим образом: на 1-е место, поднявшись с 3-го, вышел Китай (10,5%), на 2-м месте осталась Германия (9,4%), на 3-е место спустилась РФ (8,5%), далее следовали США (6,0%), Италия (4,0%), 6-е место занял Ирак (3,7%), что явилось очень неожиданным, так как в 2019 г. он не входил в десятку (19-е место), далее последовала Франция (3,0%), Англия (2,4%), Индия (2,3%) спустилась с 7-го места в 2019 г. на 9-е место, замыкают десятку стран-лидеров ОАЭ (2,2%) – тогда как в 2019 г. были на 11-м месте²⁰.

Из Российской Федерации, занявшей в 2019 г. так же, как и в 2018 г., 1-е место, импортировались нефть и нефтепродукты (15,3%) – снижение их доли на 33% по сравнению с 2018 г., пшеница и другие зерновые (6,7%) – данная статья имела значительный прирост – на 41% и поднялась с 4-го места на 2-е в 2019 г., далее следовали каменный уголь (5,6%) – снижение на 11%, необработанный алюминий (4,6%) – огромный прирост по сравнению с 2018 г. – на 72%, и замыкают пятерку полуфабрикаты из железа и нелегированной стали (3,6%) – снижение на 11%. Из Германии, занимавшей 2-е место по импорту Турции, закупались легковые автомобили и прочие транспортные средства (6%) – падение на 47% по сравнению с 2018 г., части и принадлежности моторных транспортных средств (5,84%) – падение на 21%, 3-е место принадлежало золоту (5,3%) – рост на 44%, и далее шли вертолеты, самолеты, космические корабли и части к ним и орбитальные принадлежности (4%) – причем данная статья имела колоссальный рост – на 412%. Рассмотрев импорт из Китая в 2019 г., следует отметить, что 1-е место так же, как и в 2018 г., заняла статья телефонные аппараты и аппаратура для связи (10,4%) – хотя и имелось незначительное падение на 7%, вычислительные машины, считывающие устройства (5,5%), синтетические нити (3,6%) – рост на 27,2%, части для аппаратуры (3%) – рост на 51%, помпы, компрессоры, вентиляторы (1,8%). Стоит упомянуть и Ирак, который, несмотря на то, что не вошел в десятку в 2019 г., вышел на 6-е место по данным за 7 месяцев 2020 г. Импорт Турции из Ирака в 2020 г. состоял на 95% из золо-

тых изделий, причем в 2019 г. объем импорта демонстрировал рост по сравнению с 2018 г. более чем на 90%²¹.

В 2019–2020 гг. Турция, наряду с сотрудничеством с новыми странами и регионами, продолжала налаживать контакты с традиционными партнерами, в том числе с теми, которые были выделены в качестве целевых рынков. И несмотря на сложную обстановку в связи с коронавирусной инфекцией, турецкая сторона пытается продолжать начатые проекты и налаживать новое партнерство, при этом используется как очный, так и заочный форматы.

В качестве примера рассмотрим сотрудничество с Узбекистаном, который, как отмечалось выше, стал одной из стран, выделенных Турцией, целевым рынком. Турция активно налаживала сотрудничество и подписала ряд соглашений о сотрудничестве и партнерстве с Узбекской Республикой.

С 5 по 7 ноября 2019 г. состоялась бизнес-встреча узбекских и турецких деловых кругов, направленная на развитие двусторонних отношений в аграрном секторе. Мероприятие было организовано Узбекско-Турецким Торговым Домом при содействии Торгово-промышленной палаты Узбекистана и Торгово-Промышленной Палатой Анталии при поддержке Министерства экономики Турции и Торгового Представительства Посольства Турции в Узбекистане. В мероприятии участвовали 15 турецких компаний из аграрного сектора, которые посетили более 100 узбекских представителей фермерских хозяйств, химической отрасли, тепличного хозяйства и других отраслей. После презентаций местные предприниматели заключили ряд договоров с турецкой стороной²².

В ходе визита правительственной делегации Узбекистана в Турцию в марте 2019 г. власти Узбекистана и представители турецкой компании Cengiz Enerji договорились о сроках строительства тепловой электростанции (ТЭС) мощностью 240 МВт в Ташкентской области. Отмечалось, что строительные работы планируется начать до конца 2020 г. с вводом объекта в эксплуатацию в течение 12 месяцев с момента начала строительства. Инвестиционное соглашение, подписанное по итогам встречи, позволит обеспечить привлечение прямых турецких инвестиций в размере до 150 млн долл. Данный проект предоставит возможность создания 500 новых рабочих мест в период строительства объекта и 100 рабочих мест во время эксплу-

атации ТЭС. Электростанция должна обеспечить выработку энергии в объеме 2 млрд кВт.ч., что сократит потребление природного газа, который затрачивается на выработку электроэнергии. Кроме того, был подписан контракт с Национальными электрическими сетями Узбекистана о покупке электроэнергии у турецкой компании сроком на 25 лет²³.

В 2020 г., несмотря на сложную мировую обстановку и борьбу с коронавирусной инфекцией, турецкая и узбекская стороны заключили ряд новых проектов и соглашений в различных отраслях, что демонстрирует решимость сторон к сотрудничеству и взаимопомощи.

19–20 февраля 2020 г. состоялось первое заседание Совета стратегического сотрудничества на высшем уровне «Узбекистан – Турция», ознаменовавшее начало нового этапа в развитии межстранового взаимодействия. Был подписан «План действий по экономическому сотрудничеству между Республикой Узбекистан и Турецкой Республикой». Стороны договорились скоординировать усилия и внедрить новый механизм мониторинга для обеспечения безусловного исполнения всех пунктов данного документа. В целях дальнейшего продвижения общих интересов и инициатив была рассмотрена возможность проведения 2-й встречи Группы стратегического планирования и очередного раунда политических консультаций между внешнеполитическими ведомствами двух стран в ближайшее время.

18 августа 2020 г. Кабинет министров Узбекистана утвердил постановление об укреплении стратегического партнерства и расширении сотрудничества между Узбекистаном и Турцией. Согласно документу, до конца года в Самарканде планировалось открытие генерального консульства Турции. Кроме того, постановление предусматривало расширение технической помощи правительства Турции Узбекистану. Турецких экспертов намерены привлекать к работе по улучшению управления объектами инфраструктуры, здравоохранения, по укреплению нормативно-правовой базы в сфере сейсмологии, внедрению международных стандартов в сфере строительства дорог и придорожной инфраструктуры.

В июле 2020 г. в рамках визита делегации Республики Узбекистан в Анкаре состоялась встреча заместителя премьер-министра – министра инвестиций и внешней торговли Узбекистана С. Умурза-

кова с министром иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу. В ходе обсуждения был подчеркнут стратегический характер торгово-экономического партнерства Узбекистана и Турции, масштабы которого в последние годы демонстрировали уверенный рост: объем товарооборота в 2019 г. составил 2,5 млрд долл., показав рост в 22,7% по отношению к предыдущему году. Стороны подтвердили взаимное стремление к повышению в краткосрочной перспективе объемов взаимной торговли до 5 млрд долл., несмотря на влияние пандемии. В данном контексте была отмечена приоритетность ускорения процесса согласования проекта Соглашения о преференциальной торговле, над которым в настоящее время работают эксперты и специалисты профильных ведомств двух стран.

Сторонами были рассмотрены меры, принимаемые правительствами обоих государств по предотвращению распространения коронавирусной инфекции и смягчению негативного влияния ограничительных мер на устойчивое развитие различных секторов экономики, а также перспективы укрепления двустороннего сотрудничества в данном направлении.

Также узбекской стороной была высоко оценена техническая помощь, оказанная Узбекистану Турецким Агентством по сотрудничеству и координации в течение последних трех лет в рамках реализации 147 проектов.

Отдельное внимание было уделено укреплению взаимодействия в области транспорта и логистики: в данном контексте было отмечено, что в январе 2020 г. в Ташкенте железнодорожными администрациями Кыргызстана, Туркменистана, Азербайджана, Грузии и Узбекистана был подписан протокол о введении тарифных скидок в размере от 50 до 70% на грузоперевозки. В ходе встречи турецкой стороне было предложено рассмотреть вопрос возможного присоединения железнодорожной администрации Турции к данному протоколу.

В ходе встречи был подчеркнут высокий уровень двустороннего партнерства в политико-дипломатической, межпарламентской, торгово-экономической, культурно-гуманитарной сферах и в сфере безопасности, а также высокий темп наращивания масштабов сотрудничества по всем направлениям соприкосновения интересов двух стран.

В сентябре 2020 г. был подписан проект с турецкой транспортной инженеринговой компанией Kalyon Ulaştırma по строительству

новой улицы протяженностью 5,6 км, которая должна соединить Сергелийский район с центром Ташкента. В рамках проекта было запланировано, что все путепроводы будут построены по новой для Узбекистана технологии преднапряженного железобетона. Такие конструкции меньше прогибаются, меньше трескаются и отличаются высокой прочностью. Для моста строительства планируется использовать европейскую сталь высокой прочности. Подобные мосты успешно эксплуатируются в Турции уже 40 лет и не требуют реконструкции в течение полувека.

11 сентября 2020 г. компании Alto Aluminium и Özgüven подписали меморандум о сотрудничестве в области реализации строительства грандиозного небоскреба в Узбекистане Nest One на территории международного делового центра Tashkent City. Alto Aluminium – совместное предприятие, учрежденное в 2020 г. группой компаний АКФА совместно с Kocamanlar Alüminyum (Турция). Предприятие было создано для реализации масштабных проектов в области проектирования и строительства. А компания Özgüven (Турция) является автором архитектурных и инженерных инноваций проекта²⁴.

Таким образом, оценивая данные соглашения, меморандумы, протоколы и проекты, стоит отметить активно развивающееся сотрудничество между сторонами и его перспективы.

Турция продолжает активно сотрудничать с Россией – лидером по турецкому импорту. Проект по закупке Турцией у России ЗРК С-400 имел продолжение. 23 августа 2020 г. Россия подписала с Турцией контракт на поставку в Турцию второй партии зенитно-ракетных комплексов С-400, стороны обсудили финансовые условия контракта. Сроки реализации контракта будут зависеть от готовности турецкой стороны окончательно решить процедурные вопросы финансирования проекта. Турция стала первой страной – членом НАТО, закупившей у России зенитные управляемые ракеты. В 2017 г. Турция и Россия подписали первое соглашение о закупке на сумму 2,5 млрд долл., и Турция купила четыре комплекта систем С-400. 23 октября того же года «Рособоронэкспорт» объявил, что Россия досрочно выполнила контракт на поставку и передала Турции все подсистемы первой партии систем С-400, в том числе комплекты боеприпасов. В апреле 2019 г. в ответ на покупку Турцией систем С-400 Соединенные Штаты исключили ее из проекта истребителя пятого поколения F-35, раз-

работанного ими. США объявили, что прекращают поставки истребителей F-35 и сопутствующего оборудования и исключают Турцию из проекта, в котором сотрудничало множество стран. Согласно первоначальному плану, американская компания Lockheed Martin должна была поставить первую партию из 10 истребителей F-35 в Турцию в 2020 г., но эти F-35 были «конфискованы» ВВС США и переданы в использование боевого крыла американских военно-воздушных сил. Тот факт, что Турция продолжает закупать российские системы С-400, является не только отражением успешного сотрудничества между Турцией и Россией в последние годы, но и новым шагом Турции, направленным на дальнейшее укрепление фундамента двусторонних отношений²⁵.

Турция активно продолжает налаживать отношения с Китаем, который вновь был выделен в качестве целевого рынка в 11-м Плане развития страны.

В отчете Союза экспортеров отдельно отмечалось сотрудничество с отдельными странами, в том числе с Китаем. Так, на 88-й международной выставке в Измире, проходившей в сентябре 2019 г., говорилось об особой значимости взаимовыгодного сотрудничества с Китаем. Министр торговли Турции отметила: «Если Китай не находится далеко для того, чтобы покупать, то и для того, чтобы продавать – тоже недалеко». На выставке были представлены различные торговые фирмы и продукции. Если в 2001 г. объем торговли с Китаем составлял 1,1 млрд долл., то в 2018 г. он достиг 23,6 млрд долл., при этом Китай занял в 2018 г. 16-е место по турецкому экспорту. Турецкий импорт значительно превышает турецкий экспорт, и данный факт может стать перспективным направлением для Турции. В качестве целевой турецкой экспортной продукции для Китая были выделены фисташки и молочные товары. При этом заместитель министра торговли Китайской Народной Республики Ли Ченгганг отметил, что Турция является третьим по величине торговым партнером страны.

Одним из совместных турецко-китайских проектов, начатых еще в начале 2020 г. и приостановленных из-за пандемии, явился проект по строительству китайской стороной теплоэлектростанции Хунутлу на юге Турции, в Адане. По завершении строительства установленная мощность станции должна составить 1320 МВт. В августе

2020 г. 238 строителей компании China Energy Engineering Group вернулись в Турцию (ранее они уезжали в Китай на новогодние каникулы, но не смогли вернуться в Турцию из-за вспышки COVID-19), чтобы возобновить работы по теплоэлектростанции²⁶.

Таким образом, анализ географии внешней торговли страны и приведенные примеры сотрудничества продемонстрировали, что Турция за указанный период развивает и укрепляет торговые связи с разными странами и регионами, при этом она поддерживает отношения с традиционными партнерами, а также ищет новые рынки, что дает ей возможность играть важную роль на глобальном уровне.

Страна осуществляет сотрудничество как с географически близкими странами, в том числе мусульманскими, так и с более отдаленными странами и регионами. Налаживание отношений с географически близкими странами имеет, с одной стороны, определенные преимущества, ввиду наибольшей близости, что приводит к развитию внутрирегиональных связей. Однако зачастую такие страны имеют схожую структуру экономики. А участвуя в региональных организациях и объединениях и развивая сотрудничество с отдаленными государствами и регионами, имеющими другой экономический потенциал, Турции предоставляются новые возможности реализации своей продукции, в том числе и на рынках менее развитых стран. Турецкие компании, обладающие значительным потенциалом для инвестиций, осуществляют свои капиталовложения на более привлекательных рынках, т.е. в странах Центральной и Восточной Европы, Средней Азии, арабского мира. К тому же для страны открываются новые этапы сотрудничества и с экономически развитыми странами, такими как Китай, Южная Корея и Япония, с которыми у Турции пока еще довольно низкий товарооборот и импорт из которых значительно превышает экспорт. Однако руководство страны заявляет о потенциале данного сотрудничества и выделяет данные страны в качестве целевых рынков.

¹ Onuncu kalkınma planı. URL: [https:// www.pbk.tbmm.gov.tr](https://www.pbk.tbmm.gov.tr) (дата обращения: 19.09.2020).

² Ibid.

³ Onuncu Ralkınma Planı (2014 – 2018). 2016 Yılı Programı / Türkiye Cumhuriyeti Kalkınma Bakanlığı. S. 183. URL: [https:// www.pbk.tbmm.gov.tr](https://www.pbk.tbmm.gov.tr) (дата обращения: 10.11.2020).

- ⁴ Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ihracat: 1996–2019. URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
- ⁵ Составлено по: Ülkeler profilleri.Türkiye ile ticaret. URL: <https://ticaret.gov.tr/yurtdisi-teskilati/> (дата обращения: 23.10.2019).
- ⁶ Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ithalat: 1996–2019. URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
- ⁷ Составлено по: Ülkeler profilleri.Türkiye ile ticaret. URL: <https://ticaret.gov.tr/yurtdisi-teskilati/> (дата обращения: 23.10.2019).
- ⁸ On birinci kalkınma planı (2019–2023). Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı // URL: <http://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2019/07/OnbirinciKalkinmaPlani.pdf> (дата обращения: 17.10.2019).
- ⁹ Ülke masaları bülteni / Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. URL: <https://ticaret.gov.tr/yurtdisi-teskilati/ulke-masolari-bulteni/ulke-masolari-bulteni-eylul-sayisi-yayinlandi> (дата обращения: 22.10.2019).
- ¹⁰ Ülke masaları bülteni / Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. URL: <https://ticaret.gov.tr/yurtdisi-teskilati/ulke-masolari-bulteni/ulke-masolari-bulteni-eylul-sayisi-yayinlandi> (дата обращения: 22.10.2019).
- ¹¹ Türkiye'nin ihracatında Savunma ve Havacılık Sektörü: 2018–2019. URL: <https://www.defenceurk.net/turkiyenin-ihracatinda-savunma-ve-havacilik-sektoru-2018-2019> (дата обращения: 31.07.2020).
- ¹² В ТОП-100 производителей оружия вошли 7 компаний Турции. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/235957760> (дата обращения: 11.10.2020).
- ¹³ Составлено по: Ülke gruplarına göre yıllık ihracat (genel ticaret sistemi). URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
- ¹⁴ Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ihracat, 2013–2020 (genel ticaret sistemi). URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
- ¹⁵ Составлено по: Ülkelere göre yıllık ihracat (en çok ihracat yapılan 20 ülke) (genel ticaret sistemi). URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
- ¹⁶ Рассчитано по: Ülkelere göre ihracat, 2013–2020 (genel ticaret sistemi). URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
- ¹⁷ Рассчитано по: ABD ülke profili. T. C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5f0d8c1313b8769ff0574a81/ABD.pdf>; Rusya ülke profili. T. C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. 2020. URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5ef4643b13b8767a5802184f/Rusya%20Ülke%20Profili.pdf>; Federal Almanya ülke profili. T. C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. 2020. URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5ef1fa4913b876b1f885180c/ALMANYA-Ülke%20Profili.pdf>
- ¹⁸ Составлено по: Ülke gruplarına göre yıllık ithalat (genel ticaret sistemi). URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
- ¹⁹ Рассчитано по: Ülke gruplarına göre ithalat, 2013–2020 (genel ticaret sistemi). URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
- ²⁰ Рассчитано по: Ülkelere göre ithalat, 2013–2020 (genel ticaret sistemi). URL: <http://www.tuik.gov.tr/>
- ²¹ Рассчитано и составлено по: Rusya ülke profili. T. C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. 2020. URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5ef4643b13b8767a5802184f/Rusya%20Ülke%20Profili.pdf>; Federal Almanya ülke profili. T. C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü.

2020. URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5ef1fa4913b876b1f885180c/ALMANYA-ülke%20Profili.pdf>, Çin ülke profili. T. C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. 2020. URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5f3b925713b876ea88e4c9c4/ÇİN%20ülke%20profili.pdf>; Irak ülke profili. T. C. Ticaret Bakanlığı Dış Temsilcilikler ve Uluslararası Etkinlikler Genel Müdürlüğü. 2020. URL: <https://ticaret.gov.tr/data/5efddfd13b876a83c6f2fba/Irak%20ülke%20Profili.pdf>

²² Узбекистан. Турция. Внешэкономсвязи, политика. Деловой онлайн-справочник. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3187739 (дата обращения: 10.10.2020).

²³ Узбекистан. Турция. Электроэнергетика. Нефть, газ, уголь. Деловой онлайн-справочник. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3500547 (дата обращения: 14.09.2020).

²⁴ Alto Aluminium и Özgüven подписали меморандум о сотрудничестве. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/09/11/nest-one/> (дата обращения: 5.10.2020).

²⁵ Россия. Турция. США. Армия, полиция. Авиапром, автопром. Деловой онлайн-справочник. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3484298 (дата обращения: 22.09.2020).

²⁶ Китай. Турция. Электроэнергетика. Недвижимость, строительство. Деловой онлайн-справочник. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=3464133 (дата обращения: 13.09.2020).

Особенности структуры владения в нефтехимической отрасли ИРИ

Резюме. В статье дается обзор основных тенденций и ключевых показателей нефтегазохимической отрасли Исламской Республики Иран. Автором сделан краткий анализ операционной деятельности девяти иранских крупнейших публичных нефтехимических концернов, для которых представлена структура акционерного капитала с описанием ключевых собственников. Автор отмечает существенный уровень концентрации акционерного капитала в национальной нефтехимической отрасли в рамках структур, связанных с государственными организациями, благодаря чему очень ограниченная группа юридических и физических лиц страны имеет доступ к наиболее привлекательной экспортно ориентированной сфере иранской экономики.

Ключевые слова: нефтегазохимическая отрасль Ирана, акционерный капитал, структура акционеров, ключевые собственники, нефтехимические предприятия

Summary. An overview of the Iranian petrochemicals industry core trends and key indicators is given in the research article. The author provides a brief analysis of the operating activity of the nine Iranian largest public petrochemical holdings as well as the shareholder structure description. The author highlights a significant level of concentration of equity capital in the national petrochemical industry within the limited number of stakeholders (legal entities and individuals) associated with the state-related structures that in essence control the most attractive export-oriented sphere of the Iranian economy.

Key words: Iranian petrochemical industry, equity capital, shareholders structure, key owners, petrochemical enterprises

Важнейшей формой монетизации запасов природного газа в Иране является создание цепочек добавленной стоимости в нефтегазохимической отрасли. Доля Ирана на мировом рынке нефтехимии составляет 4,8%, на ближневосточном – 22–25%, в том числе доля этилена – 22%, полиэтилена – 26%. На Ближнем Востоке Иран – 32% по объемам выпускаемой нефтехимической продукции.

Обухова Анастасия Николаевна – младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-5576-1649.

Таблица 1

SWOT нефтехимической отрасли ИРИ

НЕФТЕХИМИЯ	
Преимущества	Недостатки
Отечественное сырье и сопутствующие материалы	Цена на сырье устанавливается государством
Запасы природного газа (#1 в мире), газового конденсата и нефти (#4 в мире)	Корреляция отпускных цен на продукцию с мировыми нефтяными ценами
Емкие быстрорастущие отечественный и региональный рынки	Неустойчивые производственно-сбытовые цепочки
Квалифицированный персонал, конкурентная заработная плата	Системы реализации и транспортировки нефтепродуктов в процессе становления
Развитая транспортная инфраструктура (порты, транзитные трассы, железные дороги, электросети)	
Доступ к морским путям	
Возможности	Риски
Развитие нефтехимических СЭЗ Махшахр и Ассалуйе на побережье Персидского залива	Отсутствие доступа к зарубежному финансированию
Строительство новых нефтехимических комплексов в Чабахаре, Парсе и Джаске	Введенные на экспорт санкции сдерживают увеличение объемов производства
В случае приватизации порядка 19 дочерних компаний национальной нефтехимической компании могли бы выйти на IPO	Ограниченный из-за санкций доступ к новейшим технологиям
Ограничение доли NPC в дочерних компаниях	
Благоприятные условия для иностранных инвесторов	

Источник: Составлено автором.

Нефтехимическое производство в Иране представлено дочерними нефтехимическими предприятиями и нефтеперерабатывающими заводами Иранской национальной нефтяной компании

(Министерство нефти ИРИ) и частными предприятиями. Иранские нефтеперерабатывающие заводы производят и реализуют олефины и ароматические углеводороды, но производство подобных продуктов крекинга и реформинга менее рентабельно для НПЗ по сравнению с основным бизнесом. Национальная нефтехимическая отрасль контролируется дочерней компанией ИННК Национальной нефтехимической компанией (НПК), которой подчиняются три дочерние структуры, семь холдингов, объединяющие 54 публичных и непубличных нефтехимических предприятия (по данным на конец 2019 г.). 34 нефтехимических комплекса зарегистрированы в рамках двух особых экономических зон (ОЭЗ), предоставляющих таможенные и налоговые льготы на экспортную и импортную продукцию, упрощенный процесс выдачи вида на жительство для иностранных сотрудников.

Вслед за приватизацией крупнейших нефтехимических предприятий в конце 2000-х гг. в крупных мегаполисах с большим количеством потребителей нефтепродуктов, небольших городах центральных провинций, вблизи портов, газовых месторождений, а также рядом со строящимся этиленопроводом Парс – Махшехр – Тебриз было возведено еще 36 нефтехимических государственных и частных заводов. В целом за период с начала 2000-х гг. до 2015 г. было построено свыше 150 частных нефтехимических мини-производств, работающих на европейском и китайском оборудовании и технологиях. Еще 20 небольших полимерных (с годовыми объемами производства этилена и пропилена в 250000–350000 т/год) заводов на основе частного капитала планируется построить в следующие 4–5 лет. Частные химические предприятия и мини-заводы по производству полимеров, работающие на дешевом сырье, были организованы как в традиционных центрах иранского химического производства (Абадане, Исфагане, Тебризе, Тегеране), так и в Араке, Ахвазе, нефтехимической зоне Парс, Нефтехимической Особой Экономической Зоне в Хузестане. (Крупнейшие национальные нефтехимические заводы с размером производственных мощностей и видами выпускаемой продукции перечислены в Приложении 1.)

Объемы производства нефтехимической отрасли значительно отстают от целей, изложенных в Планах развития ИРИ: в 2015 г. объемы производства достигли 65 млн т/год по сравнению со 120 млн т/год,

заявленных в Пятом плане развития. В 2019 году было произведено 66 млн т нефтехимической продукции, хотя двумя годами ранее ННК прогнозировала увеличение национальных объемов производства до 117,1 млн т в 2020 г., включая 7,8 млн т/год полиэтилена для достижения доли 32% в Ближневосточном регионе, 6,2 млн т/год этилена с прогнозируемой долей рынка 30%. По объявленным в декабре 2019 г. прогнозам генерального директора ННК, заместителя министра нефти по нефтехимическим вопросам Бехзада Мохаммади, к 2021 г. количество действующих нефтехимических заводов в Иране составит 83 предприятия с общей производственной мощностью 100 млн т/год (133 млн т/год в 2025 г.)¹.

Таблица 2

Производственные нефтехимические мощности ИРИ, 1965–2027 гг.

Млн.т/год	1965	1971	1985	1997	1999	2003	2006	2010	2013	2014	2016	2019	2021П	2025П	2027П
Нефтехим. мощности ИРИ	0,1	2,7	3,1	10,6	14,2	18,2	27,3	51,1	61	62,4	63	66	100	133	150

Составлено автором на базе источников^{2,3}.

Номенклатура продукции иранской нефтехимической отрасли включает: а) производящиеся по лицензиям TFP, IFP, UOP, Atochem, BASF, Samsung этилен, пропилен, бензол, бутadiен, этилбензол, стирол, б) по лицензиям Stamicarbon, Lurgi – карбамид, аммиак, нитрат аммония, азотную кислоту, кальцинированную соду, перхлорин, параформальдегид, метанол, пропан-бутановую фракцию; в) по лицензиям Nippon, Hohnst, Balestra – каучук, окись этилена, этаноламин, моноэтиленгликоль (МЭГ), винилацетат; г) по лицензии B.F. Goodrich – ПВХ (поливинилхлорид медицинский), каустик; д) по лицензии Rolechim, Axens фталевый ангидрид, ксилол (диметилбензол), ЛАБ (линейный алкилбензол), парафин, АБСК (алкилбензолсульфокислота), бутен-1; е) по лицензии Kumho – АБС (акрилонитрилбутадиенстирол); ж) по лицензии Cabot – техуглерод з) по лицензиям LyondellBasell, Mitsui – полиэтилен высокой плотности / HDPE (high-density polyethylene), линейный полиэтилен низкой плотности – linear low density polyethylene (LLDPE), АБС (акрилонитрилбутадиенстирол).

Цену на природный газ, являющийся основным сырьем для нефтехимической промышленности, в Иране ежегодно устанавливает государство. Закупочная цена существенно отличается от уровня мировых цен, что отрицательно влияет на рентабельность закупающих предприятий. Например, в 2014 году цена газового сырья для нефтехимических компаний была 0,13 долл. за куб. м и 0,05 долл. за потребляемое топливо (в то время как экспортная цена на иранский газ для Турции составляла 0,48 долл.). Производители этилена НК Марун, НК Джам закупают отделяемый от природного газа этан, составляющий более 90% валовой себестоимости, по устанавливаемой Министерством нефти цене в долларах США по официальному курсу. Государство регулирует цены и на покупку этана у нефтехимической компании Парс и комплексов в Южном Парсе для производства олефинов нефтехимическими предприятиями отрасли. Метан поставляет газовое месторождение Южный Парс. Поскольку единственным поставщиком сырой нефти, основного сырья для большинства газовых, нефтехимических, нефтеперерабатывающих предприятий, выступает также государство, неопределенный прогноз цен на сырье, используемое дочерними компаниями-производителями является главным препятствием для развития всей нефтехимической отрасли.

Отечественная нефтехимическая продукция – важный источник поступления валютной выручки для Ирана. Доля нефтехимической продукции в ненефтяном товарном экспорте ИРИ возросла с 3% в 1989 г. до 25% в 2017/18 г., в общем экспорте с 3,3% в 2007/08 г. до 10,7% в 2017/18 г. До 2012 г. Иран выступал в качестве одного из крупнейших поставщиков продуктов нефтехимии в Европу, но после введенных ЕС санкций доля стран ЕС сократилась до 2–4%, и Иран перенаправил нефтехимический экспорт в страны Азии (Китай, Индию), Африки, Южной Америки. Экспортные товары (карбамиды нефтехимической компании Пардис, метанол нефтехимической компании Загрос, пр.) экспортируются по мировым ценам. Несмотря на высокую стоимость транспортировки и значительную конкуренцию на европейском, китайском и ближневосточном рынках, прирост производственных мощностей, превышающий рост потребления нефтехимической продукции на отечественном рынке, заставляет Иран искать экспортные направления для реализации мазута, минеральных удобрений, прочей нефтехимической продукции.

Таблица 3

**Экспорт нефтехимической, химической отраслей ИРИ,
2007/08–2017/18 гг.**

млн долл.	2007/08	2008/09	2009/10	2010/11	2011/12	2012/13	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18
Продукты орг., неорг. химии	2335	3858	2785	3468	4574	3993	3989	5036	4220	4104	4386
Резина и пластик	859	1374	2301	2860	3380	3643	432	5075	4744	494	6076
Итого экспорт	3194	5232	5086	6328	7954	7636	4421	10111	8964	4598	10462
Доля в товарном экспорте ИРИ, %	3,3%	5,2%	5,8%	5,6%	5,5%	7,8%	4,8%	11,4%	14,2%	5,5%	10,7%
Доля в ненефтяном экспорте ИРИ, %	19,8%	28,3%	22,8%	23,0%	22,6%	22,2%	13,1%	24,6%	23,4%	12,1%	25,3%

Составлено автором по данным источников⁴.

Среди десяти самых крупных по капитализации отраслей, представленных на иранском фондовом рынке, акции нефтехимических и химических компаний имеют наибольшую капитализацию, составляя 13,3% совокупной капитализации рынка акций на 30.03.2020, опережая долю металлургических предприятий (8,1%), нефтеперерабатывающих заводов (5,3%), горнодобывающих комбинатов (4,5%), банков (4,4%), телекоммуникаций и информационных технологий (4,3%). На акции компаний этих шести секторов приходится около 40% капитализации фондового рынка ИРИ. Акции компаний первичных отраслей (нефтепереработки, химии и нефтехимии, горнодобычи, металлургии) и ИТ-компании продемонстрировали наибольший рост стоимости за период с 2006 по 2016 г.

Публичные нефтехимические компании составляют крупнейший по капитализации сектор ТФБ с долей 19,3% (на 31.12.2019). Ниже автором приводится обзор деятельности крупнейших девяти публичных иранских нефтехимических компаний. Структура акционерного капитала данных компаний приведена в Приложении 2.

Под контролем ЕИКО (Исполнение приказа имама Хомейни) и КСИР (посредством Tadbir Group и Vonyad Taavon Sepah) и через публичный инвестхолдинг Гадир Инвестменстс (68%) и Пенсионный фонд Вооруженных сил (13%) находится крупнейший национальный производитель метанола, карбамидов и аммиака и один из крупней-

ших производителей метанола в мире с долей около 10% нефтегазовый холдинг Парсиан (Parsian Oil & Gas Development Co. – POGDC). Помимо собственного производства холдингу принадлежат (дающими право на управление) доли в Тебризской нефтехимической компании (ТПК), Тебризском НПЗ, Ширазской нефтехимической компании и нефтеперерабатывающем заводе, Пардисской нефтехимической компании, Загросской нефтехимической компании, Керманшахской нефтехимической промышленной компании, Железнодорожной транспортной компании Ниру и нефтехимической Коммерческой Компании Интернешнл. Продукция дочерних компаний в основном ориентирована на экспорт, и колебания курса иностранной валюты оказывают серьезное влияние на выручку и статьи расходов POGDC. Балансы ряда нефтехимических дочерних предприятий POGDC обременены наличием значительных сумм долгов в иностранной валюте, полученных при участии в различных схемах финансирования строительства, а также в результате произведенных затрат на импорт материалов и компонентов.

График 1

Структура капитализации ТФБ, декабрь 2006 г. – декабрь 2019 г.

Составлено автором на базе источников⁵.

Парсиан владеет наибольшим пакетом акций (36%) в публичной Загросской нефтехимической компании, крупнейшем производителе метанола в Иране, одном из крупнейших в мире, чья выручка почти на 100% формируется за счет отгрузок производимого метанола, 95% которого экспортируется по мировым ценам. В течение последних десяти лет мировое производство метанола увеличивалось среднегодовым темпом в 6,5%, вдвое превышающим динамику глобального ВВП, достигнув 76 млн т в 2017 г. В 2025 г. мировое потребление метанола может достичь 122 млн т. Крупнейшим глобальным импортером метанола является КНР, потребляя свыше половины выпускаемого в мире метанола. Вторым по величине рынком сбыта остаются потребляющие 6% глобального выпуска метанола США, в начале 2000-х гг. бывшие крупным производителем метанола до (сделавшего внутреннее производство убыточным) роста цен на природный газ. Лидером метаноловой отрасли выступает Канада (14% мирового рынка в 2017 г.), далее идут Швейцария и Германия, тройку лидеров замыкает Саудовская Аравия. Доля стран Ближневосточного региона в глобальном производстве метанола достигает 14%, в мировом экспорте – свыше 25%, что связано с наличием газовых месторождений с низкой себестоимостью разработки, умеренным уровнем внутреннего потребления.

Общее производство метанола в Иране составляет 5 млн т/год (по данным за 2014 г.). На получение этилена и пропилена идет 2% производимого в Иране метанола. Согласно таможенной статистике Ирана за календарный год, окончившийся 21.03.2015, метанол составлял 10% от общей экспортной стоимости нефтехимической продукции Ирана. Метанол используется в производстве пластмасс, резины, красок, клеев, формальдегида (идущего на выпуск смол, используемых при изготовлении мебели, в строительстве), диметилового эфира (ДМЭ), уксусной кислоты, метил-трет-бутилового эфира (МТБЭ), в качестве топлива, в технологических процессах превращения метанола в олефины (МТО) и пропилен (МТП). Экспортные объемы метанола формируются, исходя из баланса производства и потребности в метаноле национальной промышленности. Приблизительно 80% производимого иранскими предприятиями метанола продается через Иранскую энергетическую биржу. По прогнозам представителей Министерства нефти предполагается увеличить объемы получения этилена и пропилена из отечественного метанола; в Иране разраба-

тываются проекты, предполагающие увеличение производства метанола до 30 млн т/год, что одновременно может привести к увеличению количества неиспользованных мощностей, оказать давление на цену метанола на мировом рынке.

Нефтегазовому холдингу Парсиан также принадлежит контрольный пакет акций (67%) в нефтехимической компании Пардис, расположенной в особой экономической энергетической зоне Парс (Ассалуе). Это крупнейший производитель карбамидов и аммиака на Ближнем Востоке, в конкурентные преимущества которого входят близкое расположение к месторождению газа Южный Парс и порту Ассалуе, собственные склады, погрузочный причал для экспорта карбамидов. На карбамиды приходится до 90% выручки Пардиса, избыток аммиака (около 150 тыс. т) экспортируется. В Иране ежегодно производится около 4,4 млн т карбамида, до 2/3 которого идет на экспорт по мировым ценам в Индию, Китай, страны Африки и Южной Америки. Объемы отечественных продаж зависят от погодных условий (количества осадков) и уровней культивации почвы в провинциях. Иранские заводы по производству минеральных удобрений обязаны поставлять определяемую государством (пропорционально производственным мощностям) часть карбамида на внутренний рынок по государственным ценам.

Дочерние компании КСИР (Банк Рефах Карагран с долей 52%) контролируют расположенную в Махшахрской нефтехимической особой экономической зоне нефтехимическую компанию Амир Кабир, являющуюся крупнейшим производителем полиэтилена в Иране, входящего в число крупнейших национальных полиолефиновых комбинатов. Главная статья выручки НК Амир Кабир – реализация производимого полиэтилена. Линейный полиэтилен высокой и низкой плотности продаётся на внутренний рынок страны (в основном через Иранскую товарную биржу). Существенная часть производимого полиэтилена низкой плотности отгружается на экспорт по мировым ценам, устанавливаемым в долларах по рыночному курсу. НК Амир Кабир получает различное сырье от отечественных нефтехимических компаний: рафинат, этан, СНГ, махшахрский этилен, поставки переменных эксплуатационной составляющей осуществляет НК Фардж. Из-за недостаточного количества получаемого сырья мощности НК Амир Кабир остаются недозагруженными. Контракты на поставку сырья, как правило, заклю-

чаются на базе актуальных мировых цен, конвертируемых по официальному курсу иностранной валюты, устанавливаемого ЦБ Ирана.

Пенсионный фонд Вооруженных сил (20%), Сберегательный пенсионный фонд работников нефтяной отрасли (20%), дочерние компании КСИР обладают существенным влиянием над деятельностью одного из самых значимых производителей этиленовых углеводородов в мире – публичной иранской нефтехимической компанией Марун. Четверть выручки компании приходится на продажи полиэтилена, две трети из производимых объемов которого экспортируется, а остальное реализуется через Иранскую товарную биржу на внутренний рынок. 20% производства приходится на полипропилен (треть которого идёт на экспорт) и столько же на этилен гликоль (половина экспортируется). На этилен приходится четверть всей выручки компании; значительная часть получаемого этилена используется для производства полиэтилена, а оставшуюся часть покупают Нефтехимическая компания Лалех (до 80% продаж этилена), прочие отечественные нефтехимические компании.

Наиболее значительные позиции в нефтехимической отрасли ИРИ у контролируемого КСИР конгломерата Хатам аль-Анбия, в список активов которого входит крупнейшая публичная компания (с долей 9% от общей капитализации ТФБ) нефтехимическая промышленная группа Персидский залив. Будучи крупнейшим нефтехимическим концерном в Иране, вторым по величине на Ближнем Востоке (после Saudi Basic Industry Corporation (SABIC) в Саудовской Аравии), холдинг имеет контрольные и миноритарные пакеты в более чем 80 действующих нефтехимических предприятиях Ирана (часть из которых планируется вывести на IPO), включая нефтехимические компании Бандаре-Имам, Буали Сина, Арванд, Шахид Тонджуян, расположенные в Специальной экономической нефтехимической зоне в Махшахре (PETZONE). Основная продукция концерна – легкие и тяжелые базовые масла, СПГ, каучуки общего назначения, риформаты; свыше половины выручки конгломерата генерирует экспорт (основные поставщики – Бендере-Имам, Парс, Нури).

НПГ Персидский залив владеет 50% в публичной Иранской инвестиционной нефтехимической группе (IPPG), 40% инвестиций которой осуществлены в акции публичных компаний и служат основным источником дохода группы, включая ключевых иранских производи-

телей карбамида: Пардис, Керманшах, Шираз (крупный производитель метанола), предприятия по производству этилена Загрос, Джам. Непубличные компании портфеля холдинга тоже относятся к нефтехимической отрасли: Илам, НК Гачсаараан (производитель этилена), НК Мамасани, Дехдашт, производители олефинов Боруджен, Казерун Дехмадшт, производитель карбамида Лордеган, НК Садаф (производство бутадиенового каучука, используемого для производства высококачественной резины, например для автопокрышек) и Модаберак Эхтесад (владеет одной третью акций в НК Шираз). Принимая во внимание специализацию портфеля инвестиций IIPG, определяющее влияние на рентабельность группы оказывает ежегодно устанавливаемая государством закупочная цена на природный газ, служащий основным сырьем и компонентом себестоимости. На показатели выручки существенно влияют колебания валютного курса и мировая конъюнктура цен (на карбамиды и метанол); последнее сглаживается большим весом олефинов и полиолефинов в структуре доходов группы.

Контролируемая на 93% дочерней компанией Группы компаний Персидского залива «Нефтехимическая индустрия», расположенная в Особой Экономической Энергетической Зоне Парс (Ассалуе), Нефтехимическая компания Мобин поставляет электричество, кислород нефтехимическим комбинатам и осуществляет подачу газа с месторождения природного газа Южный Парс. Цены (в долларах США) на поставки нефтехимической компании Мобин устанавливают ННК и Ассоциация нефтехимической промышленности (APIC) в присутствии заинтересованных сторон, принимающих участие в сделках, при взаимном согласии всех компаний. НК Мобин – крупнейший в Иране (и один из крупнейших в мире) интегрированный поставщик коммунальных услуг (электричества, пара, пресной воды, технического воздуха, азота) для НК Нури, Парс, Джам, Загрос, Пардис и Ария Сасол Полимер, нефтехимических комплексов 1-й фазы Ассалуе. Газовое сырье в НК Мобин поставляется по общей газовой сети, а в качестве контрагента выступает государственная Национальная иранская газовая компания (в отсутствие других конкурентных поставщиков). Поскольку продукция иранских нефтехимических производств изначально предназначалась на экспорт, логистика (порты, железнодорожное сообщение) не выстраивалась, исходя из потребностей отечественных заводов в химической продукции и в транспортном

сообщении друг с другом. В частности, железнодорожная ветка, связывающая Тегеран, Ахваз и ключевой транзитный порт Ирана Бендер имам Хомейни, проходит в 30 км от нефтехимического узла Махшехра. Большие объемы опасных химических веществ (пропилена, стирола, кислот) перевозятся внутри Ирана автомобильным транспортом. Только в 2017 г. было завершено строительство этиленопровода Парс – Махшехр – Тебриз для перекачки полимеров.

В сферу влияния КСИР (через Хатам аль-Анбия) входит контролируемый на 83% Инвестиционной компанией по социальной защите (подчиняется Министерству кооперативов, труда и социальной защиты) второй по величине капитализации Нефтяной и нефтехимический инвестиционный холдинг Тамин (Tamin Petroleum & Petrochemicals Investment Co – TAPPICO). Холдинг владеет акциями (половина из которых управленческие) в 40 компаниях нефтехимической и нефтегазовой отраслей, предприятиях по производству каучука, целлюлозы, 8,5% в нефтехимической промышленной группе Персидский залив, 49% в нефтяной компании «Звезда Персидского залива» (PGSOC – Persian Gulf Star Oil Company), самой крупной инвестицией холдинга в непубличный актив (это крупнейшее в Иране строящееся предприятие по очистке газоконденсата).

Компании КСИР через Хатам аль-Анбия (ИК TAPPICO – 20%, нефтехимическая Табан Фарда – 18%) осуществляют контроль над деятельностью публичной Нефтехимической компанией Джам. Производственные мощности крупнейшего в Иране предприятия по производству олефинов и четвертого по величине производителя этилена позволяют производить 26 видов полиэтилена высокой плотности и 54 различные марки линейного полиэтилена низкой плотности. Полиэтилен высокой плотности (HDPE) и полиэтилен низкой плотности (LLDPE), этилен и пропилен составляют около 50, 20 и 10% общего объема продаж компании. Большая часть производимого полиэтилена экспортируется, в то время как этилен и пропилен продаются на внутреннем рынке. Этилен и пропилен продаются через схемы интеркомпаний региональным компаниям по ценам, составляющим 95% от цены FOB Персидский залив по обменному курсу, устанавливаемому ЦБ ИРИ.

Третьим по объему выпуска иранским производителем метанола выступает находящаяся в сфере влияния КСИР (через TAPPICO, Хатам

аль-Анбия) публичная нефтехимическая компания Харг (КРС). Учрежденная в 1969 г. при равноправном участии Национальной нефтяной компании и американской Амоко (Amoco Corporation) НК Харг – один из крупнейших экспортеров пропана, бутана и сжиженного нефтяного газа. Первоначально в заводских сепараторах на установках комплексной подготовки газа производилась только очистка попутного (из нефтяных скважин) природного газа и отделение пропана, бутана, пентана и серы. В 1999 г. по лицензии немецкой Лурджи Гмбх (Lurgi GmbH) была возведена установка по синтезу метанола из получаемого метана. НК Харг производит около 135 т/год сжиженного нефтяного газа, 0,62 млн т/год метанола, отгружающихся полностью на экспорт через два собственных дока. Метанол составляет в среднем 50% продаж компании, сжиженный нефтяной газ – 35–40%. Производственные мощности НК Харг позволяют выпускать до 0,66 млн т/ в год метанола, 0,115 млн т/год пропана, 0,12 млн т/год бутана, 70 млн т/год пентана и 0,17 млн т/год серы. НК Харг использует 1400 млн куб. м/год газа, производя оплату за потребленный газ в адрес ИННК. Электричество и прочие эксплуатационные составляющие производятся силами комбината. Складские мощности комбината позволяют хранить производимый СНГ от 45 до 60 дней, обеспечивать максимально возможный оборот СНГ и соблюдать сроки поставок. Валютная выручка, полученная за счет экспорта, обменивается на основе рыночного курса. Введение санкций привело к приостановке производства жидких фракций природного газа (NGL) Иранской оффшорной нефтяной компанией (ИОНК) к ограничению поставок необходимого сырья для синтеза метанола на мощностях НК Харг.

Анализ структуры владения крупнейших нефтехимических компаний НК Джам, НК Марун, НК Амир Кабир, НК Пардис, НК Харг, нефтяного и нефтехимического инвестиционного холдинга Тамин, нефтехимической промышленной группы Персидский залив, нефтегазовой компании Парсиан, НК Мобин показывает, что значительная часть акционерного капитала в национальной нефтехимической отрасли сконцентрирована у государственных и военных организаций Ирана, в частности КСИР, ВС, посредством связанных с ними структур, благодаря чему очень ограниченная группа юридических и физических лиц страны имеет доступ к наиболее привлекательной экспортно ориентированной сфере иранской экономики.

¹ \$400 million catalyst market in Iran [Электронный ресурс] / Аналитический журнал Neftegaz.ru. URL: <https://neftegaz.ru/en/news/petrochemistry/515279-400-million-catalyst-market-in-iran/> (дата обращения: 05.12.2020).

² 13th edition of Iran Petrochemical Forum (IPF) [Электронный ресурс] / Tehran Times. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/412841/Post-JCPOA-petchem-industry-promising-Zanganeh> (дата обращения: 06.12.2020).

³ Iran eyes \$55bn investment in petchem industry, January 14, 2017 [Электронный ресурс] / PressTV. URL: <https://www.presstv.com/detail/2017/01/14/506131/iran-eyes-55bn-investment-in-petchem-industry> (дата обращения: 06.12.2020).

⁴ Central Bank of Iran 2007/08 – 2017/18 Annual Reports [Электронный ресурс] URL: http://www.cbi.ir/SimpleList/AnnualReview_en.aspx (дата обращения: 29.12.2020).

⁵ Тегеранская фондовая биржа. Ежемесячные отчеты за 2006 – 2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://tse.ir/en/> (дата обращения: 05.12.2020).

Переход к массовому производству наркотиков в Афганистане

Резюме. В статье выделены причины формирования центра международной наркоторговли в Афганистане. Автор также рассматривает влияние политической ситуации внутри страны на рост производства наркотиков. Особое внимание уделено политике движения талибов в отношении наркопроизводства. Кроме того, в статье рассмотрена и роль производства наркотиков в финансировании военных действий талибов.

Ключевые слова: Афганистан, производство наркотиков, Талибан

Summary. The article highlights reasons for the forming of the center of the international drug trade in Afghanistan. Author also considers the influence of political situation inside the country on the increase of drug production. The special attention is paid to the drug policy of Taliban. Besides that, the role of drug production in financing hostilities of Taliban is also considered in the article.

Key words: Afghanistan, drug production, Taliban

В наши дни Афганистан является мировым лидером по производству героина. Стоит отметить, что опиумный мак (из которого производят героин) не является традиционной культурой для Афганистана в отличие от Индии, Ирана и ряда других восточных стран.

Первые упоминания о выращивании здесь опиумного мака относятся к XVIII в. Тогда небольшие плантации мака стали возделывать на территории современной провинции Бадахшан для медицинских целей.

Переход к массовому производству наркотиков произошел только при режиме талибов в 1990-е годы. Незадолго до падения талибов Афганистан стал мировым лидером по производству героина, оспорив первое место у Мьянмы.

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна – младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН; ORCID: 0000-0003-0076-2956.

Предпосылки формирования центра наркопроизводства в Афганистане

Можно выделить несколько причин, которые способствовали формированию мирового центра наркопроизводства в Афганистане в конце XX в. Первая из них связана с политической обстановкой в стране во второй половине XX в., а также и с советской военной кампанией.

Отечественный исследователь В.Г. Коргун полагал, что производство наркотиков в Афганистане как способ получения финансовой прибыли стало использоваться после Саурской революции 1978 г. во время советского военного присутствия¹. Е.А. Степанова также отмечает, что производство опиума для получения прибыли стало использоваться в Афганистане в период советского присутствия. Она связывает рост производства наркотиков в Афганистане с вооруженным конфликтом, а также и с «экономикой войны»². Тогда для афганских антиправительственных групп вывоз опиумного мака стал одним из источников дохода, который давал им возможность содержать военизированные отряды боевиков. Ареал проживания пуштунских племен вдоль афгано-пакистанской границы использовался под лаборатории, где из мака делали героин. Поток наркотиков шел на север через афгано-советскую границу³. Начался процесс формирования Северного маршрута наркотрафика, который проходил через территорию стран Центральной Азии и бывшего СССР. Эти события стали первым этапом формирования центра наркопроизводства в Афганистане.

Советское военное присутствие оказало сильное влияние на все сферы жизни Афганистана. Цели, которые ставило перед собой советское руководство (установление дружественного режима Советскому Союзу, стабилизации ситуации внутри страны), на афганском направлении в 1979 г., не были достигнуты к 1989 г. Это только усугубило кризис внутри страны.

Стоит отметить, что до вывода советских войск из Афганистана производство наркотиков оставалось на весьма низком уровне и не привлекало внимания ни соседних с Афганистаном стран, ни тем более международного сообщества.

Другая причина, которая способствовала росту производства наркотиков здесь, связана с постепенным прекращением поставок опиатов из Турции и Ирана⁴. Отсутствие поставок наркотиков из этих

стран при сохраняющемся спросе на них вывело Афганистан в категорию тех стран, которые могли бы занять нишу Ирана и Турции на «черном рынке» наркотиков.

В 1979 г. после Исламской революции в Иране было запрещено культивирование опиумного мака. Параллельно с этим в странах «Золотого треугольника» (Таиланд, Мьянма и Лаос) резко упало производство опия из-за двухлетней засухи в Юго-Восточной Азии⁵.

Это создало благоприятные условия для появления нового игрока на «черном рынке» опиатов.

Третьей и ключевой причиной для перехода к массовому производству наркотиков стали события 1990-х годов в Афганистане. Нестабильная политическая ситуация и бедственное положение местного населения в 1990-е годы стали хорошей основой для развития наркобизнеса. Постепенно производство наркотиков начало сращиваться с экономикой Афганистана, происходило формирование теневой экономики. Страна медленно начала превращаться в наркогосударство. Значительную роль в производстве наркотиков в Афганистане сыграла и политика Движения Талибан.

Переход к массовому производству наркотиков при талибах

Вывод советских войск в 1989 г. не привел к стабилизации ситуации внутри страны. Вскоре после этого перестал существовать и Советский Союз. Афганистан перестал быть на повестке дня. В результате ситуацию внутри страны никто больше не контролировал. Афганское руководство постепенно лишилось поставок сначала советского оружия, а затем и продовольственных поставок. Попытки переориентировать внешнеполитический курс на США тоже не принесли успехов. Правительство Демократической Республики Афганистан (ДРА) оказалось лишенным помощи извне. Кроме того, режим не имел широкой поддержки у местного населения.

Режим М. Наджибуллы (президент Афганистана в 1987–1992 гг.) пал в апреле 1992 г. Вооруженные отряды оппозиции (А.Р. Дустома и А.Ш. Масуда) без боя вошли в Кабул. М. Наджибулла получил убежище в миссии ООН в Кабуле, где находился до 1996 г., пока не был жестоко убит талибами. Столица Афганистана была поделена между четырьмя военно-политическими группировками моджахедов: А.Ш. Масуд занял

северо-западную и центральную часть города, в юго-западной части разместилась шиитская партия «Исламское единство» (созданная в 1990 г. в Иране на базе проиранских шиитских группировок), отряды А.Р. Дустома заняли район столичного аэропорта, а Г. Хекматъяр укрепился в южных пригородах⁶.

Афганистан был провозглашен Исламским Государством Афганистан. На основе соглашений, которые были достигнуты лидерами семипартийного альянса⁷, были сформированы новые органы государственной власти. Совет джихада – законодательная ветвь власти, Руководящий совет – исполнительная ветвь власти. При этом также сохранился Совет полевых командиров и Наблюдательный совет А.Ш. Масуда. Следует отметить, что функции этих советов не были четко регламентированы, зачастую они дублировали друг друга⁸.

Лидерами семипартийного альянса планировалось также на время переходного периода (6 месяцев до всеобщих выборов) придерживаться установленной ранее очередности смены президентов. Первым президентом стал С. Моджадди (лидер Национального фронта спасения Афганистана). Через два месяца его на посту сменил Б. Раббани (лидер Исламского общества Афганистана)⁹.

Тем не менее это правительство контролировало весьма ограниченную территорию. Как было отмечено выше, каждая из группировок имела в Кабуле свою зону контроля. Формально также была создана единая армия, однако на практике все сохранили свои вооруженные формирования. По-прежнему большая часть провинций оставалась под властью местных полевых командиров.

Позже, летом 1992 г., в Кабуле начались вооруженные столкновения между группировками за передел власти. Основная борьба развернулась между Г. Хекматъяром и Б. Раббани. Поводом к этому стало недовольство Г. Хекматъяра пребыванием в столице отрядов А.Р. Дустома, которого обвиняли в сотрудничестве с бывшим коммунистическим режимом. В сложившейся ситуации Б. Раббани отказался передать власть следующему кандидату¹⁰. Это был редкий случай, когда высший пост в Афганистане занял представитель не титульной этнической группы.

В этот период развернулась и межнациональная борьба. Главные роли в этом противостоянии играли четыре этнически очерченные военные силы: узбеки во главе с А.Р. Дустомом, шииты, под-

держиваемые Ираном, пуштуны во главе с Г. Хекматъяром, таджики во главе с А.Ш. Масудом¹¹.

В 1993 г. в стране отсутствовало сильное центральное правительство. Власть была поделена между полевыми командирами. Афганистан находился в состоянии политической раздробленности.

Весной 1993 г. борьба развернулась между двумя противостоящими друг другу коалициями. В одной из них объединились А.Р. Дустом, А.Ш. Масуд и лидер исмаилитов Надери. Они поддерживали Б. Раббани и заявляли, что выражают интересы национальных меньшинств севера Афганистана. Во вторую коалицию вошли фундаменталисты Г. Хекматъяр и А.Р. Сайяф (лидер Исламского союза освобождения Афганистана).

В условиях отсутствия легальных источников дохода полевые командиры активно прибегали к торговле опиумом для обеспечения своих военизированных отрядов боевиков. Тем не менее темпы роста производства наркотиков тогда были крайне медленными. Важно отметить, что о начальных этапах производства наркотиков в Афганистане отсутствуют точные статистические данные как об объемах производимых наркотиков, так и о площадях, занятых посевами мака. Первые данные о наркопроизводстве здесь относятся к середине 1990-х годов, когда ООН стала собирать статистику о производстве наркотиков.

В самом начале 1990-х годов опиумный мак в Афганистане выращивался в отдельных областях. В этот период уже отмечался как рост объемов выращивания мака, так и рост производства наркотиков.

1994 г. стал переломным в истории производства наркотиков в Афганистане. После 1994 г. отмечался сильный рост производства наркотиков. Данный год также примечателен и существенными изменениями в политической жизни Афганистана.

Афганистан находился на грани распада, когда в 1994 г. появилось Движение Талибан. Как было ранее отмечено, в стране отсутствовала сильная центральная власть, которая контролировала бы всю территорию. Правительство, состоящее преимущественно из таджиков, контролировало Кабул и его окрестности, а также провинции на северо-востоке. Три западные провинции с центром в Герате подчинялись Исмаил Хану (крупный полевой командир Северного Альянса). На востоке пуштунские провинции находились под управлением моджахедов. Небольшой район к югу и востоку от Кабула контролировался

Г. Хекматъяром (полевой командир, лидер Исламской партии Афганистана). На севере шестью провинциями правил А. Дустум (афганский военный и политический деятель, входил во второй состав «Северного альянса»). В Центральном Афганистане хазарейцы контролировали провинцию Балишан. Южный Афганистан и Кандагар были поделены между множеством мелких полевых командиров из бывших моджахедов и генералов банд¹². А. Дустум создал собственную администрацию в Мазари-Шарифе, предварительно повоевав с А. Масудом (афганский полевой командир, министр обороны Афганистана в 1992–1996 гг.) за контроль над городом Кундуз на Севере страны. «Местные правители» охотились за караванами, требуя плату за право беспрепятственного прохода через свои земли или просто занимаясь грабежами; соперничающие группировки сражались за контроль над территориями и полями, где выращивали опийный мак¹³.

Осенью 1994 г. Движение Талибан начало военные действия против правительственных войск, провозгласив своей целью отстранение от власти президента Б. Раббани (официальный президент Афганистана в 1992–2001 гг.), и введение в стране исламского законодательства. Обещание принести мир в Афганистан привлекло к себе симпатии многих афганцев – и это (плюс широкомасштабная военная и финансовая помощь со стороны Пакистана) стало важным компонентом победы талибов над их противниками¹⁴.

К середине 1995 г. талибам удалось установить контроль над несколькими южными провинциями. В 1996 г. ими был взят Кабул, правительство Б. Раббани пало. К концу 1996 г. они контролировали почти всю территорию Афганистана, территории на севере по-прежнему контролировал А. Дустум. Только к сентябрю 1998 г. талибам удалось установить контроль над 90% территории страны. Неподконтрольными им остался ряд небольших анклавов – провинция Бадахшан, часть провинции Тахар, ущелье Панджшир (резиденция А.Ш. Масуда), перевал Саланг¹⁵.

Когда Талибан пришел к власти, в Афганистане отмечался рост количества маковых плантаций, а также и увеличение производства героина.

После провозглашения талибами подконтрольной территории Исламским эмиратом, они приступили к строительству так называемой «исламской экономики». Ими проводились непопулярные экономиче-

ские реформы, которые повлекли за собой гиперинфляцию и выкачивание денег из населения. Экономика и вся промышленность в стране находились в катастрофическом состоянии. По приблизительным подсчетам, в период с 1995–1997 гг. ежемесячные расходы талибов на военные операции составляли примерно 15 млн долл. При этом талибы утверждали, что они сумели наладить экономику и промышленность внутри страны. Однако, как потом выяснилось, основным источником их доходов стало производство и контрабанда наркотиков¹⁶.

Устанавливая контроль над все большим числом провинций, талибы предпринимали некоторые шаги, которые способствовали незначительному оживлению экономики в стране. В ряде провинций они сумели справиться с грабежами, взиманием пошлин за беспрепятственный проезд через территорию и т. д., которыми занимались полевые командиры¹⁷.

Обеспечив относительную стабильность в стране и объединив большую её часть под своей властью, Движение Талибан создало условия для стремительного роста производства наркотиков.

Как уже было отмечено выше, основой экономики Движения Талибан стала торговля опиумным маком и его производными. Деньги, получаемые от его продажи, шли на содержание военизированных отрядов боевиков и ведение войны. Тысячи мирных крестьян были втянуты в процесс производства и торговли как самим опиумным маком, так и продуктами конечного производства. Гильменд и районы, расположенные южнее Кандагара, производили около 60% от всего опия в Афганистане¹⁸.

В начале и середине 1990-х годов международное сообщество не обращало внимания на производство наркотиков в Афганистане. Но ближе к концу 1990-х годов, когда производство героина сильно возросло, оно было вынуждено предпринимать меры.

Лидеры Движения Талибан быстро поняли, что их экономика, основанная на торговле наркотиками, должна быть правильно оформлена для увеличения доходов от неё. Когда талибы заняли Кандагар (1996 г.), было заявлено, что они положат конец производству и торговле наркотиками. Однако они быстро осознали свою потребность в доходах от мака, а также и то, что крестьяне будут выражать недовольство, если его запретят. Они начали собирать исламский налог закят (налог, получаемый с источника дохода) со всех торговцев опиумом¹⁹.

Армия талибов состояла преимущественно из крестьян. Поэтому талибские войска в большой степени зависели от поддержки земледельцев, в том числе и от самых бедных из них²⁰. Это способствовало росту зависимости талибов от производства наркотиков.

Наркотики для талибов стали быстрым и стабильным источником доходов. Производство героина не требовало больших финансовых или иных видов вложений, что было наиболее удачным стечением обстоятельств для аграрного Афганистана.

Объемы производства наркотиков при режиме талибов

На протяжении 1990-х годов в Афганистане росли объемы производимых наркотиков.

В 1992–1995 гг. Афганистан выпускал 2200–2400 т опия в год, оспаривая первое место у Мьянмы. В 1996 г. здесь было произведено 2250 т. Отмечался резкий рост производства наркотиков. В 1999 г. было произведено 4600 т героина. Половина из этого объема была получена в провинции Гильменд (юг страны), а ещё четверть – в провинции Нангархар, которая находится на востоке²¹.

Основным фактором, который способствовал такому быстрому увеличению посевов мака, была потребность в финансовых ресурсах для продолжения ведения боевых действий. Опиный мак выращивался в 10 из 32 провинций Афганистана. В 1995–1996 гг. общая площадь посевов мака составляла от 55000 до 58000 га. Талибан контролировал 8 из 10 опиных провинций Афганистана. Две другие провинции находились под контролем А. Дустома и Б. Раббани. Эти две провинции производили 4% от всего опиного мака Афганистана²². Производством наркотиков занимались все воюющие группировки, так как это давало им возможность быстро и стабильно получать доход на свои военные расходы. Тем более что на мировом рынке наркотиков существовал стабильный спрос на героин.

Под посевы опиного мака отдавалось все большее количество сельскохозяйственных земель. Важно отметить, что климат Афганистана крайне суров, также количество земель, пригодных для сельского хозяйства, весьма ограничено (основная часть территории Афганистана – это сочетание высокогорных хребтов с плато и межгор-

ными котловинами). В стране имеются проблемы с водными ресурсами, которые необходимы для эффективного сельского хозяйства²³. Учитывая все факторы, выгода от выращивания опиумного мака была очевидна. Неприхотливость мака делала его более выгодной культурой по сравнению с пшеницей.

В результате постепенно в афганский наркобизнес стали включаться его ближайшие соседи. В соседнем с Афганистаном Пакистане из мака делали героин (в 1990-е годы героин стали делать в самом Афганистане), так как в зоне племен находились лаборатории и необходимые реагенты для производства наркотиков. Часть лабораторий для производства героина находилась и в самом Афганистане. Большинство лабораторий были небольшие, что делало их мобильными и давало возможность в случае непредвиденных ситуаций быстро переместить производство в безопасное место²⁴.

Пакистанская армия также играла не последнюю роль в незаконной контрабанде наркотиков. Армейские грузовики, доставлявшие в Афганистан оружие, на обратном пути ввозили в Пакистан наркотики²⁵.

К началу 2000-х годов Движению Талибан удалось наладить полноценное наркопроизводство в Афганистане. Тем не менее подобный вид деятельности не мог остаться без внимания со стороны международного сообщества. Поэтому талибам приходилось считаться с международным сообществом и брать ситуацию с наркотиками под свой контроль.

К 2000-м годам руководство Движения Талибан под давлением внешних игроков уже стало предпринимать меры по борьбе с производством наркотиков.

В 2000 г. производство наркотиков сократилось и составило 3276 т в результате ранее подписанного М. Омаром указа, запрещающего выращивание опиумного мака. Помимо указа на сокращение производства также повлияла и засуха²⁶. Ранее, до указа М. Омара, сокращение производства наркотиков было связано больше с природно-климатическими факторами, чем с действиями, направленными на борьбу с наркотиками.

В 2001 г. в результате жесткого запрета талибов на выращивание опийного мака производство наркотиков в Афганистане достигло рекордно низкого уровня и составило всего 185 т²⁷.

Заключение

Влияние на переход к массовому производству наркотиков в Афганистане оказали внешние и внутренние факторы. Прежде всего на фоне военного присутствия советских войск в Афганистане вывоз опиума стал использоваться антиправительственными группами для ведения войны, кроме того, на «черном рынке» наркотиков образовалась ниша, которую мог занять Афганистан. Уже в 1970–1980-е годы на международных наркорынках в странах Европы и Северной Америке существовал стабильный спрос на наркотики опиатной группы (преимущественно героин). В последующем к этим рынкам сбыта наркотиков в 1990-е годы добавились бывшие республики Советского Союза, которые одновременно стали и рынком сбыта, и транзитной зоной. Стабильный спрос на наркотики, наличие крупных рынков сбыта, уменьшение конкуренции (прекращение производства наркотиков в Иране и Турции, сильный спад производства наркотиков в Мьянме) способствовали развитию производства наркотиков в Афганистане и переходу к массовому их производству.

Другой стороной производства наркотиков стали внутренние процессы в самом Афганистане и политика Движения Талибан. Прежде всего Афганистан в конце XX – начале XXI в. оставался аграрной страной, в которой не было других хорошо развитых легальных секторов экономики. Кроме того, лидеры талибов постоянно нуждались в денежных средствах на ведение боевых действий, поэтому опиумный мак стал той культурой, которая могла полностью удовлетворять их потребности. Тем более что выращивание опиумного мака и производство наркотиков требовало минимум вложений и давало высокий доход. А с течением времени и сильным снижением производства наркотиков в Мьянме, главном конкуренте Афганистана, делало его практически абсолютным монополистом. Монополия и стабильный спрос в рынках сбыта давал Афганистану определенные возможности диктовать свои условия в области торговли героином.

Однако все эти факторы привели к тому, что массовое производство наркотиков укоренилось в Афганистане на многие десятилетия вперед.

- ¹ Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. М., 2011. С. 253.
- ² Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., 2005. С. 35.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 36.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Коргун В.Г. История Афганистана XX в. М., 2004. С. 447.
- ⁷ Семипартийный альянс (Пешаварская семерка, Исламский союз муджахедов Афганистана) – военно-политический союз лидеров афганских муджахедов в период советско-афганской войны.
- ⁸ Коргун В.Г. Указ. соч. С. 447.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая Игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 39–41.
- ¹³ Таннер С. Афганистан: история войн от Александра Македонского до падения «Талибана». М., 2004. С. 367.
- ¹⁴ Эмануилов Р., Яшлавский А. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. М., 2011. С. 243–244.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. М., 2004. С. 127.
- ¹⁷ Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. С. 93.
- ¹⁸ Neamatollah Nojumi The rise of the Taliban in Afganistan. Mass mobilization, civil war and the Future of the region 2002/ Neamatollah Nojumi, Palgrave; 2002. P. 135.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане. М., 2002. С. 159–160.
- ²² Kamal Matinuddin. The Taliban Phenomenon of Afganistan 1994–1997, Oxford University Press, 1999. P. 118.
- ²³ Афганистан. Справочник. М., 2000. С. 8.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.). С. 77.
- ²⁶ Лалетин Ю.П. Производство наркотиков в Афганистане. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/aca/acac959e7685826c8bb0b789d4901877.pdf> (дата обращения: 21.01.2021).
- ²⁷ Там же.

Иран и Индия: вызовы стратегического партнерства

Резюме. В статье рассматриваются особенности и потенциал складывающихся между Индией и Ираном отношений стратегического партнерства. Показана роль иранской дипломатии в энергетической и транспортной сферах в формировании контура стратегического партнерства в регионе Большого Ближнего Востока с участием Ирана и Индии как лидеров региона, включая урегулирование ситуации в Афганистане. Доказано, что в регионе одним из ключевых игроков является находящийся под американскими санкциями Иран, внешнеполитическая линия которого сохранила свою приверженность целям исламской революции и регионального доминирования. В центре внимания находятся проблемы участия Индии и Ирана в реализации международных инициатив «Один пояс – один путь» и Международный транспортный коридор «Север – Юг».

Ключевые слова: Иран, Индия, Китай, Россия, транспорт, энергетика, стратегическое партнерство

Summary. The article examines the features and potential of the emerging strategic partnership relations between India and Iran. The author shows the role of Iranian diplomacy in the energy and transport spheres in the formation of the outline of regional strategic partnership in the Greater Middle East with the participation of Iran and India as leaders of the region, including the settlement of the situation in Afghanistan. It has been proven that one of the key players in the region is Iran, which is under US sanctions, whose foreign policy has retained its commitment to the goals of the Islamic revolution and regional domination. The focus is on the problems of participation of India and Iran in the implementation of the international initiatives "One Belt and One Road" and the International Transport Corridor «North-South».

Key words: Iran, India, China, Russia, transport, energy, strategic partnership

Процесс укрепления региональной безопасности в Центральной Евразии и на Ближнем Востоке еще не стал полностью необратимым. Являясь в целом стабильной, ситуация в регионе характеризу-

Белов Владимир Иванович – профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук. ORCID: 0000-0001-6112-5550. Публикация выполнена при поддержке и в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Этноконфессиональность в политике на Ближнем Востоке» № 20-014-41001.

ется сохранением внутренних и внешних угроз терроризма и экстремизма, а также определенным внутренним напряжением, вызванным в первую очередь серьезными социально-экономическими трудностями и последствиями мировых пандемий. Тем не менее диапазон нерешенных ключевых вопросов практически не изменился. Все болевые точки региона Центральной Евразии (без Индии) и Ближнего Востока так или иначе сопряжены с Ираном. Большая часть, казалось бы, сугубо внутренних проблем отдельных частей региона (этнических и религиозных, военных и экономических, проблемы беженцев и наркобизнеса, проблемы терроризма и сепаратизма) могут эффективно решаться только при взаимодействии с Ираном. Именно поэтому на южном фланге Иран стремится к более тесному взаимодействию с Индией, учитывая ее особые отношения с США и КНР.

В Центральной Евразии и на Ближнем Востоке с участием Ирана доминирует настороженное точечное партнерство при расширяющейся треугольной антикризисной дипломатии, используемой Тегераном в качестве основного инструмента продвижения своих региональных интересов. Ввиду невозможности восстановления в полном объеме экономических связей с ЕС из-за сохраняющегося режима санкций, Исламская Республика Иран (ИРИ) расширяет сотрудничество с Индией и Китаем, Россией, опираясь на механизмы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и альтернативное включение в проекты Шелкового пути, инициируемые под эгидой КНР и США.

Стремясь к активному участию в масштабных евразийских проектах развития («Один пояс – один путь» и др.), руководство ИРИ сделало ставку на создание геополитической региональной группировки исламских государств в союзе с Китаем и опорой на Индию. В геоэкономическом отношении реализована модель «каспийской звезды» как многолучевого хаба для трансевразийских транспортных маршрутов, включающий Россию (через МТК «Север – Юг»).

При этом претендующий на особую роль в этих проектах Иран позиционирует себя как глобально-мессианскую, континентально-исламскую, независимую и неприсоединившуюся региональную державу. Целеформирующим началом, определяющим фундаментальные характеристики Ирана как регионально-глобального лидера, является сформированная в ИРИ за 40 лет после победы Исламской революции 1979 г. исламская идентичность, основанием которой высту-

пает система ценностей и приоритетов ираноисламской (шиитской) цивилизации. Исламская Республика Иран претендует на роль нового лидера мира, идя «собственным ираношиитским путем» под знаменем «самой совершенной религии – ислама». Тем самым находит свое воплощение лозунг имама Хомейни: «Ни Запад, ни Восток – исламская революция».

Иран и Индия

О возможности перехода на уровень отношений стратегического партнерства между Ираном и Индией было заявлено в начале XXI в. при подписании Тегеранской (2001 г.) и Делийской (2003 г.) деклараций, но только после заключения СВПД в 2015 г. руководство Исламской Республики Иран получило возможность активизировать свои усилия на индийском направлении в рамках политики «Поворот на Восток – 2»¹. В лице Индии Тегеран стремился получить также статусного партнера как великой мировой цивилизации и потенциально третьей экономики мира к 2030 г.

Важнейшим приоритетом восточной политики Тегерана является формирование и раскрытие потенциала Ирана как связующего звена для международной инициативы «Один пояс – один путь», МТК «Север – Юг», ШОС и ЕАЭС с Ближним Востоком и на Южном направлении, где сотрудничество с Индией и с влиятельной АСЕАН позволяет Ирану решать вопросы координации торгово-экономической активности на южных маршрутах.

Заинтересованность Тегерана в налаживании с Индией отношений многоуровневого стратегического партнерства определялась прежде всего:

1) целями и приоритетами национальной политики развития с опорой на собственные силы подвергающейся санкционному давлению ИРИ.

Особую роль играет **энергетика**, которая для Индии (и Ирана) является отраслью стратегического значения, во многом определяющей социально-экономическое развитие государств в целом. Поэтому целесообразно рассматривать энергетический диалог между странами не просто как систему хозяйственных связей, но и как основу для потенциального развития политического диалога между государ-

ствами, перехода партнерства на новый уровень и создания глобального режима энергетической безопасности.

Вторым значимым фактором для ИРИ является амбициозный **проект сотрудничества по развитию прибрежного региона Мекран** (Иран), где располагается и порт Чабахар. Здесь, на побережье Оманского залива, возникает новый экспортноориентированный центр роста Исламской Республики Иран;

2) позиционированием Ирана как ключевого центра евразийского транзита на Среднем Востоке, системного элемента Великого Шелкового пути («Один пояс – один путь», МТК «Север – Юг», «Новый шелковый путь» и др.).

Важнейшим фактором является и транспортная логистика, прежде всего возможность создания полноценного Международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг». Для Евразии обеспечение согласованного контроля над евразийским пространством – задача номер один.

Замкнутые на Индию транспортные маршруты включены в созданную в Иране многовекторную систему обеспечения международного транзита и торговли с соседними странами (общее число которых составляет 15), что подчеркивает приоритетность для руководства ИРИ задачи геоэкономического позиционирования Ирана в Евразии. При этом Тегеран сохранил курс на формирование под своим лидерством геополитических, цивилизационных, этнокультурных, экономических и военно-стратегических альянсов, союзов и блоков государств;

3) нацеленностью Тегерана на создание международного режима, способного противостоять глобальной гегемонии США и нацеленностью ИРИ на участие в глобальном управлении через формирование четырехугольника «Пекин – Дели – Тегеран – Москва» и участие в БРИКС;

4) стремлением минимизировать внешние угрозы ИРИ «под зонтиком безопасности» Шанхайской организации сотрудничества;

5) задачей обеспечения лидерства в Юго-Западной Азии в условиях актуализации фактора внутриконфессионального соперничества в исламе между суннитами и шиитами и задачи борьбы с «суннитским экстремизмом»;

6) задачей выработки общей политики в отношении Афганистана со стороны граничащих с ним стран, включая Россию, нацелен-

ной на достижение урегулирования конфликтной ситуации в этой стране;

7) необходимостью сохранения выгодного для Ирана баланса сил на Южном Кавказе и в Центральной Азии в ситуации попыток формирования тюркского коридора между Турцией и Пакистаном через Азербайджан, Узбекистан и Афганистан, что грозит Ирану изоляцией с севера и востока, поскольку расширяет геополитическое влияние Турции и способствует расширению НАТО на Восток;

8) усложнением геополитической ситуации в связи с: а) актуализацией тюркского коридора (Турция – Узбекистан – Афганистан – Пакистан); б) нарастающими внутриконфессиональными противоречиями Ирана с Пакистаном не только из-за прямого противостояния суннитской Саудовской Аравии (союзника Пакистана) и шиитского Ирана, но и из-за того, что в самой южноазиатской стране 15% населения составляют мусульмане-шииты.

Политика Индии в отношении Ирана во многом соотнесена с целеполаганием Дели в Афганистане и определяется тремя основными соображениями: 1) опасениями по поводу победы исламистов в Афганистане, распространением исламского радикализма в Центральную Азию и возможного появления исламистского блока, состоящего из Пакистана, Афганистана и республик Центральной Азии, имеющего в том числе и резкую антииндийскую направленность; 2) нежеланием усиления влияния великих держав в Афганистане и роста их вовлеченности в региональные дела; 3) стремлением к превращению Афганистана в транзитную страну между Центральной Азией и Индией. Данные подходы в определенной степени противоречат друг другу, но все они имеют задачу превращения Афганистана в светское и стабильное государство.

Индия оказывает огромное экономическое содействие (за 2000–2018 гг. экономическая помощь оценивается в размере 3 млрд долл.²⁾), осуществляет сооружение различных объектов (шоссе, здания, гидро-энергетические проекты), обучает полицейских и государственных служащих, предоставляет содействие в сферах образования, здравоохранения, транспорта, энергетики и телекоммуникаций. Все действия Индии в отношении Афганистана в постбиполярный период свидетельствуют о том, что азиатский гигант крайне опасается усиления позиций исламистских радикалов в Афганистане. В Индии

также полагают, что в Пакистане, Афганистане и той части Кашмира, который находится под контролем Исламабада, существует единая исламистская суннитская террористическая сеть, имеющая общие базы и тренировочные лагеря, полностью координирующая свою деятельность и придерживающаяся единой тактики и стратегии.

Международный проект Чабакхар

Наиболее важный для Индии международный проект Чабакхар известен под названием «Золотые ворота», которое предложил для этого масштабного проекта премьер-министр Индии Н. Моди³. Стратегическая важность порта Чабакхар для Индии обусловлена следующими факторами.

Во-первых, Индия в целом негативно воспринимает китайский проект «Один пояс – один путь» как инструмент укрепления влияния Китая в Западной и Центральной Азии.

Во-вторых, Чабакхар важен для Индии в контексте ее соперничества с Пакистаном. Находясь всего лишь в 72 километрах от пакистанского порта Гвадар, важнейшего узла китайско-пакистанского экономического коридора, будучи соединенным с железной дорогой до города Захедан, а также с учетом завершения Индией строительства шоссе Зарандж – Деларам в Западном Афганистане, порт Чабакхар может обеспечить альтернативный выход в Афганистан в обход Пакистана⁴. Базовыми факторами для Индии являются также возможность доступа в Афганистан и Центральную Азию.

Пространство для выстраиваемого Индией через Иран международного транспортного коридора образуют территории Индии, Ирана, Афганистана, стран Центральной Азии, Монголии, с возможным продолжением на запад, в Европу. Участие России возможно как через Казахстан, так и путем сопряжения данного коридора с восточным направлением МТК «Север – Юг» (через маршруты: Казахстан – Туркменистан – Иран и Захедан – Мешхед). Ключевые точки на этом маршруте – порт Чабакхар (Иран) – Захедан (Иран) – Мазари-Шариф (Афганистан).

Реализация стратегических интересов Индии в Центральной Азии проходила в контексте реализации Политики связывания с Центральной Азией (Connect Central Asia Policy, 2012 г.), активное про-

движение которой связывают с визитом премьер-министра Индии Н. Моди во все пять стран Центральной Азии 6–13 июля 2015 г.⁵

В рамках этой политики ожидалось предпочтение Индии афганского и центральноазиатского направлений перевозок и ослабление внимания к транскаспийскому вектору МТК «Север – Юг».

В целом, оценивая причины сближения с Тегераном, эксперты указывали на заинтересованность Дели в реформировании глобального политического и экономического управления с целью большего доминирования в Индийском океане и продвижения своих интересов в Афганистане и в прикаспийских странах.

Как представляется, Тегеран стремился к проведению своей восточной политики в отношении Индии как целостной (тоухидной), реализуя комплексный подход к развитию сотрудничества, что наглядно проявилось в проекте строительства порта Чабахар. Участие в реализации масштабного транспортно-экономического проекта в Центральной Евразии с опорой на иранский глубоководный порт Чабахар является ключевым элементом формируемого Тегераном индийско-иранского стратегического партнерства.

Совместные действия по развитию порта Чабахар отнесены лидером исламской революции А. Хаменеи к числу долговременных, полезных и фундаментальных приоритетов ирано-индийского сотрудничества. По оценке президента ИРИ Х. Роухани, через Чабахар пройдет «стратегический маршрут» в интересах развития всего региона, связывающий Индию с Афганистаном, Центральной Азией и Восточной Европой.

Таким образом, можно говорить о геоэкономических, геополитических и цивилизационных основаниях для складывающегося ирано-индийского стратегического партнерства как системообразующего фактора региональной интеграции в Центральной Евразии.

Фактор Узбекистана

Иран, кроме того, развивал и инициированный в 2010 г. Узбекистаном альтернативный маршрут из стран Центральной Азии к Индийскому океану, минуя Афганистан: Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман – Катар. Рассматривались и варианты формирования транзитных маршрутов на западном и северо-западном направ-

лениях (через Ирак, страны Южного Кавказа и Турцию) из Ирана в Европу, в том числе и для товаров индийской торговли. Важнейшим совместным проектом Ирана и Узбекистана явилось строительство железной дороги по маршруту Теджен – Серахс – Бендер-Аббас, благодаря чему Узбекистан получил транспортный выход непосредственно к Индийскому океану.

В декабре 2019 г. министр промышленности, рудников и торговли Ирана Р. Рахмани заявил, что Иран готов создать транзитный маршрут для доставки в Узбекистан товаров из стран Персидского залива и Северной Африки без ограничений. Иранская сторона отметила, что приложит все усилия для завершения строительства железной дороги «Хаф – Герат», которая станет продолжением строящейся линии «Мазари-Шариф – Герат». Узбекские перевозчики также активно используют железнодорожную магистраль «Теджен – Серахс – Мешхед» протяженностью 320 км с перестановкой колесных пар с колеи 1520 мм на 1435 мм на станции Серахс.

Согласно иранской статистике, в торговле со странами Центральной Азии, кроме Казахстана, Иран имел положительный внешнеторговый баланс. В основном Иран импортировал из стран региона сырьевые товары.

Фактор России

На позицию Ирана и Индии оказывает влияние и настойчивое продвижение Россией идеи формирования «большого евразийского партнерства», для чего начаты переговоры по заключению соглашения между ЕАЭС и Индией о создании зоны свободной торговли. Как отмечают эксперты, для Индии и Ирана «оба транспортных коридора сложно представить в отрыве друг от друга, по причине широкого присутствия интересов Китая в практически каждом из узлов пересечения маршрутов МТК “Север – Юг” с широтными маршрутами ЭПШП. Этими узлами являются Каспийский регион, казахский проект “Нурлы Жол” (“Светлый путь”), а также иранский участок Шелкового Пути, который планируется соединить с железной дорогой Казвин – Решт – Энзели – Астара»⁶.

Однако пока неясно, насколько Индия и Иран готовы рассматривать все вышеупомянутые маршруты под зонтиком данного МТК.

Тем не менее в трехстороннем транзитном соглашении по Чабахару, подписанном в Тегеране 23 октября 2018 г. между Ираном, Индией и Афганистаном, была отмечена необходимость возможно большего использования потенциала МТК «Север – Юг» и заявлено о создании региональной ассоциации транзитных перевозчиков с участием частных компаний⁷.

Фактор Китая

27 марта 2021 г. в Тегеране было подписано соглашение между Ираном и Китаем о всеобъемлющем стратегическом партнерстве на срок в 25 лет. Первые переговоры были проведены ещё в 2016 г. Подписание этого важнейшего документа министрами иностранных дел ИРИ М.Д. Зарифом и КНР Ван И было приурочено к юбилейной дате – исполнилось 50 лет со дня установления дипломатических отношений между двумя странами. Как заявил Ван И, «Китай твёрдо поддерживает Иран в защите его национального суверенитета и национального достоинства и поддерживает Иран в защите своего собственного пути развития. Китай всегда выступал, выступает и будет выступать против необоснованных односторонних санкций, введенных против Ирана внешними силами. Китай готов сотрудничать с Ираном и народами других стран в противодействии актам гегемонизма, защищать международную справедливость и основные нормы международных отношений». Ван И также отметил, что настало время серьёзно подумать о негативных последствиях внешнего вмешательства для ситуации в регионе и вместе работать над поиском эффективных способов поддержания долгосрочной региональной стабильности. Как предполагается, в ближайшие 25 лет Китай инвестирует 400 млрд долл. в 10 отраслей иранской экономики: телекоммуникации, банковское дело, инфраструктуру (порты, железные дороги), здравоохранение, информационные технологии, нефтедобычу и др. Расчёты между Китаем и Ираном будут производиться преимущественно в китайских юанях и недавно введенных в оборот цифровых юанях⁸.

1 апреля 2021 г. М.Д. Зариф на своей странице в Instagram разместил информацию о целях, принципах и приоритетах заключенного Соглашения, которые включают:

«Цели:

- Практическое улучшение отношений на уровне всестороннего стратегического партнёрства и на основе заявления двух президентов в феврале 2015 г.

- Дорожная карта и долгосрочные отношения в различных сферах для достижения всестороннего стратегического партнёрства и его практического продвижения.

- Обеспечение подходящей платформы для всестороннего развития сотрудничества в области торговли, политики, экономики, культуры, обороны и безопасности между двумя древними цивилизациями Азии.

Принципы:

- Взаимное уважение и преследование общих интересов на беспристрастной основе в двусторонних, региональных и международных отношениях.

- Признание культурных общностей, укрепление многосторонности, защита права правительств на равный суверенитет и модели развития коренных народов.

Функции:

- Две страны имеют общие взгляды по многим региональным и международным вопросам, особенно в борьбе с односторонним подходом.

Политико-стратегический (блок Соглашения):

- 1) Содействие обмену, консультациям и сотрудничеству в международных и региональных учреждениях.

- 2) Сотрудничество и укрепление оборонной инфраструктуры и борьба с терроризмом.

Экономический (блок):

1. Связывание Ирана с цепочкой создания стоимости (товаров) путём дополнения внутренних цепочек.

2. Совместное производство с целью удовлетворения потребностей внутреннего рынка двух стран и третьих стран за счёт использования мощностей Ирака и Китая.

3. Сотрудничество в нефтяной, промышленной, горнодобывающей и энергетической сферах (энергетика, возобновляемые источники энергии и т. д.).

4. Эффективное участие Ирана в инициативе «Один пояс – один путь».

5. Сотрудничество в сферах инфраструктуры, связи, железнодорожных, автомобильных, портовых и воздушных перевозок, телекоммуникаций, технологий, науки, образования и здравоохранения.

6. Содействие финансово-банковскому и таможенному сотрудничеству.

7. Сотрудничество в развитии особых и свободных торговых и промышленных зон, в том числе на побережье (иранского) Макрана.

8. Укрепление ненефтяного сотрудничества с упором на наукоемкую сферу.

9. Содействие сотрудничеству в области инвестирования и финансирования проектов.

Культурный (блок):

1. Укрепление взаимных связей за счёт поощрения обменов между людьми, туризма, средств массовой информации, неправительственных организаций, ассоциаций дружбы и академического сотрудничества.

2. Инвестирование и помощь в создании необходимой инфраструктуры для развития культурного сотрудничества в различных областях, включая туристическую индустрию⁹.

В целом, как представляется, Соглашение открывает путь к широкому экономическому сотрудничеству в различных сферах, в том числе с участием частного сектора и участием Ирана в инициативе «Один пояс – один путь».

По сообщению ряда информационных агентств, вслед за подписанием стратегического пакта с Китаем Иран намерен заключить соглашение о стратегическом сотрудничестве с Россией, что позволит, как полагают аналитики, нейтрализовать политику максимального давления, проводимую Вашингтоном в отношении Ирана¹⁰.

120 млрд долл. из общей суммы в 400 млрд долл. будет направлено на развитие иранской инфраструктуры (авто- и железнодорожные магистрали, расширение существующих и строительство новых портов, электрификация главной магистрали ИРИ – пути между Тегераном и Мешхедом протяженностью в 900 км, строительство линии скоростных поездов Тегеран – Кум – Исфахан и расширение железнодорожной сети до Тебриза, который должен стать основным логистическим узлом «южного сектора» маршрутов в рамках проекта «Один пояс – один путь» (Китай – Иран – Турция). Китайским военным кораблям, как ожи-

дается, будет предоставлена возможность постоянного базирования в ключевых иранских портах Чабахар, Бандар-Бушер и Бандар-Аббас¹¹.

Однако важно помнить о том, что ИРИ пытается продвинуть модуль Рах Umma Islamica в странах Юго-Западной Азии. Политика, основанная на разных ценностях, препятствует взаимопониманию между Ираном и Китаем, а также с Индией и Россией. И здесь возникает предел дружественного взаимодействия, момент конкуренции, если не угроза столкновения. Возможные результаты – ситуация нарастающих проблем военно-политического и цивилизационного характера, уход Ирана с Юга, момент конкуренции, если не угроза столкновения с соседями – лидерами. Возможна репликация традиционных для региона проблем и ситуаций военно-политического и цивилизационного характера.

¹ Подробнее об отношениях между Ираном и Индией см.: Лунев С., Юртаев В. Перспективы установления партнерских отношений между Индией и Ираном // Международные процессы. 2021. Том 19, № 2 (85). С. 1-17. DOI 10.17994/IT.2021.19.2.65.3

² Chaudhury D.R. Miffed govt lists \$3 billion projects as Donald Trump mocks India's Afghanistan aid // The Economic Times. 04.01.2019.

³ Федорова И.Е. Перспективы развития взаимодействия в треугольнике «Россия – Иран – Индия» // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 15: Россия и Иран: пять веков сотрудничества. М., 2018. С. 363.

⁴ Pant H.V. India-Iran Cooperation at Chabahar Port: Choppy Waters // CSIS Briefs, April. 2018. T. 2. P. 18.

⁵ Menon R., Sharanya R. Realizing India's Strategic Interests in Central Asia. Carnegie India – December 01, 2019. // URL: <https://carnegieindia.org/2019/12/01/realizing-india-s-strategic-interests-in-central-asia-pub-80576>

⁶ Караваев А., Тишехьяр М. Международный транспортный коридор «Север – Юг» и сценарии трансрегиональной интеграции: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» (июнь 2019 г.). М., 2019. С. 7.

⁷ سند اجرائی موافقتنامه سه جانبه چابهار بین ایران ، هند و افغانستان امضا شد // URL: <http://www.newdelhi.mfa.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=159&pageid=30403&newsview=541978>

⁸ Иран и Китай подписали соглашение о сотрудничестве на 25 лет // РИА Новости, 27.03.2021 // URL: <https://ria.ru/20210327/soglashenie-1603107909.html> (дата обращения: 01.04.2021).

⁹ URL: https://eadaily.com/ru/news/2021/04/01/iran-predstavil-podrobnosti-strategicheskogo-pakta-s-kitaem?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1617289810000

¹⁰ Там же.

¹¹ Запольских А. К тройственному союзу Москвы, Пекина и Тегерана. Институт Русстрат. 17.02.2021 // URL: https://zen.yandex.ru/media/russtrat/k-troistvennomu-soiuzu-moskvy-pekina-i-tegerana-602ca6312ca49f594830de8f?&disable_feed_under_article=false

Россия – Китай – Пакистан: от «Шёлкового пути» к «Золотому кольцу» евразийской интеграции?

Резюме. В статье рассматривается общая для России, Китая и Пакистана внешнеполитическая ориентированность государств на укрепление межгосударственных отношений в современных условиях нарастания процессов евразийской интеграции. Их взаимодействие постепенно выходит на новый уровень взаимовыгодного сотрудничества как отражение постепенного включения Москвы, Пекина и Исламабада в процесс формирования Большого евразийского партнёрства на обширном пространстве Большой Евразии.

Ключевые слова: Большая Евразия, БЕП, ЕАЭС, ИПП, КПЭК, ОПОП

Summary. The article examines the common orientation of Russia, China and Pakistan foreign policies towards the increase of their interstate relations due to the recent processes of the Eurasian integration enhancement. Their interaction has been gradually reaching a new level of mutually beneficial cooperation as a reflection of Moscow, Beijing and Islamabad gradual inclusion in the formation process of a Greater Eurasian Partnership on the vast era of a Greater Eurasia.

Key words: Greater Eurasia, GEP, EAEU, BRI, CPCE, OBOR

Реализация российской концепции по созданию Большого евразийского партнёрства (БЕП, 2015) остаётся приоритетным направлением в современной международной повестке Российской Федерации. Его выбор обусловлен внешнеполитической установкой Москвы на то, что «за “Большой Евразией” будущее»¹. Она открывает для России стратегические перспективы экономического роста и укрепления национальной безопасности. Формирование БЕП как фундамента «нового, более рационального и справедливого миропорядка, основанного на многополярности, суверенном равенстве, уважении ко всем культурам, религиям и цивилизациям, инклюзивном и недискриминационном международном сотрудничестве», предусматривает гармонизацию различных региональных экономических форматов². Так, Россия и Китай нацелены на скоординированную

Серенко Ирина Николаевна – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат педагогических наук. ORCID: 0000-0002-4949-254X.

имплементацию российского интеграционного проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС, 2015), открывающего перспективу создания БЭП, и китайской инициативы по восстановлению древнего «Шёлкового пути» в формате «Один пояс – один путь» (ОПОП, 2013), трансформировавшемся в «Инициативу пояса и пути» (ИПП, 2017), где флагманским проектом выступает Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК, 2015)³. Неудивительно, что в последнее время начинает формироваться многоплановое взаимодействие этой триады государств в векторе региональной интеграции⁴.

Вовлеченный в данный процесс через КПЭК Пакистан также выдвигает свой интеграционный бизнес-проект «Экономического Блока Золотого Кольца» («Golden Ring Economic Bloc» – GREB, 2010) для налаживания взаимовыгодного, взаимодополняющего регионального экономического сотрудничества. Его разработчики предлагают реализовать стратегию установления многопланового взаимодействия между пятью странами, географически обрамляющими Афганистан и Центральную Азию (Иран, Китай, Пакистан, Россия, Турция), мобилизации их совместных человеческих и природных ресурсов для достижения устойчивого экономического развития и безопасности в регионе, включая общие усилия этих стран по мирному урегулированию многолетнего внутриафганского конфликта. Появление инициативы по созданию нового экономического блока государств «Золотого Кольца» как национальной геостратегической и геоэкономической концепции самоидентификации Пакистана отражает намерения Исламабада повернуть свою внешнюю политику в вектор региональной интеграции с помощью формирования новой разновидности регионального экономического блока. Идея проекта «Экономического Блока Золотого Кольца» была инициирована пакистанскими предпринимателями, создавшими в 2015 г. в г. Лахор аналитический центр «Экономического Форума Золотого Кольца» («Golden Ring Economic Forum» – GREF)⁵. В его состав вошли бизнесмены, отставные дипломаты и военные. Выдвинутая пакистанским деловым сообществом инициатива, пожалуй, не противоречит, а дополняет существующие национальные российские и китайские инклюзивные экономические проекты евразийской интеграции (ЕАЭС – БЭП и ОПОП/ИПП – КПЭК). Стоит отметить, что она нашла поддержку у пакистанского государства, связывающего

с частногосударственным партнёрством большие надежды на рост развивающегося экономического рынка страны.

Состоявшийся в Исламабаде 30 апреля 2020 г. международный семинар «“Экономический Блок Золотого Кольца” для регионального мира и национальной экономической безопасности» можно рассматривать в качестве презентационной площадки этого пакистанского проекта. В нем помимо представителей пакистанских правительственных и предпринимательских структур, приняли участие деловые и дипломатические круги России, Китая и Ирана, которые в целом поддержали пакистанскую инициативу как продолжение уже действующих евразийских проектов. Так, участвовавший в данном мероприятии торговый представитель РФ в Пакистане Ю.М. Козлов отметил наметившуюся в последнее время «устойчивую положительную тенденцию» в различных областях российско-пакистанского взаимодействия. Он подчеркнул необходимость «расширения гуманитарного и экономического сотрудничества в более широком спектре», считая, что в этом плане «деятельность в рамках “Экономического Форума Золотого Кольца” представляется ценной»⁶. При этом посол Китая в Пакистане Чжао Лицзянь, хотя и поддержал пакистанскую инициативу как «инновационную идею», всё же рассматривал ее скорее как долгосрочный проект, который дополняет повестку ОПОП/ИПП – КПЭК, аналогичным образом направленную на «экономическое процветание народов этих пяти стран “Золотого Кольца”»⁷.

Руководство аналитического центра GREF установило контакты с экспертами Института востоковедения РАН (ИВ РАН). В частности, один из основателей и член его управленческого Совета Шахид Хасан посетил 12 февраля 2020 г. Институт востоковедения с целью налаживания совместных пакистано-российских исследований по изучению потенциала и перспектив развития выдвинутого пакистанской стороной бизнес-проекта «Золотого Кольца». В ходе состоявшегося в Центре изучения стран Ближнего и Среднего Востока (ЦИС БСВ) рабочего совещания под руководством профессора В.Я. Белокреницкого и при участии представителей Торгово-промышленной палаты РФ (ТПП РФ) была достигнута договорённость о проведении в марте 2020 г. совместного круглого стола российских экспертов из ЦИС БСВ ИВ РАН и ТПП РФ с руководством пакистанского аналитического цен-

тра GREF. Однако из-за начавшейся коронавирусной пандемии его проведение было отложено на неопределённое время.

Вместе с тем пакистанский аналитический центр, последовательно продвигая свою инициативу по созданию экономического блока пятёрки стран «Золотого Кольца», провел серию отдельных международных вебинаров с участием китайских, иранских и российских представителей дипломатических, научных и деловых кругов. Их повестка включала обсуждение возможностей совместного восстановления экономик стран «Золотого Кольца» в постковидном мире⁸. Так, 16 сентября 2020 г. состоялся Международный пакистано-российский вебинар «Совместное восстановление экономики». На нем помимо двусторонних отношений и включённости РФ и ИРП в интеграционные процессы также рассматривалась сложная ситуация в Афганистане, сдерживающая развитие региональной торговли, энергетической и транспортной взаимосвязанности государств. Автору данной статьи довелось выступить на этой дискуссионной площадке в качестве приглашенного пакистанской стороной докладчика⁹. Отмечая в целом перспективность предложенного пакистанской стороной бизнес-проекта, представляющего выгоду для всех потенциальных стран-участниц, всё же нельзя не сказать о том, что его практическая реализация на современном этапе выглядит довольно нереалистичной на фоне сохраняющейся напряжённости в регионе. Сюда можно отнести рост противостояния между США и Китаем в противовес установившимся более тесным американо-индийским отношениям, продолжающуюся конфронтацию Ирана и Саудовской Аравии с их негативным воздействием на двусторонние отношения Пакистана со всеми этими государствами из-за усиления стратегического дисбаланса в региональной среде. Кроме того, наблюдается нарастание напряженности в пакистано-индийских отношениях из-за очередного обострения кашмирской проблемы в связи с отменой в августе 2019 г. парламентом Индии особого автономного статуса штата Джамму и Кашмир, а также китайско-индийского противостояния в пограничном территориальном конфликте, не говоря уже о значительно затянувшемся мирном процессе в соседнем Афганистане. Хотя в нём и просматриваются некоторые положительные подвижки благодаря в том числе и прилагаемым усилиям Пакистана по активизации межафганского диалога, что признаётся и российским руководством.

Об этом в очередной раз было заявлено спецпредставителем Президента РФ по Афганистану Замиром Кабуловым в ходе его встречи с начальником штаба Сухопутных войск ИРП генералом Камаром Джаведом Баджвой, состоявшейся 19 февраля 2021 г. в рамках однодневного визита российского дипломата в Исламабад. На ней стороны также отметили сближение своих позиций по процессу внутриафганского примирения, необходимость придания ему нового импульса после возникшей неопределённости в дальнейшем продвижении мирного переговорного процесса из-за намерений нового руководства США во главе с Джоозефом Байденом пересмотреть заключённые американо-талибские договорённости, достигнутые в феврале 2020 г. предыдущей администрацией Дональда Трампа¹⁰.

Складывающаяся сложная ситуация в Афганистане была в центре внимания и участников состоявшегося 27 октября 2020 г. пакистанского вебинара «“Экономический Блок Золотого Кольца” – возможность для стратегической и экономической безопасности Пакистана». В нём приняли участие пакистанские дипломаты, военные и экономисты, поддерживающие реализацию своей модели региональной интеграции. По их мнению, Пакистан и в дальнейшем должен прилагать усилия для скорейшего разрешения внутриафганского конфликта и восстановления разрушенной в результате многолетней войны экономики Афганистана, в том числе и через подключение этого соседнего государства к различным масштабным международным проектам¹¹. Складывается впечатление, что Пакистан, словно действуя на опережение, не дожидается окончательного разрешения внутриафганского конфликта, а пытается уже сейчас закрепить свои экономические позиции и политическое влияние в Афганистане через двусторонние и многосторонние контакты, включая сотрудничество государств в формате «Экономического Блока Золотого Кольца».

Детальному обсуждению сохраняющихся между двумя странами проблем был посвящён, например, представительный пакистано-афганский торгово-инвестиционный форум. Он проходил 26–27 октября 2020 г. в Исламабаде. По его результатам были приняты 140 конкретных предложений по улучшению торгово-инвестиционного климата между двумя странами, что может говорить о серьёз-

ности намерений сторон развивать двусторонние торгово-экономические отношения¹². Подтверждением сказанному может также служить и принятое пакистанским правительством в сентябре 2020 г. решение о создании 18 приграничных торговых рынков вдоль пакистано-афганской и пакистано-иранской границ с целью расширения торговли с этими соседними странами, а также сдерживания угрозы контрабанды. Уже в феврале текущего года предполагается начать работу первых трёх пилотных рыночных пунктов (два в Белуджистане и один – в Хайбер-Пахтунхве)¹³.

Свидетельством важности стабильного Афганистана для поддержания стратегической и экономической безопасности Пакистана может служить первый официальный визит премьер-министра ИРП Имран Хана в Кабул. Он состоялся 19 ноября 2020 г., несмотря на опасность коронавирусной пандемии и эскалацию террористической активности в Афганистане. Необходимость визита была вызвана тем, что мирные переговоры между афганским правительством и представителями Движения Талибан зашли к тому времени в тупик. И это потребовало принятия незамедлительных решений двух государств-соседей по поиску совместных путей скорейшего выхода из него. Своим визитом в Кабул пакистанский премьер попытался заверить своих афганских партнёров, что «народ и правительство Пакистана озабочены только одним – миром в Афганистане», и они сделают всё возможное для его установления¹⁴. По результатам официального визита, который афганский президент Мохаммад Ашраф Гани назвал «историческим», стороны подписали соглашение «Общего видения» Пакистаном и Афганистаном перспектив поддержания мира и безопасности не только в этих соседних государствах, но и в регионе в целом. Оно предусматривает необходимость установления между Исламабадом и Кабулом «особых отношений, основанных на предсказуемости, прозрачности, взаимном и полном уважении суверенитета друг друга, а также на расширении и продвижении их взаимных интересов с помощью межгосударственных механизмов». В совместном документе закреплялась также необходимость углубления двусторонних связей и региональной взаимосвязанности «с упором на торговлю, свободное перемещение людей, товаров и услуг, открытие торговых и таможенных пунктов, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры»¹⁵.

И здесь в подтверждение практической реализации достигнутых сторонами в Кабуле договорённостей целесообразно упомянуть о начале строительных работ 27 января 2021 г. на пакистанском участке Торхам-Наушера (113 км). Они ведутся в рамках, как ранее казалось, окончательно замороженного регионального торгово-транспортного мегапроекта CASA-1000 протяженностью 1270 км с общей стоимостью 1,17 млрд долл. Он предусматривает возведение линии электропередач из Центральной в Южную Азию через Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан и Афганистан в Пакистан, который остро нуждается в решении своих энергетических проблем. Для него постоянный дефицит энергоресурсов, по справедливой оценке С.Н. Каменева, «были (и остаются) одной из болевых точек экономики страны»¹⁶. Отрезок Торхам – Наушера на этой линии электропередач, образующий энергетическую взаимосвязанность Пакистана с Афганистаном, планируется завершить к концу следующего 2022 г.¹⁷ Наблюдается определенный позитивный сдвиг и в реализации другого международного проекта-долгостроя по сооружению газопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и далее – в Индию (ТАПИ) при условии нормализации пакистано-индийских отношений. По сообщениям пакистанской прессы, Туркменистан завершил прокладку магистрального газопровода на своей территории и намерен уже в текущем 2021 г. начать строительство афганского участка трубопровода, связывающего обе страны с такими крупными потребительскими энергетическими рынками, как Пакистан и Индия¹⁸.

Заинтересованность Пакистана в подключении недостающего афганского звена к общей цепи евразийских интеграционных процессов объясняется тем, что это позволит пакистанскому государству в полной мере задействовать своё собственное выгодное геостратегическое положение, где пересекаются различные морские и сухопутные коридоры Центральной Евразии, среди которых главным является КППЭК с его глубоководным портом Гвадар. В планы Китая и Пакистана входит возможность расширения Китайско-пакистанского экономического коридора за счёт подключения к нему Ирана и Афганистана¹⁹. Стратегически это может представлять определённый интерес и для России с учётом реализуемой ею концепции по созданию Большого Евразийского партнёрства, которая предусматривает

создание многоплановой взаимосвязанности государств на обширном евразийском пространстве, включая транспортную. Пакистанские эксперты, стремясь в долгосрочной перспективе по максимуму использовать потенциал КПЭК как важного торгового и транспортного центра в процессах евразийской интеграции, настойчиво предлагают российской стороне принять в нём своё участие. Ведь тогда, по их мнению, такие города, как «Астрахань, Саратов, Пермь, Казань, Уфа, Челябинск, Омск и Новосибирск, могли бы стать важными российскими торговыми хабами для осуществления южной Афро-Азиатской прибрежной торговли. Кроме того, такие пункты, как Оренбург, Екатеринбург, Воркута и Норильск, могли бы приобрести большую значимость с их просторами степей, таежных лесов и прилегающих к ним богатыми природными ресурсами районами»²⁰. Посол Пакистана в РФ Шафкат Али Хан также рассматривает КПЭК как «часть более крупного проекта евразийской связанности, который объединяет все страны Евразии через сеть торговых договоров, торговых локаций, железнодорожных линий, автомобильных дорог, авиасообщений и т.д.». Он считает, что полное завершение его строительства «позволит обеспечить соединение Восток – Запад между одним концом Евразии и другим – от, скажем, Владивостока до Гамбурга в Германии»²¹. В целом пакистанские эксперты полагают, что Россия «осознает важность географической локации Пакистана и стремится оказать Пакистану помощь в его плавной интеграции в многополярную Евразийскую структуру, выстраиваемую в рамках китайско-российского стратегического сотрудничества»²². Российская сторона, по заявлению посла РФ в Пакистане Д. Ганича, находится в процессе обсуждения возможных вариантов своего участия в амбициозных китайско-пакистанских проектах ИПП – КПЭК. Они рассматриваются Москвой, как «компоненты нового глобального двигателя роста, который сблизит Азию, Европу и Африку»²³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наметившаяся в последнее время перспектива завершения внутриафганского конфликта активизировала процессы многоплановой евразийской интеграции. И в этом контексте все выдвинутые триадой региональных игроков инициативы, начиная от возрождения древнего «Шёлкового пути» в формате ОПОП/ИПП – КПЭК или создания экономического блока стран «Золотого Кольца», в конечном итоге направлены

на общую включённость Москвы, Пекина и Исламабада в процесс формирования Большого евразийского партнёрства на обширном пространстве Большой Евразии. Инклюзивный характер такого партнёрского взаимодействия государств позволяет надеяться на его перспективность для всех настоящих и будущих её потенциальных участников.

¹ Ответы Министерства иностранных дел Российской Федерации на вопросы СМИ, полученные к пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3995958 (дата обращения: 19.02.2021).

² Петровский В.Е. На пути к Большому евразийскому партнёрству: вызовы и возможности // *Международная жизнь*. 2017. № 6. С. 111.

³ Серенко И.Н. Китайско-пакистанский экономический коридор в интеграционных процессах Евразии // *Вестник экономики, права и социологии*. Казань, 2019. № 3 (Т. 2). С. 172–175.

⁴ Серенко И.Н. Россия – Китай – Пакистан: внешнеполитический вектор региональной интеграции // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: сборник материалов X Международной научно-практической конференции*. Благовещенск – Хэйхэ, 02–04 июня 2020 г. Выпуск 10. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. С. 945–950.

⁵ Интернет-сайт Golden Ring Economic Forum. URL: <http://gref.org.pk/> (accessed: 19.02.2021).

⁶ Proceedings of GREF-PIPS Joint Seminar on Golden Ring Economic Bloc for Regional Peace and National Economic Security. April 30, 2019. Islamabad – Lahore: GREF, 2019. P. 66.

⁷ Ibid. P. 72.

⁸ Chinese Amb. Jing speaks up on Joint GREF-UMT Webinar. URL: <https://en.baaghity.com/chinese-amb-jing-speaks-up-on-joint-gref-umt-webinar/> (дата обращения: 20.02.2021).

⁹ Joint GREF-UMT Webinar on 'Shared Economic Recovery' with Russia. URL: <https://en.baaghity.com/joint-gref-umt-webinar-on-shared-economic-recovery-with-russia/> (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁰ Pakistan committed to Afghan peace process, says Bajwa. URL: <https://www.dawn.com/news/1608342/pakistan-committed-to-afghan-peace-process-says-bajwa> (дата обращения: 20.02.2021).

¹¹ GREF-UMT Webinar on regional Geo strategic Challenges. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NcwG3YnsA_U/ (дата обращения: 21.02.2021).

¹² Pak-Afghan forum adopts 140 proposals to promote trade. URL: <https://www.dawn.com/news/1587338/pak-afghan-forum-adopts-140-proposals-to-promote-trade/> (дата обращения: 22.02.2021).

¹³ 18 markets will be set up along borders with Iran, Afghanistan. URL: <https://www.dawn.com/news/1580291> (дата обращения: 22.02.2021).

¹⁴ Pakistan will do everything possible to reduce violence in Afghanistan, says PM Imran on maiden Kabul visit. URL: <https://www.dawn.com/news/1591240> (дата обращения: 20.02.2021).

¹⁵ Shared Vision between Islamic Republic of Afghanistan and Islamic Republic of Pakistan, to Support Peace and Stability in Both Countries and the Wider Region – Ministry of Foreign Affairs (mofa.gov.pk). URL: <http://mofa.gov.pk/shared-vision-between-islamic-republic-of-afghanistan-and-islamic-republic-of-pakistan-to-support-peace-and-stability-in-both-countries-and-the-wider-region/> (дата обращения: 21.02.2021).

¹⁶ Каменев. С.Н. История экономических процессов в Пакистане (XX – начало XXI в.). М.: ИВ РАН, 2019. С. 347.

¹⁷ Work begins on CASA-1000 power transmission line. URL: <https://www.dawn.com/news/1604034/work-begins-on-casa-1000-power-transmission-line> (дата обращения: 22.02.2021).

¹⁸ Afghanistan to get power supply from Turkmenistan. URL: <https://www.dawn.com/news/1601621/afghanistan-to-get-power-supply-from-turkmenistan> (дата обращения: 22.02.2021).

¹⁹ Серенко И.Н. К перспективе расширения Китайско-пакистанского экономического коридора // Восточная аналитика. 2019. № 1. С. 100–107.

²⁰ Lodhi N.K., Bilal A.R. Maximizing the Regional Potential of CPEC // CPEC: A Precursor to Regional Economic Growth and Stability. Islamabad: Strategic Vision Institute, 2019. P. 239.

²¹ Interview of Ambassador Shafqat Ali Khan with Sputnik news agency on 03 June 2020. URL: <https://parepmoscow.com/en/embassy/ambassador/ambassadors-interviews-speeches/interview-of-ambassador-shafqat-ali-khan-with-sputnik-news-agency-on-03-june-2020/> (дата обращения: 22.02.2021).

²² Shabbir Ahmed. Emerging Dynamics of the Race for Regional Integration // CPEC: A Precursor to Regional Economic Growth and Stability. Islamabad: Strategic Vision Institute, 2019. P. 211.

²³ 'Pakistan-Russia relations have moved into new era and will grow stronger'. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/787713-pakistan-russia-relations-have-moved-into-new-era-and-will-grow-stronger> (дата обращения: 22.02.2021).

Китайско-пакистанские отношения в системе международных связей Ближнего и Среднего Востока

Резюме. В статье рассматривается эффективность развития многосторонних связей в фокусе решения Пакистаном и Китаем таких ключевых вопросов, как энергетика, безопасность, торгово-экономическое сотрудничество и транспорт. Исследуется стремление Исламабада и Пекина расширить сотрудничество с такими ведущими игроками региона, как Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты, Египет и Иран, в контексте реализации проекта китайско-пакистанского экономического коридора. Отдельное внимание уделяется рассмотрению треугольника «Пакистан – Китай – Израиль». Подчёркивается проблема нахождения Пакистаном и Китаем баланса с соперничающими между собой странами региона.

Ключевые слова: Пакистан, Китай, Ближний и Средний Восток, сотрудничество, Китайско-пакистанский экономический коридор, безопасность

Summary. The article examines the effectiveness of multilateral relative development in the focus of Pakistan and China addressing key issues such as energy, security, trade and economic cooperation and transport. The aspiration of Islamabad and Beijing in ensuing to expand cooperation with such leading regional players as Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Egypt and Iran in the context of the implementation of China – Pakistan economic corridor project. Special attention is paid to consideration of Pakistan-China-Israel triangle. The problem of finding a balance between Pakistan and China with the rival countries of the region is emphasized.

Key words: Pakistan, China, The Near and Middle East, cooperation, China – Pakistan economic corridor, security

Стратегические интересы как Пакистана, так и Китая всегда требовали развития особых отношений с государствами Ближнего и Среднего Востока.

Торгово-экономический и военный аспекты двусторонних отношений органично вписываются в китайско-пакистанский тандем и составляют его фундамент, а транспортные проекты последних лет

Прохоров Руслан Евгеньевич – кандидат психологических наук, научный сотрудник ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-8387-3311.

выдвинули взаимодействие Пекина и Исламабада в рассматриваемом регионе на новый уровень. Кроме того, страны Ближнего и Среднего Востока играют ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности обоих государств.

Пакистану и Китаю удаётся поддерживать партнёрские отношения практически со всеми государствами региона. В параллели рассмотрения проводимого внешнеполитического курса по религиозно-идеологической причине исключение составляет только Израиль, с которым дипломатические отношения у Пакистана не установлены. Изменения в устоявшуюся систему межгосударственных связей способны внести транспортные и технологические проекты второго десятилетия XXI в.

В первую очередь необходимо рассмотреть развитие связей в треугольнике «Китай – Пакистан – Саудовская Аравия». Для Китая Саудовская Аравия – крупнейший торговый партнёр в Западной Азии. Согласно опубликованным данным в 2019 г., товарооборот между странами составил порядка 37 млрд долл. США¹. Китайские строительные фирмы активно участвуют в развитии инфраструктуры королевства. Расширяются совместные китайско-саудовские проекты в области развития мирного атома.

Пакистан связывает с Саудовской Аравией кроме экономического ещё и тесное военно-политическое сотрудничество. Последнее проявляется в преобладании контактов с Саудовской Аравией на высшем уровне. Саудовское королевство находится в числе немногих стран, куда регулярно приезжают все президенты и премьер-министры Пакистана. Анализ опубликованных в иностранных СМИ итогов встреч последних лет свидетельствует об их высокой результативности, особенно в экономической сфере. Так, например, в феврале 2016 г., на переговорах в Исламабаде, были достигнуты договорённости об увеличении инвестиций в нефтехимический и энергетический сектора пакистанской экономики саудовской компанией «Сауди арамок»². В 2018 г. между Пакистаном и Саудовской Аравией были заключены соглашения о поставках нефти в кредит на сумму свыше 6 млрд долл. США³.

Главным же событием последних лет стало включение Саудовской Аравии в качестве равноправного партнёра в проект Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Между тем упоминание в печати о планах транспортировки нефти из Саудовской Аравии через Пакистан, проектах строительства саудовско-китайского нефтепровода встречались и ранее⁴.

Помимо Саудовской Аравии крупным торговым партнером как для Китая, так и для Пакистана являются Объединённые Арабские Эмираты. Например, уже сегодня эмират Дубай – жизненно важный глобальный центр доставки китайских товаров и один из основных экономических партнёров и доноров Пакистана. Китай продолжает увеличивать своё присутствие в ОАЭ. В середине 2020 г. китайской стороной заключено очередное соглашение с государственной нефтяной компанией ОАЭ «Аднок». Транспортировку нефти теперь также планируется осуществлять с использованием инфраструктуры КПЭК. С учётом давних военных связей Пакистана и ОАЭ вероятным представляется привлечение пакистанских граждан для охраны нефтяных объектов. Ранее, в октябре 2019 г., было объявлено о планах руководства ОАЭ до конца года инвестировать 5 млрд долл. США в проект нефтеперерабатывающего завода на территории пакистанской провинции Белуджистан.

ОАЭ оказывают традиционную поддержку Пакистану в рамках Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег – ФАТФ (FATF). Данная международная организация была создана в 1989 г. и занимается разработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансирование организованной преступности⁵. Для Пакистана важна поддержка ОАЭ, так как члены организации на своих периодических пленарных заседаниях принимают решения с призывом к своим членам стараться избегать деловых отношений и финансовых сделок с определёнными странами. Пакистану это грозит новыми сложностями в партнёрстве с государствами, привлекаемыми Китаем в проект КПЭК. Политическая поддержка ОАЭ тут как нельзя кстати.

Качественно новый уровень в последние пять лет приобретают отношения в треугольнике «Китай – Пакистан – Египет». Во многом такое сближение объясняется развитием транспортных проектов, энергетическими потребностями Китая и Пакистана и совместными

перспективами торгово-экономического сотрудничества с государствами Африки. Последнее обстоятельство подтверждается выступлением министра иностранных дел Пакистана Ш.М. Куреши в сентябре 2020 г. по случаю назначения нового посла Египта Т. Дахруга. В произнесенной министром речи был сделан акцент на важность Египта как пропускного пункта на африканский рынок⁶. Это обстоятельство приобретает особое значение в свете избрания Египта государством-председателем Африканского союза и общим усилением его роли в этой организации.

Выгодное местоположение Египта способствует инвестиционному сотрудничеству между странами. Так, с 2015 г. Китай инвестировал в развитие Суэцкого канала более 1 млрд долл. США, уделяя при этом всё большее внимание развитию портовой инфраструктуры на Красном море. Начало реализации в Китае и Пакистане проекта Китайско-пакистанского экономического коридора совпадает с активизацией сотрудничества между тремя странами в сфере безопасности. Сразу же после объявления планов проекта в апреле 2015 г. Исламабад посетила военная делегация Египта во главе с министром обороны и военной промышленности С. Саидом. На встрече с министром обороны Пакистана Х. Асифом стороны условились продолжить сотрудничество в сфере обороны и оборонного производства и предметно обсудить перспективные направления взаимодействия между силовыми ведомствами двух стран в ходе очередного заседания пакистано-египетского Комитета военного сотрудничества в Каире. Египетская делегация проявила интерес к расширению образовательных программ для военнослужащих обеих стран, а также к созданию совместных предприятий в сфере оборонного производства.

Иран – ещё один ключевой партнёр китайско-пакистанского тандема. Как известно, Иран занимает одно из основных мест в энергетическом обеспечении Китая, с которым Пакистан развивает дружественные отношения, в первую очередь из соображений безопасности. Если Китаю Иран помогает устанавливать торговые маршруты, в том числе по поставке нефти, которые ВМС США не могут

нарушить, для Пакистана Иран – союзник в обеспечении приграничной стабильности в неспокойной провинции Белуджистан. Не случайно большинство рабочих встреч министерского уровня посвящены решению последствий периодических пограничных перестрелок, устраиваемых различными террористическими и сепаратистскими группировками двух стран. О результативности переговорного процесса в данном случае говорят различные договорённости по установлению «горячей линии» на уровне командиров частей, дислоцированных в пакистано-иранском приграничье, совместное патрулирование проблемных районов⁷.

О важности сотрудничества с Ираном для Пакистана говорит, например, и чёткое выполнение намеченных планов двустороннего взаимодействия. Так, в 2019 г., несмотря на резонансный теракт в пакистано-иранском приграничье, состоялся двухдневный визит премьер-министра И. Хана в Иран, в ходе которого прошли его встречи с президентом Ирана Х. Роухани и верховным лидером А. Хаменеи. В фокусе состоявшихся переговоров – региональная безопасность и развитие торгово-экономического сотрудничества. Самым сложным для Пакистана и Китая в сотрудничестве с Ираном является нахождение нужного баланса в развитии партнёрства с Саудовской Аравией, а для Пакистана ещё и развитие совместных с Тегераном проектов без ущерба пакистано-американским отношениям.

Параллель в развитии внешнеполитических связей или сложности их установления у Китая и Пакистана прослеживается и с ещё одним государством Ближнего Востока – Израилем. Динамично развивающиеся израильско-китайские отношения первоначально также имели непростой характер. Долгие годы Китай и Израиль стремились не придавать огласке свои связи. Израильская газета «Маарив», в частности, отмечала, что до установления дипломатических отношений Израилю пришлось пройти долгий и сложный путь в развитии связей с Китаем.

Первые шаги странами стали предприниматься ещё в начале 50-х годов. Основная заслуга в налаживании израильско-китайских связей принадлежит бывшему консулу Израиля в Гонконге Р. Мер-

хаву⁸. Главная роль в развитии израильско-китайского партнёрства, по мнению бывшего генерального директора Министерства обороны Израиля Д. Иври, принадлежит израильской военной промышленности. В интервью той же газете «Маарив» Д. Иври указал, что Китай является одним из примеров скрытых связей в военной области, которые привели к установлению дипломатических отношений между странами⁹.

После поражения в войне с Вьетнамом в 1979 г. руководство Китая стало проявлять интерес к израильскому оружию. Однако, стремясь не допустить осложнения с арабскими и мусульманскими странами, официальный Пекин сразу же настаивал на сохранении в тайне информации о развитии двусторонних связей, особенно в военной сфере. Неофициальный визит израильских промышленников и военных, состоявшийся в конце 1979 г., заложил основу для подписания крупных военных контрактов между Китаем и Израилем. Уже в начале 1980-х годов Израиль поставлял Китаю передовую военную технологию и вооружение, а после установления дипломатических отношений 22 января 1992 г. и разрыва израильской стороной соглашения о сотрудничестве в военной области с Тайванем израильские поставки в Китай резко возросли¹⁰.

Основное препятствие в установлении и развитии официальных дипломатических отношений между Пакистаном и Израилем заключается в религиозно-идеологической сфере. Фактически правительство Пакистана не признаёт Израиль из чувства исламской солидарности и нежелания обострять данный вопрос внутри страны, опасения навлечь резкую критику религиозных партий и стоящих за ними внутренних сил. Ещё в 2005 г. тогдашний руководитель Пакистана П. Мушарраф делал попытки сблизиться с Израилем. В одной из бесед с журналистами он отметил, что данный шаг позволит Исламабаду вступить в круг влиятельных мировых игроков и получить доступ к новым израильским военным разработкам, что поможет противостоять Индии¹¹. Знаковой представляется попытка генерала предать необходимость нормализации отношений с Израилем требованием военно-технического сотрудничества в контексте пакистано-индийского соперничества, что, несомненно, способно снизить противостояние со стороны ортодоксально настроенного крыла в политической системе страны.

Несмотря на периодические заявления официальных пакистанских представителей в СМИ о том, что установление дипломатических отношений между Пакистаном и Израилем невозможно до урегулирования проблемы Палестины, в конце 2020 года сразу в нескольких зарубежных СМИ появились сообщения о возможных тайных переговорах Израиля с пакистанской стороной¹². Ряд экспертов представляют это в качестве ответной меры Пакистана на нейтральную реакцию большинства арабских государств в отношении событий в Кашмире в 2019–2020 гг.¹³ Установление с Израилем дипломатических отношений осенью 2020 г. такими, ранее не примиряемыми его противниками, как Марокко, Бахрейн и ОАЭ, вносит некоторую надежду на улучшение в будущем пакистано-израильских отношений. Экономические интересы Китая в регионе Ближнего и Среднего Востока также позволяют предположить усилия Пекина по постепенной нормализации отношений Пакистана с Израилем, особенно если этого в дальнейшем потребуют совместные китайско-пакистанские проекты.

Государства Ближнего и Среднего Востока всегда входили в первый эшелон внешнеполитических контактов Пакистана и Китая. Это объясняется в первую очередь экономическими интересами двух стран в регионе. Между тем они не были статичны, испытывая воздействие изменяющихся внутренних и внешних факторов.

Проект Китайско-пакистанского экономического коридора открыл совершенно новые перспективы для Пакистана и Китая в регионе Ближнего и Среднего Востока. Китай стремится привлечь в развиваемые им экономические проекты все большее количество стран, а для Пакистана сложившаяся ситуация открывает возможности дальнейшего общегосударственного развития. В данной ситуации оба государства сталкиваются с проблемой нахождения баланса в межгосударственных отношениях, особенно с соперничающими между собой странами. КППЭК – тот многосторонний формат, в рамках которого можно обсудить возникающие проблемы с участием всех заинтересованных государств.

Необходимость осуществить экономические планы и обеспечить безопасность, в первую очередь привлекаемых специалистов

и создаваемой инфраструктуры, стимулирует развитие военных связей между Пакистаном, Китаем и всеми заинтересованными странами Ближневосточного региона. Постоянные контакты высшего военного руководства рассмотренных в работе государств – наглядное тому подтверждение.

¹ Trend Economy. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/SaudiArabia/TOTAL> (дата обращения: 31.01.2021).

² Каменев С.Н. База данных «Пакистан и сопредельные страны в 2017 г.». М., 2018. URL: ivran.ru/books (дата обращения: 31.01.2021).

³ Kaura V. Looking to repair ties, Pakistan's Gen. Bajwa heads to Saudi Arabia. <https://www.mei.edu/blog/looking-repair-ties-Pakistans-gen-Bajwa-heads-Saudi-Arabia>; Alam K. Saudi Arabia and Pakistan: Moving From the Personal to the Strategic. URL: <https://rusi.org/commentary/saudi-arabia-and-pakistan-moving-personal-strategic-domain> (дата обращения: 14.01.2021).

⁴ Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации. 2008–2016 гг. М., 2016. С. 262.

⁵ Jurisdictions under Increased Monitoring – 21 February 2020. URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/high-risk-and-other-monitored> (дата обращения: 31.01.2021).

⁶ Ali M. FM For Enhanced Pakistan-Egypt Interactions, Commercial Engagement To Strengthen Bilateral Ties. URL: <https://www.urdupoint.com/en/Pakistan/fm-for-enhanced-Pakistan-Egypt-interactions-1031755.html>. (дата обращения: 14.01.2021).

⁷ Прохоров Р.Е. Политико-дипломатическая активность Пакистана (2015–2017 гг.) // Вестник института востоковедения РАН. 2018. № 4. С. 153–158.

⁸ Кержанцев А. К израильско-китайским отношениям // Атлас. № 20 (1818). 28.05.1992. С. 53.

⁹ Там же. С. 54.

¹⁰ Рыжов И.В. Специфика взаимоотношений государства Израиль с немусульманскими странами Азии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 205–212.

¹¹ Жидкова Л.Ю. О перспективах отношений Израиля и Пакистана. М.: ИБВ. 07.03.2019. URL: <http://www.iimes.ru/?p=54073> (дата обращения: 14.01.2021).

¹² URL: <https://news-front.info/2020/12/18/pakistan-vstupil-v-sekretnye-peregovory-s-izrailem/>. 17.12.2020 <https://easaily.com/ru/news/2020/12/18/smi-pakistan-vstupil-v-sekretnye-peregovory-s-izrailem>. 18.12.2020 (дата обращения: 30.12.2020).

¹³ How Israel-Pakistan Relations Could Be Established By The End Of 2020? URL: <https://eurasianimes.com/how-israel-pakistan-relations-could-be-established-by-the-end-of-2020/> (дата обращения: 14.01.2021).

Раздел IV

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.31696/978-5-907384-66-8-203-225

К. В. Вертяев

Иракский и Сирийский Курдистан как повстанческие государства: теоретические подходы к проблеме курдской протогосударственности

Резюме. Этнический Курдистан разделен между Турцией, Ираком, Сирией и Ираном. В каждой стране курдский фактор имеет свою специфику и рано или поздно проявляется в той или иной форме политической актуализации. Целью данной статьи является анализ формирования двух протогосударственных образований – автономного Региона Курдистан в составе Ирака и де-факто независимого Сирийского Курдистана (Рожавы, Автономная Администрация Северной и Восточной Сирийской Республики (ААСВРС)), а также возможных интеграционных процессов между ними. Сирийский Курдистан, следуя директивам своих элит, тесно связанных с Партией рабочих Курдистана, пока что не стремится к выходу из состава Сирии, пытаясь воплотить форму альтернативной сирийской государственности, причем как по отношению к действующему центральному сирийскому правительству, так и по отношению к силам непримиримой оппозиции, географически сосредоточенных в основном на северо-востоке страны и в провинции Идлиб.

В этой связи возникает вопрос о гипотетически возможной стратегической интеграции между двумя частями этнического Курдистана на почве этно-

Вертяев Кирилл Валентинович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-3533-3684.

партикуляризма иракских и сирийских курдов по отношению к центрам в Багдаде и Дамаске. Может ли возникнуть единое курдское независимое государство, в том числе с претензией на территории соседних государств? В данной статье мы попытаемся рассмотреть как объективные причины, препятствующие такому сценарию, так и возможные мобилизационные тенденции в среде иракско-сирийских курдов. В статье выдвигается тезис, что Рожавя, являясь одной из форм повстанческого государства, распространяет свой контроль над территориями Заевфратья за счет так называемой военной донорской помощи США и является протогосударством в форме «оспариваемой государственности», имеющей аналогии с современным политическим статусом Тайваня. Также в статье выдвигается тезис о том, что в основе политического устройства Иракского и Сирийского Курдистана лежат две различные системы протогосударственности, основанные на современных атавизмах вождества и военной демократии соответственно.

Ключевые слова: Курдистан, Иракский Курдистан, Сирийский Курдистан, повстанческие государства, Турция, Сирия, Ирак, демократический конфедерализм, протогосударство, Рожавя

Summary. Ethnic Kurdistan is divided between Turkey, Iraq, Syria and Iran. In each country the Kurdish factor has its own specific manifestation and political actualization. This article focuses on the formation of two proto-state entities – the Autonomous Region of Kurdistan of Iraq and the semi- independent Syrian Kurdistan (Rojava, Autonomous Administration of Northern and Eastern Syria (AANES) and possible integration processes between them. Syrian Kurdistan, following directives of its elites, closely associated with the Kurdistan Workers' Party, has not manifested their intentions for secession from Syria, trying to realise some form of Syrian statehood as alternative both to the current central Syrian government and Syrian opposition, geographically concentrated mainly in the north east of the country and in the province of Idlib.

In this regard the development of the situation sharply articulates the question of a hypothetically possible strategic integration between the two parts of ethnic Kurdistan on the basis of the ethnic particularism of the Iraqi and Syrian Kurds. In this article, we will try to consider the objective reasons that impede such a scenario, as well as possible mobilization tendencies among the Iraqi-Syrian Kurds. The article puts forward the thesis that Rojava, being one of the forms of a `insurgent state`, extends its control over the territories of the Trans-Euphrates with the help of US military donorship as a proto-state in the form of "contested statehood", which has some analogies with the modern political status of Taiwan. The article also puts forward the thesis that the political structure of Iraqi and Syrian Kurdistan is based on

two different systems of proto-statehood, based on modern atavisms of chieftdom and military democracy respectively.

Key words: Kurdistan, Iraqi Kurdistan, Syrian Kurdistan, insurgent states, Turkey, Syria, Iraq, democratic confederalism, Rojava

Вопрос самоопределения курдов – сложный как в методологическом, так и в международном плане. Достаточно сказать, что официально все страны мира признают нерушимость границ Ирака и Сирии, Турции и Ирана. В настоящее время на территории курдской автономии в Ираке проживают около 6 млн курдов. И это не считая более 300 тыс. временно перемещенных лиц из соседней Сирии, размещенных в лагерях для беженцев, которые, в случае их натурализации в Ираке смогут стать лишь довеском к числу тех, кто выступает за отделение Иракского Курдистана от Ирака и создания курдского независимого государства. Гипотетически реализуемая идея достижения полной независимости Иракского Курдистана довольно активно поддерживается в курдской, европейской и американской, среде, в том числе и научной, становясь объектом специфических политических интересов Израиля и США, способных поддержать геополитически независимость иракских курдов. Не будучи задекларированной в официальных политических программах курдских партий, идея неминуемости возникновения курдского государства является объединяющей для многих политических партий и движений среди курдов с, казалось бы, диаметрально противоположными политическими доктринами и векторами, а также для многочисленной курдской диаспоры в США, Западной Европе, в России. В массовом сознании эта идея идет рука об руку с постулатом о реализации всеми курдами воображаемого разделенного Курдистана права на самоопределение. В трактовке исследований социолога Энтони Смита курды имеют признаки «недоминантной этнической группы», что наряду с другими признаками нередко «демонстрирует предрасположение альтернативным концепциям политического и социального порядка»¹.

Период официального автономного статуса региона Курдистан в составе Ирака, согласно конституции 2005 г., характеризовался относительной стабильностью, как социальной, так и экономической, на фоне ситуации в остальном Ираке с учетом имевших место военных угроз и вызовов со стороны ИГИЛ и военных действий Сил

самообороны иракских и сирийских курдов (пешмерга и YPG соответственно) с боевиками исламского квазигосударства.

Что касается Сирии, то здесь, наоборот, произошла крайняя форма дестабилизации в форме гражданской войны, что привело к обособлению Сирийского Курдистана и прилегающих территорий Заевфратья – восточного берега реки Евфрат, населенных в основном арабами в виде самопровозглашенной Автономной Администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС).

Действительно, в современной аналитической и публицистической литературе довольно часто в отношении ААСВС используется термин «Рожава» (на курдском – «Запад», «Западный Курдистан»), под которым обычно подразумевают северные части сирийского Заевфратья, а также самопровозглашенные кантоны Джизре, Кобани, оккупированный на момент написания статьи Турцией Африн, а также приграничный прямоугольник Тель-Абьяд – Рас эль-Айн (Серекане). Также значительная часть сирийских курдов, проживающих в курдских анклавах города Алеппо, считают себя частью самопровозглашенной в условиях гражданской войны в Сирии курдской автономии (Рожава).

Отличие между двумя курдскими политическими образованиями Ирака и Сирии заключается еще и в том, что Иракский Курдистан (Регион Курдистан, РК) – это де-юре автономный регион в составе Ирака, а ААСВС (Рожава) – это самопровозглашенная автономия в составе Сирии. В этом смысле к Рожаве применимы категории «оспариваемой государственности» («contested statehood»), поскольку автономия не оспаривает на данный момент территориальную целостность Сирии, но оспаривает де-факто саму сирийскую государственность подобно тому, как Тайвань – китайскую, считая себя частью Сирийской Республики, а не Сирийской Арабской Республики. Это также «регион неполной государственности» («incomplete statehood»), где сирийское государство выполняет только часть своих функций? либо «регион переданного управления» («abdicated governance»), где государство оставляет часть своих обязательств местным группам и элитам (как, например, в том же Иракском Курдистане или, например, в некоторых приграничных районах Саудовской Аравии).

Под понятием «протогосударство» обычно подразумевают политический субъект, который не представляет собой полностью авто-

номно институционализированное или суверенное государство. Не секрет, что в современной общемировой практике подобные политические образования часто основываются на антиконституционном захвате территорий действующих государств повстанческими группами и их коалициями, которые берут на себя функции местного самоуправления («Хайат Тахрир аш-Шам», запрещена в РФ), квазиправительства (ХАМАС) или даже претендуют на собственное государственное строительство (Исламское Государство (ИГИЛ / ИГ), запрещено в РФ). Такие политические объединения нередко образуются движениями, составленными из географически сконцентрированных этнических и религиозных доминирующих групп с высокой внутренней мобилизацией, однако нередко характеризующихся относительной недолговечностью: Тамил-Илам на Шри-Ланке (1983–2009 гг.), Вазиристан в Пакистане (2006–2009 гг.), государство туарегов Азавад в Мали (2012–2013 гг.) и др. Единственным исключением здесь может быть Тайвань с его оспариваемой китайской государственностью ввиду географической обособленности и поддержки со стороны США – по сути, как военного гаранта². Отличие между статусами ААСВС и Тайваня заключается, на наш взгляд, в том, что для Тайваня именно КНР выступает де-факто в форме «повстанческого государства», однако ААСВС как повстанческое не государство, претендуя на контроль над территорией, не является повстанческим по отношению к сирийскому правительству, больше принимая форму антигосударства по отношению к нему.

Отсутствие внешнего донорства не позволило создать курдское государство, на протяжении XX в. подобные попытки потерпели фиаско. Сюда можно отнести и королевство Курдистан со столицей в Сулеймании (1922–1924 гг.), и Араратскую Республику 1930 г., имевшую наиболее ярко выраженные черты повстанческого государства, Мехабадскую Республику (1946 г), Регион Курдистан в Ираке (1991 г. – настоящее время). Возникновение и постепенная суверенизация протогосударств, т. е. превращение их в национальные либо конгломератно-сложные политические образования, безусловно, зависит от стечения различных обстоятельств.

В случае Иракского и Сирийского Курдистана речь идет о политических акторах, основанных на этническом партикуляризме, что, возможно, и выглядит неким атавизмом национально-освободитель-

ных движений, чье победоносное шествие по странам и континентам, начиная с первой половины XIX в. и, особенно, на протяжении второй половины XX в., по сути, легитимизировало сложившиеся государства со своим историческим бэкграундом, имевших характеристики квазигосударственности. Нынешние же «силы народной / национальной самообороны» – продолжатели длящейся с момента завершения Второй мировой войны так называемой «инсургентской эры» (в трактовке Р.Х. Сангера)³ в контексте всего Ближнего Востока вновь стремительно приобретают характеристики протогосударственного актора, чьи действия, вольно или невольно, ведут к возникновению в конфликтных зонах новых квазигосударств, стремящихся к легитимации своего статуса не столько как отдельного государства, а как обладающего той или иной степенью суверенного анклава в рамках государства анклавно-конгломератного типа, какими в сложившихся условиях и представляются сейчас в большей степени Сирия и в меньшей – Ирак. Речь идет об отдельных анклавах (причем не обязательно территориальных), эффективность организованности которых позволяет им выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата⁴. Однако, кто даст гарантии, что рано или поздно таким обществом-конгломератом не станет де-факто Курдистан как устойчиво вообразенное его жителями политическое пространство, учитывая, что часть сирийско-иракской границы находится сейчас под контролем двух курдских автономий (одна де-юре, другая – де-факто). Этого нельзя исключать в первую очередь из-за склонности этнической (культурно-лингвистической или конфессиональной) группы с высокой внутренней мобилизационной идентичностью отвергать легитимность либо правящего режима, либо политического строя и создать свой собственный анклав, где группа может спокойно жить в рамках своих сфер законов, социальных норм и порядка⁵. Однако, как справедливо отмечал Л.С. Васильев, подобные теории протогосударственности не могли объяснить, откуда и за счет чего возникали те крупные организационные структуры, без которых просто невозможно вести большие и успешные войны⁶.

В марксистской трактовке протогосударство формировалось саморазвитием общественной организации, часто принимая форму военной демократии. Военная демократия – это горизонтальная политическая структура, в которой существуют три не подчинен-

ных друг другу органа управления – предводитель, совет, народное собрание. В научной литературе военная демократия нередко противопоставляется той социально-политической единице, которая называется вождеством (чифдом)⁷. В другом своем труде, развивая идеи Карнейро⁸, Л.С. Васильев писал: «Чифдом (от английского chief – вождь) – это промежуточный этап в процессе политической интеграции от догосударственных форм к государству и потому является универсальным феноменом, известным и земледельцам, иномадам (которые дальше этого этапа и не шли), что характерно как для древних, так и для современных народов»⁹.

Однако сама по себе территория, даже обладая уникальными политическими характеристиками, связанными с интересами местных элит, естественно, протогосударством не является. В традиционном понимании протогосударство – это в первую очередь социальная организация, нежели политический субъект, который не представляет собой полностью автономно институционализированное или суверенное государство. В мире таких государств одним из важных критериев существования независимого государства является, например, членство в ООН, и такой мир можно считать миром победившего национализма (в свое время именно членство в ООН даже придавало легитимности Тайваню, как Китайской Республике с оспариваемой государственностью).

Нельзя не отметить, что становление современной иракско-курдской и сирийско-курдской протогосударственности во многом было связано еще и с эффектом «черного лебедя», т.е. непредсказуемого события. В первом случае – это блокада со стороны режима Саддама Хусейна в 1991 г. Северного Ирака, введения на основании резолюции ООН режима бесполетной зоны до 36-й параллели, что предопределило формирование здесь курдской квазигосударственности вплоть до официального закрепления автономного статуса Курдистана в иракской конституции 2005 г.

В контексте Сирийского Курдистана непосредственным катализатором его становления как протогосударства стала начавшаяся гражданская война в Сирии и факт оставления значительной части Сирийского Курдистана вооруженными силами сирийского режима, в результате чего Сирийский Курдистан (и особенно провинция Африн до оккупации ее Турцией) стал «центром притяжения» для

инсургентов из числа Партии рабочих Курдистана. До этого момента никакой ни де-юре, ни де-факто автономии курдов в Сирии не существовало.

Сирийский Курдистан, даже если рассматривать его вне контекста сложившейся де-факто Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС), включает в себя и южные районы Заевфратья, населенные в основном арабами, представляя из себя конгломерат, состоящими из представителей различных этнических и конфессиональных групп. Помимо курдов здесь проживают арабы, ассирийцы, туркоманы, курды-езиды, армяне, а также небольшие группы черкесов (район Манбиджа) и чеченцев (в районе Сарекане – Рас-аль-Айн). Поэтому определенная форма консоциальной демократии (демократический конфедерализм) находит здесь благодатную почву.

Что касается Иракского Курдистана (ИК, Южный Курдистан), то он как политическая категория был достаточно подробно изучен в 1953 г. в работе антрополога Фредерика Барта, который подробно описал его племенную структуру¹⁰. Историю становления Иракского Курдистана также можно проанализировать по феноменологии перехода от вожеств-«чифдом» к протогосударственности. Этот процесс подробно описан в работе А. Клаессена «Раннее государство» (1978). Он «состоит в переходе протогосударственного общества к государственному за счет обладания набором минимальных характеристик, таких как территория, постоянное население, сложность социополитической структуры и главное – собственное правительство в качестве “отдельной группы правителей”, при наличии идеологии, которая легитимизирует эту специфическую форму правления – все это в совокупности отличает раннее государство (pristine state) от вожества (chiefdom)»¹¹.

Атавистические признаки вожеств до сих пор просматриваются и в Иракском Курдистане. Здесь ярким примером могут послужить две составляющих этого политического конгломерата, объединившихся вокруг кланов Барзани и Талабани (Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК) соответственно), где отчетливо просматривается иерархия поселений, их централизация, ярче выражается стратификация общества, в них гораздо сильнее развита характерная для протогосударства

внутренняя структура власти и становится отчетливо видимым расщепление элит на управленческую и военную. В вождествах просматривается тенденция к сакрализации персоны верховного правителя, тогда как при военной демократии может иметь место выражение несогласия с его решениями и действиями. Между тем нельзя не заметить, что в Сирийском Курдистане под контролем аффилированных с Партией рабочих Курдистана сил присутствует именно этот элемент классического протогосударства – определенная сакрализация фигуры Абдуллы Оджалана, лидера ПРК.

Начавшееся в 1991 г. формирование протогосударственности иракских курдов есть, на наш взгляд, пример так называемого «вторичного государства» – результат бурного государственного строительства, которое имело место на Ближнем Востоке на протяжении XX в. и которое ориентировалось на концепцию государства как политического образования, со стороны которого и курды притеснялись, и к созданию которого они же и стремились. Государство образовывается под воздействием государственного или уже сформировавшегося национального общества, или воздействия другого государства, в том числе и в виде вычленения (вторичное государство). При этом вторичные государства возникали под воздействием других, уже существующих государств, являясь их продолжением или объектом захвата. Вторичное государство также можно рассматривать в качестве антитезы государству-цивилизации¹². Можно утверждать, что иракские курды как протогосударственные акторы могут обладать требуемыми критериями и характеристиками, предъявляемыми к государству, но при этом не обладая государственностью де-юре.

Характеристиками протогосударства в Иракском Курдистане, отличающими его от полноценной государственности, могут быть названы следующие: отсутствие фиксированных границ, превалирование патронажно-клиентских отношений, которые тормозят создание полноценного государства в лице институтов, действующих в интересах всего народа, а не отдельных групп Иракского Курдистана. Сюда следует добавить перманентный конфликт интересов ведущих политических партий: Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК); трансграничная торговля нередко имеет здесь характеристики контра-

банды, пресечь которую у властей Иракского Курдистана нет ни сил, ни желания. Отличие визового законодательства Региона Курдистан от остального Ирака привлекло в регион множество экспатов, сезонных рабочих из других стран, не говоря уже о беженцах из соседней Сирии. И наконец, присутствие на территории Иракского Курдистана иностранных сил в лице США, Турции, Ирана также нивелирует государственный статус автономии. С другой стороны, можно сказать, что и Сирийский Курдистан (ААСВС), и Иракский Курдистан – это характерная для всего Ближнего Востока «организованная территория, виртуальная конструкция, создаваемая ради организации представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная государственность и/или ее часть»¹³.

Складывающаяся протогосударственность в Иракском Курдистане имеет несколько уникальных особенностей, главной из которых является размытость, транспарентность и, используя терминологию Майкла Лизенберга «пористость» не только территориально-политических границ, но и всего его политического пространства¹⁴. Внешние границы Иракского Курдистана на протяжении всей истории Ирака являлись ареной осуществления контрабандной деятельности наряду с повстанческим движением курдов. Здесь примечательно вспомнить рассуждения еще лорда Д. Керзона, которое приводит В.Ф. Минорский, о бытовавшем здесь, по его мнению, инстинктивном отвращении к точно определенным рубежам, «отчасти ввиду кочевых наклонностей населения, отчасти ввиду типично восточной нелюбви к ясным соглашениям из соображения, что от неустановленной границы можно ожидать большего, нежели от границы установленной»¹⁵. Особенностью курдских протогосударств было то, что они почти никогда не имели фиксированных политических границ. Причем характеристиками протогосударства могли обладать и кочевые племена, например милли или джаф¹⁶. Это, в частности, выражалось в продолжавшихся на протяжении двух веков споров между Османской и Персидской империями о разграничении своих территорий в регионах компактного проживания курдов, причем при посредничестве иностранных держав: Великобритании и России. Однако, как показывает общемировая практика, суверенитет невозможен при полностью или частично размытых

границах. Так, острота проблемы Киркука – территории, оспариваемой курдской автономией и центральным правительством Багдада, лишь отчасти фиксирует сложность территориального определения границ этого протогосударства. Сюда же стоит отнести спорные территории Синджара, населенные курдами-езидами. Это же говорит о том, что нефть является определяющим фактором в экономическом становлении Иракского Курдистана – здесь стоит вспомнить о программе «нефть в обмен на продовольствие» (осуществленной на основе резолюции СБ ООН № 986), благодаря которой «Свободному Курдистану» в Ираке удалось выстоять в период, когда осуществлялась блокада со стороны баасистского режима. По сути, эта же тактика используется ААСВС с той лишь разницей, что зависимость Дамаска от нефтяных поставок месторождений Хашам, ат-Табия и др., находящихся на момент написания статьи под контролем ААСВС при поддержке США, используется как фактор давления на Дамаск с целью обеспечения гуманитарной и государственной поддержки непризнанной автономии, особенно в период пандемии COVID-19.

Иракский и Сирийский Курдистан как повстанческие государства

Если национализм арабского освободительного движения в Ираке изначально был устремлён вовне и его неотъемлемой частью была антизападная ориентация, которая лишь усиливалась с провозглашением мандатного королевства в 1920 г., завоеванием формальной политической независимости в 1932 г. и свержением монархии в 1958 г., то в ситуации с курдским национальным движением справедливым будет утверждение, что, ввиду отсутствия у курдов государственности, его существенной подпиткой после Лозаннского соглашения 1923 г., похоронившего возможность создания курдского государства, была направленность не столько против сил Запада, в частности Великобритании, сколько против режимов тех стран, которые разделили этнический Курдистан.

В своем известном исследовании «Повстанческие государства» американский исследователь Роберт МакКолл выделял несколько характеристик идеальных территорий для партизанско-повстан-

ческой деятельности. Прежде всего это должна быть территория, имеющая предыдущий опыт повстанческой активности или войны, должна присутствовать политическая стабильность как на региональном, так и на общенациональном уровне; территория должна обладать условиями для логистики и обеспечения ресурсами, возможностями для укрытия и безопасности, не быть экономически зависимой от поставок продовольствия как база «повстанческого государства» и после ее формирования не должна быть покинута инсургентско-партизанскими силами¹⁷.

Р. МакКолл писал, что для современных национальных революций захват и контроль над территориями является жизненно важным «территориальным императивом»¹⁸. Цель повстанческого государства – это контроль над территориями. «Эра инсургенции», которая продолжалась с окончания Второй мировой войны, была опосредована тем, что инсургентские повстанческие группировки становились средством достижения целей союзническими державами во время Второй мировой войны, будучи сконцентрированными в основном в Азии, Северной Африке, континентальной Европе. То есть в результате мировой войны вооруженная инсургенция получала легитимацию, как средство достижения политических изменений в свою пользу¹⁹.

На основании работ МакКолла можно утверждать, что современные национальные революции приняли в качестве основной тактики создание территориального антигосударства (мятежного государства) внутри существующих государств. Механизм заключается в создании территориальных единиц, конкурирующих со всеми атрибутами любого легитимного государства в части контроля над территорией и населением и, в частности, созданием своих собственных административных единиц, а также основ властных структур и своей собственной армии.

Английский исследователь Майкл Хетчер отмечал, что там, где экономические диспропорции совпадают с этнолингвистическими, происходит актуализация национального сознания окраинных протогосударств, что ведет к закреплению в сознании нетитульной нации тезиса о «внутренней колонизации», в основном экономической, со стороны метрополии, составляющей титульную нацию²⁰. И хотя диспропорции экономического развития между иракским

и сирийским центром и курдской периферией во многом носили искусственно созданный характер, они сказались на актуализации межэтнических противоречий. Так, для многих сторонников и апологетов Рожавы Сирия при Асадах представлялась некоей реинкарнацией империи, воплощением имперского сознания. Ряд авторов упоминают, что в результате госпереворота 16 ноября 1970 г. в Сирии была создана система, которую можно охарактеризовать термином «президентская монархия», притом что курдская ее окраина рассматривалась как источник сырья и, по сути, пребывала в состоянии «внутренней колонии»²¹.

Также и в контексте Иракского Курдистана можно согласиться с подобным подходом, имея перед глазами опыт становления иракско-курдского национального самосознания за последние несколько десятилетий, еще до юридического признания автономии иракских курдов в 1970 г, когда баасистским режимом проводилась политика искусственного сдерживания экономического развития этих территорий, превращения его в сырьевой придаток иракской экономики, а основная часть обрабатывающей промышленности была сосредоточена в некурдских регионах Ирака.

Многие признаки повстанческого государства (антигосударства) можно увидеть при изучении кейсов Иракского и Сирийского Курдистана. Начатая 11 сентября 1961 г. повстанческая война иракских курдов («Сентябрьское восстание») обладала убедительными характеристиками общемирового послевоенного тренда, характерного для «эры инсургенции». Причинами начала этой партизанской войны стала политика руководства Ирака после революции 1958 г. в лице генерала Касема (1960–1963 гг.) по осуществлению проекта «национального строительства» в стране, когда с целью его защиты в условиях внутренней борьбы между коммунистами и арабскими националистами из числа так называемых «Свободных офицеров» были отклонены требования курдских повстанцев под предводительством М. Барзани о создании автономии, собственных вооруженных сил и доли прибыли автономии от добычи нефти. При этом изначально в постмонархическом Ираке произошла попытка реструктуризации межэтнических отношений, а курдский фактор как политический субъект в иракской политике до определенного периода всячески подчеркивался и уважался. Однако, как представляется, концепция

реализации курдами своих национальных прав никак не связывалась Багдадом с претензиями курдов на территории на севере Ирака, которые они населяли.

Одним из проявлений кризисной государственности непосредственно в Ираке явилось то, что независимость Ирака не привела к созданию таких политических институтов, которые могли бы сохраняться и обеспечивать легитимность, завоеванную молодыми реформаторами, возглавлявшими иракское националистическое движение после революции 1958 г. Развивая мысль американского исследователя А. Давиши²², можно утверждать, что эта революция не создавала тех институтов, которые представляли бы интересы курдов в рамках иракского государства, давая им голос в общеиракском политическом процессе.

По схеме традиционных повстанческих групп действовали как восставшие иракские курды в 60-е годы, так и сторонники Абдуллы Оджалана и Партии рабочих Курдистана на территории Турции с 1984 г., когда установление контроля над территорией и создание повстанческого государства ставилось целью вооруженной борьбы. В работах Мао Цзедунa эта стадийная тактика формулируется как «конфликт – паритет – контрнаступление – мобильная война – регулярная война»²³. Так, на II съезде Партии рабочих Курдистана в 1982 г. была сформулирована именно такая этапность вооруженной борьбы против турецкого государства – создание стратегических пунктов на «освобожденной территории» с трансформацией мобильной войны в позиционную²⁴. Последовавшая актуализация курдского фактора в Сирии в результате гражданской войны и формирование здесь курдской протогосударственности привели к перетеканию курдских инсургентов и кадров ПРК из Турции в Сирию, учитывая тесные связи между турецкими и сирийскими курдами, говорящими на одном курдском наречии – курманджи.

Создание повстанческого государства имеет ряд требований и ценностей для национально-освободительного движения. В первую очередь это – убежище для ее лидеров и продолжение развития борьбы и достижение целей национально-освободительного движения, в том числе с точки зрения людских и материальных ресурсов, создавая ауру легитимности для своих последователей²⁵. И хотя теоретически целью повстанческого государства является постепенное

полное установление контроля над территорией и вытеснение или замена центральной власти, согласно точке зрения МакКолла, современные ему (в 1969 г.) национально-освободительные движения в качестве основной тактики использовали создание территориального антигосударства (мятежного государства) внутри другого государства. Этот механизм заключается в создании территориальных единиц, конкурирующих со всеми или многими атрибутами любого легитимного государства, а его квазигосударственность с точки зрения элит такого политического образования выражается в контроле над территорией и населением, и в том числе в создании собственных территориальных и административных единиц, а также своей партизанской армии. В этой связи полезно рассматривать современные протогосударства как процесс эволюции территориально-политической единицы внутри другого государства как политически враждебной территории. Также опыт многих повстанческих государств показывает, что они во многом способны эффективно противостоять государству, лишь имея существенную подпитку извне или со стороны государств-доноров (ДНР-ЛНР, ААСВС, Арцах и др.).

Истоки территориально-императивного подхода к становлению повстанческого государства довольно подробно описаны в трудах Мао Цзедунa, которые внимательно изучали и Абдулла Оджалан, лидер Партии рабочих Курдистана, и Джелал Талабани, ныне покойный лидер Патриотического союза Курдистана (ПСК). На определенном этапе эти революционные лидеры были последователями сочинений «великого кормчего», и это влияние на развитие политической системы на протяжении 1970-х и 1980-х годов было довольно заметным.

Период локальной мобильной войны, характерной для иракских курдов с 1943 г., перешел в партизанскую войну (Сентябрьское восстание в 60-е годы XX в. до 1970 г.) и регулярная война 1974–1979 гг., которая и привела к фактическому разгрому единого курдского вооруженного восстания. МакКолл в 1969 г. описывает эти фазы с географической точки зрения как «стадиальную эволюцию повстанческого государства и его способность увеличивать территорию, находящуюся под собственным политическим и военным контролем»²⁶. В своем анализе территориальных основ революции Р. МакКолл развивает теорию «повстанческого государства», которое, по мнению

английского исследователя Г. Стенсфилда, также применимо к кейсу Иракского Курдистана²⁷.

Формирование Иракского Курдистана как центра притяжения для националистических чаяний курдов происходило в том числе и в результате того, что, как отмечала в своей работе американский исследователь Д. Натали, «процесс деколонизации второй половины XX в. расширил понятия самоопределения, включив в него уже не только непризнанные государства, но и национально-освободительные, а также повстанческие и инсургентские движения»²⁸.

Сирийский Курдистан (Рожава) также имеет черты повстанческого государства с некоторыми атрибутами суверенитета, такими как контроль над территорией и населением, наличие сети собственных опорных баз и административных единиц, а также силовой поддержки в лице партизанской армии²⁹. Однако если следовать определению «повстанческих государств» отечественного исследователя Р.Ф. Туровского, то они характеризуются им как территории, контролируемые вооруженными противниками правящего режима³⁰. При этом курдские Силы самообороны (YPG) и аффилированные с ними политические организации на момент написания статьи не рассматривали себя в качестве таковых по отношению к режиму Асада в Дамаске. Скорее, для местных Сил самообороны (YPG) таковыми рассматривалась именно Турция, и в отношении Турции Сирийский Курдистан является «повстанческим государством» до тех пор, пока в нем сохраняет основной контроль Партия Демократического Союза (ПДС) – сателлит ПРК. При этом с сателлитом ПРК в лице ПДС ассоциирует себя значительный сегмент и сирийских курдов. Среди сирийских курдов присутствует убежденность, что Турция оказывает и будет оказывать сильное влияние на суннитских исламистов, в том числе и по линии сотрудничества с «братьями-мусульманами», в случае прихода к власти которых Турция сможет опосредованно оказывать влияние на формирование анти-курдской политики в Сирии³¹.

Сирийское правительство времен Хафеза Асада использовало ПРК, базировавшуюся в Сирии на протяжении 1980–1990-х годов, как прокси-силы для давления на Турцию в «водном вопросе», когда перекрытие Турцией дамбами рек Тигр и Евфрат ставило водное снабжение Сирии в зависимость от северного соседа. После начала

гражданской войны в 2011 г. курдская автономия в Сирии показала эффективность в борьбе с джихадистами из ИГИЛ и, по сути, приобрела черты повстанческого государства, основными оппонентами которого выступали как ИГИЛ, так и власти Турции, стремившиеся ликвидировать это образование на территории Сирии.

С момента пленения Оджалана спецслужбами Турции в 1999 году внутри ПРК произошла смена идеологической парадигмы – от сепаратизма и создания независимого курдского государства к стратегии отрицания нации-государства и построения общества на принципах «демократического конфедерализма» – полиэтнического, мультиконфессионального конгломерата на основе низовой демократии³².

Иракский Курдистан и Сирийский Курдистан формировались в различных политических условиях, они представляют два различных между собой конгломерата групп с различными политическими связями, строящихся на патронажно-клиентских отношениях, в основе которых присутствуют и определенные племенные атавизмы. Их политические разногласия в способах формирования внутреннего управления в Рожаве, где также сильно влияние барзанистов – сторонников ДПК и близких им курдских политических групп, сформировавших влиятельную прослойку из числа курдов, бежавших в 60-е годы из Ирака в Сирию, но фактически лишенных права на гражданство Сирии вплоть до недавнего времени.

Барзанистам политически противостоит группа из числа сторонников ПРК – ПДС – YPG (Силы самообороны), в целом выступающих против усиления здесь влияния ДПК и лично Масуда Барзани, при сохранении взаимодействия с местными барзанистами на уровне местных советов. ПДС – PYD не являются организациями, внесенными в список террористических только лишь в Турции, но не в Европе, и представляются легитимной силой в контексте общекурдского пространства на Ближнем Востоке, так же как и ДПК и ПСК. ПДС как политическая организация формировалась в урбанистическом гетерогенном социуме Сирийского Курдистана (в отличие от ПРК, чья жесткая структура и беспрекословность партийной линии были опосредованы необходимостью ведения повстанческих боевых действий в горах). Это обеспечило политическую гибкость ПДС в вопросах взаимодействия с представителями других этнических групп с целью привлечения на свою сторону симпатизирую-

щих левой и любой секулярной идеологии – в отличие от исламистских групп арабского социума, также включенных в состав ААСВС. ПДС выступает резко против усиления влияния Турции в Иракском Курдистане, сделок по нефти, военного сотрудничества. На противоречиях сказывается и то, что под давлением Турции имели место вооруженные столкновения между пешмерга и армией самообороны ПРК. В ПДС вызывает озабоченность возможное формирование теневых вооруженных структур сторонниками ДПК – в основном из числа беженцев и ВПЛ в лагерях между Фиш Хабуром и Дохуком – приграничной с Сирией зоной, полностью контролируемой пешмерга ДПК. Нефтяные месторождения в Дерике в непосредственной близости от нового нефтяного трубопровода из Иракского Курдистана в Турцию также рассматриваются важным объектом контроля со стороны барзанистов³³.

При всей своей авторитарности ПДС формирует и существует внутри формально парламентарной системы управления протогосударства (ААСВС), население которой достигает, по разным оценкам, 2 млн человек, а всеобщие выборы представляются главным средством легитимации этого политического образования. В 2011 г. сторонники ДПК в Сирии объединили других своих сторонников в Сирийском Курдистане в рамках Курдского национального совета (КНС) как основную оппозиционную силу по отношению к ПДС. Однако их политическое влияние в Сирийском Курдистане было несопоставимо с влиянием ПДС еще и потому, что большинство этих партий по факту базировались за пределами Рожавы. По мнению некоторых исследователей, для политического внутрикурдского баланса Сирийского Курдистана представляется важным политический компромисс между экстремальными позициями в Кандильских горах, где находится база повстанцев из ПРК и Эрбиля, под которым подразумевается центр влияния барзанистов³⁴.

В контексте основных факторов, препятствующих политическому сближению Иракского и Сирийского Курдистана видятся идеологические расхождения – в первую очередь между ПДС и ДПК Иракского Курдистана при сохранении довольно близких политических связей со сторонниками ПСК – на основе левой политической ориентации. В частности, ПРК и их сателлиты ПДС отрицают «капиталистическую природу западной демократии, которой пытаются следо-

вать сторонники ДПК, чья политическая приверженность на фоне сохранения патронажно-клиентских отношений выглядит карикатурой на капитализм»³⁵. Тот факт, что Иракский Курдистан активно развивает отношения с Турцией, также не способствует сближению двух курдских политических субъектов.

Рожава – поле социально-политического эксперимента, который вряд ли подойдет для социально-политического устройства Иракского Курдистана, тем более что межкурдская интеграция с более экономически развитым Иракским Курдистаном приведет к превращению Рожавы в периферию по отношению к Эрбилу. Более точным будет утверждение, что Сирийский и Иракский Курдистан – это два разных повстанческих государства, цели и внешние вызовы для которых различны по своей природе и источникам происхождения.

Специфика и главный вопрос для Сирийского Курдистана как повстанческого государства заключается в том, действительно ли, вопреки теории МакКолла, сторонники «демократического конфедерализма» не стремятся изменить существующие границы Сирии или Турции либо расширить свою территорию за счет территории соседей путем экспорта насилия?

Напомним, что в чистом виде лозунг повстанческого государства был сформулирован в следующих словах Оджалана: «Наша история показала, что мы, отдаляясь от Анкары, становимся партией; уходя дальше на Ближний Восток, становимся армией, а когда мы пойдем дальше в мир – то станем государством»³⁶. Одного этого утверждения достаточно, чтобы официальная Анкара рассматривала любое «антигосударство» курдов, построенное на оджалановской идеологии, как антитезу турецкой государственности, как угрозу своим национальным интересам независимо от того, на территории кого из соседей Турции такое государство возникает.

В целом же рассматриваемая с позиций интегрального национализма концепция «Большого Курдистана» по сути своей означает, что значительная часть курдов в странах, разделивших этнический Курдистан либо проживающих в диаспорах по всему миру, воспринимают именно воображаемый Курдистан в качестве своей родины и будут рассматривать независимо от своего гражданства любое независимое курдское государственное образование, где бы на Ближнем Востоке оно не возникло, в качестве центра притяжения своих

национальных чувств. Однако, по мнению большинства экспертов из стран, разделивших воображаемый «Большой Курдистан», независимость иракской его части остро поставит проблему права курдов на самоопределение в контексте всего Ближнего Востока, даже несмотря на очевидную нежизнеспособность такого гипотетического государства, что лишь станет дополнительным мощным источником актуализации курдского фактора не только в странах, разделивших этнический Курдистан, но и на всем Ближнем Востоке.

Заключение

Каждый пример и опыт негосударствообразующей нации, стремящейся к государственности, не регулируется одним и тем же набором критериев и угроз территориальной целостности государств; здесь также присутствуют необходимые характеристики, опосредованные геополитическим влиянием как соседних, так и мировых держав. Более того, если мы согласимся с тем, что критерии государственности оказываются переменными для реальных протогосударств, то логически предположить, что должен существовать столь же изменчивый катализатор стремления к государственности, который гораздо больше подходит для различных примеров современных протогосударств.

С одной стороны, при анализе перспектив независимости гипотетического Курдистана обычно учитываются факторы, влияющие на дальнейшую суверенизацию федеративного субъекта, с другой – факторы, ограничивающие такой суверенитет, либо, выражаясь точнее, способствующие укреплению связей курдских окраин с Дамаском и Багдадом – именно как со столицами федеративных субъектов (а не периферии с центром).

Обладая всеми явными признаками национальной идентичности, но лишённые возможности создания собственного национального государства, курды Ирака и Сирии на наших глазах становятся активными протогосударственными акторами или, говоря простыми словами, стремятся перестать быть пешками в геополитических играх на той территории, где представители этого народа проживают испокон веков уже несколько тысяч лет. Мифологизация термина «нация» в той ее части, где свободное независимое государ-

ство является его почти сакральным символом, сыграла злую шутку с курдами, оказавшимися в характерной для современной международной юриспруденции ловушке между необходимостью сохранения территориальной целостности государств и правом наций на самоопределение. Порочность этого круга, возможно, одним из первых осознал Абдулла Оджалан – лидер Рабочей партии Курдистана, который в своих работах трансформировал доктрину национального государства в наднациональную концепцию «демократического конфедерализма», имеющую явные цивилизационные критерии «над-государственности», минуя стадию национального государства³⁷. Одной из идей, развиваемых Оджаланом, было то, что национальное государство, как максимальное сосредоточие власти, является крайне неполитическим пространством. «Общество как бы растворяется в структуре национального государства. А в противовес национальному государству формируется демократическая конфедеративная система»³⁸.

На основе подхода А. Оджалана можно утверждать, что одним из главных заблуждений на протяжении всей истории становления курдского национального движения было то, что стадийное развитие, прогресс, в конце которого видится независимое курдское национальное государство, представлялись панацеей от всех бед, лишений и других неприятных аспектов сосуществования человеческого социума, таких как межклановая, межрелигиозная вражда, национальный гнет, запрет на использование родного языка и т.д. В контексте Курдистана, Ближнего Востока, да и всего мира, остро стоит вопрос о том, запрограммировано ли незападное сообщество на уподобление Западу посредством своей модернизации или на самом деле социально-политическое развитие стран Востока и Курдистана, в частности, происходило по более сложным законам, чем линейно-прогрессивное преобразование отсталого традиционного общества в передовое и современное? Специфика политического и социального развития внутри современного социума Иракского Курдистана может создать ложное впечатление, что растворение традиционного уклада в современном – лишь вопрос времени. Для Востока в целом характерно то, что традиционное не обязательно превалирует над современным, но и существует с ним в особой гармонии, дополняя друг друга.

Принимая во внимание эти временные и нормативные вопросы, было бы разумно использовать определение государственности, которое позволило бы объектам разделять некоторые его характеристики, желаемые самим местным населением. В таком случае государственное образование может быть определено преобладанием ключевых характеристик, а не одним определяющим своим атрибутом. Можно ли утверждать, что политические конкуренты ДПК, ПСК, ПДС в рамках воображаемого Курдистана обладают единым представлением о судьбах и источнике власти гипотетического государства? Как должна выглядеть и по каким законам будет строиться эта государственность? Такая биполярность затем может быть описана путем распознавания различных, но не обязательно всех характеристик, которые считаются критериями формирования государства. И эти вопросы пока остаются открытыми.

¹ Смит Э. Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 254.

² Муратшина К.Г, Романова Е.В. США – Тайвань: особенности военных связей с непризнанным государством и реакция КНР // Российский юридический журнал. 2018. № 3. С. 6.

³ Sanger R.H. The Insurgent Era. Washington, Potomac Books, 1967. P. 14.

⁴ Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной истории // Восток – Запад – Россия: сб. статей. К 70-летию академика Н.А. Симонии. М.? 2002. С. 9.

⁵ Szekeley O. Proto-State Realignment and the Arab Spring // Middle East Policy. Vol. 23. Issue 1. 2016. P. 79.

⁶ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 33–34.

⁷ Васильев. Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 175.

⁸ Carneiro R. The Chieftdom: Precursor of the State // Jones G, Kautz R. eds. The Transition to Statehood in the New World. P. 37–79.

⁹ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. С. 32.

¹⁰ Barth F. Principles of social organization in Southern Kurdistan. Oslo, 1953. P. 11.

¹¹ P.Skalnik H.J.M., Claessen P. The Early State: Theories and Hypotheses // The Early State. New Babylon, 1978. P. 17.

¹² Наумкин В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Polis. Political Studies. 2020. № 4. P. 78–93.

¹³ Косолапов Н.А. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №7. С. 3–14.

¹⁴ Leezenberg M. Iraqi Kurdistan: A Porous Political Space. URL: // www.journals.openedition.org/anatoli/608 // doi.org/10.4000/anatoli.608.

- ¹⁵ Минорский В.Ф. Турецко-персидское разграничение. Спб., 1916. С. 2–3.
- ¹⁶ Op. cit. P. 17–18.
- ¹⁷ McColl R.W. The Insurgent State. Territorial Basis of Revolution // Annals of the Association of American Geographers. December 1969. Vol. 59. № 4. P. 61.
- ¹⁸ Ibid. P. 617.
- ¹⁹ Ibid. P. 618.
- ²⁰ Hetcher M. The Celtic Fringe in British Development. L., 1975. P. 112.
- ²¹ Флах А., Айбога Э., Кнапп М. Курдистан: реальная демократия в условиях войны и блокады. М., 2016. С. 48–49.
- ²² Dawisha A. The Second Arab Awakening: Revolution, Democracy and the Islamist Challenge from Tunis to Damascus. N.Y., L., 2013. P. 114.
- ²³ Мао Цзедун. Избранные произведения. В 4 т. М., 1953. Т. 2. С. 183–184.
- ²⁴ Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XIX века). М., 2007. С. 49.
- ²⁵ McColl R.W. Op. cit. P. 614.
- ²⁶ Ibid. P. 616.
- ²⁷ Stansfield G. Iraqi Kurdistan. Political Development and Emergent Democracy. Routledge, 2010. P. 44.
- ²⁸ Natali D. The Kurdish Quasi-State. Development and Democracy in Post-Gulf War Iraq. NY., 2010. P. 23.
- ²⁹ McColl R.W. Op. cit. P. 619.
- ³⁰ Туровский Р.Ф. Политическая география: учебное пособие. М., 1999. С. 216.
- ³¹ Balci B. Turkey's Relations with the Syrian Opposition/ Carnegie Endowment for International Peace. 13 April 2012. URL: www.carnegieendowment.org/2012/04/13/turkey-s-relations-with-syrian-opposition
- ³² Ocalan A. Democratic Confederalism. Transmedia Publishing, 2011. P. 13.
- ³³ Paasche T. Syrian and Iraqi Kurds: Conflict and Cooperation// Middle East Policy. Spring 2015. Vol. XXII. № 1.
- ³⁴ Ibid. P. 85.
- ³⁵ Ibid. P. 83.
- ³⁶ Цит по: Paasche T. Syrian and Iraqi Kurds: Conflict and Cooperation. P. 79.
- ³⁷ Оджалан А. Манифест демократического сообщества. Социология свободы. М., 2014. С. 310.
- ³⁸ Там же.

Рожава в условиях пандемии – 2020 (Автономная администрация Северной и Восточной Сирии)

Резюме. В статье рассматривается Северо-Восточный сирийский автономный район в период пандемии в 2020 г. Автор анализирует все сферы жизни жителей Рожавы: безопасность, экономика, политика, социальная сфера, в частности здравоохранение, и т. д.

Ситуация с коронавирусом на примере автономии показывает, как пассивность правительств и видных медицинских агентств подстегнуло развитие автономной системы здравоохранения.

Поднятая тема крайне политизирована, так как рассматривается в срезе международного и застарелого конфликта.

Ключевые слова: Рожава, COVID-19, пандемия, здравоохранение, экономика, политика

Summary. The article discusses the northeastern Syrian Autonomous Region during the pandemic in 2020. The author analyzes all spheres of life of the residents of Rojava: security, economy, politics, social sphere, in particular, health care, etc.

The situation with coronavirus, using the example of Autonomy, shows how the passivity of governments and prominent medical agencies spurred the development of an autonomous health system.

The topic raised is highly politicized, as it is considered in the context of an international and long-standing conflict.

Key words: Rojava, COVID-19, pandemic, healthcare, economy, politics

Пандемия COVID-19 стала еще одним вызовом для Северо-Восточного сирийского автономного района, также известного как Рожава, которая и без того страдает от непрекращающегося конфликта. Однако даже в данной обстановке автономия старалась принимать меры для подавления заражения.

Коронавирус затронул все сферы жизни жителей автономии: безопасность, экономика, политика, социальная сфера, в частности

Озманиян Мидия Саидовна – младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-9761-4663.

здравоохранение, и т. д. Из-за экономической отсталости в развитии района заметен значительный дефицит инфраструктуры, лекарств и масок, человеческих ресурсов.

О первом случае заражения в Сирии официально выяснилось лишь 22 марта 2020 г.¹, а в середине апреля стало известно, что в г. Хасеке в начале месяца был первый летальный исход. Однако пациент лечился в больнице, подконтрольной режиму Башара Асада; в связи с этим в течение двух недель ни центральные власти, ни представители Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) не стали информировать и предупреждать об этом ни Рожаву, ни её медицинский департамент. В течение длительного времени Дамаск заявлял, что в Сирии нет зараженных.

В целом оценить обстановку по регионам в Сирии весьма сложно. В некоторых провинциях, таких как Идлиб, с начала года продолжались активные боевые действия, а в лагерях для беженцев ситуация была опасной.

Рожава предоставили убежище 650000 беженцам и вынужденным переселенцам, которые бежали от нападений ИГИЛ и турецких войск². Они живут в лагерях по всему региону, где доступ к воде ограничен, а социальное дистанцирование практически невозможно. Кроме того, десятки тысяч заключенных ИГИЛ и членов их семей находятся под охраной местной администрации в лагерях и тюрьмах.

Лагерь Аль-Холь, в котором проживает много женщин – члены семей террористов ИГИЛ – и их детей, является наиболее уязвимой средой для COVID-19 в связи с антисанитарными условиями. Беспокоит и то, что у многих женщин – проблемы со здоровьем, начиная от недоедания, военных ранений до не получающих надлежащего медицинского лечения вирусных и инфекционных заболеваний, и что прогнозируемый уровень смертности в лагерях и центрах содержания под стражей составляет 10%.

После введения карантинных мер в автономии ограничения продлевались, смягчались и вновь ужесточались. К примеру, на северо-востоке Рожавы, в регионе Джизре, администрация ввела локдаун в период праздников Ид аль-Адха (Курбан-байрам) для того, чтобы остановить распространение новой волны COVID-19 после того, как в конце июля были выявлены восемь новых случаев заражения³.

Первые случаи коронавируса появились в Рожаве не сразу, и здесь сумели воспользоваться данной отсрочкой, чтобы принять необходимые меры медицинского и административного характера⁴. Все занятия в школах, техникумах и университетах были отменены, а госучреждения переведены на удаленный режим работы. Полностью были закрыты все рестораны, спортивные залы и прочие общественные места, кроме жизненно необходимых предприятий, производящих продукты питания и лекарства.

Однако администрация располагает ограниченным количеством ресурсов для обеспечения адекватной защиты и медицинского обслуживания самых уязвимых групп населения. Система здравоохранения региона сильно пострадала от войны, и только 2 из 11 больниц полностью функционируют⁵. В апреле в больнице Сарекании (Рас-эль-Айн) находились единственные в автономии приборы для тестирования. Для обслуживания населения численностью до 5 млн человек в регионе имелось всего 40 аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ)⁶, а с учетом острой нехватки коек и врачей-практиков в регионе остается возможность лечить менее 500 больных.

В связи с тяжелыми условиями, сложившимися в Идлибе, ВОЗ разработала план реагирования:

- обследование людей на пунктах пропуска через государственную границу;
- распространение защитных средств (маски, перчатки, антисептики и т. д.);
- обучение медицинского персонала.

Так, три больницы в Рожаве оснастили аппаратами для искусственной вентиляции легких, а остальные обустроили для содействия потенциальным пациентам с COVID-19. Тем не менее в захваченной Сарекании расположена одна из наиболее хорошо оборудованных клиник региона.

Ситуация в Рожаве осложняется ценами на лекарства и продукты. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), с мая по июнь цены поднялись на 20–40% сверх предыдущей инфляции, несмотря на то что администрация просила не повышать цены в период карантина.

Сокращение гуманитарной помощи и переводов из-за границы, высокая инфляция, а также карантин в связи с COVID-19 привели

к глубокому экономическому кризису Рожавы, которая и так сильно пострадала из-за девятилетней войны. По разным оценкам, ожидается, что экономический спад в 2020 г. составит 7%. В период пандемии уровень безработицы достиг 50%⁷.

Кроме того, эпидемиологический кризис политические противники автономии (режим Асада, Турция и ее сателлиты-исламисты) использовали как политический инструмент для укрепления своих позиций и давления на Рожаву. К примеру, возникли разногласия между Асаяиш (силы внутренней безопасности Рожавы) и асадовскими Силами Национальной Обороны (СНО) в г. Камышло. Со стороны же ИГ участились нападения в г. Дейр-эз-Зоре.

Следует отметить, что Турция, которая занимает часть региона, регулярно сокращает подачу воды в Рожаву, оставляя до миллиона человек без чистой воды. Движение за демократическое общество (ДДО) выступило с заявлением, осудив действия Турции, которая перекрыла подачу воды в г. Хасака, и призвало международное сообщество и ООН немедленно вмешаться и оказать давление на Турцию, чтобы возобновить работу станции водоснабжения «Алук»⁸.

Помимо всего прочего, нападения турецких войск и поддерживаемых Турцией ополченцев продолжаются, несмотря на призыв ООН к глобальному прекращению огня в связи с пандемией⁹. В июле активно действовали турецкие дроны в районе Телль-Рифъата, между Африном и Манбиджем, были замечены воздушные и наземные обстрелы, которые привели к увечьям и гибели мирных граждан, в том числе детей. Вследствие взрывов самодельных устройств в жилых районах и на рынках, а также подрыва на минах несколько десятков человек было ранено и убито.

Между тем основной проблемой в период борьбы с коронавирусом в регионе стали санкции против САР. В сложившейся ситуации их последствия, несомненно, ставят автономию в катастрофическое положение.

Несмотря на то что Россия и ряд других стран выступили за полное и незамедлительное прекращение или ослабление односторонних санкций, препятствующих усилиям государств по эффективной борьбе с COVID-19, а Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш поддержал данную инициативу, до сих пор призывы остаются без внимания.

Еще одной проблемой для Рожавы (занимающей треть сирийской территории) в период пандемии является отсутствие международного признания в качестве государства. ООН и ВОЗ отказались оказывать прямую поддержку Рожаве из-за их политики сотрудничества только с официальным представительством страны или через него, а это означает оставить автономную администрацию на милость режима Асада.

Кроме того, стремясь усилить зависимость Рожавы от Дамаска, был закрыт единственный пункт пропуска гуманитарной помощи ООН в Рожаву из Иракского Курдистана, через который раньше доставлялось 40% медикаментов региона. Помощь ООН, направленная в Сирию, идет непосредственно в Дамаск, невзирая на то, что режим известен тем, что злоупотребляет средствами и блокирует гуманитарную поддержку Рожаве¹⁰.

Так, в апреле Комитет по здравоохранению Джизирского района в Рожаве заявил, что сирийский режим не прислал им помощь ВОЗ, назначенную для борьбы с COVID-19¹¹. По словам заместителя председателя Комитета по здравоохранению Джизирского района Михе-меда Халафа, «помощь, которую ВОЗ отправила в Камышло, не была оказана».

По заявлению Халафа, количество зараженных в Сирии резко увеличилось, в связи с этим Комитет по здравоохранению хотел бы контролировать тех, кто прилетает в регион, однако сирийский режим не сотрудничает с ними в этом вопросе¹². Той же весной кризисное подразделение Северо-Восточной Сирии заявило о том, что некоторые чиновники сирийского режима заблокировали тестирование, вследствие чего оно проводилось вне аэропорта.

Помимо того, Международная правозащитная организация «Human Rights Watch» (HRW) выступила с докладом, утверждая, что власти Иракского Курдистана ограничивают доставку гуманитарных и медицинских товаров в Рожаву¹³. Тем не менее Диндар Зибари, координатор Регионального правительства Курдистана (РПК) по международной адвокатуры, выступил с опровержением. В своем заявлении он указал, что все необходимое для Рожавы было направлено по просьбе президента Иракского Курдистана. Были отправлены десятки партий медицинских поставок, включающих в себя лекарства, медицинское оборудование, а также были присланы специали-

сты для борьбы с COVID-19. Вместе с тем Зибари сообщил, что пограничный переход между Иракским и Сирийским Курдистаном открыт по вторникам. В этот день международные организации могут реализовывать транспортировку своего груза в Рожаву. По заявлению Зибари, благодаря поддержке РПК на северо-восток Сирии было доставлено более 150 т медикаментов, включая испытательные комплекты COVID-19.

Поскольку автономная администрация не является правительством, она не может вести переговоры о массовой сделке по поставке защитных средств, таких как перчатки и маски для лица, вместо этого она должна покупать их на открытом рынке по полной цене. Отсутствие ВОЗ и ООН в регионе также означает, что неправительственные организации (НПО) не могут получить доступ к фонду ООН в размере 2 млрд долл., выделенному на борьбу с COVID-19. После вспышки пандемии ООН поручила своим учреждениям по оказанию помощи финансировать только частные благотворительные организации на северо-востоке страны, зарегистрированные в Дамаске.

Уступая давлению режима Асада, который, по-видимому, намеренно саботирует усилия Рожавы по борьбе с пандемией, ВОЗ оказывает помощь в борьбе с COVID-19 сирийскому правительству. Она отказалась поставлять испытательные комплекты автономии, утверждая, что последняя не является государством и поэтому не может иметь дело непосредственно с ним. Вместо этого ВОЗ потребовала, чтобы регион отправил все образцы в Дамаск для тестирования, несмотря на предупреждения администрации о ненадежности такого подхода. Опасения администрации подтвердились, поскольку ВОЗ не сообщила о первом случае заболевания COVID-19 в Северо-Восточной Сирии.

Проинформированная сирийским правительством о положительном результате теста, ВОЗ хранила молчание в течение 11 дней, пока НПО, действующая в регионе, не сообщила эту новость Рожаве. В отличие от этого, ВОЗ поставляла наборы для тестирования в удерживаемую оппозицией провинцию Идлиб через Турцию, которая поддерживает джихадистские группировки, контролирующие северо-запад Сирии.

Учреждения ООН и другие организации также продолжают доставлять помощь в регион через турецкую границу, которая

остаётся открытой в отличие от пограничного перехода в Рожаву. В то время как Турция обеспечила некоторую поддержку своим доверенным лицам на северо-западе Сирии, ни один член многонациональной коалиции по борьбе с ИГИЛ не настаивал на согласованных мерах по оказанию помощи Рожаве в борьбе с пандемией, оставляя ее на милость режима Асада.

Несмотря на эти трудности, автономная администрация продемонстрировала свою способность обеспечивать свое население даже в самых тяжелых условиях. В начале марта, в связи с растущей тревогой вследствие вспышки коронавируса курдские власти Рожавы закрыли пограничный переход «Семалка» с Иракским Курдистаном, а также уведомили о закрытии всего региона. Была создана первая специализированная больница на 120 коек для больных коронавирусом, хотя она может обрабатывать только случаи средней тяжести.

В то же время администрация попыталась смягчить экономические последствия блокады, отказавшись от коммунальных платежей, снизив цены на продовольствие и координируя поставки товаров первой необходимости на дом через местные структуры. В связи с закрытием школ и университетов были запущены онлайн-уроки и лекции для удовлетворения образовательных потребностей в условиях комендантского часа.

Восходящие политические и экономические структуры Рожавы, построенные в соответствии с принципом децентрализованного управления, сыграли важную роль в реагировании региона на кризис. Многие кооперативы, составляющие основу новой экономической концепции, и местные производственные мастерские быстро адаптировались к требованиям пандемии. В результате они начали производить маски для аптек, членов местных сил безопасности и – через соседние коммуны – для населения в целом. Коммуны, которые находятся в непосредственном контакте с местными жителями, несут ответственность за регистрацию людей, нуждающихся в помощи, и распределение основных товаров между домами.

Нельзя отрицать, что Рожава имеет очень ограниченные производственные мощности и вынуждена полагаться на международную поддержку в таких вещах, как медицинские технологии. Политика

ВОЗ и медицинских некоммерческих организаций (НКО) вынудила автономную администрацию самостоятельно формировать собственную линию поведения. В настоящее время в Рожаве имеются свои приборы для тестирования. Тест на выявление нового типа COVID-19, разработанный в Сирийском Курдистане и имеющий надежность от 80 до 85%, используется для проведения профилактического лечения в больницах Рожавы.

Сирийский Курдистан начал собственное производство защитных костюмов и масок, в том числе медицинского оборудования, в частности приборов искусственной вентиляции легких. Восходящие структуры региона демонстрируют эффективность, которой катастрофически не хватает многим развитым государствам.

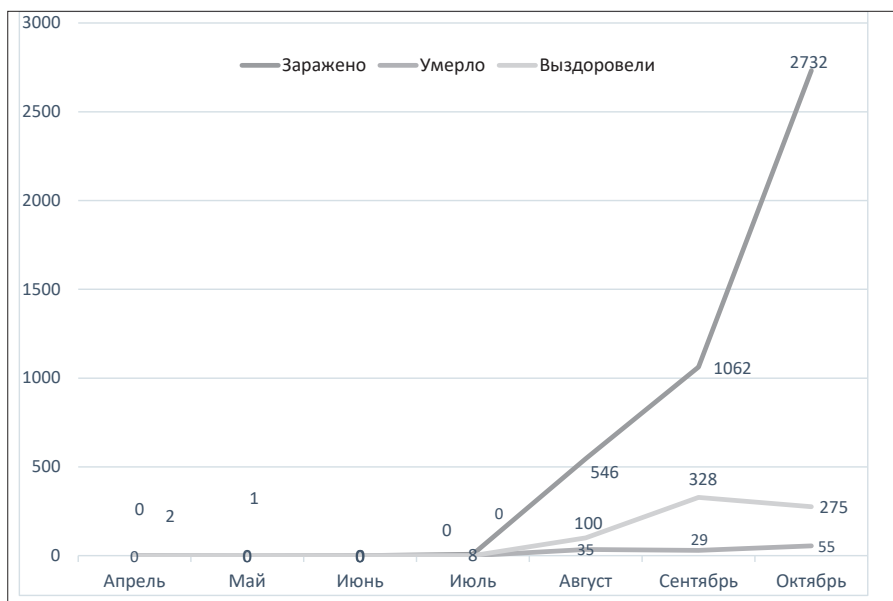
В начале июня 500 человек из Рожавы, находившихся в лагере для беженцев «Барда Раш» в Иракском Курдистане, из-за атак Турции на Сарекание и Гре Спи вернулись в автономию через пограничный переход Семалка¹⁴. Все прибывшие из Иракского Курдистана прошли тесты на COVID-19 в трех медицинских пунктах, развернутых медицинским комитетом управления здравоохранения кантона Камышло на КПП Семалка.

С 13 июля по директиве исполнительного совета автономной администрации все границы Рожавы были закрыты¹⁵. Все, кто въезжал в регион на основании предыдущих официальных разрешений, были помещены в 14-дневный карантин. Мечети, церкви и другие религиозные объекты, а также свадебные, похоронные и другие массовые мероприятия были запрещены, начиная с той же даты.

Случаи заболевания коронавирусом значительно возросли в августе на северо-востоке Сирии (см. рис. 1). Согласно заявлению Международного Комитета Спасения¹⁶, число случаев заболевания COVID-19 увеличилось на 1000%¹⁷. В тот же день представитель организации сообщил, что на северо-востоке Сирии зарегистрировано 425 подтвержденных случаев заболевания. Организация «Врачи без границ» заявила, что пятая часть инфицированных – это медицинские работники. В связи с резким ростом заболевших Департамент здравоохранения региона Евфрат открыл «горячую линию» для оповещения медицинских учреждений об обнаружении симптомов заражения коронавирусом и вызова группы экстренного реагирования.

График 1

Статистика зараженных COVID-19 в Рожаве с апреля по октябрь 2020 г.

Осенью количество случаев инфицирования коронавирусом увеличилось из-за того, что зараженные пациенты не соблюдают карантин. По заявлению врачей, резкая вспышка зараженных возникла со сменой погодных условий. Вирус дольше сохраняется в связи с понижением температуры.

В октябре в Рожаве возник самый крупный прирост заболевших коронавирусом (см. рис. 2). На это повлияло несколько факторов:

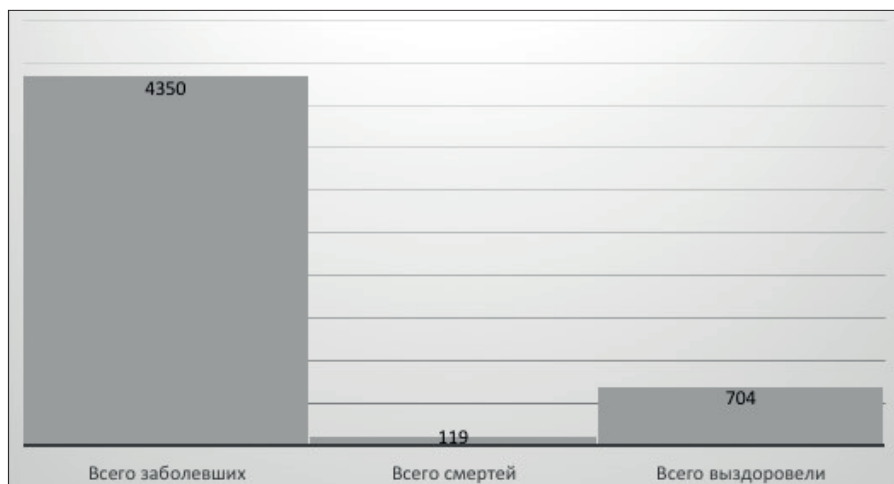
- массовые скопления людей (собрания, конференции, встречи и т. д.);
- население все меньше стало уделять внимания карантинным мерам (неношение масок и перчаток).

Следует отметить, что ограничение передвижения по автономии было главным образом добровольным. Сообщения по всему региону передавались через блокпосты, однако это происходило и до эпидемии. У администрации недостаточно инструментов давления для

того, чтобы принудить общество соблюдать карантин. Сами границы недолго были полностью закрытыми из-за падения цен на нефть, основного источника дохода Рожавы. Администрация автономии рассматривала вероятность продлить карантинные меры, компенсируя народу потерянные доходы. Все же обрушение цен обязало администрацию отменить изоляцию.

График 2

**Статистика зараженных COVID-9 в Рожаве на 29 октября 2020 г.
Данные о коронавирусе от Департамента здравоохранения
Северо-Восточной Сирий**

Стоит отметить, что и война затронула каждого человека на северо-востоке Сирий. 86% семей не в силах позволить себе даже самых необходимых вещей. Они покупают продукты самого низкого качества либо едят реже. В период пандемии в Рожаве стало недоедать 29% всех детей младше пяти лет, между тем в прошлом году таких детей было 19%. Число детей школьного возраста, не посещающих школу, по сравнению с прошлым годом возросло на 16%.

Приходя к выводу, отметим, что в регионе многое сделали, чтобы предотвратить распространение коронавируса. С самого начала автономия успешно справлялась с пандемией, однако из-за разных обстоятельств, отмеченных ранее, огромная волна заболевания

настигла и Рожаву. Отсутствие адекватного тестирования может означать, что случаев заболевания больше, чем выявлено. Это дает основания для беспокойства по поводу скрытого и гораздо более широкого распространения в некоторых наиболее уязвимых частях страны – особенно среди гражданского населения, перемещенного или нуждающегося в гуманитарной помощи на северо-востоке.

Однако ситуация с коронавирусом на примере автономии показывает, как пассивность правительств и медицинских агентств подстегнула развитие автономной системы здравоохранения.

Пандемия COVID-19, гражданская война, катастрофический упадок в экономике имеют ужасные последствия для Рожавы, которые будут влиять на автономию еще долгое время.

В завершение следует подчеркнуть, что поднятая тема крайне политизирована, так как рассматривается в срезе международного и застарелого конфликта. Каждая сторона использует гуманитарную проблему в своих целях, что только усугубляет положение населения Рожавы.

¹ Война в условиях пандемии. Коронавирус может стать катастрофой для Ливии, Сирии и Йемена // 24.03.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8056233>

² Early Day Motions. Rojava and covid-19 // UK Parliament. 23.04.2020. URL: <https://edm.parliament.uk/early-day-motion/56856/rojava-and-covid19>

³ Сирийский Курдистан объявил о полной блокировке во время праздников Ид // 29.07.2020. URL: https://kurdistan.ru/2020/07/29/news-39684_Siriyskiy_Kurdistan.html

⁴ Посол РФ в Дамаске: российские экономические проекты и боевые задачи в Сирии реализуются, несмотря на пандемию // Интерфакс. 28.04.2020. URL: <https://www.interfax.ru/interview/706297>

⁵ Rojava: statelessness in a time of pandemic // openDemocracy. 19.05.2020. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/north-africa-west-asia/rojava-statelessness-time-pandemic/>

⁶ Автономия против коронавируса. Как Рожава борется с эпидемией // Commons. 10.08.2020. URL: <https://commons.com.ua/ru/avtonomiya-protiv-koronavirusa-kak-rozhava-boretsya-s-epidemiyej/>

⁷ Война, экономическая разруха и пандемия подвели сирийцев к опасной черте // Новости ООН. 29.07.2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/07/1382881>

⁸ ДДО: Турция хочет распространить коронавирус на Рожаву // Kurdistan.today. 25.03.2020. URL: <http://kurdistan.today/ddo-turciya-xochet-rasprostranit-koronavirus-na-rozhavu/55114/>

⁹ Курды согласились на прекращение огня для противостояния коронавирусу // Коммерсантъ. 24.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4300715>

¹⁰ Первоначально, еще в 2014 г. Совбез санкционировал доставку гуманитарных грузов в Сирию через четыре пограничных пункта, расположенных на границе с Иорданией, Ираком и Турцией. 10 января этого года количество «одобренных» КПП было сокращено до двух, а в июле, в результате длительных переговоров и рассмотрения четырех проектов резолюции Совет разрешил ввозить гуманитарную помощь в страну только через один контрольно-пропускной пункт.

¹¹ Комитет по здравоохранению Рожавы: Режим не направляет помощь ВОЗ в Рожаву // RIATAZA. 16.04.2020. URL: <https://riataza.com/2020/04/16/komitet-po-zdravooxraneniyu-rozhavy-rezhim-ne-napravlyayet-pomoshh-voz-v-rozhavu/>

¹² Режим отказался вводить какие-либо ограничения на подконтрольной территории. В частности, сохранилось авиасообщение Дамаск – Камышло. Автономная администрация обвинила центральное правительство в безответственности и способствовании распространению болезни.

¹³ КРГ опровергает доклад "HRW", утверждающий, что Эрбиль ограничил поставки медикаментов в Сирийский Курдистан // Kurdistan.ru. 30.04.2020. URL: https://kurdistan.ru/2020/04/30/news-38906_KRG_oprovergaet_doklad-HRW_utverzhdayschiy_chno_Erbil_ogranichil_postavki_medikamentov_v_Siriyskiy_Kurdistan.html

¹⁴ В Рожаву за сутки вернулись более 500 беженцев // ANF News. 09.06.2020. URL: <https://anfussian.com/Курдистан/В-Рожаву-за-сутки-вернулись-более-500-беженцев-21591>

¹⁵ Сирийский Курдистан принимает дополнительные меры по пресечению распространения вируса // Kurdistan.ru. 05.07.2020. URL: https://kurdistan.ru/2020/07/05/news-39446_Siriyskiy_Kurdistan_prinimaet_dopolnitelnye_mery_po_presecheniyu_rasprostraneniya_virusa.html

¹⁶ Гуманитарная неправительственная организация, действующая на северо-востоке Сирии.

¹⁷ COVID-19 cases increasingly rapidly in northeast Syria // AL-MONITOR. 28.08.2020. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/08/covid-19-coronavirus-increase-northeast-syria-rojava.html>

Спор о бюджете: проблема финансирования курдской автономии Ирака на современном этапе

Резюме. Статья посвящена рассмотрению вопроса отношений между центральным правительством в Багдаде и руководством курдской автономии на севере страны на примере недавней дискуссии относительно доли федерального бюджета, предоставляемой автономии для выплаты зарплат сотрудникам бюджетного сектора. Вопрос рассматривается с трёх точек зрения: ретроспективно (динамика отношений – как она имела место исторически), с точки зрения текущего исторического момента (в масштабах всего Ирака), а также относительно политической борьбы между ведущими курдскими политическими партиями на региональном уровне (уровне автономии).

Ключевые слова: Ирак, Иракский Курдистан, нефть, федерализм, сепаратизм, ДПК, ПСК, РПК

Summary. This paper explores the relationship between the central government in Baghdad and the leadership of the Kurdish autonomy in the north of the country. It provides an analysis of a recent discussion about the share of the federal budget assigned to the autonomy for the payment of salaries to employees in the budget sector. The issue is examined from three perspectives: 1) retrospectively in terms of the dynamics of relations as it took place historically, 2) from the viewpoint of the current historical moment across Iraq, and 3) regarding the political struggle among the leading Kurdish political parties at the regional level (at the level of autonomy).

Key words: Iraq, Iraqi Kurdistan, oil, federalism, separatism, KDP, PUK, PKK

Ключевым событием иракской внутривнутриполитической жизни за последние полгода стало достижение договорённости между представителями центрального правительства в Багдаде в лице нового премьер-министра страны Мустафы аль-Казими и представителями Курдской региональной автономии относительно урегулирования спора о финансировании автономии из федерального бюджета в новом году. И хотя конкретные цифры не были преданы огласке,

Веденеев Илья Николаевич – лаборант-исследователь, аспирант Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-8808-9745.

судя по официальным заявлениям, все стороны остались удовлетворены результатами переговоров¹.

Актуальность рассмотрения данного вопроса связана с несколькими обстоятельствами. Так, во-первых, текущая ситуация представляет собой своего рода «лапшевую бумажку» отношений между федеральным центром и единственным субъектом федерации. Во-вторых, она позволяет сделать выводы относительно текущего положения, состояния дел в Ираке в целом (с уклоном в экономическую и социальную составляющие). В-третьих, данная ситуация позволяет вскрыть противоречия между ведущими политическими субъектами Иракского Курдистана.

Прежде всего необходимо отметить исторический характер противоречий, существующих между центральным правительством и Иракским Курдистаном. Иными словами, текущий конфликт (взятый даже в сугубо экономической плоскости) не является первым в истории внутрииракской политики. Так, в ближайшей перспективе ему предшествовал референдум о независимости осенью 2017 г., который имел катастрофические последствия для курдского руководства, так как привёл к утрате контроля над рядом спорных территорий, в том числе нефтеносной провинцией Киркук (с одноимённым городом – крупным центром нефтедобычи, осуществляемой в регионе начиная с 30-х годов XX в.). Также до этого имели место конфликты по вопросу законности транзита углеводородов с подконтрольных курдам месторождений страны на мировой рынок по турецкой части газопровода «Киркук – Джейхан» (в обход иракской государственной компании по экспорту нефти – SOMO).

Более того, следует отметить, что отношения между курдами и правительством в Багдаде (в период 1966–2003 гг. – в лице партии «Баас») всегда носили конфликтный характер. С нашей точки зрения, динамика этих отношений лучше всего может быть представлена в виде своего рода «амплитуды», предельными значениями которых, в свою очередь, являются:

– с одной стороны, максимальная концентрация власти и ресурсов в руках центра (апофеозом чего стали Алжирские соглашения 1975 г., по итогам которых восстание курдов во главе с М. Барзани потерпело поражение и С. Хусейну удалось низвести положение о курдской автономии до фикции);

– с другой стороны, максимальная дезорганизация государственного аппарата и политического режима (как то было в результате Июльской революции 1958 г. и последующего периода постреволюционной нестабильности, а также в 2003 г. по итогам вторжения международной коалиции во главе с США).

Иными словами, всякий раз, когда центральное правительство по тем или иным причинам оказывалось подорвано, стремление курдов к автономии получало стимул и действительно добивалось значительных успехов. Так было, когда по итогам вооружённого противостояния 60-х годов. Барзани удалось на непродолжительный период (1970–1973 гг.) добиться мира на выгодных для себя условиях. Так было, когда по итогам вторжения США и их союзников в 2005 г. была принята новая Конституция Ирака, в которой впервые на федеральном уровне признавались полномочия регионального правительства Курдистана в объёме большем, чем когда-либо прежде за всю историю борьбы курдских националистов в Ираке².

В этом смысле ситуация, складывающаяся в Ираке в настоящее время, с нашей точки зрения, может быть охарактеризована как очередная фаза «центростремительной» тенденции, которая находит своё выражение в попытках центрального правительства восстановить контроль над страной, охваченной беспорядками с осени 2019 г., результатом которых стала отставка предыдущего премьер-министра Адила Абдул-Махди. Так, новым премьер-министром Мустафой аль-Казими было объявлено о проведении серии реформ (получившей название «Белая книга»), призванных повысить эффективность государственных расходов³. В свою очередь, в качестве причин массовых беспорядков следует отметить высокий уровень безработицы, а также низкий уровень предоставляемых услуг (таких как водоснабжение и электроснабжение)⁴. Акции протеста имели место на протяжении всего 2020 г.

В числе системных проблем, на которые наталкивается экономика Ирака, необходимо отметить, с одной стороны, её сырьевой характер, ориентацию на экспорт (95% бюджета страны составляет выручка от продажи нефти), а с другой – коррупцию, которая пронизывает весь госаппарат. В свою очередь, фактор сырьевой зависимости делает иракскую экономику уязвимой для колебаний цен на углеводороды на мировом рынке. С этой точки зрения те беспорядки,

которые имели место вплоть до недавнего времени, происходили именно на фоне низких цен на нефть.

Необходимо отметить, что урегулирование вопроса о финансировании курдской автономии проходило на фоне принятия законопроекта о бюджете на 2021 г., который подразумевал введение режима жёсткой экономии. Это также совпало с необходимостью Ирака снизить объёмы производства нефти, во-первых, с целью соответствия последним договорённостям в рамках ОПЕК+ (равно как нежелания Ирака вызывать ещё большее снижение цен)⁵, во-вторых (как утверждают представители SOMO), с целью компенсации избыточной добычи нефти в прошлом году⁶. По состоянию на данный момент, государственный долг Ирака составляет 68,9 млрд долл.

В числе мер, предпринятых руководством страны в целях сокращения бюджетного дефицита, необходимо упомянуть, во-первых, запрос займа в 6 млрд долл. у МВФ (осуществлённый уже в этом году, притом что аналогичные заимствования имели место прежде), а во-вторых, девальвацию национальной валюты (последствием которой стал рост инфляции до 25%). Тем не менее эти меры представляются недостаточными для выхода из кризиса, если не сказать, что рост инфляции может только усилить протестные настроения. Одновременно с этим социальные нужды составляют одну из крупнейших расходных статей бюджета страны (21,6 млрд долл., или 2-е место по расходам после поддержания инфраструктуры энергетического сектора в 22,7 млрд долл.). Вместе с тем одним из ключевых требований протестующих (особенно среди молодёжи) стало снятие ограничений занятости в государственном секторе⁷.

Иными словами, имеет место порочный круг, при котором, с одной стороны, конъюнктура на мировых рынках не настолько хороша, чтобы государство могло обслуживать уже существующие долговые обязательства без новых займов, с другой – попытки урегулировать ситуацию посредством обесценения национальной валюты чревато возникновением новой волны протестов. В целом коррумпированный государственный аппарат оказывается неспособен отвечать на стоящие перед ним вызовы, поэтому он вынужден прибегать к силовому разгону акций протеста (так, за всё время беспорядков погибло не менее 600 протестующих)⁸.

Что касается непосредственно спора о бюджетном финансировании, то ещё в августе 2019 г. была достигнута договорённость, согласно которой Багдад брал на себя обязательство предоставлять автономии 320 млрд динаров ежемесячно для выплаты части зарплат госслужащим «пока не будет достигнуто окончательное соглашение по бюджету между двумя сторонами»⁹. Однако теперь центральное правительство заявляет о том, что курды не выполнили свою часть соглашения по ежедневной поставке 250 тыс. баррелей нефти. Региональное правительство отвергает все обвинения, утверждая, что «Курдистан не получил никакой суммы за май, июнь, июль и октябрь 2020 года»¹⁰.

Главное противоречие сложившейся ситуации состоит в том, что автономия не смогла бы в полной мере платить по собственным социальным обязательствам, даже если бы все доходы, получаемые ею с нефтепромыслов, шли на зарплату бюджетникам. При этом также необходимо отметить, что количество рабочих мест в бюджетной сфере очень велико, представляя собой, по сути, скрытую форму безработицы. В то же время попытка проведения референдума о независимости (точнее, реакция на него центрального правительства) ясно дала понять, что Багдад не потерпит никакого сепаратизма (не говоря уже о том, что, получив контроль над нефтепромыслами Киркука и других спорных территорий, он напрямую ослабил позиции и доходы автономии). Более того, если смотреть на ситуацию сугубо экономически, то выходит, что федеральный центр «взваливает» на себя ношу региона, который в случае обретения реальной независимости оказался бы в ещё более тяжелой ситуации¹¹. С этой точки зрения сама позиция Багдада выглядит как «уступка» автономии. Вместе с тем центральное правительство диктует свои требования и в том случае, когда считает, что руководство Курдистана вводит его в заблуждение, перестаёт осуществлять выплаты, создавая тем самым проблемы для местных партий.

Так, в частности, в декабре прошлого года по ряду городов Иракского Курдистана (провинция Сулеймания) прокатилась волна беспорядков. Люди были возмущены невыплатами зарплат, требовали предоставления рабочих мест, «улучшений условий труда и достойного жалования». В некоторых городах имел место поджог офисов двух наиболее влиятельных партий региона – Демократиче-

ской партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК)¹².

Интересно в связи с этим, как данной ситуацией воспользовались сами субъекты курдской политики. Так, членом Центрального комитета ДПК Али Авни было заявлено, что под видом демонстраций «предпринимаются усилия по ликвидации статуса региона Курдистан», а также то, что местные партии Сулеймании (т. е. ПСК) несут ответственность за сложившуюся ситуацию¹³. Одновременно с этим ряд экспертов (в частности, специалист по международному праву Ават Мустафа) выступили с заявлением о том, что «некоторые группы» в Сулеймании потворствуют деятельности Рабочей партии Курдистана (РПК) в Южном (т. е. Иракском) Курдистане¹⁴. В то же время правозащитником и политическим обозревателем Шабазом Сиоли было сказано, что ПСК «должен чётко выразить свою позицию по РПК... пренебрежение к движениям этой партии в Сулеймании является не источником гордости, а, скорее, своего рода политическим самоубийством <...> Беспорядки, произошедшие в течение последних двух недель в Сулеймании, подтверждают этот факт»¹⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что текущий конфликт по поводу доли федерального бюджета, выделяемой на нужды курдской автономии, во-первых, имеет место не впервые, а во-вторых, является лишь наиболее очевидным «уровнем» противоречий между центральным правительством и руководством автономии. Одновременно с этим существуют серьёзные противоречия между ведущими курдскими политическими субъектами (ДПК и ПСК), «маркером» которых в данной ситуации выступает отношение к беспорядкам (вызванным кризисом неплатежей центрального правительства), а также стремление задействовать (как минимум, на уровне риторики) РПК (якобы имеющее место «попустительство» РПК со стороны ПСК) как причину возникших беспорядков. Данное обстоятельство указывает на то, что противоречия между ДПК и ПСК носят глубокий характер и не преодолены до сих пор. Более того, можно сказать, что стороны не ставят своей целью преодоление прежних противоречий. Вопрос при этом не столько в том, почему они после этого выступают «единым фронтом» против центрального правительства, сколько в том, почему они – именно в силу наличия общего

врага в лице Багдада – до сих пор не преодолели внутренние противоречия.

Что касается ситуации в целом, в масштабах Ирака, то положение остаётся напряжённым, и хотя правительство делает определённые шаги по смягчению текущего кризиса, в долгосрочной перспективе они создают новые проблемы (как то: увеличение бремени суверенного долга страны, а также недовольство, вызванное целенаправленным обесценением валюты). Тем не менее это не мешает центральному правительству проводить достаточно жёсткую политику в отношении автономии, прилагая все усилия к тому, чтобы удерживать её в своей сфере влияния.

¹ Премьер-министр Ирака заявил, что все политические партии поддержали законопроект «О бюджете на 2021 год» // Ria Taza [Электронный ресурс] URL: <https://riataza.com/2020/12/22/premer-ministr-iraka-zayavil-cto-vse-politicheskie-partii-podderzhali-zakonoproekt-o-byudzhete-na-2021-god/> (дата обращения: 31.03.2021).

² Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм: история и современность. М., 2015. С. 315.

³ Глава консультативного совета Ирака: «Реформы в стране пойдут очень трудно» // Ria Taza [Электронный ресурс] URL: <https://riataza.com/2020/12/16/glava-konsultativnogo-soveta-iraka-reformy-v-strane-pojdut-ochen-trudno/> (дата обращения: 31.03.2021).

⁴ Protesters In Iraqi Cities Demand Better Social Services, Corruption Probes // Radio Liberty [Электронный ресурс] URL: <https://www.rferl.org/a/iraq-protests/2305822.html> (дата обращения: 31.03.2021).

⁵ В Ираке заявили, что Багдад не намерен требовать исключений в рамках соглашения ОПЕК+ // ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/10123577> (дата обращения: 31.03.2021).

⁶ На грани бунта и банкротства: почему Ирак сокращает бюджет // Федеральное агентство новостей [Электронный ресурс] URL: <https://riafan.ru/1383005-na-grani-bunta-i-bankrotstva-pochemu-irak-sokrashaet-byudzheth> (дата обращения: 31.03.2021).

⁷ Там же.

⁸ Iraqi protests hit one year mark // Al-Monitor [Электронный ресурс] URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2020/10/iraq-protests-october.html> (дата обращения: 31.03.2021).

⁹ Шииты угрожают свергнуть Казими: финансовый спор между Багдадом и Эрбилем вступает в критическую фазу // Ria Taza [Электронный ресурс] URL: <https://riataza.com/2020/12/10/shiity-ugrozhayut-svergnut-kazimi-finansovyy-spor-mezhdu-bagdadom-i-erbilem-vstupaet-v-kriticheskuyu-fazu/> (дата обращения: 31.03.2021).

¹⁰ Финансовый комитет утверждает поправку о доле Курдистана в бюджете // Ria Taza [Электронный ресурс] URL: <https://riataza.com/2021/03/20/finansovyy-komitet-utverzhdaet-popravku-o-dole-kurdistana-v-byudzhete/> (дата обращения: 31.03.2021).

¹¹ Danilovich A. Iraqi Federalism and the Kurds. Ashgate. P. 175.

¹² В столкновениях в Иракском Курдистане погибло шесть человек // Ria Taza [Электронный ресурс] URL: <https://riataza.com/2020/12/09/v-stolknoveniyah-v-irakskom-kurdistane-pogiblo-shest-chelovek/> (дата обращения: 31.03.2021).

¹³ Али Авни: под видом демонстраций некоторые группы хотят подорвать статус Курдистана // Ria Taza [Электронный ресурс] URL: <https://riataza.com/2020/12/09/ali-avni-pod-vidom-demonstracij-nekotorye-gruppy-hotyat-podrvat-status-kurdistana/> (дата обращения: 31.03.2021).

¹⁴ Эксперт: некоторые группы хотят передать Сулейманию под контроль РПК // Ria Taza [Электронный ресурс] URL: <https://riataza.com/2020/12/15/ekspert-nekotorye-gruppy-hotyat-peredat-sulejmaniyu-pod-kontrol-rpk/> (дата обращения: 31.03.2021).

¹⁵ Курдский правозащитник: игнорирование действий РПК в Сулеймании – политическое самоубийство для ПСК // Ria Taza [Электронный ресурс]. URL: <https://riataza.com/2020/12/22/kurdsij-pravo-zashhitnik-ignorirovanie-dejstvij-rpk-v-sulejmanii-politicheskoe-samoubijstvo-dlya-psk/> (дата обращения: 31.03.2021).

Национальное примирение в Афганистане

Резюме. В статье рассматривается мирный процесс в современном Афганистане, роль внешних и внутренних игроков. Автор анализирует влияние политики национального примирения на политический процесс и военно-политическую ситуацию. В статье показано, что формирование национальной политики, направленной на урегулирование конфликта, стало ответом на перемены, произошедшие в американской политике по Афганистану – подготовке к завершению афганской миссии. В свою очередь, неэффективность национальных инициатив заставила США задуматься об альтернативных методах урегулирования конфликта. Автор также уделяет внимание возможным сценариям развития мирного процесса.

Ключевые слова: Афганистан, мирный процесс, военно-политическая ситуация

Summary. This article examines the afghan peace process, role of external and internal players. Author analyzes the impact of national reconciliation on the political process and the military-political situation. This article shows that the formation of a national policy aimed at a political settlement of the conflict was a response to the changes that have taken place in American policy on Afghanistan. Author also pays attention to possible scenarios of development of the peace process.

Key words: Afghanistan, peace process, security situation

О необходимости мирных переговоров с вооруженной оппозицией в Исламской Республике Афганистан (ИРА) заговорили еще в 2006 г., когда была учреждена Комиссия по укреплению мира. В мае 2010 г. правительство Хамида Карзая в рамках Программы национального примирения¹ созвало всеафганский совет старейшин (Лойя Джиргу), одним из итогов которой стала рекомендация учредить новую структуру для организации мирных переговоров – Высший совет мира (ВСМ).

По сравнению с Комиссией по укреплению мира ВСМ был более масштабной организацией, что демонстрировало политическую и государственную важность вопроса о примирении с вооруженной

Мохаммад Омар Нессар – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат исторических наук. ORCID: 0000-0002-4236-0886.

оппозицией. Членство в центральном совете ВСМ получили 70 влиятельных политиков. Были созданы представительства ВСМ во всех 34 провинциях страны². ВСМ пользовался финансовой поддержкой иностранных государств и имел широкие возможности³. Однако отношение афганского политического класса к деятельности этой структуры нельзя назвать положительным.

В ВСМ вошли политики с антиталибским прошлым, заняв там руководящие посты. Так, первым главой совета стал экс-президент Афганистана и лидер партии Исламское общество Афганистана (ИОА) таджик Бурхануддин Раббани. Это вызвало неоднозначную реакцию, в частности критики заговорили о номинальной роли ВСМ в деле примирения, поскольку нахождение в его руководстве противников талибов считалось препятствием на пути мирных переговоров. В экспертном сообществе обсуждали версию, что за созданием новой хорошо финансируемой структуры якобы стоял Хамид Карзай, планировавший использовать ее для «подкопов под лояльность» афганских политиков. Интересно, что сами талибы назвали ВСМ «проамериканской структурой» и отказались с ним сотрудничать⁴.

В сентябре 2011 г. ВСМ столкнулся с серьезным вызовом – его руководитель Бурхануддин Раббани был убит при странных обстоятельствах, ответственность за его гибель взяли на себя талибы. Этот инцидент был воспринят как принципиальный отказ Талибана⁵ от мирных переговоров⁶.

Деятельность ВСМ неоднократно подвергалась критике и со стороны представителей гражданского общества⁷. Более того, бывали случаи, когда власти в провинциях перекладывали на неэффективно работающий ВСМ ответственность за проблемы безопасности на подведомственных территориях⁸. В центре внимания критиков всегда находились фиктивные, как утверждается, отчеты ВСМ о присоединении к мирному процессу боевиков антиправительственных сил⁹.

Формирование ВСМ стало ответом на перемены, произошедшие в американской политике по Афганистану – подготовка к завершению афганской миссии. Однако неэффективность ВСМ заставила США задуматься об альтернативных методах политического урегулирования афганского конфликта. Признаком того, что Вашингтон больше не возлагал надежд на ВСМ, можно считать прекращение финансовой помощи со стороны внешних доноров в феврале 2016 г.¹⁰

После прихода к власти в Афганистане Ашрафа Гани произошли значительные изменения в программе правительства по примирению и, соответственно, в деятельности ВСМ. Поначалу президент Гани решил сделать ставку на Пакистан, так как считалось, что именно с помощью Исламабада можно добиться запуска прямых переговоров между афганским правительством и талибами. Гани пошел на беспрецедентные меры для сближения с Исламабадом, что вызвало критику со стороны афганского политического класса¹¹. Однако эта политика не принесла реальных результатов, поэтому спустя полтора года Гани, разочаровавшись, сменил курс¹².

В 2016 г. между правительством ИРА и лидером Исламской партии Афганистана (ИПА) Гульбеддином Хекматияром, находившимся до этого более 30 лет в составе вооруженных антиправительственных сил, было подписано мирное соглашение. Примирение с ИПА Ашраф Гани причислил к достижениям мирных инициатив Кабула – ожидалось, что вхождение Хекматияра в афганскую легальную политическую систему станет примером для талибов и мирный процесс начнет развиваться по «хекматияровской модели». Однако лидеры Талибана не последовали примеру ИПА, с самого начала реализации мирных инициатив настаивая на переговорах с США в качестве первого шага¹³.

Начиная с 2016 г. наблюдается активизация внешних посредников, заинтересованных не только в практической реализации афганского мирного процесса, но и в укреплении собственного политического и дипломатического статуса. В период с 2016 по 2019 г. внешними игроками были созданы различные площадки и так называемые «форматы», которые иногда соперничали друг с другом.

В США и других странах Запада усталость от афганской кампании становилась все более ощутимой. Вместе с тем усилия, предпринимаемые самими афганцами и направленные на политическое урегулирование конфликта, не давали результата (например, ВСМ оказался неэффективен). В складывающейся ситуации США решили простимулировать процесс своим непосредственным участием.

Вероятно, в Вашингтоне осознавали, что в политическое урегулирование афганского кризиса должны быть вовлечены внешние игроки, имеющие влияние на стороны конфликта. Одним из первых

форматов стала Четырехсторонняя координационная группа с участием Афганистана, Китая, Пакистана и США. Однако участия регионального тандема Пакистан – Китай явно было недостаточно для успеха. По итогам третьего заседания «квартета» российская сторона расценила данный формат как ограниченно эффективный¹⁴. Почти одновременно с этим Россия начала разрабатывать собственный формат консультаций по афганскому урегулированию.

В 2017 г. в Москве по итогам шестисторонних переговоров с участием представителей России, Афганистана, Китая, Пакистана, Ирана и Индии была достигнута договоренность о создании Московского формата консультаций¹⁵. Первые встречи по афганскому урегулированию, проходившие в Москве, вызвали протест официального Кабула. В дальнейшем частично удалось «погасить» это недовольство, присвоив правительству Афганистана статус сопредседателя на московских встречах. Однако, как показал анализ дальнейших событий, это в конечном итоге затруднило проведение заседаний. В частности, в дальнейшем московские встречи неоднократно переносились по причине несогласования технических деталей с афганской стороной¹⁶.

В июне 2017 г., спустя два месяца после проведения первого заседания Московского формата, афганское правительство запустило собственный формат мирного урегулирования с участием внешних игроков – Кабульский процесс, который поддержали Соединенные Штаты, Великобритания, Пакистан, Организация Объединенных Наций и НАТО¹⁷. Первая встреча состоялась 6 июля 2017 г. в афганской столице¹⁸. Российская сторона скептически оценила результаты усилий Кабула, напомнив, что после этой конференции Движение Талибан не проявило заинтересованности в прямых переговорах с афганским правительством¹⁹.

В дальнейшем именно участие талибов стало отличительной чертой Московского формата. Оно стало возможным в том числе благодаря сближению Москвы и Исламабада, чье влияние на талибов считается одним из самых сильных. За последние годы Пакистан смог избавиться от статуса «проводника американской политики» в регионе, закрепившегося за ним в годы холодной войны, а с 2016 г. регулярно проводятся совместные учения российских и пакистанских военных, что говорит о растущем уровне доверия между странами²⁰.

Заявление российской стороны, давшей скептическую оценку подходам других внешних игроков, было сделано за 15 дней до проведения еще одной встречи по афганскому мирному урегулированию: в марте 2018 г. был запущен новый формат мирного урегулирования афганского кризиса – Ташкентский процесс²¹.

Появление разных и параллельных форматов и участие в них одних и тех же внешних игроков не могло не приуменьшать значение этих форматов, демонстрируя скорее некое соперничество между внешними игроками, нежели их стремление к урегулированию конфликта.

9 ноября 2018 г. состоялось второе заседание Московского формата, что свидетельствовало об усилении влияния России на афганский мирный процесс. Это привело к снижению напряженности между Москвой и Вашингтоном по афганскому вопросу, власти США пересмотрели свое отношение к роли России в афганском урегулировании. В начале декабря 2018 г. спецпредставитель США посетил Москву, и впоследствии представители двух стран неоднократно встречались, в том числе в рамках нового формата сотрудничества – глобальной формулы «Тройка плюс» с участием России, США и Китая²², после запуска которой деятельность Московского формата свелась к минимуму.

Пакистан играет ключевую роль в продвижении мирного процесса. Вероятно, Исламабад рассчитывает на укрепление своих позиций в Кабуле, но такая перспектива не может не волновать его главного соперника – Индию. Признаки обострения этого соперничества можно было заметить по мере развития переговоров в Дохе и после подписания мирного соглашения между США и Талибаном в феврале 2020 г. В начале 2021 г. Индия стала способствовать консолидации непунтунских политических лидеров Афганистана, в частности лидеров бывшего Северного альянса, и их сближению с президентом Гани, считавшегося противником сделки в Дохе. В ответ Пакистан также активизировал свои контакты с афганскими политиками с целью сорвать планы Индии по созданию широкой антиталибской коалиции в Афганистане²³.

Талибы всегда стремились к установлению отношений с иностранными государствами. Для достижения этой цели Движение использовало разные подходы, в том числе способствуя безопасности

иностранных граждан и дипмиссий. Однако серьезный вклад в установление контактов внесло официальное открытие представительства талибов в Катаре в 2013 г., произошедшее при содействии США²⁴. Кроме легализации контактов талибов с представителями иностранных государств и международных организаций, открытие представительства позволило частично вывести движение из-под влияния Пакистана. В частности, при содействии США и правительства Катара из Пакистана в Доху были перевезены семьи членов катарского политического офиса²⁵. Однако даже открытие представительства не смогло повлиять на позицию Движения – не вступать в прямые переговоры с правительством Афганистана, не договорившись с США.

В СМИ и раньше неоднократно появлялась информация о неофициальных контактах талибов с представителями иностранных государств, в том числе США, Великобритании и Германии²⁶. После открытия представительства Талибана в Катаре и участвовавших международных контактах Движения многие региональные страны обнародовали данные о своей связи с талибами²⁷.

Рост влияния других стран на талибов и мирный процесс не мог не вызывать опасений у Вашингтона, который стремился сохранить монопольный контроль над вопросами мира и войны в Афганистане. В июле 2018 г. состоялась первая официальная встреча высокопоставленной американской делегации с Талибаном: заместитель помощника госсекретаря Элис Уэллс провела в Катаре переговоры с представителями движения²⁸. В дальнейшем руководство катарского офиса Талибан неоднократно встречалось с государственным секретарем США Майклом Помпео. В сентябре 2018 г. власти США учредили в Государственном департаменте должность специального представителя по афганскому примирению (ее занял американский дипломат афганского происхождения Залмай Халилзад)²⁹.

В 2018 г. в рамках Московского формата представители талибов впервые получили возможность публично выступить перед представителями других государств и прессой. Московская площадка способствовала взаимодействию талибов с афганскими политиками в обход президента Гани и процессу легализации талибов на международной арене. Кроме того, сближение талибов с региональными странами укрепляло их позиции на проходящих переговорах с США, позволяя добиваться уступок³⁰.

Поэтому деятельность Московского формата не могла не вызывать тревогу в Кабуле и Вашингтоне.

29 февраля 2020 г., когда было подписано соглашение между США и Движением Талибан, можно считать датой завершения первого этапа мирного процесса³¹. Свои подписи под документом поставили спецпредставитель США по мирному урегулированию афганского кризиса Залмай Халилзад и глава катарского офиса Движения Талибан мулла Абдул Гани Барадар. Талибы предсказуемо сделали все, чтобы преподнести это событие как свою большую победу. Делегация движения, в которую вошли не только члены катарского офиса, но и приглашенные из Пакистана и Афганистана сторонники и активисты, с белыми флагами «Исламского эмирата» перед началом мероприятия устроили небольшое шествие в сторону зала церемоний. Перед своими соратниками выступил замглавы политического бюро Движения Аббас Станакзай, поздравивший народ Афганистана с победой над «оккупационными войсками»³².

Большинство афганских политиков охарактеризовали подписание соглашения как важный шаг для установления мира в стране. Международное сообщество, в том числе Россия, приветствовало сделку³³. Пожалуй, единственным государством, давшим негативную оценку договоренностям в Дохе, стал Иран, рассматривавший соглашение как часть предвыборной кампании несимпатичного Тегерану кандидата в президенты США Дональда Трампа. Одним из его предвыборных обещаний было окончание афганской войны и возвращение американских военнослужащих домой. Иранский министр иностранных дел Мохаммад Джавад Зариф назвал подписание соглашения «капитуляцией» США³⁴. Впрочем, сами талибы серьезным противником соглашения и мирного процесса считают Индию³⁵.

Ряд аналитиков высказывали сомнение в том, что подписанное дохинское соглашение в целом приведет к установлению мира в Афганистане, и рассматривали сделку в контексте внутривнутриполитических задач в США³⁶. В правительстве Афганистана также полагали, что соглашение между США и Талибаном было подписано отчасти в предвыборных целях в пользу кандидата Трампа и без учета интересов Кабула. На фоне звучавших предположений, что правительство ИРА надеется на пересмотр соглашения в случае проигрыша Трампа

на выборах, талибы даже обвиняли Кабул в искусственном затягивании процесса³⁷.

Суть подписанного 29 февраля 2020 г. между США и Лдвижением Талибан соглашения можно передать в 4-х тезисах:

- 1) гарантии и механизм отказа от использования территории Афганистана против США и их союзников;
- 2) вывод иностранных войск из Афганистана за 14 месяцев;
- 3) начало межафганских переговоров между Движением Талибан и афганской стороной, включая официальный Кабул;
- 4) полное прекращение огня по итогам межафганских переговоров.

Одновременно с дохинским соглашением на торжественной церемонии в Кабуле была подписана совместная декларация США, ИРА и НАТО. Вашингтон подтвердил свою приверженность партнерским обязательствам перед союзником (ИРА), взяв на себя ежегодный поиск финансирования для обучения, консультирования и обеспечения экипировкой афганских сил безопасности³⁸.

Тем не менее подписание дохинского соглашения вызвало немало вопросов, в том числе о возможном конфликте договоренности США с талибами и партнерских обязательств Вашингтона перед Кабулом. Например, талибы обязались прекратить нападения на американских военнослужащих, однако США по другому соглашению, заключенному еще в 2014 г. с правительством Гани³⁹, обязаны оказывать военную помощь афганским военным в случае нападения на них.

И 4 марта 2020 г. возникла ситуация, поставившая под угрозу мирное соглашение – американские ВВС нанесли авиаудар по позициям талибов в провинции Гельманд. Атака была расценена талибами как нарушение дохинского соглашения, в то время как американские военные объяснили ее попыткой защитить своих союзников в рамках союзнических договоренностей с Кабулом. «США 4 марта нанесли авиаудар по боевикам Движения Талибан в Нахри-Сарадж в Гельманд, которые активно атаковали КПП афганских вооруженных сил. Удар был произведен в оборонительных целях, чтобы остановить нападение», – заявил представитель американских сил в Афганистане полковник Сонни Леггетт⁴⁰.

Другим препятствием на пути реализации соглашения стало освобождение заключенных талибов из афганских тюрем. Амери-

канцы пообещали это Талибану, не договорившись с Кабулом. Президент Гани сначала выступил против освобождения, однако в итоге свыше 5 тыс. талибов под давлением США все же были выпущены из афганских тюрем. Однако согласование этого вопроса потребовало гораздо больше времени, чем ожидалось.

Наивно было бы ожидать и быстрого формирования кабульской переговорной делегации, включающей в себя представителей всех легальных политических сил, на фоне кризиса, обострившегося после скандальных президентских выборов 2019 г. В итоге зафиксированные в 3-м пункте соглашения межафганские переговоры, которые должны были начаться уже через 10 дней после подписания мирного соглашения, 10 марта 2020 г., стартовали с полугодовой задержкой. Церемония открытия межафганских переговоров состоялась 12 сентября 2020 г.⁴¹

Влияние мирных переговоров на афганский политический процесс велико – взять хотя бы президентские выборы 2019 г. Одновременно с началом переговоров Залмая Халилзада с талибами, предполагающих, в частности, сокращение численности войск США в Афганистане, стало очевидно, что одним из результатов межафганских переговоров должно стать изменение политического строя, которое могло бы устроить и талибов.

С приближением даты голосования из Вашингтона все чаще звучали критические заявления в адрес Гани и его окружения – в кабульских политических кругах это трактовали как незаинтересованность США в проведении выборов, на которых настаивал президент Афганистана⁴². Это только усиливало гипотезу, что Америка поддерживает идею формирования переходной администрации⁴³. На этом фоне потенциальные кандидаты в президенты заговорили о необходимости выбирать между миром и электоральной процедурой⁴⁴. Дело дошло до того, что с приближением даты голосования идеи мирного процесса и выборов стали казаться взаимоисключающими.

Сложившаяся ситуация уже на начальном этапе кампании расколола политическую элиту на две группы: сторонников и противников проведения выборов. Даже высокопоставленные чиновники и члены Кабинета, не верящие, что выборы состоятся, начали уходить с госслужбы, тем самым примыкая к сторонникам мира⁴⁵.

Дополнительным аргументом в пользу отказа от выборов служил неоднократный перенос даты голосования⁴⁶.

В то время когда часть элиты так или иначе выступала против проведения выборов, президент Гани оставался самым настойчивым сторонником голосования, начав кампанию раньше других кандидатов⁴⁷. Постепенно подтянулись и остальные.

Главные предвыборные блоки сформировались вокруг трех основных кандидатов: 1) действующего президента Ашрафа Гани; 2) премьер-министра Абдуллы Абдуллы; 3) бывшего советника президента по безопасности Ханифа Атмара⁴⁸. Однако в самый разгар кампании последний вышел из гонки, сломав серьезную предвыборную стратегию своей команды, и перестал конкурировать с Гани⁴⁹. Часть сторонников Атмара перешла к Гани, часть – в лагерь Абдуллы, но в целом электоральный потенциал коалиции Атмара не был реализован.

Таким образом, ближе к концу кампании оставалось два основных кандидата.

Но даже и тогда полной уверенности в том, что выборы состоятся, не было. Если Гани шел на выборы под лозунгами в защиту достижений последних лет и сохранения республиканского строя, то его соперник Абдулла занял двоякую позицию, заявляя, что готов снять свою кандидатуру ради продвижения мирного процесса⁵⁰. Абдулла допускал доминирование мирного процесса над электоральным.

Тем не менее голосование состоялось 28 сентября 2019 г., а предварительные результаты были объявлены 22 декабря. Независимая избирательная комиссия назвала победителем Ашрафа Гани, который, по официальным данным, набрал 50,64% голосов, победив в первом туре. Его ближайший соперник Абдулла Абдулла набрал официально 39,5% голосов⁵¹. Выборы сопровождались большим количеством нарушений, прошли с минимальным уровнем явки, прозрачность работы избирательных органов вызывала немало вопросов⁵². Тем не менее в феврале 2020 г. избирком объявил окончательные результаты, признав победу Гани. Абдулла, не согласившийся с предварительными результатами, отверг и окончательные. Официальные цифры были поставлены под сомнение и другими афганскими политиками, в том числе Гульбеддином Хекматияром, который также участвовал в кампании и набрал официально 3.85% голосов, заняв третье место.

Выборы в Афганистане традиционно сопровождались внутренними политическими кризисами, однако президентские выборы 2019 г. побили все предыдущие «рекорды»⁵³: в блоке Абдуллы заговорили о создании «параллельной власти» и продемонстрировали серьезность своих намерений. 9 марта 2020 г. в Кабуле впервые в истории Афганистана прошли две параллельных церемонии инаугурации.

Продолжающийся политический кризис в Кабуле ставил под угрозу дохинскую сделку, имеющую для администрации Трампа большое значение. 17 мая под давлением Вашингтона было подписано политическое соглашение между Ашрафом Гани и Абдуллой Абдуллой, призванное урегулировать кризис⁵⁴. В рамках раздела власти Гани был признан президентом, а Абдулла возглавил Высший совет национального примирения (ВСНП) – орган, курирующий переговоры с талибами. Хотя переизбрание в целом усилило позиции Гани, однако Абдулла сохранял свое влияние на политический процесс через контроль над мирным процессом. Так, в марте 2021 г. окружение Гани высказалось против призыва США о формировании коалиционной переходной администрации с талибами, однако Абдулла занял более мягкую позицию.

На низкую явку избирателей в день голосования повлияла и ситуация в сфере безопасности. По данным Специального генерального инспектора по восстановлению Афганистана (SIGAR) и западных изданий, в последние годы сохраняется тенденция к расширению территории, подконтрольной вооруженной оппозиции, выступающей против выборов⁵⁵.

Мирный процесс также оказал влияние на уровень насилия и тактику боевых действий.

По данным ООН, за 9 месяцев 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. общее количество жертв сократилось на 30%: количество погибших сократилось на 21%, а количество раненых – на 34%, 58% жертв среди мирного населения за первые 9 месяцев 2020 г. пострадали в результате деятельности антиправительственных элементов. Если сравнить данные 2019–2020 гг. с цифрами предыдущих лет, то можно заметить сокращение числа раненых при сохранении относительно высокого уровня убитых⁵⁶. Это свидетельствует об изменении тактики и характера войны: увеличение так

называемых точечных террористических атак, в частности применение магнитных взрывных устройств. Вероятно, к снижению числа жертв среди мирного населения привело сокращение применения авиации и уменьшение количества крупных терактов после подписания дохинского соглашения. Однако в последнем квартале года ООН зафиксировала увеличение числа жертв.

Общее количество жертв среди гражданского населения в 2020 г. составило 8820 человек, из которых 3035 погибло, 5785 были ранены. Ответственность за 45% потерь несет Движение Талибан (на 19% меньше, чем в 2019 г.). При этом по сравнению с предыдущим годом количество гражданских потерь снизилось на 15%⁵⁷.

Серьезным вызовом для афганского правительства и общества стали целенаправленные убийства – ООН зафиксировала в 2020 г. увеличение их количества на 45%. На убийства журналистов и активистов гражданского общества международная организация обратила внимание в своем специальном докладе⁵⁸. Хотя в целом сокращение жертв среди гражданского населения, особенно в первой половине года, создает благополучный фон для дохинского соглашения, однако рост числа пострадавших в результате точечных ударов и сообщения об этом в СМИ создавали совсем другую картину положения дел в стране. Рост насилия в сентябре 2020 г., после начала межафганских переговоров, можно трактовать как тактику талибов «переговоры с позиции силы». Этой же тактики Талибан придерживался во время переговоров с США.

Афганские власти возлагают ответственность за точечные убийства на Талибан и считают причастными к ним в том числе освобожденных под давлением США талибских заключенных⁵⁹. Однако сами талибы отвергают эти обвинения.

Кроме того, что межафганские переговоры откладывались по различным причинам, их началу предшествовали сложные консультации в Кабуле по формированию переговорной делегации. В итоге лишь к сентябрю 2020 г. была собрана проправительственная переговорная команда – 21 человек, в том числе представители власти и политических движений.

Достаточно взглянуть на состав переговорных делегаций обеих сторон, чтобы представить, насколько глубокие разногласия им предстоит преодолеть. К примеру, все члены кабульской делегации имеют

высшее образование, в том числе профессиональное теологическое, ее состав учитывает конфессиональную и этническую неоднородность афганского общества. В составе делегации Кабула доминируют представители политического класса моджахедов, сформированного еще в годы военного присутствия СССР и составлявшего в девяностые годы костяк антиталибских сил.

В составе переговорной делегации талибов, в которой тоже 21 человек, доминируют представители одной этнической группы – пуштуны. В их команде нет ни одной женщины, в то время как в проправительственной делегации их четыре. В делегации талибов не представлены шииты, университетское образование есть далеко не у всех⁶⁰.

12 сентября в Дохе состоялась торжественная церемония открытия межафганских переговоров. Из Кабула прибыли глава Высшего совета по национальному примирению Абдулла Абдулла, министр иностранных дел Ханиф Атмар и глава кабульской переговорной делегации Масум Станикзай. Движение Талибан на церемонии представляли глава катарского офиса Движения муллы Абдул Гани Барадар и его заместитель Шер Аббас Станакзай. Возглавил переговорную делегацию талибов в Дохе мулла Хаким Хаккани, назначенный незадолго до церемонии и считающийся лицом, близким к духовному лидеру Движения. Предполагалось, что его назначение придаст больше легитимности решениям делегации, так как Хаккани пользуется авторитетом среди разных фракций талибов, в том числе военных⁶¹.

Однако после торжественного открытия межафганские переговоры, начавшиеся с обсуждения технических вопросов и регламента, забуксовали. На начальном этапе камнем преткновения стал вопрос, какой документ брать в качестве рамочного для дальнейших переговоров (талибы настаивали на их соглашении с США, а Кабул был категорически против); вторая проблема касалась выбора религиозной юрисдикции. Стороны обвиняли друг друга в искусственном затягивании процесса, и США приходилось вмешиваться: 24 ноября 2020 г. после первой затяжной паузы в Доху прилетел госсекретарь США Майк Помпео, после чего появилась информация, что переговоры удалось сдвинуть – завершилась процедура согласования технических вопросов⁶².

Впрочем, несмотря на сложности и затягивание, в целом ситуация развивалась в пользу талибов: значительная часть талибских заключенных была освобождена; Движение продолжало укреплять свои внешние связи и смогло расширить круг стран, поддерживающих его; Талибан добился резкого сокращения численности иностранных сил на территории ИРА. Так, до подписания дохинского соглашения численность американских войск в Афганистане составляла 13 тыс. военнослужащих⁶³, а за считанные дни до вступления Байдена в должность президента США американские власти сообщили, что текущая численность войск достигла 2,5 тыс. человек, что является самым низким показателем за весь период пребывания в стране⁶⁴. Ожидается, что сокращение контингента НАТО и частных охранных организаций будет осуществляться параллельно с выводом сил США. По состоянию на 13 марта 2021 г. численность контингента НАТО (без учета 2,5 тыс. американских) оценивалась в 10 тыс. человек. Кроме того, на территории ИРА находятся 18 тыс. членов частных охранных организаций, состоящих из 6 тыс. граждан США, 7 тыс. граждан других государств и 5 тыс. граждан ИРА⁶⁵.

В итоге подписание мирного соглашения с США позволило талибам позиционировать свою тактику как модель «победоносного джихада»⁶⁶, а сокращение численности войск на фоне забуксовавших межафганских переговоров приблизило их к военной победе⁶⁷.

Администрацию Трампа также можно отнести к «бенефициарам» сделки. Она получила от реализации соглашения свои «дивиденды», которые особенно ей были нужны в период предвыборной кампании. Трамп хвастался, что после подписания соглашения ни один американский военнослужащий не был убит или ранен в Афганистане⁶⁸. Сокращение численности контингента снизило и финансовые расходы США.

Однако после вступления Байдена в должность ситуация ожидаемо изменилась. До этого о несоблюдении талибами положений дохинского соглашения чаще можно было услышать от кабульских чиновников, однако уже в период смены администрации в Америке подобные заявления стали поступать и из Вашингтона – там заговорили о продолжающейся связи талибов с террористическими организациями и причастности движения к росту насилия, что является нарушением дохинского соглашения. В начале января 2021 г. Мини-

стерство финансов США сообщило об усилении «Аль-Каиды»⁶⁹ в Афганистане и о том, что эта группировка по-прежнему пользуется «защитой талибов»⁷⁰. Спустя несколько дней Пентагон подтвердил подозрение Минфина. «Талибы не выполняют свои обязательства по сокращению насилия и разрыву связей с “Аль-Каидой”», – сообщил представитель Министерства обороны США Джон Кирби⁷¹. К выполнению обязательств в рамках дохинского соглашения талибов призывали и в НАТО⁷². В середине февраля 2021 г. ООН в своем докладе также обвинила талибов в продолжении сотрудничества с «Аль-Каидой»⁷³.

О том, что Америка может пересмотреть сроки вывода войск, в январе – феврале 2021 г. говорили многие американские политики и военные. Одним из них стал сенатор-республиканец Линдси Грэм: «Мы уйдем, когда для этого будут подходящие условия. Талибан жульничает и не выполняет условия соглашения». О возможной причастности талибов к насилию, в частности к участвовавшим в афганских городах целенаправленным убийствам, говорил и командующий Центральным командованием США генерал Кеннет Маккензи⁷⁴. Однако сами талибы не соглашались с этими обвинениями⁷⁵.

Большой интерес вызвал доклад «Путь к миру в Афганистане», представленный в начале февраля 2021 г. исследовательской группой экспертов, назначенной Конгрессом США. Авторы доклада также подтвердили невыполнение талибами условий дохинского соглашения по сокращению насилия и прекращению контактов с террористическими организациями и призвали Байдена сокращать численность военнослужащих только по мере улучшения ситуации с безопасностью в Афганистане. «Безответственный вывод американских войск, – говорится в докладе, – скорее всего, приведет к новой гражданской войне». При этом эксперты советовали не выходить полностью из соглашения: США готовы уйти из Афганистана, но этот уход не должен выглядеть так, что они «просто отдают победу» талибам⁷⁶.

Талибы заявили, что авторы доклада «Путь к миру в Афганистане» заинтересованы в продолжении войны, а соблюдение дохинского соглашения назвали единственным решением афганского конфликта. Однако афганские власти приветствовали доклад⁷⁷. Если после подписания дохинского соглашения правительство Ашрафа Гани было главной проигравшей стороной сделки, то теперь, с приходом Байдена, ситуация для Кабула меняется.

У США имеются весомые основания для пересмотра соглашения. Вывод американских сил к маю 2021 г. там поставлен в зависимость от реализации других положений документа, в том числе от разрыва отношений Талибана с террористическими организациями, прогресса в межафганских переговорах и сокращения уровня насилия. Поэтому невыполнение талибами положения о разрыве с террористическими организациями наряду с отсутствием прогресса в переговорах вполне могут стать основанием как минимум для переноса даты вывода войск.

Возможный перенос даты – нехороший сигнал для талибов. Пересмотр этого положения обесценит сделку для талибов, которым, несмотря на все трудности, эта сделка была выгодна. То, что они получили в рамках соглашения, они не смогли достичь за много лет войны.

Как только стало ясно, что Трамп не будет переизбран, талибы предприняли некоторые шаги для сохранения сделки. Они установили контакты с кабульской делегацией: так возникла самая длительная пауза в работе переговорщиков – с 18 января по 23 февраля 2021 г. Движение предупредило о возможном возобновлении атак на американских военнослужащих, глава катарского офиса муллы Абдул Гани Барадар обратился к новому американскому президенту с открытым письмом⁷⁸. Судя по всему, талибы возлагали большие надежды на свое региональное турне, в рамках которого посетили Россию и Иран – страны, считающиеся соперниками США в регионе, – и это было воспринято как попытка оказать давление на Вашингтон⁷⁹. Спустя день после переговоров в российском МИДе заместитель катарского офиса талибов Шер Мохаммад Станакзай выступил в Москве на пресс-конференции и назвал президента Гани «единственным препятствием на пути к миру». Он призвал к его отставке. Заявление талибов вызвало жесткую реакцию президента Гани и других официальных лиц⁸⁰.

К моменту написания этого текста администрация Байдена еще публично не объявила о своем новом афганском курсе, тем не менее новый президент США уже дал понять, что выходить из соглашения не собирается⁸¹. Вероятно, талибы готовились к худшему сценарию, и хотя они не комментировали заявление Байдена, но 23 февраля контакты между переговорщиками Кабула и Движения Талибан воз-

обновились. На фоне жестких заявлений талибов, прозвучавших ранее, возобновление контактов выглядит как смягчение позиции. В Кабуле никогда не скрывали, что дохинское соглашение им не нравится, однако произошедшие после прихода к власти Байдена изменения явно лучше того, что могло бы произойти при Трампе, и 24 февраля президент Гани заявил о наступлении подходящих условий для переговоров по установлению «всеобъемлющего и справедливого мира»⁸².

Трудно сказать, как в дальнейшем будут развиваться межафганские переговоры. Возникшие на пути мирного процесса препятствия не стали неожиданностью для наблюдателей, и, вероятно, они были не последними. Не исключался даже срыв реализации документа⁸³. Дальнейшее развитие переговоров во многом зависит от решений США относительно судьбы афганского контингента. Ускорение вывода иностранных сил делает Кабул более уступчивым перед талибами. Дело не только в военной зависимости афганского правительства от иностранных сил. Вывод войск может привести к уменьшению в целом внимания к стране, что, в свою очередь, может привести к незапланированному сокращению финансовой помощи. Вместе с этим вывод войск повышает риски военного захвата власти Талибаном. Развитие ситуации по этому сценарию не исключает как перехода конфликта в межэтническую плоскость с возможным вовлечением региональных стран, так и усиления центробежных тенденций внутри страны по образцу гражданской войны 1990-х годов⁸⁴.

¹ Afghanistan Peace and Reintegration Programme (APRP) // UNDP, 2010. URL: <https://www.af.undp.org/content/afghanistan/en/home/projects/APRP.html> (дата обращения: 03.02.2019).

² Michelle B. How to Fix Afghanistan's Broken Peace Process // foreignpolicy, 9.07.2015. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/07/09/how-to-fix-afghanistans-broken-peace-process/> (дата обращения: 03.02.2019).

³ Afghanistan project initiation Plan to support HPC Strategy, UNDP, 2017.

⁴ См. подробнее: Нессар О. Афганский мирный процесс: предварительные результаты и оценки // Международная жизнь. 2019. № 5.

⁵ Запрещенная в России организация.

⁶ Former Afghanistan president Burhanuddin Rabbani killed in Kabul blast // The Telegraph, 20.09.2011. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/afghanistan/8776911/Former-Afghanistan-president-Burhanuddin-Rabbani-killed-in-Kabul-blast.html> (дата обращения : 03.02.2019); Afghan peace council head killed in Kabul // Reuters, 20.09.2011;

Hamid Shalizi H. Shalizi. Afghan peace council head killed in Kabul // Reuters, 20.08.2011. URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-attack/afghan-peace-council-head-killed-in-kabul-idUSTRE78J3Y820110920> (дата обращения: 20.03.2019).

⁷ Enteqad e siasion az amalkard e shorai ali (Политики критикуют деятельность ВСМ) (на перс. яз.). URL: <http://prod.tolonews.com/fa/afghanistan/HPC-324.html> (дата обращения: 01.03.2019).

⁸ См. подробнее: Afghanistan's High Peace Council: Five Years On // IWPR, 18.07.2016

⁹ Участники программы примирения из провинции Тахар вернулись в ряды боевиков // Афганистан.Ру, 23.05.2016. URL: <https://afghanistan.ru/doc/98066.html> (дата обращения: 03.03.2019); Талибы из числа участников программы примирения разграбили контрольный пункт в Джаузджане // Афганистан.Ру, 02.11.2016. URL: <https://afghanistan.ru/doc/104027.html> (дата обращения: 03.03.2019); Боевики, вступившие в программу примирения, расстреляли участников антиталибского ополчения // Афганистан.Ру, 07.11.2016. URL: <https://afghanistan.ru/doc/104177.html> (дата обращения: 03.03.2019).

¹⁰ Заявление члена ВСМ К.А. Вокада о прекращении финансовой помощи этому органу со стороны внешних доноров. См. подробнее: URL: <https://www.darivoa.com/a/afghanistan-peace-council/3176754.html> (дата обращения: 18.01.2019).

¹¹ Jon Boone. Hamid Karzai: Afghanistan in danger of sliding 'under thumb' of Pakistan // The Guardian, 09.03.2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/mar/09/hamid-karzai-if-we-give-up-control-of-our-foreign-policy-pakistan-taliban-ashraf-ghani-india> (дата обращения: 18.01.2019).

¹² Amin Nojan. Why Ghani's Pakistan Outreach Failed // Gandhara, 07.05.2016. URL: <https://gandhara.rferl.org/a/afghanistan-pakistan-ghani-pivot/27721629.html> (дата обращения: 18.01.2019).

¹³ Taliban Reiterates Its Focus Is On Withdrawal Of Foreign Troops // TOLONews, 10.11.2018. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/taliban-reiterates-its-focus-withdrawal-foreign-troops> (дата обращения: 18.01.2019).

¹⁴ Асатрян Г. Россия определилась с афганским форматом // Известия, 20.10.2017.

¹⁵ Заявление российского посольства в Индии. URL: <http://rusembindia.com/rus/glavnaya/novosti-vneshnej-politiki/140-novosti-vneshnej-politiki/10338-press-release-on-the-upcoming-round-of-the-moscow-format-consultations-on-afghanistan> (дата обращения: 18.01.2019).

¹⁶ См. подробнее: Кривошеев К., Черненко Е. Москва пока не станет для афганцев местом примирения // Коммерсант, 27.08.2018.

¹⁷ Йенс Столтенберг поприветствовал кабульскую мирную инициативу // Афганистан.Ру, 16.03.2018. URL: <http://afghanistan.ru/doc/119311.html> (дата обращения: 18.03.2019).

¹⁸ Aveek Sen. Afghanistan's 'Kabul Process' Kicks Off Amid Regional Shifts // The Diplomat, 09.06.2017.

¹⁹ В МИД рассказали об оптимальной площадке переговоров по Афганистану // РИА Новости, 14.03.2018. URL: <https://ria.ru/20180314/1516309769.html> (дата обращения: 23.03.2019).

²⁰ Воробьев А. Россия и Пакистан: перспективы и проблемы развития двусторонних отношений // РСМД, 04.12.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-pakistan-perspektivy-i-problemy-razvitiya-dvustoronnikh-otnosheniy/> (дата обращения: 10.02.2021).

- ²¹ Декларация Ташкентской конференции по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» // УзА, 28.03.2018. URL: <https://uza.uz/ru/posts/deklaratsiya-tashkentskoy-konferentsii-po-afganistanu-mirnyy-28-03-2018> (дата обращения: 03.02.2019).
- ²² Трехсторонний консенсус России, Китая и США по мирному процессу в Афганистане // МИД РФ, 26.04.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/af/-/asset_publisher/gehUa6O4gSTV/content/id/3626402 (дата обращения: 02.03.2020).
- ²³ Политика недели: Кабульский аэропорт взят под контроль // Афганистан.Ру, 18.01.2021. URL: <https://afghanistan.ru/doc/141453.html> (дата обращения: 03.02.2021).
- ²⁴ Afghan Taliban open Doha office // BBC, 20.06.2013. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-22957827>
- ²⁵ Mojda W. Taliban dar maidan e bazi Qatar (Можда В. Талибы на катарской площадке) (на перс. яз.). URL: <http://www.farsi.ru/doc/5076.html> (дата обращения: 03.03.2019).
- ²⁶ Ханова Н. Представительство Талибана в Катаре. Судьба американского проекта // Афганистан.Ру, 09.10.2017. URL: <https://afghanistan.ru/doc/115210.html> (дата обращения: 18.01.2021).
- ²⁷ Envoy Confirms Russia Has Relations With Taliban // ToloNews, 08.12.2016. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/envoy-confirms-russia-has-relations-taliban> (дата обращения: 18.01.2021).
- ²⁸ U.S. Envoy, Taliban Officials Meet to Discuss Afghan Peace Talks // WSJ, 28.07.2018. URL: <https://www.wsj.com/articles/u-s-envoy-taliban-officials-meet-to-discuss-afghan-peace-talks-1532547118> (дата обращения: 19.11.2020).
- ²⁹ Special Representative for Afghanistan Reconciliation // State. gov, 21.09.2018. URL: <https://www.state.gov/r/pa/ei/biog/287479.htm> (дата обращения: 19.11.2020).
- ³⁰ Кадири Х. Московская конференция усилит позиции Талибана на переговорах с американцами // Афганистан.Ру, 13.11.2018. URL: <https://afghanistan.ru/doc/124745.html> (дата обращения: 19.11.2020).
- ³¹ Официальное название документа звучит так: «Соглашение о мире в Афганистане между Исламским Эмиратом Афганистан, которое США не признают в качестве государства и известно как Движение Талибан, и США».
- ³² Сделка США и талибов имеет смутные перспективы // Афганистан.Ру, 01.03.2020. URL: <https://afghanistan.ru/doc/137091.html> (дата обращения: 03.02.2021).
- ³³ Joint Statement on the Signing of the U.S.-Taliban Agreement // State. gov, 06.03.2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/joint-statement-on-the-signing-of-the-u-s-taliban-agreement/index.html> (дата обращения: 01.03.2021); Мировое сообщество приветствовало подписание соглашения между США и Талибаном // Афганистан.Ру, 01.03.2020. URL: <https://afghanistan.ru/doc/137087.html> (дата обращения: 01.03.2021).
- ³⁴ Iran's Zarif: After 19 years of humiliation in Afghanistan, U.S. surrenders // Tehran Times, 02.03.2020. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/445745/Iran-s-Zarif-After-19-years-of-humiliation-in-Afghanistan> (дата обращения: 01.03.2021).
- ³⁵ Выступления представителей Движения Талибан на: Roundable: Dialogue for Building a Regional and International Consensus in Support of the Afghan Peace Process. HAS: Kabul, 09.12.2020.
- ³⁶ Anthony H. Cordesman. Afghanistan: «Peace» as the Vietnamization of a U.S. Withdrawal? // CSIS, 23.07.2020.

- ³⁷ Khwaga Ghani. Is Afghanistan Waiting For The U.S. Election Before Starting Peace Talks? // NPR.org, 18.08.2020. URL: https://www.npr.org/2020/08/18/903237448/is-afghanistan-waiting-for-the-u-s-election-before-starting-peace-talks?utm_campaign=storyshare&utm_source=twitter.com&utm_medium=social (дата обращения: 01.03.2021).
- ³⁸ Joint Declaration between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America for Bringing Peace to Afghanistan, 29.02.2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/02.29.20-US-Afghanistan-Joint-Declaration.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).
- ³⁹ Security and defense cooperation agreement between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America. Kabul, 30.08.2014.
- ⁴⁰ США нанесли первый за 11 дней авиаудар по талибам в Афганистане // ТАСС, 04.03.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7895983> (дата обращения: 01.03.2021).
- ⁴¹ Andrew Watkins. Intra-Afghan Negotiations Set to Begin // Crisis Group, 11.08.2020.
- ⁴² Comments by U.S. Department of State Spokesperson // State.gov, 17.03.2019. URL: <https://af.usembassy.gov/comments-by-u-s-department-of-state-spokesperson/> (дата обращения – 03.03.2021); Американский посол обвинил Афганистан в злоупотреблении полученной помощи // Афганистан.Ру, 15.03.2019. URL: <https://afghanistan.ru/doc/127562.html> (дата обращения: 03.03.2021).
- ⁴³ Президентские выборы в Афганистане оказались под влиянием мира с талибами // BBC, 22.12.2018. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-46647469> (дата обращения: 03.03.2021).
- ⁴⁴ Top challenger of Afghan president says ready to quit elections for peace // Reuters, 29.09.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-election-abdullah-idUSKCN1VJ0UQ> (дата обращения: 03.03.2021).
- ⁴⁵ URL: <https://www.darivoo.com/a/hekmat-khalil-karzai-deputy-of-foreign-ministry-resigned/4616948.html>
- ⁴⁶ Afghanistan presidential election postponed to September // Reuters, 20.03.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-election-idUSKCN1R11X1> (дата обращения: 03.03.2021).
- ⁴⁷ Massoud Ansar. Ghani Insists Elections Must Be Held On Time // ToloNews, 17.02.2018. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/ghani-insists-elections-must-be-held-time> (дата обращения: 01.02.2021).
- ⁴⁸ Президентские выборы в Афганистане: промежуточные оценки и прогнозы / под ред. О.М. Нессара. М.: ЦИКА, 2019.
- ⁴⁹ Top challenger of Afghan president says ready to quit elections for peace // Reuters, 29.09.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-election-abdullah-idUSKCN1VJ0UQ> (дата обращения: 01.02.2021).
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Afghanistan presidential election: Ghani set for second term after initial results // BBC, 22.12.2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-50883812> (дата обращения – 03.03.2021).
- ⁵² Afghan presidential vote held in relative calm, but turnout low // Reuters, 27.09.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-election/afghan-presidential-vote-held-in-relative-calm-but-turnout-low-idUSKBN1WD03C> (дата обращения: 03.03.2021).

⁵³ Нессар О. Почему выборы и кризис идут в Афганистане рука об руку // Афганистан.Ру, 22.03.2020. URL: <https://afghanistan.ru/doc/137733.html> (дата обращения: 03.03.2021).

⁵⁴ Exclusive: Planned \$1 billion U.S. aid cut would hit Afghan security force funds // Reuters, 05.04.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan-exclusive-idUSKBN21N0CJ> (дата обращения: 03.03.2021).

⁵⁵ Frud Bezhan. The Taliban, The Government, And Islamic State: Who Controls What In Afghanistan? // RFER, 31.05.2020. URL: <https://www.rferl.org/a/taliban-government-islamic-state-who-controls-what-in-afghanistan-/30644646.html> (дата обращения: 03.03.2021); См. доклады SIGAR.

⁵⁶ Afghanistan. Protection of civilians in armed conflict third quarter report // UNAMA, Oct. 2020.

⁵⁷ Afghanistan. Protection of civilians in armed conflict annual report 2020 // UNAMA, Feb. 2021.

⁵⁸ Special Report: Killing of Human Rights Defenders and Media Professionals // UNAMA, Feb. 2021.

⁵⁹ Заявление вице-президента Афганистана С. Даниша. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-56037531> (дата обращения: 03.02.2021).

⁶⁰ Barnett R. Rubin. Constitutional Issues in the Afghan Peace Negotiations: Process and Substance // USIP: Special report #488, November 2020. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2020-11/20201116-sr_488-constitutional_issues_in_the_afghan_peace_negotiations_process_and_substance-sr.pdf (дата обращения: 03.02.2021).

⁶¹ Andrew Watkins. Intra-Afghan Negotiations Set to Begin // Crisis Group, 11.08.2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/intra-afghan-negotiations-set-begin> (дата обращения: 03.02.2021).

⁶² Pompeo Meets With Afghan, Taliban Negotiators in Qatar // VOA, 21.11.2020. URL: <https://www.voanews.com/middle-east/pompeo-meets-afghan-taliban-negotiators-qatar> (дата обращения: 03.03.2021).

⁶³ As Ordered by Trump, US Down to 2,500 Troops in Afghanistan // VOA, 15.01.2021. URL: <https://www.voanews.com/south-central-asia/ordered-trump-us-down-2500-troops-afghanistan> (дата обращения: 03.03.2021).

⁶⁴ U.S. troops in Afghanistan now down to 2,500, lowest since 2001: Pentagon // Reuters, 15.01.2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan-military-idUSKBN29K229> (дата обращения: 03.03.2021).

⁶⁵ Paul Rogers. Will the US push to exit Afghanistan bring the war back to Western cities? // OpenDemocracy, 13.03.2021. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/will-us-push-exit-afghanistan-bring-war-back-western-cities/> (дата обращения: 03.03.2021).

⁶⁶ Андрей Серенко. «Спящий джихад» талибов против Москвы // Независимая газета, 17.02.2021. URL: https://www.ng.ru/world/2021-02-17/100_mir17022021.html (дата обращения: 03.03.2021).

⁶⁷ Thomas Gibbons-Neff, Taimoor Shah. The Taliban Close In on Afghan Cities, Pushing the Country to the Brink // NYT, 15.02.2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/02/15/world/asia/taliban-afghanistan.html> (дата обращения: 03.03.2021).

⁶⁸ Pompeo Defends Trump's Afghan Peace Plan, Ensuing 'Incredible Progress' // VOA, 02.01.2021. URL: <https://www.voanews.com/south-central-asia/pompeo-defends-trumps-afghan-peace-plan-ensuing-incredible-progress> (дата обращения: 03.03.2021).

⁶⁹ Запрещенная в России организация.

⁷⁰ См.: Доклад Минфина США. URL: <https://oig.treasury.gov/sites/oig/files/2021-01/OIG-CA-21-012.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

⁷¹ Pentagon warns Taliban on failure to meet commitments on violence, terrorism // Reuters, 28.01.2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-afghanistan-military-idUSKBN29X2V6> (дата обращения: 03.03.2021).

⁷² См.: Заявление генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_181561.htm (дата обращения: 03.03.2021).

⁷³ Taliban Keeps Close Ties with Al-Qaeda: Report // TOLONews, 17.02.2021. URL: <https://tolonews.com/afghanistan-170064> (дата обращения: 03.03.2021).

⁷⁴ См.: URL: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-sen-lindsey-graham-on-face-the-nation-february-7-2021/>

⁷⁵ Талибы заявили о выполнении соглашения с США // Афганистан.Ру, 29.01.2021. URL: <https://afghanistan.ru/doc/141661.html> (дата обращения: 03.03.2021).

⁷⁶ Afghanistan Study Group Final Report: A Pathway for Peace in Afghanistan // USIP, 05.02.2021. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2021-02/afghanistan_study_group_final_report_a_pathway_for_peace_in_afghanistan.pdf (дата обращения: 21.02.2021).

⁷⁷ Hokomat e Afghanistan az baznegari mwafegatnama America ba Taliban isteqbal kard (Афганское правительство приветствовало возможный пересмотр соглашения США с талибами) (на перс. яз.). URL: <https://www.dw.com/fa-af/afghan-officials-welcome-biden-plan-to-review-us-taliban-deal/a-56325633> (дата обращения: 03.03.2021).

⁷⁸ Taliban 'open letter' urges US to honour Doha agreement // AlJazeera, 16.02.2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/2/16/taliban-open-letter-urges-us-to-honor-doha-agreement> (дата обращения: 03.03.2021).

⁷⁹ Кривошеев К., Ковальская А. Афганистан пытается давить Россией на США // Коммерсант, 30.01.2021. (дата обращения: 21.02.2021).

⁸⁰ Ашраф Гани ответил на критику талибов в свой адрес // Афганистан.Ру, 30.01.2021. URL: <https://afghanistan.ru/doc/141665.html> (дата обращения: 03.03.2021).

⁸¹ Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference // White House, 19.02.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (дата обращения: 03.03.2021).

⁸² Ghani dar didar ba nmayandagan: zanima mozakerat e jadi faraham shoda ast (Гани на встрече с депутатами: созданы условия для серьезных переговоров) (на перс. яз.). URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-56179274> (дата обращения: 03.03.2021).

⁸³ Мир с талибами – дело ненадежное // Росбалт, 4.03.2020. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2020/03/04/1831141.html> (дата обращения: 03.03.2021).

⁸⁴ Афганские политики из числа непущунов уже заявили о намерении сформировать фронт сопротивления, подобный Северному альянсу, в случае попытки талибов захватить власть.

Системный подход к анализу взаимосвязи внутренней и внешней политики Афганистана. Политика США и государств региона и их влияние на политические процессы в Афганистане

Резюме. Режим в Афганистане, как и политические силы общества, приспособляются к требованиям постоянно изменяющейся внутренней и внешней среды и немало делают для построения государственного строя. Несмотря на все попытки давления со стороны внутренних и внешних политических сил, участвующих в афганском политическом процессе, нельзя умалять роли власти, которая не перестает быть главной доминирующей силой и способна выполнить свои функции как политическая система.

Ключевые слова: Афганистан, Ашраф Гани, США, Талибан

Summary. The regime in Afghanistan, as well as the political forces of society, although it is difficult to adapt to the requirements of the constantly changing internal and external environment, but a lot has been done to build a state system. Despite all attempts to exert pressure on the part of internal and external political forces involved in the Afghan political process, the role of the government cannot be belittled, it does not cease to be the main dominant force and is able to perform its functions as a political system.

Key words: Afghanistan, Aschraf Gani, USA, Taliban

Основателем системного подхода в политической науке принято считать американского политолога Дэвида Истона, который определял политику как «волевое распределение ценностей». В этом контексте политическая система представляет собой механизм формирования и функционирования власти в обществе по распределению ресурсов и ценностей¹.

Понятие «системы» на рассмотрение общества перенес американский социолог теоретик Толкомм Парсонс (1902–1979), представивший общество как взаимодействие четырех подсистем, которые находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообмена: эко-

Самеулла Пойя – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат исторических наук, кандидат технических наук. ORCID: 0000-0002-8259-1216.

номической, политической, социальной и духовной². Применяя это понятие к афганскому обществу, можно добавить еще одну немаловажную, а, скорее всего, существенную подсистему – силовые структуры. Однако каждая из подсистем, выполняя определенные функции, слабо реагирует на требования, поступающие изнутри или извне, следовательно, вместе они достаточно способны обеспечивать жизнедеятельность афганского общества в целом.

Исламское Государство Афганистан при системном подходе представляется как множество элементов, основным из которых является аппарат президента. В силу большого числа элементов, составляющих объекты политического характера, при системном подходе Ашраф Гани делает главный акцент на совершенствовании аппарата президента, нежели на правительство. Причины принятия такого решения исходят из того, что по согласованию с главным своим оппонентом на президентских выборах, доктором Абдулла Абдуллой, 50% министерских портфелей передается сторонникам последнего. Правительство перестало быть монополией в руках президента, а властные отношения приобрели более сложный характер, поскольку в них стали участвовать неоднородные силы, не во всем разделяющие политику президента. Поэтому, усиливая свой аппарат, президент практически основные функции правительства привел под контроль аппарата президента и лично руководителю аппарата, который готовит директивы для министров и координирует их действия. Что касается силовых блоков правительства, они подконтрольны советнику Совета национальной безопасности Афганистана Хамдулле Мухебу.

Так как при системном подходе потребуются хорошие специалисты в области кибернетики и использование большого числа хорошо оснащённой вычислительной техники, президент сделал ставку на Х. Мухеба не случайно. Он защитил докторскую диссертацию в области вычислительной техники в Бернском университете Лондона и работал руководителем американского университета информационных технологий в Афганистане.

Как известно, внутреннюю политику государства определяют социальная среда и многообразные парадигмы на национальном уровне. Режим в Афганистане, как и политические силы общества, хотя и с трудом приспосабливаются к требованиям постоянно изменяющейся внутренней и внешней среды, однако немало делают для

построения государственного строя. Несмотря на все попытки давления со стороны внутренних и внешних политических сил, участвующих в афганском политическом процессе, нельзя умалять роли власти, она не перестает быть главной доминирующей силой и способна выполнить свои функции как политическая система.

Современная афганская политическая система включает в себя все существующие в обществе типы политических взаимоотношений, т. е. все взаимодействия властвующего и подвластного. Однако процессы развития гражданского общества, появление автономной, самостоятельной, личности с ее правами и свободами не способны привести к тому, что граждане смогли бы не только подчиняться, но и повлиять на государство, создавая для этого политические организации (партии, движения и т. д.).

В настоящее время в стране существует множество политических и общественных организаций. Внутренняя политика государства базируется на регулировании интересов всех социально-этнических образований и провинций страны, а также на механизмах, позволяющих обеспечить политическую и социальную защиту слабо-развитых и вновь образованных провинций.

В сфере общественной жизни страны формировались новые системы общественных отношений, экспортированные извне. Попытка использования западных общественно-политических институтов в этой стране порой не стимулировала начала благоприятных изменений. В отличие от западного общества социально-экономические, культурные и политические институты, экспортированные ими в Афганистан, не могли выполнить многие свои функции, обеспечить эффективность и стабильность жизни в обществе.

Политика ИРА исходит из совокупности тактических действий и стратегического курса множества государств, особенно США. Когда отношения Афганистана с странами Запада и США переходят на качественно новый этап, президенту поневоле приходится сделать ставку на сохранение тех политических структур, которые способны противостоять разнообразным внешним силам. Хотя до последнего времени он был убежден, что те политические тяжеловесы, которые пришли в сферу власти, во времена управления Хамида Карзая не соответствуют требованиям общества. Переговоры между США и ДТ в Катаре показали, что для противостояния силам разрушения

режима президенту необходимо опираться на политические силы, от которых ранее он дистанцировался.

В сложившейся ситуации в стране, с неопределённостью политики США по отношению к Афганистану, власти ищут все возможные пути выхода из ситуации, и в этой связи им понадобится радикально корректировать свой внешнеполитический курс. Закон самосохранения для афганских властей и афганского общества в целом подразумевает сохранение системы государственного строя страны как «Исламская Республика Афганистан». Угроза самосохранению государства, как республиканской системы управления, зависит не только от воздействия внешней среды, но и от степени поддержки и опоры на внутренние политические силы, характера деятельности властей и качества управления своими ресурсами. Как мы знаем, самосохранение системы обусловлено действиями двух факторов – стабильности и развития. Очевидно, в условиях нестабильности и отсутствия развития в нужном направлении афганское государство делает ставку на обеспечение количественной и структурной устойчивости системы. Первая – характеризуется включением в систему большого числа разнообразных политических тяжеловесов с целью обеспечения устойчивости по отношению к внешним и внутренним изменениям. А вторая – характером и силой связей в системе. Президент Афганистана как доктор социологии хорошо понимает, что особое условие реализации закона сохранения системы заключается в силе удержания (силе, необходимой для обеспечения стабильности). При рассмотрении взаимодействия внутренней и внешней политики Исламской Республики Афганистан режим, еще сохраняющий важнейшее место среди политических институтов в стране, делает основной акцент на выявлении многообразных связей и отношений, имеющих место как внутри государства, так и в его взаимоотношениях с внешними игроками. Каждый режим имеет свой потенциал самосохранения и зависит от множества внутренних и внешних факторов. Он должен быть достаточен, чтобы противостоять силе внешнего «воздействия – разрушения».

Особенно с приходом Д. Трампа в Белый дом с 2016 г. и последующим назначением Залмая Халилзада в качестве спецпредставителя Госдепартамента США по мирному урегулированию в Афганистане политика США резко изменилась не в пользу афганских властей.

Американцы всерьез заняли позицию любой ценой выйти из Афганистана и договориться с Движением Талибан. 18 месяцев переговоров США с представителями Движения Талибан в Катаре показали, что последнему удалось включить все свои требования в соглашение, которое было подписано 29 февраля 2020 г. в Дохе. Подписи под документом поставили спецпредставитель Соединенных Штатов по Афганистану и глава американской делегации на переговорах Залмай Халилзад и политический лидер талибов мулла Абдул Гани Барадар. Из соглашения явно видно, что американцы полагают, что ДТ примет на себя конкретные обязательства не как оппозиционная сила нынешнему правительству Афганистана, а как режим, отвечающий за судьбу будущего строя Афганистана.

При принятии политического курса на сохранение отношений с США афганские власти вынуждены были пойти на ряд непопулярных шагов, основанных на множестве объективных и субъективных факторов, влияющих на принимаемые ими решения, переступить красную черту, которую ранее сами начертили. В частности, освобождение Онеса Хакани (Онес Хакани – сын Джалалудина Хакани – основатель террористической группировки Хакани и двоюродный брат Сараджудина Хакани – нынешний глава террористической организации группа Хакани и одновременно заместитель главы Движения Талибан. В 2014 г. Онас Хакани был арестован в Афганистане и под давлением США в 2020 г. был освобожден, в настоящее время входит в состав делегации Талибан на переговорах в Дохе). Под огромным давлением США президент Ашраф Гани был вынужден выпустить из афганских тюрем 5500 талибов, в том числе 400 самых опасных преступников, которые были осуждены за тяжкие преступления, и среди них числились самые крупные организаторы взрывов и террористических актов, а также главари международного наркобизнеса. Более 300 из них были приговорены афганским судом к пожизненному заключению и смертной казни. Для того чтобы их освободить, была созвана Лойя Джирга, так как согласно уголовному законодательству ИРА, президент не имел права амнистировать их своим указом. Но и этого оказалось недостаточно. В ходе переговорного процесса Талибана с представителями афганского государства, так называемого «межафганского диалога», Талибан настаивает на освобождении еще 7000 своих бойцов из афганских тюрем, а сам

не собирается пойти на какие-либо уступки. Следует отметить, что и это требование было принято американской стороной при подписании «мирного» соглашения США и Талибан, а афганское государство теперь поставлено просто перед фактом.

Правительству Афганистана неизвестно, какие еще секретные пункты были включены в соглашение, подписанное в Дохе между сторонами. В частности, сегодня общество очень болезненно реагирует на действия американцев при освобождении военных баз на территории Афганистана. Покидая военные базы, американцы не передают свою технику и оборудование афганской национальной армии, часть которой могут вывезти, перевозят в Пакистан, всё, что не транспортабельно, уничтожается на месте или приводится в негодность. Следовательно, можно догадываться, что эти действия американцев были одним из секретных пунктов соглашения, о котором ранее говорил Майк Помпео. Кажется, что не случайно талибы настаивают вести переговоры с представителями афганской власти на основе договора с США, а афганская сторона – на основе законов шариата. После того как по инициативе талибов стороны согласились на 20 дневную паузу в переговорах в Дохе, представителям Талибана понадобилась консультация со своим руководством и они отправились в Пакистан, а представители правительства ИРА вернулись на родину. За это время афганское правительство выдвинуло еще одну инициативу по поводу дальнейшего ведения переговорных процессов. На своей странице в твиттере Х. Мухеб написал, что «мы предпочитаем продолжить переговоры на территории Афганистана». Причем выбор места для переговоров оставил талибам. Кроме того, он предложил Талибану закрыть свой офис в Катаре и открыть свои офисы в нескольких провинциях Афганистана. Свое предложение он мотивировал тем, что ведение переговоров в Афганистане способствует обеспечению безопасности и доверия, а афганскому обществу – более прозрачному наблюдению и владению этими процессами. По замыслу Мухеба в ходе переговорного процесса в Афганистане, стороны могут получить лучшую информацию о требовании народа к сторонам, а также уменьшатся затраты на их проведение. Он добавил, что для афганцев очень важно, чтобы переговоры проходили в стране, т. е. в переговорах отражались бы желания афганского общества, нежели желания и условия иностранцев.

Заявление Мухеба в действительности отражает желания и требования афганского народа, однако талибы по этому высказыванию Мухеба не сделали никакого официального заявления. В установленный срок делегация афганского правительства прибыла в Катар, представители Движения Талибан с опозданием прибыли в Катар, но переговоры едва не начавшись, прервались по их инициативе.

Сегодня, когда судьба межафганского диалога висит на волоске, переговорный процесс между представителями афганского правительства и Движением Талибан прерван, в обществе идет горячая дискуссия по обустройству будущей системы государственного управления Афганистана. Вообще межафганский диалог Движение Талибан и афганское правительство трактуют по-разному. Если последнее рассматривает его как переговоры между официальными представителями афганского правительства и представителями ДТ в Катаре, то ДТ неоднократно объявляло и подтверждало свою позицию, что ни о каких переговорах с представителями афганского правительства речи не идет, а межафганский диалог для них означает диалог между различными представителями народов Афганистана. Кроме того, вооруженные группировки Талибан усилили атаки на позиции афганской армии, а также террористические атаки в крупных городах Афганистана против мирного населения. Что касается переговоров противоборствующих сторон, разумеется, они могут привести к результату только тогда, когда афганская национальная армия и силы безопасности будут в состоянии защитить страну самостоятельно и не быть зависимы от материальной помощи США. Просить мира у ДТ с протянутой рукой нельзя, ДТ нужно только принудить сесть за стол переговоров. В переговорах должны участвовать представители вооруженных группировок талибов, с одной стороны, с другой – представители афганской армии и полиции во главе с структурой Совета национальной безопасности Афганистана, а политическое крыло талибов и правительство Афганистана могут выступить гарантами в этом процессе.

Очевидно, что при президентстве Трампа отношения между этой группировкой и США выглядят куда лучше, чем отношения между США и властями Афганистана, все требования ДТ практически выполнялись, более того, представители ДТ имеют тесные отношения с официальными лицами многих государств. Они участвуют

в различных форумах и встречаются с официальными лицами многих государств, скорее всего их устраивает только полная капитуляция афганского правительства и вновь образование Эмирата Талибан. Трамп считал, что война в Афганистане американским налогоплательщикам обошлась очень дорого. В результате американцы за эти 18 лет потратили на военную операцию в Афганистане 680 млрд долл.³ Конгресс США одобрил выделение еще 46 млрд долл. в 2018 финансовом году (началось 1 октября)⁴. По другим данным, траты на военное вмешательство США в Афганистане с октября 2001 г. по сентябрь 2019 г. составили 778 млрд долл. Кроме того, Госдепартамент США наряду с Агентством США по международному развитию и другими официальными организациями затратили 44 млрд долл. на проект восстановления Афганистана.

Таким образом, цифра общих затрат на Афганистан составила 822 млрд долл., но она не включает расходы на военную помощь Пакистану, который используется в качестве базы для военных операций в Афганистане. Однако независимое исследование, проведенное учеными университета Брауна, указывает, что официальные цифры стоимости войны в Афганистане сильно занижены⁵ и, по разным оценкам, доходят до 1,2 трлн долл. Что касается человеческих потерь, США в общей сложности потеряли более 2300 военнослужащих и 20660 солдат получили ранения. А с афганской стороны точные цифры потерь никем не подсчитаны.

Другая глобальная угроза этой войны в Афганистане, от которой страдает мировое сообщество – наркоугроза. С 2001 г. США потратили 7,6 млрд долл. на борьбу с производством наркотиков в Афганистане. В результате за эти годы производство наркотических средств увеличилось в 44 раза, Афганистан производит более 80% всех опиатов мира и, согласно статистике ФСКН РФ от 2014 г., ежегодно в Афганистане производится 150 млрд доз героина⁶. Согласно специальному докладу заместителя Генерального секретаря ООН и исполнительного директора Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) о положении дел с производством опиума в Афганистане, в 2017 г. посевная площадь опиумного мака выросла в Афганистане до 328 тыс. га, которых достаточно для производства 9 тыс. т наркотиков в опиумном измерении, или 900 т героина⁷. Примечательно, что 90% посевных площадей находятся в юго-восточных и южных провин-

циях страны, где базируются американские и британские военные силы, а также сконцентрированы основные группировки ДТ. Военные самолеты США с баз в Кандагаре и Гильменде регулярно совершают рейсы в страны Прибалтики и Хорватии. По словам генерала армии Гареева, основные потоки наркотиков идут в Россию и Европу⁸. Этот бизнес приносит различным структурам США 50 млрд долл. в год, а также является главной статьей дохода ДТ, Исламского Государства Хурасана и других террористических группировок, а кроме того, является основным источником напряжения в Афганистане и в регионе в целом. Примечательно, что в Катарское соглашение от 29 февраля 2020 г. между США и ДТ ни одного пункта о борьбе с производством и наркобизнесом не включено.

К сожалению, упущено много времени и напрасно потрачены сотни миллиардов долларов не на развитие основных отраслей экономики страны, а наличные деньги, поступающие в эту страну, укоренили коррупцию, и она, как раковая опухоль, поразила и государственный аппарат на всех уровнях, и общество в целом.

Теперь, когда новая американская администрация приступила к исполнению своих обязанностей в обстановке серьезного политического кризиса, в переговорных процессах крайне логичными кажутся утверждения о том, что не урегулированный характер международных отношений по Афганистану сам по себе создает уникальную возможность для созидательной дипломатии. С этой целью Движение Талибан в одностороннем порядке прерывало переговоры с представителями Афганистана – Мулла Брадар посетил Тегеран, а Аббас Станекзай совершил визит в Москву. Пока нам неизвестно, согласовали ли эти визиты Москва и Тегеран с афганским правительством, но, по словам министра иностранных дел Афганистана Ханифа Атмара, правительство Афганистана не испытывает озабоченности дипломатическими демаршами талибов, так как страны региона ни при каких условиях не желают восстановления «Эмирата Талибан». Новый Чрезвычайный и Полномочный Посол Афганистана в РФ Сайд Тайеб Джавад в частной беседе с представителями афганского научного сообщества в Москве заявил, что получил заверение от дипломатического корпуса в Москве, что Россия не заинтересована в восстановлении режима Талибана, а Москва воспользуется контактами с талибами для обеспечения мира и прекращения насилия в Афганистане.

Пришло время, когда каждой стране придется задуматься над тем, какой вклад она может внести в решение возникшего кризиса в переговорных процессах. Теперь каждый будет изо всех сил стремиться устранить те условия, которые привели к краху. В то время каждому придется посмотреть правде в глаза и признать, что проблемы кризиса можно преодолеть лишь совместными усилиями.

Однако не думаю, что этот вариант развития событий отвечает интересам России и стран региона, а также интересам афганского народа, которого, впрочем, никто не спрашивает и до которого никому нет дела. Хотя, по мнению ряда аналитиков, не очень верится, что США покинут Афганистан навсегда, тем не менее у соседних стран и России есть шанс закрепить свои позиции в Афганистане и в своем регионе в целом.

Им следует обратить повышенное внимание к процессам, происходящим в Афганистане и вокруг него в ближайшей перспективе. Нужно отметить, что ДТ ни в коем случае не станет пророссийским. Несмотря на вторжение США и свержение «Эмирата Талибан» в 2001 г., в случае прихода к власти ДТ доставит больше неприятностей странам региона, нежели США. США могут купить лояльность Талибана и сохранить свои стратегические цели в регионе.

Очевидно, пока Афганистан не станет подлинно свободным и экономически независимым, будут страдать все страны региона. Политическая и экономическая интеграция Афганистана со странами региона и создание общей системы безопасности смогли бы обеспечить благоприятные условия и способствовать выводу войск США и НАТО из Афганистана. Их присутствие в Афганистане не в интересах стран региона, однако их поспешный выход из этой страны может иметь еще больше печальных последствий для Афганистана и региона в целом. Афганистан не только нуждается в военной помощи, но еще больше зависит экономически от стран-доноров. Но это не означает, что странам региона нужно раскошелиться и путем вливания денежных средств обеспечить экономику Афганистана. Территории Афганистана, безусловно, весьма перспективны для добычи различных полезных ископаемых. Борьба за ресурсы только начинается. В их добыче заинтересованы Китай, Индия и США. Так как это тема не входит в рамки нашего обсуждения, то коротко назовём несколько основных ресурсов страны: на севере

страны запасы золота составляют более 40 т, запасы нефти – 200 млн т, а газа – 137 млрд куб. м. Правительство Афганистана одобрило договор с «Китайской национальной нефтегазовой корпорацией», который подразумевает разработку месторождений в бассейне Аму-дарьи с запасами не менее 87 млн баррелей, запасы каменного угля в центральных областях составляют около 85 млн т, в окрестностях Кабула имеются промышленные залежи меди на сумму 274 млрд долл., железной руды – на сумму 421 млрд долл. Медное месторождение Айнак считают самым большим в мире (запасы около 240 млн т руды с содержанием 2,3%), месторождение Хаджи-Гек с запасами порядка 428 млн т, в северо-восточных областях страны, в бассейне р. Кокча, добывается лазурит. По запасам лития страна занимает ведущее место в мире, по оценкам Министерства горной промышленности Афганистана, ресурсный потенциал страны оценивается в 3 трлн долл. США. Американцы строят картину, в которой Афганистан через несколько лет станет развитым, богатым государством – «литиевыми эмиратами». Сегодня в битве за ресурсы Афганистана не участвует Россия, хотя почти все месторождения были в свое время открыты советскими геологами⁹.

За годы президенства Ашрафа Гани создано немало площадок для взаимовыгодного экономического сотрудничества стран региона с Афганистаном. Афганистан не только богат ресурсами, сегодня построены железнодорожные пути сообщения с соседними странами – Ираном, Туркменистаном, Узбекистаном. Идет активная работа по строительству железнодорожных путей сообщения, соединяющих Узбекистан с Пакистаном через территорию Афганистана. Бурно идет работа над строительством дамб и гидроэлектростанций. За последние 10 лет был разработан ряд крупных проектов, таких как ТАПИ, КАСА-1000, Шелковый путь, Лазуритный путь, проект Чабахара, строительство железных дорог, соединяющих Иран и Пакистан со странами центральноазиатских республик, Россией и Китаем. По подсчету экспертов, доходы, полученные Афганистаном только от реализации этих проектов, могли бы быть достаточными для обеспечения экономики Афганистана и снабжения его армии необходимыми материально-техническими средствами. Таким образом можно вывести Афганистан из зависимости от США. Следует отметить, что к реализации данных проектов приложено немало усилий. Она может быть осуществлена

в рамках региональных организаций, таких как ШОС, ОДКБ, Евразийский экономический союз, при полноправном членстве Афганистана в этих структурах. Эти проекты в комплексе могут развивать и интегрировать экономику региона и создать благоприятные условия для вывода иностранных сил из Афганистана.

Россия и страны центральноазиатских республик, а также Китай, Индия и Иран только сообща смогут скоординировать свои усилия и возможности в разных направлениях (политических, военно-политических, экономических, энергетических, а также в реализации региональных проектов).

Реализация этих проектов может обеспечить экономическую и политическую независимость государства и создать большее количество рабочих мест и тем самым может стать факторами обеспечения мира и безопасности Афганистана и региона в целом. Надо отметить, что при достаточном материально-техническом обеспечении афганская армия и полиция вполне в состоянии защитить страну и тем самым обеспечить безопасность региона в целом. При этом необходимо наладить нормальный рабочий контакт с официальным правительством Афганистана и здоровыми силами афганского общества, любые контакты с ДТ являются контрпродуктивными, и не надо забывать, что ДТ с 2003 г. решениями Совета Безопасности ООН и Верховного суда РФ от 14.02.2003 г. № ГКПИ 03–116 еще является террористической организацией. Следовательно, контакты на любом уровне с ними являются нарушением законодательства Российской Федерации.

Если дальше заигрывать в американскую игру или оставаться простыми наблюдателями, или довольствоваться одними пустыми заявлениями в поддержку нового проекта США под прикрытием «национального примирения» и «межафганского диалога», ситуация в скором будущем может в корне поменяться, к сожалению, не в пользу стран региона и России.

¹ Теория политической системы Д. Истона. URL: https://studref.com/467892/politologiya/teoriya_politicheskoy_sistemy_istona (дата обращения: 06.11.2020 г.).

² Основные интерпретации политической системы в современной политической науке. URL: https://studref.com/467891/politologiya/osnovnye_interpretatsii_politicheskoy_sistemy_sovremennoy_politicheskoy_nauke (дата обращения: 06.11.2020 г.).

³ Риа новости. США и Талибан подписали мирное соглашение. URL: <https://ria.ru/20200229/1565564226.html> (дата обращения: 10.11.2020 г.).

⁴ США потратили на операцию в Афганистане почти 680 млрд долл. URL: [News.sputnik.ru/politika/587b5827dc985d1c5edd9adaca99e89e2270f90e](https://news.sputnik.ru/politika/587b5827dc985d1c5edd9adaca99e89e2270f90e) (дата обращения: 10.11.2020 г.).

⁵ Во сколько обошлась США война в Афганистане? URL: bbc.com/russian/features-51687498 (дата обращения: 10.11.2020 г.).

⁶ США потворствуют наращиванию производства наркотиков в Афганистане. URL: <https://iz.ru/news/579340> (дата обращения: 10.11.2020 г.).

⁷ Посевы опиумного мака в Афганистане в 2017 г. достигли рекордных 328 тыс. га. URL: tass.ru/proisshestviya/4730513 (дата обращения: 10.11.2020 г.).

⁸ Федеральная служба безопасности Российской Федерации. URL: [Fsb.ru/fsb/npb/terror.htm](https://fsb.ru/fsb/npb/terror.htm) (дата обращения: 10.11.2020 г.).

⁹ Рыбаков О.И. Афганистан сегодня: минеральные ресурсы, месторождения рудного и россыпного золота. URL: <https://zolotodb.ru/article/12012> (дата обращения: 20.12.2020 г.).

Военно-политическая обстановка в Афганистане на рубеже десятилетий: невнятные перспективы

Резюме. В статье кратко рассмотрена военно-политическая обстановка в Афганистане, основные участники вооруженной борьбы и факторы, оказавшие влияние на их позиции в последние годы в контексте внутривнутриполитической динамики и изменений подходов ряда внешних акторов к разрешению афганского кризиса. Показано, что соотношение сил сторон характеризуется балансом сил при асимметрии в формах и способах ведения вооруженной борьбы, а сам конфликт достиг состояния военного тупика, окончательное преодоление которого может стать возможным только на основе политического компромисса всех участвующих в нем сил.

Ключевые слова: Афганистан, военно-политическая обстановка, силы безопасности, вооруженная оппозиция, вооруженный конфликт, экстремизм

Summary. The article briefly examines the political and military situation in Afghanistan, the main participants in the armed conflict and the factors that have influenced their positions in recent years. They are analyzed in the context of internal political dynamics and changes in the approaches of several external actors of international relations in resolving the Afghan crisis. The research demonstrates that the military power of the sides reached a balance combined with an asymmetry in the forms and methods of warfare. The conflict reached a state of military stalemate, the final overcoming of which can only be possible through a political compromise of all the participating parties.

Key words: Afghanistan, military situation, political situation, security forces, armed opposition, armed conflict, extremism

Военно-политическая обстановка (ВПО) в отдельной стране испытывает на себе влияние политических, экономических, военных, идеологических и других факторов. Ведущими при этом являются политические факторы, однако они лишь «определяют в конечном счете установку на использование или отказ от применения воен.[ной] силы»¹. Но применение военной силы в Афганистане стало

Слинкин Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-2287-9039.

реальностью десятилетия назад, поэтому в изложении материала мы поставили на первое место рассмотрение военного фактора, учитывая, что он оказывает решающее воздействие на участников военно-политических отношений в стране и за ее рубежами при принятии или отказе от принятия тех или иных решений.

Обзор ВПО в Исламской Республике Афганистан (ИРА) невозможен без рассмотрения военных возможностей всех участников конфликта, ведь к вооруженному насилию здесь прибегали и государственные структуры страны, и оппозиционные им внутренние силы, и военные контингенты других стран, действовавшие после оккупации страны США и их союзниками в 2001 г. сначала де-юре в соответствии с санкцией СБ ООН, а затем, с 2003 г., де-факто под руководством НАТО, а также международные и инонациональные исламистские организации, имеющие на афганской территории свои вооруженные формирования.

Основным противником ИРА, созданной на месте не признанного мировым сообществом Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА), оставалась прежде государствообразующая сила ИЭА – Исламское движение «Талибан» (ИДТ). В отличие от ИЭА, уничтоженного в результате внешней агрессии, ИДТ было лишь разгромлено, но не ликвидировано окончательно, что позволило ему, находясь в оппозиции прозападному режиму, оказывать вооруженное сопротивление как силам безопасности ИРА, так и иностранным контингентам.

Афганские национальные силы безопасности (АНСБ). Общая численность по состоянию на июль 2020 г. оценивалась примерно в 289 тыс. человек². Главнокомандующий – президент Ашраф Гани Ахмадзай, координирующий орган – Совет национальной безопасности (СНБ), во главе которого стоит Хамдулла Мохиб. Он также является советником по вопросам безопасности президента страны Ашрафа Гани.

Штаб-квартира АНСБ находится в Кабуле. Состав сил включает: Афганские вооруженные силы (ВС), которые состоят из сухопутных войск (СВ, используется также название Афганская национальная армия – АНА) и военно-воздушных сил (ВВС) и входят в структуру Министерства обороны (МО); Афганскую национальную полицию (АНП) Министерства внутренних дел (МВД) страны; Афганскую мест-

ную полицию (АМП) МВД; Управление национальной безопасности (УНБ) – основную афганскую спецслужбу.

АНСБ по-прежнему находятся в полной зависимости от внешнего финансирования. Так, с 2014 г. из ежегодного получаемых ими 5–6 млрд долл. 75% выделяли США. От их партнеров поступали средства примерно в 1 млрд долл., а от правительства ИРА – только 500 млн долл. По мнению американских военных, обнародованном в июне 2020 г., независимо от уровня насилия в стране, до 2024 г. ИРА не сможет достичь самодостаточности в средствах обеспечения деятельности АНСБ³.

Афганские ВС. Численность оптимальная – 195 тыс. человек. Оценка численности ВС ИРА, как и в целом АНСБ, на каждый конкретный момент времени затруднена в связи с ее значительными колебаниями. На нее влияют боевые потери, высокий уровень дезертирства, показатели работы органов комплектования по набору добровольцев, зависящие от уровня контроля правительством над территориями, и т. п.

Организационно-штатная структура ВС в последние пять лет, исключая формирование в 2019 г. нового армейского корпуса (АК) на севере страны, не претерпела существенных изменений.

Во главе ВС стоит министр обороны – с 2018 г. эту должность занимает Асадулла Халид. Непосредственное руководство ВС – прерогатива Генерального штаба (ГШ). Структура ВС двувидовая – СВ и ВВС. Особое место в СВ занимают Силы специальных операций (ССО, в ряде источников – Силы специального назначения (силы СпН), непосредственное оперативное и административное управление которыми осуществляет ГШ.

СВ включают семь АК (региональных командований): 201-й «Разлив» («Силаб») со штабом в Кабуле; 203-й «Гром» («Тандар») – в Гардесе; 205-й «Герой» («Аталь») – в Кандагаре; 207-й «Победа» («Зафар») – в Герате; 209-й «Сокол» («Шахин») – в Мазари-Шарифе; 215-й «Майванд» – в Лашкаргахе, 217-й «Памир» – в Кундузе. 217-й АК ведет свое существование с апреля 2019 г., когда в связи с обострением ситуации на севере страны зона ответственности 209-го АК была сокращена до провинций Балх, Джаузджан, Фарьяб, Саманган и Сарипуль, а провинции Кундуз, Баглан, Тахар и Бадахшан переданы под контроль 217-го АК⁴. АК имеет бригадную структуру и включает 3–4 легкие пехотные бригады численностью до 3 тыс. человек.

Помимо 201-й АК в столице дислоцируется 111-я (кабульская) дивизия. Она состоит из бригады быстрого реагирования и двух легких пехотных бригад (1-й и 2-й). Предназначение дивизии – обеспечение безопасности резиденции главы государства, правительственных зданий и ГШ ВС.

ССО АНА (численность – более 15 тыс. чел.) включают штаб во главе с командующим, дивизию ССО и обеспечивающие подразделения. Дивизия ССО состоит из двух бригад и пяти батальонов СпН («Ктах Хас», быстрого реагирования, разведывательного, ПсО и МТО), авиакрыла и учебного центра.

ВВС Афганистана (численность – 8,1 тыс. чел.) состоят из штаба во главе с командующим, соединений (авиационных крыльев) и частей (авиационных эскадрилий, вертолетных эскадрилий, отдельных отрядов вертолетов), Военного авиационного университета. Базирование авиационных крыльев, авиационных эскадрилий, вертолетных эскадрилий и отдельных отрядов вертолетов осуществляется на авиабазы «Кабул», «Кандагар» и «Шинданд», а также 62 аэродрома и вертолетные площадки.

Обеспеченность ВВТ. Заявленный переход на западные образцы стрелкового оружия в целом завершен. Основным артиллерийским вооружением афганской армии остаются 122-мм гаубицы Д-30 советского производства. Бронетехника западных образцов представлена гусеничными БТР М113 и колесными БТР М1117. Однако мобильность войск достигается главным образом за счет широкого применения американских армейских внедорожников «Хамви» модификаций М1151, М1152 и М1114, вооруженных 12,7-мм и 7,62-мм пулеметами.

На вооружении ВВС, по данным на 2019 г., находились 22 самолета боевой авиации, 28 – вспомогательной и 89 вертолетов различного назначения. Боевая авиация включала легкие штурмовики А-29А «Супер Тукано», военно-транспортная – С-130 «Геркулес», учебная – «Сессна-208В». С начала 2014 г. афганские ССО применяют одномоторные турбовинтовые самолеты Пилатус РС-12 в разведывательном варианте⁵. Эксплуатировались вертолеты «Читал», Ми-17 и, возможно, Ми-35. Продолжалось поступление многоцелевых вертолетов MD-530F и УН-60. 18 сентября 2020 г. афганские ВВС получили от американцев еще четыре штурмовика А-29А «Супер Тукано», в ближай-

шие месяцы ожидается передача США еще нескольких самолетов и вертолетов различных типов.

Подготовка командного и рядового состава осуществляется: офицеров – в Национальной военной академии, Командно-штабном колледже, Военном авиационном университете, а также за границей; сержантского и рядового состава – в учебных центрах АК и в дивизии ССО. Учебный центр, непосредственно подчиненный ГШ, расположен в Кабуле.

Афганская национальная полиция находится в подчинении МВД (министр – Мохаммад Масуд Андараби). Министерство отвечает за функционирование всех структурных элементов АНП, общая численность которой 149 тыс. человек (данные 2019 г.). *Организационно-штатная структура* АНП включает афганскую полицию в форме (АПФ, Afghan Uniformed Police), пограничную полицию, полицию общественного порядка (Afghan National Civil Order Police), дорожную полицию, специальные подразделения полиции или полицейских командос (Police Special Units), местную полицию, уголовный розыск, органы паспортного контроля, пожарные подразделения и т. п. Подготовка кадров осуществляется в Афганской национальной полицейской академии, Колледже афганской пограничной полиции, Центральном учебном центре полиции в Кабуле и семи региональных учебных центрах. С начала формирования АНП в качестве ведущей страны по оказанию помощи в этом процессе выступила Германия. Ее усилия оказались недостаточными и к подготовке полиции подключились другие страны и США как основной донор процесса обучения АНП⁶.

Крупнейшая организационно-штатная структура АНП – *афганская полиция в форме* (73% от общей численности), на которую возложены полицейские обязанности в соответствии с Законом о полиции. Однако, как и для других структур полиции, деятельность, полностью соответствующая этому закону для АПФ, лишь далекая перспектива, что признается даже на официальном сайте МВД ИРА: «За последнее десятилетие полиция чаще использовалась для борьбы с повстанцами в ущерб возложенной на нее ответственности и обязанностям. Министерство внутренних дел теперь намерено в ближайшие десять лет вернуть полицию к исполнению своих основных обязанностей в соответствии с законом». Руководство МВД признает,

что для этого необходимо предпринять следующее: «Роли и обязанности АНП, АНА, национальной безопасности, генеральной прокуратуры и афганской судебной системы будут разделены, а их деятельность будет координироваться в соответствии с действующим законодательством страны»⁷.

АПФ располагает полицейскими участками и КПП в 364 округах страны и способна реагировать на возникающие инциденты в каждой из 34 провинций Афганистана. Ее численность составляет (данные 2019 г.) – 108391 человек (59392 патрульных полицейских, 27452 сержанта и 21547 офицеров)⁸.

Из других структурных элементов АНП в вооруженной борьбе с противниками режима активное участие принимают полиция общественного порядка и специальные подразделения полиции.

Численность *Афганской национальной полиции общественного порядка* к 2019 г. достигла 15 тыс. человек, сведенных в семь бригад и 33 батальона, дислоцированных в различных районах страны. Присущая им мобильность позволяет осуществлять быструю переброску этих сил в любой район, где требуется их поддержка в наведении гражданского порядка, противодействия наркопроизводству и наркотрафику, в борьбе с вооруженными отрядами оппозиции.

Специальные подразделения полиции находятся в подчинении Главного управления специальных подразделений полиции. В их задачи входит борьба с незаконным оборотом наркотиков, организованной преступностью и вооруженной оппозицией. Организационно они состоят из пяти боевых отрядов, предназначенных для проведения контртеррористических действий (операций). Их численность не афишируется⁹.

Афганская местная полиция (АМП) также находится в подчинении МВД, однако традиционно выделяется в самостоятельный структурный элемент АНСБ. Такое значение, вероятно, связано с большими надеждами, которые возлагало на эти силы американское командование, и в частности участвовавшие в их создании с 2009 г. ССО США. После того, как в июне 2010 г. руководство МССБ было возложено на генерала Дэвида Петрэуса, этот американский генерал пытался перенести свой иракский опыт на афганскую почву. В Ираке, в суннитской провинции Анбар, он сумел договориться с племенными вождями и с помощью местного ополчения разгромить фор-

мирования «Аль-Каиды». В Афганистане АМП также была предназначена для выполнения локальных задач в местах проживания отобранных в ее состав «полицейских». 15 марта 2011 г. генерал Д. Петрэус заявил, что «инициатива афганской местной полиции стала важным дополнением к общей кампании» обеспечения безопасности в охваченной вооруженным насилием стране¹⁰.

В 2020 г. АМП насчитывала 18 тыс. человек и действовала в 31 из 34 провинций страны. Ее финансирование осуществляли США. На АМП возложены следующие задачи: защита местного населения, административных органов, инфраструктурных объектов от вооруженных нападений; содействие мероприятиям по реконструкции и развитию; противодействие предоставлению убежища боевикам и помощь другим силовым структурам в обеспечении безопасности¹¹.

Управление национальной безопасности (УНБ). Численность УНБ оценивается более чем в 30 тыс. подготовленных сотрудников, включая как прошедших специальную подготовку в США и странах Запада, так и бывших офицеров службы безопасности ДРА/РА. Ведущая роль в формировании ведомства принадлежит ЦРУ США. Финансирование афганского УНБ обходится США в 6,4 млрд долл. каждые два года¹².

С сентября 2019 г. УНБ руководит Ахмад Зия Сарадж. Он подчиняется администрации президента страны. Штаб-квартира УНБ находится в Кабуле, а его региональные отделения развернуты во всех 34 провинциях страны. За ее границами действуют специальные агенты, которые, как правило, используют для прикрытия афганские зарубежные представительства – посольства, консульства, агентства и пр. УНБ сотрудничает с ЦРУ США, спецслужбами стран НАТО и ряда региональных государств (Индия, Иран и др.). Руководивший этим ведомством в 2004–2010 гг. Амрулла Салех основных врагов УНБ обозначил введенным им понятием «ячейка 3D», куда включил ИДТ, Межведомственную разведку Пакистана (ISI) и организацию «Исламское государство» (ИГ)¹³.

Осенью 2019 г. была обнародована информация о намерении реформировать структуру и кадровый состав УНБ для превращения ее в одну из наиболее эффективных спецслужб региона с одновременным повышением значимости в политической системе и обеспечении безопасности ИРА. Эти усилия в 2020 г. дали обратный эффект. Количество терактов не уменьшилось, что связывали как с сокраще-

нием численности иностранных военных контингентов в ИРА, так и снижением финансирования и эффективности УНБ.

Деятельность УНБ, особенно ее специальных подразделений, часто вызывает нарекания внутри страны и за рубежом. Многие афганцы ассоциируют ее с жесткой практикой спецслужб левого режима 1978–1992 гг., но сейчас проводимую при содействии ЦРУ США. В Кабуле и различных районах страны спецподразделения УНБ проводят рейды, в том числе ночные, захваты и аресты членов запрещенных организаций с применением оружия, жертвами которых становятся мирные граждане. Утверждается, что в них принимают участие как сотрудники ЦРУ, так и созданные с их помощью в некоторых провинциях подконтрольные УНБ вооруженные формирования (в Хосте, Пактии, Пактике, Нангархаре, Вардаке и др.), к примеру, так называемые Силы защиты Хоста, обвиняемые в похищениях, пытках и убийствах мирных жителей. Их преступления в девяти провинциях задокументированы в отчете организации Human Rights Watch (HRW) на конец 2019 г. Афганское руководство не признает и не комментирует эти факты, однако критика в адрес УНБ растет, ведомство обвиняется не только в неразборчивом применении силы, но и в давлении и даже покушениях на известных в стране и за рубежом представителей политической оппозиции под надуманными предлогами их принадлежности к «террористам» или руководителям «боевиков»¹⁴.

Вооруженная оппозиция. Спектр положенных в основу деятельности вооруженной оппозиции идеологических установок не широк и представляет собой идеи главным образом исламизма различной степени радикализации. Наиболее мощным и возникшим исключительно на афганской почве остается ИДТ, признаваемое властными структурами страны и их зарубежными покровителями наиболее опасным противником. Глава УНБ Ахмад Зия Сарадж 30 ноября 2020 г. отметил, что «талибы не стремятся к миру, и они закладывают основу для деятельности других 20 террористических группировок»¹⁵.

За четверть века существования *Исламского Движения Талибан* одной из его особенностей стало сочетание опыта вооруженной борьбы с навыками государственного управления, приобретенного в период нахождения у власти в ИЭА. Это наложило свой отпечаток

на организационную структуру движения. Сейчас, когда ИДТ продолжает вести вооруженную борьбу, несмотря на участие в мирном процессе, оно сохраняет основные атрибуты вертикали государственной власти, носящие иные названия (министерства – комитеты, региональные парламенты – фронтовые шуры, губернаторы – теневые губернаторы, военные округа – фронты или регионы и т.п.). Вместе с тем движение остается достаточно разрозненным, слабоцентрализованным и носит сетевой характер, что, однако, оправданно в условиях продолжения им вооруженной борьбы.

Численность ИДТ оценивается в 55–80 тыс. человек, а с учетом тех, кто поддерживает деятельность движения, но в боевых действиях не участвует, может достигать 100 тыс. Такие данные можно признать близкими к действительности: в июле 2019 г. исполняющий обязанности генерального секретаря ОДКБ В.А. Семериков отмечал, что численность ИДТ на тот момент достигла 60 тыс. человек и продолжала расти¹⁶. При этом часть населения Афганистана, особенно пуштунского, симпатизирует талибам и оказывает негласную поддержку их деятельности. Об этом свидетельствует продолжение ИДТ партизанской борьбы, которая невозможна без лояльности хотя бы части местного населения. Деятельность внутри страны обеспечивается наличием баз за ее пределами и значительными финансовыми ресурсами. Так, совокупный годовой объем финансовых поступлений движения оценочно составляет от 300 млн до более чем 1,5 млрд долл.¹⁷

Организационная структура. Во главе ИДТ с мая 2016 г. стоит амир моулави Хайбатулла Ахундзада, носящий титул «повелителя правоверных» (амир аль-муминин). Первым его заместителем является Сираджуддин Хаккани – лидер аффилированной с ИДТ террористической организации «Сеть Хаккани»; двумя другими заместителями стали мулла Мухаммад Якуб (старший сын многолетнего лидера ИДТ муллы Омара) и мулла Абдул Гани Барадар.

Коллективным органом при амире является Руководящий совет (Кветтская шура), в который, по данным на начало 2020 г., входило 20 человек. Эту шуру еще называют теневым правительством движения, хотя в большей степени эта характеристика подходит для других руководящих органов талибов – комиссий, в ведении которых находятся различные направления деятельности. Созданы и действуют

следующие комиссии: военная; политическая; по разведке; финансовая; судебная; по средствам массовой информации; по здравоохранению; по подготовке, обучению и высшему образованию; по сельскому хозяйству, животноводству, ушру и закяту; по вербовке и информационно-пропагандистской деятельности; по делам заключенных; по неправительственным организациям; по предотвращению жертв среди гражданского населения и рассмотрению жалоб; по древностям; по пограничному контролю; по делам мучеников и инвалидов.

Военная организация ИДТ находится в ведении военной комиссии. В функции комиссии входит руководство вооруженной борьбой (планирование и ведение боевых действий, управление «фронтами» и отрядами, развертывание сил, совершение резонансных диверсионно-террористических актов), смена ответственных за регионы («командующих» фронтами), командиров отрядов и подготовка боевиков, а также назначение теневых губернаторов провинций и их заместителей.

После ликвидации в 2015 г. лидера ИДТ Ахтара Мансура ответственность военной комиссии была разделена на две зоны – юго-западную и восточную. С назначением в мае 2020 г. нового главы комиссии муллы Мухаммада Якуба обе зоны были объединены под его руководством. Однако его заместителями стали Садар Ибрагим (прежний руководитель комиссии) и Абдул Кайюм Закир, сохранившие ответственность за военную деятельность в двух зонах. Назначение муллы Мухаммада Якуба, обладающего в основном не военным, а политическим опытом, по мнению многих экспертов, имело целью достижение более тесной координации между военной и политической комиссиями ИДТ в условиях продвижения мирного процесса¹⁸.

ИДТ делит территорию Афганистана на семь регионов (фронт) – южный, западный, Лойя (большая) Пактия, центральный, восточный, северо-восточный и северный. В военной сфере в большей или меньшей степени задействованы и другие комиссии, особенно политическая во главе с муллой Абдул Гани Барадаром, располагающая официальным представительством в Дохе (Катар), разведывательная, по вербовке и информационно-пропагандистской деятельности и др.

ИДТ продолжает оставаться неким «зонтиком» для терроризма в ИРА и продолжения деятельности на ее территории ряда экстре-

мистских, в том числе зарубежных, обладающих статусом «международных» или претендующих на него группировок.

«Исламское государство» (Велаят Хорасан ИГ) в последние годы по исходящей от него угрозе неизменно ставится руководством стран – членов ОДКБ, государств НАТО и ИРА на второе место после ИДТ. При этом численность ИГ в Афганистане всегда была относительно невелика и даже в алармистских заявлениях некоторых политиков и медийных экспертов обычно оценивалась в пределах от 3–5 максимум до 10 тыс. человек. Между тем реальная, а не мнимая, продуцированная теми или иными политическими расчетами численность боевиков ИГ в 2019–2020 гг. неуклонно снижалась, как, впрочем, и угроза с их стороны афганской государственности и вероятность массированного проникновения отрядов джихадистов ИГ в страны Центральной Азии. По нашему мнению, речь здесь может идти лишь о «просачивании» возвращающихся из Ирака и Сирии джихадистов – выходцев из этих республик.

Численность боевиков ИГ в ИРА в начале 2020 г. оценочно составляла около 2500 человек. Причем около 2100 из них находились в восточной провинции Кунар. В некоторых других провинциях существовали «спящие» ячейки организации, в частности в провинции Фарьяб отмечалось до 25 «залегших на дно» боевиков¹⁹. Через пять месяцев оценки претерпели незначительные изменения в сторону их уменьшения: боевиков ИГ насчитывалось уже около 2200 человек, большинство из них, как и в начале года, были сосредоточены в труднодоступных горных районах провинции Кунар. Причем даже такие данные, скорее всего, несколько завышены, так как в конце 2019 г. в результате двухмесячных операций АНСБ нанесли поражение отрядам ИГ в провинции Нангархар – прежде главном районе их сосредоточения – и произвели аресты выявленных членов «спящих» ячеек в других частях страны. Только в провинции Нангархар властям сдались более 1400 участников ИГ, включая членов их семей. Большинство из них были афганцами²⁰.

В январе 2020 г. это позволило даже говорить о ликвидации Велаята Хорасан. Отечественный политолог А.Н.Серенко связал «разгром» филиала ИГ с временным, ситуативным совпадением интересов афганских властей, ИДТ и их пакистанских покровителей под давлением продвижения США проекта урегулирования ситуа-

ции для реализации обещания президента Д. Трампа о выводе войск из Афганистана²¹.

Зимой и весной 2020 г. ИГ в ИРА продолжало нести потери. В апреле и мае были арестованы глава афганского «филиала» Аслам Фаруки, его предшественник и несколько других руководителей, а после гибели в январе лидера узбекских боевиков Велаята Хорасан Абдухолика ряд боевиков этой национальности покинули организацию. Новым лидером «велаята» стал Матиулла Камахвал, прежде возглавлявший его силы в провинции Кунар. В состав руководства вошли сирийцы Абу Саид Мохаммад аль-Хорасани и Абдул Тахир.

Об ослаблении позиций «филиала» ИГ в ИРА свидетельствуют также снижение его финансирования и использование боевиками оружия худшего качества, чем у «конкурирующих» с ним группировок джихадистского толка. Вместе с тем Велаят Хорасан продолжал сохранять группы боевиков и «спящие» ячейки во многих провинциях страны, связь с руководящим ядром ИГ в Ираке и Сирии, вербовать новых боевиков через сеть Интернет, вести пропагандистскую деятельность в медресе и университетах ИРА, включая кабульские, а также поддерживал отношения с другими базирующимися в стране экстремистскими группировками, такими как «Техрик-е Талибан Пакистан», отколовшейся от нее в 2014 г. «Джамаатуль-Ахрар», «Лашкар-е Ислам» и др.²² Поэтому министр иностранных дел России С.В. Лавров в обращении к участникам международной конференции по Афганистану 23–24 ноября 2020 г. в Женеве справедливо отмечал: «Наше беспокойство продолжают вызывать деградирующая обстановка в сфере безопасности, особенно на севере Афганистана, где боевики ИГИЛ, концентрируя свои отряды, не оставляют попыток создать плацдарм для экспансии в Центральную Азию»²³.

«Аль-Каида» продолжала свое присутствие в Афганистане. Вместе с тем примечательно, что афганские власти не включали ее во введенное А. Салехом понятие «ячейка 3D», в которую входят главные враги УНБ и афганского государства (ИДТ, ISI и ИГ). Однако деятельность «Аль-Каиды» оценивалась Западом в качестве одной из причин отсутствия безопасности и стабильности в ИРА. Поэтому условием подписанного представителями США и ИДТ 29 февраля 2020 г. в Дохе (Катар) соглашения стало «обязательство талибов не позволять террористическим группировкам, включая “Аль-Ка-

иду”, угрожать США и их союзникам с территорий, которые они контролируют»²⁴.

Деятельность «Аль-Каиды» в начале 2020 г. отмечена в 12 афганских провинциях (Бадахшан, Газни, Гильменд, Забуль, Кунар, Кундуз, Логар, Нангархар, Нимроз, Нуристан, Пактия и Хост), однако наиболее заметной она была в провинциях Забуль, Кунар, Нуристан, Пактия и Хост. Численность боевиков организации в Афганистане оценивали в 400–600 человек. В отношении любых переговоров с противниками джихадистов «Аль-Каида» занимала резко негативную позицию и стремилась отговорить лидеров и полевых командиров ИДТ от любых контактов с представителями США и ИРА. Одновременно она предпринимала усилия по привязке к себе других экстремистских организаций, используя увеличение им финансирования и другой помощи с целью продолжения вооруженной борьбы в Афганистане даже при условии выхода из нее ИДТ²⁵.

Вопреки подписанному США с ИДТ соглашению между руководством движения и «Аль-Каидой» проводились регулярные встречи для обсуждения вопросов оперативного планирования, а в структурах ИДТ продолжали находиться советники от этой организации. Согласно оценке ООН, данной в мае 2020 г., «всякие предположения о разрыве между ними – не более чем домыслы», а связи между двумя организациями характеризовались как «отношения глубокой личной привязанности (основанной в том числе на узах брака) и давнего братства»²⁶.

Другие экстремистские группировки в Афганистане, в том числе состоящие из иностранных джихадистов, продолжали пользоваться покровительством ИДТ. Этому способствовал как сетевой характер движения, так и неопределенность собственного позиционирования экстремистских группировок, готовых в зависимости от складывающейся ситуации «выступать» под брендом ИДТ или другой «известной» террористической организации.

Наибольшую обеспокоенность России и центральноазиатских государств вызывала деятельность в Афганистане «этнических» экстремистских группировок «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), отколовшейся от него «Группы исламского джихада», «Катиба имам аль-Бухари», «Катиба Таухидваль-Джихад», созданных выходцами из тюркоязычных Узбекистана и Кыргызстана, и основанной таджикскими джихадистами «Исламской группой Узбекистана» (ИГУ).

жиками организации «Джамаат Ансаруллах». Службы безопасности ИРА, стран Центральной Азии и России вынуждены учитывать их достаточно разветвленный характер, пропагандистские возможности, широкую сеть вербовки, опыт вооруженной борьбы, приобретенный в других горячих точках, в том числе в Сирии, связи с зарубежными экстремистами, к примеру коалицией исламистских группировок «Хайят Тахрир аш-Шам», под влиянием которой находятся и участвуют в боевых действиях в Идлибе (Сирия) члены «Катиба Таухидваль-Джихад», «Катиба Имам аль-Бухари» (всего около 220 боевиков, из них в Афганистане около 70) и Группа исламского джихада (около 250 боевиков в основном в провинциях Бадахшан, Сарипуль, Забуль и Тахар). Зависимость от «Хайят Тахрир аш-Шам», которая, в свою очередь, поддерживает связи с турецкими спецслужбами, позволяет центральноазиатским группировкам иметь свои ячейки на турецкой территории и получать через них денежные средства²⁷.

ИДУ базируется главным образом в северных провинциях Фарьяб, Джаузджан, а также на северо-востоке – в Бадахшане и Кундузе. Независимый статус организация утратила и входит в состав ИДТ, самостоятельной оперативной деятельности не ведет. Стремление ИДТ осуществлять как можно более плотный оперативный и финансовый контроль над центральноазиатскими группировками преследует цель ограничить влияние на них ИГ и предотвратить уход членов группировок в эту организацию.

В провинциях Нангархар, Кунар и Нуристан действуют группировки «Техрик-е Талибан Пакистан» (около 500 боевиков в Кунаре и около 180 в Нангархаре), «Джейш-е Мохаммад» (около 200 в Нангархаре и 30 в Кунаре) и «Лашкар-е Тайба» (около 800 в Нангархаре и 220 в Кунаре). Джихадисты этих организаций зачастую рассредоточены по отрядам ИДТ.

Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ) состоит из мусульман-уйгуров, базируется главным образом на северо-востоке ИРА в провинциях Бадахшан, Кундуз и Тахар (около 500 боевиков), т.е. в относительной близости к Синьцзян-Уйгурскому автономному району КНР, за «освобождение» которого они выступают. Однако «основные» силы уйгурских экстремистов под покровительством «Хайят Тахрир аш-Шам» набираются опыта вооруженной

борьбы в сирийском Идлибе, где действуют две связанные с движением группировки – это так называемые «Большой туркестанский джамаат» (около 3000 боевиков) и «Малый туркестанский джамаат» (до 300 боевиков), средства на содержание которых выделяет уйгурская диаспора²⁸.

Иностранные военные контингенты с начала 2015 г. продолжали находиться в Афганистане в рамках Учебно-тренировочной миссии (УТМ) «Решительная поддержка» («Resolute Support mission») и операции «Страж свободы» («Freedom's Sentinel») в соответствии с подписанными в Кабуле 30 сентября 2014 г. «Соглашением о сотрудничестве в сферах безопасности и обороны между Соединенными Штатами и Исламской Республикой Афганистан» и «Соглашением о статусе сил» («Status of Forces Agreement» – SOFA)²⁹.

По данным на ноябрь 2020 г., в УТМ принимало участие около 12 тыс. военнослужащих из 38 стран. Они были развернуты в центре (в Кабуле и Баграме), Мазари-Шарифе, Герате, Кандагаре и провинции Лагман для обучения персонала и консультирования различных структур АНСБ³⁰. Основной задачей операции «Страж свободы» после подписания соглашения США с ИДТ остается борьба против «Аль-Каиды» и ИГ в Афганистане. «Страж свободы» является головной операцией, в рамках которой, по меньшей мере по американским взглядам, и проводится руководимая НАТО УТМ «Решительная поддержка» по оказанию помощи в строительстве АНСБ³¹.

Зафиксированный в соглашении ИДТ и США от 29 февраля график вывода иностранных войск соблюдается. Через четыре с половиной месяца американцы уменьшили численность своих военнослужащих до 8,6 тыс. человек и передали афганцам пять баз в провинциях Гильменд, Урузган, Пактика и Лагман. Союзники США в ИРА также были обязаны пропорционально сократить свое военное присутствие. Завершить вывод войск намечено к 1 мая 2021 г. при условии, что ИДТ выполнит взятые на себя обязательства³². В ноябре 2020 г. численный состав УТМ «Решительная поддержка», как уже было отмечено, включал 12 тыс. иностранных военнослужащих, из них около 4 тыс. американцев. Вместе с тем продолжалась и операция «Страж свободы», в которой принимали участие «тысячи других [военнослужащих] сил США»³³, что при заявленных 5 тыс. аме-

риканцев в погонах, остававшихся в ноябре в ИРА, может означать либо недостоверность приводимых данных, либо участие в операции «Страж свободы» дислоцированных вне Афганистана американских сил, например военнослужащих Объединенного центрального командования ВС США (ОЦК) на сухопутных объектах в зоне ответственности или развернутых на кораблях 5-го оперативного флота в Индийском океане.

Оценивая перспективы самостоятельного применения АНСБ без поддержки, в первую очередь авиационной, зарубежных военных контингентов после их возможного вывода в середине следующего года из ИРА, командующий этими силами американский генерал С. Миллер выразил определенный скептицизм, заявив лишь, что они (АНСБ) «должны быть готовы» обеспечивать безопасность афганского народа³⁴.

Соотношение сил сторон даже при определенных допусках, вытекающих из приблизительности данных, может составлять от 3:1 до 4:1 в пользу проправительственных сил. Казалось бы, это расставляет точки над «i» в выделении сильной и слабой стороны и демонстрирует преимущество АНСБ над оппозиционными иррегулярными вооруженными формированиями (ИВФ). Однако даже до 2015 г., когда в дополнение к АНСБ талибам противостояли до 150 тыс. иностранных военнослужащих, добиться военной победы над ними так и не удалось.

Причинами такого положения является асимметричность вооруженного конфликта и высокая эффективность партизанских методов ведения борьбы. Их результативность связана: во-первых, с тем, что регулярные ВС все более зависят от устойчивого МТО; во-вторых, с уязвимостью большинства образцов ВВТ даже к незначительным повреждениям; в-третьих, с ростом боевых возможностей применяемых боевиками носимых образцов вооружения (ПТУРС, РПГ, ПЗРК, мины, фугасы, СБУ); в-четвертых, с использованием ИВФ компактных мобильных средств связи, которые обеспечивают взаимодействие не только между отрядами или группами, но и отдельными боевиками³⁵.

Ситуация в ИРА скорее ближе к состоянию баланса сил, чем к превосходству АНСБ над ИВФ. В 2020 г. их заметным преимуще-

ством стало лишь расширение практики нанесения по ИВФ воздушных ударов легкими штурмовиками А-29А «Супер Тукано», использовавших данные целеуказания многоцелевых разведывательных самолетов Пилатус РС-12 (модификация РС-12М Eagle)³⁶.

Однако площадь контролируемых ИРА территорий продолжала сокращаться, подтверждая тенденцию, наметившуюся еще с завершением миссии МССБ в 2014 г. В отчете Специального генерального инспектора по восстановлению Афганистана от 30 января 2019 г. доля находящихся под контролем правительства округов сократилась до 53,8%³⁷. По данным, приведенным заместителем секретаря Совбеза России А.Н. Венедиктовым на ежегодной встрече секретарей совбезов стран СНГ в ноябре 2020 г., численность боевиков движения достигла «практически 70 тысяч», уровень насилия существенно возрос, боевые действия активизировались почти на всей территории страны, а территория под контролем АНСБ продолжала неуклонно сужаться³⁸.

Военно-политическая обстановка в Афганистане во многом определяется конкретной военной стратегией и тактикой противостоящих сторон. Очевидно, что в 2020 г. оборонительной, пассивной стратегии и тактике АНСБ была противопоставлена наступательная, агрессивная стратегия и тактика ИДТ. Однако ни одна из сторон вооруженного конфликта не смогла перехватить стратегическую инициативу и кардинально укрепить свои позиции. С началом 12 сентября 2020 г. межафганских переговоров в Дохе повысилась и боевая активность талибов, особенно в начале октября, когда ИДТ предприняло попытку сосредоточить усилия своих отрядов на захвате ряда населенных пунктов в провинциях Гильменд и Кандагар. Цель этих усилий – повлиять на переговоры и заставить противостоящую сторону идти на уступки. Несмотря на ожесточенный характер боевых действий, правительственные силы сумели взять ситуацию под контроль.

Тот факт, что к концу 2020 г. стабильность и безопасность в Афганистане не обеспечена подтвердил 28 декабря первый вице-президент ИРА А. Салех. Обстановка в столице, как и по всей стране, оставалась нестабильной, что, по его мнению, требовало увеличения численности столичной полиции вдвое и передачи блокпостов в ведение АНА³⁹.

В 2020 г. наибольшее влияние на ВПО в ИРА оказали следующие **политические факторы**:

- политический кризис в стране, острая фаза которого продолжалась до мая 2020 г.: причиной его возникновения стали неоднозначные результаты президентских выборов в сентябре 2019 г.;
- подписание 29 февраля в Дохе соглашения между США и ИДТ;
- начало там же 12 сентября прямых переговоров между делегацией ИРА и ИДТ.

Все три фактора непосредственно связаны друг с другом и их взаимовлияние столь велико, что позволяет рассматривать их как единую цепь событий, во многом обусловленную стремлением внешних кураторов к освобождению из «афганского капкана», в который они попали в результате собственных решений, не просчитанных на перспективу и не основанных на учете прежнего опыта военного вмешательства во внутренние дела Афганистана.

Отсутствие единства политической элиты ИРА, ее раскол по политическому, этноконфессиональному и клановому признакам, который наиболее зримо проявился во время политического кризиса в стране, негативно сказывается на соотношении сил сторон внутреннего вооруженного конфликта, усиливая позиции вооруженной оппозиции. Отсутствует также и сколь-нибудь прочная поддержка населением избранной в ИРА власти, что демонстрируют следующие данные, лишь 12% от 15 млн населения избирательного возраста сумели принять участие в выборах, а за кандидатуру президента А. Гани проголосовали только 6% избирателей (923592 избирателя, или 50,64% поданных голосов). В марте 2020 г. это дало повод бывшему заместителю министра обороны Тамиму Асей заявить, что два кандидата «сегодня раскололи страну на три политических географических регионы с двумя президентами и одним амиром»⁴⁰. Под «амиром» он подразумевал лидера ИДТ.

Подписание в Дохе 29 февраля 2020 г. соглашения или, скорее, сделки с ИДТ на фоне общего снижения влияния США на Ближнем и Среднем Востоке подавалось американской администрацией как «великое достижение».

Ключевыми официальными положениями сделки стали:

- обещание США закрыть пять баз и сократить количество своих военнослужащих в ИРА до 8,6 тыс. человек к середине июля 2020 г., а также завершить их окончательный вывод к маю 2021 г.;
- заверения руководства ИДТ в том, что оно не позволит другим экстремистским группировкам использовать афганскую территорию для создания угрозы США и их союзникам;
- правительству ИРА вменялось в обязанность освободить 5 тыс. пленных талибов в обмен на освобождение 1 тыс. представителей АНСЕ, захваченных ИДТ;
- США брали на себя обязательство вступить в переговоры с СБ ООН по снятию санкций с членов ИДТ;
- предусматривалось в марте начать переговоры между ИДТ и руководством ИРА о всеобъемлющем прекращении огня.

Однако межафганские переговоры были начаты не в марте, а лишь 12 сентября. За эти полгода военно-политическая обстановка в ИРА не претерпела положительных изменений, уровень насилия оставался, как и прежде, недопустимо высоким.

Оценивая факт начала прямого диалога основных противоборствующих сторон по мирному урегулированию обстановки в Афганистане, необходимо признать, что в перспективе эти контакты способны кардинально повлиять на характер ВПО и привести к разрешению долголетнего вооруженного конфликта. На этом пути обеим сторонам неизбежно придется идти на компромиссы. Однако в 2020 г. готовности к этому они не проявили, даже несмотря на беспрецедентное давление со стороны внешних кураторов, заинтересованных, и это тоже нужно признать, не столько в мирном урегулировании конфликта, сколько в реализации собственных интересов, связанных с чем угодно – требованиями геополитики, «успешным» завершением очередной войны на Ближнем и Среднем Востоке, не имея перспектив добиться в ней военной победы, возможности остаться в Афганистане при новых властях, выполнении предвыборных обещаний, повышением собственного рейтинга в общественном мнении и т. п. – только не чаяний афганского народа, уставшего от долголетнего вооруженного конфликта.

Что касается ВПО в 2020 г., то конкретное, ситуативное, влияние на нее переговоров можно расценить скорее как негативное, чем позитивное. ИДТ в ходе этапа, предварявшего заключение сделки

с США, после его подписания 29 февраля, перед началом межафганского диалога 12 сентября, во время его ведения использовало силовое давление для повышения собственной значимости и влияния в стране – захватывало новые территории, расширяло масштабы боевых действий против АНСБ, проводило террористические атаки, уносившие жизни мирных граждан. При этом политический кризис, вызванный скандальными президентскими выборами 2019 г. и его последствия так и не дали возможности расколотому, по меньшей мере, на две группы руководству ИРА выступать с консолидированных позиций в межафганских переговорах от имени законных властей республики.

В 2020 г. так и не удалось приступить к обсуждению ключевых вопросов переговоров, касающихся локализации вооруженного конфликта и снижения уровня насилия в стране, обеспечения безопасности на всей ее территории, выработки контуров устраивающей обе стороны будущей политической системы и принятия «дорожной карты» для ее внедрения, обеспечения прав этноконфессиональных меньшинств и женщин, свободы СМИ, соотношения привнесенных извне принципов «либеральной демократии» с требованиями мусульманской религии и других насущных вопросов.

Афганистан оставался в фокусе **геополитических интересов** великих держав как страна, географически расположенная в «сердце Азии». В соперничество за влияние в этом районе мира или, другими словами, Большую игру включаются все новые участники, причем не все они подпадают под категорию «великих держав», как Китай, но готовы решительно отстаивать здесь собственные интересы. Откровенное вмешательство во внутренние дела и тайное влияние на них государственных органов и спецслужб США, Великобритании, Китая, а также Пакистана, Ирана, Турции и ряда других исламских стран не способствует ни стабилизации ВПО, ни утверждению так необходимой стабильности и безопасности в Афганистане.

Как руководство ИРА, так и союзники США по НАТО были весьма обеспокоены непредсказуемыми, мотивированными ситуационной конъюнктурой заявлениями и шагами 45-го президента Д. Трампа в 2020 г. и выжидали, какую политику заявит и будет проводить новая администрация США. При этом, несмотря на фактическое

сокращение американского военного присутствия, генсек НАТО Йенс Столтенберг выразил уверенность, что альянс сохранит свои миссии, такие как руководимая Германией база в Мазари-Шарифе, курируемые Италией и другими странами НАТО базы в Герате, а также присутствие в Кабуле, включая штаб сил и базу под руководством Турции в международном аэропорту Хаджи Раваш⁴¹.

Для относительно нового участника Большой игры – КНР было важно минимизировать западное влияние на ИРА. Вовлечение Афганистана в региональные, связанные с Китаем экономические проекты позволяет не только усиливать китайское влияние на экономику и финансы Афганистана, но и на политику его руководства. Усилия КНР направлены на купирование угроз, исходящих с территории ИРА. Поэтому, с одной стороны, Китай не может не учитывать опасность военного присутствия своих геополитических противников – США и стран НАТО вблизи его границ, с другой – заинтересован в продолжении миссии зарубежных военных контингентов для стабилизации ВПО и снижения опасности бесконтрольного использования территории ИРА для действий различных террористических группировок, в том числе уйгурских⁴².

Стремление Пакистана оказывать доминирующее влияние на афганские дела во многом определяется его видением этой страны как некоего моста, позволяющего воздействовать на процессы в республиках Центральной Азии, когда здесь основными соперниками выступают Россия, Китай, Турция и страны Запада во главе с США, а также укреплением своих возможностей в противостоянии с Индией, имея в тылу так называемую «стратегическую глубину» в виде территории соседнего государства.

Взаимозависимость между двумя странами настолько велика, что любые изменения ВПО в одной из них сразу же отражаются на другой. Ведущий специалист ИВ РАН по БСВ и району, часто называемому АфПак, профессор В.Я. Белокреницкий так охарактеризовал это явление: «Перспективам Пакистана угрожает и развитие ситуации в Афганистане. В случае успеха примирения между нынешней властью и талибами и продолжения на этой основе “исламизированной модернизации”, он превратится в магнит для части пакистанских пуштунов. Однако и провал нормализации в Афганистане сулит неприятности для Пакистана. Общий для них пуштунский ареал

рискует в еще большей степени погрузиться в раздоры и конфликты, превратившись в серьезную угрозу внутренней безопасности. Попытка продвижения Пакистана в Афганистан с целью закрепления там своего влияния вызовет обострение пакистано-индийских отношений. Пакистан рискует попасть между двух огней, провалиться в зазор между соседями»⁴³. Заметим, что это положение В.Я. Белокреницкий изложил в одной из своих работ еще в 2011 г., однако оно остается верным и сейчас, когда «процесс нормализации» в Афганистане вылился в прямые межафганские переговоры.

С начала XXI в. значимую роль в афганских делах начинает играть Турция. В 2001 г. она развернула свой военный контингент в рамках МССБ, затем приняла участие в УТМ НАТО «Решительная поддержка». Выступая на совместной пресс-конференции с турецким министром иностранных дел Мевлютом Чавушоглу в апреле 2016 г., глава НАТО Й. Столтенберг заявил: «Мы видим, что фактически каждый день в Афганистане Турция играет ключевую роль, вы – одна из основных стран в нашей миссии по обучению, консультированию и помощи афганским силам безопасности»⁴⁴. На той же пресс-конференции М. Чавушоглу заметил, что Турция является ведущей страной – членом НАТО в ИРА. Именно так турецкое руководство оценивало свою роль в Афганистане, хотя в составе миссии НАТО насчитывалось лишь 508 турецких военнослужащих. Но при этом Турция последовательно укрепляла политико-экономические связи с ИРА, активно использовала возможности «мягкой силы», работая в информационном пространстве тюркоязычных национальных меньшинств (пантюркизм), апеллировала к конфессиональной общности народов двух стран (панисламизм) и осуществляла помощь в сфере образования.

Негласным рычагом влияния Турции на афганские дела стали ее тесные контакты с «этническими» оппозиционными группировками, которые были активизированы после начала в 2011 г. гражданской войны в Сирии, когда в составе вооруженной оппозиции законному правительству этой страны приняли участие целые отряды базировавшихся в Афганистане уйгурских и центральноазиатских джихадистов, получавших поддержку через турецкие спецслужбы⁴⁵.

Афганистан занимает прочное место в реализуемой турецким руководством политике неоосманизма. Независимо от политических

изменений во власти Афганистана Турция не оставит его без внимания и будет претендовать на роль одного из заметных участников Большой игры.

Российская Федерация традиционно является одним из внешних акторов, оказывающим влияние на ситуацию в Афганистане. Руководство нашей страны полагает, что окончательное преодоление афганского кризиса станет возможным только на основе политического компромисса всех участвующих в нем сил. Россия ведет в этом направлении активную внешнеполитическую деятельность как самостоятельно, так и в рамках ШОС и ОДКБ, интересы участников которых связаны с возвращением Афганистана на путь мирного развития.

* * *

По своему характеру ВПО в ИРА, если следовать классификации, предлагаемой отечественной «Военной энциклопедией», не является ни стабильной, ни устойчивой, ни кризисной или даже конфликтной, а может быть отнесена только к «военной, как достигшей наивысшей степени напряженности»⁴⁶. В Афганистане продолжается внутренний вооруженный конфликт как способ разрешения острых противоречий между различными социально-политическими силами, осложненный военным вмешательством из-за рубежа как со стороны различных государств (США и их союзники) и межгосударственных структур (НАТО), так и международных исламистских сил, зачастую поддерживаемых на государственном уровне (власти и спецслужбы Пакистана, Турции, ряда аравийских монархий).

Перспективы начатых в 2020 г. межафганских мирных переговоров – раздел власти с ИДТ или даже приход движения к власти, к которому оно стремится – не смогут стабилизировать ВПО, так как в этом случае неизбежен новый всплеск этноконфессиональных противоречий. Легально действующие партии «этнической» оппозиции заранее укрепляют свои военизированные формирования, что может означать их подготовку к возможному новому витку гражданской войны, разделение сил в которой будет проходить по этноконфессиональному признаку, политическому развалу и росту угрозы дефрагментации Афганистана.

Критерием верности оценки ВПО выступает военно-политическая практика. Значит, проверить высказанные автором положения сможет реальное развитие обстановки в Афганистане, причем некоторые заложенные в предыдущие годы процессы и тенденции могут подтвердить или опровергнуть военно-политические события уже текущего года.

¹ Военная Энциклопедия. В 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 182.

² Однако если просто суммировать другие данные о численности четырех составляющих АНСБ, то мы можем получить гораздо более высокую численность – в 374 тыс. чел. Очевидно, что такие данные в стране, охваченной войной, не могут быть точными, но разница слишком велика, что наводит на мысль о намеренном их искажении теми или иными авторами или организациями. Данные в 289 тыс. достаточно реалистичны, они приводятся по: Clayton T. Afghanistan: Background and U.S. Policy. In Brief. Updated November 10, 2020. P. 8–9 // Congressional Research Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45122> (дата обращения: 07.12.2020).

³ Ibid.

⁴ Ризоев М. В Кундузе официально открыт новый армейский корпус // Polit-Asia.kz. URL: <https://polit-asia.kz/v-kunduze-oficialno-otkryt-novyj-arm/> (дата обращения: 10.10.2020).

⁵ Walters R.P., Trauttt L.G. The State of Afghanistans Intelligence Enterprise // Military Review. URL: <https://www.armyupress.army.mil/Journals/Military-Review/English-Edition-Archives/May-June-2017/The-State-of-Afghanistans-Intelligence-Enterprise/> (дата обращения: 08.11.2020).

⁶ Afghan National Police (ANP) // Institute for the Study of War. URL: <http://www.understandingwar.org/afghan-national-police-anp> (дата обращения: 16.10.2020).

⁷ Перспективы и задачи (на яз. дари – дидгох ва вазаетеф // Сайт МВД ИРА. URL: <https://moi.gov.af/dr/فۍاظو-و-ه‌اگدی-1> (дата обращения: 08.10.2020).

⁸ Afghan National Police (ANP) // Afghan Biographies. URL: http://www.afghan-bios.info/index.php?option=com_afghanbios&id=3593&task=view&total=4367&start=112&Itemid=2 (дата обращения: 12.10.2020).

⁹ Ibid.

¹⁰ Radin C.J. Afghan Local Police vital to General Petraeus' strategy // The Long War Journal. 2011. March 26. URL: https://www.longwarjournal.org/archives/2011/03/afghan-local_police.php (дата обращения: 12.10.2020).

¹¹ Afghan National Police (ANP) // Afghan Biographies. URL: http://www.afghan-bios.info/index.php?option=com_afghanbios&id=3593&task=view&total=4367&start=112&Itemid=2 (дата обращения: 12.10.2020).

¹² Valori, Giancarlo Elia. The Afghan intelligence services // Modern Diplomacy. URL: <https://modern diplomacy.eu/2020/09/08/the-afghan-intelligence-services/> (дата обращения: 07.11.2020).

¹³ Серенко А. Кабул готовит реформу афганской разведки // Независимая газета. 28.11.2019.

¹⁴ Feroz, Emran. Is Afghan Intelligence Building a Regime of Terror With the CIA's Help? // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/02/06/nds-afghanistan-intelligence-dissident-murder-cia-help/> (дата обращения: 07.11.2020).

- ¹⁵ Цит. по: Ахмад Зия Сарадж // Афганистан.Ру. URL: <https://afghanistan.ru/doc/140915.html> (дата обращения: 11.12.2020).
- ¹⁶ ОДКБ: Численность талибов в Афганистане достигла 60 тыс. и продолжает расти // EurAsiaDaily. URL: <https://easaily.com/ru/news/2019/07/05/odkb-chislennost-talibov-v-afganistane-dostigla-60-tys-i-prodolzhaet-rasti> (дата обращения: 28.11.2020).
- ¹⁷ Здесь и далее за основу изложения деятельности, организационной структуры и численности ИДТ и других экстремистских группировок взят: Одиннадцатый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный в соответствии с резолюцией 2501 (2019) по Движению Талибан и связанным с ним лицам и организациям, представляющим угрозу миру, стабильности и безопасности в Афганистане // Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. 2020. 27 Май. URL: <https://www.undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2020/415> (дата обращения: 24.11.2020).
- ¹⁸ Tahir-khan. Mullah Omar's eldest son takes control of Taliban's military wing // Arab News. URL: <https://www.arabnews.pk/node/1672716/world> (дата обращения: 23.11.2020).
- ¹⁹ Twenty-fifth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2368 (2017) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities. 2020. 20 January. P. 17/30 // United Nations. Security Council. Counter-Terrorism Committee. URL: <https://www.un.org/sc/ctc/news/document/s-2020-53-twenty-fifth-report-analytical-support-sanctions-monitoring-team-submitted-security-council-committee-pursuant-resolutions-1267-1999-1989-2011-225/> (дата обращения: 14.12.2020).
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Серенко А. В Афганистане исчезло «Исламское государство» // Независимая газета. 10.01.2020.
- ²² Twenty-fifth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2368 (2017) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities. 20.01.2020. P. 17/30.
- ²³ Цит. по: Лавров о ситуации в Афганистане: боевики ИГ готовят экспансию в Центральную Азию // Sputnik. URL: <https://uz.sputniknews.ru/politics/20201124/15470284/Lavrov-o-situatsii-v-Afganistane-boeviki-IG-gotovyat-ekspansiyu-v-Tsentralnuyu-Aziyu.html> (дата обращения: 29.11.2020).
- ²⁴ Special Representative for Afghanistan Reconciliation Ambassador Zalmay Khalilzad On the Afghanistan Peace Negotiations // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/special-representative-for-afghanistan-reconciliation-ambassador-zalmay-khalilzad-on-the-afghanistan-peace-negotiations/> (дата обращения: 03.12.2020).
- ²⁵ Twenty-fifth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2368 (2017) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities. 20.01.2020. P. 18/30.
- ²⁶ Цит. по: Одиннадцатый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный в соответствии с резолюцией 2501 (2019) по Движению Талибан и связанным с ним лицам и организациям, представляющим угрозу миру, стабильности и безопасности в Афганистане. 27.05.2020. С. 13/32–15/32.
- ²⁷ Twenty-fifth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2368 (2017) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities. 20.01.2020. P. 18/30–19/30.
- ²⁸ Ibid. P. 19/30.
- ²⁹ Agreement between the North Atlantic Treaty Organization and the Islamic Republic of Afghanistan on the Status of NATO Forces and NATO personnel conducting mutually agreed NATO-led activities in Afghanistan // Сайт НАТО-ОТАН. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_116072.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 11.05.2020).

- ³⁰ Resolute Support Mission in Afghanistan // NATO-OTAN. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_113694.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 04.12.2020).
- ³¹ См., например: Lead Inspector General for Operation Freedom's Sentinel I Quarterly Report to the United States Congress I July 1, 1,2020 – September 30, 2020 // Department of Defense Office of Inspector General. URL: <https://www.dodig.mil/Reports/Lead-Inspector-General-Reports/Article/2416225/lead-inspector-general-for-operation-freedoms-sentinel-i-quarterly-report-to-th/> (дата обращения: 04.12.2020).
- ³² Ibid.
- ³³ Clayton T. Afghanistan: Background and U.S. Policy: In Brief. Updated November 10, 2020. P. 8 // Congressional Research Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45122> (дата обращения: 07.12.2020).
- ³⁴ Myers M. Top US general in Afghanistan says he's holding back to give Taliban peace deal a chance // Military Times. URL: <https://www.militarytimes.com/news/your-military/2020/10/21/top-us-general-in-afghanistan-says-hes-holding-back-to-give-taliban-peace-deal-a-chance/> (дата обращения: 22.12.2020).
- ³⁵ Лашков А.Ю., Слинкин М.М. Сирия. Далекая и близкая война. М., 2018. С. 196–197; Рязанов О. Основы партизанской войны: теория и практика // Интернет-портал «Army.lv/ru». URL: <http://army.lv/ru/Osnovi-partizanskoj-voyni-teoriya-i-praktika/2635/4588> (дата обращения: 27.05.2013).
- ³⁶ Walters R.P., Trauttt L.G. The State of Afghanistans Intelligence Enterprise // Military Review. URL: <https://www.armyupress.army.mil/Journals/Military-Review/English-Edition-Archives/May-June-2017/The-State-of-Afghanistans-Intelligence-Enterprise/> (дата обращения: 08.11.2020).
- ³⁷ Clayton T. Afghanistan: Background and U.S. Policy: In Brief. Updated November 10, 2020. P. 8–9.
- ³⁸ Егоров И. Золото талибов // Российская газета. 19.11.2020.
- ³⁹ Число полицейских в Кабуле будет увеличено вдвое // Афганистан.Ру. URL: <https://afghanistan.ru/doc/141194.html> (дата обращения: 30.12.2020).
- ⁴⁰ Adili, Ali Yawar. Afghanistan's 2019 Elections (31): A review of disputed presidential election and its aftermath // Afghanistan analysts' network. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/political-landscape/afghanistans-2019-elections-31-an-overview-of-the-disputed-presidential-election-and-its-aftermath/> (дата обращения: 07.11.2020).
- ⁴¹ Everstine B.W. Stoltenberg: NATO Training Mission in Afghanistan to Continue, for Now // Air Force magazine. URL: <https://www.airforcemag.com/stoltenberg-nato-training-mission-in-afghanistan-to-continue-for-now/> (дата обращения: 09.01.2021).
- ⁴² Gupta S. Apologize, Afghanistan tells China after busting its espionage cell in Kabul // Hindustan Times. 25.12.2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/chinese-espionage-ring-in-afghanistan-busted-10-spies-detained/story-qyPsZY1wUoD2fIp9UIYMrK.html> (дата обращения: 09.01.2021).
- ⁴³ Цит. по: Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. М., 2016. С. 294.
- ⁴⁴ Цит. по: Turkey Defends NATO Mission, Vows Enduring Support to Kabul // TOLONews. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/turkey-defends-nato-mission-vows-enduring-support-kabul> (дата обращения: 09.01.2021).
- ⁴⁵ Twenty-fifth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team submitted pursuant to resolution 2368 (2017) concerning ISIL (Da'esh), Al-Qaida and associated individuals and entities. 20.01.2020. P. 18/30–19/30.
- ⁴⁶ Военная Энциклопедия. Т. 2. С. 181.

Лагерь реформаторов в преддверии президентских выборов 2021 г. в Иране

Резюме. Сокрушительное поражение реформаторов на выборах в Меджлис 11-го созыва в феврале 2020 г. вызвало широкую дискуссию в реформаторской среде по поводу будущего этого движения. Очевидно, что фракция, поддерживавшая в 2013 и 2017 гг. нынешнего президента Хасана Роухани, утратила поддержку населения и переживает кризис идентичности, а некоторые даже говорят о том, что политическая жизнь реформаторов подошла к концу. В данной статье предпринята попытка описать нынешнее положение реформаторов, выявить причины их политической маргинализации, определить вызовы, стоящие перед движением сегодня и попытаться дать ответ на вопрос о дальнейших политических перспективах реформаторов.

Ключевые слова: Иран, фракции, реформаторы, выборы

Summary. The crushing defeat in the Majles elections held in February 2020 stirred up a heated discussion among the reformists regarding the future of this movement. It is clear that the faction that supported the incumbent president Hassan Rouhani in 2013 and 2017 has lost its public support and is currently undergoing an identity crisis, while some would even go so far as to say that the political life of reformists is over. This article seeks to capture the current state of reformists, define the reasons behind their political marginalization, identify the challenges the faction is facing today and tackle the question of its future political path.

Key words: Iran, factions, reformists, elections

Характерной чертой внутренней политики Исламской Республики Иран является фракционизм – соперничество полуформальных групп, борющихся за контроль над государственными постами для продвижения и отстаивания своих экономических и идеологических интересов. В таких условиях выборы традиционно отражают динамику противоборства основных политических фракций – консерваторов, ультраконсерваторов, центристов и реформаторов. На президентских выборах 2013 и 2017 гг. реформаторы и центристы объединились и поддержали кандидатуру президента Хасана Роу-

хани. При этом реформаторы, поддержка которых сыграла значительную роль в победе Х. Роухани, не получили каких-либо заметных дивидендов от этого альянса, а разочарование населения в действующем правительстве нанесло удар и по общественному имиджу реформаторов, ставших лёгкой мишенью для нападок со стороны усилившегося консервативного блока.

Последствия парламентских выборов и подготовка к 2021 г.

На выборах в меджлис 21 февраля 2021 г. реформаторы потерпели сокрушительное поражение – из 290 кресел консерваторы заняли 221, реформаторы и центристы – 20, остальные места достались независимым кандидатам¹.

Победу консервативного блока предопределили неудачи нынешнего центристского правительства Х. Роухани, воинственная риторика и действия администрации Д. Трампа, а также массовое отстранение кандидатов от реформаторов и центристов.

Дисквалификация кандидатов вызвала очередной всплеск возмущения реформаторов по поводу действий Наблюдательного совета (НС), отвечающего за допуск кандидатов до выборов. Партия «Эттехад-е меллат» (преемница партии «Джебхэ-йе мошарекат», запрещённой в 2010 г.) даже потребовала от президента Хасана Роухани провести референдум по поводу трактовки Наблюдательным советом соответствующей статьи конституции². Вопрос о полномочиях НС уже неоднократно поднимался с 1992 г., но никакого продвижения реформаторы так и не добились. Более того, депутаты нового меджлиса разработали законопроект о поправках в Закон о президентских выборах, согласно которому в процедуре одобрения кандидатов на пост президента теперь официально будут участвовать не только МВД и НС, но и Служба разведки КСИР³. В данный момент законопроект находится на финальной стадии одобрения, и в случае его принятия контроль за выборами президента только усилится.

На фоне неудовлетворительных итогов парламентских выборов в стане реформаторов с новой силой разгорелись междоусобицы. Вместо того, чтобы подвергнуть критической оценке пройденный путь и выработать новую стратегию, каждая группировка пыталась

переложить ответственность за поражение на других, а политики осыпали взаимными обвинениями.

Основной поток критики обрушился на головную организацию реформаторов – «Верховный совет по определению политики». Совет обвиняли в отсутствии прозрачности в процессе принятия решений и в неспособности справиться со своей основной задачей – согласованием единой стратегии реформаторских сил. Разговоры о необходимости перемен в функционировании этого органа привели к отставке руководства в лице главы Совета Мохаммада Арефа⁴ и его заместителя Абдолвахеда Мусави-Лари⁵.

На фоне снижения роли Совета активизировалась одна из влиятельнейших политических организаций реформаторского крыла духовенства «Ассоциация борющегося духовенства». В частности, генеральный секретарь АБД Мохаммад Мусави-Хоениха, пытаясь завоевать симпатии электората и привлечь граждан к участию в выборах, в несвойственной для себя манере значительно увеличил своё присутствие в публичной сфере. Например, 27 июня 2020 г. он опубликовал письмо, в котором обрушился с критикой на Верховного лидера ИРИ Али Хаменеи⁶, а в своём обращении 22 сентября заявил о необходимости участия реформаторов в президентских выборах, несмотря на все препятствия, и предостерёг их от политического бойкота⁷.

Представители различных реформаторских партий расходятся в своих представлениях об оптимальной политической стратегии для участия на предстоящих выборах. Часть реформаторов убеждена в необходимости участия в выборах и полагает, что только известные и популярные политики способны привлечь граждан на избирательные участки и набрать большое количество голосов, но в то же время опасается, что Наблюдательный совет не допустит до участия в выборах наиболее известных кандидатов-реформаторов. Представители партии «Каргозаран-е сазандеги» предлагают действовать по образцу 2013 г., т. е. создать тактический альянс центристов и реформаторов и выдвинуть общего компромиссного кандидата (в качестве такого называют Мохсена Хашеми и даже умеренного консерватора Али Лариджани). К ним присоединилась партия «Этемад-е мелли», руководство которой также настаивает на необходимости участия в выборах, чтобы не допустить политической

изоляции, пусть даже с помощью альянса в ущерб реформаторским идеям. Так, ветеран реформаторов и глава партии «Этемад-е мелли» Мехди Кярруби, находящийся с февраля 2011 г. под домашним арестом⁸, призвал реформаторов выдвинуть кандидата, который пользовался бы популярностью в народе и был бы готов работать с правящими кругами⁹. Другие партии («Мардомсалари», «Эттехад-е меллат», «Неда-йе ираниан» и др.), признавая необходимость участия в выборах, настаивают на том, что общим кандидатом реформаторских сил должен быть только политик-реформатор, а не «арендованный» у других фракций кандидат.

Стремясь разрешить противоречия и прийти к консенсусу, 13 декабря 2020 г. реформаторы объявили о создании нового координационного органа, который позже получил название «Фронт реформаторов Ирана»¹⁰. В состав нового органа, призванного стать заменой потерявшего былое влияние «Верховного совета по определению политики», вошли генеральные секретари и представители 31 партии («Каргозаран-е сазандеги», «Этемад-е мелли», «Мардомсалари», «Эттехад-е меллат» и др.) и 15 видных политических лиц страны (Б. Набави, Х. Марашаи, М. Аминзаде, М.Р. Джалаипур, Х. Расули и др.)¹¹. Основное отличие Фронта от Совета заключается в уменьшении влияния Мохаммада Хатами – в отличие от прежней организации, созданной в 2015 г. по инициативе Хатами, где он единолично назначал отдельных политиков, обладавших правом голоса наравне с целыми партиями; во Фронте 15 политиков назначаются комиссией из 9 человек (4 из которых всё же назначает Хатами) и выступают в качестве советников без права голоса¹². Поскольку в победе нынешнего президента на выборах 2013 и 2017 гг. большую роль сыграла поддержка Хатами, который обратился напрямую к гражданам с призывом поддержать Х. Роухани, на фоне неудач правительства упала и популярность Хатами. Снизился его авторитет и среди реформаторов.

Неясно, насколько эффективным окажется такой механизм принятия решений во Фронте. В силу отсутствия полноценной партийной системы «партии», скорее, представляют собой предвыборные группировки, отличающиеся рыхлой структурой, отсутствием систематической активности и низким уровнем координации. В таких условиях именно отдельные крупные политики и взаимоотношения

между ними играют важную (если не ведущую) роль во внутриаполитической динамике.

Несмотря на то что до выборов осталось всего несколько месяцев, реформаторы пока не смогли выработать единой стратегии и представить список кандидатов. На данный момент трудно сказать, сумеют ли реформаторы достичь компромисса и проявить межфракционную солидарность, как в 2013 г., или же они выставят нескольких отдельных кандидатов, что приведёт к распылению сил, как это было в 2005 г.¹³ Однако складывающаяся внутриаполитическая обстановка свидетельствует о том, что руководство ИРИ явно намерено консолидировать власть под началом консерваторов, что позволит обеспечить консенсус всех ветвей власти для плавного транзита в случае ухода из жизни 81-летнего Верховного лидера Али Хаменеи. Таким образом, учитывая положение реформаторов и настрой правящей верхушки, вероятнее всего, на президентских выборах в июне 2021 г. следует ожидать победы консервативного кандидата. Но каковы дальнейшие политические перспективы реформаторов?

Кризис реформаторов

Хотя НС действительно сыграл решающую роль в отстранении наиболее активных сил реформаторов от участия в выборах, объективным фактором их политической маргинализации стала утрата доверия и поддержки со стороны электората. В то время как большинство реформаторов-политиков высказывается за участие в выборах, чтобы избежать дальнейшей политической изоляции, идеологи движения (Саид Хаджариан, Аббас Абди, Абдолла Насери, Мохаммад-Реза Таджик, Али-Реза Алави-табар и др.) заявляют о кризисе идентичности реформаторов¹⁴ и о необходимости взять тактическую паузу, чтобы обновить политическую программу и с помощью возрождения активной общественной деятельности вернуть поддержку населения¹⁵. Как отмечает Аббас Абди: «У реформ два фланга: общественное движение и совершенствование [государственного] строя... Теперь, когда по каким бы то ни было причинам руководство страны не заинтересовано и не допускает участия [реформаторов] в совершенствовании государства, они ничего с этим поделать не могут, но общественная сфера для них по-прежнему открыта...»¹⁶ Отметим,

что, хотя приверженность изначальным лозунгам реформ и обновление политической программы способны восстановить доверие электората, это также означает, что реформаторам необходимо выйти на более центробежную траекторию, что может привести к их дальнейшему отчуждению от власти. В нашем представлении именно эта дилемма лежит в основе размежевания реформаторского течения, в котором можно выделить три условные группы: «правых», «умеренных» и «левых».

Правые реформаторы отражают интересы либеральной части элиты. Они отказались от амбиций осуществить значительные преобразования, но пытаются, насколько это возможно, смягчить политику консерваторов, и в этом отношении близки к центристам. Отрицательно относятся к массовым протестам.

Умеренные реформаторы убеждены, что постепенное реформирование системы всё ещё возможно, однако у них нет чёткого плана по выходу из нынешнего кризиса. Они борются за контроль над государственными постами, привлекают граждан к участию в выборах и осуждают жёсткое подавление протестов.

Левые реформаторы также полагают проведение реформ при сохранении нынешнего строя возможным, однако расценивают нынешние условия как неблагоприятные и фактически занимают пассивное положение. При этом они активно критикуют резонансные случаи нарушения правящим режимом прав человека, поддерживают гражданский активизм и мирный протест.

Нынешний кризис далеко не первый в истории реформаторского лагеря. Текущая обстановка во многом напоминает период 2004–2005 гг., когда, столкнувшись с противодействием контролирувавших невыборные органы консерваторами, правительство реформаторов заняло компромиссную позицию, что привело к расколу фракции, разочарованию избирателей и в конечном итоге маргинализации реформаторов.

Реформаторы предприняли попытку вернуться на политическую арену в 2008–2009 гг., однако внутренние разногласия и противодействие со стороны консерваторов привели к поражению на парламентских выборах 2008 г., а после протестов 2009 г., вызванных переизбранием Махмуда Ахмадинежада, лидеры реформаторов были арестованы, что вместе с частичной цензурой в отношении

М. Хатами фактически обезглавило движение, которое, как и остальные политические течения в Иране, носит персоналистский характер. После событий 2009 г. на передний план вышли менее известные и популярные политики-реформаторы, которые, находясь в политической изоляции, заняли ещё более лояльную позицию по отношению к власти.

С тех пор движение пребывает в стагнации. Выбрав платформу республиканизма в конце 1990-х годов, они пользуются демократическими лозунгами, но не могут обеспечить работу даже существующих демократических элементов в государственном устройстве ИРИ, поскольку реальных ресурсов и рычагов давления у них нет, а значит, нет возможности навязать свою позицию консервативному блоку. Единственным ценным ресурсом, которым обладали реформаторы, была народная поддержка, которой они воспользовались для мобилизации электората в пользу Хасана Роухани на выборах 2013 и 2017 гг. Теперь же избиратели разочаровались в целесообразности участия в выборах и их эффективности как способа изменить ситуацию в стране.

Факторы, обусловившие кризис реформаторов:

- междоусобицы и отсутствие единой стратегии;
- нерешительность и соглашательство высшего руководства реформаторов;
- коррупционные скандалы с участием верхушки движения;
- неудачи нынешнего центристского правительства Х. Роухани;
- заикленность на выборах и органах власти; проблема выборов вытеснила другие аспекты политической активности – просветительскую деятельность, работу с корпоративными объединениями и профсоюзами, борьбу за соблюдение гражданских прав и др.¹⁷

Важной проблемой является отсутствие единого манифеста или устава реформаторов, который мог бы стать лакмусовой бумажкой для политической идентификации и идеологической основой для объединения реформаторов¹⁸. Несмотря на то что разговоры о выработке единого программного документа ведутся с 1997 г., взгляды участников реформаторского движения по ряду проблем могут быть диаметрально противоположными, так что подобный документ вряд ли будет создан или же будет содержать очень размытые понятия, которыми и так изобилует реформаторский дискурс.

В целом все вышеперечисленные проблемы в той или иной степени характерны и для остальных политических фракций. Не удалось реформаторам избежать и другой проблемы иранской политики – популизма. Изначально заявленные лозунги «верховенства права», «гражданского общества» и «религиозной демократии» пали жертвой тактических союзов и политической целесообразности. Уже ко второму президентскому сроку Мохаммада Хатами в 2001–2005 гг. движение реформ зашло в тупик, и с течением времени основной целью изолированных реформаторов (точнее, прореформаторски настроенных функционеров) стало с помощью популярных либеральных лозунгов и поддержки населения переформатировать условия межэлитного взаимодействия и удержаться внутри правящего круга, убедив консервативный блок считаться с их интересами.

Чем чревато удаление реформаторов с политической арены?

Маргинализация реформаторов может привести к размыванию электората умеренных сил, их переходу на сторону более радикальных противников режима (так называемых «барандазан» – «переворотчиков») и росту поляризации общества. Также это способствует снижению легитимности власти, особенно в глазах населения крупных городов. Вдобавок, для руководства ИРИ реформаторы служат в качестве громоотвода, выступая своего рода каналом для контролируемого выражения недовольства.

Учитывая всё вышесказанное, очевидно, что у реформаторов не только мало шансов на победу на президентских выборах, но и само существование реформаторского движения, столкнувшегося с очередным кризисом, стоит под вопросом. На данный момент сложно сказать, сумеют ли реформаторы перегруппироваться, предложить жизнеспособную политическую и экономическую программу, и поможет ли это возрождению движения – руководство страны явно нацелено на их отстранение, а население пребывает в политической апатии. Тем не менее запрос на перемены в экономике, политике и социальной сфере на фоне продолжающегося экономического кризиса и снижения уровня доверия власти актуален как никогда, и на данный момент не существует другой политической силы-проводника этой повестки, кроме реформаторов, со всеми их недо-

статками. Именно реформаторский дискурс предлагает конструктивную критику структуры власти, не выступая при этом за смену режима и отказ от идеи исламского правления. Таким образом, вопрос о перспективах политических реформ в Иране по-прежнему остаётся открытым.

¹ Jadval-e nehaayi-ye nataayeje-e entekhaabaat-e majles-e yaazdahom (Финальная таблица результатов выборов в 11-й веджлис) (на перс. яз.) // URL: <https://www.isna.ir/news/98120302454> (дата обращения: 07.02.2021).

² Naame-ye hezb-e ettehaad-e mellat khetaab be raisjomhur-e Ruhaani (Письмо президенту Роухани от партии «Эттехад-е меллат») (на перс. яз.) // URL: <http://www.ensafnews.com/213387/> (дата обращения: 07.02.2021).

³ Eshkalaalat-e shuraa-ye negahbaan be eslaahiye-ye qaanon-e entekhaabaat-e reyaasat-e jomhuri (Недочёты в проекте поправок к Закону о президентских выборах по мнению Наблюдательного совета) (на перс. яз.) // URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1482064> (дата обращения: 07.02.2021).

⁴ Este'faa-ye 'Aaref kaar-i dorost-i bud (Отставка Арефа была правильным решением) (на перс. языке) // URL: <https://www.isna.ir/news/99041410190/> (Дата обращения: 07.02.2021).

⁵ Navaashi-ye yek este'faa: Musavi-Laari cheraa kenaare gereft? (Заметки к одной отставке: почему Мусави-Лари ушёл?) (на перс. яз.) // URL: <https://www.irna.ir/news/83764162/> (дата обращения: 07.02.2021).

⁶ Musavi-Khoenihaa dar naame be Khaamenei: mardom be nezaam bie'temaad shode-and (Мусави-Хоениха в письме к Хаменеи: «Народ потерял доверие к власти») (на перс. яз.) // URL: <https://www.dw.com/fa-ir/a-53964583> (дата обращения: 07.02.2021).

⁷ Bayaan-ye aayatolla Musavi-Khoenihaa darbaare-ye entekhaabaat-e 1400 (Заявление аятоллы Мусави-Хоениха по поводу выборов 1400) (на перс. яз.) // URL: <http://www.ensafnews.com/259630> (дата обращения: 07.02.2021).

⁸ Несмотря на домашний арест, М. Кяруби продолжает вести политическую деятельность. Более того, за последний год произошло некоторое смягчение условий ареста – Кяруби провёл встречи с генеральным секретарём партии «Каргозаран» Г.Х. Карбасчи, а в феврале 2021 г. его посетили представители Ассоциации преподавателей Кумского теологического центра.

⁹ Karrubi be eslahtalabaan... (Кяруби к реформаторам...) (на перс. яз.) // URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1456407/> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁰ 30+10 be jaa-ye SHASA (30+10 вместо ШАСА) (на перс. яз.) // URL: <https://www.etemadnewspaper.ir/fa/Main/Detail/160230> (дата обращения: 07.02.2021).

¹¹ Nehaad-e entekhaabaati-ye eslahtalabaan baa naam-e «Jebhe-ye eslahtalabaan-e Iraan» fa'aaliyat khaahad shod (Предвыборная организация реформаторов будет действовать под именем «Фронт реформаторов Ирана») (на перс. яз.) // URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1399/11/19/2448619> (дата обращения: 07.02.2021).

¹² Asaami-ye eslahtalabaan-e ejmaa'saaz e'laam shod (Объявлены имена реформаторов координационного органа) (на перс. яз.) // URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1479543> (дата обращения: 07.02.2021).

¹³ Eslaahtalabaan baa taablu-ye 84 miaayand yaa baa taablu-ye 92? (Реформаторы выберут схему 84 или схему 92?) (на перс. яз.) // URL: <https://www.khabaronline.ir/news/1459608/> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁴ Hajjaariaan S. Eslaahaat-e hadd-e aqalli, eslaahaat-e hadd-e aksari (Хаджариан С. Реформы минимальные, реформы максимальные) (на перс. яз.) // URL: <https://bit.ly/3jруxWO> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁵ Mohammad-Rezaa Taajik: barkh-i eslaahtalabaan... (Мохаммад-Реза Таджик: некоторые реформаторы...) (на перс. яз.) // URL: <https://www.alef.ir/news/3990215119.html> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁶ 'Abbaas 'Abdi: nehaayat-e masir-i ke dar entekhaabaat pish gerefte shode bonbast-ast (Аббас Абди: принятый на выборах маршрут ведёт в тупик) (на перс. яз.) // URL: <https://www.dw.com/fa-ir/a-52027158> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁷ 'Alavitabaar A. 'Ellal-e naakaami-ye eslaahtalabaan (Алавитабар А. Причины неудачи реформаторов) (на перс. яз.) // URL: <https://bit.ly/3cQXkBU> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁸ Demokraasi az sanduq-e ray birun miaayad? (Путь к демократии в обход избирательной урны?) // URL: <http://sharghdaily.com/fa/Main/Detail/215861> (дата обращения: 07.02.2021).

Пакистан: демократические институты и армия (вызовы 2018–2020 гг.)

Резюме. Статья посвящена анализу важной для современного Пакистана теме баланса отношений правящей Пакистанской партии справедливости (ППС) и истеблишмента в 2018–2020 гг. На фоне особенностей взаимоотношений ключевой темой остается отсутствие антагонистических противоречий между исполнительной властью и генералитетом. Автор подробно объясняет причины сложившейся ситуации и выгоды, которые извлекает и армия, и правящая власть.

Ключевые слова: Пакистан, истеблишмент, Пакистанская партия справедливости, премьер-министр И. Хан, оппозиция

Summary. The article is devoted to the analysis of the balance of civil-military relations between the ruling Tehreek-e-Insaf (PTI) and the establishment in 2018–2020. Against the background of several features of the relationship, the key is the absence of antagonistic contradictions between the head of ruling party and the generals. The author explains in detail the reasons for the current situation and the benefits that both the army and the prime-minister Imran Khan derive.

Key words: Pakistan, establishment, Tehreek-e-Insaf (PTI), prime-minister Imran Khan, opposition

Тема военно-гражданских отношений остается «чувствительной» для Пакистана, учитывая, что большую часть новейшей истории военные и/или военно-гражданские администрации правили страной.

Приход к власти в августе 2018 г. Пакистанской партии справедливости (ППС) открыл новую страницу и в политической истории страны, и в отношениях армии и демократических институтов.

Армия поддержала итоги парламентских выборов, новый Кабинет министров и в дальнейшем своими действиями руководствовалась Конституцией 1973 г.

В 2018–2021 гг. генералитет продолжил курс на демократическое развитие страны, взятый еще в 2008 г., оставив в прошлом захват вла-

Замараева Наталья Алексеевна – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

сти военными и управление государством в течение десятилетий. Отношения новых властей и истеблишмента складывались ровно. Последний не ставил задачу менять форму правления, идя на подрыв основ конституционного строя. Итоги более двухлетнего правления партии ППС подтвердили *отсутствие антагонистических противоречий* военного истеблишмента как с федеральным правительством, так и с частью политической оппозиции. Однако это не означало отсутствие контроля генералитетом реализации ряда социальных реформ и экономических проектов, проводимых центральными и провинциальными правительствами. Внешняя политика, вопросы взаимодействия с США, Евросоюзом, Россией и региональными государствами, в первую очередь с Китаем, Индией, Афганистаном, контролировались Равалпинди (местоположение штаба сухопутных войск).

Отношения армии и гражданских властей в рассматриваемый период имели несколько особенностей: отсутствие традиционной конфронтации, укрепление позиций отставного генералитета в государственных институтах, усиление военного законодательства, контроль истеблишмента за проведением в жизнь структурных реформ, переговоры с политической элитой и т. д.

Несколько обстоятельств, на наш взгляд, способствовали безконфликтному взаимодействию армии и новых гражданских властей:

- армия поддержала приход И. Хана к власти; более того, в пакистанских СМИ писали, что его кандидатура была «отобрана» военными для участия в парламентских выборах для дальнейшего его избрания народом;

- политическая оппозиция развернула массовую, растянутую по времени кампанию с целью свержения правительства премьер-министра И. Хана. И эта длительность, традиционно постановочные переговоры бывших жестких оппонентов, объединенных планами отставки федерального Кабинета министров, полностью переключили внимание Демократического движения Пакистана (ДДП) от борьбы с истеблишментом в 2018 г. – первой половине 2020 г.;

- политическая оппозиция в лице двух общенациональных партий – Пакистанская мусульманская лига (Наваз/ПМЛ (Н) и Пакистанская народная партия (ПНП) – в 2018–2021 гг. переживает процесс омоложения кадров. В силу субъективных причин Марьям Наваз,

дочь Наваз Шарифа, заместитель председателя ПМЛ (Н), возглавляет партию; интересы ПНП отстаивает сопредседатель партии Билавал Бхутто-Зардари, сын дважды премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто (1953–2007 гг.) и экс-президента А. Зардари.

Одна из основных задач молодых руководителей ПМЛ (Н) и ПНП – закрыть антикоррупционные судебные дела против их родственников – лидеров названных партий – или «заставить» премьер-министра подписать Указ о национальном примирении. Иными словами, «простить» их и отозвать все судебные иски.

В отношениях политической оппозиции и истеблишмента отмечается единичная критика лидеров ПМЛ (Н) в адрес генералитета. Однако та же партия обращалась к истеблишменту за помощью для отстранения от должности действующего главы Кабинета министров И. Хана.

Местные СМИ писали, что «...Пакистан пережил этап длительной нестабильности из-за ожесточенной конфронтации политических оппонентов»¹. Неискушенная в борьбе политических «тяжеловесов», ППС, возглавлявшая правящий блок, сосредоточила усилия на конституционном выживании.

Отсутствие опыта общенационального управления государственным аппаратом, диалога с праворелигиозным политическим лагерем, а также мини-военный кризис в феврале 2019 г. с Индией, геостратегический разворот афганского сюжета, первоначально глубокая дружба с монархиями Персидского залива, обернувшаяся в одночасье жестким требованием наследного принца возврата многомиллиардного долга, экономический кризис и, наконец, пандемия COVID-19 с многомесячным lockdown – все это не «раздавило» Имран Хана только благодаря поддержке истеблишмента.

Федеральное коалиционное правительство. Состав 15-й Национальной ассамблеи (НА) Пакистана избран по итогам XI всеобщих выборов в Пакистане, состоявшихся 25 июля 2018 г. Новоизбранные депутаты приняли присягу 12 августа 2018 г., немногим позднее, 18 августа в Доме президента М. Хусейна в Исламабаде в качестве премьер-министра принял присягу Имран Хан.

Лидер ППС одержал победу на популистской волне, усталости общества от политических кланов Шарифов и Бхутто-Зардари, традиционно сменяющих друг друга на протяжении пятидесяти лет.

В прошлом его имя не значилось в противостоянии с военными, и это было одним из условий одобрения его кандидатуры генералитетом. Возглавляя партию ППС более двадцати лет в провинции Хайбер-Пахтунхва, И. Хан имел незначительный управленческий опыт в центре.

Сценарий входа И. Хана во власть готовился несколько лет совместно с истеблишментом. Летом 2014 г. возглавляемая им партия развернула в Исламабаде массовую акцию протеста с требованием отставки тогдашнего премьер-министра Наваз Шарифа. Многомесячная сидячая забастовка расположилась лагерем в Красной зоне федеральной столицы рядом с дипломатическим анклавом. Блокировка транспортных магистралей нарушила и привычный ритм города, и график внешнеполитических встреч. Акция не достигла поставленных целей, но оголтелость лозунгов толпы очернила имя Наваз Шарифа и тем самым подготовила пакистанское общество в дальнейшем к положительному восприятию судебного процесса по обвинению его в коррупции и, как следствие, дисквалификации в должности премьер-министра².

Проигравшие на выборах политические партии заявили о непризнании итогов голосования и обвинили военных в поддержке И. Хана. Генералитет демонстрировал нейтральность и равноудаленность по отношению к парламентским партиям и поспешил отмежеваться от заявления И. Хана о том, что истеблишмент еще до официального голосования поддержал его предвыборный манифест. Начальник Департамента связи с общественностью генерал-майор Асиф Гафур заявил, что «... вооруженные силы являются силами страны и у них нет отношений ни с одной партией, конкретным правительством или провинцией... Армия является институтом страны и, как учреждение безопасности, внесла вклад в работу каждого правительства в прошлом по вопросам безопасности, внешних отношений», «армия принимает каждое правительство, которое избирается народом. Вооруженные силы и правительство имеют отношения стратегического уровня»³.

Военный истеблишмент возлагал большие надежды на И. Хана, подчеркивая, что «...новое правительство начинает работу с чистого листа и его руководство не имеет бремени прошлого. Таким образом, у него прекрасная возможность установить необходимую политиче-

скую стабильность в Пакистане, провести структурные политические и экономические реформы и развивать потенциал страны...»⁴

Дальнейшие события подтвердили, что ответы на общенациональные вызовы, такие как экономический кризис, мини-военные столкновения с Индией, COVID-19 и т. д., отражались совместно. Выступая на важных мероприятиях, протокол ставил на первое место премьер-министра, в то же время основные направления внутренней и внешней политики оглашались генералом К. Баджвой.

Формирование коалиционного правительства. Еще в период предвыборной кампании пакистанские СМИ писали, что И. Хан и генералитет «...находятся на одной странице». Смысл этой фразы стал понятен после объявления нового состава федерального правительства, который включал 21 министра, 12 из которых занимали ключевые посты в правительстве экс-генерала-президента П. Мушаррафа (1999–2008 гг.).

Шах Махмуд Куреши, министр иностранных дел в правительствах президента А. Зардари и самого Имран Хана, подтвердил, что «после очень долгого пребывания в Пакистане существует правительство, которое полностью поддерживает пакистанские Вооруженные силы»⁵.

Воодушевленный победой на парламентских выборах, широкими властными полномочиями, премьер-министр И. Хан уже в начале 2019 г. заявил о реализации программ реформ в различных секторах, включая гражданские службы, систему местного самоуправления, пересмотр налоговой системы, реформы полиции и образования, реализацию проекта слияния Территории племен федерального управления (ТПФУ) с провинцией Хайбер-Пахтунхва, борьбу с финансированием терроризма и разжиганием ненависти. Это совпадало с Национальным планом действий (НПД), предложенным генералитетом и одобренным на Всепартийной конференции еще в декабре 2014 г. Однако реализация отдельных его пунктов тормозилась в силу разных причин в период правления ПМЛ (Н) в 2013–2018 гг.

Несмотря на отказ от опыта управления страной в формате Чрезвычайного режима и/ или военных/ военно-гражданских администраций, истеблишмент инициировал план концентрации власти. В 2019 г. в пакистанские СМИ былаброшена идея возврата к президентской форме правления. Предлагалась отмена 18-й поправки Конституции (вступила в действие в апреле 2010 г.), введение системы

единой провинции, так называемой One Unit и т.д. Оппозиционные партии, и в первую очередь ПНП, в период правления которой (2008–2013 гг.) и была одобрена поправка, выступили против, заявив, что система One Unit ослабит федерацию, что приведет к распаду страны, что и произошло в прошлом⁶.

Одним из важных пунктов НПД, но долгое время не реализованных в силу разных причин, оставалась реформа медресе. Генеральный директор Департамента связи с общественностью при штабе сухопутных войск генерал-майор А. Гафур также подчеркнул важность этого вопроса. Он высказал сожаление, что 25 млн детей не посещают школу, некоторые из них ходят только в мадаари, которых в стране насчитывается 30000. Выпускники медресе не имели таких же возможностей, как, например, выпускники университетов. Он внес в правительство предложение, сделанное еще в 2014 г. в рамках НПД – изменить учебную программу медресе, пригласить на работу назначенных государством учителей и передать мадаари в ведение Министерства образования Пакистана.

Понимая, что сектор образования согласно 18-й поправке к Конституции 1973 г., находится в компетенции провинциальных властей, генерал-майор А. Гафур высказал пожелание профильным министерствам в вопросе регулирования мадаари, избегая общественной критики.

Программа реформирования медресе продвигалась крайне медленно. Одна из причин – жесткое противостояние праворелигиозных партий ДУИ (Ф) и ДИ, которые рассматривали действия властей при поддержке истеблишмента как вмешательство в их дела в провинции Хайбер-Пахтунхва. Позднее, в июле 2019 г., во время встречи генерала К. Баджвы с видными учеными и государственными деятелями для обсуждения первого этапа реформы стороны согласились на государственную регистрацию религиозных школ, а также включить преподавание трех дисциплин – математики, английского языка и истории Пакистана. Однако улема категорически отказались от контроля медресе со стороны провинциальных министерств образования.

Подобное положение дел пакистанские СМИ отмечали и в других провинциях. Например, только в июле 2020 г. высшее политическое и военное руководство провинции договорилось о проведении реформы семинарий в Синде.

Отсутствие опыта принятия стратегических решений и жесткое давление оппозиции в 2018–2021 гг. подтолкнули самого И. Хана к тесному взаимодействию с генералитетом; их отношения складывались открыто и доброжелательно. Генерал Камар Джавед Баджва и премьер Имран Хан нашли понимание в вопросе внутренней и внешней безопасности на ближайшие четыре-пять лет. Истеблишмент получил требуемую поддержку правительства в борьбе с терроризмом и экстремизмом в рамках НПД. Это было крайне важно, так как армия «... продолжала военные кампании по сдерживанию волны терроризма с тем, чтобы Пакистан работал в направлении устойчивого развития и улучшения экономических условий слаборазвитых районов»⁷.

Летом 2018 г. армия активизировала военную операцию Радд-уль-Фасаад, приказ о начале которой был отдан еще в 2017 г. с целью зачистки городских районов и установления прочного мира. Кампания проводилась в рамках НПД.

И уже в марте 2019 г. председательствующий на первом заседании Национального комитета внутренней безопасности премьер-министр И. Хан назвал реализацию Национального плана действий «главным приоритетом своего правительства». Получив поддержку главы исполнительной власти, армия ускорила реализацию НПД.

Однако одних только армейских ресурсов было недостаточно для ликвидации экстремистских элементов в урбанизированных центрах страны. Требовалась поддержка центральных властей для «активизации» реформы полиции, стартовавшей еще в 2002 г., в период правления генерала-президента П. Мушаррафа. И власти Исламабада поддерживали ее, в первую очередь в провинции Хайбер-Пахтунхва, пограничной с Афганистаном.

Премьер-министр поддержал начальника штаба армии в вопросе разрешения на владение огнестрельным оружием гражданскому населению. «Право носить оружие должно быть у государства, а не у запрещенных группировок или частных охранных организаций. Армия уже выполнила свою часть плана... серьезные проблемы, с которыми сталкивается Пакистан, не могут быть решены без поддержки военных», – заявил Имран Хан⁸.

Совместная борьба генералитета и правоохранительных органов с терроризмом и постепенное искоренение экстремизма в стране

объяснялось не только требованием времени, но и гарантиями властей Пакистана Председателю КНР Си Цзиньпину обеспечить безопасность Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Контракт на сумму в 46 млн долл. был подписан в 2015 г.⁹

Первый вызов, с которым столкнулось правительство И. Хана, – надвигавшаяся угроза кризиса платежного баланса. Рост бюджетного дефицита оставался на уровне 6 и 6,6% ВВП в 2017/18 финансовом году. Казна не досчиталась 8 млрд долл. на погашение внешнего долга. Государственный банк Пакистана оказался не в состоянии оплачивать кредиты ряда проектов КПЭК, а иностранной валюты в казне для обслуживания долгов за импортные поставки оставалось на два-три месяца.

Новые власти осенью 2018 г. провели ревизию проектов КПЭК. Пакистан имел обязательства по выплате долга в размере 6017 млрд долл.¹⁰ Задержки платежей бизнес-партнерам в Поднебесной, учитывая кризис с ликвидностью, вызвали напряженность в пакистано-китайских отношениях осенью 2018 г.

Дефицит наличности отчасти был спровоцирован Китаем. Ряд положений контрактов, подписанных в рамках «всепогодного стратегического совместного партнерства» в апреле 2015 г. премьер-министром Н. Шарифом и Председателем КНР Си Цзиньпином, уже тогда вызывал вопросы, например о непрозрачности финансовых схем оплаты проектов и завышенных процентных ставках кредитования. Но открытая критика проекта в Пакистане в годы правления премьер-министра Наваз Шарифа оставалась под запретом.

Неразглашение финансовых статей соглашений по КПЭК пакистанские СМИ признали одной из предпосылок возможной несостоятельности Исламабада по оплате китайских кредитов¹¹.

Военно-гражданские власти приняли решение о назначении отставного генерал-лейтенанта А. Баджвы председателем Правления КПЭК. Объясняя свои действия, И. Хан заявил, что выбирает «лучших», так как генерал имел опыт руководства Южным командованием армии в Белуджистане – провинции, наиболее пострадавшей от повстанческих группировок. Порт Гвадар занимал центральное положение в КПЭК. В свою очередь, А. Баджва указал на серьезный политический сдвиг во внешней политике страны. «Китайско-пакистанский экономический коридор – это не только связующее звено

Север – Юг. Пакистан получит доступ в Центральную Азию через Афганистан...и чтобы наладить надлежащую экономическую деятельность, важно открыть страну для торговли с Востока на Запад»¹². Позднее, в 2020 г., председатель Правления КПЭК А. Баджва дополнительно получил назначение специальным помощником премьер-министра по вопросам информации и радиовещания. Пакистанские СМИ ответили жесткой критикой, подчеркивая, что большая часть национальных средств массовой информации находится под влиянием военного Департамента информации; правительство опасается освещения массовых митингов оппозиции и что это признак слабости, так как в век социальных сетей подобные ограничения контрпродуктивны¹³. Военно-гражданские власти продолжили тенденцию укрепления позиций генералитета на ключевых должностях в стратегически значимых для страны экономических проектах.

Строительство или модернизацию многих крупных промышленных объектов в рамках инвестиционных проектов выполняли подрядные организации, аффилированные с армией. Одной из них является, например, Frontier Works Organization (FWO), которая была выделена из структуры инженеров пакистанской армии еще в 1966 г. Правительство Пакистана подписало контракт с китайской строительной группой на возведение комплекса плотины Диамер-Бхаша. Реализация проекта добавит 4500 мегаватт дополнительной электроэнергии в национальную сеть. Строительство водозаборной системы, главной плотины, подъездного моста и гидроэлектростанции Тангир мощностью 21 мегаватт осуществляла FWO.

Власти продолжили назначать отставных военных на ключевые позиции в госаппарате и экономическом секторе. Председателем Управления по развитию водоснабжения и энергетики (Wapda) премьер-министр И. Хан назначил генерал-лейтенанта в отставке М. Хусейна. Ранней весной 2019 г. произошли изменения и в кадровом составе федерального Кабинета министров. Один из значимых портфелей – министра внутренних дел – получил генерал в отставке Иджас Ахмад Шах, бывший глава Межвидовой разведки Пакистана. Позднее именно он реализовал давно ожидаемую реформу Министерства внутренних дел, полувоенных формирований и полиции.

Дефицит платежного баланса, падение темпов и объемов экспорта, рост безработицы, инфляция – все это подтверждало углу-

бление экономического кризиса. Причин называлось несколько: постоянные угрозы безопасности, непоследовательная экономическая политика, слабая исполнительная дисциплина и отсутствие воли к принятию трудных решений в прошлом. И вновь истеблишмент оказал поддержку федеральному правительству. В июне 2019 г. премьер-министр учредил Национальный совет развития (НСР) и в его состав включил генерала А. Баджву. Он подтвердил, что страна переживала сложную экономическую ситуацию из-за неэффективного управления, низкой базы сбора налогов, убыточности предприятий государственного сектора, фискальной недисциплинированности, серой экономики, слабого институционального потенциала, снижения объемов экспорта. «Совокупный долг нанес ущерб национальной экономике... и в отсутствие экономического суверенитета не может быть никакого суверенитета», – подчеркнул генерал¹⁴.

Правительство впервые сократило гражданские статьи расходов на следующий 2019/20 финансовый год на 50 млрд рупий. Вооруженные силы также сыграли свою роль, добровольно отказавшись от ежегодного повышения оборонного бюджета, и это был не единственный шаг, предпринятый генералитетом для оздоровления экономики.

Цель НСР – ускорение экономического развития и улучшение координации между провинциями и федерацией, разработка долгосрочного стратегического планирования проектов национальной инфраструктуры и их подключение к региональной инфраструктуре. Например, при формировании федерального бюджета на 2020/21 финансовый год железнодорожный проект МЛ-1 был одним из приоритетных в пакистанской экономике, одним из центральных звеньев проекта КПЭК китайской инициативы «Пояс и Путь». В дальнейшем планировалось «увязать» его с железнодорожным треком Афганистана и далее ЦА. Стратегическая значимость проекта обусловила выделение 6 млрд рупий на модернизацию¹⁵.

Однако учреждение НСР подверглось критике: оппоненты И. Хана утверждали, что совет подрывал статус Национального экономического совета (НЭК), определяемого статьей 156-й Конституции Пакистана, создавая, таким образом, параллельную структуру управления. Критики также выступили против включения начальника штаба армии в его состав, что означало признание пакистанской

армии официальной частью планирования экономической политики правительства. Это был беспрецедентный шаг И. Хана.

Пакистанские СМИ также ответили статьями с «угрозами», утверждая, что генерал К. Баджва наведет порядок и в экономике страны¹⁶. Оправдывая свое включение в экономический блок, генерал К. Баджва подчеркивал, что «национальная безопасность тесно связана с экономикой и процветание нации возможно в условиях безопасности и экономического роста».

В июне 2019 г. премьер-министр И. Хан включил представителей Межвидовой разведки (МР) и Военной разведки в состав влиятельной комиссии по выяснению причин, во-первых, возникновения высокого государственного долга, во-вторых, падения экспортных показателей. По данным пакистанских СМИ, около половины доходов страны расходовалось на выплату кредитов и процентов по кредитам¹⁷. Позднее Федеральный совет по доходам подготовил доклад о налоговом режиме экспортно ориентированных секторов ряда азиатских стран, включая Пакистан, а также об отмене режима нулевого рейтинга для пяти экспортно ориентированных секторов экономики, включая текстильную промышленность. Сравнительный анализ был сделан с целью разработки Правил освобождения от возврата налога с продаж, чтобы избежать кризиса ликвидности для экспортно ориентированных секторов.

Экономические трудности подтолкнули оппозицию усилить давление на правительство, объявив о начале общенационального протестного движения в июле 2019 г.

Тесное взаимодействие армии и властей лежало в основе решения И. Хана 19 августа 2019 г. о продлении срока полномочий начальника штаба армии генерала К. Баджвы еще на три года, т. е. до 26 ноября 2022 г. Бывший премьер-министр Н. Шариф еще 26 ноября 2016 г. назначил его на эту должность. Несмотря на то что это было сделано в обход трех генералов, в уведомлении, подписанном премьер-министром, говорилось, что «...генерал Камар Джавед Баджва назначен начальником штаба армии еще на один трехлетний срок с даты завершения нынешнего срока полномочий... учитывая ситуацию в области региональной безопасности»¹⁸. В соответствии со статьей 243-й Конституции Пакистана, командование Вооруженными силами назначается президентом по рекомендации премьер-министра. Благожелательность главы Кабинета министров натолкнулась на сопротивление

юридического сообщества. Верховный суд 28 ноября 2019 г. приостановил действие постановления правительства, подчеркнув отсутствие закона, продлевавшего срок полномочий командующего сухопутными войсками. Но после заверений правительства о том, что парламент примет законопроект о переназначении командующего армией в течение шести месяцев, суд продлил срок полномочий генерала К. Баджвы. Оппозиционные партии ПМЛ (Н) и ПНП поддержали его кандидатуру. Генерал был вторым командующим армии после генерала Ашфака Первез Кияни (2010 г.), срок полномочий которого был продлен.

Комитет национальной безопасности (КНБ) вновь активизировал работу в 2019 г. Основная цель его созыва – обсуждение и принятие решений совместно с командованием армии в ответ на вызовы безопасности страны. Парламентский орган был учрежден в 2013 г. экс-премьером Н. Шарифом, точнее, он переименовал Совет национальной безопасности (СНБ), основанный генералом-президентом П. Мушаррафом в 2004 г. Но в тот период СНБ представлял собой внепарламентский орган, т. е. неподконтрольный депутатскому корпусу. Переименовав СНБ в КНБ, Н. Шариф ввел его в парламентскую структуру (большинство принадлежало возглавляемой им ПМЛ (Н), но главное – возглавил его, отдав генералитету роль советников.

Но и с 2019 г. роль КНБ вновь меняется, точнее, нивелируется. В первый раз премьер-министр И. Хан созвал КНБ в августе 2019 г. для обсуждения с генералитетом «...действий Индии в связи с быстро ухудшающейся ситуацией в оккупированном Индией Джамму и Кашмире ... и внутривнутриполитическую ситуацию в Индии»¹⁹.

Второй раз И. Хан председательствовал в августе 2019 г. на заседании КНБ, в повестке дня которого обсуждались меры противодействия пандемии коронавируса. Было принято решение о создании Национального координационного комитета (НKK). Однако, несмотря на это, 13 марта 2020 г. Департамент связи с общественностью Генштаба учредил Национальный командно-оперативный центр. КНБ созывался главой Кабинета министров только в ответ на общенациональные вызовы, Необходимость проведения регулярных созывов отпала, так как решения принимались во время многочисленных встреч премьер-министра И. Хана и генерала К. Баджвы. Низкая активность КНБ вызвала критику парламентариев за снижение внимания к институционализации отношений между избранным

политическим правительством и военным руководством и контроля со стороны парламента.

Отсутствие конфронтации между истеблишментом и правящей ППС, а также истеблишментом и политической оппозицией в 2018 – начале 2020 г. способствовало быстрому обсуждению и одобрению нижней палатой, Национальной ассамблеей в январе 2020 г. нескольких законопроектов, предложенных генералитетом. Один из первых – «Национальная антинаркотическая политика, 2019». Документ предусматривал усиление правоприменительных мер, расширение механизма международного сотрудничества и разработку стратегии сокращения спроса на наркотики, т. е. набор инструментариев, направленных на эффективное противодействие угрозе распространению наркотиков.

Правительство заручилось поддержкой оппозиционных партий в нижней палате парламента, а также председателя Объединенного комитета начальников штабов трех законопроектов, касавшихся Вооруженных сил страны: о повышении пенсионного возраста с 60 до 64 лет начальников сухопутных войск – законопроект о пакистанской армии (поправка) 2020 г.²⁰, законопроект о Военно-воздушных силах Пакистана (поправка) 2020 г.²¹ и законопроект о Военно-морском флоте Пакистана (поправка) 2020 г.²² Законопроекты были одобрены большинством голосов, учитывая, что ПМЛ (Н) и ПНП поддерживали их, а Джамаат Улема-и-Ислам (Фазл) и Джаамат-и-Ислами бойкотировали сессию. Президент Алви подписал их. Это способствовало продлению срока полномочий еще на три года генералу К. Баджве.

Немногим позднее была одобрена поправка и вступила в силу новая редакция Закона об армии, согласно которому сенаторам, членам Национальной ассамблеи, членам провинциальных собраний и чиновникам 22-го класса выдавалась лицензия на ношение оружия и боеприпасов для личного пользования²³.

На фоне доброжелательных отношений исполнительной власти и истеблишмента представлялось, что и другие государственные институты, в частности адвокатский корпус, благосклонны к истеблишменту. Но давняя затаенная обида вновь, как и в 2007 г., проявилась в декабре 2019 г. Специальный суд Пакистана 17 декабря 2019 г. вынес смертный приговор через повешение генералу-пре-

зиденту в отставке Первезу Мушаррафу (1999–2008 гг.), обвинив его в нарушении статьи 6-й Конституции 1973 г. – государственной измене и демонтаже судебной системы. Обвинение было предъявлено и высшему военному командованию, которое, как утверждалось, поддержало введение Чрезвычайного положения в 1999 г. и 2007 г.²⁴

Конечно, ни о каком судебном процессе вопрос даже и не стоял. Интрига подобного выпада заключалась в том, что приговор зачитал главный судья Верховного суда Коса, произнося речь по поводу своей отставки за выслугой лет, т. е. в последний час последнего дня исполнения своих обязанностей. Это был очередной запоздалый ответный удар судей П. Мушаррафу, который захватил власть в октябре 1999 г., издал Указ о чрезвычайном положении (УЧП) и Временный конституционный указ (ВКУ) и предпринял жесткие меры в отношении судебной системы. Верховному суду и судам низшей инстанции в те дни запрещалось принимать решения, направленные против главы исполнительной власти или иного лица, осуществлявшего полномочия под его руководством.

Истеблишмент отреагировал незамедлительно. В пресс-релизе Департамента связи с общественностью подчеркивалось, что «был проигнорирован надлежащий юридический процесс, включая полномочия специального суда, отказ в основополагающем праве на защиту, проведение необходимых разбирательств и поспешное завершение дела... Вердикт не ставил под сомнение профессиональную службу и вклад генерала П. Мушаррафа, но был вынесен исключительно по обвинению в провозглашении Чрезвычайного положения и демонтаже судебной системы в ноябре 2007 г.»²⁵

Подобный выпад против истеблишмента лишний раз подтверждал отрицание адвокатским сообществом активного включения военных в государственное управление. В ответ юристы заявили, что «...решение Специального суда, которое было подвергнуто критике должностным лицом армии, создает впечатление, что все институты в Пакистане подчинены Вооруженным силам, следуют их диктату и не уважают ни один другой форум, включая Судебную власть. Правовое сообщество считает, что позиция, принятая федеральным правительством, его министрами, сотрудниками правоохранительных органов, и особенно Генеральным прокурором Пакистана, также

доказывает, что партия власти (правящая Пакистанская партия справедливости – *Н.З.*) была установлена армией и ее институт находится на руководящем месте, и именно поэтому они также критикуют Решение Суда».

Молниеносный судебный процесс над Мушаррафом и такой же приговор по времени совпали с массовыми выступлениями политической оппозиции с целью свержения главы Кабинета министров И. Хана. Это подтверждало наличие напряженности между военным истеблишментом и частью политической оппозиции, ее обвинений в поддержке правящей Пакистанской партии справедливости.

Премьер-министр И. Хан одобрил учреждение Национального координационного комитета разведки (НККР). Новый орган возглавил генеральный директор Межвидовой разведки. Функция комитета – координация деятельности более двух десятков разведывательных организаций, включая Национальное управление по борьбе с терроризмом. Отсутствие подобного органа рассматривалось генералитетом как препятствие для выработки коллективной стратегии безопасности. Учреждение НККР – часть долгожданной реформы разведывательного аппарата. Один из уроков, извлеченных в ходе борьбы с терроризмом, заключался в отсутствии эффективной координации разведывательных центров при проведении военных операций, и как результат – потеря критического времени.

Одна из основных задач генералитета в рассматриваемый период – проведение реформы (частичной) Вооруженных сил и правоохранительных органов. Фактически реформа в 2020 г. представляла в определенной степени возврат к структуре в период до прихода к власти в 2013 г. премьер-министра Наваз Шарифа. Назначенный им М. Чоудхри главой Министерства внутренних дел (МВД) инициировал в 2014 г. реформу правоохранительных органов, разведывательных агентств и пограничных войск с целью переподчинить их исключительно МВД и, соответственно, главе исполнительной власти.

Очередным вызовом генералитету в 2020 г. стали оправдательные приговоры Высокого суда Пешавара (ВСП) 196 гражданам, осужденным военными судами. ВСП постановил, что военные суды нарушили Закон о пакистанской армии, не предоставив обвиняемым адвоката по выбору, и обвинительные приговоры вынесены, несмо-

тря на отсутствие доказательств причастности обвиняемого к совершению теракта²⁶. Вызовом для генералитета было не столько обвинение в нарушении законодательства, сколько очередное препятствие в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Военные суды в Пакистане были восстановлены в январе 2015 г. в соответствии с 21-й поправкой к конституции сроком на два года. В 2017 г. в соответствии с 23-й поправкой к Основному закону страны срок их полномочий также был продлен. Теракт в декабре 2014 г., в результате которого погибли более 160 детей, подтолкнул и правящую в те годы ПМЛ (Н), и все политические партии к согласию на возобновление военных судов. Таким образом, генералитет рассматривал их работу как часть борьбы с террором во внутренних районах страны.

Пешавар – административная столица провинции Хайбер-Пахтунхва, где сильные позиции традиционно имеют праворелигиозные партии Пакистана. В 1990-х годах они поддерживали режим талибов в Афганистане и в 2015 г. резко выступили против возобновления военных судов. В 2020 г. противостояние генералитета и праворелигиозного крыла политической оппозиции возобновилось. Но уже в июле 2020 г. коллегия Верховного суда приостановила решение Высокого суда Пешавара об освобождении 196 осужденных.

Осенью 2020 г. стартовало массовое оппозиционное Демократическое движение Пакистана (ДДП), в состав которого вошли 11 партий: Пакистанская народная партия (ПНП), Пакистанская мусульманская лига (Наваз) (ПМЛ (Н), ДУИ(Ф) и др. Возглавил ДДП маулана Фазлул Рехман. Движение повторило призыв 2018 г. к отставке действовавшего премьер-министра И. Хана и возглавляемого им центрального правительства. ДДП воздержалось от критики истеблишмента.

Перед началом массового оппозиционного движения 12 сентября 2020 г. генерал К. Баджва дважды встречался с представителями ПМЛ (Н) и ПНП, подтвердив, что правовые вопросы решаются в пакистанских судах, а политические – в парламенте. Он заверил, что армия не вмешивается в вопросы внутренней политики.

Каждая оппозиционная партия преследовала свои интересы, прикрываясь демократическими лозунгами. В рамках борьбы с коррупцией, объявленной премьером И. Ханом, Национальное бюро отчетности (НБО) инициировало несколько громких судебных дел

против бывших руководителей Пакистана, членов ПМЛ (Н) и ПНП. Их лидеры были убеждены, что истеблишмент диктует Национальному бюро отчетности (НБО – орган по контролю за сбором налогов) возбуждать судебные дела против них по обвинению в коррупции. В свою очередь, военные отрицали обвинения. Тем не менее неспособность достичь соглашения с властями также стала одной из причин того, что ПМЛ(Н) заняла жесткую позицию против истеблишмента.

Н. Шариф, который «вернулся» в политику в сентябре 2020 г. после годовичного перерыва, выдвинул серьезные обвинения в адрес армии в политическом вмешательстве во внутренние дела. Обвинения прозвучали в октябре 2020 г. по видеосвязи во время массовой демонстрации из Лондона. Поздней осенью 2019 г. власти Пакистана разрешили экс-премьеру Н. Шарифу выехать за границу на лечение. Высокий суд Лахора в ноябре 2019 г. разрешил экс-премьеру Н. Шарифу выехать в Великобританию на лечение на четыре недели. Срок пребывания за границей разрешалось продлить на основании медицинского заключения о состоянии его здоровья без предоставления компенсационных обязательств, требуемых правительством в Исламабаде. Плохое самочувствие не помешало ему «вернуться» в политику на родине. В октябре 2020 г. после годовичного перерыва он выдвинул серьезные обвинения в адрес армии в политическом вмешательстве во внутренние дела Пакистана. Обвинения прозвучали из Лондона по видеосвязи во время массовой демонстрации в пакистанском Панджабе²⁷.

Критика вызвала раздражение генералитета, который заявил, что «...правовые иски рассматриваются в пакистанских судах, а решение политических вопросов принимает парламент, а армия не должна вмешиваться ...»²⁸.

Но выступление Н. Шарифа «открыло ящик Пандоры». Оппозиционные партии, забыв о соперничестве, объединились в борьбе с правительством И. Хана, которое, по их убеждению, полагалось на силовые структуры. Оппозиция обвиняла И. Хана в том, что к власти привел его истеблишмент. ДДП главной целью ставило создание условий, чтобы заставить истеблишмент отказаться от поддержки правительства Пакистанской партии справедливости.

Истеблишмент сохранил в 2018–2020 гг. доминирующее влияние на внешнюю политику и политику безопасности в Пакистане. События показали, что правящая Пакистанская партия справедли-

ности не имеет прочной базы социальной поддержки населения ни на низовом уровне, ни в парламенте, а также контроля над гражданской бюрократией и государственными институтами. Это поставило И. Хана в зависимую позицию от Вооруженных сил, органов безопасности и спецслужб, которые не позволяют ситуации выйти из-под контроля. В свою очередь, истеблишмент также заинтересован в сохранении правительства ППС.

Зависимость команды федеральных управленцев будет усиливаться, учитывая внутривнутриполитическую нестабильность, экономический кризис, отсутствие условий для проведения структурных социально-экономических реформ и т. д.

¹ Elections 2018: A New Road to Opportunity URL: <https://www.hilal.gov.pk/eng-artical/elections-2018:-a-new-road-to-opportunity/MTEzOA==.html> (September, 2018) (дата обращения: 07.12.2018).

² Замараева Н.А. Политический кризис в Пакистане 2017–2018 гг. // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7. DOI: 10.31857/S032150750000095-6 С. 27–33.

³ Moment is watershed; time ahead may be very good or bad: Paint Pakistan positive for six months, says DG ISPR URL: <https://www.thenews.com.pk/print/402614-moment-is-watershed-time-ahead-may-be-very-good-or-bad-paint-pakistan-positive-for-six-months-says-dg-ispr> (дата обращения: 07.12.2018).

⁴ Elections 2018: A New Road to Opportunity. URL: <https://www.hilal.gov.pk/eng-artical/elections-2018:-a-new-road-to-opportunity/MTEzOA==.html> (September 2018) (дата обращения: 07.12.2018).

⁵ YouTube. Minister of Foreign Affairs Shah Mahmood Qureshi Exclusive Interview on CNN Amanpour. February 28, 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=a6iU8r-M1_6Y (дата обращения: 05.03.2019).

⁶ Opposition to attend NAP briefing only if PM gives it in parliament. URL: <https://www.dawn.com/news/1473256/opposition-to-attend-nap-briefing-only-if-pm-gives-it-in-parliament> (дата обращения: 02.04.2019).

⁷ Read: Full text of Gen Bajwa's speech at the Islamabad Security Dialogue. URL: <https://www.dawn.com/news/1613207/read-full-text-of-gen-bajwas-speech-at-the-islamabad-security-dialogue> (дата обращения: 17.03.2021).

⁸ 'Pakistan differs with US on Indian role in Afghanistan'. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/363088-pakistan-differs-with-us-on-indian-role-in-afghanistan> (дата обращения: 03.09.2018).

⁹ Замараева Н.А. Проект Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) – первые вызовы реализации // Востоковедение: история и методология. М.: ИВ РАН, 2019. Вып. 1. ISSN– ISSN 2686-8202 ISBN 978-5-89282-937-3ю С. 45–55.

¹⁰ Statement from Chinese Embassy 2018/12/29/. URL: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbgx/t1625941.htm> (дата обращения: 29.12.2018).

¹¹ Замараева Н.А. КНР на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии (проект Китайско-пакистанского экономического коридора) // Китай в мировой и реги-

ональной политике. История и современность. Вып. XXIV. М.: ИДВ РАН, 2019. ISBN 978-5-8381-0355-0 ISSN 2618-6888. С. 207–224. URL: <http://www.ifes-ras.ru/online-library/book/12-cw/370-Kitmir2019>

¹² 'Time is up': DG ISPR warns PTM leadership in press conference. URL: <https://www.dawn.com/news/1479183> (дата обращения: 29.04.2019).

¹³ Perils of authoritarianism. URL: <https://www.dawn.com/news/1497214/perils-of-authoritarianism> (дата обращения: 31.07.2019).

¹⁴ Sovereignty hinges on economic autonomy, says army chief. URL: <https://tribune.com.pk/story/2002122/1-cannot-sovereignty-absence-economic-sovereignty-coas/> (дата обращения: 28.06.2019).

¹⁵ Budget and CPEC. URL: <https://nation.com.pk/24-Jun-2020/budget-and-cpec> (дата обращения: 25.06.2020).

¹⁶ COAS Gen Bajwa points to 'fiscal mismanagement' as reason behind Pakistan's economic woes URL: <https://www.dawn.com/news/1490923> (дата обращения: 28.06.2019).

¹⁷ Provision of jobs in tribal districts top priority: PM. URL: <https://tribune.com.pk/story/2014043/1-provision-jobs-tribal-districts-top-priority-pm/> (дата обращения: 15.07.2019).

¹⁸ Army chief Gen Bajwa's tenure extended for another 3 years. URL: <https://www.dawn.com/news/1500427/army-chief-gen-bajwas-term-extended-for-another-3-years> (дата обращения: 19.08.2019).

¹⁹ PM chairs meeting of the National Security Committee. URL: https://pmo.gov.pk/press-release_details.php?pr_id=2944 (дата обращения: 04.08.2019).

²⁰ The Pakistan Army (Amendment) Bill 2020. URL: http://www.na.gov.pk/uploads/documents/1578042355_531.pdf 03.01.2020 (дата обращения: 03.01.2020).

²¹ The Pakistan Air Force (Amendment) Bill 2020. URL: http://www.na.gov.pk/uploads/documents/1578042443_542.pdf 03.01.2020 (дата обращения: 03.01.2020).

²² The Pakistan Navy (Amendment) Bill 2020. URL: http://www.na.gov.pk/uploads/documents/1578042557_594.pdf 03.01.2020 (дата обращения: 03.01.2020).

²³ The Pakistan Arms (Amendment) Bill, 2020. URL: http://senate.gov.pk/uploads/documents/1611722402_744.pdf 09.03.2020 (дата обращения: 09.03.2020).

²⁴ Complete text of the judgement in Trial of Gen. (R) Pervez Musharraf for the high treason defined at article 6 of the Constitution, punishable by High Treason Punishment Act, 1973, through abrogation of the Constitution on promulgation of self-declared emergency and dismantling of the judicial system. URL: https://ru.scribd.com/document/440357769/Special-court-s-detailed-verdict-in-Musharraf-treason-case#fullscreen&from_embed (дата обращения: 30.12.2019).

²⁵ ISPR, [Website], 2019, URL: <https://www.ispr.gov.pk/press-release-detail.php?id=5554> (дата обращения: 30.12.2019).

²⁶ Terror conviction by army courts in 196 cases against law: PHC. URL: <https://www.dawn.com/news/1568225/terror-conviction-by-army-courts-in-196-cases-against-law-phc> (дата обращения: 11.07.2020).

²⁷ Opposition speaking against army, ISI chiefs proves my selection was absolutely right: PM Imran URL: <https://www.dawn.com/news/1588027/opposition-speaking-against-army-isi-chiefs-proves-my-selection-was-absolutely-right-pm-imran> (дата обращения: 02.11.2020).

²⁸ Anti-military narrative has divided PML-N: Imran. URL: <https://tribune.com.pk/story/2270789/anti-military-narrative-has-divided-pml-n-imran> (дата обращения: 02.11.2020).

Раздел V

СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.31696/978-5-907384-66-8-336-347

И.А. Свистунова

Политика Турции в сфере образования для немусульманских меньшинств

Резюме. Немусульманские меньшинства в Турции с османских времен до наших дней имеют возможность получать образование в собственных учебных заведениях. В республиканской Турции порядок функционирования школ меньшинств неоднократно подвергался различным изменениям. Несмотря на ряд сложностей, на современном этапе система образования для меньшинств успешно действует и опирается на исторические традиции. Политика Турции в этом вопросе отражает особенности общественно-политического развития страны.

Ключевые слова: Турция, немусульманские меньшинства, образование, школы меньшинств

Summary. Non-Muslim minorities in Turkey have the opportunity to get an education in their own schools starting from the Ottoman period to this day. In Turkish Republic the regulation of the minorities schools functioning has been a subject to numerous changes. Despite a number of difficulties, nowadays the system of minorities education functions successfully and is based on historical traditions. Turkish politics in this area reflect the specifics of social-political development of the country.

Key words: Turkey, non-Muslim minorities, education, schools of minorities

Свистунова Ирина Александровна – старший научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, кандидат исторических наук. ORCID: 0000-0001-5191-9090.

Представители трех основных немусульманских меньшинств Турции (православного, армяно-григорианского и иудейского) с османских времен имеют возможность получать образование в собственных учебных заведениях. В Османской империи свои школы были и у других немусульман – болгар, халдеев, ассирийцев, маронитов, однако в республиканский период они были закрыты¹. После распада империи значительная часть представителей этих групп населения оказалась на территории других стран. В то же время Лозаннский договор (1923 г.), определяющий права немусульманских меньшинств в Турции, в том числе, право иметь свои учебные заведения, не указывает, какие именно конфессии считаются «немусульманскими меньшинствами», на которые распространяются положения договора. Принято считать, что эти меньшинства – три основные немусульманские общины Турции, которые являются историческим продолжением османской системы миллетов. Именно эти группы населения – «греческое, армянское и еврейское меньшинства» – упоминаются в турецком законодательстве². В настоящее время в Турции насчитывается порядка 3–4 тыс. православных греков, 60–70 тыс. армян, 17 тыс. евреев³, которые имеют турецкое гражданство и относятся к историческим немусульманским меньшинствам.

Правовые аспекты: история вопроса

В республиканский период порядок функционирования школ меньшинств неоднократно подвергался различным изменениям. Во многом это было связано с масштабным процессом реформ всех сфер жизни государства и общества, осуществлявшихся в кемалистской Турции. На основании Лозаннского договора немусульманские общины получили некоторую автономию в управлении школами, которые играли роль центров национальной культуры. В дальнейшем различные законодательные акты вносили коррективы в порядок функционирования системы образования для немусульман.

В 1924 г. все учебные заведения Турции, включая школы меньшинств и иностранные школы, были переданы в ведение Министерства просвещения в соответствии с законом № 430 «О едином образовании». Ключевыми задачами турецкого государства в сфере образования в то время были введение универсальных образователь-

ных стандартов, воспитание учащихся в духе национального единства и внедрение принципа светскости. В фокусе секуляризации находились мусульманские учебные заведения. В законе отдельно оговаривалась передача Министерству просвещения всех медресе и школ имамов-хатибов, которыми ранее руководило Министерство по делам шариата и вакуфов⁴.

Реформы не обошли стороной и школы немусульманских общин. В течение трех лет министерство обновляло требования к школам меньшинств и направляло им циркулярные письма с новыми правилами. Циркуляр 1924 г. предписывал школам меньшинств и иностранным школам убрать из зданий учебных заведений всю религиозную символику, иностранные флаги и портреты деятелей других стран. Запрещалось использовать учебники, в которых содержались изображения религиозного характера. Школы, которые отказались выполнить эти распоряжения, были закрыты⁵.

Циркулярное письмо 1925 г. запретило ведение в школах меньшинств «религиозной пропаганды». Было установлено правило, согласно которому учителей турецкого языка, турецкой истории и географии назначало министерство, при этом им полагалось быть этническими турками. На территории школ запрещались любые негативные высказывания о турках, их истории, их государстве⁶.

В циркуляре от 1926 г.⁷ уточнялось, что назначаемые министерством преподаватели турецкого языка и истории должны быть не только турками, но также «обладать национальным сознанием и национальными чувствами». Документ содержал следующие предписания школам меньшинств:

- заполнять школьные документы на турецком языке;
- в самом почетном месте школы повесить большой портрет турецкого президента;
- не размещать крест нигде, кроме школьной церкви;
- убрать изображения святых из армянских учебников;
- закрыть доступ в школьную церковь посторонних лиц.

Чиновникам, ответственным за вопросы просвещения в тех вилайетах, где находились школы, предписывалось лично инспектировать их деятельность, в частности проверять квалификацию работающих там учителей. В случае если бы закрытая школа тайно

продолжила свою деятельность, чиновники данного вилайета подлежали увольнению.

Любопытным представляется пункт циркуляра, предписывавший разослать во все школы меньшинств и иностранные школы османское Положение о деятельности школ от 1915 г. Не знакомым с этим документом учебным заведениям следовало его изучить. Это свидетельствует о двух важных особенностях организации системы образования для немусульман в республиканской Турции. Во-первых, несмотря на то что к 1926 г. страна уже встала на путь глубоких реформ, в этой сфере республиканские власти планировали сохранить преемственность и опираться на имперский опыт. Во-вторых, в республиканский период сохранился прежний подход, в рамках которого деятельность школ немусульманских меньшинств регулировалась теми же положениями, что и деятельность иностранных школ.

В 1937 г. был сделан еще один шаг на пути ужесточения государственного контроля над образованием для немусульманских меньшинств. Министерство образования постановило, что подбор учебников и методической литературы для школ меньшинств будет осуществляться самим министерством. Создавалась особая комиссия для анализа учебников, написанных на языках, отличных от турецкого.

В 1965 г. в Турции был принят закон № 625 «О частных учебных заведениях», в котором были зафиксированы правила создания и функционирования частных школ, их положение в турецкой системе образования, требования к преподавателям, учебным программам и пр. Закон не содержал выражения «школы меньшинств», но они подлежали регулированию этим законом в качестве частных учебных заведений. В статье 25-й содержалась отсылка к «школам, о которых говорится в статьях 40-й и 41-й» Лозаннского договора. Особенности функционирования этих школ должны были прописываться в их уставе. В школах могли обучаться только граждане Турецкой Республики⁸.

Стоит отметить, что положения Лозаннского договора, который формально лежал в основе регулирования статуса меньшинств, носили достаточно общий характер. К тому же со времени его принятия численность немусульманских меньшинств в Турции сократилась, особенно численность православного греческого меньшинства. В связи с этим организация образовательного процесса для мень-

шинств не всегда соответствовала тому, что предполагалось в 1923 г. Например, в статье 41-й Лозаннского договора говорилось, что в районах компактного проживания меньшинств власти обязаны обеспечить в начальных классах государственных школ преподавание на языках, понятных детям немусульман. На практике выполнить это положение было сложно, а меньшинства предпочитали отдавать детей в свои школы.

В целом система контроля над деятельностью учебных заведений немусульманских меньшинств со стороны Министерства образования была схожа с надзором за государственными школами. Турецкие власти стремились к унификации и прозрачности системы, что объясняло повышенное внимание к содержанию учебной литературы на языках немусульманских меньшинств и к квалификации преподавателей. В республиканский период школы меньшинств в значительной степени утратили автономию, которой они пользовались в Османской империи, несмотря на сохранение статуса частных учебных заведений.

Современное регулирование

На современном этапе деятельность учебных заведений немусульманских меньшинств в Турции регулируется законом № 5580 «О частных образовательных учреждениях», который был принят в 2007 г. и неоднократно подвергался редактированию в последующие годы. Этот закон определяет деятельность трех категорий частных образовательных учреждений: международных, иностранных и созданных меньшинствами. То есть турецкое законодательство в этом вопросе рассматривает меньшинства наряду с иностранцами, несмотря на то что в школах меньшинств разрешено обучаться только гражданам Турецкой Республики. По-прежнему сохраняется преемственность с османским периодом, когда единый закон регулировал деятельность школ меньшинств и иностранных школ.

В законе 2007 г. появилось упоминание о «школах меньшинств» и уточнение, о каких именно этнических группах идет речь. Статья 2-я закона № 5580 гласит, что «школы меньшинств – это созданные греческим, армянским или еврейским меньшинствами на основании Лозаннского договора частные учреждения дошкольного,

начального и среднего образования, в которых обучаются граждане Турецкой Республики, относящиеся к меньшинствам»⁹.

В то же время в законе № 5580 порядок создания и функционирования школ меньшинств прописан не столь подробно, как школ, созданных иностранцами. Статья 5-я закона ссылается на Лозаннский договор и говорит о том, что детали деятельности школ меньшинств регулируются специальными постановлениями¹⁰. Важным аспектом, характеризующим подход турецких властей к вопросу образования для меньшинств, является задекларированный в Лозаннском договоре принцип взаимности. Это определяет внимание Анкары к политике Греции в сфере образования для турецкого меньшинства в этой стране.

В настоящее время действует Положение Министерства национального образования Турции о частных образовательных учреждениях, принятое в 2012 г.¹¹ В документ регулярно вносятся поправки. Положение так же, как и закон № 5580, на который оно опирается, затрагивает деятельность международных, иностранных и созданных меньшинствами учебных заведений. Представляют интерес некоторые требования Положения к школам:

- Школа может носить название на иностранном языке (в отличие от турецких частных школ).

- Если иностранные частные учебные заведения в случае отсутствия учеников имеют право приостановить свою деятельность без потери лицензии только на год или два, то для школ меньшинств этот срок не ограничен.

- Преподаватели турецкого языка и турецкой культуры для школ меньшинств утверждаются на должность муниципалитетом по представлению директора школы. Муниципалитет может назначить одного из них заместителем директора школы.

- В школах имеют право преподавать иностранные учителя, квалификацию которых проверяет муниципалитет.

- Школы меньшинств предлагают ученикам ту же учебную программу и предметы, которые преподаются в государственных школах. Министерство образования решает, какие предметы могут преподаваться не на турецком, а на другом языке. Количество часов, выделенных на преподавание предметов на языках меньшинств, также определяет министерство.

Зачастую школы меньшинств отличаются от обычных турецких школ в первую очередь тем, что учащиеся имеют возможность изучать родной язык и литературу в качестве отдельных предметов. По требованию турецкого законодательства в школах меньшинств осуществляется интенсивное преподавание турецкого языка, которым все выпускники этих школ должны владеть не хуже учащихся обычных школ.

Образовательные учреждения немусульманских меньшинств

По данным за 1913–1914 гг. на территории, которую занимает современная Турция, насчитывалось 2596 школ для представителей меньшинств – 1245 греческих, 1084 армянских, 131 еврейская¹². В 2020 г. Министерство национального образования Турции сообщало о наличии в стране следующих учебных заведений немусульманских меньшинств: 4 детских сада (209 воспитанников), 22 подготовительных класса (702 учащихся), 23 начальных школы (1065 учащихся), 21 средняя школа (1067 учащихся)¹³. В настоящее время в Стамбуле действуют 5 армянских лицеев, 4 – греческих и 1 – еврейский. Особые сложности с набором учеников в школы испытывает греческая община, наиболее малочисленная среди немусульманских меньшинств.

Представляется, что в вопросе образования для меньшинств в Турции большее значение имеет этноконфессиональный, а не этнолингвистический аспект. Как упоминалось выше, Закон о частных образовательных учреждениях (№ 5580) гласит, что обучаться в школах меньшинств могут только дети граждан Турции, которые относятся к меньшинствам. Доказательством принадлежности к меньшинству, которое должны представить родители, записывающие своих детей в школу, служит документ о вероисповедании (свидетельство о крещении). Таким образом, представители меньшинств, принявшие ислам, уже не могут обучаться в школах меньшинств.

В 2015 г. сообщалось о попытке Министерства образования запретить обучение в армянской школе двум детям, происходящим из семьи армян, когда-то принявших ислам. Отец этих детей принял решение вернуться в христианство и вместе со своим семейством крестился в армянской церкви. Однако в реестрах министерства

семья значилась как мусульманская. Отцу пришлось решать вопрос через суд, который признал его правоту, постановив, что свидетельство о крещении является основанием для обучения детей в армянской школе¹⁴.

Такое положение дел связано с тем, что официальное понимание «меньшинства» в Турции, как и в османские времена, продолжает носить не только этнический или лингвистический, но и религиозный характер.

Отсутствие в Лозаннском договоре указания на конкретные меньшинства создает трудности для турецких немусульман, не относящихся к трем основным историческим меньшинствам. Ярким примером служат турецкие ассирийцы, которые имели 29 школ в Османской империи. Община ассирийских христиан в современной Турции насчитывает 25 тыс. человек¹⁵. Исторически они компактно проживали в юго-восточных районах. С 1950-х годов началось постепенное переселение ассирийцев в Стамбул, где в настоящее время и живет большая часть общины. Последняя ассирийская школа была закрыта в 1928 г. из-за нехватки у общины материальных возможностей содержать учебное заведение. Возобновить работу школы ассирийцам больше не позволили, поскольку они официально не считались меньшинством. Лишь в 2013 г. в Мардине (Мидьяте), а в 2014 г. в Стамбуле было открыто ассирийское учреждение дошкольного образования (детский сад), благодаря чему дети турецких ассирийцев 86 лет спустя снова получили возможность изучать родной язык хотя бы на начальном уровне.

Изначально попытки ассирийцев открыть школу были пресечены Министерством образования Турции, заявившим, что ассирийцы не имеют статуса меньшинства. Однако анкарский суд, в который обратились представители ассирийской общины, постановил, что согласно Лозаннскому договору все немусульмане являются меньшинством и могут открывать школы¹⁶. Следующими целями общины являются открытие начальной и средней школы, а также лицея¹⁷. Однако по финансовым причинам пока этого сделать не удалось (высокая стоимость здания и прочие расходы). Средств общины хватает только на поддержание работы детского сада. Еще одна сложность, с которой сталкиваются ассирийцы, заключается в том, что за годы отсутствия собственной школы в общине утрачены навыки

преподавания этого древнего языка, который делится на книжный, разговорный, различные диалекты.

Турецкое руководство стремится показать интерес к ассирийскому меньшинству, совершая символические жесты. В августе 2019 г. впервые в истории республиканской Турции в районе Йешилкёй в Стамбуле был заложен фундамент ассирийской церкви. В церемонии лично принял участие президент Р.Т. Эрдоган, отметивший, что «ассирийская церковь обогатит собою культуру Стамбула»¹⁸.

Сложности, с которыми сталкиваются школы меньшинств в Турции, можно условно разделить на две группы: проблемы эмоционально-психологического свойства и вопросы организационного характера.

Координатор в Турции Международной группы по правам меньшинств Нурджан Кая отметила следующие порядки, которые воспринимаются меньшинствами как недоверие со стороны официальных властей и отсутствие равноправия:

- требование о том, чтобы заместителем директора школы был этнический турок,
- правило, по которому преподаватели турецкого языка в школах меньшинств подчиняются не руководству школы, а непосредственно Министерству образования¹⁹.

Среди организационных проблем можно выделить такие, как нехватка академических кадров и неудовлетворительное качество учебных материалов. Самостоятельное издание учебников является сложной задачей для представителей меньшинств, а учебники, которые издаются Министерством национального образования, не всегда содержат исчерпывающие сведения по культуре и истории меньшинств²⁰. Представители меньшинств отмечают и тот факт, что школы общин не являются частными в полном смысле слова, однако их деятельность регулируется Законом о частных образовательных учреждениях²¹.

В 2015 г. турецкие исследователи Б Эрйылмаз и М. Бекташ проводили интервью с представителями немусульманских меньшинств, в том числе на предмет образования. Выяснилось, что различные меньшинства волнуют разные вопросы. Еврейское меньшинство озабочено тем, что у него в Стамбуле только одно учебное заведение, точнее, комплекс, включающий в себя детский сад, начальную, среднюю

школу и лицей. В качестве дополнительных предметов к обычной программе турецких школ там изучается иврит и основы иудаизма²².

Представитель греческого меньшинства отметил нехватку преподавателей, квалификация которых позволяла бы преподавать на греческом языке различные дисциплины. Обязательными для преподавания на турецком языке являются история и география. Остальные предметы допускается изучать на греческом. Тем не менее, малочисленная греческая община не может обеспечить преподавателей, а приезд учителей из Греции осложняют бюрократические процедуры²³.

В свою очередь, самое многочисленное из немусульманских меньшинств – армянское – не испытывает сложностей в деле подготовки учителей для школ и успешно справляется с этой задачей.

Меньшинства позитивно воспринимают произошедшую при Партии справедливости и развития (ПСР) отмену запрета на посещение школ священнослужителями в религиозной одежде. Запрет был введен после военного переворота 1980 г., в результате чего даже греческий и армянский патриархи не могли войти в школу своего меньшинства в подобающем их сану одеянии.

Нерешенным остается вопрос о высших учебных заведениях немусульманских меньшинств, в которых могла бы осуществляться теологическая подготовка будущих священнослужителей. В 1971 г. Конституционный суд Турции принял решение о передаче частных высших школ государству в условиях широкого распространения различного рода частных учебных заведений. С тех пор немусульманские меньшинства в Турции лишены возможности самостоятельно подготавливать священнослужителей, которые вынуждены получать образование за рубежом. Турецкие власти неоднократно предлагали начать обучение немусульманского духовенства на факультете теологии одного из турецких университетов. Однако для меньшинств оказалась неприемлема передача религиозного образования под контроль мусульманского руководства и подчинение турецкому Совету по высшему образованию (ҮӨК).

Особую «известность» получил вопрос о греческой Духовной семинарии на острове Хейбелиада (по греч. Халки), расположенном в Мраморном море неподалеку от Стамбула. Проблема приобрела международное звучание и служит регулярным поводом для давления на Анкару со стороны США и Евросоюза. Вопрос осложняется

стремлением Константинопольского патриархата обеспечить семинарии возможность принимать студентов из-за рубежа.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что политика Турции в сфере образования для немусульманских меньшинств выстраивается под влиянием ряда факторов общественно-политического развития страны. Во-первых, несомненна определенная преемственность османских традиций, о чем свидетельствует сам факт сохранения особых учебных заведения для исторических немусульманских меньшинств. Во-вторых, система образования для немусульман испытала на себе влияние реформ, направленных на построение национального государства и секуляризацию. В-третьих, государственное регулирование этой сферы основано на восприятии меньшинств как неотъемлемой части турецкого общества, которое должно воспитываться в рамках единой системы образования. В то же время постепенный отход современной Турции от жесткого лаицизма и повышение роли религии в общественно-политической жизни, произошедший в период правления ПСР, позитивно отражается на системе образования для немусульманских меньшинств, которые получают дополнительные возможности для выражения своей этноконфессиональной идентичности.

¹ Geçmişten Günümüze Azınlık Okulları. Milliyet Gazetesi. 20.09.2013. URL: <https://www.milliyet.com.tr/egitim/gecmisten-gunumuze-azinlik-okullari-1766120> (дата обращения: 02.12.2020).

² Например, в законе № 5580 «О частных образовательных учреждениях» (Özel Öğretim Kurumları Kanunu) 2007 г.

³ Abdulhakim Günaydın. Türkiye'deki azınlıkların kültürel çıkmazı. 11 Ağustos 2019. URL: <https://www.indyturk.com/node/60756/yaşam/türkiye'deki-azınlıkların-kültürel-çıkmaızı> (дата обращения: 13.12.2020).

⁴ Киреев Н.Г. История Турции XX век. М., 2007. С. 161.

⁵ Deri M. Türkiye'de Azınlıklar ve Azınlık Okulları (Rum, Yahudi ve Ermeni Cemaatleri). İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2009. S. 167–168.

⁶ Ibid. S. 169.

⁷ Ibid. S. 170–171.

⁸ Ibid. S. 201.

⁹ Özel Öğretim Kurumları Kanunu (5580). Madde 2 (e). URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5580.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).

¹⁰ Özel Öğretim Kurumları Kanunu (5580). Madde 5. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5580.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).

- ¹¹ Millî Eğitim Bakanlığı Özel Öğretim Kurumları Yönetmeliği. URL: https://ookgm.meb.gov.tr/meb_iys_dosyalar/2020_02/25111828_Ozel_Ogretim_Kurumlari_Yonetmeliği_19022020.pdf (дата обращения: 12.12.2020).
- ¹² Azınlık Okulları Sorunlarla Açılıyor. 28 Eylül 2015. URL: <http://bianet.org/bianet/azinliklar/167867-azinlik-okullari-sorunlarla-aciliyor> (дата обращения: 19.10.2020).
- ¹³ Millî Eğitim İstatistikleri Örgün Eğitim 2019/2020. URL: http://sgb.meb.gov.tr/meb_iys_dosyalar/2020_09/04144812_meb_istatistikleri_organ_egitim_2019_2020.pdf. S. 55, 70–71. (дата обращения: 19.02.2021).
- ¹⁴ Azınlık Okulları Sorunlarla Açılıyor. 28 Eylül 2015. URL: <http://bianet.org/bianet/azinliklar/167867-azinlik-okullari-sorunlarla-aciliyor> (дата обращения: 19.10.2020).
- ¹⁵ Günaydın A. Türkiye'deki azınlıkların kültürel çıkmazı. 11 Ağustos 2019. URL: <https://www.indyturk.com/node/60756/yaşam/türkiye'deki-azinlikların-kültürel-çıkmaзı> (дата обращения: 13.12.2020).
- ¹⁶ Azınlık Okulları Sorunlarla Açılıyor. 28 Eylül 2015. URL: <http://bianet.org/bianet/azinliklar/167867-azinlik-okullari-sorunlarla-aciliyor> (дата обращения: 19.10.2020).
- ¹⁷ Süryani Cemaati ilk okulu Midyat'ta açıyor. URL: <https://www.haber7.com/egitim/haber/1079986-suryani-cemaati-ilk-okulu-midyatta-aciyor> (дата обращения: 13.12.2020).
- ¹⁸ Cumhurbaşkanı Erdoğan Süryani kilisesinin temelini attı. 03.08.2019. URL: <https://www.haberturk.com/son-dakika-haberi-cumhuriyet-tarihinde-bir-ilk-istanbul-da-suryani-kilisesi-2510200> (дата обращения: 19.01.2021).
- ¹⁹ Akgül E. Azınlık Okulları: Sorunlar ve Talepler. 21 Mart 2013. URL: <http://bianet.org/bianet/insan-haklari/145285-azinlik-okullari-sorunlar-ve-talepler> (дата обращения: 16.10.2020).
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Azınlık Okulların Geçmişi ve Sorunları. URL: <http://www.suryaniler.com/suryani-tarihi.asp?id=860> (дата обращения: 04.12.2020).
- ²² Eryılmaz B., Bertaş M. Lozan Perspektifinden Türkiye'de Azınlık Politikaları (1923–2016). Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi. Cilt 5, Sayı 2, Eylül 2017. S. 38.
- ²³ Ibid. S. 39.

Исламские праздники в Иране

Резюме. Статья посвящена описанию основных общеисламских и собственно шиитских религиозных праздников и памятных дат, отмечаемых в Иране ежегодно. К ним относятся: Праздник разговения (эйд-е фетр), Праздник жертвоприношения (эйд-е горбан), день рождения пророка Мухаммада (Маулид), объявление имама Али преемником Мухаммада (Гадир Хум), день рождения мессии Махди и дни рождения авторитетных имамов. В статье оценивается значение траурных церемоний в шиизме (ашура, арбаин). Рассматривается связь исламских и некоторых доисламских праздников и традиций.

Ключевые слова: Мухаммад, религиозные праздники, разговение, эйд-е корбан, имам Али, шиизм, ашура, арбаин, омовение ковра

Summary. The article is devoted to the description of the main general Islamic and Shiite festive occasions and memorable dates celebrated in Iran annually. These include: the Feast of Breaking the Fast (Eid al-Fitr), the Feast of Sacrifice (Eid-e Qorban), the birthday of the Prophet Muhammad (Maulid), the announcement of Imam Ali as the successor of Muhammad (Gadir Hum), the birthday of the Messiah Mahdi and the birthdays of prominent Imams.

The article assesses the significance of mourning ceremonies in Shiism (Ashura, Arbain). The connection between Islamic and some pre-Islamic festive occasions and traditions is considered.

Key words: Muhammad, religious festive occasions, Eid al-Fitr, Eid-e-Qorban, Imam Ali, Ashura, Arbain, Carpet washing ceremony

В современном Иране из всех доисламских праздников сохранились немногие, а среди тех, что празднуются повсеместно, лишь новогодний праздник Ноуруз, остальные отмечаются только в отдельных районах Ирана. Место этих праздников заняли религиозные, исламские, праздники, которые составляют основную часть всех праздничных дней в стране.

Однако мусульманские праздники не сразу заняли такое прочное место в жизни и культуре иранцев. В первые несколько веков

Полищук Александр Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-2296-4858.

после распространения ислама в Иране собственно иранские праздники, такие как Ноуруз, Мехреган и другие, официально отмечались по всей стране. Иранцы-шииты продолжали придерживаться обычаев и традиций, характерных для персов, и уважали религию предков – зороастризм, который по своей сути и нравственному значению не уступал новой религии – исламу. На протяжении всей истории иранские правители старались сочетать многовековое наследие домусульманской культуры с исламскими обычаями.

Самые значимые мусульманские праздники в Иране – праздники разговения, жертвоприношения, день объявления имама Али преемником пророка Мухаммеда («эйд-е гадир-е хом»), рождение пророка Мухаммеда и двенадцатого имама Махди.

Особое место в религиозной жизни Ирана занимают траурные дни, посвященные мученичеству почитаемых в шиизме членов семьи Пророка и его потомков. Такие церемонии, как «ашура», «арбаин», дни памяти шиитских имамов, нельзя в строгом смысле назвать «праздниками», но они отмечаются на государственном уровне и играют большую роль в духовном сплочении иранской нации.

Праздник разговения, или «эйд-е фетр»

Праздник разговения является самым важным для всего исламского мира и считается поистине днем единения всех мусульман. Он отмечается первого числа мусульманского лунного месяца шавваль, следующего за рамаданом. В Иране это официальный выходной. Эйд-е фетр включен в список международных праздников, утвержденный ООН.

В этот день запрещается соблюдение поста, а также он сопровождается праздничным намазом (молитвой).

Так как этот праздник означает завершение поста, его еще называют праздником поста (*перс.* عيد روزه, «эйд-е рузе», عيد صيام «эйд-е сиа́м»). Наиболее распространенное название праздника «эйд-е фетр» (*перс.* عيد فطر) означает «день создания», что дает основания для его сопоставления с Ноурузом¹.

В связи с тем, что лунный месяц рамадан не на всех широтах заканчивается в одно и то же время, момент окончания поста может

наступать в разные дни не только в разных мусульманских странах, но даже в городах одной страны. В Иране праздник разговения обычно отмечается на сутки позже, чем в России.

Хотя месяц рамадан по календарю длится 30 дней, традиционно его окончание объявляют по новолунию: если двадцать девятого рамадана во время заката уже виден полумесяц, праздником разговения объявляют следующий день; если же нет – праздник наступает через день вне зависимости от того, виден ли полумесяц. В Иране дата праздника объявляется духовным лидером страны. Но были случаи, когда некоторые духовные лица увидели полумесяц и вместе со своими последователями встречали праздник на следующий день, в то время как остальные еще постились. Например, в 2005 г. богословы Мухаммад Таги Бехджат, Фазель Ланкарани и Юсеф Санаи посчитали, что праздник начнется не в тот день, который был объявлен духовным лидером Ирана Сейедом Али Хаменеи².

К празднику разговения готовятся заранее: убираются в доме, приобретают новую одежду и обувь, готовят подарки, а также продумывают блюда для праздничного стола и покупают много сладостей для гостей, которые обязательно придут поздравить с окончанием поста. В городах дома и улицы украшаются гирляндами и подсвечиваются.

Утром в день праздника иранцы для проведения праздничной молитвы собираются в «мосалла» (*перс.* *مسالا*), т.е. на специальных больших площадях для коллективного моления рядом с мечетью (обычно на окраине города). Мусульмане, соблюдавшие пост в течение месяца, во время намаза просят Всевышнего принять их пост и простить им все грехи. Для иранцев коллективный намаз по окончании поста особенно важен, и каждый по мере своих сил и возможностей старается его посетить. Имам-хатибом читается праздничная хутба – проповедь, затрагивающая, как правило, религиозные, общественные и политические темы, «род эктении с молитвой за правящего государя и за всю общину правоверных»³. В Тегеране праздничный намаз с участием духовного лидера страны проводится в большой мечети «Мосалла имама Хомейни».

В день разговения верующими особенно часто произносится формула «такбир», т.е. возвеличивание Бога с помощью произнесения арабской фразы «Аллаху Акбар» (*араб.* *الله أكبر*), что означает

«Бог – величайший». Перед праздничной молитвой такбир можно услышать повсюду: и в домах, и на улицах, и на базарах.

Рано утром, до совершения праздничного намаза, мусульмане должны осуществить полное омовение. Его должен совершить каждый мусульманин, будь то мужчина, женщина или ребенок. В отличие от пятничного омовения, данный обряд в эйд-е фетр должен проводиться с особой тщательностью.

Обязательна выплата закята – налога в пользу бедных, а также налога, использующегося для проектов, способствующих распространению ислама. Закят необходимо выплатить до первой общей молитвы первого шавваля, с которой начинается праздничный намаз.

После совершения праздничной молитвы иранские мусульмане, особенно в деревнях и небольших городах, встречаются с местными духовными лицами, старейшинами, семьями воинов, погибших в ирано-иракской войне, почитаемых как шахиды – мученики за веру. После этого люди навещают своих родственников, начиная со старших, и обмениваются подарками. Подчиненные поздравляют начальников.

В этот день иранцы также стараются посетить могилы своих родных. На кладбище ходят в основном пожилые люди и женщины. Они украшают цветами и свечами погребальные плиты и читают над ними молитвы.

Праздник жертвоприношения, или «эйд-е горбан»

Второй по значимости праздник мусульман – это день жертвоприношения, или «эйд-е горбан» (*перс.* عید قربان). Этот день также называют «эйд-е азха» (*перс.* عید اضحی), что на арабском языке означает «праздник жертвоприношения». Существует и название «эйд-е гусфанд-кошан» (*перс.* عید گوسفند کشان), что с персидского языка переводится как «праздник убиения барана». Этот день также является официальным выходным в Иране.

Эйд-е горбан отмечается в память о первом жертвоприношении, которое было совершено Ибрахимом (Авраамом). В одно из посещений супруги Хаджар (Агарь) и сына Исмаила Ибрахиму приснился сон, напомнивший о данном Богу обете принести в жертву первенца. Этот сон несколько раз повторялся, и в конце концов Ибра-

хим, взяв нож и веревку, отправился вместе с сыном к горе Мина, чтобы совершить жертвоприношение. По дороге дьявол, принявший образ старца, трижды предупредил Исмаила о его печальной судьбе, но Исмаил ему не поддавался и бросал в него камешки, стараясь отогнать. Он был уверен, что его отец исполняет Божью волю. Поднявшись на гору, отец рассказал сыну о жертве и спросил его мнение, на что мальчик ответил просьбой исполнить данный Богу обет. Но когда Ибрахим уже занес нож над сыном, архангел Джабраил (Гавриил) заменил его бараном⁴.

Праздник жертвоприношения отмечается на десятый день арабского месяца зуль-хиджа. Хотя раньше празднование начиналось уже накануне «эйд-е горбан» в день Арафа и продолжалось три дня после десятого зуль-хиджа⁵.

В этот день паломники, отправившиеся в хадж в Мекку, к Каабе, и совершают жертвоприношение. Этот обряд обязателен для паломников. Для остальных мусульман жертвоприношение является допускаемым, т. е. не запрещенным шариатом. Однако мясо животного, принесенного в жертву в такой день, обладает особой святостью для мусульманина, поэтому каждый старается тем или иным способом совершить жертвоприношение.

В жертву может быть принесено животное, не имеющее изъянов. Принято приносить в жертву барана или овцу (не моложе семи месяцев), быка или козу (не моложе одного года) или верблюда (не моложе пяти лет).

В день праздника иранцы идут в мечеть, где читают праздничную молитву, которая короче той, что читают в день разговения. Затем мусульмане навещают родственников, начиная со старших, и обмениваются подарками.

Праздник жертвоприношения до сих пор сопровождается в деревнях особыми традициями. Например, наиболее богатые жители закалывают барана или корову и раздают мясо другим жителям. Иногда в складчину покупают одно животное на несколько человек.

Если исламский праздник разговения сравнивают с иранским Ноурузом, то этот праздник по важности сопоставим с Мехреганом. Таким образом, «эйд-е фетр» и «эйд-е горбан» считаются мусульманским аналогом важнейших доисламских иранских праздников Ноуруз и Мехреган⁶.

Празднование дня рождения пророка Мухаммада

В Иране, как и во всем мусульманском мире, рождение пророка Мухаммада (перс. میلاد حضرت رسول اکرام «милад-е хазрат-е расул-е акрам») отмечается в течение всего третьего лунного месяца раби-уль-авваль. Мухаммад родился в 570 г. (по мнению некоторых ученых, в 571-м), в «Год Слона» – по окончании неудачного похода правителя Йемена Абрахи на Мекку, или на сороковой год правления шаха Ануширвана в Сасанидском Иране. По мусульманской традиции рождение Мухаммада ознаменовалось несколькими чудесами, например, утверждается, что в это мгновение погас священный огонь, которому поклонялись зороастрийцы. Точная дата рождения Пророка неизвестна. Исламские историки традиционно ее соотносят с датой смерти – предполагают, что Мухаммад, как необычный человек, родился и умер в один и тот же день. Пророк покинул земной мир 28 сафара, что соответствует середине месяца раби-уль-авваль в год его рождения. Однако шииты условно считают датой рождения Мухаммада 17 раби-уль-авваля, в то время как сунниты 12-е число этого месяца.

Праздник рождения Пророка (Маулид ан-Наби) стал официально отмечаться в конце XII в. н. э., в период правления шиитской династии Фатимидов в Египте, где праздновались также дни рождения дочери Пророка Фатимы, ее супруга и зятя Пророка имама Али и правящих халифов. Суннитские источники сходятся в том, что первое празднование Маулид ан-Наби было организовано по приказу эмира Абу Саида Музаффар од-Дина в городе Иrbиле (территория современного Ирака) в 1207 г. Он собрал ученых и богословов, знающих хадисы, чтецов Корана, суфиев и поэтов из разных арабских стран и из Ирана. В этот день устраивались уличные представления, ярмарки. Согласно другой точке зрения, день рождения пророка Мухаммада начали отмечать уже в X в.⁷

С течением времени праздник, объявленный «нововведением» (бида), не раз критиковался из-за сходства с Рождеством Христовым, чего рекомендовал избегать сам Пророк. Но затем праздник рождения Мухаммада все-таки был признан «одобряемым нововведением» общим решением авторитетных лиц (иджма)⁸.

Среди традиций этого праздника – декламация стихов, прославляющих Пророка, и рассказы о его жизни. В этот день также принято подавать милостыню нищим. Как и для любого другого исламского праздника, для Дня рождения Мухаммада существует определенный набор молитв, которые читаются во время намаза. В мечетях также звучат рассказы о чудесных знамениях в день его рождения – «моулуди» (перс. *مولودی*), отрывки в стихах или прозе, посвященные Пророку, которые исполняются во время религиозных праздников специально обученными чтецами.

Праздник рождения пророка Мухаммада является официальным выходным в Иране. Также этот день, семнадцатое раби-оль-авваля, совпадает с рождением имама Джафара Садека, шестого из двенадцати шиитских имамов и основателя джафаритского мазхаба в шиизме.

Эйд-е гадир-е хом

Праздник «эйд-е гадир-е хом» (перс. *عید غدیر خم*) является одним из важнейших праздников шиитов, в особенности в Иране. Восемнадцатого зуль-хиджа десятого года лунной хиджры (в 632 г. н.э.) в местечке между Меккой и Мединой под названием Гадир Хум пророк Мухаммад во время своего «прощального» хаджа объявил имама Али своим преемником. Слово «шииты» означает (араб. *إشيعة*, [шй'а]) означает «приверженцы, последователи» Али. Вот как рассказывает об этом событии Русская служба радио «Голос Ирана»:

В частности, он сказал: «О люди! Я оставляю среди вас две драгоценности – Книгу Аллаха и мой род Ахль аль-бейт. Они неразделимы друг от друга, пока не соединятся со мной возле райского источника Каусар». Затем Посланник Аллаха взял Али за руку и поднял ее наверх, чтобы все видели, сказав при этом: “Поистине Аллах мой повелитель, а я повелитель правоверных, и я для правоверного выше, чем он сам. Для каждого, кому я являюсь повелителем, Али является его повелителем. Господи! Будь другом тому, кто будет другом Али, и будь врагом тому, кто будет врагом Али”.

Когда Пророк закончил проповедь, ему был ниспослан отрывок из 3-го аята суры «Трапеза»: «Сегодня Я усовершенствовал для вас вашу религию, довел до конца Мою милость к вам и одобрил для вас в качестве религии Ислам»⁹.

По поводу того, когда этот праздник отмечался впервые, нет единой точки зрения. Согласно одной версии, это случилось в Ираке в 974 г. по приказу Моэза од-Доуле из династии Буидов. Однако историк XI в. Масуди писал, что потомки Али и шииты всегда чтили этот день, поэтому и начало празднования этого дня следует отнести к более раннему времени. Другие же исследователи полагают, что «эйд-е гадир-е хом» стали отмечать еще при жизни Али¹⁰.

В шиитском исламе Гадир Хум является третьим по значимости торжеством после праздников разговения и жертвоприношения. В Иране в этот день проводятся масштабные представления, напоминающие о событиях, произошедших в VII в., и другие торжественные мероприятия. Этот день в Иране официальный выходной. По случаю праздника Гадир Хум традиционно происходит помилование заключенных. Например, в 2013 г. в этот день Верховный лидер страны Али Хаменеи помиловал 1241 заключенного¹¹.

Рождение двенадцатого имама Махди

Данный праздник отмечается пятнадцатого шаабана (восьмой месяц лунного календаря), что в разные годы совпадает с разными датами иранского календаря солнечной хиджры. Также этот день в Иране называют «нимэ-йе шабан» (перс. نیمه شعبان «половина шаабана»), так как он приходится ровно на середину этого месяца лунного календаря.

В шиизме личность Махди отождествляется с двенадцатым имамом Мухаммадом ибн Хасаном. Его годом рождения одни исламские ученые считают 255-й, другие – 256 г. лунной хиджры¹² (869 г. н. э. – А.П.). Мальчику было всего 5 лет, когда в возрасте 28 лет внезапно умер его отец, одиннадцатый шиитский имам Хасан Аль-Аскари, по некоторым данным, отравленный аббасидским халифом. Вскоре после этого Мухаммад ибн Хасан исчез (был «сокрыт») и общался с людьми только через своих особых представителей, которые от его имени до 941 г. н. э. доносили до верующих его авторитетное мнение. Этот период называется «малое сокрытие». После 941 г., с уходом последнего «представителя», начался период «большого сокрытия». Согласно шиитской догматике, двенадцатый имам жив, он носит титул «Сахэб-е заман» или «Вали-е-Аср» («Повелитель вре-

мени», «Владыка эпохи») и будет находиться в сокрытии до определенного срока, когда вернется в качестве мессии и восстановит царство справедливости на Земле¹³. Стоит заметить, что это будет обычный человек, современник своей эпохи. Он не спустится с небес, как Иисус.

В ислам из христианства перешла легенда о «ложном Иисусе», Антихристе (*перс.* مسیح دجال «масих-е даджаль», «ложный мессия»), который появится перед концом света и в течение сорока дней будет действовать как слуга дьявола и враг Бога: совершать гонения на всех верующих, разрушать храмы. Но после этого он будет низвергнут и убит Махди, обновителем веры, посланным Богом. За этим последует Страшный суд, который будет осуществлять Иисус (Иса). Некоторые богословы считали, что Махди и Иса, который вернется на Землю в качестве мессии, это одно и то же лицо. Однако многие хадисы говорят о том, что вернувшийся Иса объединится с Махди и они вместе будут бороться с Даджалем¹⁴.

Вера в пришествие и могущество «Повелителя времени» среди убежденных шиитов была так сильна, что «на случай возвращения имама Махди при дворе Сефевидов в XVI в. всегда держали оседланную белую лошадь, а одну из девушек шахского семейства не выдавали замуж, предназначая ее в невесты для имама Махди»¹⁵.

Формально Махди остается главой общины до сих пор и упоминается в Конституции нынешнего Ирана. В частности, в статье 5-й ее 1-й главы говорится: «Во время отсутствия Вали-е-Аср (да приблизит Аллах его явление!) в Исламской Республике Иран управление делами правоверных и имамат в исламской умме возлагается на справедливого и набожного, обладающего широким кругозором, смелого и имеющего организаторские способности факиха, который принимает эти обязанности согласно статье 107»¹⁶.

В Иране праздник рождения двенадцатого имама проходит с большим размахом, чем в других мусульманских странах. Улицы городов украшаются гирляндами из электрических лампочек, всем прохожим бесплатно раздают сладости и щербет. А вечером, как правило, устраиваются фейерверки.

Также в Иране этот день носит название «Международный день угнетенных», поэтому иранцы стараются помочь бедным и обездоленным.

Кроме того, по всей стране есть особые мечети, которые называются «махдие» (перс. مهديه). К празднику рождения имама Махди эти мечети особенно пышно украшаются. Здесь, как и в других мечетях в этот день, происходят чтения «моулуи» в честь двенадцатого имама, муллы рассказывают о его жизни. Но стоит также добавить, что, несмотря на то что мечети «махдие» названы в честь имама Махди, в них проводятся и другие религиозные праздники и церемонии.

Дни рождения членов семьи Пророка

В Иране памятными днями считаются дни рождения всех членов семьи пророка Мухаммада («Ахль аль-Бейт») и его потомков, вплоть до 12-го, скрытого имама. Однако наиболее широко и торжественно отмечаются дни рождения имама Али и имама Резы.

Али ибн Абу Талиб (599–661 гг. н. э.) – двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда. Для шиитов – он официальный преемник Пророка и единственный законный глава уммы после него. Еще при жизни он получил титулы «Лев ислама» и «Повелитель правоверных» и является первым имамом шиитской ветви ислама. Сунниты почитают Али как четвертого праведного халифа, ставшего последним (после Абу Бакра, Умара и Усмана). Однако отношение к нему в разных суннитских мазхабах неоднозначное.

День рождения имама Али приходится на 13 раджаба лунного календаря и отмечается в Иране как «День Отца», поскольку Али был продолжателем рода Пророка, отцом Хасана и Хусейна – второго и третьего из двенадцати шиитских имамов. «Многие иранцы по случаю этого религиозного праздника также благодарят и отдают дань уважения своим отцам и дедам, проводя с ними больше времени и даря им подарки. День Отца в Иране является национальным праздником»¹⁷.

День Матери в Иране был учрежден в 1960 г. в период правления шаха Мохаммеда Резы Пехлеви. Он отмечался 16 декабря, в годовщину учреждения Института защиты женщин. Праздник поддерживала и помогала продвигать супруга шаха, Фарах Пехлеви. После Исламской революции 1979 г. новое республиканское правительство перенесло празднование Дня матери на 20-е джумада ас-сани¹⁸. Эта

дата лунного календаря связана с рождением Фатимы, супруги Али, дочери пророка Мухаммада, матери Хасана и Хусейна, удостоенной титула «Мать имамов». День ее рождения отмечается в Иране и как «День женщин».

Стоит также упомянуть и «День брака», который отмечается в годовщину свадьбы Али и Фатимы 1-го зуль-хиджа. Среди шиитов их семья считается образцовой, полной гармонии, где муж и жена поддерживают и дополняют друг друга. Многие пары стараются пожениться именно в этот день, так как верят, что их брак будет более крепким. Свадьба в этот день не только гарантирует семейное счастье, но и дает возможность получить внушительную материальную помощь со стороны религиозных фондов в рамках культурных программ по укреплению института семьи и брака в ИРИ. Государство поощряет массовые «студенческие свадьбы», понимая, что у молодых пар часто нет средств, чтобы справлять традиционную иранскую свадьбу с приглашением нескольких сотен гостей¹⁹.

Празднование Дня рождения восьмого шиитского имама, полное имя которого на арабском языке *Али ибн Муса ибн Джафар ар-Рида* (по-персидски *Реза*), приходится на 11-е число лунного месяца зуль-каада. «Он родился в 765 г. н. э. в Медине и был сыном седьмого шиитского имама – Мусы аль-Казима, который в 799 г. был умерщвлен в тюрьме по приказу халифа Харуна аль-Рашида. И с этого времени имамат перешел к Резе. Но халиф ненавидел и его, жителям Медины запрещалось посещать его дом и учиться у него. Несмотря на это, имам Реза пользовался большой любовью у народа и прославился как образец мудрости, справедливости и благочестия. Долгие годы имам Реза жил в опале, вынужденный общаться лишь в узком кругу семьи и друзей. После смерти халифа Харуна аль-Рашида разгорелась борьба за власть между его сыновьями – Амином и Мамуном. Мать последнего была персидского происхождения. И аль-Мамун решил приблизить к себе имама Резу, дабы снискать симпатии народа. Однако популярность имама не давала ему покоя. И в 818 г. халиф угостил имама Резу отравленным виноградом²⁰.

Имам Реза – единственный из шиитских имамов, чья могила находится на территории нынешнего Ирана. В город Мешхед, где веками возводился и достраивался его величественный мавзолей, каждый год устремляется до 20 млн паломников из разных стран.

(Исключением стал только период пандемии, связанной с коронавирусом в 2020 и 2021 гг.).

В день рождения имама Резы по улицам всех крупных городов Ирана добровольцы в специальных костюмах разносят подносы со сладостями и фруктами, и даже незнакомые люди приветствуют друг друга с упоминанием его имени.

Шиитские траурные даты

Несмотря на то что день смерти трудно назвать «праздником», в исламе даты ухода из земной жизни великих людей считаются днем начала их вечной жизни и отмечаются даже более торжественно, чем дни рождения.

Насильственная же смерть от рук политических противников, которых у шиитов всегда было много, веками воспринималась ими как особый знак Всевышнего, призвавшего в Рай наиболее близких Ему людей, жертвующих собой ради Божественной справедливости. Культ мученичества лег в основу шиитского мировоззрения и оказал влияние на всю обрядовую практику Ирана, оставаясь ее главной чертой и в наши дни.

Самый важный шиитский церемониал связан с гибелью имама Хусейна, младшего сына Али. В историю ислама эта трагедия вошла как «ашура» («десятое число»), так как 10 мохаррама 61-го года по лунной хиджре (10 октября 680 г. н. э.) в местечке Кербела, на территории нынешнего Ирака, отказавшийся присягнуть халифу Язиду третий имам шиитов Хусейн и 72 его сторонника, включая многочисленных членов его семьи, были окружены 4000-тысячным войском Ибн Зияда, отрезаны от источников воды и атакованы. Голова Хусейна была доставлена как трофей в Дамаск и вручена халифу.

Мученическая смерть внука пророка Мухаммеда, гибель его ближайших родственников, страдания плененных детей и женщин потрясли весь исламский мир, особенно жителей Куфы, спровоцировавших Хусейна на выступление и предавших его. Они стали рвать на себе волосы и бить себя в грудь. Позднее это стало одним из важнейших ритуалов траурных процессий в память о Хусейне. Свидетели-европейцы называют эти шествия скорби «шахсей-вахсей». Уже при Аббасидах, пришедших к власти в 750 г. н. э., эти шествия стали

публичными. При сочувствующих шиитам Буидах, в 963 г., Ашура была официально объявлена Днем скорби. Когда же с начала XVI в. шиизм стал официальной религией династии Сефевидов в Иране, траурные процессии стали регулярными и массовыми. Под их влиянием к середине XVIII в. сложилась традиция «тазийе» – театрализованных мистерий, изображающих в лицах трагические события при Кербеле²¹.

В современном Иране выходными по поводу ашуры являются только 9-й и 10-й день мухаррама, но траурные церемонии проводятся уже с начала месяца, а иногда длятся по сорок дней. Поминная Хусейна и его соратников, по улицам иранских городов идут толпы людей, которые плачут и бьют себя в грудь, иногда плетками и цепями, хотя наносить себе травмы (до крови) запрещено фетвой Верховного лидера ИРИ. Во дворах мечетей и медресе строятся специальные помещения («текийе», «хусейние»), стены которых затянуты черными траурными материями и символизирующими кровь мучеников красными знаменами. Здесь устраиваются собрания с чтением повествований о страданиях имама Хусейна и его сподвижников. Проводятся мистерии «тазийе», сопровождаемые специальной музыкой и исполняемые актерами, которые называют себя «шабих» («похожий»), не смея отождествлять себя со святыми для них личностями. Участниками «тазийе» могут быть как профессионалы, так и любители, но многие из последних исполняют высокие роли десятилетиями.

Важным днем в обрядовой практике иранцев является «арбаин». Это поминки на 40-й день после гибели Хусейна. Миллионы паломников к этому дню (20 сафара по лунному календарю) устремляются в Кербелу, к мавзолею Хусейна. Особенность менталитета иранцев-шиитов такова, что они воспринимают Хусейна как своего современника, продолжающего оказывать влияние на события в мире. Когда 3 января 2020 г. американской ракетой был убит генерал Касем Сулеймани, в сознании миллионов людей он оказался «рядом с Хусейном», который принял его как своего сподвижника, вдохновляющего верующих на борьбу с нынешним халифом-узурпатором (президентом США). Это было отражено на многочисленных плакатах, граффити на стенах домов, специально смонтированных фотографиях, размещенных в соцсетях простыми гражданами ИРИ.

Траурные дни шиитами отмечаются и в священный для всех мусульман месяц рамадан, так как в одну из последних нечетных ночей этого месяца во время молитвы отравленным кинжалом был смертельно ранен имам Али. Считается, что рану такфирит нанес ему в ночь на 19-е рамадана, а спустя двое суток, в ночь на 21-е рамадана, Али скончался. В Иране 21 рамадана – выходной день. В память о мученичестве Али верующие всю ночь проводят в мечетях, слушают проповедь имама-хатиба, который обычно настолько образно рассказывает, как это происходило в 661 г., что слезы начинают течь у всех, кто его слышит. Начало проповеди люди слушают с Кораном в руках, а в конце ее ритуально кладут священную книгу себе на голову и начинают в знак скорби бить себя ею по голове. Смерть имама Али воспринимается верующими как гибель близкого и дорогого человека. По радио и телевидению Ирана звучат соболезнования в связи с этим трагическим событием: *«Гостелерадио ИРИ желает принятия молитв и богослужений всех мусульман во время благословенного месяца рамадан и выражает соболезнование в связи с мученической смертью первого Имама шиитов и предводителя стремящихся к справедливости его светлости Али (мир ему!)»*²².

Одна из последних нечетных ночей рамадана отмечается как «Лейлят аль-Кадр» (по-персидски «шаб-е гадр») – «Ночь предопределения». В эту ночь в 610 г. Мухаммаду были ниспосланы первые суры Корана, и он осознал свою пророческую миссию. Эту ночь отмечают все мусульмане. Но если сунниты считают, что это ночь на 27-е рамадана, то шииты утверждают, что «шаб-е гадр» может наступить в любую из десяти последних ночей этого месяца. «Ночь предопределения наступает за десять дней до конца священного месяца Рамадана. Принято считать, что в эту ночь особая благодать нисходит на тех, кто избирает путь духовного очищения и остается в мечети на последующие десять дней до конца Рамадана, днем и ночью вознося молитвы Всевышнему и читая священный Коран. В оставшиеся десять дней Рамадана предписывается особенно строго соблюдать пост. В текущем году во всех мечетях страны по случаю Ночи предопределения прошли ночные молитвы. В главной шиитской святыне города Мешхеда остана Кудс-Резави прошли торжественные церемонии чтения Корана с трансляцией по основным телеканалам страны», – говорится в блоге бывшего посла ИРИ в РФ М. Санаи²³.

Доисламские традиции в исламских праздниках

Иранская цивилизация, будучи одной из самых древних на Земле, донесла до наших дней верования и обряды, которые сложились задолго до появления ислама и несут совсем другие смыслы, но переплелись с исламскими праздниками. Например, напоминающий славянские рождественские колядки обряд «ахоу-ахоу», который проводится в деревне Хорхе (Центральный остан) вечером четырнадцатого рамадана, т. е. в день рождения имама Хасана²⁴. С наступлением темноты дети и подростки собираются вместе и небольшими группами ходят по домам и рассказывают стихотворение. Самый старший читает его, а все остальные после каждого предложения громко говорят «ахоу-ахоу». Как правило, дети приходят в тот дом, где есть маленький мальчик, и вставляют его имя в стихотворение. Когда дети заканчивают рассказывать стихотворение, этот мальчик угощает их аджилем и сладостями. Если же он задержался с угощением, дети читают стихотворение еще раз.

Другой, на первый взгляд, исламской традицией, которая связана с домусульманскими обычаями и верованиями, является *обряд омывания ковра*²⁵. Он проводится ежегодно 13 мехра (месяца иранского солнечного календаря) в деревне Машхад-Ардахаль, в 40 км к западу от Кашана. Легенда гласит, что Али бен Мухаммад, сын пятого шиитского имама Мухаммада Бакира, в VIII в. был приглашен жителями деревни Фин недалеко от Кашана и по дороге туда убит в деревне Машхад-Ардахаль. В его усыпальнице находится ковер, в который, по преданиям, было завернуто тело Али бен Мухаммада. И жители Кашана, чья его память уже более 1300 лет, в день его гибели проводят «обряд омывания ковра». Несколько молодых людей, свернув ковер, поднимают его и несут к ручью, который расположен на расстоянии 500 метров от усыпальницы Али бен Мухаммада. Затем они кладут ковер рядом с ручьем и обрызгивают его водой в знак омовения самого имам-заде. После этого ковер возвращают на место – в гробницу. В рамках этого обряда устраиваются базары, на которых многие покупают приданое дочерям или предметы, необходимые для земледелия. Кроме того, организуются театрализованные представления.

Сегодня многие исследователи считают, что этот обряд когда-то был частью праздника Мехреган (зороастрийского аналога Дня Бла-

годарения, праздника урожая – А.П.), несмотря на то что единственной общей чертой между ними является время проведения. Однако, по мнению Резы Моради Гиясабади, у обряда омыwania ковра гораздо больше общего с праздником Тиреган и другими древними обрядами вызывания дождя. Во-первых, день проведения обряда рассчитывается по иранскому, солнечному, календарю, хотя все исламские праздники и памятные даты исчисляются по мусульманскому, лунному, календарю. Во-вторых, данный обряд проводится в день тир месяца мехра. Много веков назад именно в этот день земледельцы проводили обряды вызывания дождя. В-третьих, в этих местах сложилось много легенд, связанных с нехваткой воды. Согласно одной из них, в период сражений Али бен Мухаммад и его отряд страдали от жажды. Тогда он вонзил свой меч в землю, и из этого места забила вода. И наконец, в-четвертых, сам ученый наблюдал, как после совершения данного обряда женщины подходили к ручью и обрызгивали друг друга водой.

О том, что древние верования накладывают свой отпечаток на новые праздники и обряды, свидетельствует сохранившийся в некоторых мечетях, построенных на месте зороастрийских храмов, обычай зажигать свечи, произнося молитвы. Поминая шиитских мучеников, «зажигают свечи во всех помещениях-хосейние и в мечетях, ставя их даже на улицах»²⁶.

¹ Bahrami Asgar. Jashnhaye Iranian. Tehran: Daftare pajuheshhaye farhangi. 2004. S. 93.

² Ibid.

³ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках: курс лекций. Ленинград, 1966. С. 75.

⁴ Мусульманские праздники. М., 1990. С. 7–8.

⁵ Bahrami Asgar. Op. cit. S. 94.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ История становления праздника Мавлид ан-Набий. URL: <http://alhakk.ru/articles/4349/> (дата обращения: 27.04.2021).

⁹ Праздник Гадир Хум. Эфир радио «Голос Ирана» 18.09.2016 г. URL: <https://parstoday.com/ru/radio/programs-i43171> (дата обращения: 29.04.2021).

¹⁰ Bahrami Asgar. Op. cit. S. 95.

¹¹ Праздник Гадир Хум отмечается в Иране. URL: https://www.iran.ru/news/culture/90807/Prazdnik_Gadir_Hum_otmechaetsya_v_Irane (дата обращения: 29.04.2021).

- ¹² URL: http://fa.wikipedia.org/wiki/%D9%86%DB%8C%D9%85%D9%87_%D8%B4%D8%B9%D8%A8%D8%A7%D9%86#cite_ref-9 (дата обращения: 29.04.2021).
- ¹³ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мухаммад_ибн_аль-Хасан_аль-Махди (дата обращения: 30.04.2021).
- ¹⁴ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 70.
- ¹⁵ Там же. С. 375.
- ¹⁶ Конституция Исламской Республики Иран (неофициальный перевод). Тегеран, 2010. С. 26.
- ¹⁷ URL: https://faruende.com/2014/05/13/день_отца_в_иране (дата обращения: 03.05.2021).
- ¹⁸ URL: <https://rus.team/holidays/den-materi-v-irane> (дата обращения: 03.05.2021).
- ¹⁹ URL: <http://iransegodnya.ru/post/view/2617> (дата обращения: 03.05.2021).
- ²⁰ День рождения имама Резы отметили в Москве. Русская служба радио «Голос Ирана». Эфир 10.10.2011 г. URL: <https://parstoday.com/ru/news/russia-i117973> (дата обращения: 03.05.2021).
- ²¹ Алонцев М. Как культ мученика стал основой шиитского вероучения в Иране. URL: <http://iransegodnya.ru/post/view/2512>
- ²² Исламский Иран оплакивает мученическую смерть его светлости Имама Али! URL: <https://parstoday.com/ru/news/iran-i130398> (дата обращения: 04.05.2021).
- ²³ URL: <https://sanaei.livejournal.com/66413.html>
- ²⁴ Zendedel Hasan. Ostone markazi. Tehran: Nashre irangardan, 2000. S. 104–105.
- ²⁵ Ghyasabadi Reza Moradi. Ain qalishuyane Ardahal: Bazmandiye kohan az jashne tiregan va arzuye baran. Pajuheshhaye irani. URL: <http://ghiasabadi.com/qalishuyan.html> (дата обращения: 03.05.2021).
- ²⁶ Ахмад Хатами. Иран: страна и люди. М., 2016. С. 345.

Иранская диаспора в Канаде: иранские канадцы или канадские иранцы

Резюме. В статье рассматриваются проблемы иранской эмиграции после исламской революции в Иране на примере иранской диаспоры в Канаде. Отмечается, что, несмотря на отсутствие географической близости двух стран, непростых двусторонних отношений и значительных различий между их народами на ментальном уровне, Канада остается достаточно комфортной для иранской эмиграции. Вместе с тем автором анализируются стоящие перед иранскими иммигрантами сложности на пути их интеграции в канадское общество и делается попытка ответить на вопрос, кого следует называть канадскими иранцами, а кого – иранскими канадцами.

Ключевые слова: диаспора, иранские иммигранты, Канада, интеграция, Иранский канадский конгресс, иранская культура, персидский язык

Summary. The article is devoted to the problems of Iranian emigration after the Islamic Revolution in Iran in terms of Iranian diaspora in Canada. It is shown that though geographically Iran and Canada are far from each other, their relations are rather complicated and there is a large mental distance between the nations of the two countries, Canada is still very comfortable for Iranian emigration. Moreover, the author analyses the problems that Iranian immigrants face on the way toward integration into Canadian society and tries to answer the question who should be considered Canadian Iranians and who – Iranian Canadians.

Key words: diaspora, Iranian immigrants, Canada, integration, Iranian Canadian Congress, Iranian culture, Persian language

В наши дни иранская диаспора существует во многих странах мира, однако эмиграция началась задолго до исламской революции 1979 г. В период правления династии Пехлеви иранцы также покидали родину и уезжали в другие страны, среди которых были Соединенные Штаты, европейские государства и арабские страны Персидского залива. Но если в тот период они руководствовались при отъезде преимущественно экономическими причинами и стремле-

Каменева Марина Самуиловна – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат филологических наук. ORCID: 0000-003-3680-0301.

нием получить хорошее образование, то после крушения монархии и создания Исламской Республики Иран (ИРИ) к экономическим факторам добавились также политические (неприятие исламской формы правления) и идеологические (стремление к западным представлениям о критериях свободы и ценностям) факторы, необходимость обеспечения собственной безопасности (из-за войны Ирана и Ирака и ее последствий), а также связанные с давлением на культуру и социальную сферу причины (получение западного уровня образования, свобода творчества).

При этом не следует думать, что современная иранская власть относится индифферентно к отъезду своих граждан, в основном интеллигенции, за рубеж. Если она не может остановить этот процесс даже путем организации провокаций против иранских иммигрантов¹, то, по крайней мере, пытается предпринять некоторые шаги для сохранения связей с ними. Так, в 2007 г. по инициативе Министерства культуры и исламской ориентации ИРИ была принята специальная, ориентированная на проживающих за границей иранцев, программа по распространению обучения персидскому языку за пределами страны как инструменту «сохранения связей с культурой родной земли»². Другой предлагаемой формой взаимоотношений с ними является инициатива министерства по привлечению иранских специалистов, получивших образование в развитых странах мира и проживающих там, к работе в университетах и научно-исследовательских центрах Ирана³.

К проблеме иранской эмиграции обращаются в своих официальных выступлениях и представители высших эшелонов власти. Так, например, в речи на церемонии, посвященной 37-й годовщине возвращения имама Хомейни на родину, министр культуры и исламской ориентации указал на высокий уровень профессионализма и опыта иранцев, живущих за границей. Он отметил, что нельзя позволять эмигрировать людям такого уровня, талант и опыт которых будут использовать иностранные государства, а следует создавать условия для их успешной работы в родной стране⁴. Президент ИРИ также обращается к этому вопросу и отмечает, например, что иранская диаспора за рубежом может играть важную роль в развитии отношений Ирана с другими странами мира⁵. Существенную роль в сохранении связей с иранскими иммигрантами, поддержании пер-

сидского языка и в целом иранской культуры, в продвижении исламской идеологии также играют культурные представительства ИРИ, работающие во многих странах мира.

Существует мнение, что иммиграция иранцев в Канаду восходит к началу XX в. В незначительной степени она усилилась после окончания Второй мировой войны, а уже более существенное число иранцев прибыло в Канаду в начале 70–80-х годов XX в.⁶ В дальнейшем их число постоянно росло, а после исламской революции оно достигло нескольких тысяч. Иммиграционный процесс продолжается и в настоящее время, несмотря на то что 8 сентября 2012 г. между Канадой и ИРИ были разорваны дипломатические отношения. Канадская сторона мотивировала это прежде всего тем, что иранский режим предоставляет все больше военной помощи режиму Асада и отказывается следовать резолюциям ООН в отношении своей ядерной программы, имеющей возможную военную направленность. Было также обращено внимание и на такие важные с точки зрения канадского МИДа моменты, как грубое нарушение прав человека в Иране, пособничество террористическим организациям и угрозы в отношении Израиля. В результате посольство Канады в Тегеране было закрыто, а иранским дипломатам было предоставлено пять дней, чтобы покинуть Оттаву⁷.

Вместе с тем Канада осталась достаточно комфортной страной для иранской иммиграции, поскольку она не ограничивает въезд на свою территорию граждан Ирана в отличие от США, которые в 2017 г. запретили их прием на своей территории. Большинство специалистов в области миграционной политики считают, что Канада занимает пятое место по количеству заявлений на иммиграцию и по числу иммигрировавших иранцев после США, Турции, Катара и ОАЭ. Однако, существует также точка зрения в этом вопросе, что Канада находится на четвертой после США, Катара и ОАЭ позиции. Согласно данным переписи 2020 г. Агентства по делам иммигрантов Канады, в стране проживает более 800 тыс. иранских граждан⁸, а в соответствии с переписью 2016 г. их насчитывалось 210405 человек. Если верить этим цифрам, то огромный рост переселенцев из Ирана в Канаду произошел всего за четыре года. Очень интересны в этом отношении канадские исследования, посвященные изучению населения страны с точки зрения родного языка. Они пока-

зывают, что Иран занимает прочное место в первой десятке стран-доноров иммигрантов в Канаду после Великобритании, Китая, Филиппин и Индии⁹.

Однако, несмотря на существующий в Канаде достаточно благоприятный миграционный климат, после 2012 г. получение визы гражданами Ирана стало длительным и трудоемким процессом при условии, что у обращающихся за визой людей нет детей или иных ближайших родственников в Канаде, которые имеют вид на жительство в этой стране или же ее гражданство, что дает родителям, родным братьям и сестрам право на получение специальной визы. В противном случае иранский гражданин подает свои документы в миграционные органы Канады через Интернет. Они могут рассматриваться даже в течение нескольких лет и в результате аттестуются определенным количеством баллов. По полученной сумме баллов принимается положительное или отрицательное визовое решение. В первом случае в дальнейшем виза меняется на вид на жительство, но для этого необходимо большую часть времени из определенного для иранских иммигрантов трехлетнего отрезка времени провести в Канаде. Впоследствии еще после трех лет пребывания на территории страны иранский гражданин или гражданка подает прошение на получение гражданства. Виза в Канаду с территории Ирана получается через третьи страны, например через Турцию, и таким же образом иранцы переезжают в Канаду. Все иммигрирующие в Канаду иранцы и претендующие на интеграцию в канадское общество должны иметь международный диплом по английскому языку, который можно получить, находясь в Иране, сдав экзамен по Интернету.

Наиболее привлекательными для иранцев, приезжающих в Канаду, являются такие провинции, как Онтарио, Британская Колумбия и Квебек. Здесь играют роль два достаточно важных для них фактора. Первое – это распространенный в этих провинциях английский язык, которым владеют или же обязательно должны владеть в основном все иранцы, выезжающие в Канаду. При этом провинция Квебек находится в особом положении, поскольку ее официальным языком является французский, но достаточно широко распространен и английский язык. Второе существенное обстоятельство – это значительно более мягкий климат, чем в других регионах страны, более похожий на климат во многих районах Ирана.

С этой точки зрения иранцы очень часто выбирают для переезда такие города, как Ванкувер, Торонто и Монреаль, где существуют наиболее комфортные, с их точки зрения, да и объективно, климатические условия. Согласно переписи 2016 г., в районе Торонто проживало наибольшее количество выходцев из Ирана – 97110 человек, в окрестностях Ванкувера и Монреаля соответственно – 46255 и 23410¹⁰.

Надо сказать, что едут в Канаду достаточно образованные и обеспеченные иранцы – представители бизнеса, юристы, врачи, ученые, преподаватели вузов, представители творческой интеллигенции, журналисты, спортсмены, а в последние два десятилетия также и представители иранской политической элиты. Поэтому социальный статус иранцев в Канаде достаточно высокий, они не опускаются до низших слоев канадского общества и занимают в нем достойное положение, которое привлекает их в первую очередь экономической и политической стабильностью.

В местах наибольшей концентрации иранских иммигрантов хорошо организована система помощи им для скорейшей адаптации в чужой стране. Функционируют специальные службы по трудоустройству, благотворительные фонды, а также многочисленные общественные организации, объединяющие представителей иранской диаспоры в Канаде по географическому, профессиональному, религиозному и гендерному принципам. В качестве примера можно привести Ассоциацию иранских женщин провинции Онтарио, Канадскую ассоциацию иранских инженеров и архитекторов, Ассоциацию иранских адвокатов, Ассоциацию иранских медиков, а также университетские студенческие объединения и ассоциации, представляющие их профессорско-преподавательский состав. Примером деятельности в рамках таких сообществ может служить, например, состоявшаяся в сентябре 2020 г. конференция женщин ирано-канадского происхождения, объединившая представительниц всех слоев общества, включая основательниц известных компаний, которые поделились историями своего успеха в бизнесе в Канаде¹¹. Кроме того, иранские иммигранты, особенно молодежь, объединяются в группы в социальных сетях, и таким образом они имеют возможность оперативно налаживать контакты в различных областях своей жизнедеятельности и решать встающие перед ними вопросы.

Для объединения представителей иранской диаспоры, представления их интересов на всей территории Канады и поощрения их участия в жизни мультикультурного канадского общества в 2007 г. была создана специальная организация – Иранский канадский конгресс (ICC). Он представляет собой некоммерческую, общественную, нерелигиозную организацию, стоящую на защите интересов иранских иммигрантов в стране в социально-политической, экономической и культурной сферах. Она объединяет около 1500 наиболее активных членов, живущих в основном в Торонто и его округе. Среди приоритетных направлений своей деятельности Конгресс отмечает восстановление отношений Ирана и Канады, увеличение участия иранских иммигрантов в политических партиях страны, предоставление постоянным жителям из среды иранской диаспоры права голоса на муниципальных выборах, содействие в устранении банковских ограничений, негативно влияющих на бизнес иранских иммигрантов, в аккредитации обученных специалистов и некоторых других¹². Надо сказать, что, например, процесс адаптации иранских специалистов предусматривает преодоление определенных препятствий, особенно в отношении получения квалифицированной работы в некоторых областях, как, например, в медицине. Это сдача квалификационных экзаменов, которая состоит из нескольких этапов и может представлять длительный процесс. И даже не все выпускники канадских вузов из среды иранской иммиграции гарантированно обеспечиваются работой в стране. Приходится временами либо ждать подходящей вакансии, либо принимать предложения из других стран, например США, или же, в худшем случае, работать не по специальности.

Считается, что одна из самых крупных мусульманских общин проживает в столице провинции Онтарио – г. Торонто, значительную часть которой составляют представители иранской диаспоры Канады. В целом иранская диаспора в своей жизни уже не на родине придерживается принципа – «сохранять свои традиции и не отвергать местные обычаи и традиции», руководствуясь которым она создает себе благоприятные и не ущемляющие национальные интересы условия для интеграции в канадское общество. В Торонто, как и в Ванкувере и Монреале, проживают последователи религий, представленных и в самом Иране – мусульмане, зороастрийцы, хри-

стиане, а также бахаи, которые создают религиозные объединения, общины и центры. Там же функционируют их культовые учреждения – христианские церкви в Торонто и Ванкувере, зороастрийская община провинции Онтарио, Центр имама Махди в Торонто, мечеть имама Али и некоторые другие. Как информируют многочисленные интернет-источники, иранские иммигранты, в первую очередь представители молодого поколения, возможно даже и из мусульманских семей, постепенно начинают посещать местные церкви, что способствует их интеграции в канадское общество¹³.

Важным фактором в жизни представителей иранской диаспоры в Канаде играют СМИ. С одной стороны, они помогают им адаптироваться в новых условиях, а с другой – способствуют сохранению связей с родной культурой и персидским языком. Все периодические издания публикуются либо только на персидском языке, либо являются двуязычными – англо-персидскими. К публикуемым в основном в Торонто и Ванкувере периодическим изданиям на персидском языке относятся – еженедельный журнал «Shahre ta» («Наш город»), еженедельное издание «Shahravand» («Гражданин»), еженедельное информационное издание «Iranstar», еженедельное издание «Irane javan» («Молодой Иран»). С октября 2020 г. начала выходить еженедельная двуязычная, англо-персидская, газета «Salam Toronto» («Привет, Торонто»), адресованная как иранцам, так и представителям других персоговорящих общин Канады. Все эти издания имеют и бумажный, и онлайн-форматы. Только в онлайн-формате представлены издания Иранского канадского конгресса «Namyari media» («Взаимопомощь») и «Iranian Canadian Journal». Надо сказать, что все они предлагают материалы и статьи на разную тематику – политическую, экономическую, культурную. Достаточно много места отводится обсуждению разного рода культурно-бытовых проблем: рецептам приготовления пищи, воспитания детей и т. д. Но одна тема уже больше года не сходит со страниц всех изданий – это трагическая гибель большого количества канадцев иранского происхождения, возвращавшихся домой, в Тегеране в январе 2020 г.¹⁴

Кроме того, иранские иммигранты активно объединяются в онлайн-форумы и сообщества для коммуникации в рамках более узких тем, представляющих общий интерес.

На персидском языке работает радиостанция «Radioye sedaye Iran» («Радио голос Ирана») и телевизионный/спутниковый канал «Televiziyone iraniyane Kanada» («Телевидение иранцев Канады»). Обычно они ведут передачи по несколько часов в неделю, и эти передачи в значительной степени содержат объявления о трудоустройстве и освещают вопросы, связанные с жизнью общины иранских иммигрантов. Деятельность этих СМИ осуществляется в центрах наибольшей концентрации иранских иммигрантов, но адресована, безусловно, всем иранцам, проживающим на территории страны. Кроме того, на западе Канады функционирует мультикультурный телеканал этнических меньшинств «МКШ» или «ШО» («Shaw Multicultural Channel»), который рассказывает на родных языках живущих на территории страны меньшинств, в том числе и на персидском, о событиях в Канаде и дает информацию в нашем случае об Иране, его традициях, культуре, языке, что особенно важно для сохранения языка, менталитета и культуры представителей иранской диаспоры Канады, особенно для молодого поколения иранцев, уже родившихся не на своей родине. Передачи на персидском языке стартовали в 1993 г. Впоследствии на нем и на языке дари начали работать шесть программ на 11 эфирных каналах. Эти программы ориентированы на все персоязычные группы канадского населения¹⁵.

Вопрос получения качественного образования стоит перед многими иранцами и их детьми, эмигрирующими из страны. В Канаду часть из них едут именно с этой целью. Получают образование иранские иммигранты в основном в канадских учебных заведениях, поскольку это дает им возможность в будущем успешно интегрироваться в канадское общество. Вместе с тем для тех, кто хочет сохранить связь с родиной, ее языком и культурой, в Монреале, Ванкувере и Торонто функционируют специальные учебные заведения – Иранская школа имени Фирдоуси и Международная персидская школа или МТО Шахмахсоуди персидская школа. Школа имени Фирдоуси в Монреале включает практически все уровни обучения, как и в иранских школах в самом Иране, – дошкольный, начальный, средний и подготовительный к поступлению в университет или, если точно перевести, предвуниверситетский, и выдает официальный документ об ее окончании. Она имеет официальный статус, опыт работы около 25 лет и четкие организационные правила. Эта школа, с одной сто-

роны, создана и функционирует под контролем организации, занимающейся попечительством иранских школ, работающих в Европе, а с другой – вполне самостоятельно осуществляет свою деятельность. Принцип ее деятельности напоминает принцип работы части еврейских школ в Иране, поскольку она открыта для детей по пятницам с 17.00 до 20.00 и по субботам и воскресеньям с 9.00 до 15.00¹⁶. Международная персидская школа с отделениями в Ванкувере и Торонто функционирует с 1991 г., и ее деятельность направлена в основном на сохранение и продвижение персидского языка как среди иранских иммигрантов, так и местного населения. Вместе с тем она предлагает обучение не только письму, чтению, персидской каллиграфии, но и естественным наукам. Занятия там осуществляются только по субботам, преимущественно по программе начальной школы (с первого по пятый классы), в утренние часы, с 9.00 до 12.00, а с 13.00 до 14.00 ведется преподавание персидского языка для взрослых, даже с нулевого уровня¹⁷. Организация работы этих школ по принципу воскресных школ является объективной необходимостью, поскольку без получения образования в канадских школьных учреждениях дети иранских иммигрантов не смогут адекватно войти в то общество, в котором им предстоит жить в будущем.

Говоря о повседневной жизни иранцев в Канаде, следует затронуть несколько моментов. Первое – это заключение браков. Здесь возможны два варианта. Это браки между иранцами и браки смешанные/межнациональные. Склонность к тому или иному варианту зависит, видимо, от таких факторов, как культурный менталитет, степень религиозности, возраст и длительность проживания представителей иранской диаспоры на территории Канады. Но в целом, чем дольше живет иммигрант вне Ирана, тем меньшее значение приобретают для него национальные, культурные и, что немаловажно, религиозные различия между ним и его будущей второй половиной. Думается, что молодежь относится значительно более спокойно и вполне положительно к смешанным/межнациональным бракам, чем старшее поколение.

Второе – это языковой фактор. В Канаде в качестве средства общения используется более 200 языков (два официальных, языки коренных народов и иммигрантов). Сохранение родных языков иммигрантов законодательно закреплено в Конституционном акте

1988 г. о мультикультурализме и подкрепляется рядом экстралингвистических факторов, прежде всего развитием глобализационных процессов. Персидский язык входит в первую десятку наиболее распространенных среди иммигрантов языков. Неуклонно растет и численность его носителей. Официально считается, что иранская диаспора Канады использует в процессе коммуникации три языка – персидский, канадский английский и канадский французский¹⁸. Языком общения для всех них вне домашней среды является не родной язык, а преимущественно английский. Интересно, что во многих случаях это характерно и для пожилых иранцев, которые постоянно живут в Иране, а приезжают в Канаду к своим детям с временным визитом.

Если семья межнациональная (муж или жена канадцы), то внутри семьи могут разговаривать как на английском, так и на персидском языках, что зависит от складывающейся в момент коммуникативного акта ситуации. При этом не исключается, что один из партнеров (не из среды иранских иммигрантов) может в некоторой степени изъясняться на персидском или же понимать персидскую речь. Если же семья чисто персидская, то, конечно, ее члены общаются на родном языке, особенно в первом поколении иммигрантов. Существует основанное на исследованиях мнение, что в целом второе и третье поколение иммигрантов говорят уже не на том же языке, как их старшие родственники, хотя в Канаде наблюдается усиление интенсивности передачи родных языков¹⁹. Можно предположить, что это должно затронуть и персидский язык, поскольку иранцы очень трепетно относятся к своей культуре в целом и к языку и литературе в частности. Определенное влияние на сохранение/утрату родного языка оказывают межнациональные/смешанные браки.

Проблема интеграции в канадское общество для большинства представителей иранской диаспоры, особенно для молодежи, стоит достаточно остро. И исходя из принципа – хранить свое и не отвергать местные традиции, они празднуют свои исконные национальные, как правило, не исламские, праздники, которые любят и в самом Иране. Это прежде всего Ноуруз (иранский Новый год), Чахаршамбесури (отмечается в последний вечер/ночь со вторника на среду перед Ноурузом), в меньшей степени – Шабе йалда (отмеча-

ется в самую длинную ночь в году). Вместе с тем, особенно в межнациональных/смешанных семьях, отмечают Рождество, День благодарения, День Святого Валентина, которые являются официальными выходными днями в Канаде.

Канада является далеко не самой близкой географически Ирану страной. Непросты также двусторонние отношения ИРИ и Канады. Много различий также имеется между народами двух стран и на ментальном уровне. Однако Канада продолжает оставаться в целом достаточно комфортной для иранской эмиграции страной. Об этом говорят статистические данные о постепенном росте иранской диаспоры в стране. Поскольку количество иранских иммигрантов в Канаде не уменьшается, встает вопрос, кого надо называть канадскими иранцами, а кого иранскими канадцами. Условно все иранские иммигранты делятся на две группы: на уроженцев Ирана, приехавших или привезенных в определенном возрасте из Ирана в Канаду, и граждан Канады (родившихся в иммиграции) иранского происхождения. Думается, что первых следует называть канадскими иранцами, а вторых – иранскими канадцами.

¹ Ghatl va tahdid be marg-e montaghedan (Убийства и угрозы уничтожения критиков режима). Интернет-сайт информационного агентства Iranwire. URL: <https://iranwire.com/fa/features/42358> (дата обращения: 26.10.2020).

² Ettelaat.09.09.2007.

³ Ettelaat.01.08.2011.

⁴ Vazir-e farhang va ershad-e eslami dar si vo haftomin marasem-e bazgasht-e emam Khomeyni be Iran (Речь министра культуры и исламской ориентации на церемонии, посвященной 37-й годовщине возвращения имама Хомейни на родину). Интернет-сайт информационного агентства Tabnak. URL: <http://www.tabnak.ir/07.02.16> (дата обращения: 01.05.2016).

⁵ Официальный Интернет-сайт президента ИРИ. URL: <http://www/president.ir/fa/92937> (дата обращения: 21.10.2020).

⁶ Дехкан А. Иранская миграция в Канаду // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. Т.2. № 3. С. 66–69.

⁷ Канада и Иран разорвали дипломатические отношения. Интернет-сайт информационного агентства Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/news/1569380.html> (дата обращения: 12.11.2020).

⁸ Wikipedia. URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/iranian_canadians (дата обращения: 08.10.2020).

⁹ Максимова О.Б. Основные тенденции развития языковой политики Канады // Языковая политика в условиях глобализации. М., 2017. С. 144.

- ¹⁰ Church for Vancouver working together with the community URL: <https://churchforvancouver.ca/pray-for-iran-and-local-persian-community/> (дата обращения: 17.01.2021).
- ¹¹ Toronto citynews. URL: <http://toronto.citynews.ca/video/2019/09> (дата обращения: 12.10.2020).
- ¹² Iranian Canadian Congress. URL: <https://www.iccongress.ca> (дата обращения: 08.10.2020).
- ¹³ Iranians of Toronto URL: <http://www.iraniansofttoronto.com/> (дата обращения: 15.10.2020).
- ¹⁴ Ibid. URL: <http://www.icjournal.ca/> (дата обращения: 15.02.2021).
- ¹⁵ Абдул Гани Сана. Роль и место персоязычных программ на мультикультурном канале «ШО»: автореф. дисс. Душанбе, 2012. URL: <http://Cheloveknauka.com/rol-i-mesto-persoyazychnyh-programm-na-multikulturnom-kanale-sho> (дата обращения: 23.10.2020).
- ¹⁶ Ferdousi School. URL: <http://ferdousi-mtl.ca/index.php/fa/> (дата обращения: 10.10.2020).
- ¹⁷ MTO Shahmaghsoudi Farsi School. URL: <http://persian-school.org/fa/vancouver-fa/> (дата обращения: 20.01.2021).
- ¹⁸ Максимова О.Б. Указ. соч. С. 148–149.
- ¹⁹ Там же. С. 148.

Еврейская община Исламской Республики Иран: между политикой и идеологией

Резюме. В статье прослеживается история еврейской общины Ирана, которая на протяжении веков сталкивалась с различными вызовами. Наиболее серьезной опасности иранские евреи подверглись с объявлением шиизма, характеризующегося обостренной нетерпимостью к «неверным» государственной религией. Положительные изменения в жизни общины произошли в результате Конституционалистской революции 1906–1911 гг., провозгласившей равенство всех конфессий. В настоящее время политика установившегося в стране в 1979 г. исламского режима в отношении еврейского религиозного меньшинства декларативно дифференцирует евреев с одной стороны, и Израиль и сионизм – с другой. Однако на деле в Иране идентифицируют иранских евреев с Израилем и сионизмом, демонстрируя примитивный антисемитизм.

Ключевые слова: Иран, еврейская община, шиизм, конфессия, сионизм

Summary. The article traces the history of the Jewish community in Iran, which has faced various challenges during the centuries. The most serious danger Iranian Jews were faced since the declaration of Shiism, characterized by heightened intolerance towards «infidels», as the state religion. Positive changes in the life of the community took place as a result of the Constitutionalist Revolution of 1906–1911, which proclaimed the equality of all confessions. At present, the policy of the Islamic regime established in the country in 1979 regarding to the Jewish religious minority declaratively differentiates Jews on the one hand, and Israel and Zionism on the other. However, in practice, Iranian Jews are identified with Israel and Zionism, demonstrating primitive anti-Semitism.

Key words: Iran, Jewish community, Shiism, confession, Zionism

Предыстория

В настоящее время большинство еврейских общин региона Ближнего Востока прекращают свое существование. В течение многих веков именно они символизировали сосуществование евреев и мусульман. Отметим, что ближневосточных странах с преимуще-

Месамед Владимир Ильич – PhD, ст. преподаватель Института Азии и Африки Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль.

ственно мусульманским населением жили и творили выдающиеся деятели культуры и науки еврейского происхождения. Интенсифицировавшийся с образованием Государства Израиль процесс репатриации евреев на свою историческую родину привел к форсированному политическими и идеологическими факторами реальному исходу еврейских общин из стран ислама. Например, в Сирии, где в течение многих веков существовали многочисленные и процветающие еврейские общины, сегодня невозможно найти ни одного еврея. Практически иссякла еврейская жизнь в Египте, с которым неразрывно связана вся история формирования евреев. Еще накануне основания Государства Израиль в Египте жили 65 тыс. евреев, а община считалась самой урбанизированной и эмансипированной в Азии и Африке. Открытие в январе 2020 г. в Александрии после капитальной реконструкции исторической синагоги Eliyahu Hanavi имеет своей основной целью лишь сохранение памяти об этой важной составляющей многовековой жизни египетского общества¹. Но одновременно это и знак того, что в стране надеются на возрождение там еврейской общины: президент Египта ас-Сиси пригласил евреев вернуться в его страну. «В те времена, когда в стране проживала одна из самых больших на Арабском Востоке еврейских общин, Египет переживал годы экономического преуспевания»². Почти прекратилась еврейская жизнь в Йемене, где история общины восходит к временам царя Соломона и царицы Савской³. С прискорбием приходится констатировать исчезновение еврейской жизни в Ираке, Ливане, Ливии, Саудовской Аравии, Иордании.

Разумеется, на таком фоне достаточно беспрецедентным явлением может считаться многотысячное еврейское присутствие в Исламской Республике Иран. Сегодня в этой стране живет самая большая за пределами Израиля еврейская община Ближневосточного региона. Ее количественные показатели разнятся: в 2015 г. депутат иранского парламента от еврейской общины страны Сиамак Морэ-Седдек определил число проживающих в Иране евреев в 25 тыс. человек. Так же оценивает количество иранских евреев российский исследователь Л. Раванди-Фадаи⁴. Мы склонны определять численность общины в 20 тыс. человек.

Еврейское присутствие на земле исторического Ирана началось 28 веков назад, в VIII в. до н. э. Дважды веками позже, в 550 г. до н. э.,

иранский царь Кир (перс. Курош) основал империю Ахеменидов, в границах которой проживали все евреи того времени. Даже после обнародования в 538 г. до н. э. знаменитой декларации этого царя, разрешившей евреям «возвращение в Сион»⁵, значительная часть евреев, почти полностью ассимилированная и достигшая социального и экономического благополучия, предпочла остаться в Ахеменидской империи. Таким образом образовалось первое ядро еврейской диаспоры к востоку от Евфрата, на территории современного Ирана. Все прошедшие века жизнь евреев в инородном окружении определялась известным изречением пророка Иеремии: «Ищите мира в том городе, в котором вы находитесь в изгнании».

Еврейские общины, жившие веками в иранских государственных образованиях, подверглись глубокому влиянию иранской культуры и религии. Власть проявляла достаточную толерантность по отношению к еврейской общине, выражавшейся, например, в том, что евреи находились и во властных структурах, достигая самых вершин. Случались даже совместные браки. Однако были отмечены и гонения на евреев, которые достигли пика при царе Фирузе. Так, в 472 г. н. э. еврейскую общину одного из древнейших городов страны – Исфахана – обвинили в убийстве двух зороастрийских (это была официальная религия страны) жрецов. Этого обвинения оказалось достаточно, чтобы убить половину исфаханской еврейской общины, разрушить все синагоги города и ввести запрет на изучение Торы.

С приходом в VII в. ислама положение немусульманских меньшинств стало определяться общемусульманскими правовыми нормами. Еще при жизни пророка Мухаммада евреи вместе с христианами были признаны «людьми Книги», что давало им защиту жизни и имущества и право исповедовать свою религию. В то же время они не имели никаких политических прав и были значительно ущемлены в гражданских правах. В X в. вступил в действие запрет евреям поступать на государственную службу и занимать любой официальный пост, который давал бы им власть над мусульманами. Постепенно в крупнейших городах тогдашнего Ирана – Исфахане, Ахвазе, Ширазе – появились богатые купцы из среды местных евреев. Это, однако, не снимало остроты принципа обособления евреев от мусульман. К X в. складываются своеобразные обязательные дресс-коды

для еврейской общины Ирана, в частности евреям предписывалось носить желтые полосы на одежде⁶.

Монгольское нашествие на Иран в XIII в. отмечено редкой веротерпимостью, ибо завоевавшие Иран монголы были язычниками-шаманистами. Они относились достаточно благосклонно к евреям, и последние пережили в этот период эпоху расцвета и полного использования своих способностей, получив уникальную возможность активно участвовать в государственных делах. Именно тогда вышли на политическую арену такие видные государственные деятели из среды евреев, как Са'д ад-Доуле, Рашид ад-Дин, Абу-Саид Бахархан Ильхани, «сделавшие карьеру в административной системе монгольских правителей в Иране»⁷. Однако именно в те же годы отмечены и первые еврейские погромы – в 1291 г. в Табризе⁸. Завоевание Ирана Тимуридами в конце XIV в. не обошло стороной еврейскую общину, которая в тот период несла неисчислимые потери от жестокости завоевателей. Вместе с тем в городах, где население не сопротивлялось и соглашалось платить дань завоевателям, войска Тимура никого не трогали⁹.

Значительное ухудшение положения иранских евреев зафиксировано с объявлением шиизма государственной религией Ирана в правление Сефевидов (1502–1736), что связано с сущностью этого течения в исламе, характеризующегося обостренной нетерпимостью к «неверным». Ненависть к евреям достигла в тот период своего апогея, стали привычными массовое изгнание евреев из своих домов, разрушение жилищ и синагог, резкое усиление налогового бремени. Уничтожалось священное достояние еврейской общины – свитки Торы, книги мудрецов¹⁰.

Невиданные масштабы приняла насильственная исламизация. Однако абсолютное большинство «новых мусульман» (*джадид оль-ислам*) продолжали тайно исповедовать свою прежнюю религию. При династии Афшаров, правившей в Иране с 1736 по 1795 г., уровень шиитского экстремизма был существенно снижен, и первый шах этой династии Надир-шах Афшар даже склонялся к тому, чтобы уравнять евреев в правах с мусульманами. С этой целью в качестве предварительного шага он разрешил им селиться в святом для шиитов городе Мешхеде. Однако дальше этого дело не пошло.

При династии Каджаров (1796–1925) повседневной реальностью жизни еврейской общины стали бесчисленные религиозные и соци-

альные ограничения. Вся их жизнь стала цепью жестоких преследований и гонений. В иранском обществе евреи считались низшими существами – «наджес»¹¹. Знаменитый востоковед-путешественник Арминиус Вамбери, венгерский еврей по происхождению, много странствовавший в XIX в. по Ирану, следующим образом описал положение иранских евреев того времени: «Я не знаю никого более жалкого, беспомощного и вызывающего такое сострадание, кроме евреев этой страны»¹². Такое же свидетельство оставил Дж. Перкинс, повествуя в своей изданной в 1843 г. книге «A Residence of Eight Years in Persia» о жизни евреев севера Ирана¹³. Вдобавок ко всему, страшная антисанитария, свойственная всему тогдашнему Ирану, приводила к эпидемиям, унесшим в середине XIX в. жизни почти половины проживавших в стране евреев. Оставшиеся были сконцентрированы в основном в Хамадане, Тегеране, Йезде, Ширазе, Исфахане, Урмие, Керманшахе, Мешхеде и некоторых других городах. Окружавшее их мусульманское население в массе своей относилось к евреям враждебно.

Во второй половине XIX в. сведения о тяжелом положении евреев Ирана достигли Европы, и авторитетные международные организации обратились к правительствам своих стран с просьбой оказать давление на иранские власти и потребовать от них прекратить дискриминационную политику по отношению к евреям. Во многих столицах европейских государств организовывались делегации из наиболее влиятельных евреев, которые передавали иранскому шаху петиции с просьбами облегчить положение иранских евреев. На встрече, состоявшейся в Париже в июле 1873 г., шаху рассказали о том, каким репрессиям подвергаются его еврейские подданные. «Шах в бешенстве ответил, что это – полнейший вздор, а к евреям в его стране относятся даже лучше, чем к мусульманам»¹⁴. Однако европейские вояжи иранского шаха частично повлияли на облегчение условий жизни местных евреев.

Судьбоносный XX в.: подъем и падение

На рубеже XIX–XX вв. занятиями основной массы евреев были мелкая разносная торговля, разные ремесла, ростовщичество. При этом уровень грамотности евреев существенно превосходил уровень

мусульманского населения. Среди мужского населения грамотность достигала 90%, а среди женщин – 20%¹⁵.

XX в. оказался для иранских евреев, численность которых в начале века определялась исследователями в 83 тыс. человек¹⁶, подлинно революционным. Для страны он начался Конституционалистской революцией 1905–1911 гг., которую иранские евреи горячо приветствовали¹⁷. Она учредила парламент, провозгласила равенство всех конфессий, в том числе иудеев, получивших право на представительство в парламенте. Однако фактическая эмансипация иранского еврейства связана с установлением в 1925 г. новой династии Пехлеви, основоположник которой Реза-шах Пехлеви наметил реализовать серию значительных социальных и экономических реформ. Приход к власти в Иране династии Пехлеви существенно снизил уровень религиозного засилья и, несомненно, оказал положительное влияние на развитие еврейской общинной жизни в стране, как и многочисленные реформы в общественно-политической и культурной жизни, переход к светской системе просвещения. Евреи смогли отныне учиться в государственных учебных заведениях, поступать на государственную службу, служить в армии и жандармерии. Выход евреев из гетто охватил вначале большие города и постепенно распространился по всей стране. Одной из других многочисленных реформ было введение единого образца одежды для всех граждан страны, что уменьшило дискриминацию евреев на бытовом уровне. Важным этапом в развитии сети еврейского образования явилось открытие в 1931 г. в столице страны крупнейшей в Иране школы «Курош». В Иране начала издаваться первая еженедельная газета на персидско-еврейском языке «Шалом», знаменовавшая важный этап «национального пробуждения иранских евреев»¹⁸.

1930–1940-е годы были временем и культурного расцвета иранской еврейской общины. В 1948 г. еврейское население Ирана превысило 100 тыс. человек¹⁹. Возникли театральные коллективы и музыкальные ансамбли, которые приобрели известность на общеиранском уровне. Появилась национальная интеллигенция, самым блистательным представителем которой был Солейман Хаййим, снижавший славу «отца современной персидской лексикографии»²⁰, выпустивший, начиная с 1937 г., первые фарси-английский и фарси-французский словари. С. Хаййим был одним из первых иранских

евреев, получивших современное светское образование в Американском колледже в Тегеране. На законодательном уровне было прекращено взимание с евреев унизительного налога *джизья*. Проводившаяся при Реза-шахе политика иранского национализма и возвеличивания доисламской истории страны, ее самобытности была с одобрением воспринята большинством евреев, ощутивших себя частью культурного наследия страны и ее древней истории.

Однако настоящий расцвет во всех сферах жизни иранская еврейская община пережила в годы осуществления «белой революции», связанной с выходом Ирана из кризисной ситуации в сфере внутренней и внешней политики, сложившейся к началу 1960-х годов. Амбициозные планы шаха Мохаммада-Резы Рехлеви превратить страну в «пятую индустриальную державу мира», привести ее «к высшей цивилизации»²¹ были весьма сложной задачей, учитывая, что в начале 1960-х годов 82% населения страны жили ниже официального прожиточного минимума и Иран характеризовался как достаточно слабое в экономическом отношении государство. Как писала современная американская писательница ирано-еврейского происхождения Далия Софер, шах хотел, «чтобы и он, и его страна были такими, какими они никогда не могли быть»²². Тем не менее шах обосновал и реализовал программу всесторонней социально-экономической и политической стабилизации, получившей название «белой революции». Эти полтора десятилетия (1963–1978) явились для Ирана временем существенных успехов в промышленном подъеме страны. В стране была создана «вполне современная и диверсифицированная инфраструктура»²³.

В годы «белой революции» еврейская община в Иране претерпела невиданное развитие и стала реально пользоваться почти абсолютной культурно-религиозной автономией. Заметно повысился культурно-образовательный уровень жизни иранских евреев, в их среде стали нередкими такие специальности, как врачи, инженеры, фармакологи, преподаватели вузов. Повышению престижа и роли иранских евреев в жизни страны в немалой мере способствовал рост международного авторитета Израиля, особенно после его победы в Шестидневной войне в июне 1967 г., успехи еврейского государства в развитии передовых технологий, экономики, культуры, науки. Сюда же можно отнести достигшие в этот период своего пика двусторонние

связи между Ираном и Израилем, носившие взаимовыгодный характер и полностью отвечавшие ожиданиям иранского руководства.

Накануне исламской революции в Иране ее еврейская община составляла менее 0,25% населения страны. Она по праву считалась одной из самых богатых еврейских общин в мире. Большинство евреев принадлежали к среднему классу. Среди 4 тыс. профессоров и старшего преподавательского состава иранских университетов и других вузов было 80 евреев, что составляло 2%. Два из них были обладателями высшей государственной премии в области науки: проф. Ирадж Лалхазари – декан фармацевтического ф-та Тегеранского университета и профессор-генетик Шмуэль Рахбар, работавший на отделении биохимии того же университета. Евреями были 6% врачей, 4% от насчитывавшихся накануне исламской революции примерно 69 тыс. студентов иранских вузов²⁴, причем большинство обучалось самым престижным специальностям. Показателем особого отношения к общине был тот факт, что организация еврейских студентов была единственной официально разрешенной властями общественной структурой студентов иранских вузов²⁵. Накануне исламской революции, в 1978 г., грамотными в еврейской общине Ирана были более 90% мужчин в возрасте до 60 лет и около 70% женщин, что значительно превышало средние показатели по стране – 69% среди мужчин и 48% среди женщин²⁶.

В годы «белой революции» (1963–1978) еврейская община в Иране претерпела невиданное развитие. Появились *ешивы* (религиозные учебные заведения), возросло количество школ, где преподавались еврейские дисциплины. В Тегеране функционировало около 30 синагог. Руководство еврейской общины страны, ее религиозные авторитеты поддерживало тесные отношения с последним иранским монархом Мохаммадом-Резой Пехлеви и не раз удостоивалось аудиенции в шахском дворце. Перед исламской революцией февраля 1979 г. достигли пика двусторонние связи между Ираном и Израилем, носившие взаимовыгодный характер и отвечавшие интересам народов двух стран. Самым важным компонентом иранского экспорта в Израиль были газ и нефть. Сотрудничество в этой сфере носило стратегический характер. Партнерство с Ираном со второй половины 1950-х годов вплоть до конца 1970-х годов, то есть кануна исламской революции, помогло Израилю решить вопрос обеспечения страны нефтью.

Однако в жизни еврейской общины ощущались и негативные явления. Стал заметным отход значительной части молодежи от религии. В эти годы был отмечен феномен, который трудно было предсказать всего несколько десятилетий тому назад: появились, правда относительно немногочисленные, смешанные браки, в основном – с мусульманами²⁷, которые для духовных руководителей общины ассоциировались с опасностью потери иранскими евреями своей идентичности и угрозой ассимиляции.

Появились и более серьезные вызовы. «Белая революция» шла в Иране рука об руку с ускоренной модернизацией и вестернизацией, которые породили у большинства доминирующего в стране мусульманского населения стремление к возврату к традиционным нравственным ценностям. У многих это связывалось с религией, исламом, и на передний фронт выдвинулось духовенство. Именно оно возглавило подъем антишахского движения, ставшего заметным в Иране уже в середине 1970-х годов. В Иране традиционное, оппозиционно настроенное по отношению к монарху, духовенство являлось носителем культивировавшейся веками неприязни к евреям и считало их шахской «пятой колонной». Шестидневная война Израиля с арабскими странами 1967 г. привела к обострению отношений между радикальным мусульманским духовенством и еврейской общиной Ирана. Вот почему на всех антиправительственных демонстрациях, организуемых оппозицией, большей частью – религиозной, зазвучали антиизраильские лозунги, ибо Израиль считали главным партнером «диктаторского и антинародного режима шаха». Зачастую участники антишахских демонстраций требовали депортации иранских евреев в Израиль²⁸. В таких ситуациях были отмечены неоднократно случаи разгрома еврейских общинных учреждений в столице и на периферии.

Все бывшие преимущества иранских евреев обратились им во зло. Их экономическое преуспевание, близость к шаху, поддержка его политического курса, солидарность с Израилем и «американским империализмом» в свете заметного ослабления центральной власти и укрепления антишахской оппозиции не сулили еврейской общине страны ничего доброго. Понятно, что в иранском обществе резко поднялись антисемитские настроения. Вот небольшая выдержка из листовки, которую рассылали по адресам евреев летом 1978 г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

К сведению еврейской общины Ирана

«...Пришел конец вашей золотой жизни. Мы предупреждаем вас: как можно скорее покиньте нашу страну. Если вы не последуете нашему призыву, мы вырежем всех вас от мала до велика. Национальный фронт исламской молодежи Ирана. 2 июня 1978 г.»²⁹.

Новый импульс антиеврейским настроениям дали события 8 сентября 1978 г., когда произошли кровавые столкновения между правительственными войсками и силами антишахской оппозиции, сопровождавшиеся многочисленными жертвами. По Тегерану распространились слухи, что в разгоне демонстрации участвовали израильские военнослужащие. Нагнетанию антиеврейских настроений способствовали и публикации иранской прессы, сообщавшие, что на стороне израильских военных формирований были активны и многочисленные иранские евреи. В таких условиях руководство еврейской общины посчитало разумным отмежеваться от шаха и проявить в ноябре 1978 г. солидарность с демонстрантами, выступавшими под антигосударственными лозунгами, выразив тем самым безусловную поддержку надвигающейся исламской революции.

13 февраля 1979 г., через два дня после победы исламской революции, руководство еврейской общины организовало демонстрацию в Тегеране под лозунгами поддержки нового режима. Но, несмотря на явно проявившийся конформизм основной массы иранских евреев, очень скоро выяснилось, что евреям Ирана будет трудно вписаться в новые условия, которые регламентировались проводимой в стране политикой всесторонней исламизации иранского общества, радикальной перестройки всех сфер жизни.

Еврейская община при исламском режиме: амбивалентное существование

Политика установившегося в стране исламского режима в отношении еврейского религиозного меньшинства исходит из следующего постулата: проводится четкая дифференциация между евреями, с одной стороны, и Израилем и сионизмом – с другой. Однако из заявлений исламских лидеров страны видно, что они часто на деле идентифицируют иранских евреев с Израилем и сионизмом, обле-

кая это в изощренные словесные формы, из которых, тем не менее, выглядывает примитивный антисемитизм. Несмотря на уверения разных иранских религиозных деятелей, что они оппонируют сионизму, Израилю, контролю евреев над миром, а не иудаизму и еврейскому народу, на деле их идеологическая доктрина представляет собой сочетание мусульманских антииудейских идей с европейским антисемитизмом. С другой стороны, пришедшее к власти шиитское духовенство рассматривает этническое и религиозное разнообразие иранского общества в рамках мусульманской догмы, согласно которой исламская община являет собой единую нацию. На основании этого постулата конституция страны зафиксировала в своей статье 11-й положение о том, что все мусульмане составляют единую общину, провозгласив таким образом единство по религиозному признаку и дезавуировав этно-конфессиональные особенности. Однако статья 13-я закрепляет права последователей других религий, которые в рамках действующей конституции могут беспрепятственно отправлять свои религиозные обряды и сложившиеся обычаи. Конституция ИРИ содержит и определенные требования к мусульманам в части их отношений с представителями религиозных меньшинств, к которым они должны относиться в рамках принципов исламской справедливости и уважения прав человека. При этом оговаривается, что такое положение реализуется при условии лояльности религиозных меньшинств исламу и режиму исламской республики, что на деле создает возможность преследования этноконфессиональных движений, выдвигающих политические лозунги³⁰. Любая активность национальных и религиозных меньшинств (в Иране определяющими являются конфессиональные различия) рассматривается как подрывающая власть центрального правительства, а следовательно, направленная против режима Исламской Республики Иран.

Значительную опасность для еврейской общины Ирана представляла немедленно проявившаяся антиизраильская направленность внешней политики режима. Официальное объявление Израиля врагом исламского Ирана вызывает перманентные вспышки антисемитизма как на бытовом, так и на государственном уровне. Нередки проявления антисемитизма в СМИ и выступлениях высших руководителей страны. Страны отгородились друг от друга непроницаемой стеной. Об этом сигнализирует тот факт, что после победы в Иране

исламской революции почтовая и телефонная связь Ирана с Израилем была отключена и переписка и телефонные переговоры между гражданами двух стран официально запрещены.

Антиизраилизм, естественно, обуславливался политической ориентацией Хомейни, занимавшего крайне экстремистские позиции по отношению к еврейскому государству, что вполне логично вытекало из его враждебности ко всем силам, поддерживавшим последнего иранского шаха. Вместе с тем на встрече Хомейни с лидерами иранского еврейства, состоявшейся в мае 1979 г., им было обещана безопасность при условии «их дистанцирования от сионизма и Израиля»³¹. Сам Хомейни, а в дальнейшем – его преемник на посту духовного лидера страны аятолла Али Хаменеи неоднократно позволяли себе резко враждебные высказывания по отношению к евреям и иудаизму. Евреев считают «заклятыми врагами» ислама, а Израиль и сионизм – врагами исламского мира. Хомейни в своих трудах, в частности одном из самых известных – «Хокумате эслами» («Исламское правление»), не раз подчеркивал вражду евреев по отношению к исламской религии, характеризующую весь период исламско-иудейского диалога.

Усилившееся после установления в Иране исламского режима давление на евреев как «пятую колонну» только что свергнутого режима сопровождалось массовой экспроприацией их имущества по решению революционных трибуналов. Как следствие, исламская революция положила начало исходу еврейской общины из Ирана. Многие семьи бежали из страны, потеряв все свое имущество. Вот один лишь пример. Международный телеканал «Iran International» показал 25 декабря 2019 г. интервью с жителем израильского города Реховота Мусой Рустамианом. Он рассказал, что при последнем иранском шахе у него был трехэтажный дом в Аббас-абаде, рядом с Караджем в окрестностях Тегерана. Ему же принадлежало офисное здание в Тегеране, большой сад. Материально семья М. Рустамиана относилась к среднему классу, жила вполне обеспеченно. В первые послереволюционные месяцы по приговору Революционного суда все имущество было экспроприировано, и семье пришлось ни с чем бежать из страны. «Таких как я, лишившихся всего, было много, у нас отобрали имущество, оставив нас нищими»³². Многим было трудно смириться с установленными исламским режимом разнообразными ограничениями, преследованиями за то, что «... из-под хиджаба

видны волосы, слишком узкие джинсы, воспользовалась косметикой или накрасила ногти»³³. Всего в течение двадцати лет после установления в стране исламского режима Иран покинуло более 55 тыс. евреев, при этом примерно 10 тыс. евреев спешно уехали из страны накануне или сразу же после прихода исламистов к власти. Потерянное ими имущество оценивается в 31,3 млрд долл.³⁴

Гипертрофированно враждебное отношение в сионизму и Израилю как глобальной угрозе, нагнетавшееся в Иране с начала существования нового режима, привело к тому, что в стране была развязана кампания террора, жертвами которой пали десятки евреев, в основном активисты еврейской общины и крупные бизнесмены. В их числе – многолетний глава еврейской общины, бизнесмен Хабиб Элганиан, казненный по обвинению в сионистской деятельности в 1979 г. Вскоре такая же участь постигла другого крупного бизнесмена – Альберта Даниэльпура, затем – владельца сети гостиниц Берухима Аврахами. До середины 1983 г. было казнено с конфискацией имущества еще десять руководителей иранского еврейства. В последующие годы репрессии были продолжены, и до конца 1990-х годов были суммарно казнены через повешение 19 человек³⁵.

Вместе с тем к середине 1980-х годов еврейская община после революционных потрясений вернулась к прежнему обычному существованию. По сравнению с шахским периодом ее существование в условиях исламского режима может быть охарактеризовано как амбивалентное. Одной гранью амбивалентности является официальный статус этноконфессиональной общины, пользующейся равными правами с другими подобными немусульманскими общинами исламского Ирана – зороастрийцами и христианами. Ей было возвращено декларированное Конституцией 1906 г. право избирать депутата в Собрание исламского Совета (парламент), которого община лишилась в августе 1980 г. «из-за связей с Израилем и домом свергнутого шаха».

Иранский избирательный закон позволяет маленькой общине, составляющей 0,04% населения страны, иметь своего представителя в парламенте. За годы исламского режима 6 евреев избирались депутатами парламента. В целом еврейские депутаты иранского парламента занимают явно выраженные коллаборационистские позиции. Из их уст нередко раздаются обвинения в адрес Израиля как главного врага Ирана и всего исламского мира. Власти исламского Ирана «рекомен-

дуют» еврейским депутатам и лидерам еврейской общины страны проявлять солидарность со всеми акциями национального масштаба. «В День Иерусалима они возглавляют главную колонну этого праздника, громче всех провозглашают лозунг “Смерть Израилю!” и яростнее, чем другие, топчут израильские флаги»³⁶. В заявлении по случаю убийства командира «Сепакхе Кодс» генерала К. Солеймани от имени еврейской общины выражается уверенность, что «в дорогом для нас Иране появится много новых Солеймани, которые сотрут с лица земли злодеяния Большого Дьявола»³⁷. Главный раввин Ирана Иехуда Герами возглавил делегацию общины, прибывшую в дом покойного, чтобы выразить соболезнование и «продемонстрировать единство иранского народа». Другой иранский еврей, активист общины Соломон Кохен-Садек, заявил СМИ, что в этот день община вновь выражает свою поддержку идеалов исламской революции³⁸.

Однако отмечены и случаи, когда еврейские депутаты пытались реально отстоять права общины. Так, в октябре 1999 г. тогдашний еврейский депутат Манучехр Эльяси потребовал в парламенте соблюдения прав группы арестованных евреев-«шпионов». Активную позицию по отстаиванию прав своего этноконфессионального меньшинства занимал и депутат Морис Мотамед (избирался дважды – в 2000 и 2004 гг.), который во время второй каденции был досрочно отозван из законодательного органа.

В Исламской Республике Иран воссоздана вся социально-культурная инфраструктура еврейской общины, функционировавшая до исламской революции 1979 г. Это касается различных культурных, общественных и религиозных организаций и учреждений, число которых вслед за сокращением количества иранских евреев заметно уменьшилось. В Тегеране на общинном уровне активно функционирует учебный компьютерный центр, имеется трехязычный (фарси-английский-иврит) интернет-портал местной еврейской общины. В стране действуют четыре еврейских частных образовательных учреждения в формате школ – две для девочек и две для мальчиков (все – в столице), – которые охватывают половину еврейских детей, остальные учатся в государственных школах. Вне Тегерана для еврейских детей функционируют лишь воскресные школы или классы, открытые по пятницам – мусульманским выходным. Еврейские ученики изучают Танах на персидском языке. При этом занятия в школе

проводятся и в субботу, а в используемых учебниках широко представлены антисемитские и антиизральские сюжеты. Большинство иранских евреев сконцентрировано ныне в трех городах – Тегеране, Исфахане и Ширазе, причем в столице их более половины³⁹. Отметим, что по решению городских властей Тегерана исторический еврейский квартал города полностью снесен⁴⁰. В столице сконцентрированы 20 из 40 действующих в Иране синагог. Большинство иранских евреев соблюдают все предписания иудаизма. В целом иранская еврейская община ныне более религиозна, чем в дореволюционный период, а местные синагоги более заполнены, чем тогда.

Второй гранью амбивалентности являются не стихающие все годы после провозглашения исламской республики всплески антисемитизма на бытовом и государственном уровне, закономерно вытекающие из реализации политики антиизраилизма. Такие тенденции обострялись и в кризисные для страны годы, когда на базе экономических трудностей и финансового кризиса возникала необходимость в поиске цементирующего нацию внешнего врага. Это неминуемо приводило к нагнетанию антиамериканской истерии и, естественно, обвинению во всех смертных грехах его союзника Израиля, сионизма, и, как продолжение этой цепочки, имело следствием репрессии против еврейской общины Ирана, которая для многих в ИРИ по-прежнему ассоциируется с Израилем. В Иране по-прежнему подвергаются судебному преследованию местные евреи, пытающиеся наладить связи с родственниками в Израиле. Так, с осени 2019 г. Машалла Песар-Кохен отбывает трехлетний срок тюремного заключения из-за того, что побывал у своих родственников в Израиле и посетил святыне для евреев места в Иерусалиме. Песар-Кохен – житель Шираза. В сентябре 2019 г. в его дом нагрянули агенты служб безопасности, привезли его в СИЗО, а затем – в тюремную камеру⁴¹. При этом официальные декларации властей говорят о том, что стало возможным восстановить отношения с родственниками и друзьями, проживающими за границей, в том числе в Израиле.

Имеется достаточно фактов утверждать, что антисемитская пропаганда и различные акции по дискредитации евреев являются спланированной кампанией, рассчитанной на конкретные слои иранского общества. Каждая из акций преследует определенные цели, достигаемые как на внутреннем иранском, так и внешнем поле. Вот, например,

арест в феврале 1999 г. в Иране группы из 13 евреев, которых обвинили в шпионаже в пользу Израиля. Оказалось, что арест группы «шпионов» напрямую связан с внутривластной борьбой между иранскими консерваторами и либералами. С большим трудом реализуемая иранским президентом-прагматиком Сеййедом Мохаммадом Хатами политика выхода из политической и экономической изоляции и сближения с Западом сталкивалась с яростным неприятием консервативного крыла иранского клерикального руководства. Срочно и вовремя состряпанное дело об израильской шпионской сети призвано было покончить с надеждами на сезон иранской "оттепели", заблокировать несомненные успехи либералов по преодолению Ираном международной изоляции. Коснемся еще одной «шпионско-еврейской» кампании. В начале 2018 г. праворадикальная газета «Ватан эмруз» («Родина сегодня») сообщила о раскрытии «шпионской сети» под прикрытием экологической деятельности. Как пишет издание, то, что раскрыли силы безопасности, оказалось крупной сетью с обширными высокопрофессиональными планами, использовавшей новейшие достижения в сфере шпионажа⁴². Речь шла о компании, занимавшейся изучением диких животных. В ее составе оказались три еврея, связанные с компанией, «главным винтиком из которых оказался Морад (Моше) Тахбаз, еврей, имеющий три гражданства – иранское, британское и американское». Экологическая компания Тахбаза пользовалась покровительством иранских властей и выполняла заказы по государственной экологической программе. Изучая диких животных, группа ездила по всей территории страны, но особое пристрастие имела к тем районам, где находились стратегические объекты иранской ракетной программы, например в провинции Семнан. Эти объекты, в частности Хартуран, особенно интересовали Израиль, писала газета, поскольку там находились ракетные установки, потенциально опасные для «сионистского режима». Смысл кампании был в том, чтобы посредством еврейской «карты» опорочить иранских либералов в противостоянии с фундаменталистами.

В последние десятилетия в Иране не раз отмечены случаи, когда радикалы пытаются приписать еврейство как унижающую характеристику некоторым руководителям исламского режима для их дискредитации. С этой целью в стране даже запущен термин «скрытые евреи». Так, в октябре 2009 г. в мировых и иранских СМИ появились

статьи, указывающие на еврейские корни тогдашнего президента ИРИ М. Ахмадинежада. Утверждалось, что его семья имеет еврейские корни, и поэтому, подобно многим евреям, порвавшим с иудаизмом и перешедшим в другие религии, М. Ахмадинежад усиленно нападает на мировое еврейство, чтобы скрыть свое подлинное происхождение.

Более «свежий» пример – использование того же приема в истории с финансовыми и имущественными злоупотреблениями хорошо известной в Иране семьи Лариджани. Пять братьев Лариджани являются сыновьями популярного шиитского богослова аятоллы Амоли. Все они – Фазел, Бакер, Мохаммад-Джавад, Али и Садек – занимали или занимают серьезные посты в иерархии власти исламской республики, но до самых высших постов дослужились Али и Садек. Али Лариджани до 2020 г. был спикером парламента, Садек до февраля 2019 г. являлся главой судебной власти страны. В конце 2016 г. в местных СМИ замелькали утверждения о том, что клан Лариджани на самом деле имеет еврейские корни, но когда-то они перешли в ислам, «для того чтобы изнутри подорвать основы исламского режима и в конце концов обрушить его». Разумеется, широкая пропаганда «еврейства» семьи Лариджани в иранских СМИ, рассчитанных на внутреннюю аудиторию, способствовала нагнетанию антисemitских настроений в иранском обществе.

Разумеется, на положении еврейской общины сказывается изменение политической конъюнктуры в стране. По сути, община живет в состоянии хрупкого равновесия, которое в любой момент может нарушиться. На еврейской общине отражаются и перипетии внутри-иранской политики. Либерализация, наступившая в стране после ирано-иракской войны, или приход к власти президентов-либералов С.М. Хатами в 1997–2005 гг. или Х. Роухани в 2013 г. благоприятно сказались на положении общины. В эти годы были решены некоторые острые проблемы, не нашедшие прежде своего решения. Так, при С.М. Хатами были облегчены условия выезда иранских евреев за границу, стало возможным восстановить отношения с родственниками и друзьями, проживающими за границей, в том числе в Израиле. Положительно можно расценить и такие показательные шаги, как открытие в декабре 2014 г. на еврейском кладбище Тегерана памятника еврейским воинам, павшим в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг. с участием вице-спикера парламента Ирана Мохаммад-Хасана

Абатораби-Фарда. Смысл церемонии состоял в том, чтобы продемонстрировать всему миру, что исламский Иран является на самом деле мультиконфессиональным государством, в котором реализована свобода вероисповедания не только мусульман, но и адептов других религий, в том числе иудейской. Ранее, в 2013 г., в Тегеране почтили память ученого мирового уровня, легендарного иранского лексикографа из среды местных евреев Солеймана Хаима. Тогда же состоялась презентация детища всей его жизни – полного персидско-ивритского словаря. Важно, что словарь представил экс-спикер парламента страны Голам-Хоссейн Хаддад-Адель. Отметим и тот факт, что в Иране на государственном уровне заботятся о таких местах поклонения евреев, как могила иудейского святого пророка Даниэля в Шуше в провинции Хузестан, где усыпальница возведена в мусульманском стиле, а также могила пророка Хабакука (Аввакума) в Западном Иране, имеющая святость как для иудеев, так и для мусульман. Вместе с тем в дискурсе амбивалентности в Иране не раз происходили инциденты вокруг других объектов еврейского культурно-исторического наследия. Чаще всего они были связаны с гробницей Эстер (Эсфирь) и Мордехая в Хамадане (в древности Шушан (Сузы)). Так, 12 декабря 2010 г. там собралась толпа людей, скандировавших лозунги «Смерть Израилю!» и призывавших разрушить это здание⁴³. Демонстранты требовали превращения этой иудейской святыни в объект исключительно исламского культурного наследия. По всей видимости, происходящее явилось реакцией на муссируемые в СМИ Ирана утверждения о том, что Израиль планомерно разрушает мечеть Аль-Акса, являющуюся третьей по значимости святыней исламского мира.

Заключение

Реалии существования еврейской общины в ИРИ после победы в 1979 г. исламской революции позволяют прийти к выводу, что в течение всего этого периода община и руководство страны пытаются лавировать между позиционированием еврейской общины как воплощения свободного существования официально признанной еврейской религии и неуклонно реализуемой исламским режимом ИРИ политикой антиизраилизма и антисемитизма, антисионизма и антииудаизма, балансируя на их хрупкой грани. Режим ислам-

ской республики никогда официально не одобрял систематического преследования своих еврейских граждан, но в течение всего после-революционного времени антисемитские высказывания регулярно озвучивались высшим религиозным руководством страны и публиковались консервативной прессой. Однако реальность такова, что еврейская община Ирана все еще считается самой большой в регионе Ближнего Востока. В условиях исламского режима, подвергающего ее неимоверным испытаниям, она продолжает вести свою религиозную и общинную жизнь. Встречаясь со многими трудностями – резким уменьшением своей численности, экономическими лишениями, дискриминацией на бытовом уровне, – община пытается сберечь свое культурное и материальное наследие. В то время как некоторые считают иранских евреев пешками в политической игре, которую ведет ИРИ, важно взвешенно оценить сам феномен выживания общины в таких экстремальных условиях. Она живет вопреки увеличению изоляции Ирана, упрямо проводящего деструктивную политику «против Израиля и евреев повсюду в мире»⁴⁴.

Впрочем, в случае дальнейшего «завинчивания гаек» иранскую еврейскую общину может ожидать то, что случилось почти со всеми еврейскими общинами Ближнего Востока – исход, в значительной мере уже реализовавшийся. Вспомним, что на это есть предвидение еврейского первосвященника Эзры. Как известно, он поехал в Иран уже в эпоху сына Кира – царя Дария, пытаясь вернуть евреев домой. Эзра сказал тамошним евреям: «Не обольщайтесь возделанными пашнями, богатыми садами, родниковой водой и живительным воздухом, чудным спокойствием и полным достатком... Не надейтесь на нынешнюю свою безопасность, потому что настанут дни, когда эта страна опустеет от евреев и ваше положение не сравнится с худшими днями, пережитыми вашими предками»⁴⁵.

¹ Eliyahu Hanavi: What reopening the Eliyahu Hanavi Synagogue means for Egypt / January 22, 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2020/01/egypt-opens-eliyahu-hanavi-synagogue.html#ixzz6CPlk5ZgV>.

² Rais-e jomhuri-ye Mesr, haftad sal pas az ekhraj-e yahudiyān, az anha da'vat kard be Mesr baz gardand (Президент Египта, через 70 лет после изгнания евреев, пригласил евреев вернуться в Египет), (رئيس جمهوری مصر، هفتاد سال پس از اخراج یهودیان، از آن ها دعوت کرد به مصر بازگردند) / 25 февраля 2019 г. [Электронный ресурс].

- ³ Miryam Tangi. A Memory of the Last Jews of Yemen / 29 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://blog.nli.org.il/en/yemen-jews/?utm_source=activetrail&utm_medium=email&utm_campaign=%20English%20Newsletter%2004.04.2019&atscid=3_2269_158426136_9797371_0_Tzfaewz3jd2uwsda8.
- ⁴ Раванди-Фадаи Л.М. Этноконфессиональные проблемы в современном Иране // Иран при М. Ахмадинежаде. М., 2013. С. 180. По другим оценкам, их число составляет «менее 10 тысяч человек» [Israel Ha-yom, 16.12.2019. P. 3].
- ⁵ Иерусалим в веках. Часть 2. Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1997. С. 13.
- ⁶ Штереншис М.В. Евреи: история нации. Израиль, Герцлия: Испрадон, 2008. С. 239.
- ⁷ Shterenshis M. Tamerlan and the Jews. London and New York: Routledge Curson, 2002. P. 24.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Еврейские общины на Востоке в XIX–XX вв. Иран / под ред. Хаима Саадун. Иерусалим: Министерство образования Израиля. Еврейский университет в Иерусалиме, 2005. С. 78 (на ивр.).
- ¹⁰ Amnon Netser. Tarikh-e yahud dar asr-e jadid (Аммон Нецер. История евреев в Новое время. Тель-Авив, 1982. С. 227) (امنون نتصر. تاریخ یهود در عصر جدید).
- ¹¹ Риттих П.А. Политико-статистический очерк Персии. Спб., 1896. С. 49.
- ¹² Vambéry A. The Story of My Struggles. L., T. Fisher Udwin, 1905. P. 424.
- ¹³ Цит по: Давид Менашри. Евреи в Иране в период династии Пехлеви и Исламской республики (рукопись). Тель-Авив, 2005. С. 2 (на ивр.).
- ¹⁴ Аммон Нецер. История евреев в новое время. С. 243.
- ¹⁵ Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983. С. 182.
- ¹⁶ Тер-Оганов Н. Евреи Персии на рубеже XIX–XX веков // Корни. Москва – Киев, 2004. № 24. С. 116–124.
- ¹⁷ Ketabi dar bare-ye mahale-ye yahudiyan-e Teran. Mahale-yi ke hokumat anra takhrib garde-ast (Книга о квартале евреев Тегерана, который исламский режим разрушил / 30 мая 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://radis.org/?p=9706>.
(کتابی درباره محله یهودیان تهران محله ای که حکومت آن را تخریب کرده است)
- ¹⁸ Levy H. Comprehensive History of the Jews of Iran. Costa Mesa, CA: Mazda, 1999. P. 511.
- ¹⁹ Israel Ha-yom, December 16, 2019. P. 3.
- ²⁰ Panjohomin salgard-e dargozasht-e Soleyman Hayyim –bozorgtarin moallef-e farhangha-ye dozabane, gerami dashte-and (Отмечена 50-я годовщина со дня смерти Солеймана Хаййима – крупнейшего составителя переводных персидских словарей / 4 февраля 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://radis.org/?p=42580>).
(پنجاهمین سالگرد درگذشت سلیمان حیییم بزرگترین مؤلف فرهنگ های دو زبانه، گرامی داشته شد).
- ²¹ Агаев С.Л. Иран между прошлым и будущим. События, люди, идеи. М., 1987. С. 6.
- ²² Софер Д. Сентябрь Шираза. М., 2009. С. 138.
- ²³ Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. М., 1989. С. 24.
- ²⁴ Menashri D. Education and the Making of Modern Iran. Ithaca and London: Cornell University Press, 1992. P. 213.
- ²⁵ Ibid. P. 295.
- ²⁶ Ibid.

- 27 Sanasarian E. Religious minorities in Iran. Cambridge: University Press, 2000. P. 7.
- 28 Еврейские общины на Востоке в XIX – XX вв. Иран. С. 21.
- 29 Цит. по: Менашри Д. Иран в революции. Тель-Авив: Ха-Кибуц ха-меухад, 1995. С. 196–197 (на ивр.).
- 30 Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. С. 211.
- 31 Еврейские общины на Востоке в XIX–XX вв. Иран. С. 25.
- 32 Gozareshi az mosadere va qarat-e amval-e yahudiyan-e Iran tavassot-e rezhim-e jomhuri-ye eslami (Рассказ о грабеже имущества иранских евреев режимом Исламской Республики Иран. 26 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://radis.org/?p=40066>)
(گزارشی از مصادره و غارت اموال یهودیان ایران توسط رژیم جمهوری اسلامی)
- 33 Обретшие свободу // Новости недели, 06.02.2020. С. 18.
- 34 Israel Ha-yom, 16.12.2019. P. C. 2-3.
- 35 Месамед В.И. Иран: равноправны ли персы, курды, армяне, евреи, сунниты, беахиты? / 19.04.2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.iimes.ru/?p=5692>.
- 36 Jamee-ye kalimian-e Tehran ba enteshar-e bayaniye-yi anchera ke «shehadat»-e Qasem Soleimani khand, be rahbar «tabrik-o-tasliyya» goft (Еврейская община Тегерана в своем заявлении выразила соболезнование религиозному лидеру Ирана в связи с гибелью Касема Солеймани / 3.01.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://radis.org/?p=40566>.
(امعه کلیمیان تهران با انتشار بیانیهای، آن چه را که “شهادت” قاسم سلیمانی خواند، به رهبر “تبریک و تسلیت” گفت)
- 37 Там же.
- 38 Iranian Jews join chorus of condemnation at Qassem Soleimani's assassination / 9 января 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.thejc.com/news/world/iranian-jews-join-chorus-of-condemnation-at-qassem-soleimani-s-assassination-1.495178>.
- 39 Sarshar H. (ed.) Jewish Communities of Iran. Columbia University; Center for Iranian Studies. New York, 2011. P. 78.
- 40 Книга о квартале евреев Тегерана, который исламский режим разрушил; см. также: Doktor Naser Takmil Homaoun. Mahaleye kalimian-e Tehran / (Д-р Насер Такмил Хомаюн. Квартал евреев Тегерана). Тегеран, 2016.
(دکتر ناصر تکمیل همایون – محله کلیمیان تهران).
- 41 Yek yahudi-ye irani, be jorm-e safar-e khanvadegi be Esraail, be se sal-e زندان mahkum shode ast (Иранский еврей осужден на три года тюремного заключения из-за поездки в Израиль к родственникам / 2.11.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://radis.org/?p=37269>.
(یک یهودی ایرانی به جرم سفر خانوادگی به اسرائیل، به سه سال زندان محکوم شده است).
- 42 Chatre sabze jasusi (Шпионаж под зеленым зонтиком) // Vatan-e emrooz, 18.02.2018.
- 43 Neda-ye sabz-e azadi, 15.12.2010.
- 44 Lipner Sh. The Jewish People in 2017: Fault Lines, Threats, and Opportunities // The Israel Journal of Foreign Affairs. Vol. 11. № 2. 2017/5777. P. 173.
- 45 Ali Asqar-e Vostafavi. Nazar-i be zendegi-ye yahudiyan-e irani (Али Асгар Мостафави. Взгляд на жизнь иранских евреев. Тегеран, 1369/ 1990. С. 137–138.
(علی اصغر مصطفوی – نظری به زندگی یهودیان ایرانی)

Проблема женской наркомании в Афганистане

Аннотация: В статье рассматривается проблема женской наркомании в Афганистане. Автор также анализирует и общую наркоситуацию в стране для лучшего понимания контекста проблемы. Для Афганистана женская наркомания стала одной из самых острых социальных проблем в последние годы. Особое внимание уделено положению женщины в афганском обществе. В статье показано также влияние афганских традиций и обычаев на проблему женской наркомании.

Ключевые слова: Афганистан, наркотики, наркомания, женская наркомания в Афганистане

Summary. This article examines the problem of women's drug addiction in Afghanistan. Author also analysis the drug situation in Afghanistan. Drug addiction among women becomes one of the most urgent social problems in Afghanistan for the last years. The special attention is paid to the place of woman in Afghan society. The influence of traditions and customs on the problem of women's drug addiction is also shown in the article

Key words: Afghanistan, drugs, drug addiction, women's drug addiction in Afghanistan

Сегодня на Афганистан приходится 90–95% мирового производства наркотиков опиатной группы (преимущественно героина). Этот показатель делает его абсолютным мировым лидером в этой области. Можно также сказать, что сегодня Афганистан стал и практически полным монополистом по производству героина в мире.

На фоне стремительного роста объемов производства наркотиков в последние десятилетия отмечается и рост распространения наркомании в самом Афганистане. Массовая наркотизация афганского населения стала одной из проблем, которая оказывает разрушительное воздействие на афганское общество изнутри. Особого внимания заслуживает проблема женской наркомании. Но для лучшего понимания этой проблемы необходимо рассмотреть понятие наркомании эпидемического типа, а также основные тенденции наркотизации населения непосредственно в самом Афганистане.

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна – младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-0076-2956.

Наркомания эпидемического типа

Для лучшего понимания проблемы наркомании на уровне отдельного государства стоит ознакомиться с термином «наркоэпидемия». Этот термин был введен Нильсом Бейрутом (шведский психиатр и криминалист) для характеристики массовой наркотизации населения в Швеции в середине 1960-х годов. Термин «наркоэпидемия» состоит из двух частей: одна из них медицинская – эпидемия, а другая социальная – наркомания. Наркоэпидемия представляет собой сложный социальный процесс, в который вовлекается большой процент населения (город, страна, регион и т.д.). При этом имеется тенденция постоянного роста количества людей, вовлеченных в процессы покупки, сбыта, производства и употребления наркотиков¹.

О наркомании эпидемического типа можно говорить, когда количество лиц, употребляющих наркотики на постоянной основе в пределах определенной территории или в рамках социальной группы, составляет 1%.

Ключевой особенностью наркоэпидемии в социальном смысле является ее способность разрушать (или нарушать корректное функционирование) основ социальной жизни общества (семья, моральные нормы общества, ценности общества и т.д.). Наркомания является социальной проблемой, так как изначально оказывает влияние на сам социум.

Проблема массовой наркомании часто становится угрозой национальной безопасности страны. Для решения этой проблемы государству приходится задействовать все больше ресурсов (людские, денежные и т.д.), из-за чего могут деградировать другие сферы жизни (образование, наука, экономика и т.д.). Важной особенностью наркоэпидемии становится еще и рост криминогенности, а также разрастание теневых и нелегальных сегментов экономики. Массовая наркомания приводит к снижению качества жизни всего общества в целом, растет распространение заболеваний, передающихся через кровь.

Общая характеристика наркоситуации в Афганистане

Производство наркотиков негативно сказалось на многих сторонах жизни афганского общества. Этот вид нелегальной деятельности не только усугубил уже имевшиеся в Афганистане проблемы, но также создал и новые.

Сегодня Афганистан является как лидером по производству героина, так и одним из мировых лидеров по количеству наркозависимых на душу населения².

Стоит заметить, что ранее в Афганистане не было устойчивой и давно зафиксированной традиции употребления наркотических культур. Хотя в глубокой древности на Ближнем Востоке, особенно в Ассирийском царстве (VI тысячелетие до н. э.), людям уже был хорошо известен опиумный мак и его производные. В Индии стали употреблять опиум в I тысячелетии н. э., напитки на его основе в центральных районах страны до сих пор используются в религиозных обрядах.

Длительное время в Афганистане не обращали внимания на наличие наркомании в стране.

Можно сказать, что десятилетия гражданских войн отвлекали внимание от социальных проблем (таких как наркомания) на более остро стоящие проблемы, такие как война и борьба за выживание.

На фоне постоянно растущих объемов производства наркотиков в Афганистане увеличивалось и количество вовлеченных в их производство афганцев.

После ввода МССБ (Международных сил содействия безопасности) в 2001 г. на фоне терактов 11 сентября вовлеченность местного населения в производство наркотиков продолжала расти. Это явление развивалось на фоне серьезных экономических, социальных и политических проблем.

Существенный рост наркомании среди афганского населения произошел уже в начале 2000-х годов. Самыми популярными здесь стали героин (из опиумного мака) и каннабис (конопля). Синтетические наркотики были распространены меньше, но на данный момент их популярность растет (метоамфетамин).

Абсолютно неудивительно, что в Афганистане происходит рост употребления наркотиков. В стране, в которой с каждым годом их производится все больше и больше, естественно, происходит и рост их потребления местным населением.

Во многом рост потребления героина и распространение героиновой наркомании можно связать с отсутствием медикаментов и слаборазвитой системой здравоохранения. Совершенно естественно, что в подобных условиях часть местных жителей использует опиум и его производные в лечебных целях. Другая часть населения, кото-

рая относится к наиболее бедным слоям, использует наркотики для притупления чувства голода. В итоге эти категории людей становятся со временем наркоманами³.

На фоне роста наркомании растет процент смертности от наркотиков, а также происходит распространение СПИДа/ВИЧ-инфекций, гепатитов и других инфекций, передающихся через кровь. В условиях иногда практически полного отсутствия медицинской помощи распространение заболеваний невозможно остановить или взять под контроль. Кроме того, многие больные не получают должного лечения, которое могло бы существенно продлить их жизнь и обезопасить других членов афганского общества.

На фоне роста наркомании также растет и уровень преступлений, совершаемых на почве наркотиков.

Согласно оценкам ООН, количество наркозависимых среди взрослого населения в Афганистане составляет порядка 3 млн человек, или примерно 13% от взрослого населения страны. По приблизительным оценкам, одно из трех домохозяйств в Афганистане сталкивается с проблемами употребления наркотиков и наркозависимостью (31% всех домохозяйств). Особенностью наркомании в Афганистане является также и то, что в сельской местности уровень наркомании в 2,5 раза выше, чем в городской среде⁴. Для большинства развитых стран характерна обратная ситуация, уровень наркомании выше в городской среде, чем в деревне. Подобное отличие можно связать с тем, что основные наркопроизводства и плантации мака расположены в сельской среде. Кроме того, в Афганистане процент сельского населения⁵ выше, чем городского.

Проблема женской наркомании в Афганистане

Особого внимания заслуживает проблема женской наркомании в Афганистане. Это связано с тем, что афганское общество является крайне патриархальным и традиционным. Поэтому положение женщины в обществе кардинально отличается от положения мужчины. Внутрисемейные отношения являются именно той структурой, которая закрепляет положение женщины.

Важной особенностью жизни афганцев является система объединенной семьи. Согласно афганским традициям, женатые сыновья вме-

сте со своими семьями живут в родительском доме и полностью подчиняются их власти. Такая ситуация характерна до сих пор не только для сельской среды, но также иногда встречается и в афганской городской среде. Главой семьи, как правило, является либо отец, либо дед. Жизнь такой семьи напоминает в какой-то мере общину. Каждый член семьи обязан отдавать все свои доходы главе семьи, из чего складывается общий семейный фонд. В результате все финансовые траты зависят от главы семьи⁶. Для афганской семьи свойствен патриархальный уклад, когда мужчина контролирует все процессы жизни своей семьи.

В афганском обществе женщина занимает подчиненное положение в отличие от мужчин. Последние годы в Афганистане предпринимались попытки к раскрепощению женщины, освобождению ее от ряда традиционных ограничений и привлечению к активному участию в общественно-экономической, политической и культурной жизни страны⁷. Несмотря на то что современная афганская конституция (2004 г.) уравнила в правах мужчин и женщин, на практике это не всегда выполняется. Официальный закон на уровне сельских общин не имеет той силы над населением, которую имеют обычаи и традиции. Тем не менее положение женщины в городской среде несколько лучше, чем в деревнях.

Стоит отметить, что женщины, особенно в сельской местности, наравне с мужчинами участвуют в хозяйственной жизни, выполняют все домашние работы, воспитывают детей. В некоторых районах они занимаются традиционно мужским трудом⁸. На плечи женщин часто ложится большое количество обязанностей.

Рост употребления наркотиков среди афганских женщин сегодня стал беспрецедентным социальным явлением. Этот важный аспект проблемы по-прежнему скрыт от глаз мирового сообщества. Исследованием данного вопроса стали заниматься около десяти лет назад.

Десятки тысяч афганских женщин, которые привязаны к своим домам и семьям традициями и зачастую зависимы от мужей-наркоманов, тоже страдают от наркозависимости. В целом выросло количество домохозяйств, в которых важную роль играют наркотики. Из-за этого легко разрушаются семейные отношения, материальное благосостояние, и даже социальные традиции подвергаются угрозе⁹. Распространение наркомании среди женщин в Афганистане приводит иногда к разрушению семьи как социального института.

В 2017 г. количество наркозависимых женщин в Афганистане составляло около 900 тыс. человек.

Согласно исследованию, проведенному в 2008 г., около 65% наркозависимых женщин были замужем и имели одного и более детей. Еще 57% из этих женщин вышли замуж в возрасте до 16 лет, хотя, согласно афганской конституции, допустимый возраст для вступления в брак 16 лет для женщин и 18 лет – для мужчин¹⁰. В случае Афганистана браки несовершеннолетних еще раз подтверждают традиционность афганского общества и то, что обычай в ряде случаев превышает закон (особенно в сельской среде). Кроме того, ранние браки свойственны бедным и развивающимся странам. Раннее вступление женщин в брак в Афганистане можно также связать с зависимым положением женщины от мужчины в обществе, низким уровнем грамотности и невозможностью устроиться на хорошо оплачиваемую работу. Зачастую женщины имеют меньше возможностей, чем мужчины, позаботиться о себе и своих детях.

В Афганистане традиционный возраст вступления в брак для юношей составляет 18–20 лет, а для девушек – 13–18 лет. Выдача замуж несовершеннолетних здесь встречается весьма часто и повсеместно, особенно в сельской среде. Брак в Афганистане до сих пор зачастую рассматривается как акт купли-продажи¹¹.

Среди наркозависимых женщин процент работающих и безработных примерно одинаковый. Около 49% наркозависимых женщин в Афганистане являются безработными. Из работающих женщин, которых 51%, большая часть задействована в изготовлении ковров. Данный вид работы является тяжелым и трудоемким, поэтому женщины начинают употреблять наркотики, чтобы справляться с нагрузкой¹². В Афганистане ткали ковры всегда преимущественно женщины. С ранних лет девочек обучают этому ремеслу еще в родительском доме.

За 2010–2015 гг. количество наркозависимых женщин увеличилось почти в три раза. По мнению экспертов, большая часть афганских женщин познакомились с наркотиками благодаря мужу или родственнику мужского пола¹³. Рост наркомании среди женщин приводит к тому, что нередко разрушаются вековые традиции, основанные на исламских нормах. Традиционную роль афганской женщины можно описать как покорной, преданной жены и заботливой матери.

Сегодня эта роль все чаще сменяется безумием поиска наркотиков и стремлением уйти от реальности.

Женщины все чаще вынуждены заниматься проституцией или воровать. Детям дают наркотики, чтобы их успокоить и отправить спать. Иногда детей продают в детские дома, чтобы достать деньги на наркотики. Бывают случаи, когда женщины продают своих дочерей замуж, чтобы достать деньги на наркотики¹⁴.

В Афганистане до сих пор практикуют баад. Баад представляет собой способ урегулирования конфликта, при котором женщина (или девочка) из семьи преступника передается в семью потерпевшего в качестве прислуги или невесты. Часто баад является способом урегулирования долговых обязательств. Считается, что с помощью баада удастся избежать кровной мести¹⁵. Однако бывают случаи, когда женщина (девочка), по сути, отдается «в рабство». Очень часто баад практикуется, когда необходимо выполнить свои долговые обязательства на почве наркотиков.

В зарубежных СМИ (Washington Post¹⁶, The Guardian¹⁷ и др.) можно встретить ряд статей, которые приводят примеры продажи матерями своих детей в обмен на наркотики. В тяжелых условиях жизни в Афганистане подобные случаи возможны, так как наркомания способна сделать поведение человека полностью асоциальным.

Тем не менее подобные действия запрещены афганским законодательством, но продолжают практиковаться на местном общинно-племенном уровне. В ряде случаев нормы традиционных обычаев стоят выше официального законодательства.

Наркозависимые афганские женщины сталкиваются обычно с такими проблемами, как безработный муж, употребляющий наркотики, дети, которых забрали и отправили в детский дом, конфликты с неодобряющими их жизнь родственниками, жизнь в бедности и в ожидании опасности. Наркотики дают короткое облегчение, но приносят долгосрочный ущерб¹⁸.

От проблем, связанных с наркоманией, страдают также и не употребляющие наркотики женщины. В Афганистане можно часто встретить семью, в которой муж употребляет наркотики, а его жена нет. В подобных условиях зачастую все функции по обеспечению семьи ложатся на женщину. Зачастую женщины не имеют возможности получить развод. Однако развод в Афганистане не является

незаконным актом, но, согласно обычаям и традициям, развестись бывает очень сложно¹⁹.

Учитывая традиционность афганского общества и влияние на жизнь населения обычаев и традиций, неудивительно, что брак считается священным. Однако афганцы допускают и возможность развода. Согласно мусульманской религии право на развод имеет только муж, который в любой момент может развестись с женой, произнеся при этом установленную формулу «развод» («талак»)²⁰. Поэтому весьма часто женщина не может по своему собственному желанию развестись с мужем. Это приводит к тому, что женщина остается привязанной к наркозависимому мужу. И если при этом она не начинает употреблять вместе с ним наркотики, то ей приходится брать на себя функции мужчины – обеспечивать семью и финансировать наркозависимость мужа.

Борьба с наркотической зависимостью в Афганистане

На фоне роста наркомании для Афганистана становится актуальным и лечение наркозависимости. Что касается непосредственного лечения наркомании в Афганистане, то в 2015 г. в стране действовало 123 наркологических центра. Это количество центров по лечению наркомании могло предоставить медицинскую помощь примерно 10% наркозависимых в стране. Центры по лечению наркомании финансировались как афганским правительством, так и за счет международных доноров. Данные центры действовали в 28 провинциях Афганистана. В этих центрах предоставляется как стационарное, так и амбулаторное лечение, действуют программы борьбы с инъекциями²¹.

Женщины также могут получить лечение от наркомании. Однако ситуация складывается так, что помощь в лечении наркомании более доступна для мужчин. Женщины зачастую стремятся скрыть свои проблемы, связанные с употреблением наркотиков.

В условиях Афганистана борьба с наркоманией является крайне сложной задачей. Несмотря на все меры, которые предпринимаются афганским правительством и международными организациями, проблема наркомании крайне остро стоит для афганского общества.

Сегодня сложно говорить о положительной динамике в борьбе с наркоманией. Скорее всего, в Афганистане сохранится тенден-

ция к росту употребления наркотиков. Проблема наркомании здесь имеет две составляющие: постоянно растущие объемы наркопроизводства и огромный комплекс политических, экономических и социальных проблем.

В условиях политической нестабильности и почти полного отсутствия жизнеспособной экономики наркопроизводство будет сохранять тенденцию к росту. На этом фоне, скорее всего, продолжится абсолютный и относительный рост населения, вовлеченного в наркопроизводство, а также увеличится угроза распространения наркоэпидемии.

Заключение

Проблема женской наркомании в Афганистане показывает, насколько женщина в афганском обществе является уязвимой и какова здесь власть традиций и обычаев.

Глубокая приверженность обычаям и традициям, которая складывалась веками, стала для народов Афганистана характерной национальной чертой. Вместе с религией они до сих пор во многом определяют менталитет афганского общества, особенно в сельской среде. Они являются не только неоспоримым каноном в жизни людей, но и предметом их национальной гордости и достоинства.

Стоит отметить, что обращение к обычаям и традициям в афганском обществе, особенно среди крестьян, является нормой их повседневной жизни. Тем не менее в афганских городах роль традиций и обычаев ослабевает, и на их место приходят официальное законодательство и нормы права.

Однако в жизни большинства афганцев лежит обычное право (адат) и доисламские верования, к которым впоследствии добавились нормы и установки ислама.

Главной особенностью проблемы женской наркомании в Афганистане является то, что эта проблема зачастую замалчивается. В результате женщины часто не имеют возможности получить помощь.

Безусловно, все усугубляется зависимым положением женщины от мужчины в афганском обществе. Кроме того, женщины часто сталкиваются с различными видами насилия и представляют собой весьма уязвимый слой общества. Рост наркомании именно среди женщин является показателем того, насколько традиции и обычаи

имеют власть в афганском обществе. Это также демонстрирует и то, что в отдаленной от центра сельской среде официальное законодательство не имеет власти.

¹ Шведская наркополитика. URL: http://www.ecad.ru/mn-pl4_58.html (дата обращения: 21.01.2021).

² Афганистан из экспортера героина стал потребителем № 1. URL: https://www.bbc.com/russian/society/2013/04/130411_afghanistan_drugs (дата обращения: 21.01.2021).

³ Окимбеков У.В. О наркоситуации в Афганистане. URL: <http://afghanistan.ru/doc/73104.html> (дата обращения: 21.01.2021).

⁴ UNODC drug report Afghanistan 2015. P. 56.

⁵ Согласно последним данным, в Афганистане порядка 71% населения проживают в деревнях, 23,5% населения проживают в городах. National statistics and information authority. URL: <https://nsia.gov.af/Content/files/%2525D8%2525B1%2525DB%25258C%2525D8%2525A7%2525D8%2525B3%2525D8%2525AA%252520%2525D8%2525AF%2525DB%25258C%2525D9%252585%2525D9%252588%25255AF%2525D8%2525B1%2525D8%2525A7%2525D9%252581%2525DB%25258C/population/Final%252520Population%2525201397.pdf> (дата обращения: 21.02.2021).

⁶ Слинкин М.Ф. Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь, 1995. С. 54.

⁷ Там же. С. 55.

⁸ Там же.

⁹ Pamela Constable Opium use booms in Afghanistan, creating a «silent tsunami» of addicted women. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/opium-use-booms-in-afghanistan-creating-a-silent-tsunami-of-addicted-women/2017/06/19/6c5b16f2-3985-11e7-a59b-26e0451a96fd_story.html?horedirect=on&utm_term=.62867ca37d99 (дата обращения: 21.01.2021).

¹⁰ Afghanistan independent human rights commission research and planning sector. P. 8.

¹¹ Слинкин М.Ф. соч. С. 57.

¹² Там же.

¹³ Constable P. Opium use booms in Afghanistan, creating a 'silent tsunami' of addicted women // Washington Post.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Что значит быть женщиной в Афганистане. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2017/01/1038831> (дата обращения: 21.01.2021).

¹⁶ Constable P. Opium use booms in Afghanistan, creating a 'silent tsunami' of addicted women // Washington Post.

¹⁷ Inside mother camp: the woman tackling Afghanistan's drug problem. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2019/jan/02/inside-mother-camp-the-woman-tackling-afghanistans-drug-problem> (дата обращения: 21.01.2021).

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Divorce isn't an option»: Afghan women find hope in saffron scheme. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/jun/23/divorce-isnt-an-option-afghan-women-find-hope-in-saffron-scheme> (дата обращения: 21.01.2021).

²⁰ Слинкин М.Ф. Указ. соч. С. 65.

²¹ Там же. С. 72.

Карачи – проблемы и перспективы большого города в Пакистане

Резюме. Статья посвящена проблемам, особенностям и перспективам одного из крупнейших городов Азии, самого большого по населению пакистанского города Карачи. Вслед за краткой историей города автор рассматривает политические проблемы, связанные с ним, отмечает драматическую борьбу за город различных пакистанских политических сил и партий, значение города для афганского Движения Талибан, превратившего его на определенном этапе в одну из своих опорных баз. В статье выявлены этапы жесткой борьбы разных этнополитических группировок (мухаджиров, пуштунов и др.) и кровавые столкновения, сделавшие Карачи крайне небезопасным местом проживания. Подчеркивается вместе с тем ключевая роль города-порта в экономике Пакистана, его значение как главного финансового и промышленного центра страны. Несмотря на лидирующие экономические позиции, город имеет слабую инфраструктуру. Жителям города, число которых приближается к 20 млн человек, не хватает жилья, почти половина проживает в трущобах. Население страдает от перебоев в подаче электроэнергии, от низкого качества питьевой воды, нерешенности транспортной проблемы и других следствий скученности и перенаселенности. Последнее десятилетие стало временем серьезных испытаний вследствие стихийных бедствий, обусловленных, по-видимому, изменениями глобального климата.

Ключевые слова: Пакистан, Карачи, история, политические проблемы, экономика, экология, стихийные бедствия, изменение климата

Summary. The article focuses on the problems, features and prospects of one of Asia's largest cities, the most populous Pakistani city of Karachi. Following the city's brief history, the author examines the political problems associated with it, notes the dramatic struggle over the city of various Pakistani political forces and parties, the importance of the city to the Afghan Taliban movement, which at some point turned it into one of its strongholds. The article reveals the stages of tough struggle of various ethno-political groups (Muhajirs, Pashtuns, etc.) and bloody clashes that made Karachi an extremely unsafe place of residence. At the same time, the article emphasizes the key role of the port city in Pakistan's economy, its importance as the country's main financial and industrial centre. Despite the leading economic positions, the city has weak infrastructure. The city's population, which is approaching 20 million, lacks housing,

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-8471-928X.

almost half of residents live in slums. The population suffers from power outages, poor drinking water quality, unresolved transport problems and other consequences of agglomeration and overcrowding. The last decade has been a time of great hardship as a result of natural disasters caused apparently by changes in the global climate.

Key words: Pakistan, Karachi, history, political problems, economy, ecology, natural disasters, climate change

Карачи – один из самых населенных городов мира. Он входит в число 10–12 крупнейших мегаполисов с числом жителей, оцениваемых чаще всего в пределах 17–20 млн человек. В Южной Азии город делит 4-е место, идя вслед за столицей Индии Дели (почти 30 млн человек, 2-е место в мире после Токио), Мумбаи (Бомбея), Дхаки (Дакки), находясь на уровне Колкаты (Калькутты). На Ближнем и Среднем Востоке Карачи, по некоторым подсчетам, уступает лишь Каиру, несколько опережая Стамбул и превосходя почти вдвое по числу жителей Тегеран¹.

Карачи – безусловный лидер среди городов Пакистана. Согласно переписи 2017 г., его население составило почти 15 млн человек. Численность второго по величине города, Лахора, меньше на 4 млн человек². Разрыв между двумя крупнейшими центрами страны заметно сократился по сравнению с данными предшествующей переписи 1998 г. – число жителей Карачи выросло на 60% за межпереписной период в 19 лет, а Лахора – на 114%. Столь большая разница в темпах роста оказалась неожиданной, и многие комментаторы в Пакистане обвинили статистические службы в намеренном занижении количества жителей Карачи. Между тем такая реакция довольно быстро сошла на нет, поскольку известно, что развитие инфраструктуры Лахора, а также в целом Северного Пакистана обгоняло в последние десятилетия экономический рост в Карачи и на всем юге страны³.

Краткий исторический очерк

Касаясь истории Карачи, надо иметь в виду, что это относительно новый населенный пункт, расположенный на давно освоенном месте, в дельте великой реки Инд (ее протяженность – 3180 км). Во времена Индской цивилизации III–II тысячелетия до н. э. и позднее, в эпоху расцвета городов на равнинах Ганга, в нижнем тече-

нии Инда, Синдской низменности, располагались портовые города. В середине II тысячелетия н. э., когда Синд был завоеван Великими Моголами, роль главной портовой гавани выполнял Лари-(или Лахори)-Бандер, служивший морскими воротами Татты, крупнейшего тогда торгово-ремесленного центра Синда.

Дельта Инда не была идеальным местом для морской торговли в парусную эпоху. Муссоны благоприятствовали Малабарскому побережью, а мощные речные отложения превратили дельту в изрезанную многочисленными рукавами мелководную болотистую местность. Не случайно Карачи возник к западу от дельты и первоначально, в XVIII в., был небольшим рыбацким поселением. Лишь к началу XIX в. он стал значимой торговой пристанью, а после завоевания Синда англичанами в 1843 г. – главным центром их власти и торговли к западу от Бомбея. Уже в 1850-х годах число жителей Карачи выросло примерно до 50 тыс. человек, был построен причал для крупных судов на о. Кеамари и налажено сообщение острова с материком, где построили первые портовые сооружения.

Синд, включенный в Бомбейское президентство, оказался в конце концов на задворках колониальной империи. Не случайно Карачи называли «падчерицей» Бомбея. Хотя строительство в городе продолжалось, ему сильно мешал бюрократизм, слабая заинтересованность в развитии города со стороны колониальных чиновников⁴.

В 1900 г. число жителей города превысило 130 тыс. человек, а к 1941 г. выросло до 436 тыс., но Лахор был в то время крупнее (672 тыс.) и играл заметно большую роль в жизни северо-запада Индии. Можно сказать, что, несмотря на известные с середины XIX в. проекты⁵, долина Инда за колониальный период не превратилась в подлинный хинтерланд Карачи.

Такой шанс он получил лишь после образования в 1947 г. Пакистана. Карачи стал первой столицей государства и морским звеном между Западным и Восточным Пакистаном. В 1948 г. его выделяют из Синда в отдельный столичный округ, и город превращается не только в политический, но и главный промышленный центр нового государства⁶. К 1951 г. его население увеличивается по сравнению с 1941 г. в два с половиной раза. При этом происходит почти полная замена состава его жителей. Город покидают до того составлявшие значительную часть жителей синдхи – индусы, и их место зани-

мают мусульмане из Северной, а отчасти Западной и Центральной Индии, назвавшие себя *мухаджирами*, т.е. переселенцами из религиозных побуждений, наподобие первых мусульман, отправившихся вслед за Пророком из Мекки в Медину.

Засилье «инонационалов» (неместных) в политической и экономической элите страны было непродолжительным. В 1958 г. в стране произошел первый военный переворот, и пришедший к власти генералитет во главе с М. Айюб Ханом принял в следующем году решение о переносе столицы временно в город Равалпинди и начале сооружения рядом с ним новой столицы – Исламабада. Значение Карачи стало постепенно падать, хотя к 1961 г. численность его жителей выросла почти до 2 млн и он намного оторвался от Лахора.

Очередной удар по Карачи был нанесен в декабре 1971 г. поражением пакистанской армии от индийской и образованием на месте Восточного Пакистана независимого государства Бангладеш. Многие богатые предприниматели из Карачи потеряли капиталы, вложенные в экономику восточной провинции, а после гонений на них со стороны правительства «исламского социалиста» и синдха по национальности З.А. Бхутто вынуждены были уехать или перенести центр тяжести своих операций в другие страны – Великобританию, США и на Ближний и Средний Восток.

С середины 1970-х годов начался процесс выезда рабочей силы из Пакистана в разбогатевшие благодаря вывозу нефти страны Аравийского полуострова и Персидского залива. Карачи приобрел значение морских и воздушных ворот для мигрантов. В этом своем качестве он продолжает функционировать до сих пор, пережив бурные внутренние потрясения начала 1970-х, рубежа 1980–1990-х, середины-конца 1990-х и начала 2010-х годов (о них см. ниже).

С точки зрения динамики численности выделяется, помимо первого, второй период, с 1961 по 1981 г. В унисон с исключительно быстрым демографическим ростом Пакистана того времени (более 3% в среднем в год) население Карачи за 20 лет увеличивалось темпами в 5,2%, в абсолютном выражении с 2 до более 5 млн человек. В последующем темпы падают опять же в соответствии с общей демографической тенденцией. За 17 лет между переписью 1981 и 1998 гг. они составили 3,5%, а в 19-летний период до переписи 2017 г. – 2,5% (население выросло округленно с 5 до 9, а затем – до 15 млн человек).

Политические проблемы

Одной из причин снижения темпов роста служат разнообразные этнополитические проблемы, с которыми сталкивался Карачи. На протяжении 1950-х годов город покидали остававшиеся там синдхи-индусы⁷. Доля несиндхского населения Карачи постепенно возрастала. Помимо мухаджиров его пополняли панджабцы, белуджи и пуштуны.

Этот процесс усилился после объединения в 1955 г. практически всех территорий западной части страны в единую провинцию Западный Пакистан, однако крупных проблем не вызывал. Среди мухаджиров ведущую прослойку образовали гуджаратские торгово-купеческие дома – Адамджи, Бавани, Дауды, Хабибы и др.⁸ Экономическому присутствию гуджаратцев (по касте и секте – *меманов, исмаилитов бохра и ходжа*) соответствовало их культурное влияние, во многом интернациональное, поскольку гуджаратцы владели капиталами не только в Пакистане и Индии, но и в странах ЮВА, Восточной Африке и других районах мира. В Карачи выходили газеты на гуджарати, имелись принадлежащие гуджаратцам издательства. Их культурно-экономическому, а соответственно и политическому воздействию положил конец распад «первого Пакистана» в 1971 г. В результате упомянутых выше потерь и гонений в наибольшей степени пострадали именно гуджаратцы. Их культурное влияние влачило с тех пор в городе все более жалкое существование⁹. То же самое надо сказать о преимущественно состоятельных парсах (зороастрийцах), которые за последующие десятилетия практически полностью покинули страну и ее главный город.

Первые столкновения на этнической почве имели место в Карачи в начале 1970-х годов. Летом 1972 г. законодательное собрание провинции Синд приняло закон о поощрении использования языка синдхи, сделав его обязательным для преподавания в старших классах государственных школ. Закон, принятие которого лоббировалось влиятельными силами синдхских националистов во главе с Г.М. Сае-дом, предусматривал меры по прогрессивному переходу на него при ведении дел в провинции и вытеснению с главенствующих позиций языка урду. Карачи и некоторые другие города Синда, где мухаджиры составляли большинство или значительную часть, охватили волне-

ния, которые в июле и августе того года превратились в братоубийственную войну, десятки человек были убиты и сотни ранены¹⁰.

Наибольший размах столкновения имели в Карачи, где наложись на выступления рабочих против произвола предпринимателей, а также студентов и учащейся молодежи, выступавших за усиление своих прав. Правительство Пакистанской народной партии во главе с З.А. Бхутто было вынуждено пойти на уступки мухаджирам. Закон об официальном языке провинции Синд был дополнен положением, предусматривающим 12-летний переходный период в процессе повышения статуса синдхи. Это разрядило обстановку, поскольку закрепило на довольно длительный срок прежний порядок¹¹.

Вместе с тем волнения по поводу языка оставили глубокий след. Антагонизм между синдхами и *урдувала* (урдуюзычным населением) обнажился и усилился. В конце концов он привел к созданию сначала студенческой организации мухаджиров (в 1978 г.), а в середине 1980-х их политической организации – Мухаджир кауми мувмент (МКМ), т.е. Национальному движению мухаджиров с его представлениями о наличии их отдельной национальности, хотя и не имеющей компактной территории, но претендующей на особые права, в частности превращение Карачи в особую провинцию («Карачи суба»)^{12*}.

В середине 1980-х годов, когда в стране уже почти 8 лет правили военные во главе с М. Зия уль-Хаком, обстановка в Карачи вновь серьезно накалилась. МКМ обрела к тому времени своего партийного *кайда* (вождя) в лице мелкого предпринимателя из мухаджиров, в прошлом одного из лидеров студенческого движения Алтафа Хусейна. Вынужденный уехать из страны на заработки он некоторое время работал таксистом в США, что не помешало его популярности – образу пламенного оратора и стойкого борца за дело мухаджиров. Вернувшись в Карачи, А. Хусейн вместе со своими сторонниками развернул вооруженную борьбу с мафиозными группами пуштунов и афганских беженцев. Весной 1985 г. некоторые трущобные районы Карачи (прежде всего Оранги) превратились в арену боевых действий с применением автоматов, пистолетов и гранат. Жертвами боев стали не менее 100 человек¹³.

* Тема создания собственной провинции до сих пор сохраняется в политической повестке дня. Ее время от времени поднимают на щит некоторые фракции мухаджиров.

Междоусобная криминальная война, продолжавшаяся несколько лет, отличала 1980-е годы от начала 1970-х, когда правительственные силы боролись на улицах с протестующими. В то же время она, по сути, не отличалась от боев в Карачи в начале 1990-х. К тому времени А. Хусейн скрылся за границей (в Лондоне), опасаясь судебных преследований, но его партия неизменно побеждала на местных и всеобщих выборах в Карачи (а также в столице Синда Хайдерабаде) благодаря голосам мухаджиров. Одновременно с легальной деятельностью МКМ участвовала в подпольных схватках с мафиозными группами из числа пуштунов, а также панджабцев и синдхов. Более того, в МКМ произошел раскол, и оппозиционная группа под названием «МКМ (Хаикики)», т.е. истинная МКМ, развернула против МКМ А. Хусейна ожесточенную борьбу за контроль над спорными территориями. Некоторые районы города превратились в опасные для прохожих, и правительство объявило их зонами, запрещенными для посещения неместными жителями («No go zones»). В 1992 г. власти были вынуждены ввести в Карачи и некоторые другие города Синда армейские подразделения, и это помогло несколько нормализовать ситуацию¹⁴.

Очередной всплеск насилия пришелся на 1994–1995 гг. За год с небольшим в Карачи было убито 542 человека¹⁵. Хотя с мая 1995 г. после ввода в город полувоенных формирований (рейнджеров) волна террора пошла на спад, там и после этого почти ежедневно гибли люди.

Наряду с убийством на межэтнической почве происходили стычки и расправы на межконфессиональной. Из 4 тыс. жертв террора, которых «насчитали» погибшими между серединой 1990-х и началом 2000-х годов, на межобщинную войну пришлось более 300¹⁶. Ее жертвами помимо шиитов, составляющих меньшинство среди мухаджиров, становились видные богословы и их последователи, чаще всего хорошо вооруженные, из таких рассадников экстремизма (талибанизма), как семинария деобандского направления в суннизме в районе Бинори-таун и духовные академии (медресе) враждующего лагеря барелвийского суннизма. Одной из жертв уличного террора стал в 1998 г. бывший мэр города известный предприниматель и меценат Х.М. Саид¹⁷.

Репутация крайне опасного для проживания города сохранялась за Карачи вплоть до установления в стране военного режима

осенью 1999 г. Несколько громких терактов были совершены в городе и позднее, особенно после разгрома режима талибов в Афганистане в 2001 г. и последовавшего за этим переселения сотен тысяч сторонников режима в Пакистан, в том числе в Карачи. Начиная с 2011 г., по причине усиления группировки войск США и их союзников в Афганистане, масштабы переселения талибов в Пакистан возросли, а Карачи превратился в одну из главных опорных баз боевиков. Очевидной целью афганских мигрантов было взять паузу и набрать силы для возвращения на родину. Пользуясь поддержкой части пуштунских общин города, талибы (афганские и пакистанские) установили режим террора, особенно ужесточившийся в конце 2012 г. и в первой половине следующего года, накануне парламентских выборов в мае 2013 г. К этому добавились кровавые разборки среди мафиозных групп, вызванные борьбой за «лакомые кусочки» городской недвижимости. Число убитых в городе за 2010–2013 гг. увеличилось более чем в два раза. Каждый день насильственной смертью умирали в среднем 6 человек, в отдельные дни – до 15. Исламские радикалы заставили националистические и секуляристские партии, такие как правившая в стране в 2008–2013 гг. Пакистанская народная партия, а также пуштунская Народная (Авами) национальная партия, снизить свою предвыборную активность¹⁸.

Уверенная победа, которую одержала на тех выборах Пакистанская мусульманская лига во главе с Н. Шарифом, привела к некоторому снижению накала межпартийных схваток в городе, где успех, хотя и не полный, сопутствовал МКМ А. Хусейна*. Вскоре после выборов разгул террористической стихии ослабили решительные действия армии против пакистанских талибов в зоне племен и зачистки боевиков в Карачи вслед за нападением террористов на школу в Пешаваре, где обучались дети военных в декабре 2014 г. Принятые после этого чрезвычайные антитеррористические меры способствовали относительной нормализации обстановки как в стране, так и в ее крупнейшем городском центре¹⁹.

Вторая половина 2010-х годов в Афганистане и Пакистане, да и в мире в целом, ознаменовалась определенным спадом ислам-

* В 1997 г. Мухаджир кауми мувмент официально трансформировалась в Муттахида кауми мувмент, т. е. в Объединенное национальное движение, при сохранении прежней аббревиатуры МКМ с конечным, через дефис или в скобках, литером А (Алтаф).

ского экстремизма. Это серьезно отразилось на ситуации в Карачи. Более спокойная обстановка в городе упрочилась после всеобщих парламентских выборов в Пакистане, состоявшихся в июле 2018 г. Победу на них в масштабах страны одержала самая молодая из крупных политических партий страны – Пакистанское движение за справедливость. ПДС возглавляет пуштун Имран Хан, и ее позиции наиболее сильны на севере страны, в провинции Хайбер-Пахтунхва (хайберско-пуштунская), и в северной части Панджаба. В Синде уверенную победу одержала Пакистанская народная партия во главе с Билавалом Бхутто-Зардари – сыном убитой в 2007 г. Беназир Бхутто и Асифа Зардари (президента страны в 2008–2013 гг). Позиции партии А. Хусейна в Карачи резко ослабли, и ее эра, можно сказать, подошла к концу*. Благодаря ослаблению трений между мухаджирами и синд-хами, а также лидерами других этнополитических групп Синд впервые с момента создания пакистанского государства оказался политически более или менее единым.

Впрочем, этнонационализм в стране, в частности радикальный синдхский национализм, сохраняется, но в существенно ослабленном виде²⁰. Иную форму приобрела и проблема пребывания в городе большой пуштунской общины. Из оплота пакистанских и афганских талибов она стала проявлять себя как вполне лояльная государству и требующая от него защиты. Именно на этой основе возникло Движение в защиту пуштунов (Паштун тахафуз мувмент) после того, как полицейские в начале 2018 г. убили молодого лидера карачинских пуштунов Н. Масуда, заподозрив его в терроризме²¹. Криминогенная тематика не снята в настоящее время с повестки дня, но ее корни уходят теперь чаще в экономическую, нежели политическую сферу.

Проблемы экономики и экологии

Значение Карачи для экономики Пакистана огромно. Хотя население города составляет всего чуть более 7% от общего народонаселения, его валовой внутренний продукт оценивается не менее чем в два раза выше – на уровне 15–20%. При этом официальные оценки вклада Карачи в пакистанскую экономику обычно не приводятся,

* В 2019 г. А. Хусейн был арестован в Лондоне Скотленд-Ярдом за подстрекательскую речь, произнесенную в 2016 г.

а неофициальные страдают от политических пристрастий. В 2019 г. Министерство финансов опубликовало данные об объеме экономики трех крупнейших городских центров. Причем сделало это в долларах с учетом покупательной способности валют. ВВП Карачи оказался равен 164 млрд долл., в то время как Лахора – 84 млрд а Фейсалабада – 43 млрд²². При соотношении с ВВП Пакистана доля Карачи оказывается равной 15–16%. Сходные результаты были получены и ранее (в 2014 г.) в ходе специального исследовательского проекта²³.

При неизбежном разбросе в подсчетах ВВП очевидно, что Карачи, безусловно, является экономическим мотором Пакистана, доминирует в экономике второй по потенциалу провинции Синд (ее доля в ВВП страны оценивается в 30–35%) и далеко опережает все другие большие пакистанские города. Причем его экономику отличают три особенности – значительная роль обрабатывающей промышленности, прежде всего крупной (ценовой, фабрично-заводской) ведущее положение импортно-экспортного внешнеторгового центра и значение подлинной основы финансовой системы страны, ее кредитно-банковского и страхового бизнеса, фондового рынка. Город дает львиную долю (иногда пишут – до половины) средств, собираемых Федеральным бюро доходов.

Карачи – единственный город в Пакистане, где формальный сектор промышленности превосходит по числу занятых неформальный, т. е. мелкое неорганизованное производство. Кроме того, через него проходит большинство морских грузов. Из Карачи поступает в страну и часть товаров, переправляемых воздухом, не говоря уже о ключевом значении города во внутреннем пассажиропотоке. Аэропорт Карачи лежит на пересечении воздушных путей из западной части Азии в восточную и обслуживал на пике деловой и туристической активности до 10 млн пассажиров в год. Наконец, карачинская биржа, основанная в 1948 г., пользуется в мире хорошей репутацией. В 2020 г. она была признана одной из наиболее быстро растущих мировых биржевых площадок, неожиданно поделив верхние места с фондовыми биржами стран Северной Европы²⁴.

Вместе с тем Карачи – центр подпольного бизнеса, незаконных операций, транзакций, ничего не дающих государственной казне. Карачи остается рассадником наркоторговли и контрабанды. Наиболее распространенный и хорошо известный вид контрабандной

деятельности – беспошлинный ввоз через Карачи товаров закупленных для Афганистана, и возвращение их оттуда в страну через нелегальные торговые маршруты²⁵. В этом кроется значение Карачи для пуштунской и афганской транспортной и торговой мафии. С 1990-х годов она активно проявляет себя на рынке недвижимости, захватывая путем насилия или подкупа пригодные для застройки участки и перепродавая их либо строя там доходные жилые дома и офисные здания.

Средоточием незаконной деятельности и преступности в Карачи являются районы трущоб и лачуг, а также рабочие предместья, ставшие крупными после образования Пакистана – населенный по преимуществу белуджами район Льяри (по берегам одноименной реки), Малир (тоже по названию реки), Коранги (рукав Инда), а также первоначально называемые *бастии* (поселки) Ландхи, Балдиа, Оранги, Патан-колони. Задуманный как образцовый для малоимущих район Северный Карачи превратился в один из «*каччи-абадиз*» – местность, застроенную одноэтажными домами из сырого (*качча*) необожженного кирпича и глины. Натравливание друг на друга обитателей трущоб, объединенных общим языком и происхождением (среди них такие «экзотические» группы, как бихари, беженцы, переехавшие спустя годы из Индии и Бангладеш, и даже рохинджа из Бирмы), составляло долгие годы часть кровавой и драматичной истории города²⁶.

Неформальный сектор, на долю которого приходится и в Карачи большая часть рабочей силы по производству товаров и услуг, – арена жесткой конкуренции и нещадной эксплуатации. Работающие вне фабрично-заводского сектора люди не защищены от произвола хозяев законами. Подневольный труд, подобный рабскому или крепостному, вследствие непогашенной задолженности, в том числе в немалой степени труд детей, – «невидимая» часть экономики города.

Бедственное положение городского дна в какой-то степени смягчается солидарностью на общинном уровне и частной благотворительностью. И то и другое имеет глубокие культурно-исторические корни. В Карачи долгие десятилетия самоотверженно работал выходец из Гуджарата А. Саттар Идхи. Он основал фонд помощи нуждающимся, больным и нищим Карачи. Его похороны в 2016 г. вылились в демонстрацию не только общественной скорби и широкого призна-

ния, но и государственного почета (на похоронах присутствовал президент страны)²⁷. Хотя фонд, возглавляемый теперь сыном Саттара, продолжает свою деятельность, он не может помочь всем.

Жилищная проблема Карачи на протяжении десятилетий была очень тяжелой. В 1950–1960-е годы там было заложено шесть новых микрорайонов, но население росло существенно быстрее, чем строительство современных жилых домов²⁸. Всего по стране нехватка жилых единиц за 1961–1985 гг. увеличилась более чем в два раза с 780 до 1790 тыс. единиц²⁹. И основная часть этого абсолютного дефицита (разница между населением и требуемыми жилыми единицами, т. е. комнатами для жилья при норме 3 человека на комнату) возрастала в первую очередь за счет городов, и в наибольшей степени – крупнейших.

Положение несколько изменилось после бума с выездом рабочей силы за рубеж, прежде всего на Ближний и Средний Восток. С 1970-х годов вплоть до последнего времени нарастает вал переводов денежных средств на родину от пакистанцев, работающих за рубежом (помимо БСВ, преимущественно в Великобритании и США). Судить о том, в какой степени это переломило ситуацию, трудно. Статистика жилого фонда по стране или отдельно по Карачи отсутствует, но исходя из данных ряда исследований, в частности известного социолога, архитектора и урбаниста А. Хасана, большая часть переведенных в страну средств вкладывается именно в городскую недвижимость³⁰.

Хотя ситуация с жильем в целом, по-видимому, несколько улучшилась за последние десятилетия, справиться с проблемой трущоб в Карачи явно не удалось. По некоторым данным, в трущобах проживает ныне около половины жителей города. Согласно другим расчетам, в Карачи насчитывается 8 тыс. «каччи-абадиз» с 5 млн обитателей, т. е. не менее трети жителей³¹. Между тем в других странах, таких как Турция, например, решить проблему трущоб оказалось посильной задачей.

При сравнении с соседями по региону Южной Азии доли направляемых на жилищное строительство и всю строительную отрасль государственных средств Пакистан проигрывает на порядок. По опубликованным пакистанским Госбанком данным, она составляет в Пакистане 0,2% ВВП, в то время как в Бангладеш достигает 3%, а в Индии – 6%. Осенью 2020 г. была поставлена цель увеличить удельный вес этих расходов в 5 раз – до 1% ВВП³².

Наряду с жилищной исключительно острыми представляются связанные с ней проблемы отсутствия во многих районах канализации, маломощности системы уборки улиц и освобождения города от мусора, нехватки современных средств санитарии и гигиены, небеспеченности большинства населения безопасной, обеззараженной питьевой водой. Проведенные по инициативе Высокого суда Синда исследования выявили удручающую картину с водой по всей провинции. И одними из худших на фоне среднего (77% опасной воды) были данные по Карачи. Взятые там 118 проб показали, что в 107 случаях (более 90%) вода оказалась вредной для здоровья из-за попадания в нее взвесей, нечистот и твердых отходов³³.

Еще одной крайне существенной проблемой Карачи остаются перебои в подаче электроэнергии. Причем в энергетической области Пакистан за последнее время сделал заметный шаг вперед. Почти в полтора раза, с 23 до 34 тыс. МВт, увеличились установленные мощности по производству электроэнергии. Несмотря на это, «веерные отключения» в Карачи (т. е. отключения одного за другим районов города) сохраняются, нарастает долг потребителей за пользование электричеством, что объясняется нередко кражами и обманом. В этих условиях крупнейшие промышленные предприятия используют построенные ими самими дизельные электростанции. К тому же способу прибегают жители богатых кварталов. От отключений страдают средние слои и беднота.

Экологические проблемы, связанные с водой, дополняет транспортная ситуация, отравляющая воздух города. Карачи изначально характеризовала неупорядоченность движения, которая со временем только возрастала. Наличие на его улицах и главных магистралях автомобилей, моторикш, скутеров, мопедов, повозок и телег создает толчею и – как следствие – обилие звуков. Зашкаливающий нередко шум улицы оказывает неблагоприятное воздействие на человеческий организм, а неупорядоченность передвижения транспорта ведет к травматизму. Воздух, отравленный выхлопами газа из двигателей чаще всего имеющих большой пробег машин, усугубляет нездоровую среду обитания.

К особенностям Карачи принадлежит слабая развитость общественного транспорта. В городе отсутствует метро, хотя в других сопоставимых с ним мегаполисах Азии (Дели, Колкате, Каире, Стам-

буле) оно успешно функционирует. С помощью КНР в рамках масштабного инвестиционного проекта «Китайско-пакистанский экономический коридор», построено метро и в Лахоре, хотя только две его станции залегают под землей. Основная часть скоростной рельсовой дороги проходит по эстакадам. Торжественное открытие «лахорского метро» осенью 2020 г. продемонстрировало, что транспортная инфраструктура Лахора существенно обогнала таковую в Карачи. При этом еще в середине 2010-х годов в городе началось сооружение скоростных автобусных трасс (Karachi Metrobus), но дальше работ на двух линиях дело не пошло. На точке замерзания находится и другой проект – сооружение кольцевой железной дороги, призванной соединить разные концы города. Среди завершенных к концу 2010-х годов, причем с большим трудом и отставанием по срокам, можно назвать лишь шоссейную магистраль Льяри³⁴. На ее сооружение ушло более 15 лет. Шоссейная автодорога имеет прежде всего экономическое значение, поскольку соединяет портовые причалы Карачи (грузооборот порта равен ныне 41 млн.т. в год) с наземными путями транспортировки грузов.

Стихийные бедствия и будущее города

На протяжении истории Карачи претерпевал различные катаклизмы. Сухие климатические периоды время от времени сменялись влажными. Обильные муссонные дожди, выпадающие летом с нечеткой периодичностью, приносили беды всему Пакистану. В текущем веке особенно сильными были разливы Инда в 2010 и 2011 гг. Самым разрушительным было наводнение 2010 г., когда в стране погибло около 2 тыс. человек и примерно 20 млн были вынуждены покинуть свои дома в поисках временного убежища.

Наводнения наблюдались и в последующие годы, что объясняют совпадением двух природных явлений – муссонами и усиленным таянием ледников в Гималаях под влиянием потепления климата на планете. По данным Министерства водных ресурсов Пакистана, в стране каждый год в течение десятилетия от наводнений погибали сотни людей и повреждения наносились тысячам домов. Наименьшим был ущерб в 2018 г. Зато два последующие года превзошли все показатели, кроме тех, что были зарегистрированы

в 2010 и 2011 гг. Согласно расчетам того же министерства, ущерб от наводнений, случившихся между 1947 и 2009 гг. (19 млрд долл.) равен ущербу, понесенному Пакистаном в течение декады лет после 2010 г.³⁵

Надо отметить, что Карачи не пострадал в начале 2010-х годов так сильно, как через 10 лет, в 2019 и 2020 гг. Уже в начале августа 2019 г. число погибших в городе превысило 20 человек, целые улицы и кварталы оказались затоплены. Причем августовским бедам предшествовала экстремальная жара в мае. Тогда даже привыкшие к жаркой погоде люди подчас не выдерживали теплового удара. Наложившись на перебои с подачей электричества, жаркая погода заставила замереть жизнь в городе.

В 2020 г. наводнение захватило город в начале сентября. Многие улицы превратились в настоящие реки, движение по ним остановилось, из затопленных домов люди пытались спасти, что могли. Поваленные столбы электропередачи приводили к гибели людей, включая детей, от прикосновения к оголенным электропроводам³⁶.

Среди жителей Карачи осенью 2020 г. преобладало настроение обреченности. Власти, по их мнению, не извлекли уроков из наводнения 2019 г., и история вновь повторилась. Нужно отметить, что на выборах 2018 г. в городские органы самоуправления победила ныне правящая в стране ПДС. Премьер-министр страны Имран Хан по прибытии в Карачи в сентябре 2020 г. объявил о плане трансформации города. Предусматривается выделить на его выполнение 1,1 трлн рупий (по текущему обменному курсу – около 7 млрд долл.). План включает улучшение сети дренажа, электро- и водоснабжения, завершение строительства окружной железной дороги и ряд других пунктов. Сооружение окружной дороги включено в проекты развития инфраструктуры, выполняемые с помощью Китая, который выделяет сумму, эквивалентную 250 млрд рупий³⁷.

Объявленные планы вызвали смешанную, в основном скептическую, реакцию в обществе. Долгое время власть в Карачи напоминала слоеный пирог – федеральное правительство после 2013 г. возглавляли партии, опирающиеся в электоральном плане на север страны (Панджаб и Хайбер-Пахтунхва), в провинции Синд большинство оставалось за Пакистанской народной партией, пользующейся поддержкой избирателей из внутренних районов Синда, а администра-

ция Карачи находилась под преобладающим влиянием урдуязычных мухаджиров. Нынешняя ситуация мало в чем изменилась. «Трехслойный пирог» принятия и реализации решений – центр, провинция, город – сохранился, остались глубокие внутренние противоречия и недоверие разных властных уровней друг к другу. Положение усугубляет административная раздробленность – городская местность разделена на 6 округов (дистриктов). Городская муниципальная корпорация во главе с мэром, по утверждению журналистов, существует только на бумаге, поскольку имеется много учреждений и ведомств, неподконтрольных муниципалитету. В черте города с давних времен располагаются *кантонменты* (военные городки), обладающие полной административной самостоятельностью. Все эти ведомства требуют уплаты налогов и сборов, но проявляют мало заботы о гражданах и их насущных потребностях³⁸.

В то же время проблемы мегаполиса будут, по всей видимости, лишь нарастать. Если рост населения сохранится на уровне 1998–2017 гг. (2,5% в среднем в год), то число жителей Карачи (в границах 2017 г.) через 10–15 лет составит 20–22 млн. Если же темпы возрастут до 3,2%, как явствует из статистики, подготовленной для форума мэров крупнейших городов мира, то население увеличится до 22–24 млн человек³⁹. По многим оценкам, реальное число жителей в ближайшие годы превысит 25 млн хотя не исключено, что «переполненность» города людьми замедлит рост его демографических параметров⁴⁰.

Как бы ни оценивать будущее население города, перспектива проживания в нем в настоящее время считается крайне малопривлекательной. В 2018 г. он занял 137-е место из 140 по шкале наиболее удобных для жизни крупных городов мира. Еще ниже расположились только нигерийский Лагос, бангладешская Дхака и сирийский Дамаск⁴¹.

Весьма отрицательно могут отразиться на Карачи вероятные климатические перемены. Помимо дождей они вызовут резкие перепады погоды, не исключены экстремальные вспышки засухи и жары, а их сочетание с наводнениями и наступлением океанической воды на дельтовую часть Инда вызовет засоление и заболачивание обширных участков земли и сократит площадь, которую могут освоить жители города и его пригородов.

Заключение

Карачи – город со сложной, даже суровой, судьбой. В колониальное время он оказался «в тени» Бомбея. После достижения независимости недолго оставался столицей нового государства. В последнее время все чаще попадает «в тень» Лахора – главного города крупнейшей провинции страны, ее житницы и основной опоры в осуществлении планов масштабного инвестиционного строительства с помощью КНР.

Будущее города во многом зависит от политической обстановки и институтов, регулирующих развитие города и управляющих жизнью в нем. В конце концов, именно они повинны в тех провалах, которые характеризуют производственную и социально-бытовую инфраструктуру Карачи. Поэтому благотворно скажется на будущем этого уникального мегаполиса свобода от бюрократического пресса при устранении трений между различными этажами административно-управленческого аппарата.

Еще одним резервом можно считать опыт и капиталы дружественных государств, причем не только Китая, хотя он в наибольшей степени готов инвестировать в экономику Пакистана, добиваясь расширения подконтрольной себе экономической зоны. Полезным для Карачи, без сомнения, было бы использование накопленного в России опыта создания сложных систем общественного скоростного транспорта, в том числе подземного, а также строительства мостов и тоннелей. Несомненно, что будущее Карачи будет решаться в жесткой конкурентной борьбе, где помощь ему могут оказать вырвавшиеся вперед в экономическом отношении мусульманские государства Залива и Аравийского полуострова, а также технологически передовые западные страны. Представляется, что, несмотря на нелегкую судьбу, у Карачи имеются в целом некоторые перспективы – условия проживания и работы в нем, надо надеяться, постепенно изменятся к лучшему.

¹ UN World Population Review. World City Populations 2020. A Reprint. P. 1–2.

² List of cities in Pakistan//Retrieved from. URL: https://en.wikipedia.org/w/index.php?title=List_of_cities_in_Pakistan_by_population&oldid=980970232

³ Khawar H. Karachi's population fiction and reality // The Express Tribune. 14.09.2017.

- ⁴ Baillie A. Kurrachee. Past, Present and Future. Karachi: Oxford University Press, 1975. First Published by Thacher, Spink & Co. Calcutta, 1890. P. 70–201.
- ⁵ Andrew W.P. The Indus and its provinces, their political and economic importance. East West Publishing Company, Lahore, 1976. Originally printed in 1857 by W. H. Allen & Co. London. P. 47–70.
- ⁶ Гаркушенко О.А. Некоторые особенности развития промышленности Карачи. Экономическое развитие Пакистана (60-е годы). М., 1974. С. 177–191.
- ⁷ Эвакуация индусов продолжалась непрерывно с конца 1947 г., и к 1951 г. в Индию перебрались без крупных эксцессов и мародерства 1,25 из 1,4 млн. индусов, в основном жители больших городов, в первую очередь Карачи. См.: Равич Е.А. Проблемы социально-экономической реабилитации синдхов-переселенцев в независимой Индии. Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. История и современность: Сборник памяти Ю.В. Ганковского. М., 2004. С. 215–216.
- ⁸ Левин С.Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970. С. 18–19.
- ⁹ With a handful of subbers, two newspapers barely keeping gujarati alive in Karachi // The News International. 18.08.2015.
- ¹⁰ Агеев В.Ф. Новейшая история Синда. М., 1986. С. 182–183; Talbot I. Pakistan: A Modern History. Lahore, 1999. P. 220.
- ¹¹ Агеев В.Ф. Указ. соч. С. 180–181; Троценко Г.П. Национальный вопрос в Синде. М., 1990. С. 61–62.
- ¹² Ганковский Ю.В. Национальные движения в современном Пакистане. Западная Азия: этнополитическая ситуация. М., 1993. С. 161.
- ¹³ Gayer L. A Divided City. 'Ethnic' and ' Religious' Conflicts in Karachi. May 2003. URL: // <http://www.ceri-sciences-po.org>. P. 7.
- ¹⁴ Malik I.H. State and Civil Society in Pakistan. Politics of Authority, Ideology and Ethnicity. London, 1997. P. 247–249.
- ¹⁵ Ibid. P. 251.
- ¹⁶ Gayer L. Op. cit. P. 17.
- ¹⁷ Автору этой статьи довелось во время работы в Генеральном консульстве в Карачи в середине 1970-х годов познакомиться с этим человеком, известным в то время благодаря возглавлявшейся им крупной фирмы по оказанию традиционных медицинских услуг «Хамдард фаундейшн». Д-р Хаким Мухаммад Саид – автор большого числа солидных философско-богословских трудов, специальных работ по восточной медицине, редактор журнала «Хамдард исламикус». В 1993–1994 гг. занимал пост мэра Карачи, пользовался большим уважением среди пакистанской интеллигенции, был знаком с директором Института востоковедения АН СССР академиком Б.Г. Гафуровым и пытался помочь ему вылечиться от тяжелой болезни.
- ¹⁸ Белокреницкий В.Я. Исламизация общества и диффузия власти в Пакистане // Восток (Oriens). 2013. № 5. С. 16; Husein Sh. Proxy war rages in Karachi // the sundayindian.com/article_print.php?article_id. (accessed: 18.03.2013); Breman J. The Undercities of Karachi. The New Left Review, 76, July-August 2012. URL: // <https://newleftreview.org/76/jan-breman-theundercities-of-karachi> (accessed: 13.01.2017).
- ¹⁹ Замаараева Н.А. Армия и демократические институты в Пакистане (2015–2017) // Мусульманский мир на исторических рубежах России. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5. М., 2017. С. 446–461.
- ²⁰ Eve of JSMM's strike: Sindh reverberates with 23 cracker attacks // The Express Tribune, 24.01.2014 URL: // <http://tribune.com.pk/story/662958/eve-of-jsmms-strike-sindh-reverbera...>

- ²¹ Pakhtun movements for rights. Dawn, 26.02.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1391731/pakhtun-movements-for-rights> (accessed: 26.02.2018).
- ²² Top cities by GDP (PPP). URL: <http://finance.gov.pk>
- ²³ Roofi Y., Zulnoorain M. Globalization of Cities and Urban Conflict: A Case Study of Karachi. Pakistan Journal of History and Culture. Vol. XXXV. № 1 (2014). A Reprint. P. 91.
- ²⁴ Anadolu Agency, 23.07.2020. URL: aa.com.tr/en/asia-pacific/pak-stock-exchange-named-best-performing-in-asia/1960823
- ²⁵ Exports to Afghanistan find way back to Pakistan // The Express Tribune, 07.03.2017. URL: <https://tribune.com.pk/story/1346949/exports-afghanistab-find-back-pakistan>
- ²⁶ Ahsan A. Population density and proximity to urban centers significantly alter the dynamics when it comes to urban flooding // Dawn. 12.08.2019. A Reprint. P. 3.
- ²⁷ Abdul Sattar Edhi honoured with Pakistan state funeral. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/09/abdul-sattar-edhi-honoured-with-pakistan-state-funeral>
- ²⁸ Белокреницкий В.Я. Жилищная проблема в Пакистане. Пакистан. История и экономика. М., 1980. С. 240–241.
- ²⁹ Там же. С. 249.
- ³⁰ Hasan A. The Unplanned Revolution. Karachi, Oxford University Press, 2009; Hasan A. with Raza M. Migration and Small Towns in Pakistan. Karachi: Oxford University Press, 2011.
- ³¹ Ahsan A. Op. cit. P. 4.
- ³² Banks to give Rs330b in housing finance // Dawn. 30.10.2020. URL: <https://www.dawn.com/news/1864034/banks-to-give-rs330b-in-housing-finance>
- ³³ SHC report finds 77pc of Sind water unsafe for human consumption // Dawn. 23.12.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1345508/shc-report-finds-77pc-of-water-unsafe-for-human-consumption>
- ³⁴ After 15 years, Lyari Expressway finally becomes fully operational // Dawn. 28.01.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1385821/after-15-years-lyari-exprexxway-finally-becomes-fully-operational>
- ³⁵ Kiyani K. Blessing and pain of rain // Dawn. 05.08.2019. URL: <https://www.dawn.com/news/1595239/blessing-and-pain-of-rain>
- ³⁶ Dilawar H. Crumbling, decaying Karachi // Dawn. 07.09.2020. URL: <https://www.dawn.com/news/1578318/crumbling-decaying-karachi>; Subohi A. Rotten to the bone // Dawn. 07.09.2020. URL: <https://www.dawn.com/news/1578323/rotten-to-the-bone>
- ³⁷ Tunio H. PM Imran rolls out 1.1 tr plan to rewamp Karachi // Dawn. 05.09.2020. URL: <https://www.dawn.com/news/1428760/pm-imran-rolls-out-1.1tr-plan-to-rewamp-karachi>; Abbas M. What is solution to Karachi Issue? // The News. 15.08.2020. URL: <https://www.thenewscom.pk/print/700793/what-is-solution-to-karachi-issue>
- ³⁸ Khawar H. Karachi: the sinking metropolis // Dawn. 2.09.2020. dawn.com/story/1426295/karachi-sinking-metropolis; Abbas M. What is sopution to Karachi issu? URL: <https://www.thenewscom.pk/print/700793/what-is-solution-to-karachi-issue>
- ³⁹ The world's largest cities and urban areas in 2020. City Mayor's Statistics. A Reprint. P. 1–2.
- ⁴⁰ Hasan A. Karachi's changing demography & its planning-related repercussions // The Express Tribune. 08.02.2014. URL: <http://tribune.com.pk/story/668864/karachis-changing-demography-its-...>
- ⁴¹ Karachi ranked among world's least liveable cities // Dawn. 15.08.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1427079/karachi-raked-among-worlds-least-liveable-cities>

К проблеме реформирования системы образования в культурно-сложном социуме современного Пакистана

Резюме. В статье анализируется современный курс руководства Пакистана на модернизацию национальной системы образования в формате единой, унифицированной модели обучения и воспитания молодого поколения в условиях сложной территориальной структуры этого уникального мусульманского федеративного государства и его этнолингвистического многообразия. Показано влияние образовательной политики государства на усиление общенациональной идентичности в этом культурно-сложном обществе.

Ключевые слова: дерадикализация, модернизация, общенациональная идентичность, унифицированная система образования

Summary. The article analyzes the current Pakistan government policy aimed on the National Education system modernization in the format of a uniform, standardized model of the young generation education and upbringing in the context of a rather complicated territorial structure of this unique Muslim federal state with its ethno-linguistic diversity. The Education policy influence on the growing nation-state identity in this culturally complicated society has been revealed as well.

Key words: de-radicalization, modernization, nation-state identity, unified system of education

В последнее время Исламская Республика Пакистан, созданная по историческим меркам относительно недавно (1947 г.) на основе территориально-конфессионального признака, всё больше привлекает к себе интерес мирового сообщества, особенно государств мусульманского мира, столкнувшихся с проблемами модернизации современного ислама. Непростая этнотерриториальная структура данного федеративного государства и его этнолингвистическое многообразие осложняют процесс консолидации и единства этой мусульманской нации в условиях наличия культурной сложности пакистанского общества. При этом можно вполне согласиться со справедливой

Серенко Ирина Николаевна – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат педагогических наук. ORCID: 0000-0002-4949-254X

оценкой В.Я Белокреницкого о том, что в современном Пакистане всё же прослеживается «тенденция усиления общенационального идентитета и ослабления этнонациональных движений»¹. Данная позитивная динамика продвижения пакистанского социума от этнонационализма к общенациональной идентичности представляется чрезвычайно важной для страны, уже столкнувшейся однажды с потерей своих территорий Восточного Пакистана в 1971 г. и создания в его пределах отдельного государства Бангладеш². Значительное место в сохранении территориальной целостности современного Пакистана и сплочённости его культурно-сложной нации в единое целое отводится структурной трансформации пакистанского общества, включая его образовательные институты.

Новое правительство Пакистана во главе с премьер-министром Имран Ханом (лидером популярной в молодежной среде партии «Пакистанское движение за справедливость» – ПДС), пришедшее к власти летом 2018 г., провозгласило курс на выстраивание современной модели социально ориентированного единого мусульманского государства. В его основу были положены принципы всеобщего благоденствия и равенства по подобию первого мусульманского государственного образования в Медине, адаптированного к современным условиям глобального высокотехнологичного информационного пространства и перехода к «экономике знаний», требующих развития интеллектуального человеческого потенциала. Пока это развивающееся южноазиатское государство находится на начальном пути перехода к цифровым технологиям и «экономике знаний». Показательно, что оно занимает лишь 154-е место среди 160 стран мира по индексу человеческого развития³. Однако, по мнению премьер-министра Имран Хана, Пакистан всё же обладает двумя важными преимуществами для развития государства, которые связаны с наличием большой доли молодого населения и присущим ему творческим потенциалом. И это, как он полагает, позволяет считать «экономику знаний» «лучшим вариантом для Пакистана, дающим возможность извлечь наибольшую выгоду из большого молодежного пула и его огромного таланта к научным инновациям и технологически продвинутому производству»⁴.

Стоит напомнить, что по частной инициативе Имран Хана с 2008 г. ведётся строительство Намалского города знаний (Namal

Knowledge City), который расположен в 30 км от его родного города Мианвали (провинция Панджаб). Создание данного проекта он задумывал осуществить по типу лучших мировых образовательных моделей Оксфорда, Кембриджа и Бредфорда, традиционно занимающих лидирующие места в международном рейтинге университетского образования. Реализация на практике их пакистанской версии с учётом местной специфики началась с создания на первоначальном этапе при поддержке местной общины и щедрых зарубежных донорских вливаний одноименного колледжа на берегу озера Намал в качестве аффилированного звена Бредфордского университета, где Имран Хан длительный период времени являлся почётным ректором (2005–2014 гг.). Он сам, будучи выпускником Оксфорда (1975 г.) по междисциплинарной специальности философия, политология и экономика, не мог не осознавать всю важность «экономики знаний» для общественной трансформации государства. Он полностью уверен в том, что «страны строятся благодаря городам знаний. Города знаний обеспечивают интеллектуальную и техническую базу для того, чтобы страна стала развитой. Чтобы Пакистан реализовал свой потенциал, этот проект должен увенчаться успехом»⁵. Инициированный им проект направлен на то, чтобы особо талантливая и одаренная пакистанская молодежь, в том числе и из отдаленных сельских районов, имела возможность, не выезжая за рубеж, получать в Намалском городе знаний на бесплатной основе высококачественное высшее образование международного уровня. Выступая 27 октября 2020 г. на презентации заключительного этапа этого амбициозного образовательного проекта, пакистанский премьер вновь подчеркнул важность овладения молодёжью знаниями для национального развития: «Нации могут преуспеть только через образование. Они не прогрессируют и не становятся богатыми, просто продавая хлопок или текстильные изделия. Богатство приходит, когда вы инвестируете в людей и предоставляете им высшее образование»⁶. В соответствии с разработанным планом здесь предполагается построить 6 учебных корпусов, студенческих общежитий и жилья для преподавателей, центральную библиотеку, мечеть, современный Технопарк, Деловой центр и коммерческие структуры, а также создать ряд специализированных школ по различным направлениям науки и техники, медицины, предпринимательства, агробизнеса с молочной фермой, спортивный

комплекс и т.д. В январе 2019 г. на территории города знаний был открыт Намалский инженерно-технологический институт с тремя факультетами по управлению бизнесом, информационным технологиям и электронной инженерии. Реализацию данного проекта общей стоимостью в 200 млн долл. планируется завершить в 2027 г. Студенческий контингент намечено довести до 7 тыс. человек, а педагогический состав – до 600 преподавателей⁷. Создание Намалского города знаний нашло финансовую и академическую поддержку не только внутри страны, но и среди многочисленной пакистанской диаспоры, начавшей свою глобальную благотворительную сетевую кампанию под названием «100 городов» мира для его практической имплементации. В ней задействованы представители зарубежной пакистанской общины, проживающие в 96 городах более 23 стран мира⁸. Можно говорить о новом феномене «реверса утечки умов», когда патриотично настроенные пакистанцы готовы поделиться не только своими финансовыми ресурсами, но и знаниями, накопленным опытом для развития «экономики знаний» на своей малой родине через модернизацию образования.

Неудивительно, что нынешнее пакистанское руководство во главе с премьер-министром Имран Ханом рассматривает развитие человеческого капитала в качестве основы проводимой государством социальной политики. Страна обладает значительным человеческим ресурсом с численностью населения, превышающего 211 млн человек (доля женщин – 48,4%). Из них трудоспособный контингент, по официальным данным, составляет 65,5 млн пакистанцев (свыше 50 млн мужчин и около 15 млн женщин). По экспорту рабочей силы среди государств Южной Азии Пакистан занимает второе место. Число трудовых мигрантов превышает 11,1 млн человек (преимущественно в Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Оман, Бахрейн, Малайзию и Великобританию). Не в последнюю очередь, как представляется, это связано с присущей гибкостью культурно-лингвистической и социальной адаптированности многочисленных представителей пакистанской трудовой миграции к жизни в этих странах. Довольно высоким остается прирост населения (1,94%). Пакистанская молодежь, определяющая развитие ближайшего будущего страны (в возрастной категории от 15 до 29 лет), составляет 30% населения. И эта тенденция его омоложения, по предвари-

тельными расчётам, будет сохраняться, по меньшей мере, до 2050 г. При этом качественные показатели человеческих ресурсов при уровне грамотности населения 57% оставляют желать лучшего⁹.

Руководство страны связывает улучшение качественных показателей значительных человеческих ресурсов, имеющихся у этой культурно-сложной общности, с модернизацией национальной системы образования. Большое внимание уделяется созданию единой образовательной системы государства. Наличие в стране двух параллельно существующих учебно-воспитательных систем – религиозного и общеобразовательного типов, – как частных, так и государственных, способствует дезинтеграции пакистанского общества, отсутствию единого видения перспектив развития Пакистана из-за сохраняющегося противоборства традиционалистских и модернистских компонентов в его социальной структуре¹⁰. Федеральным министерством образования и профессиональной подготовки совместно с провинциальными департаментами образования 27 ноября 2018 г. была запущена Рамочная политика в области национального образования (2018–2023 гг.). Она рассматривает образование в качестве важнейшего инструмента консолидации общества, социально-экономического развития государства, выработки понимания у пакистанцев их «ответственной роли как граждан планеты»¹¹.

Реформой предусматривается введение унифицированной системы образования с едиными стандартами и содержанием учебно-воспитательного процесса для достижения национального единства; расширение охвата школьным обучением 22,5 млн детей, не посещающих учебные заведения; снижение отсева учащихся на всех ступенях обучения; увеличение грамотности среди взрослых; повышение качества образования, включая высшую школу, за счет внедрения современных методов обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий, увеличения числа педагогических кадров и усовершенствования их квалификационной подготовки; развитие у учащихся профессиональных навыков и компетенций, необходимых для раскрытия их творческого потенциала и социализации, эффективного использования квалифицированных человеческих ресурсов в целом. Расходы в области образования в течение 5 лет правления правительства ПДС планируется увеличить с 2,1 до 5% ВВП¹².

Для повышения уровня знаний учащихся и их качества Федеральным министерством образования и профессиональной подготовки были созданы и внедрены новые дистанционные формы обучения с привлечением передовых информационно-коммуникационных цифровых технологий и организации учебного процесса с применением интерактивных методов обучения. В связи со сложной коронавирусной ситуацией в стране и частичным закрытием с марта 2020 г. учебных заведений Федеральное министерство образования совместно с открытым университетом имени Аллама Икбала, специализирующимся на дистанционном образовании, впервые создали телевизионный канал «Телешкола» для обучения учащихся на дому. В целом около 50 млн школьников и студентов были вынуждены перейти на домашнюю форму обучения из-за закрытия в связи с пандемией учебных заведений. При участии Федерального министерства информации 4 декабря 2020 г. были также открыты «Радиошкола» и электронный образовательный портал для охвата детей учёбой в отдалённых сельских и горных районах страны с разнообразными цифровыми обучающими платформами, включая программы мобильных приложений в формате проведения учебных занятий онлайн¹³. Хотя, конечно, говорить о всеобщем охвате учащихся этими продвинутыми обучающими информационными средствами всё же не приходится из-за отсутствия возможности подключения к ним в масштабах всей страны, особенно в районах этнонациональных окраин. Здесь по-прежнему ощущается острая нехватка школ и учителей, нет Интернета, а функции передвижных библиотек для школьников из-за отсутствия стационарных выполняют вьючные верблюды. Как, например, в самой большой по площади, но наименее заселённой и экономически слаборазвитой провинции Белуджистан¹⁴.

Создание единой системы образования в Пакистане с поэтапным введением стандартизированной образовательной программы для общеобразовательных и религиозных учебных заведений представляет собой довольно трудную задачу, учитывая этнолингвистическое многообразие состава населения, проживающего в условиях сложной территориальной структуры с её провинциальными диспропорциями в социально-экономическом развитии и отставанием по уровню жизни сельских жителей от городских. Федеральному центру пришлось согласовывать это нововведение со всеми провинци-

альными департаментами образования страны (Белуджистана, Панджаба, Синда, Хайбер-Пахтунхва). Кроме того, 29 августа 2019 г. соответствующее соглашение было также заключено между Федеральным министерством образования и Ассоциацией теологических семинарий Пакистана (Ittehad Tanzeemat Madaris Pakistan). Оно предусматривает введение обязательного изучения учащимися медресе предметов общеобразовательного цикла и профессиональной ориентации, сдачу единых экзаменов для получения аттестатов общего среднего и промежуточного образования, а также регистрацию государством всех семинарий страны, контроль за их финансовой и учебной деятельностью. При Федеральном министерстве образования с этой целью были созданы Главное управление религиозного образования и 17 его региональных отделений (в Исламабаде, Мултане, Лахоре, Равалпинди, Карачи, Суккуре, Хайдарабаде, Пешаваре, Дераисмаилхане, Свате, Кветте, Лоралай, Хуздаре, Музаффарабаде, Мирпуре, Гилгите и Скарду). В их функции входит оказание учебно-методической и организационной помощи теологическим учебным заведениям, включая открытие банковских счетов для прошедших государственную регистрацию медресе, обеспечение визовой поддержки иностранным учащимся и т.д. Казалось, дело по упорядочению деятельности медресе перешло в плоскость практической реализации. Однако появляющиеся в пакистанской прессе сообщения о начавшемся саботаже правительственных нововведений в сфере образования со стороны части радикально настроенных религиозных кругов, создавших «Движение в защиту мечетей и медресе», говорит о том, что данный процесс затянется надолго и вряд ли будет гладким, несмотря на достигнутое первоначально соглашение между всеми задействованными в нём сторонами¹⁵. Показательно, что из более 30 тыс. действующих в стране медресе с общим контингентом учащихся около 3 млн человек только 295 теологических заведений подали заявку на государственную регистрацию¹⁶.

Между тем подготовка единых учебных программ и учебных пособий для учащихся начальной ступени образования (1–5 классы), как следует из отчётов Федерального министерства образования, уже завершена. Их внедрение в учебный процесс было запланировано на начало нового учебного года (апрель 2021 г.). На втором этапе реформы предусматривается введение в апреле 2022 г. унифици-

рованных учебных планов и программ в младшей средней школе (6–8 классы), а на третьем – в апреле 2023 г. – в старшей и высшей средних учебных заведениях страны (9–12 классы), включая религиозные. Выступая 2 ноября 2020 г. на созванном в этой связи совещании Федерального министерства образования, премьер-министр Пакистана Имран Хан, в частности, заявил, что целью внедрения единой образовательной программы является предоставление равных возможностей для молодых людей в доступе к качественному образованию независимо от их социально-экономического положения с тем, чтобы они могли не только справиться с вызовами технологического века, но и воспринять общественные ценности, подчеркивающие их особый национальный характер¹⁷. По его мнению, нынешняя система образования, отражающая классовую неоднородность социальной и экономической структуры пакистанского общества, способствовала созданию в нём разрозненного, дивергентного менталитета, породившего раскол национального сознания и психовосприятия¹⁸. Поэтому укрепление национального единства страны пакистанское правительство связывает с необходимостью предоставления «всем детям справедливых и равных возможностей в получении высококачественного образования для полного раскрытия их потенциала»¹⁹.

Для достижения консолидации и дерадикализации пакистанского общества реформой образования также предусматривается ряд мер, направленных на деполитизацию учебных заведений. Ставка сделана на интеграцию общеобразовательных и религиозных учебных заведений не только за счёт введения предметов современного цикла в медресе, но и с помощью усиления религиозной компоненты в учебных учреждениях общего и профессионального типа. Образовательная политика государства реализуется под общим лозунгом: «Единая нация – единая учебная программа». В этом можно усмотреть дальнейший курс на исламизацию пакистанского общества. Однако здесь возможен и вариант скрытых, имплицитных усилий государства по постепенному снижению радикального исламизма в обществе за счёт введения первоначально частичного контроля с его стороны за теологическими учебными заведениями в стране, их учебной и финансовой деятельностью. Ведь предпринятые, начиная с августа 2001 г., попытки генерала Первеза Мушаррафа по проведению комплекса реформ религиозного образования, как основы

борьбы против нарастания радикализации пакистанского социума, встретили отчаянное сопротивление со стороны исламистов и потерпели в конечном итоге поражение²⁰.

Учитывая ошибки прошлого и идя сейчас на частичные уступки религиозным лидерам, правительство Имран Хана, возможно, надеется взять реванш в будущем через распространение умеренного ислама, в котором оно усматривает основную скрепу единства пакистанской нации, наряду с национальным языком урду. Он исторически позиционируется как «маркер мусульманской идентичности», религиозный фактор которого «остаётся незабываемым» в пакистанском обществе и по сей день²¹. Урду вводится в качестве языка обучения на всех ступенях образования, включая начальные классы. При этом с внесением 18-й поправки в конституцию страны, направленной на децентрализацию власти и усиление провинциальных полномочий (апрель 2010 г.), решение образовательных проблем, включая использование в школах того или иного языка обучения, было передано от центральных органов управления провинциальным властям. Поэтому департаментам образования всех четырёх провинций страны предоставляется право выбора при принятии решения об использовании того или иного регионального или местного языков на первоначальном этапе обучения (балучи, синдхи, сирайки, панджаби, пушту и др.). Между тем преподавание таких предметов, как математика и естествознание, предписывается осуществлять на английском языке, предполагая дальнейшую включённость учащихся в глобальный процесс «экономики знаний» и цифровизации. К тому же изучение английского языка, сохраняющего элитарный статус в пакистанском обществе, остаётся востребованным среди молодёжи, исходящей из прагматических соображений необходимости овладения им для перспективы своего социального лифта и достижения экономического благосостояния.

Думается, что современный курс пакистанского государства на модернизацию национальной системы образования в формате единой, унифицированной модели обучения и воспитания для всех граждан страны с учётом культурно-сложного спектра пакистанского общества, порождающего многочисленные внутренние вызовы и проблемы национальной идентичности и консолидации, всё же может способствовать не только его дальнейшей общестрановой

интеграции, но и постепенной включённости в общемировой процесс трансформации образовательного пространства для достижения целей устойчивого развития, закреплённых в Глобальной программе действий ЮНЕСКО в области образования (2015–2030 гг.). Вместе с тем заявленные реформаторские намерения руководства страны потребуют больших финансовых средств, которые у государства фактически отсутствуют. Оно, конечно же, может рассчитывать на поддержку своих образовательных проектов со стороны различных донорских международных организаций и другую благотворительную помощь, включая пожертвования многочисленной зарубежной пакистанской диаспоры. Однако реализовать реформу в полном объёме ему, как представляется, будет вряд ли под силу, учитывая не только внешнюю финансовую зависимость Пакистана, но и сохраняющуюся здесь нестабильность политической ситуации. Она проявляется опасными для этой уникальной нации-государства всплесками исламского экстремизма, который представляет главную опасность для её целостности и дальнейшего развития. Остаётся надеяться, что политическая воля руководства страны по практической реализации Рамочной политики в области национального образования (2018–2023 гг.), нацеленной на усиление общенациональной идентичности в этом культурно-сложном обществе, будет способствовать постепенному изменению ситуации к лучшему.

¹ Белокреницкий В.Я. Культурная сложность пакистанского общества: этнические и этноконфессиональные аспекты // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика. М., 2019. С. 420–446.

² Ганковский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.

³ Human Development Index (HDI) Ranking 2020. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/latest-human-development-index-ranking> (дата обращения: 24.04.2021).

⁴ Money taken from corrupt to be spent on education: PM. URL: <https://www.dawn.com/news/1580252> (дата обращения: 26.04.2021).

⁵ Shaping Those Who Shape the Future URL: <https://www.namalknowledgecity.com/about-namal/shaping-those-who-shape-the-future> (дата обращения: 30.04.2021).

⁶ PM vows to build knowledge city for quality education URL: <https://www.dawn.com/news/1587246/pm-vows-to-build-knowledge-city-for-quality-education> (дата обращения: 30.04.2021).

⁷ Серенко И.Н. Создание Намалского города знаний в Пакистане в контексте многоуровневого образования и перехода к экономике знаний // Сб. материалов междуна-

родной научно-практической конференции «Совершенствование подготовки научно-педагогических кадров в условиях перехода на многоуровневое образование». Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Министерство образования и науки Кыргызской Республики. Бишкек, 24–27 октября 2019. Бишкек: ГП «Типография» при Управлении делами Президента Правительства Республики Кыргызстан, 2019. С. 92–98.

⁸ 100 CITIES CAMPAIGN URL: <https://www.namalknowledgecity.com/campaigns/100-cities-campaign> (дата обращения: 30.04.2021.).

⁹ Pakistan Economic Survey 2019-20. URL: http://www.finance.gov.pk/survey/chapter_20/12_Population_Labour_Force_and_Employment.pdf (дата обращения: 26.04.2021).

¹⁰ Серенко И.Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. М., 2006.

¹¹ National Education Policy Framework 2018. Ministry of Federal Education and Professional Training, Islamabad, 2018. URL: <http://www.mofept.gov.pk/SiteImage/Policy/National%20Educaion%20Policy%20Framework%202018%20Final.pdf> (дата обращения: 24.04.2021).

¹² National Education Policy Framework 2018 URL: National Eductaion Policy Framework 2018 Final.pdf (mofept.gov.pk) (дата обращения: 26.04.2021).

¹³ E Taleem URL: <https://etaleem.gov.pk/digital-platforms> (дата обращения: 28.04.2021).

¹⁴ Roshan the camel brings books to homeschoolinchildren in Balochistan. URL: <https://www.dawn.com/news/1620495/roshan-the-camel-brings-books-to-homeschooling-children-in-balochistan> (дата обращения: 30.04.2021.).

¹⁵ Religious scholars announce protests URL: <https://www.dawn.com/news/1607911/religious-scholars-announce-protests> (дата обращения: 20.04.2021).

¹⁶ Streamlining of seminaries hits snag, again URL: <https://www.dawn.com/news/1603814/streamlining-of-seminaries-hits-snag-again> (дата обращения: 20.04.2021).

¹⁷ Uniform education to end class-based system: PM URL: <https://www.dawn.com/news/1588308/uniform-education-to-end-class-based-system-pm> (дата обращения: 30.04.2021.).

¹⁸ Unified educational system aims advancement: PM Imran URL: Unified educational system aims advancement: PM Imran (tribune.com.pk) (дата обращения: 26.04.2021).

¹⁹ National Education Policy Framework 2018 URL: National Eductaion Policy Framework 2018 Final.pdf (mofept.gov.pk) (дата обращения: 28.04.2021).

²⁰ Серенко И.Н. Образовательный аспект радикализации пакистанского социума Пакистан // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика. М., 2019. С. 454-464.

²¹ Васильева Л.А. История языка урду и его статус в Пакистане // Восток (Oriens). 2020. № 4. С. 138–149.

Положение исмaилитов в Пакистане

Резюме. Статья посвящена положению исмaилитских общин в Пакистане. На территории этой страны проживают исмaилиты-низариты (ходжа) и исмaилиты-мусталиты (бохра). Следует отметить масштабность деятельности организаций, основанных лидером исмaилитов-низаритов Ага-ханом IV. Важнейшими сферами этой активности являются культура и здравоохранение. В целом представители исмaилитских общин активно вносят свой вклад в развитие бизнеса и торговли в Пакистане.

Ключевые слова: Пакистан, исмaилиты, бохра, ходжа

Summary. The article is devoted to the status of the Ismaili communities in Pakistan. Nizari Ismailis (Khoja) and Mustalis Ismailis (Bohra) live on the territory of this country. It should be noted the scale of the activities of the organizations founded by the Nizari Ismaili leader Aga Khan IV. The most important areas of this activity are culture and health care. In general, representatives of the Ismaili communities contribute to the development of business and trade in Pakistan.

Key words: Pakistan, Ismailis, Bohra, Khoja

Большинство населения Пакистана исповедует ислам. Около 80–90% мусульман этой страны составляют сунниты, остальные относятся к шиитам. В основном это шииты-имамиты или двенадцатиричники. В Пакистане проживают также представители исмaилитских течений ходжа и бохра (низаритов и мусталитов). В Пакистане проживают и представители некоторых других исламских течений¹.

Истоки исмaилизма

Исмaилизм возник после раскола среди шиитов в середине VIII в. Когда скончался шестой шиитский имам Джафар ас-Садик, часть шиитов провозгласила имамом его сына Исмаила. Следует отметить, что ранее Исмаил был отстранен от власти своим отцом. Ко всему прочему, Исмаил умер раньше своего отца Джафара ас-

Кириченко Владимир Павлович – младший научный сотрудник Центра изучения общих проблем современного Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-8724-2341.

Садика. Седьмым имамом исмaилиты признали сына Исмаила – Мухаммада ибн Исмаила.

Исмaилитские верования включают элементы философии неоплатонизма, гностицизма, манихейства и христианства. Исмaилиты практикуют сокрытие своих религиозных убеждений (такийя). Они проявляют терпимость по отношению к представителям других религий. Согласно верованиям исмaилитов, Исмаил вернется в конце времен в качестве Махди. Исмaилиты практикуют эзотерическую интерпретацию Корана. Они почитают цепочку из 7 пророков – Адам, Нух (Ной), Ибрагим (Авраам), Муса (Моисей), Иса (Иисус), Мухаммад и Исмаил, – которые являются земным воплощением «мирового разума»².

После смерти фатимидского халифа аль-Мустансира в 1094 г. исмaилиты разделились на две общины. Одни (мусталиты) последовали за его сыном Аль-Мустали, они распространили свое влияние в Египте, Сирии, Йемене и Западной Индии. Исмaилиты в Персии посчитали своим имамом другого сына аль-Мустансира, Низара. Они стали известны как исмaилиты-низариты. Низариты создали свое государство, завоевав крепость Аламут в северном Иране в 1090–1991 гг.³

Что касается мусталитов, то после падения Фатимидов их религиозный центр более чем на 500 лет переместился из Египта в Йемен, где уже существовала община мусталитов-таййибитов – сторонников верховной власти ат-Таййиба, сына фатимидского халифа ал-Амира (убит в 1130 г.); таййибиты создали самостоятельную организацию во главе с верховным проповедником (ад-да'и ал-мутлак). Их идеи пользовались огромной популярностью в Индии, и в начале XVII в. религиозный центр мусталитов переместился в Гуджарат. Тогда же они разделились на даудитов (большая часть мусталитов), перебравшихся в Индию, и сулейманитов, оставшихся в Йемене. Между ними нет никаких догматических расхождений, хотя сулейманиты развивались в основном в арабской языковой и культурной традиции, а даудиты – в индийской⁴.

В настоящее время общины мусталитов существуют в ряде стран Азии и Африки: в Индии, Пакистане, Иране, Йемене, Кении, Танзании. Резиденция их духовного главы (ад-да'и ал-мутлак) находится в г. Сурате (Индия)⁵.

Исмаилитские общины Пакистана

Численность исмаилитов в мире составляет 15 млн человек, в том числе 500 тыс. в Пакистане. Также большие популяции проживают в Индии, Афганистане и Африке.

В Пакистане исмаилитское население в основном сосредоточено в Карачи. Они также проживают в крупных городах – в Синде, Панджабе и некоторых районах провинции Хайбер-Пахтунхва. В основном это богатые бизнесмены из Индии или мелкие торговцы и офисные работники из Синда. Они обычно живут рядом со своими мечетями, часто отдельно от других общин⁶.

В Пакистане проживают исмаилиты-низариты, а также представители другого течения исмаилизма – мусталиты-даудиты. Слово «бохра» происходит от гуджаратского слова, означающего торговлю. Существует также версия, что это слово имеет арабское происхождение и означает людей, живших на берегу моря (араб. «бахр»)⁷.

Что касается слова «ходжа», то оно имеет персидское происхождение, так обозначали благочестивых мусульман. Подавляющее большинство низаритов проживает в северных районах Западного Пакистана – в Балтистане, Хунзе, Читрале, на территории бывшей полосы племен Северо-Западной Пограничной провинции. Это последователи учения знаменитого исмаилитского миссионера, поэта и философа XI в. Насир-и-Хосрова⁸. Их называют насирие или маула⁹.

Меньшую часть низаритов Пакистана составляют выходцы из торговой общины ходжа, которая возникла в XV в. после обращения в исмаилизм индуистских торгово-ростовщических каст Синда, Северного Гуджарата и Западного Панджаба. В XV–XVI вв. ходжа превратились в касту, основным занятием представителей которой стала торговля¹⁰.

Маула и ходжа имеют разный социальный состав. Если среди ходжа исторически преобладали торговцы и промышленники, то основным источником доходов маула являлось сельское хозяйство. Таким образом среди маула преобладали крестьяне. Небольшую часть маула составляли духовные и светские феодалы¹¹.

«Выходцы из мусульманских торговых каст Западной Индии, и прежде всего из общины ходжа, стали первыми фабрикантами среди индийских мусульман», – отмечал известный советский исследователь С.Ф. Левин¹².

Следует отметить, что традиционными занятиями представителей исмаилитских общин, как бохра, так и ходжа, являются торговля и бизнес.

В середине XIX в. глава низаритской общины был вынужден покинуть Иран. Он привел своих последователей в Синд (нынешняя провинция Пакистана) и принял титул Ага-Хана («почетного вождя»). Его внук, султан Ага-хан III, играл активную роль в мусульманской жизни, политике Британской Индии, стоял у истоков Всеиндийской мусульманской лиги¹³ и стал близким соратником Мухаммеда Али Джинны¹⁴. Преемником Ага-хана III в 1957 г. стал его внук, Карим Ага-хан IV, нынешний имам низаритов¹⁵.

Ага-хан IV продолжил и существенно расширил политику модернизации, которую проводил его дед Ага-хан III. Карим Ага-хан IV осуществил целую серию своих собственных новых программ во благо своей общины. Лидер низаритов проявляет заинтересованность в решении разнообразных социальных и культурных вопросов и проблем развития, которые представляют более широкий интерес для мусульман и стран третьего мира. Признавая необходимость ускорения экономического и технологического развития, он также предостерегает мусульман от крайностей западного материализма. Имам выражает твердую уверенность в том, что все элементы, необходимые для мусульманского возрождения, содержатся в исламе и его наследии¹⁶.

Созданная Ага-ханом IV Сеть Ага-хана по развитию (AKDN) действует в Пакистане посредством Университета Ага-хана в Карачи и Фонда культуры в Лахоре и предоставляет в Пакистане широкий спектр услуг.

При поддержке Фонда Ага-хана организовано 156 школ и программ повышения квалификации учителей. Он предоставил народу тысячи врачей, медсестер и акушерок. Сеть Ага-хана также управляет множеством медицинских учреждений. Организацией также высажено более 39 миллионов деревьев. При участии Сети Ага-хана по развитию восстановлено более 170 исторических поселений, форты, памятники, здания и территории, например форт в Лахоре¹⁷.

Служба здравоохранения Ага-хана в Пакистане предлагает услуги, которые варьируются от первичной медико-санитарной помощи до диагностических и лечебных услуг. Она охватывает более

1,1 млн человек в сельских и городских районах Синда, Панджаба, а также Гилгит-Балтистан и Читрал.

Являясь крупнейшей некоммерческой частной системой здравоохранения в Пакистане, Служба здравоохранения Ага-хана ставит цель дополнить усилия правительства по оказанию медицинской помощи, особенно в области охраны здоровья матери и ребенка и первичной медико-санитарной помощи.

На севере Пакистана Служба здравоохранения Ага-хана реализует Программу первичной медико-санитарной помощи в Северном Пакистане с 1987 г. Работая в партнерстве с местными сообществами, правительством и другими учреждениями AKDN, такими как Программа поддержки сельских районов Ага-хана, цель заключалась в том, чтобы найти устойчивые способы финансирования и оказания первичной медико-санитарной помощи в высокогорных долинах. Медицинские программы включают в себя обучение местных медицинских работников методам профилактики заболеваний на уровне общины и переориентацию специалистов здравоохранения (государственных и частных) на первичную медико-санитарную помощь.

С момента своего основания Служба здравоохранения Ага-хана в Пакистане обучила более 1 тыс. местных медицинских работников в Гилгит-Балтистане и Читрале. Эта организация управляет в Гилгит-Балтистане и Читрале 57 базовыми медицинскими центрами, 7 комплексными медицинскими центрами на 10–30 коек и медицинским центром на 50 коек. Четыре из этих медицинских центров работают в рамках соглашений о государственно-частном партнерстве с правительством. Эти активы охватывают около 600 тыс. человек¹⁸.

Университет Ага-хана, находящийся в г. Карачи, проводит обучение врачей и медицинского персонала. Также в 2021 г. учреждение организует тестирование и скрининг на COVID-19 для инфицированных, продолжая оказывать помощь пациентам, не инфицированным COVID-19; проводит исследования для лучшего понимания вируса и его распространения. Университет занимается разработкой инновационных устройств и диагностики и осуществляет консультирование правительства на самом высоком уровне и делится своими знаниями с другими больницами и медицинскими работниками¹⁹.

Пакистан – вторая страна по численности даудитов-бохра за пределами Индии, насчитывающая около 30 тыс. последователей.

Нынешний лидер исмаилитов бохра – 53-й ад-даи аль-мутлак, Его Святейшество доктор Сайедна Муфаддал Сайфуддин, вступил в должность в январе 2014 г., сменив своего отца и предшественника, 52-го ад-даи аль-мутлака, Его Святейшество доктора Сайедну Мохаммеда Бурхануддина.

В августе 2016 г. делегация во главе с Его Святейшеством доктором Сайедной Муфаддалом Сайфуддином, главой общины даудитов-бохра, посетила премьер-министра Мухаммада Наваза Шарифа в резиденции премьер-министра.

Приветствуя лидера бохра, премьер-министр сказал, что его визит в Пакистан поможет в развитии социальных и культурных отношений между людьми. Премьер-министр подчеркнул роль улемов и религиоведов в достижении межконфессиональной гармонии среди последователей различных исламских течений. «Нам необходимо продвигать ценности терпимости, терпения и взаимного уважения для достижения нашей общей цели мирного сосуществования и религиозной гармонии», – подчеркнул премьер-министр.

Премьер-министр заявил, что община бохра, проживающая в Пакистане, внесла огромный вклад в национальное развитие, особенно в расширении торговой деятельности в стране. Премьер-министр добавил, что их вклад в социальный сектор, включая образование и здравоохранение, также заслуживает высокой оценки.

В свою очередь, духовный лидер бохра отметил, что возглавляемая им община внесла свой вклад в развитие Пакистана. Он поблагодарил премьер-министра за неустанные усилия правительства, которые привели к улучшению экономической ситуации в Пакистане. Он также похвалил правительство за установление мира и стабильности в стране. «Наше сообщество будет работать вместе с другими пакистанцами с новой энергией и решимостью, чтобы лучше служить стране», – сказал Сайедна²⁰.

В сентябре 2017 г. мусталиты-даудиты (бохра) собрались в пакистанском г. Карачи для проведения ежегодных религиозных ритуалов, связанных с ашурой. При этом присутствовал духовный лидер бохра, уже прибывший из Мумбаи²¹. В дни религиозных торжеств значительно оживился бизнес в торговых центрах Карачи. Их владельцы

закрывали свои магазины поздно ночью из-за стремительного роста спроса.

После визита в Карачи секретарь духовного лидера бохра шейх Мухаммад Хасан Пунавала отметил, что Пакистан и его народ занимают особое место в сердце Сайедны, добавив, что лидеры бохра сыграли ключевую роль в движении за независимость. «Дед Муфаддала, Сайедна Тахир Сайфуддин, был горячим сторонником отдельной родины для мусульман и был хорошим другом Каид-и-Азама Мохаммеда Али Джинны»²².

После визита духовного лидера бохра представители этого сообщества выразили признательность и благодарность силам безопасности, которые взяли на себя обязательство обеспечивать безопасность членов сообщества из Пакистана и всего мира, которые встретили мухаррам с доктором Сайедна Муфаддалом Сайфуддином в Карачи, говорилось в сообщении для прессы.

Общественность также высоко оценила усилия коменданта и сотрудников СБУ по сотрудничеству и координации на протяжении всего мероприятия. Гости из-за границы также восхищались гостеприимством и безопасностью, оказанными им во время их пребывания в Карачи, и хвалили их, говорилось в пресс-релизе.

В 2018 г. Национальный форум по окружающей среде и охране здоровья отметил усилия сообщества бохра в Пакистане за усилия по повышению осведомленности об окружающей среде. На мероприятии, проведенном в отеле Marriott в Карачи, была отмечена созданная сообществом бохра организация «Назафат» («Чистота»), занимающаяся созданием здоровой среды. За ее многочисленные инициативы, в особенности по посадке деревьев, представителям организации была вручена награда²³.

В ноябре 2018 г. делегация бохра во главе с шейхом Шейхом Юнусом посетила в Исламабаде президента Пакистана д-ра Ариф Алви.

Президент высоко оценил роль общины бохра в социально-экономическом развитии страны и призвал общину бохра сыграть конструктивную роль в кампании «Чистый и зеленый Пакистан».

Делегация проинформировала президента о том, что они дарят стране полмиллиона саженцев. Ариф Алви высоко оценил этот жест и подчеркнул необходимость сохранения этих саженцев до тех пор, пока из них не вырастут деревья.

Премьер-министр высоко оценил роль общины бохра в обеспечении мира, особенно в социальной сфере. Он сказал, что правительство ценит благотворительную деятельность и услуги сообщества²⁴.

Атаки на исмаилитов

Исмаилитские общины время от времени подвергаются атакам со стороны экстремистов. В сентябре 2012 г. в результате двух взрывов на рынке, где преобладает бохра, погибли семь человек. Три года спустя бомба взорвалась возле мечети бохра сразу после вечерней молитвы. Двое прихожан были убиты.

В 2015 г. боевики на мотоциклах обстреляли автобус с низаритами в г. Карачи на юге Пакистана²⁵. Тогда 43 человека были убиты и 13 ранены. Ответственность за нападение взяла на себя отколовшаяся фракция пакистанских талибов «Джундулла», которая присягнула на верность ИГ в конце 2014 г.²⁶

Глава религиозной общины мусульман исмаилитов-низаритов Ага-хан IV подверг осуждению нападение на автобус членов общины в Карачи, в результате которого погибли 43 человека. Ага-хан заявил, что он шокирован и опечален «бессмысленным актом насилия в отношении мирного сообщества»²⁷.

В том же 2015 г. после пятничной молитвы в результате взрыва бомбы у мечети бохра в Карачи были ранены 12 человек.

* * *

Исмаилитские общины Пакистана заняли свои ниши в обществе данной страны. Сообщества ходжа и бохра делают свой вклад в развитие торговли и бизнеса в этой стране, при этом сохраняя свою самобытность. В целом в пакистанском обществе к исмаилитам довольно терпимое отношение, хотя время от времени и они становятся целью экстремистов.

¹ Белокреницкий В.Я. Ислам и исламистский радикализм в Пакистане // Восточная аналитика. № 3. С. 20–21.

² Вагабов М.В. Расколы в исламе: причины и социальные последствия // Исламоведение. 2010. № 4. С. 81.

- ³ Singh K.S., Lavania B.K. Rajasthan, 1998. P. 192.
- ⁴ Хайретдинов Д.З. Мусталиты: история и настоящее. URL: <https://islamrf.ru/news/library/islam-world/2606> (дата обращения: 13.02.2021).
- ⁵ Энциклопедический словарь. Ислам. М., 1991. С. 111.
- ⁶ Karachi bus massacre: Who are the Ismailis? URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-32721136> (access date: 13.02.2021).
- ⁷ Singh K.S., Lavania B.K. Op. cit. P. 192.
- ⁸ Насир Хосров и Насер-и-Хосров (ум. после 1070 г.) – персидский поэт, философ, ученый и путешественник, один из величайших персидских писателей, исмаилит. Он родился в Кабодиёне, деревне в Бактрии в древней провинции Большого Ирана Хорасан, ныне Таджикистан, и умер в Ямагане, ныне Афганистан.
- ⁹ Левин С.Ф. Организация исмаилитской буржуазии в Пакистане // «Краткие сообщения» Института народов Азии. 1964. Т. 71. С. 73–74.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 76.
- ¹² Левин С.Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970. С. 26.
- ¹³ Всеиндийская мусульманская лига – политическая партия. Основана в 1906 г. в Британской Индии. Выступала за создание отдельного национального государства с мусульманским большинством Пакистана. Деятельность партии привела к разделу Индии в 1947 г. Британской империей.
- ¹⁴ Мухаммад Али Джинна (урожденный Мухаммедали Джиннахбхай; 25 декабря 1876 г. – 11 сентября 1948 г.) был адвокатом, политиком и основателем Пакистана. Джинна был лидером Всеиндийской мусульманской лиги с 1913 г. до обретения Пакистаном независимости 14 августа 1947 г., а затем был первым генерал-губернатором Пакистана до своей смерти. Его почитают в Пакистане как Каид-и-Азама (Великий лидер) и Баба-и-Каум (Отец нации). Его день рождения – национальный праздник Пакистана.
- ¹⁵ Burki S.J. Historical Dictionary of Pakistan. Lanham, Maryland, 2006. P. 265–266.
- ¹⁶ Nanii A. The Ismailis in History. URL: <https://www.iis.ac.uk/academic-article/ismailis-history> (access date: 13.02.2021).
- ¹⁷ Aga Khan Development Network. Pakistan. URL: https://d1zah1nkiby91r.cloudfront.net/s3fs-public/media/publications/2019_0930_akdn_in_pakistan_-_brief_-_web.pdf (access date: 03.02.2021).
- ¹⁸ Pakistan Health. URL: <https://www.akdn.org/where-we-work/south-asia/pakistan/health-pakistan> (access date: 10.02.2021).
- ¹⁹ AKU Coronavirus Response. URL: <https://www.aku.edu/Pages/covid-19-updates.aspx> (access date: 10.02.2021).
- ²⁰ Syedna calls on the Pakistan prime minister. URL: <https://www.thedawoodibohras.com/2018/02/02/syedna-calls-on-the-pakistan-prime-minister/> (access date: 11.02.2021).
- ²¹ President of Pakistan lauds role of Bohra community in the country URL: <https://www.thedawoodibohras.com/2018/11/16/president-of-pakistan-lauds-role-of-bohra-community-in-the-country/> (access date: 12.01.2021).
- ²² EXCLUSIVE: Dawoodi Bohras Chief Syedna Mufaddal thanks Pakistanis for their love. URL: <https://www.thenews.com.pk/latest/235656-Dowoodi-Bohras-Chief-Syedna-Mufaddal-thanks-Pakistan-for-their-love> (access date: 13.01.2021).

²³ Bohras in Pakistan given national award for tree plantation. URL: <https://www.thedawoodibohras.com/2018/07/18/bohras-in-pakistan-given-national-award-for-tree-plantation/> (access date: 02.02.2021).

²⁴ President of Pakistan lauds role of Bohra community in the country. URL: <https://www.thedawoodibohras.com/2018/11/16/president-of-pakistan-lauds-role-of-bohra-community-in-the-country/> (access date: 02.02.2021).

²⁵ Daring to Celebrate, Sect in Pakistan Prepares for Honored Guest. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/20/world/asia/pakistan-muharram.html> (access date: 10.02.2021).

²⁶ 43 killed in attack on bus carrying Ismailis in Karachi. URL: <https://www.dawn.com/news/1181698> (access date: 14.02.2021).

²⁷ Ismaili spiritual leader shocked and saddened by news of attack on his community of followers in Pakistan. URL: <https://www.dawn.com/news/1181718> (access date: 14.02.2021).

Раздел VI

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI: 10.31696/978-5-907384-66-8-448-473

У.В. Окимбеков

Налоги и налоговая политика Афганистана первой половины XIX в. (на примере аграрного сектора)

Резюме. Статья посвящена изучению вопроса налогов и налоговой политики Афганистана первой половины XIX в., факторов, способствовавших реформированию налоговой системы в разных регионах и территориях страны. Основное внимание сосредоточено на процессах, происходивших в Кандагаре, так как подавляющая часть нововведений в налоговой сфере приходилась на долю населения этого региона и в некоторой степени была связана с предоставленными ранее племени дуррани привилегиями. Также приведены примеры, показывающие развитие ситуации в других важных центрах, таких как Кабул, Герат и Балх, влияние налоговой политики на внутривнутриполитическую ситуацию после возвращения в страну Шаха Шуджа.

Ключевые слова: Афганистан, налог, налоговая система, садозаи, баракзаи, дуррани, Кандагар

Summary. The article is devoted to the study of the issue of taxes and tax policy of Afghanistan in the first half of the 19th century, factors that contributed to the reform of the tax system in different regions and territories of the country. The main attention is focused on the processes taking place in Kandahar, since the overwhelming part of innovations in the tax sphere fell on the population of this region and to some extent was associated with the privileges granted earlier to the

Окимбеков Убайд Вафобекович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-3452-3630.

Durrani tribe. There are also examples showing the development of the situation in other important centers, such as Kabul, Herat and Balkh, the impact of tax policy on the internal political situation after Shah Shuja's return to the country.

Key words: Afghanistan, tax, tax system, Sadozai, Barakzai, Durrani, Kandahar

Народные волнения и мятежи в Афганистане XIX в. по большей части имели под собой социально-экономическую почву, а их периодичность зависела от введения властями изменений в налоговой политике (введения новых налогов, повышения действовавших ставок и тарифов), усиления материального давления на подданных центральными и местными властями (вымогательства, установления дополнительных поборов и т. д.), и только в редких случаях носили политический характер. Тяжелая экономическая обстановка отвлекала внимание населения от политических вопросов, перемен и переворотов, происходивших на уровне верховной власти, особенно если это касалось отношений между представителями правивших династий, легитимность которых не могла вызывать у них сомнений. Афганский историк М.Г. Губар, описывая события начала первой англо-афганской войны, отмечал, что в 1839 г. народу было известно только то, что в Афганистан «вернулся «истинный наследник» афганского престола Шах Шуджа в сопровождении своих друзей из числа европейских солдат, которые после непродолжительного отдыха намерены обратно вернуться в Индию»¹.

С начала образования афганской государственности во главе с Ахмад-шахом Дуррани доходы государства формировались главным образом за счет Пешавара, Кашмира и других индийских областей, куда время от времени отправлялись военизированные экспедиции. Гораздо меньшие по объемам поступления от Кандагара, Кабула, Герата и прочих территорий предназначались на подкуп лояльности верхней прослойки афганского общества, в первую очередь вождей племен, снабжавших шаха войсками при военных походах. Иными словами, чисто афганские земли, где налогом в большей степени облагалось непущтунское население, приносили казне незначительные суммы². В результате главные внутренние источники налоговых поступлений фактически оказались в руках знати и племенных вождей, а шах имел в этом отношении номинальное положение. Более точное описание экономического положения того периода дает

митрополит Хрисанф, посетивший Кабул в 1793 г.: «...государь сего владения чрезмерно богат дорогими камнями и жемчугами, денег же не имеет, едва может содержать себя своими доходами... Министры его, однако же, весьма богаты, как в деньгах, так и в драгоценностях. Когда выступает он на войну, они снабжают его людьми, войсками и всем нужным, ибо власть их в правлении далеко распространяется»³. То есть к числу тех, кто освободились от уплаты налогов, относились «*джагирдары* (держатели привилегированных земельных пожалований, обладавшие полным налоговым иммунитетом). Не взымался налог со многих земель, пожалованных различным религиозным учреждениям шахом или частными лицами. От уплаты налогов были освобождены многие афганские (пуштунские) племена при условии несения ими военной службы. В особо привилегированном положении находилось племя дуррани, к которому принадлежал сам шах. Оно было освобождено от поземельного налога, налогов со скота, садов, виноградников и многих единовременных сборов»⁴.

Действовавшие на протяжении рассматриваемого века налоги, поборы и пошлины по видам можно условно разделить на три группы:

- 1) налоги на землю;
- 2) налоги и пошлины на внутреннюю, внешнюю и транзитную торговлю;
- 3) налоги с домашних хозяйств.

Налоги с сельскохозяйственного производства составляли основу доходов государственной казны. Ниже приведем более распространенные, часто встречавшиеся виды налогов, взимавшиеся натурой и деньгами в стране или территорий отдельных районов и городов.

Натуральные налоги

Запят. В Афганистане под таковым подразумевался налог с домашнего скота, размер которого отличался в различных частях и разные периоды истории страны, но часто встречавшейся была ставка, установленная в 2,5% с поголовья мелкого рогатого скота или одна с 40 голов. В источниках она также встречается под названием *чехел-яки*, что дословно означает «сорок первая», то есть каждая 41-я

голова подлежала взиманию в качестве налога, хотя на практике преобладала денежная форма. Наряду с этой существовали еще множество других ставок, введенных правителями в зависимости от региона, формы животноводства (оседлое хозяйство, кочевое, отгонно-пастбищное).

Ушр наряду с *закятом* являлся традиционным каноническим налогом и распространялся на земледельческую продукцию по ставке 10%, т. е. 1/10 части полученного урожая, но также на практике различались и зависели от вида земледелия (орошаемое, кярезное-родниковое или богарное). Здесь, однако, применялись еще ставки под несколько другими названиями, существенно отличавшимися по размерам и методам взимания. К ним относились:

1) *се-кот* («одна третья часть»). Само название говорит о доле государства в 1/3 части урожая земледельческой продукции. Для более четкой демонстрации приемлемости такой ставки для сторон отметим лишь то, что, исходя из дополнительных условий, земледелец должен был предоставить всё необходимое для производственного процесса, а именно орудия труда, рабочую силу, семена и скот. Этот налог обычно устанавливался на землях, орошавшихся водами рек или ручьев.

2) *чор-кот* («одна четвертая часть») – более выгодная ставка в 1/4 части продукции, или 25% от полученного урожая, но она практиковалась только в одном из районов Джелалабада (Руди-Кухат) и была введена Тимур-шахом в знак благодарности жителям за оказанные услуги во время одной из его военных экспедиций;

3) *дах-кот* («одна десятая часть»). Ставка налога на зерновые с земель, орошавшихся *кярезами* и богарными площадями.

Халиса. Взимался с государственных земель, обрабатывавшихся издольщиками при условии выделения 1/2 части полученного урожая в пользу властей. Государство при этом не брало на себя какую-либо ответственность, и все производственные расходы покрывались за счет землепользователя.

Джама-и-Каландар-хани. Фиксированная ставка на земледельческую продукцию, связанная с именем Каландар-хана, некоего должностного лица Ахмад-шаха. В источниках в большинстве случаев она встречается под названием *джамбаст* и взималась по ставке, не зависящей от урожайности, размера посевной площади, катего-

рии земли. Джама-и Каландар-хани, или джамбаст, распространялся в ареалах проживания пуштунских племен и взимался с конкретного населенного пункта или земельного участка.

Кахбаха (дословно – «цена соломы»). Под этим названием подразумевалось условие предоставления соломы коннице и вьючному скоту правительственной армии. При Ахмад-шахе этот вид сбора устанавливался в случаях прохода армии при походах через территории конкретных районов и носил временный характер, но затем подвергался изменениям. Макгрегор, описывая виды налогов Джелалабада, отмечает, что государство получало 1/3 соломы, а затем излишек в принудительной форме по цене 2 рупии за *харвар* обратно возвращало земледельцам⁵.

Асеяб (мельница). Распространенный по всему Афганистану вид налога на мельницы, взимавшийся натурой и не имевший единой ставки.

Денежные налоги

Ангури (дословно – «виноградный») – один из разновидностей налогов, установленных в Афганистане Надир-шах Афшаром. Несмотря на свое название распространялся не только на виноградники, но и на все фруктовые деревья и сады. Ангури взимался по фиксированной ставке с одного или нескольких деревьев, но различался по районам и провинциям.

В источниках встречаются и другие виды налогов с садоводческой продукции, часть из которых, судя по первоначальной форме и методам взимания, никакого отношения к налогам не имели, но затем официально утвердились. Например, в Джелалабаде действовал *анари баг-и шах* (дословно – «гранат шахского сада») – налог на королевские сады (Чар-баг, Бала-баг, Ишпан и другие, упоминающиеся в источниках), суть которого заключалась в принудительной продаже излишков полученного урожая граната садов шаха населению по фиксированной цене. По мере упадка отрасли названные сады вышли из оборота, однако жителей продолжали облагать налогом под таким названием⁶. Здесь существовал еще один вид налога под названием *масул-и-баг* (дословно – «садовый урожай») – налог на сады с различными видами фруктовых деревьев – вишни, сливы,

айвы, граната, яблочко и абрикосов. Ставка составляла 1/3 части полученного урожая.

Джариби – денежный налог на садоводство/огородничество, в отличие от ангури, рассчитывался исходя из площади в один джариба (0,2 га). Ставки варьировались в зависимости от видов выращивавшихся фруктов и овощей.

Саргала (букв. поголовье скота). Налог со скота, введенный Ахмад-шахом и действовавший в XIX в. Изначально он охватывал исключительно приезжих, переселившихся из других мест, и не распространялся на постоянное население Кандагара.

Шах-шумари. Налог с крупного рогатого скота, а именно буйволов, по ставке 1 рупия с поголовья.

Кроме перечисленных встречались еще десятки видов местных налогов и ставок, введенных тем или иным правителем, ханами или мирами.

Последние правители садозаев во многом продолжали придерживаться норм, введенных Ахмад-шахом Дуррани, в силу чего в основе их налоговой системы сохранились принятые во второй половине XVIII в. виды, формы и ставки налогов. Такую последовательность, во-первых, можно объяснять наличием хорошего источника поступлений с богатых индийских областей, во-вторых, постоянством системы управления страной, отсутствием признаков социально-экономического продвижения. Действовавшая налоговая политика, однако, со временем начала демонстрировать неэффективность, поскольку финансовые возможности государства на фоне возросших потребностей начали ограничиваться. Нагрузка на подданных в одних и тех же территориях могла различаться в зависимости от этноконфессиональной принадлежности налогоплательщиков. Корни такой политики также уходили к временам Ахмад-шаха, при котором представители племени дуррани получали в *джагир* земли, пользовались значительными привилегиями, взамен несения воинской повинности были освобождены от основных видов налогов и податей.

Первые признаки реформ в рассматриваемой сфере появлялись при Шахе Махмуде во втором десятилетии рассматриваемого столе-

тия, и помимо представителей других народов и племен они непосредственно затрагивали экономические интересы и социальный статус дуррани Кандагара. В других частях, а именно Кабуле, Герате, северных областях, не отличавшихся суровостью налоговой политики, нововведения не фиксировались в таких масштабах, какие имели место в Кандагаре. До того момента дуррани не облагались такими видами налогов, как *ханадуди*, *саргала* и *ангури*, однако на них ежегодно распространялись налоги с мельниц в размере $1/2$ *харвара* зерна, или 4 рупии с каждой мельницы в год, сбор на содержание старосты в размере 1 аббаси, *мираби* – 12 *маундов* зерна с поливных земель⁷. Об их высоком положении и статусе говорит и тот факт, что часть налоговых поступлений от других племен распределялась между знатью дуррани. Были и те из числа пуштунских племен, кто параллельно с внесением налогов были обязаны нести воинскую службу⁸, но все же для них, в отличие от непуштунского населения, таких как таджиков, действовали относительно низкие ставки⁹.

Преобразования в налоговой системе инициировал принц Камран – сын Шаха Махмуда, при котором экономические интересы государства начали брать верх над этнополитическими и племенными, но они не были продиктованы изменениями в политике управления страной. Немаловажную роль в этом вопросе играл влиятельный везир шаха Фатх-хан, представитель династии баракзаев и старший брат будущего афганского эмира Дост Мухаммада-хана. Изменения касались частичного пересмотра налоговой политики, а именно расширения перечня видов хозяйственной деятельности, подлежавших обложению, повышения действовавших ставок, отмены налоговых льгот отдельным группам населения, что положило начало ограничению материальных интересов пуштунов Кандагара. Реформа непосредственно была направлена на племена, в первую очередь дуррани, в руках которых сосредотачивалась важнейшая часть источников доходов. Такой подход был вызван возникшими финансовыми обстоятельствами, поскольку сокращение материальных поступлений садозаев за счет ограничения военизированных экспедиций в запредельные территории вынудило искать другие направления, сосредотачиваться на внутренних источниках, что и привело к постепенному изменению социально-экономической политики.

Политика предоставления налоговых преференций и особого социального статуса племенам способствовала сокращению объемов поступлений в центральную казну. Вожди племени дуррани Кандагара за эти годы нарастили богатство, превратились в крупных землевладельцев, что, в частности, произошло за счет захвата и отчуждения земельной собственности непущтунов. Это стало фактором сокращения числа потенциальных налогоплательщиков, вносивших раньше намного большие суммы с ныне завоеванных земель. При Ахмад-шахе некоторые непущтунские коренные жители имели равные с пуштунами права, но по мере роста материального состояния дуррани отношение к ним изменилось. Основной причиной тому послужили территории с плодородной землей, населенные преимущественно непущтунами, в частности хазарейцами. Это произошло в какой-то степени при подаче самих властей, заботившихся об интересах своих соплеменников, но, возможно, не думавших о будущих негативных материальных последствиях для казны. В итоге возникли проблемы с самими пуштунскими племенами, т. е. произошло столкновение интересов властей с новыми собственниками обрабатываемых земель. Власти стали требовать налоги с новых владельцев земельной собственности по прежним ставкам – $1/3$ произведенной сельскохозяйственной продукции, с чем последние не могли соглашаться. Племена настаивали на выгодных налоговых условиях по отношению к этим земельным участкам, поскольку являлись непосредственными участниками завоевательных походов и согласились только на $1/10$ часть продукции¹⁰, однако власти это устроило, что привело к изменению отношений между сторонами.

На начало столетия в целом для налогоплательщиков существовали относительно подъемные ставки на сельскохозяйственную продукцию как основного источника доходов государства. Формально власти ввели налог, величина которого «варьировалась в зависимости от местных условий и обычно составляла от одной десятой до одной трети урожая; налог собирался преимущественно в натуральной форме; при этом зерно, необходимое для будущего посева, как правило, вычиталось из урожая до уплаты налогов»¹¹. Налог взимался и с водных источников, обеспечивавших развитие орошаемого земледелия. Не все племена, особенно жившие в отдаленных от центра районах, вносили налоги согласно установленным ставкам, а неко-

торые, по сведениям Эльфинстона, ежегодно выплачивали фиксированную сумму¹², что, по всей видимости, подразумевает систему джамбаст.

Одной из главных особенностей нововведений Камрана был переход по некоторым видам налогов и податей от натуральной формы к денежной. Перечень налогов расширился за счет превращения многих действовавших временных натуральных податей в постоянные сборы с установлением фиксированных ставок в денежном выражении, отменялись трудовая и воинская повинности в пользу постоянных налогов. Они, в частности, коснулись племени дуррани, которые были обязаны теперь платить часть налогов наравне с другими подданными. На них начал распространяться введенный денежный налог *кахбаха* в размере 8 рупий с каждого джагир-кульба (1 кульба = 74,5 акр)¹³ на землях, зависевших от г. Кандагара. Изначально *кахбаха* подразумевал поставки соломы в случаях нехватки фуража для королевской кавалерии, но теперь превратился в разновидность постоянного налога. Также было отменено ранее существовавшее обязательство предоставления племенами пяти крестьян в течение пяти дней на ремонтные работы оросительного канала и введен сбор в размере 3 рупий с каждого кульба земли. Английский политический агент в Кандагаре (1841 г.) Роулинсон, изучавший архив налоговых документов города, отмечал, что такой подход по отношению к племени дуррани со стороны принца Камрана «был продиктован здоровой и продуманной политикой». Для направления всех денежных потоков в казну он последовательно шел к подрыву финансового положения дуррани, но при этом использовал и политические методы достижения поставленных целей. Параллельно с этим вел политику физической ликвидации влиятельных представителей племени, что лишило их единства и порядка, следовательно, возможности оказания сопротивления¹⁴. Такая тактика со стороны принца при поддержке Фатх-хана эффективно использовалась не только в Кандагаре, но и в других местах. Для покорения Кухистана и включения в налоговую юрисдикцию Шаха Махмуда, брат везира Дост Мухаммад первым делом в течение двух месяцев устранил всех видных представителей района¹⁵.

Закат правления Шаха Махмуда, приведший к распаду государства на несколько фактически полунезависимых территорий под вла-

стью многочисленных братьев Фатх-хана, стал началом нового, более сложного, периода как для пуштунских племен, так и других этносов. Новые правители Кандагара, или «кандагарские братья» (Шердил-хан, Пурдил-хан, Мехрдил-хан, Кохандил-хан и Рахмдил-хан), продолжая начатое Камраном дело, пошли еще дальше в вопросе реформирования фискальной системы. С одной стороны, налоговыми инструментами били по доходам дуррани, с другой – по всей области распространяли систему, от которой, по сведениям источников, не осталось свободной жизнедеятельности. Кандагар был единственным городом, где английские эмиссары констатировали факт ежедневного сбора налогов¹⁶. Баркзайские братья, однако, проделали успехи в деле увеличения доходов казны не только в Кандагаре, но и на других территориях¹⁷.

На льготных условиях, но поэтапно власти повсеместно попытались облагать налогом все племена, включая дуррани. Следовательно, политику Камрана и правителей Кандагара в деле понижения социально-экономического и политического статуса дуррани следует интерпретировать не как попытку нивелирования справедливости в налоговой сфере, а, как отмечалось выше, всего лишь как способ направления недополученных средств в русло казны. Эти реформы были нацелены на полную ликвидацию основ финансовой независимости дуррани, контролировавших подавляющую часть плодородных земель вблизи города и окрестных районах. Новые условия негативно воспринимались не только дуррани, но и другими племенами, так как бóльшая их часть, пользовавшаяся налоговыми льготами, привыкла к автономности, и реакция на любое решение властей относительно этого вопроса была негативной. Дуррани как потенциальная военная сила ныне не были востребованы, а их привилегированное положение ничем не компенсировало убытки казны. Тем более что в новых условиях функция армии главным образом ограничивалась сбором налогов, подавлением восстаний или выполнением иных работ в пределах территории владений. Интересы кандагарских правителей, если не считать поход в Герат, ограничились пределами подконтрольной области, и, следовательно, для решения внутренних задач услуги воинов дуррани, находившихся в положении джагирдаров, обошлись бы им слишком дорого. Поэтому имевшаяся на службе сравнительно немногочисленная армия из числа других племен

и народов была достаточна для продвижения реформ, в том числе для принуждения дуррани к принятию новых условий.

Положение налогоплательщиков в Кабуле, а также Герате, где после распада власти Шаха Махмуда правил принц Камран, было одинаково непростым, но особой сложностью отличалась ситуация в Кандагаре, где население максимально обременялось непосильными поборами, а экономика региона была доведена до крайнего разорения. Такая ситуация в некоторой степени была связана с внутриполитической борьбой на уровне верховной власти. Между пятью братьями-правителями Кандагара велось скрытое соперничество, в котором каждый стремился максимально укреплять свою политическую мощь усилением материального положения за счет увеличения налоговой нагрузки, приведшей в итоге к разрушению основ экономики региона, снижению численности населения. Жители, не справившиеся с завышенными ставками, в целях минимизации налоговых затрат ограничивали или полностью воздерживались от обработки земельных участков, занятия садоводством, особенно выращивания винограда.

Изменения коснулись и непуштунского населения, на долю которого и без того приходилась основная часть налогов и сборов. Например, подушный налог *ханадуди* («подымный»), ставка которого с времен Ахмад-шаха была установлена в размере 2 рупий с одного хозяйства приезжих, не распространялся на племя дуррани и таджиков. В рамках реформы, во-первых, само название было заменено на *ханавари* («хозяйство»), во-вторых, установились дифференцированные ставки в диапазоне от 3 до 15 рупий на семью, и в-третьих, исключением остались только дуррани¹⁸. Изменениям подверглись сохранившиеся формы предоставления таджикским населением солдат, так называемых гулями-шахи («шахская кавалерия»), взамен сельскохозяйственных налогов, а также обеспечения служащими легкой артиллерии на верблюдах – *шахинчи* (верблюжий фальконет) пуштунскими племенами и т. д. Обе эти формы упразднились в пользу денежных налогов¹⁹. *Мираби*, введенный Ахмад-шахом на джагир-кульба, также на условиях обеспечения племенами рабочей силы для поддержания работоспособности водного канала из р. Аргандаб, был превращён в налог с значительно повышенной ставкой, но прежние обязательства, как и раньше, продолжали действовать. Сборы *кедходаи*, взи-

мавшиеся вождями дуррани с соплеменников в пользу офицеров низшего ранга, теперь действовали как постоянные денежные налоги, но шедшие в казну. Налог с мельниц установили без какого-либо различия между всеми земледельцами, а на участках окрестностей города, в основном возделывавшихся дуррани, установили денежный налог с учетом плодородности почвы²⁰.

Ангури, продолжавший взиматься только с садов, принадлежавших *раяту* (непуштунское население), теперь по повышенной ставке распространился на все сельские земли, вне зависимости от принадлежности. *Саргала*, установленный изначально как налог со скота приезжих из расчета 1 шахи с поголовья мелкого рогатого скота, 4 – коровы, 5 – кобылы и 6 шахи с поголовья верблюда, после реформы, во-первых, действовал по новым, в несколько раз выше, ставкам (4, 12, 12 и 14 шахи соответственно), во-вторых, ныне охватывал и коренных жителей, за исключением пуштунов и *белуджей*, пользовавшихся особой льготой²¹.

Эти и другие факты показывают последовательность поведения правителей Кандагара в ужесточении налоговой политики для всех без исключения жителей. Определенные преференции, которыми продолжали пользоваться племена, особо не облегчали им материальное положение так как не распространялись на земледелие – основной источник их доходов. Действия властей, как было сказано, были направлены на выравнивание социального и экономического статуса дуррани с другими народами и племенами, поэтапного лишения их иммунитета. Более очевидным это становится из практики установления налогов и жестких методов сбора платежей, требований с дуррани платить по обязательствам в полном объеме или освободить земли, которые в большинстве случаев были ими узурпированы. Искусственно создавалась атмосфера, при которой жившие на расстоянии от города племена были вынуждены продавать правительству зерно по цене в 2,5 раза ниже, чем в центре, а правительственные агенты при взвешивании зерна использовали неисправные весы²².

Отказавшись от услуг дуррани в качестве военной опоры, власти сформировали трехтысячную конницу, в круг обязанностей которой входило обеспечение своевременного и полного сбора налогов. В качестве военной силы выбор был сделан в пользу представителей самых разных племен и этносов, среди которых не встречались дур-

рани. На службе при дворе правителей на разных позициях преимущественно находились представители гильзаев, обеспечивавшие силовое крыло и имевшие негативные отношения с дуррани. Из окружения Рахмдил-хана, например, можно отметить Тадж Мухаммад-хан Какара, получавшего ежегодное жалование в 60 тыс. рупий и предоставившего 300 коней, Худаназар-хана гильзаи – соответственно 300 рупий в месяц и 300 воинов (при необходимости он был способен собрать до 1 тыс.), Сохбат-хана гильзаи – 2 тыс. рупий в месяц и 500 воинов, Рамзан-хана гильзаи – получившего джагир на сумму 100 тыс. рупий и 100 всадников, Мирза Ахмад-хана – таджика, командовавшего 100 всадниками. В число приближенных Кохандил-хана входили Аминаллах-хан – перс по происхождению, получавший 30 тыс. рупий в год и предоставивший 100 всадников; Мулла Юнус гильзаи со 100 всадниками и готовностью предоставить до 500 человек из числа соплеменников для поддержки правителя²³.

Реформы в рамках такой политики проводились поэтапно и впоследствии одни и те же налоги и ставки несколько раз подверглись изменениям. Например, отменялась принудительная поставка зерна, *кахбаха* и пятидневный принудительный труд, а вместо них вводился натуральный налог на зерновых из расчета 3 харвара на каждый джагир-кульба земель, прикрепленных к городу, 2 харвара с других районов. Обнаружив, что дуррани стабильно вносят все эти налоги, власти решили ввести новые ставки, требуя с каждого кульба еще дополнительно 30 *маундов* зерна. Из этой части одна половина взималась под названием *амбардари* (хранилище), преподносившаяся сначала как плата правительственным агентам, занимавшихся реализацией зерна, но затем превратившаяся в источник собственных доходов правителей. Другая часть – *тафавут-и-санг* («разница в мерах весов»), или побор в размере 5%, устанавливалась под предлогом введения правительством новой меры весов. Таким образом, доходы от всяких нововведений, вне зависимости от названия и формального назначения, в итоге поступали на счет правителей. Другая разновидность сборов в размере 4 *аббаси* (5 аббаси составили 1 рупию) начали требовать с каждого джагир-кульба, зависевших от города земель, как плату министру. Также начали взимать 14 шахи (20 шахи = 1 рупий) с каждого 400 джагир-кульба якобы для покрытия расходов, связанных с предоставлением рабочих для наблюдения за ледниками. Далее

снова был восстановлен *кахбаха* в двух формах: натуральной из расчета 3 харвара соломы и денежной – 9 рупий с каждого джагир-кульба. Еще один 10%-ный налог под названием *мохассели* (комиссия агентов) установили на выручку от продажи зерна, который впоследствии был снижен до 6%. Таким образом, дуррани как налоговые субъекты получили примерно такие же права, какие имелись у райятов. Однако параллельно повысился статус представителей клана баракзаев, пользовавшихся «большими преимуществами», превосходивших «все те, которые были представлены племени дуррани с момента их основания в этом регионе»²⁴.

Власти преуспевали как в плане роста налоговых поступлений, так и лишения дуррани всех форм неприкосновенности. По сведениям одних источников благодаря налоговым реформам и тотальному угнетению без исключения всего населения правителям удалось ежегодно собирать примерно 60 тыс. фунтов стерлингов²⁵, а по другим – только за счет введения земельного налога в отношении племени дуррани дополнительно получать 300 тыс. кандагарских рупий. Однако существовавшая налоговая машина в полной мере действовала не во всей подконтрольной территории правителей Кандагара. Под ее прессинг главным образом попадали жители города и окрестных районов, а хозяйственная жизнь дуррани отдаленных местностей осталась свободной от влияния властей, поскольку те обладали достаточными силами для оказания сопротивления. В связи с этим в одних районах налоговые ставки не только не повышались, но и под давлением племен могли снижаться, другие вовсе не подчинялись воле властей. Гильзаи и до этого, в отличие от других, находились в более благоприятном положении, что, помимо воинственного характера племени, еще было связано с географией их расположения, а именно компактного проживания в отдаленных от центра районах. Кандагарские правители по отношению к ним вели себя осторожно, но все же намеревались ежегодно получать с районов проживания этого племени желаемую сумму, но результатов не добились²⁶. Заминдавар был одним из тех мест, где ставку земельного налога снизили с 10 харваров до 4 с площади в один кульба²⁷. К западу от Кандагара районы проживания племен ватак, тохи, андари, насери и джелалзай, ежегодный доход которых составлял около 600 тыс. рупий, вовсе не платили налоги. В западном направлении Пенджбаи, Кишк, Наход, Гармсель,

Наузад, Над-Али, Гиришк, Тамири, Заминдавар находились в ведении Кохандиль-хана и ежегодно приносили ему 400 тыс. рупий. Рахмдил-хан получал с Тизин, включавший 9 районов, 500 тыс. рупий в год. Районы, расположенные к югу с ежегодным доходом в 300 тыс. рупий, подчинялись Мехрдил-хану²⁸.

Но для дуррани, проживавших в городе и окрестных районах, процесс сбора налогов, выступавший инструментом всестороннего давления, стал серьезной проблемой. Правители использовали его максимально эффективно для нанесения как материального, так и морального ущерба племени. К этой работе, возможно, целенаправленно привлекались агенты из числа таджиков, в частности лица, пострадавшие в прошлом от рук дуррани. Такое положение дел продолжилось и во время первой англо-афганской войны. Приход к власти Шаха Шуджы, вопреки ожиданиям племени, не внес положительных изменений в этот вопрос, так как сбором налоговых платежей по-прежнему продолжали заниматься лица, нанятые баракзаями²⁹.

Не менее простой ситуация была в налогообложении системы водопользования. С оросительных систем налог взимался исходя из количества потребляемой воды для полива определенного участка земли, вида и размеров самих водных источников. Орошение посредством искусственных водных сооружений, построенных на основе р. Андаргаба, облагалось в соответствии с расходом воды, достаточного для разового полива одного кульба участка земли в неделю. К кярежному орошению данный вид не применялся, поскольку там внимание было обращено на размеры водного источника, из-за чего ставка налога по населенным пунктам варьировалась. Одни деревни, имевшие меньшие по размерам кярезы, платили 50 рупий в год, а другие – в два раза больше. Лишенные источников воды земледельцы получали к ним доступ по высокой цене. Так, владельцы кярезов, снабжавшие водой чужие поля, претендовали на половину полученного урожая³⁰. При таких условиях водопользования ожидаемые доходы издольщиков сводились к минимуму.

Возвращаясь к вопросу нововведений, отметим, что появление некоторых новых налогов было продиктовано обстоятельствами и происходило по мере изменения вида хозяйственной деятельности. В тех землях Кандагара, где Ахмад-шах устанавливал налог по ставке 4 рупий на *танап* (площадь в 60 ярдов), произошел пере-

ход с зерноводства и выращивания кормовых культур на садоводство и огородничество. Одновременно с переориентацией земледельцев на другие, с более высокой прибыльностью, производства власти изменили систему обложения и вместо существовавшего *танап* ввели *ангури*³¹. Последний отличался тем, что взимался по дифференцированным ставкам в зависимости от сортов фруктовых деревьев или видов выращивавшейся культуры. Впоследствии фруктовые сады платили по ставке 10 шиллингов, огороды – 12 шиллингов 6 пенсов за танап. Землевладельцы могли сдавать свой участок в аренду издольщику на конкретных условиях, зависевших от степени участия арендатора в производственном процессе. Если собственник сдавал землю с обеспечением семян и волов для обработки, то забирал 4/5 урожая, а 1/5 часть оставлял издольщику, но когда последний получал только землю, ему причитались 3/5 урожая³².

Налог на садоводство и огородничество в других местах отличался как по названию, так и по ставкам. В Джелалабаде практиковался *джариби*, ставки которого различались в зависимости от вида культуры. Само название говорит о том, что в отличие от Кандагара здесь в качестве единицы измерения площади, подлежавшей обложению, выступал джариб. Относительно высокой была ставка на сахарный тростник, составлявшая 10 рупий с площади в один джариб, следом за ней на табак – 7 рупий соответственно.

Ставки джариби в Джелалабаде

Вид культуры	Рупий
Сахарный тростник	10
Дыня	3
Табак	7
Огурцы	3
Хна	4
Арбуз	3
Шпинат	3
Морковь	3
Репка	3
Салат	3

Источник: MacGregor C. M. Central Asia... P. 409.

Социально-экономические последствия налоговой политики баракзаев в итоге стали крайне негативными, ибо являлись причиной не только сокращения объемов сельскохозяйственного производства, но и численности населения. Материальное давление на жителей не ограничилось официальными налогами и вымогательством со стороны налоговых агентов, других представителей власти. Произвол в больших масштабах, в частности в отношении земледельцев, допускался и со стороны служащих армии. Войска не всегда своевременно и в полном объеме получали причитавшееся жалование, что вынудило их постоянно находиться в поисках источников возмещения своих затрат. Грабеж населения солдатами и офицерами, о чем было известно и правителям, стал обычным делом и затрагивал не только материальные ресурсы, но и лишал крестьян будущего урожая зерновых, так как в некоторых случаях посевы в середине сезона уходили на корм скота войск.

Не только в Кандагаре с его непрерывными реформами, но и там, где особые изменения в налоговой сфере не происходили, экономическая ситуация осталась схожей. Налоговая политика выступала основным фактором спада производства аграрного сектора. В Джелалабаде 2/3 возделываемых земель не обрабатывались по той причине, что земледельцы из-за предельно завышенной налоговой нагрузки перестали заниматься убыточным производством. Часть населения в поисках работы мигрировала в другие места, в большей части – в Туркестан, Иран, Синд и прочие запредельные регионы³³. В конечном итоге это привело к сокращению налоговых поступлений, однако власти стремились сохранять доходы на прежних уровнях за счет оставшейся части населения. В результате по мере миграции жителей размер суммы на каждое оставшееся хозяйство увеличился. И в этом случае власти Кандагара не стали искать иные пути решения вопроса сокращения численности налогоплательщиков, а в целях пересечения бегства прибегли к наведению страха с применением крайне суровых мер наказания. В случаях демонстрации хозяйством неспособности внесения налоговых сумм затраты возмещались за счет продажи в рабство его членов. Итогом всего этого к 40-м годам стало бегство более 100 тыс. человек из числа жителей Кандагара в другие регионы Афганистана или соседние страны³⁴.

Нововведения в налоговой сфере в более узких масштабах имели место в большинстве территорий, входящих в состав нынешнего Афганистана. В Герате, куда после распада власти переселились Шах Махмуд и Камран, экономическая политика сводилась к поддержанию доходов казны на определенном уровне, а кризисные ситуации, приводящие к снижению доходов населения и спаду экономики, не принимались в расчет. Камраном был установлен номинальный размер ежегодного необходимого дохода в 20288 гератских туманов, но в реальности за счет дополнительных поборов и взыскания сумма могла увеличиваться в два раза. При сокращении объемов налоговых платежей власти, как и в Кандагаре, занимались их компенсацией самыми разными методами, начиная с введения дополнительных поборов, штрафов и заканчивая вымогательствами, которые затрагивали все слои населения, но особо их последствия ощущали на себе представители сферы торговли. Более наглядно ситуацию отражают примеры практических способов взыскания крупных штрафных сумм с богатых купцов. В случаях отсутствия иных причин искусственно создавались ситуации, при которых предъявлялись обвинения, в частности за «аморальное поведение», что вынуждало «обвиненного» внести положенную сумму для своего освобождения из-под стражи. Также заключенных размещали в изоляторе, расположенном на городском базаре, и предоставляли им возможность обращаться за помощью к прохожим для своего освобождения, что тоже часто срабатывало и т. д.³⁵

После первой англо-афганской войны население Герата платило ежегодный налог с домашнего скота на равных для всех условиях. На верблюда и кобылу ставка составляла 16 *джиндеков* (5 шиллингов и 4 пенса) с поголовья, коровы – 3,5 *джиндека* (1 шиллинг), мелкий рогатый скот – 20 аббаси (2 пенса). Налогом этим облагалась только воспроизводящая часть поголовья, а при продаже на рынке без различия выплачивалась 1/10 часть от стоимости. В Кандагаре налог на домашний скот уплачивался только с овец по 6 пенсов с поголовья; налог *мейдани* (налог с продажи скота) взимался со всех животных по ставке 5%. В Кандагаре и Герате налоги взимались натурой только с возделывавшихся земель в размере сопоставимого с объемом посеянных семян, а также 8 *джиндеков* деньгами (2 шиллинга и 8 пенсов) с каждых 10 баттеманов³⁶ (1 гератский баттеман равен 7 фунтам) зерна.

Схожие с военными походами афганских шахов процессы происходили в северных регионах, но в местных, гораздо ограниченных масштабах. Налоги и ставки для населения в пределах владений правителя Кундуза Мурад-бега были сравнительно невысокими, однако им часто практиковались грабежи и набеги на соседние области, принудительное переселение жителей для пополнения рядов налогоплательщиков (заселения нездоровых районов г. Кундуза и свободных земель). Иными словами, правители этих областей в походах ограничивались пределами региона, а примитивная властная структура не требовала больших материальных затрат. Следовательно, для удовлетворения потребностей было достаточно средств, поступавших от немногочисленных официальных налогов и грабежей.

Мурад-бег пользовался такой же отрицательной репутацией, что и баракзайские правители, но, тем не менее, им принимались меры по стимулированию расширения сельскохозяйственного производства, что было связано с заселением нездоровых районов Кундуза, куда добровольно никто не желал переселяться. В этих районах действовала более приемлемая налоговая система, отличавшаяся прежде всего ставками. Для сравнения отметим, что в узбекских владениях, в частности Балхе, по сведениям Эльфинстона, с населения взимался только *ушр*³⁷, однако не следует исключать, что неофициальные поборы, вымогательства, единовременные сборы имели место по разным причинам. В. Муркрофт приводит данные о размере налога на мелкий рогатый скот, который кажется крайне заниженным. По полученным им сведениям, только с района Талукана правитель Кундуза ежегодно получал 35 тыс. голов овец по ставке 1%³⁸, что вызывает сомнение. Хотя сам автор констатирует чрезмерное количество общего поголовья скота, но судя по соотношениям (1%), только в Талукане насчитывалось 3,5 млн голов овец. По данным Лорда, относящимся ко второй половине 30-х гг., владельцы мелкого рогатого скота вносили 1/50 поголовья, что более близко к реальным ставкам³⁹.

Мурад-бег обладал всей полнотой власти над завоеванными территориями, единолично предоставил право получения разрешения на обработку земли. При наличии больших площадей, пригодных к обработке, ощущалась нехватка человеческих ресурсов, и для стимулирования земледелия каждому желавшему поселенцу

оказывалась поддержка. Земледельцы ежегодно платили в виде налогов от 1/10 до 1/8 части полученного урожая. Налоги с сельского хозяйства собирались исключительно в натуральной форме⁴⁰.

В пределах Кабула внимание Дост Мухаммада было главным образом обращено в торговле, тарифам и пошлинам, а в области земледелия он в целом придерживался существовавших видов налогов и ставок. Его старания расширить границы собственной налоговой юрисдикции за счет возвращения в орбиту влияния богатых районов Пешавара не увенчались успехом. Будучи эмиром Кабула, границы которого на западе ограничились Майданом, на юге – провинцией Газни, на востоке – Джелалабадом и на севере – подножий Гиндукуша, Дост Мухаммад облагал налогами и население соседних районов, в частности пуштунских племен *джаджи* и *тури* Куррама и Хоста, *сулейман-хелей* Зурмата. Доходы его владений, включая поступления с Газни, Лагмана и других областей, оценивались в 14 лакхов рупий⁴¹.

Налоговая политика и методы сбора платежей в Кабуле особо не отличались. Вводя изменения в систему сбора земельных налогов, Дост Мухаммад забирал 1/3 часть продукции всех обрабатываемых земель, однако на практике при необходимости мог потребовать дополнительные взносы. В источниках встречаются разные данные по поводу налоговых ставок. По одним сведениям, с каждого поголовья овец он взимал по 1 пенсу, и в то же время одно поголовье из каждых сорока было собственностью эмира⁴². По данным другого источника, ставка на мелкий рогатый скот для всех жителей составила 2%, земледельческой продукции – 4%. То есть, налоговая политика в отношении этносов, в первую очередь таджиков Кабула, в отличие от Кандагара, при Дост Мухаммаде была более справедливой, но такая ситуация сохранялась до первой англо-афганской войны и позже изменилась с вовлечением в политику и назначением на руководящие позиции регионов и областей сыновей эмира после его возвращения из Индии⁴³.

Оккупация англичанами Кандагара и возвращение в страну Шаха Шуджы принесли определенные надежды прежде всего представителям дуррани, надеявшимся на реставрацию своего статуса и положения. За время отсутствия шаха как в Афганистане, так и вокруг него произошли заметные изменения и было сложно принимать какие-

либо резкие кардинальные решения. Шах понимал безнадежность полного возвращения прежних льгот и положения, которые могли обернуться казней потерей части поступлений, и ввиду этого предпринятые им меры носили декоративный характер. Некоторым ханам племени вернули конфискованные прежними правителями земли, восстановили титул, однако установленные размеры налогов не претерпели существенных изменений. Были отменены некоторые виды ставок, такие как *садир*, *мохассели*, но система методов сбора налогов осталась неизменной, что, по сути, являлось самой главной нерешенной для дуррани проблемой. Новыми властями привлекались в качестве сборщиков назначенные на эту работу братьями-баракзаями люди⁴⁴. Кроме того, воинская повинность взамен налоговых льгот, на что рассчитывали племена, не была восстановлена в прежних формах, и с дуррани в новых условиях требовалось предоставление только одного служащего с каждого кульба. Изначально вынашивались планы создания отряда из лояльных и готовых платить налоги дуррани, но возникла сложность, связанная не с несогласием несения службы за пределами Кандагара, а с выражением неготовности в случае надобности воевать против представителей своего племени⁴⁵.

Новые политические условия отличались еще тем, что стали проблемными для населения тех перечисленных выше районов, которые ранее не платили или частично вносили налоги в казну баракзайских братьев. Пример тому – Заминдавар, имевший для Кандагара важное экономическое значение. Этот район был способен внести свыше 55 тыс. кандагарских рупий, 709 харваров зерна, а также предоставлять 300 коней. Здесь в плане методов сбора налогов с населения важных изменений не наблюдалось, поскольку добровольно никто не согласился на их уплату, и проблема осталась такой же актуальной, что и при прежней власти, но с той разницей, что в новых условиях центральная власть отправляла распоряжения из Кабула, а реформы ввелись и контролировались стоявшими за ней англичанами. Кабул имел больше ресурсов для подавления мятежей, наказания уклонистов, но это никак не останавливало недовольных представителей племен региона. Власти командировали военизированные экспедиции в отдаленные места, где до сбора урожая все их расходы покрывались за счет жителей, что способствовало сокращению численности населения этих районов⁴⁶.

Восстания против налоговой политики шаха, направленной на повышение ставок и введения новых налогов, начались в Джелалабаде, Кабуле, Кухистане и других областях. Местами обстановку еще больше спровоцировала отправленная для подавления восстаний милиция, иногда в сопровождении английских военных. В Джелалабаде отряды, например, приступили к уничтожению посевов жителей, что имело экономические последствия, так как такие действия происходили в условиях многократного роста цен в стране на продовольственную продукцию. Это сказывалось и на положении оккупационных войск, поскольку расположенный поблизости лагерь британских военных закупал продукты у местного населения⁴⁷. Мятежи зачастую поднимались под религиозными лозунгами, но сама религия выступала лишь инструментом со стороны местной знати для достижения поставленных целей, а именно оказания давления на власти для получения налоговых привилегий.

Ситуация при Шах Шудже отличалась тем, что, во-первых, авторами реформаторских идей зачастую выступали не очень хорошо знакомые с реалиями афганского общества англичане, во-вторых, для сбора налогов при необходимости кроме собственных солдат шах привлекал и иностранных военных, порою, разумеется, для демонстрации сил. Эти реформы происходили на фоне падения курса кабульского рупия, многократного роста цен на зерновые. Возникший экономический кризис, спровоцированный наплывом большого объема наличных денег на небольшой рынок Кабула, нарушением баланса рынка наемного труда, создал цепную реакцию, охватывавшую все сферы хозяйственной жизни. В одних случаях протестами и восстаниями население требовало снижения ставок, в других – полностью отказывалось от своих обязательств и не всегда властям удавалось путем переговоров решить возникшие трудности.

В англоязычных источниках провал экономической политики и последовавшие за ней последствия возлагаются на шахского министра Муллы Шукура, которого считали подстрекателем и антибританским пропагандистом, выступавшим против почти всех предложенных английскими советниками планов. Введенные изменения в налоговой сфере, связанные с именем министра, вызвали недовольство широких масс. В Кабуле также вместо выплаты жалования солдатам разрешалось жить в округах за счет населения, что крайне

негативно воспринималось ими. Население равнин, не справившееся с тяжкими налогами нового правительства, начало уходить в отдаленные горные районы. Англичане в связи с такими действиями заключили, что министр преднамеренно проводил курс политики дискредитации правительства шаха и англичан в глазах афганского народа⁴⁸. Главной проблемой, однако, как и раньше, в большинстве случаев выступал процесс сбора налогов с населения, а не сама налоговая политика. Вне зависимости от степени справедливости налоговой системы решающее значение для налогоплательщиков имели механизмы ее работы.

За годы нахождения англичан в Кабуле правительство Шаха Шуджы было занято только решением вопросов центральной части страны, за исключением Кандагара и некоторых других районов, находившихся на пути англичан из Индии в афганскую столицу. Многие области и районы взяли курс к постепенной автономии и полунезависимому образу жизни. Местные правители, как и население, в итоге привыкшие к новым условиям, после возвращения Дост Мухаммада продолжали придерживаться независимой налоговой политики, ограничивались небольшими подношениями и не желали вернуться к имевшимся до войны положениям. Попытки центральной власти вернуть налоговую систему в прежнее русло встречались с сопротивлением ханов и миров, на сторону которых встал и народ, больше всех заинтересованный в этом, ибо ныне платил только небольшие натуральные налоги. Но такая обстановка продолжалась недолго, так как эмиру удалось вернуть территории под собственный контроль и жестко пресекать всякие попытки отказа платить по налогам⁴⁹.

Подводя итоги изложенного, отметим, что постепенное сокращение доходов от индийских областей выступало одним из главных факторов реформирования афганскими правителями налоговой политики, что в целом привело к усилению материального давления не только на пуштунские племена, но и другие народы. На долю племени дуррани пришелся непосредственный удар по той причине, что они контролировали основную часть внутренних источников налоговых поступлений. Став правителем Герата, Камран не реформировал налоговую систему подконтрольной территории, а лишь ужесточил методы сбора, что еще раз косвенно доказывает, что в Кандагаре его действия были в первую очередь направлены против эко-

номических интересов дуррани. В целом переход отношений между властью и дуррани на новый уровень происходил в рамках общих, начавшихся на более низком, внутриплеменном, уровне процессов. При переходе от кочевого и полукочевого скотоводства к оседлости и занятию земледелием изменился социальный статус ранее бедных, но свободных членов племени. Эти отношения, получая все большее развитие, постепенно поднялись до уровня, где в итоге с помощью налогового инструмента затрагивались материальные интересы тех, кто эксплуатировал находившихся ниже более бедных соплеменников. Иными словами, власть с помощью налоговой политики начала давить на крупных земледельцев с целью перераспределения доходов. Действовавшая налоговая политика служила своего рода тормозом на пути к расширению масштабов экономики, поскольку по мере роста объемов производства сельскохозяйственной продукции налоговые ставки увеличивались, что снижало стимул и интерес земледельцев к материальному развитию. Невзирая на реформы и усилия властей максимизировать налоговые поступления, население все еще условно делилось на три категории. К первой относились те, кто пользовались налоговыми льготами, ко второй – племена, не подчинявшиеся или частично выполнявшие свои обязательства, к третьей – часть населения, носившая на себе основную ношу. В период после первой англо-афганской войны по мере распространения власти Кабула в северном направлении политика дискриминации в отношении непустунского населения еще больше усилилась, а пуштуны хотя и платили налоги, но в отличие от первых не попали под сильный прессинг налогового аппарата.

¹ Mir Ghulam Muhammad Ghubar. Afghanistan dar masir-e tarikh, Kabul 1368 (Мир Гулам Мухаммад Губар. Афганистан на пути истории. Кабул 1368 (1989). (میر غلام محمد غبار. افغانستان در مسیر تاریخ. کابل ۱۳۶۸. س. ۵۳۸)

² Ганковский Ю.В. Империя Дуррани: очерки административной и военной системы. М., 1958. С. 108–114.

³ Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790-х годах. – Чтения в Имп. Обществе истории и древностей Российских. 1861. Кн. 1. С. 11.

⁴ Ганковский Ю.В. Указ. Соч. С. 97; История Афганистана с древнейших времён до наших дней. М., 1982. С. 132.

⁵ MacGregor C.M. Central Asia Part 2-a contribution towards the better knowledge of topography ethnology resources and History of Afghanistan. Calcutta, 1871. P. 408–409.

- ⁶ Ibid. P. 409.
- ⁷ Рейснер И.М. Развитие феодализма и образования государства у афганцев. М., 1954. С. 348.
- ⁸ Elphinstone M. An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India. Vol. II. L., 1842. P. 157–158.
- ⁹ Ibid. P. 407–408.
- ¹⁰ Rawlinson H. Report on the Dooranee Tribes, 19th April 1841 // Central Asia, Part II. A Contribution towards the Better Knowledge of the Topography, Ethnology, Resources and History of Afghanistan / ed. by C.M. McGregor. Calcutta, 1871. P. 829.
- ¹¹ Ганковский Ю.В. Указ. соч. С. 97.
- ¹² Elphinstone M Op. cit. P. 258–259.
- ¹³ Tate G.P. The Kingdom of Afghanistan: A Historical Sketch. Times of India. L., 1911. P. 63.
- ¹⁴ Rawlinson H. Op. cit. P. 833–834.
- ¹⁵ Lal M. Life of the Amir Dost Mohammed Khan of Kabul: With His Political Proceedings Towards the English, Russian, and Persian Governments, Including the Victory and Disasters of the British Army in Afghanistan. Vol. I. L., Longman, Brown, Green, and Longmans, 1846. P. 96–99.
- ¹⁶ Leech L.R. Notice on the Affairs of Candahar in 1838 with a Sketch of the Preceding Dooranee History // № X. Reports and Papers, Political, Geographical, & Commercial Submitted to Government by Alexander Burnes, Lieutenant Leech, Doctor Lord, and Lieutenant Wood, Employed On Missions in the Years 1835-36-37 in Scinde, Affghanistan, and Adjacent Countries. Calcutta, G.H., Huttman, Bengal Military orphan press, 1839. P. 51.
- ¹⁷ Tate G.P. Op. cit. P. 132; Masson, C. Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, The Panjab, and Kalat, during a Residence in those Countries. L., [6. г.]. Vol. I. P. 254–255.
- ¹⁸ Rawlinson H. Op. cit. P. 827; 835.
- ¹⁹ Elphinstone M. Op. cit. P. 267; Ганковский Ю.М. Указ. соч. С. 127–129; Rawlinson H. Op. cit. P. 835.
- ²⁰ Rawlinson H. Op. cit. P. 838.
- ²¹ Ibid. P. 827; 835–836.
- ²² Ibid. P. 836.
- ²³ Leech L.R. Op. cit. P. 59–60.
- ²⁴ Rawlinson H. Op. cit. P. 836–837.
- ²⁵ Conolly A. Journey to the north of India: overland from England, through Russia, Persia, and Affghaunistaun. London: R. Bentley, 1834. Vol. II. P.106.
- ²⁶ Yapp M.E. Disturbances in Western Afghanistan, 1839-41 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 26, № 2 (1963). P. 298.
- ²⁷ Rawlinson H. Op. cit. P. 838–839.
- ²⁸ Lal M. Travels in the Panjab, Afghanistan, and Turkistan, to Balk, Bokhara, and Herat; and a Visit to Great Britain and Germany. L.: WM. H. Allen and Co., 1846. P. 315–316; Rawlinson H. Op. cit. P. 838.
- ²⁹ Yapp M.E. Disturbances in Western... P. 308.

- ³⁰ Lumsden H.B. The Mission to Kandahar: with Appendices. With Supplementary Report of the Expedition into Upper Meeránzye and Kourrum in 1856. Calcutta, 1860. P. 29.
- ³¹ Rawlinson H. Op. cit. P. 839.
- ³² Ferrier J.P. History of the Afghans. L., 1858. P. 323–324.
- ³³ MacGregor C.M. Op. cit. P. 410–411; Lumsden H.B. Op. cit. P. 30.
- ³⁴ Ferrier J.P. Op. cit. P. 325; MacGregor C.M. Op. cit. P. 64.
- ³⁵ Conolly A. Op. cit. 10–12.
- ³⁶ Ferrier J.P. Op. cit. P. 323–324.
- ³⁷ Elphinstone M. Op. cit. P. 188.
- ³⁸ Moorcroft W., Trebeck, G. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara, from 1819 to 1825. Vol. II. P. 483.
- ³⁹ Lord P.B. № XII. A Memoir on the Uzbek State of Kunduz and the power of its present ruler Mahomed Murad Beg // Reports and Papers, Political, Geographical, & Commercial Submitted to Government by Alexander Burnes, Lieutenant Leech, Doctor Lord, and Lieutenant Wood, Employed On Missions in the Years 1835-36-37 in Scinde, Affghanisthan, and Adjacent Countries. Calcutta, G.H., Huttman, Bengal Military orphan press, 1839. P. 111.
- ⁴⁰ Ibid. P. 111.
- ⁴¹ Masson C. Op. cit. P. 250–251.
- ⁴² Vigne G.T. A personal narrative of a visit to Ghuzni, Kabul, and Afghanistan, and of a residence at the court of Dost Mohamed, with notices of Runjit Sing, Khiva, and the Russian expedition. L., 1840. P. 376–377.
- ⁴³ Ferrier J.P. Op. cit. P. 324–325; MacGregor C.M. Op. cit. P. 64.
- ⁴⁴ Rawlinson H. Op. cit. P. 842–843.
- ⁴⁵ Yapp M. E. The Revolutions of 1841-2 in Afghanistan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 27, № 2 (1964). P. 375–377.
- ⁴⁶ Yapp M.E. Disturbances in Western. P. 299–308; Rawlinson H. Op. cit. P. 844.
- ⁴⁷ Yapp M. E. Disturbances in Eastern. P. 506–507.
- ⁴⁸ Нейманн К.Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах. М., 1848. С. 119–120; Nash, C.B. History of the war in Affghanistan, from its commencement to its close; including a general sketch of the policy, and the various circumstances which induced the British government to interfere in the affairs of Affghanistan. From the journal and letters of an officer high in rank, and who has served many years in the Indian army. Edited by Charles Nash, esq., with an introductory description of the country, and its political state previous to the war. L., 1843. P. 255–257; Forbes Archibald, The Afghan wars, 1839–42 and 1878–80. L., 1892. P. 54.
- ⁴⁹ Katib Fayz Muhammad. Siraj al-Tavarikh. Kabul, 1331. S. 200 (Катиб, Файз Мухаммад. Святильник историй. Кабул, 1331 (1915).
(کاتب، فیض محمد. کابل ۱۳۳۱. س. ۲۰۰. سراج التواریخ.)

Иран и Первая мировая война

Резюме. В статье рассматриваются политические, экономические и геополитические причины вовлечения Ирана в Первую мировую войну, несмотря на формально провозглашенный им нейтралитет в ней. При этом делается вывод о том, что главенствующим мотивом являлись не столько экономические факторы, сколько его роль в качестве стратегического пути к Индии и российской Средней Азии. Автор приходит к заключению о том, что шанс остаться действительно нейтральным государством имелся лишь до момента вступления в войну Османской империи. О фактическом нейтралитете оснований говорить не было не только из-за действий воевавших держав, превративших территорию Ирана в арену вооруженных столкновений, но и по причине развернувшейся по всей стране национально-освободительной борьбы против колониального гнета Англии и царской России. В нее были вовлечены самые различные социально-политические группы, включая представителей высшей политической элиты. Эта борьба активно поддерживалась Германией и Османской империей, стремившихся потеснить позиции стран Антанты в Иране. Автором приводятся документально подтвержденные факты о том, что даже молодой иранский монарх тяготел к державам Тройственного союза и имел с ними тайные договоренности. Также впервые в отечественной литературе рассматривается проблема голода в Иране 1917–1919 гг.

Ключевые слова: Иран, Первая мировая война, Ахмед-шах, голод в Иране

Summary. The article examines the political, economic and geopolitical reasons for Iran's involvement in the World War I, despite its formally proclaimed neutrality in it. At the same time, it is concluded that the dominant motive was not so much economic factors as its role as a strategic path to India and Russian Central Asia. The author comes to the conclusion that there was a chance to remain a truly neutral state only until the Ottoman Empire entered the war. There was no reason to talk about the actual neutrality of the country, not only because of the actions of the warring powers that turned its territory into an arena of military operations, but also because of the national liberation struggle unfolding throughout the country against the colonial oppression of England and tsarist Russia. It involved a wide variety of socio-political groups, including representatives of the highest political elite. This struggle was actively supported by Germany and the Ottoman Empire, which sought to squeeze the positions of the Entente countries in Iran. The author cites documented facts that

Арабаджян Завен Артемович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН: ORCID: 0000-0002-5743-2002.

even the young Iranian monarch gravitated towards the powers of the Triple Alliance and had secret agreements with them. Also, for the first time in domestic literature, the problem of hunger in Iran in 1917–1919 is considered.

Key words: Iran, World War I, Ahmed Shah, famine in Iran

Истоки борьбы за Иран

Хорошо известно, что во время Первой мировой войны иранское правительство неоднократно объявляло о нейтралитете в ней. Также общим местом стало и то, что обе воюющие группировки не посчитались с этим и превратили территорию Ирана в арену военных действий. Несмотря на устоявшиеся постулаты, данный вопрос нуждается в тщательном рассмотрении и уточнении ряда принципиально важных моментов. Прежде всего необходимо пояснить, почему между империалистическими группировками разгорелась такая острая борьба за доминирование в этой стране. Неужели она была столь важна как объект колониальной эксплуатации: рынок сбыта и источник сырья?

В конце XIX – начале XX в. Иран привлекал к себе пристальное внимание европейских стран. Наиболее острая борьба шла между Великобританией и Россией, поскольку Франция после поражения Наполеона Бонапарта выпала из нее и в значительной степени двигалась в фарватере британской политики. Однако после объединения германских государств и появления Германской империи в борьбу за Иран включились и немцы.

Но что было основной причиной этого внимания? Едва ли она коренилась в тех экономических возможностях, которые давала торговля с Ираном и эксплуатация его природных богатств. Накануне Первой мировой войны иранский импорт составлял 60 млн туманов, что по курсу того времени было эквивалентно примерно 110 млн руб., т. е. сумме весьма скромной для основных европейских держав. Из-за неразвитости транспортной системы и природные ресурсы также не представляли большого интереса. Нефтяные богатства страны в экономически привлекательных масштабах были обнаружены только в 1908 г. Тем не менее с начала XIX в. такие страны, как Великобритания, Россия и Франция, стремились закрепиться в Иране и вели друг с другом ожесточенную борьбу за влияние на него.

Очевидно, что интерес к этой стране в первую очередь основывался на ее стратегическом положении, на том, что именно Иран воспринимался европейскими геополитиками и буржуазией как ключ к Азии. Не случайно англичане, к концу XVIII в. уже почти полностью колонизировавшие Индию, считавшуюся «бриллиантом в короне» британской колониальной империи, прилагали максимальные усилия и шли на все, чтобы обезопасить свои владения, создавая буферные структуры вокруг нее. Именно это привело к их движению на север, в Афганистан, вылившемуся в целый ряд войн, в каждой из которых они лишь с большой натяжкой могли считать себя победителями. Это же побудило их начать свое проникновение сначала в Белуджистан, а потом и в Иран. Афганистан должен был стать барьером на пути к Индии с севера, а Иран – с запада. Расчет их был верным, ведь и Наполеона интересовал Иран не как торгово-экономический партнер, но как наиболее удобный путь для задуманного им похода на Индию, поддержанному в свое время российским императором Павлом I. Таким образом, столкновение великих держав в Иране являлось важной частью их борьбы за Восток, и особенно за Индию, легенды о несметных богатствах которой будоражили умы всех великих завоевателей, начиная с Александра Македонского. Однако примечательно, что и Александр, и победитель Делийского Султаната Тамерлан и даже Надир-шах Афшар по каким-то причинам избрали для своих походов именно северный маршрут через территорию нынешнего Афганистана.

Следует отметить, что борьба за Иран возникла еще в конце XVI в., когда Россия уже вела обширную торговлю с сефевидским Ираном, активно используя свою сеть водных путей по Волге, Шексне, Сухоне, Северной Двине и другим рекам. Этими транспортными возможностями заинтересовались иностранные купцы и агенты: англичане, немцы, голландцы, шведы и датчане. О том, насколько данный путь был дешев и привлекателен, можно судить по следующему. Перевозка одного тюка грузов из Гиляна до Ормуза – порта в Персидском заливе – стоила в пересчете на рубли начала XX в. 35–40 рублей золотом, в то время как морем до Астрахани – всего 15 рублей¹. Если бы у московских властей и купцов хватило стратегического мышления, то они могли бы создать транспортную систему весьма конкурентоспособную по сравнению с морским путем вокруг Африки. Однако

российские власти ограничились тем, что не пускали иностранцев к своим внутренним водам, а русские купцы старались максимально дорого продать товары персидским купцам в Астрахани и максимально дешево купить иранские и индийские товары, привезенные туда, прежде всего шелк, а потом как можно дороже продать шелк европейцам в Архангельске.

В последующие века, по мере продвижения границ России на юг и колонизации Британией Индии, опасения англичан за целостность Британской Индии увеличивались, и им уже казалось недостаточным создать буферные зоны в Афганистане и Белуджистане. Особенное беспокойство вызвал поход Мохаммед-шаха Каджара на Герат, предпринятый в 1837–1838 гг. Англичане считали, что шаха подбил на это предприятие российский посланник в Тегеране Симонович, и рассматривали эту экспедицию как подготовительное мероприятие к российскому завоеванию Индии. После этого ими было принято решение установить контроль над всем Ираном или, по крайней мере, над южной его частью, чтобы она стала буфером Белуджистана, т. е. буфером буфера. В те времена экономическое значение Ирана с учетом отсутствия удобных, дешевых и безопасных внутренних путей сообщения было мизерным, ни о какой иранской нефти не могло еще быть и речи. Борьба шла за господство над стратегически важным районом Азии.

Хотя к началу XX в. экономическое значение Ирана выросло, но, на наш взгляд, главным все-таки оставалось его место в геополитике. Именно это и стало причиной вовлечения Ирана, пусть даже неофициального, в Первую мировую войну. Англичанам нужно было защитить свои нефтяные промыслы и дороги, ведущие в Индию, России – Кавказ и Среднюю Азию, а Германии и Турции, взорвав ситуацию в Иране, – вызвать напряжение в Средней Азии и Афганистане и дестабилизировать своих противников, тем самым ослабив их действия на главном европейском театре войны.

Что предопределило втягивание Ирана в войну

Мог ли Иран оставаться действительно нейтральным в той войне? Мог, но лишь примерно до конца октября 1914 г., пока Османская империя не вступила в нее. Это понимали некоторые наиболее

прозорливые иранские политические деятели. Они очень боялись последствий для Ирана, которые вызовут вступление в войну Турции, в частности этого опасался только что сложивший полномочия регента Наср уль-Мольк. Этого политика, вероятно, вполне справедливо упрекают во многих недостатках, но в прозорливости ему отказать нельзя. Так, в начале августа 1914 г. в беседе с российским посланником он высказал опасения, что Германия будет пытаться втянуть в войну также и Турцию, а «в таком случае, военные действия могут коснуться и иранской территории»².

Хотя первоначально Турция объявила о своем нейтралитете и не вступила в войну, но основная угроза для Ирана исходила именно от того, как поведет себя его западная соседка. С началом войны в Тегеране сразу же стала распространяться информация о положении на фронтах, исходившая из германского и турецкого посольств, которая представляла события в невыгодном для держав Антанты свете. Кроме того, сотрудники турецкого посольства начали пропагандировать панисламистские идеи, представляя свою страну в качестве защитника ислама.

В связи с вопросом о пропагандистских усилиях турок и немцев в Иране иранский автор Зияуддин Альмоути отмечает, что они: «старались использовать верования жителей Ирана для панисламистской пропаганды и заявляли, что якобы все немцы во главе с Вильгельмом II обратились в ислам, а германского кайзера называли Хаджи Вильгельм»³.

Агитационные заявления турецкого посла порою выглядели весьма экстравагантно. Однажды он заявил, что император Вильгельм вообще-то и не немец, а правоверный мусульманин из Кермана. Он скрывает свои корни и веру только из политических соображений. Несомненно, привязка Вильгельма к конкретному городу проводилась из-за созвучности слов Керман и Германия⁴. 27 и 28 ноября 1914 г. в Иране были траурные дни поминаения имама Хусейна – Тасуа и Ашура. В одной из мечетей проповедник с минбара открыто произносил речи в пользу Турции и завершил ее молением за победу турецкого оружия. Германский же поверенный в делах на одном из религиозных собраний буквально в слезах рассказывал собравшимся о мучениях шиитских имамов, чем вызвал умиление присутствующих и растрогал их до крайности.

Как война объединила самые противоположные политические силы

Другим важным моментом, который позволяет выявить определенные закономерности исторического процесса в Иране в годы Первой мировой войны, является взаимосвязь между деятельностью немецкой и турецкой агентуры и пропагандистов и попытками освобождения страны из-под колониальной зависимости от Великобритании и России. Иранские деятели разной ориентации – демократы, умеренные и вплоть до крупных феодалов и самого Ахмед-шаха – стремились использовать имевшиеся между империалистическими державами противоречия для продвижения к реальной политической независимости своей страны и в связи с этим охотно шли на широкое взаимодействие с Германией и Турцией. Последние достаточно щедро финансировали и вооружали все антианглийские и антирусские силы. Деятельность русских и английских дипломатов и вооруженных сил была одновременно направлена и против германо-турецкой агентуры, и против попыток национально-освободительного движения верхов и низов иранского общества.

О том, насколько верхи иранского общества тяготели к Центральным державам, говорит и то, что Ахмед-шах даже заключил некое тайное соглашение о взаимодействии с Германией и Турцией. Когда в конце 1915 г. германо-турецкие силы, отряды поддерживавших их моджахедов и регулярных частей иранской жандармерии, были разгромлены казаками экспедиционного корпуса генерала Баратова, у Ахмед-шаха родилась идея отречься от престола в пользу своего отца Мохаммеда Али-шаха, свергнутого в 1909 г. Последний после неудачной попытки реставрации в 1911 г. проживал в Одессе. Шах объяснял свое желание тем, что не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы царствовать. Данное известие принес российскому посланнику 12 декабря 1915 г. принц Камран Мирза – дед шаха по материнской линии. Он высказал мнение, согласно которому «безысходное положение шаха объясняется тайными обязательствами, принятыми им на себя ранее по отношению к Германии и особенно к Турции и стремлением его ныне идти с нами (Россией. – З.А.). Камран Мирза уверял, что некоторые из министров участвуют в тайных планах шаха»⁵.

На следующий день в ходе повторной встречи с посланником Камран Мирза сообщил, что шах настаивает на своем решении, даже если оно не будет поддержано Россией. Ахмед-шах считал, что Мохаммед Али-шах должен приехать тайно в Казвин, где произойдет встреча отца и сына. Посланник Н.С. Эттер советовал обсудить это с кем-нибудь из влиятельных иранских политиков, благожелательно настроенных к Мохаммед Али-шаху, например с Сепакдаром. Камран Мирза высказал опасение «не является ли все это злым умыслом демократов, рассчитывающих, что возвращение бывшего шаха вызовет всеобщее возмущение»⁶. Далее посланник докладывал в Петроград: «Камран Мирза сильно встревожен и думает, что Мохаммед Али-шах мог бы вступить в Тегеран не иначе, как с достаточно сильным отрядом русских войск. Он говорил, что молодой шах до крайности удручен, что он утратил доверие к самому себе и всякую энергию. На вопросы Камран Мирзы он категорически опровергал подозрения о существовании каких-либо обязательств по отношению к Турции и Германии»⁷.

Имевшаяся связь между деятельностью немецко-турецкой агентуры и иранским национально-освободительным движением ставила в сложное положение советских историков, у которых возникали идеологические и методологические сложности при оценке данного периода. С одной стороны, давалась подспудно положительная оценка пресечению активности Центральных держав в Иране, а с другой – негативная – подавлению движения иранского народа в сторону независимости. Так, оценивая результаты деятельности русского экспедиционного корпуса в декабре 1915 г., в одном из учебников по истории Ирана отмечалось: «В итоге так называемого “Тегеранского похода” оказалась парализованной деятельность немецко-турецкой агентуры. Был нанесен серьезный удар ожившему национально-освободительному движению.

Кумский “Комитет национальной обороны”, руководители других комитетов и часть сформированных ими отрядов вынуждены были спешно отступать из Кума через Кашан в Исфаган, а затем в Керманшах»⁸.

Следует отметить, что узость идеологических рамок, в которых работали отечественные историки, иногда не позволяла им посмотреть на процессы более широко и увидеть некоторые взаимосвя-

вязи, как в настоящем случае между германо-турецкой активностью в Иране и ростом национально-освободительного движения. Такой подход был характерен не только для оценки иранских событий, но и определенных явлений отечественной истории⁹.

То, что иранское общество в годы Первой мировой войны было настроено резко против Великобритании и Российской империи из-за колониального угнетения с их стороны, также характерно для схожих ситуаций в мировой истории. Так, в годы Первой мировой войны настроения племен и элит Афганистана были откровенно антианглийскими, и только благодаря усилиям эмира Хабибуллы удалось удержать страну от вступления в войну. Во время Второй мировой войны настроения подавляющего большинства населения Британской Индии были антианглийскими и прогерманскими. Похожими были и настроения в Ирландии, которая объявила нейтралитет в войне, но по отношению к Германии это был дружественный нейтралитет. Такая позиция Ирландии объяснялось тем, что только в конце 20-х годов XX в. она обрела политическую независимость от Англии, господство которой, отмеченное многочисленными жестокостями и геноцидом, длилось несколько сот лет.

Активная консолидированная позиция иранского общества в отношении колониального господства Великобритании и России, готовность представителей различных классов и социальных групп с оружием в руках выступить против этих держав явились серьезными признаками того, что управлять по-старому в Иране после окончания войны эти страны уже долго не смогут. Это стали понимать и представители российской миссии в Тегеране еще даже до Февральской революции. Среди уступок, на которые они были готовы пойти, рассматривалась возможность отмены системы покровительств, пересмотр таможенных тарифов и некоторых положений Туркманчайского трактата. На еще большие послабления по второстепенным вопросам считали возможным пойти российские дипломаты после падения самодержавия. Однако в главном, в частности по вопросам о концессиях и соглашении с Англией о разделе Ирана на сферы влияния, позиция российской стороны оставалась незыблемой.

Февральская революция оказала существенное революционизирующее влияние на общественное сознание иранцев, отношение которых к двум колониальным державам начало меняться: симпатии

к России росли, а Англия стала восприниматься как главный виновник иранских бедствий. Примечательно, что чем хуже становилась ситуация в России (между февралем и октябрём 1917 г.), тем больше надежд возлагалось в Иране на освобождение от неравноправных отношений с нею. При этом политические деятели, отвечавшие за положение в стране, оказывались в сложной ситуации. С одной стороны, они видели, что в отличие от России Англия не собирается менять *status quo*, и это вызывало их неприязнь к ней, но с другой – без постоянных английских финансовых вливаний правительство не могло обеспечить даже самые минимальные потребности государства.

Неприязнь к англичанам усилилась еще более после победы Октябрьской революции, отказа советского руководства от всех неравноправных договоров с Ираном, концессий и вывода российских войск с его территории. Эта линия резко контрастировала с британской политикой, которая поставила своей целью установить свое единовластное господство в этой стране, в том числе и через полную ее оккупацию английскими войсками, которые занимали все районы, оставляемые русской армией.

Вот как много лет спустя описывал сложившуюся ситуацию британский дипломат К. Скрин, с 1916 по 1919 г. служивший британским вице-консулом в Кашане: «Зима 1918–1919 гг. показала, что в Персии престиж и сила Британии находились в своем зените, чего не было ни до, ни после этого. Германия и Турция исчезли со сцены. Франция и Соединенные Штаты были представлены только своими дипломатическими миссиями. Большевицкая Россия была неизвестной, но пока не слишком серьезной величиной. Залив (Персидский залив. – З.А.) был британским озером, Южно-Персидские стрелки подготавливались, расширялись и руководились британцами, удерживавшими Южные провинции, Багдадское командование контролировало Центр и Запад (Ирана. – З.А.); Командор Норрис – Каспий. Миссия генерала Малисона и силы Восточно-Персидского Полевого Кордона растянуты в тонкой, но неразрывной линии юго-восточных нагорий Персидского Белуджистана на тысячу миль на север до Мерва в российской Центральной Азии. В столице правительство, которое с британской точки зрения полностью заслуживало доверия, удерживало хоть какую-то власть последнего представителя вырождавшейся династии Каджаров. Осталась одна Британия, казалось, что она госпожа положения»¹⁰.

Война и голод 1917–1919 гг.

В годы Первой мировой войны на Иран обрушилось и страшное бедствие: голод 1917–1919 гг. Конечно, проблема голода для страны была далеко не новой, но то, что случилось в указанный период, не имело precedентов в ее истории XIX–XX вв. Цены на хлеб выросли в 12–15 раз¹¹. Разумеется, первопричиной стала сильная засуха летом 1917 и 1918 гг., наложившаяся на пандемию «испанки», не обошедшей Иран. Голод имел и определенную классовую подоплеку, когда землевладельцы в несколько раз подняли цену на пшеницу и кукурузу, рассчитывая нажиться на несчастье. По свидетельствам современников, в Тегеране тела умерших от голода людей соседствовали с хлебными лавками, где лежал свежеспеченный хлеб¹². Но бедствие было чрезвычайно усилено действиями воюющих на территории Ирана сторон.

Прежде всего, это политика англичан по снабжению своей армии, находившейся в Иране. Речь идет именно об англичанах, поскольку после Октябрьской революции в конце 1917 г. уже начался вывод русского экспедиционного корпуса генерала Н.Н. Баратова из Ирана, а в марте 1918 г. эвакуация уже практически закончилась. Турецкие войска к концу 1917 г. были выбиты почти со всей иранской территории.

Несмотря на неурожай, англичане наращивали закупки иранской пшеницы на внутреннем рынке, чем способствовали ее нехватке для населения и росту цен на хлеб. Одним из мотивов этого было их нежелание привлекать свой флот к перевозкам зерна из Индии и других мест, поскольку транспортные суда были им нужны для обеспечения армии на Западном фронте, куда они доставляли грузы из Азии и США. В значительной степени этим хлебом обеспечивались английские войска не только в Иране, но и в Месопотамии, и на юге бывшей Российской империи после прихода англичан в Баку и Закаспийскую область.

Кроме того, в некоторых случаях они просто уничтожали продовольствие, как это было в сентябре 1918 г. в Мараге. Тогда в результате турецкого наступления город оказался на грани падения, и английское командование приказало уничтожить имевшееся на армейских складах продовольствие, поскольку не было возможности его вывезти¹³, хотя его можно было раздать голодавшему населению.

Подробно изучавший проблему голода иранский исследователь Мехди Гали Маджд, работающий в США, утверждает, что англичанами также был введен запрет на импорт в Иран зерна из Индии и Месопотамии, где в то время его было много, а также они препятствовали его завозу из США¹⁴.

Еще одной причиной того, что голод охватил всю страну и имел тяжелейшие последствия, явилось бессилие иранского правительства предпринять серьезные меры помощи населению. Единственное, что было сделано правительством – это запрет на экспорт зерна. Но эта мера не могла дать существенного эффекта, поскольку зерно скупалось англичанами в Иране и за его пределы через таможенные пункты не выходило, а в зоне военных действий в Месопотамии ни о каких таможенных пунктах речи быть не могло.

Финансовые же возможности иранского правительства в годы войны резко упали. Свою лепту в то, что голод принял огромные масштабы, внесло и присутствие русской армии в северо-западных районах Ирана, поскольку после Февральской революции ее централизованное снабжение начало стремительно ухудшаться, и войска вынуждены были прибегать к реквизициям. Число жертв этого бедствия, эпидемий «испанки» и других болезней в указанные годы можно оценить в 1–1,5 млн человек.

Заключение

После окончания войны англичане начали конвертировать свое фактическое военно-политическое господство в Иране в правовую плоскость. Серию недружественных актов и унижений от англичан претерпела и иранская делегация, прибывшая в Париж для участия в мирной конференции по итогам Первой мировой войны, которая даже не была допущена к ее работе. Это делалось с молчаливого одобрения премьер-министра Восуга од-Доуле, готовившегося к подписанию кабального англо-персидского соглашения, низводившего Иран до статуса английского протектората. То, как обращались с иранскими представителями, произвело впечатление даже на такого англофила, члена иранской делегации Зока уль-Мольк Форуги¹⁵.

Однако англичане стремились закрепить свой успех в Иране, достигнутый в ходе Первой мировой войны благодаря хаосу и Граж-

данской войне, имевшим место в России, и отказу Советской власти от всех привилегий и концессий в этой стране. Данная цель, как им казалось, была достигнута в августе 1919 г., когда правительство подписало желанное соглашение. При этом основные лоббисты сделки с иранской стороны премьер-министр Восуг од-Доуле, министр финансов Сарем од-Доуле и министр иностранных дел Носрет од-Доуле (принц Фируз) получили взятку в размере 130 тыс. фунтов. Подписание указанного документа вызвало бурную реакцию по всей стране – от Ахмед-шаха, так и не утвердившего сего позорного соглашения, и до последнего крестьянина. Эта борьба открывала новую страницу иранской истории. Несомненно, в широком историческом контексте подписание Англо-иранского соглашения 1919 г. являлось прямым следствием Первой мировой войны и вызванных ею геополитических изменений в Евразии.

¹ Бобынин Н.Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. Тифлис, 1923. С. 507.

² Архив внешней политики Российской империи (далее –АВПРИ). Ф. 144. Оп. 489. Ед. хр. 14. Ч. I. Л. 127 об.

³ Альмоути З. Фосули аз тарих. Мобарезате сийаси ва эджтемаи Иран. Тегеран, 1370. С. 77.

⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Ед. Хр. 14. Ч. I. Л. 202.

⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Ед. Хр. 18 б. Л. 330.

⁶ Там же. Л. 334.

⁷ Там же. Л. 334–335.

⁸ История Ирана. М., 1977. С. 297.

⁹ В первую очередь имеется в виду оценка событий смуты начала XVII в., когда в наших учебниках советских времен авторы не видели ясной взаимосвязи между иностранной интервенцией и восстанием Ивана Болотникова. И эти события преподавались, а возможно, и сегодня преподаются, как мало связанные или вообще не связанные друг с другом. Первое – как нашествие польско-литовских интервентов, а второе – как антифеодальное крестьянское восстание. Между тем восстание Ивана Болотникова было одним из этапов смуты, этапом, когда она, постепенно спускаясь с уровня высшего боярства, дошла до самых низов русского общества. Не случайно В. Ключевский писал по этому вопросу, что Болотников был «человек отважный и бывалый, боярский холоп, попавший в плен к татарам, испытывший и турецкую каторгу и воротившийся в отечество агентом второго самозванца, когда он еще не имелся на лицо, а был только задуман». (В.О.Ключевский. Курс русской истории в девяти томах. М., 1988. Т. 3. С. 44.) Примечательно и то, что, когда на завершающих этапах Болотников со своим войском сидел, обложенный со всех сторон войсками Василия Шуйского в Калуге, он рассылал своим сторонникам письма, в которых просил выкликнуть какого-нибудь нового Димитрия.

¹⁰ Scrine C. World War in Iran. L., 1962. P. 56.

¹¹ Альмоути З. Фосули аз тарихе мобарезате сийаси ва эджтемаие Иран. Техран, 1370. С. 84.

¹² Емельянов А.Г. Персидский фронт (1915–1918). Берлин, 1923. С. 119–120.

¹³ Маджд М.Г. Гахтие бозорг (1917–1919). Техран, 1387. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 26. Работа указанного автора вышла в США под названием «The Great Famine and Genocide in Persia 1917–1919». University Press of America, 2003. В 2009 г. она была переведена на персидский язык. В настоящем исследовании автор пользуется персидским изданием, поскольку публикация на английском языке ему оказалась недоступна.

¹⁵ Под впечатлением обращения с представителями Ирана в одном из писем он отмечал: «Конечно, я не говорю, что мы должны враждовать с англичанами. Наоборот, я считаю, что мы должны прилагать усилия, чтобы стать друзьями Англии и в рамках дружеских отношений использовать ее. Но все это не означает, что отношения Ирана и Англии должны быть такими, как отношения трупа и того, кто его обмывает. Я говорил, говорю и буду говорить об этом англичанам и устно, и письменно ... Сами англичане не ожидали и не надеялись, что дойдет до нынешнего положения» (Толуи М. Базигяране асре Пехлеви. [Б. м.]. 1372. Т. 1. С. 21.).

О взглядах современных турецких исследователей на нейтралитет Турции в годы Второй мировой войны и советско-турецкие отношения

Резюме. В статье рассмотрены концепции молодых турецких исследователей по наиболее актуальным проблемам внешней политики Турции в период Второй мировой войны. Как представляется автору, концепция советской угрозы для безопасности Турции в годы Второй мировой войны является базовой для современной турецкой историографии. Данная точка зрения не является абсолютной, поскольку среди исследователей находятся те, которые ставят вопрос о пересмотре ряда положений. Тем не менее появление в ближайшем будущем ревизионистского направления в турецкой историографии Второй мировой войны вряд ли возможно.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Турция, СССР, турецкий нейтралитет, политическое одиночество Турции, советско-турецкие отношения, современная турецкая историография

Summary. The article examines the concepts of young Turkish researchers on the most actual problems of Turkish foreign policy during the Second World War. According to the author, the concept of the Soviet threat to Turkey's security during World War II is basic for modern Turkish historiography. This point of view is not absolute, since among the researchers there are also those who raise the question of revising a number of provisions. Nevertheless, the emergence in the near future of a revisionist trend in Turkish historiography of World War II is hardly possible.

Key words: World War II, Turkey, USSR, Turkish neutrality, political loneliness of Turkey, Soviet-Turkish relations, modern Turkish historiography

Статья является продолжением темы, поднятой автором два года назад¹. В ней рассмотрены концепции молодых турецких исследователей по наиболее актуальным проблемам внешней политики Турции в период Второй мировой войны. Как представляется автору, концепция потенциальной советской угрозы для безопасности Турции в годы Второй мировой войны является базовой для современной турецкой историографии. Так, аспирант Университета Алтын-

Болдырев Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-3982-2848.

баш (Стамбул) Серкан Кара² считает, что основным принципом турецкой внешней политики во время Второй мировой войны было стремление избежать войны любой ценой. В его статье отмечается, что главная опасность для Турции в годы войны заключалась в военном давлении на Анкару со стороны СССР – до 1941 г. при помощи Германии, а после – в союзе с Великобританией.

По мнению С. Кара, Турция, сумевшая в период войны обойтись без потерь, доказала, что проводила хорошо продуманную и многовекторную внешнюю политику. Как подчеркивает С. Кара, «это было связано с реалистичным подходом к внешней политике, который состоял в понимании собственных слабостей государства, его сильных и слабых сторон и тщательного руководства со стороны правительства Турции, а также пониманием того факта, что Турция больше не была сверхдержавой после распада Османской империи». Данная точка зрения присуща практически всем изученным автором турецким исследователям. Однако, как отмечает Кара, главный недостаток этой политики заключался в том, что «после войны она (Турция. – А.Б.) осталась в одиночестве против советского экспансионизма»³.

Данная концепция также присуща большинству турецких публикаций. Так, Хазал Папуччулар (Стамбульский культурный университет; Центрально-Европейский университет, Будапешт), исследовала проблему Додеканезских островов в турецко-греческих отношениях в годы войны⁴. По ее мнению, возрастание советской угрозы и дистанцирование Великобритании и США от Турции ввиду отказа последней вступать в войну привели к изоляции Турецкой Республики на международной арене в 1944–1946 гг.⁵

Другой исследователь – профессор Мехмет Нур Алтынёрс (Университет Башкент, Анкара) – также отмечает, что положение Турции как во время Второй мировой войны, так и в послевоенное время было решающим в истории молодой республики. По его оценке, в период войны Турция стремилась проводить равновекторную политику в отношении антигитлеровской коалиции и держав оси. Отвечая на два основных упрека в адрес Турции – договор о дружбе, подписанный с Германией 18 июня 1941 г.⁶, а также символическое вступление Турции в войну 23 февраля 1945 г., – Алтынёрс объясняет, что позиция нейтралитета была единственно возможной для выживания Турецкой Республики, поскольку «плохая экономика, технологически неосна-

щенная армия, нехватка рабочей силы, разрушительные последствия недавних войн, осознание советской угрозы во время и после войны, общественное мнение были факторами, играющими роль во внешней политике Турции во время Второй мировой войны»⁷.

Как отмечают по этому поводу турецкие исследователи Аслан Давут Хан и Сельджук Бугра (Университет Вистула, Варшава), турецкий нейтралитет в значительной степени определялся тем фактом, что у политиков, принимающих решения перед глазами был печальный опыт участия Турции в Первой мировой войне⁸. Более определенно высказываются такие исследователи, как доктор Мурат Ёнсой (Университет Хаджеттепе, Стамбул) и доктор Гюрол Баба (Университет социальных наук, Анкара), отметившие, что «для турецкой правящей элиты сохранение нейтралитета было высшим приоритетом и это было связано с психологией национальной безопасности, глубоко укоренившейся в их прошлом опыте, который повлиял почти на каждый шаг, сделанный во время войны. В качестве молодых офицеров и бюрократов султана они (раннереспубликанская элита. – А.Б.) пережили один из худших эпизодов своей жизни и карьеры. Итальянская война 1911 г., две балканские войны, Первая мировая война и турецкая война за независимость заставили их избегать конфликтов»⁹. Ссылаясь на архивные материалы из США, Великобритании и Германии, эти историки отмечают, что «корни турецкой философии нейтралитета» заключались в синдроме Первой мировой войны, утвердившемся в сознании турецкой элиты, военной и экономической слабости Турции и «русофобии Анкары»¹⁰.

При этом указанные авторы «не замечают» длительного периода достаточно дружественных отношений между Анкарой и Москвой, подчеркивая, что «хотя экспансионистская политика России закончилась большевистской революцией на десятилетие или два, Москва сохраняла свои интересы в Проливах и Восточной Анатолии, что заставляло турецких политиков воспринимать Россию как «заклятого врага»»¹¹. Своего рода ответом на это утверждение можно считать статью Кыванча Коша и профессора Пинар Бильгин (Университет Билькент, Анкара), которые изучили формирование образа СССР в турецкой внешней политике на ее разных этапах¹². По их мнению, несмотря на наличие проблем в советско-турецких отношениях, это «до сих пор не объясняет, почему и как СССР превратился

из «друга» во «врага», поскольку после «имперской эпохи» в обеих странах не было причин, по которым СССР и Турция не могли установить дружеских отношений». Как отмечают эти авторы, смещение идентичности СССР с бывшего «соперника» на «друга» позволило наступить новой эре тесного сотрудничества в отношениях Турции и СССР. Действия СССР, которые потенциально могли быть изображены политиками Турции как экспансионистские или империалистические, наоборот, смягчались ими, т. е. образ СССР интерпретировался положительно настолько, «насколько возможно». Исследователи обращают внимание на то, что «дружественная» идентичность СССР во внешнеполитическом дискурсе Турции присутствовала на всех этапах советско-турецких отношений 1920–1940-х гг. даже после того, как СССР призвал Турцию отказаться от некоторых своих суверенных прав над проливами¹³.

Их вывод состоит в признании различных дискурсов турецкой внешней политики до и после 1945 г. Если на первом этапе СССР воспринимался как «искренний друг» (или, по крайней мере, так конструировался его образ), то после войны образ Советского Союза был переформатирован в наследника прежнего «царского экспансионизма»¹⁴. Интересно, что, несмотря на то что концепция К. Коша и П. Бильгин явно диссонирует с другими выводами по поводу советско-турецких отношений, они отнюдь не подвергают сомнению установленные концепции, а ставят целью лишь «дополнить» существующие исследования.

Мнение о стремлении турецкой элиты сохранять с СССР хотя бы внешне дружественные отношения само по себе не является чем-то новым. Его высказывают в своих исследованиях упомянутые выше историки Мурат Ёнсой и Гюрол Баба, а также молодой исследователь, аспирант Университета Эксетера (Великобритания) Огулджан Ёылдырым¹⁵. Однако если С. Кош и П. Бильгин считают такую политику объективным совпадением советско-турецких интересов перед лицом отнюдь не дружественного Запада, то М. Ёнсой, Г. Баба и О. Ёылдырым объясняют это исключительно страхом Турции перед угрозой советской агрессии. Так, О. Ёылдырым высказывает вполне распространенное мнение, что «советское отношение к турецким проливам и страх перед советской экспансией были одной из причин нейтралитета Турции в первые годы Второй мировой войны»¹⁶.

Такое мнение присутствует и в статье профессора Шабана Чалыша (Сельджукский университет, Конья), посвященной влиянию пантюркистских настроений на внешнюю политику Турции в период Второй мировой войны. Он отмечает, что «как исторически, так и идеологически Турция никогда не считала Россию надежной страной. Вот почему, желая полного поражения Советского государства, турки надеялись, что немцы найдут компромиссное соглашение с Западом». Впрочем, сам Ш. Чалыш склонен рассматривать это как инерцию исторического противостояния. По его мнению, «некий аккумулятивный эффект предрассудков и истории должен был быть преподнесен туркам в такой степени, что они аплодировали, открыто или тайно действиям Германии против России»¹⁷.

Тем не менее упомянутые К. Кош и П. Бильгин не одиноки. Среди работ, в которых предпринята попытка по-новому осмыслить советско-турецкие отношения в 1939–1945 гг., следует выделить исследования О. Ишчи, Ф. Ахмада и К. Джумхура. В своей докторской диссертации «Русофобский нейтралитет: турецкая дипломатия. 1939–1945» Онур Ишчи предпринял попытку переосмыслить ряд традиционных положений. Он отмечает, что в период войны из-за страха перед СССР «турецкие политики были вынуждены “играть роль Гамлета” (т.е. выбирать оптимальную линию для выживания страны. – А.Б.)», однако нападение Германии на СССР приветствовали наиболее реакционные круги турецкой элиты и отнюдь не все члены правительства¹⁸. Позиция турецкого президента Исмета Инёню выражалась в формуле: «Мы не хотим воевать с Советами, если этого можно избежать»¹⁹. Отношения СССР и Турции в конце войны, по мнению О. Ишчи, осложнились из-за тяжелого экономического и внешнеполитического положения Турции²⁰.

Индийско-американский и турецкий историк Фероз Ахмад²¹ также не склонен преувеличивать степень советско-турецких осложнений. Исследуя в коллективной монографии «Будущее внешней политики Турции» «исторический фон» внешней политики Турции, он отмечает, что «рабочие отношения с Москвой стали главной опорой внешней политики Турции и оставались таковыми, по крайней мере, до смерти Ататюрка в ноябре 1938 года». По мнению Ф. Ахмада, на решение Турции отказаться после войны от политики балансирования в пользу США повлияло не столько советское давление, сколько

причины внутреннего характера²². Как и О. Ишчи, Ф. Ахмад исходит из необходимости опираться при изучении истории Второй мировой войны на архивы Турции, а не Великобритании и США.

Схожих взглядов придерживается и Кайгусуз Джумхур²³. «В политической атмосфере этого периода (1920–1930-х гг. – А.Б) – отмечает он, – дружественные отношения с новым турецким парламентом были очень важны для советской России. Эта дружба была полезна для обеих сторон»²⁴. Причины проамериканской ориентации Турции К. Джумхур, как и большинство турецких историков, видит в советском давлении на республику. По его мнению, политика нейтралитета, проводимая Турцией в ходе Второй мировой войны, стала основной причиной ее «политического одиночества». «Именно в этот период Анкара столкнулась с территориальными претензиями СССР и с советским давлением в конфликте, связанным с контролем над черноморскими проливами. В этих условиях Турция, которая была не способна отвечать советскому давлению, начала искать свои интересы и поддержку в рамках военно-политического блока НАТО ... На фоне агрессивной политики, которую вела Москва против Анкары в послевоенный период, последняя начала переориентировать свою внешнюю политику в пользу США и НАТО». В то же время, как отмечает К. Джумхур, «данная попытка не отвечала национальным интересам Турции и являлась лишь неким инструментом самосохранения»²⁵.

В статье профессора истории Дилек Барлас и доцента кафедры международных отношений Шухназ Йылмаз²⁶ (Университет Коч, Стамбул) исследуются причины политической переориентации Турции в годы войны с Великобританией на США. Таковыми авторы считают ограниченные экономические и военные возможности британской дипломатии, ее зависимость от политики выстраивания взаимоотношений с Советским Союзом. Именно этим Д. Барлас и Ш. Йылмаз склонны объяснять разворот Турции в сторону США²⁷. Более подробно тему выхода Турции из внешнеполитической изоляции после войны исследовал Гюрол Баба, изучивший первые турецко-американские контакты по сближению в рамках ООН²⁸. По его мнению, привилегированное положение великих держав в ООН, в том числе СССР (его членство в Совете Безопасности), ослабило веру Турции в способность ООН поддерживать международный мир.

В связи с этим Г. Баба полагает, что основной заботой Турции при создании ООН было не членство в этой организации, а обеспечение дружбы с США²⁹.

Итак, базовая концепция о преобладающем влиянии СССР на внешнюю политику Турции в годы войны остается неизменной. Неизменным осталось и отрицательное отношение большинства современных турецких исследователей к советской политике в годы войны. Оставляя за скобками справедливость такого мнения (это не является предметом рассмотрения в данной статье), отметим, что ввиду преемственности в восприятии СССР как перманентной угрозы, вряд ли можно говорить о появлении нового направления среди молодых турецких историков. Данная точка зрения не является абсолютной, поскольку среди исследователей находятся те, которые, пытаясь дополнить устоявшиеся концепции, по сути, ставят вопрос о пересмотре ряда положений. Однако столь умеренный подход к проблеме говорит о том, что появление в ближайшем будущем какого-либо ревизионистского направления в турецкой историографии Второй мировой войны вряд ли возможно. С другой стороны, несомненно и то, что дополнительно к старым темам набирает силу изучение других аспектов Второй мировой войны³⁰. Поэтому в перспективе можно ожидать появления новых исследований о советско-турецких отношениях.

¹ Болдырев А.В. К вопросу об изучении внешней политики Турции в годы Второй мировой войны // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. М., 2019. С. 102–109.

² Ученые звания и должности авторов даются в статье на момент публикации их работ.

³ Serkan Kara. Foreign policy of Turkey during the Second World War. URL: https://www.researchgate.net/publication/332093667_FOREING_POLICY_OF_TURKEY_DURING_THE_SECOND_WORLD_WAR (дата обращения: 29.04. 2020).

⁴ Данная статья является частью магистерской диссертации Х. Папучулар «Война или мир? Додеканезские острова во внешней политике и безопасности Турции, 1923–1947 гг.» (2015).

⁵ Hazal Papuççular. Fragile Balances: Turkish Foreign Policy on the Sovereignty of the Dodecanese Islands (1940–1947) // Journal of Balkan and Near Eastern. Vol. 20, Issue 5, 07.12.2017. P. 7–8. URL: <https://doi.org/10.1080/19448953.2018.1406687> (дата обращения: 12.10.2020).

⁶ Договор противоречил альянсу Турции, Франции и Великобритании, подписавших в 1939 г. союзный пакт. В результате поражения Франции в 1941 г. этот альянс состоял из Великобритании и Турции.

- ⁷ Mehmet Nur Altınörs. Turkish Foreign Policy during World War II // Asian Journal of Social Science Studies. Vol. 2, No. 4, 20.11.2017. URL: <https://www.researchgate.net/publication/321169621-Turkish-Foreign-Policy-during-World-War-II> (дата обращения: 24.08.2020).
- ⁸ Aslan Davut Han, Selcuk Bugra. Reflections of the Second World War in Turkey's Foreign Policy // Vistula University – Warsaw, Poland. 2014. No. 1 (39). Pp. 138–139.
- ⁹ Önsoy Murat, Baba Gürol. Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II // Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD). Year 15, Issue 29, 21.03.2019. P. 127. URL: http://www.ctad.hacettepe.edu.tr/15_29/05-onsoy_baba.pdf (дата обращения: 26.08.2020).
- ¹⁰ Ibid. P. 144.
- ¹¹ Ibid. P. 131–132.
- ¹² Kıvanç Coş, Pinar Bilgin. Stalin's Demands: Constructions of the «Soviet Other» in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945 // Foreign Policy Analysis. 2010. № 6. P. 43–60.
- ¹³ В 1945 г. СССР поставил вопрос о предоставлении СССР военно-морской базы в Проливах и их совместную оборону с Турцией.
- ¹⁴ Kıvanç Coş, Pinar Bilgin. Op. cit. P. 49–57.
- ¹⁵ Önsoy Murat, Baba Gürol. Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II // Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD). Year 15, Issue 29, 21.03.2019. P. 133. URL: http://www.ctad.hacettepe.edu.tr/15_29/05-onsoy_baba.pdf (дата обращения: 26.08.2020); Oğulcan Yıldırım. War for Neutrality: Tale of Turkey in WWII. URL: https://www.academia.edu/36099469/War_for_Neutrality_Tale_of_Turkey_in_WWII (дата обращения: 30.08.2020).
- ¹⁶ Oğulcan Yıldırım. War for Neutrality: Tale of Turkey in WWII. URL: https://www.academia.edu/36099469/War_for_Neutrality_Tale_of_Turkey_in_WWII (дата обращения: 30.08.2020).
- ¹⁷ Şaban Çalış. Pan-Turkism and Europeanism: A note on Turkey's 'pro-German neutrality' during the Second World War // Central Asian Survey. No 16 (1), 01.03.2017. P. 108–109. URL: https://www.academia.edu/32588813/Pan_Turkism_and_Europeanism_A_note_on_Turkeys_pro-German_Neutrality_during_the_Second_World_War (дата обращения: 24.09.2020).
- ¹⁸ Onur İsci. Russophobic neutrality: Turkish diplomacy, 1936-1945. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. Wash., 2014. P. 101, 144.
- ¹⁹ Ibid. P. 231.
- ²⁰ Ibid. P. 261.
- ²¹ Историк Ф. Ахмад, индеец по происхождению, работал в США, затем переехал в Турцию, где принял турецкое гражданство. Преподавал в Университете Йедитепе (Стамбул).
- ²² Feroz Ahmad. Chapter 2. The Historical Background of Turkey's Foreign Policy // The Future of Turkish Foreign Policy. Ed. by Lenore G. Martin and Dimitris Keridis. Boston, 2004. P. 17, 24.
- ²³ В 2018 г. К. Джумхур защитил кандидатскую диссертацию в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского.

²⁴ Джумхур Кайгусуз. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017. С. 25.

²⁵ Там же, с. 19–20.

²⁶ Шухназ Йылмаз в 2016 г. получила престижную премию Турецкой академии наук «Выдающийся молодой ученый».

²⁷ Dilek Barlas, Şuhnaz Yilmaz. Managing the transition from Pax Britannica to Pax Americana: Turkey's relations with Britain and the US in a turbulent era (1929–47) // Turkish Studies. Vol. 17, Issue 3, 04.05.2016. P. 12–16. URL: https://www.academia.edu/25463789/Managing_the_Transition_from_Pax_Britannica_to_Pax_Americana_Turkeys_Relations_with_Britain_and_the_US_in_a_Turbulent_Era_1929_47 (дата обращения: 25.08.2020).

²⁸ Данная статья является главой докторской диссертации Г. Бабы «Австралия, Турция и США. 1945–1975 гг.» (2010 г.).

²⁹ Gürol Baba. Beginning The Search for a «Great Protector»: Turkey's Un Membership for the US Alliance // Yönetim Bilimleri Dergisi (9: 2). 2011. Journal of Administrative Sciences. P. 75.

³⁰ Например, исследование внутренних причин изменения внешнеполитической концепции Турции после войны.

Востоковеды и изучение стран Ближнего Востока в Нижегородском государственном университете в XXI веке*

Резюме. В представленной работе рассматриваются актуальные вопросы развития востоковедения в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского в XXI в. Авторами проводится подробный анализ основных направлений востоковедной науки в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете на примере широкого круга работ нижегородских исследователей, таких как О.А. Колобов, А.А. Корнилов, И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина, А.М. Абидулин, Н.И. Аюпова, Н.А. Беренкова и др. Актуальность исследования заключается в том, что сегодня Россия проявляет приоритетность национальных интересов во внешнеполитическом курсе на Ближнем Востоке, нацеленном на укрепление всесторонних связей со странами региона, что, в свою очередь, значительно повышает интерес российских деятелей науки, в том числе нижегородских, к изучению различных аспектов взаимоотношений РФ как с отдельными странами, так и с регионом Ближнего Востока в целом. В настоящее время востоковедные исследования направлены на выявление новых закономерностей выработки региональных направлений внешней политики Государства Израиль, Турции, Ирана, арабских стран, региональной безопасности. Результаты работы нижегородских исследователей нашли отражение в монографиях, статьях, научно-аналитических обзорах, изданных в России и за рубежом, докладах и сообщениях на международных семинарах и кон-

Рыжов Игорь Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. ORCID: 0000-0002-6417-1517.

Бородина Мария Юрьевна – ассистент кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. ORCID: 0000-0003-1477-4077.

Комаха Анна Алексеевна – бакалавр истории, Институт международных отношений и мировой истории, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039.

ференциях. На основании изученного материала авторы пришли к выводу, что развитие востоковедения в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского является важным звеном в непрерывном процессе обучения и становления квалифицированных специалистов-востоковедов, отвечающих необходимым требованиям современного мироустройства.

Ключевые слова: востоковедение, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, история международных отношений, Ближний Восток, внешняя политика арабских стран, Израиль, Турция, Иран

Summary. This paper discusses topical issues in the development of Oriental Studies at Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod. The authors analyze the main directions of Oriental Studies at Nizhny Novgorod State University. The authors provide a detailed analysis of the main directions of Oriental Studies at Nizhny Novgorod National Research University based on the example of a wide range of works of Nizhny Novgorod researchers, such as O.A. Kolobov, A.A. Kornilov, I.V. Ryzhov, M.Y. Borodina, A.M. Abidulin, N.I. Ayupova, N.A. Berenkova, etc. The relevance of the research lies in the fact that today Russia displays a priority of national interests in its foreign policy course in the Middle East, aimed at strengthening comprehensive ties with the countries of the region, which in turn significantly increases the interest of Russian scholars, including those from Nizhny Novgorod, in the study of various aspects of Russia's relations both with individual countries and with the Middle East region as a whole. Currently, oriental studies are aimed at identifying new patterns in the development of regional foreign policy of the State of Israel, Turkey, Iran, Arab countries and regional security. The results of research conducted by Nizhny Novgorod researchers are reflected in monographs, articles, scientific and analytical reviews published in Russia and abroad, reports and communications at international seminars and conferences. Based on the studied material, the authors conclude that the development of Oriental Studies in N.I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod is a priority of the university. The authors conclude that the development of Oriental Studies at N.I. Lobachevsky National Research University of Nizhny Novgorod is an important link in the continuous process of education and development of qualified specialists in Oriental Studies, meeting the necessary requirements of the modern world order.

Key words: oriental studies, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, history of international relations, Middle East, arab foreign policy, Israel, Turkey, Iran

В российской науке накоплен существенный пласт работ, посвященных изучению стран Ближнего Востока. Немалый вклад в развитие востоковедной науки внесли не только столичные ученые, но и востоковеды периферийных вузов. Так, немаловажен вклад представителей ориенталистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета (ННГУ) им. Н.И. Лобачевского.

Развитие востоковедения в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского олицетворяет комплексный подход к изучению всех проблем, связанных с ближневосточным урегулированием, проблемой двустороннего диалога государств региона, конфессиональных и этнических противоречий, и является важным звеном в непрерывном процессе обучения и становления квалифицированных специалистов-востоковедов, отвечающих всем необходимым требованиям современного мироустройства.

В российской научной литературе сформировался традиционный интерес не только к изучению проблем в целом Ближнего Востока, но и к внешней политике мировых держав, которую они проводят в этом регионе. Так, Ближний Восток является особым и своеобразным регионом в системе современных международных отношений в силу своих географических, геополитических, экономических и других особенностей. Геополитическую важность Ближнего Востока для великих держав трудно переоценить – регион находится на стыке Европы, Азии и Африки, что позволяет беспрепятственно поддерживать торгово-экономические связи с Африкой и Западной Азией.

Существует значительное количество работ нижегородских исследователей, в которых рассматриваются определенные аспекты внешней политики Российской Федерации, США, Великобритании, Франции и др. в различные исторические периоды, анализируются приоритеты внешнеполитического курса государств в различных регионах мира. К таким работам следует отнести исследования заслуженного деятеля науки РФ, профессора О.А. Колобова «Модификация приоритетной композиции политики великих держав на Большом Ближнем Востоке»¹ (2011), «Динамика британской политики в процессе ближневосточного урегулирования при Э. Блэре»² (2011), «Особенности современной политики “великих держав” на Ближ-

нем Востоке: стратегические цели, тактические действия»³ (2017). Основное место в вышеуказанных исследованиях отводится анализу отдельных аспектов стратегического планирования великих держав, интересы которых присутствуют на Большом Ближнем Востоке. Подвергаются анализу особенности положения Ближнего Востока в современном мире. Специальный акцент сделан на изучении особенностей восприятия региона представителями великих держав в исторической ретроспективе. Выявляются конкретные причины и последствия устойчивого стратегического интереса великих держав к Ближнему Востоку.

О.А. Колобов исследовал и продолжает исследовать историю Государства Израиль и стран Ближнего Востока, внешнеполитическое планирование США в указанном регионе, историю дипломатии указанных регионов. В сферу научных интересов О.А. Колобова входят история международных отношений; внешняя политика России, США, стран Европы, Израйля, арабских стран; сравнительная политология; теория политики; глобальные проблемы современности; религиоведение; геополитика; политическая география; международная безопасность и др.

Отдельно стоит обратить внимание на работу А.А. Корнилова и А.И. Афоньиной «Развитие политики Франции на Ближнем Востоке и в Южном Средиземноморье: опыт президента Ш. де Голля и президентов-неоголлистов»⁴ (2018). Авторы рассматривают основные внешнеполитические стратегии президента Шарля де Голля и президентов Жака Ширака и Николя Саркози, которых традиционно относят к неоголлистскому течению, в регионе Ближнего Востока и Южного Средиземноморья. Акцент сделан на том, что основной вектор развития внешней политики в регионе – развитие отношений преимущественно с арабскими государствами, основными поставщиками нефтепродуктов – был заложен еще основателем голлистского течения. Жак Ширак и Николя Саркози продолжали данную стратегию, стараясь действовать также и в направлении развития отношений с Израилем, поиска решений арабо-израильского кризиса, сирийско-ливанского узла противоречий, усиления влияния Франции в регионе Средиземноморья.

В целом конец XX в. – первые десятилетия XXI в. значительно дополнили ряды исследователей-востоковедов Национального иссле-

довательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Среди наиболее выдающихся представителей востоковедной науки ННГУ им. Н.И. Лобачевского следует выделить одного из учеников О.А. Колобова – А.А. Корнилова.

С начала своей исследовательской деятельности Александр Алексеевич занимается изучением процесса формирования внешней политики (на примере исторического опыта США, Государства Израиль и стран Западной Европы), процесса принятия внешнеполитических решений в Государстве Израиль, жизни Давида Бен-Гуриона и его вклада в становление независимого Государства Израиль. Также А.А. Корнилов уделяет внимание изучению таких вопросов, как российско-армянские отношения, армянские общины в странах Ближнего Востока, современные турецко-российские отношения, концепции национальной безопасности и внешней политики Государства Израиль, очерки внешней политики Турецкой Республики (актуальные вопросы новейшей истории в 2003–2017 гг.). Также в соавторстве им было подготовлено учебное пособие на тему «Международные отношения на Ближнем Востоке в XX веке».

Анализ политики Франции в регионах своего традиционного влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке во время президентства Николя Саркози (2007–2012) был проведен М.Ю. Бородиной в статье «Особенности внешней политики Франции в отношении исламских государств Ближнего Востока и Северной Африки в 2007–2012 гг.»⁵ (2016). Автором рассмотрены различные французские проекты по укоренению своего влияния в данном регионе. Выделяется активная позиция Франции по урегулированию арабо-израильского конфликта, подчеркиваются ее усилия в преодолении политического кризиса в Ливане, а также ее роль в ближневосточных событиях, получивших название «арабская весна».

Мария Юрьевна Бородина – ассистент кафедры истории и политики России ИМОИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Занимается научно-исследовательской деятельностью по проблемам ближневосточной политики РФ в XXI в., а также ближневосточной политикой ведущих государств Европейского союза, особенностей взаимоотношений Турции с государствами исламского мира; особенностей политических и экономических взаимоотношений Турции с арабскими государствами; социальных и политических процессов на Востоке;

суннитско-шиитского противостояния (Иран и Саудовская Аравия в борьбе за региональное противостояние). Мария Юрьевна также изучает современную российскую историографию политики России на Ближнем Востоке, фактор Нагорно-Карабахского конфликта в ирано-азербайджанских отношениях, положение черкесской диаспоры в ближневосточных государствах.

Значительный вклад в изучение внешней политики мировых держав на Ближнем Востоке внесла группа нижегородских ученых – Ю.А. Балашова, М.В. Вагина, О.А. Колобова, А.А. Корнилова, которыми в 2003 г. было подготовлено учебное пособие «Международные отношения на Ближнем Востоке в XX веке»⁶. В данном учебном пособии характеризуются основные тенденции развития международных отношений в регионе Ближнего Востока в период XX в. Рассматриваются основные региональные акторы международных отношений, их интересы, а также специфические черты ближневосточной политики великих держав.

В начале XXI в. значительно активизировалась внешняя политика Российской Федерации в Ближневосточном регионе. Это привело не только к укреплению отношений с государствами, с которыми в советский период существовали наиболее тесные связи, но и стимулировало поиск новых партнеров. Данный факт привел к повышению традиционного интереса к изучению российской внешней политики, проводимой в этом регионе. Рассмотрением внешнеполитического курса Российской Федерации на Ближнем Востоке в своих трудах занимаются И.В. Рыжов, О.А. Колобов. В статье О.А. Колобова «Современная российская политика на Ближнем Востоке: стратегические цели и тактические действия»⁷ (2017) анализируются особенности положения Ближнего Востока в современном мире. Специальный акцент сделан на изучении особенностей восприятия региона представителями великих держав в исторической ретроспективе. Также объясняются возможности нового подхода к региону со стороны современной России. Автором рассматриваются новая концепция внешней политики России и возможности её реализации на Большом Ближнем Востоке в обозримом будущем. Характеризуются новые технологии политических действий Российской Федерации в Ближневосточном регионе с учётом фактора миротворчества и создания нормальных условий жизнедеятельности стран и народов

Большого Ближнего Востока. И.В. Рыжов в своей работе «Экономические аспекты взаимоотношений России с арабскими государствами: от экспорта вооружений к новым аспектам сотрудничества»⁸ (2012) анализирует факторы формирования и особенности развития экономических контактов России и стран арабского мира. Большое внимание уделяется емкому и быстро растущему рынку вооружений арабских стран, представляющему интерес для российских экспортеров. Рассматривая динамику военно-технического сотрудничества, автор учитывает и негативные факторы, касающиеся задолженности ряда ближневосточных государств, большая часть которой приходится именно на данный сектор. Акцент сделан на необходимости усиления межгосударственных взаимоотношений также за счет частных и коммерческих структур.

Игорь Валерьевич Рыжов – один из учеников О.А. Колобова и продолжателей его дела. И.В. Рыжов на базе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. И.В. Лобачевского занимается разработкой следующих вопросов: проблемы взаимоотношений России с государствами Ближневосточного региона в меняющемся мире; проблемы региональной безопасности СНГ; Государство Израиль и транснациональные корпорации; особенности антитеррористической деятельности Государства Израиль; специфика взаимоотношений Государства Израиль с немусульманскими странами Азии; экономические аспекты взаимоотношений России с арабскими государствами; проблематика «арабской весны»; арабо-израильский конфликт; политика США и баланс сил на Ближнем Востоке и др.

В 2008 г. И.В. Рыжовым была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Государство Израиль в системе международных отношений второй половины XX века»⁹. В исследовании автор предпринимает попытку выявить факторы, определяющие место России среди внешнеполитических приоритетов Израиля, а также определить основные результаты двустороннего сотрудничества. И.В. Рыжов отмечает, что на Ближнем Востоке Израиль претендует на роль лидера, несмотря на то что он не отвечает всем критериям «абсолютного лидера». В связи с этим автором выдвигается оригинальная версия: характеризуя подобные государства, И.В. Рыжов вводит новый термин – «подпирающие»

государства, – давая чёткое обоснование ему. Кроме того, Ближневосточный регион можно назвать «зоной хронического конфликта», так как здесь на протяжении длительного времени происходили столкновения между Израилем и арабскими странами. Исходящая от них потенциальная угроза сделала союзниками такие страны, как Израиль и Турция, впрочем, что высоко оценивается США и НАТО в качестве стабильности. Исследователь также раскрывает смысл влияния США на ближневосточную политику Израиля, анализирует основные принципы действия правительств некоторых западноевропейских стран (например, Франции, Великобритании, Германии) в отношении Израиля, а также влияния данного фактора на обстановку в регионе Ближнего Востока.

В статье А.А. Интякова «Внешняя политика России на Ближнем Востоке (2000–2011 гг.): особенности и результаты»¹⁰ (2012) подвергаются анализу основные подходы российской внешней политики по урегулированию конфликтов в регионе. Автором были выявлены и исследованы непосредственные интересы российской дипломатии, а также представлен анализ деятельности «квартета» международных посредников по урегулированию конфликта, достигнутые в рамках него успехи и неудачи. Особо ценным моментом является данный прогноз по возможному развитию ситуации в контексте ближневосточного урегулирования.

Рассмотрением внешнеполитического курса Российской Федерации на Ближнем Востоке занимаются также А.А. Скорина и Ж.Г. Аветисян. В совместной статье¹¹ по вышеуказанной тематике нижегородские ученые проанализировали международные договоры, заключенные в социально-экономической, военно-технической, энергетической и других областях сотрудничества России со странами региона за 2008–2012 гг.

В ключе исследований арабо-израильского конфликта в частности и политики Израиля в общем написаны работы многих нижегородских ученых. В исследовании М.Ю. Бородиной и И.В. Рыжова «Арабо-израильский конфликт: историческая ретроспектива, современное состояние и тенденции»¹² (2013) рассматриваются социально-экономические, общественно-политические и идеологические причины развития арабо-израильского конфликта, а также основные меры по ближневосточному урегулированию. Определяются причины, по которым

конфликт до сих пор остается неурегулированным. Авторы приходят к важному выводу о том, что, несмотря на то что практически все попытки мирового сообщества урегулировать арабо-израильский конфликт не привели к значимым результатам, определенным прорывом в этом вопросе можно считать уже тот факт, что участники конфликта четко осознают, что урегулирование должно идти только мирным путем. Но в этом и заключается сложность нового витка в отношениях между участниками конфликта. Война – это дело стратегии и тактики, здесь побеждает сильнейший, а переговоры требуют определенных уступок и иногда очень значительных. Все зависит от того, когда и насколько стороны будут к ним готовы.

Совместно с А.А. Ермаковым И.В. Рыжов продолжил изучение новых черт арабо-израильского конфликта в статье «Новый этап палестино-израильского противостояния»¹³ (2016). Выделяется главная черта – реализация так называемой политики сдерживания в отношении радикалов палестинского анклава. Такой подход приносит свои плоды. Достаточно сказать, что 2015 г. по числу ракетных обстрелов израильской территории из сектора Газа оказался одним из самых спокойных за последние десятилетия. В значительной мере это было обусловлено успешным завершением в 2014 г. операции «Нерушимая скала» у южных границ Израиля, в ходе которой палестинцам был нанесён ощутимый ущерб. Ещё при планировании этой операции израильтяне рассчитывали – и эти расчёты оправдались, что необходимость восполнения понесённых радикалами потерь станет для них важным сдерживающим фактором проявления боевой активности.

Составной части палестино-израильского конфликта – противостоянию Государства Израиль и радикальных организаций, представленных ливанской «Хезболлой» («Партия Аллаха») и палестинскими группировками, посвящена работа А.А. Ермакова и А.А. Корнилова «Израиль: война на два фронта»¹⁴ (2016). Авторы отмечают, что за последние восемь лет Тель-Авив провел против палестинских радикалов ряд крупномасштабных военных операций. И потому вооруженное противостояние между Израилем и радикалами сектора Газа в последние годы приковывает к себе значительно большее внимание, нежели противостояние «Хезболла» – Израиль. Однако «Партия Аллаха» для израильтян – постоянный и опасный противник.

Важным моментом в изучении арабо-израильского конфликта является рассмотрение концепций внутренней и внешней политики Государства Израиль. В статье А.А. Корнилова «Стратегические альянсы и региональные союзы во внешнеполитических идеях премьер-министров Израиля Давида Бен-Гуриона и Биньямина Нетаньяху»¹⁵ (2019) анализируются концептуальные идеи премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона в области внешней политики и национальной безопасности. Рассматривается система «геополитических колец» внешней политики государства Израиль и основные элементы политики национальной безопасности государства Израиль при Давиде Бен-Гурионе. Утверждается, что эти элементы по-прежнему имеют важное значение для сегодняшней политики Тель-Авива. Проводится сравнительный анализ внешнеполитических идей премьер-министра Давида Бен-Гуриона и нынешнего премьер-министра Биньямина Нетаньяху. Отмечается преемственность региональной и глобальной политики политического руководства Израиля. Подчеркивается, что геополитические идеи и практика стали константой процесса формулирования и реализации внешней политики Израиля.

Данному вопросу также уделяет внимание профессор И.В. Рыжов. В своей работе «Некоторые особенности антитеррористической деятельности Государства Израиль»¹⁶ (2007) автор рассматривает специфику и особенности законодательной базы и антитеррористической деятельности Государства Израиль в первом десятилетии XXI столетия. Оценены концептуальные основы антитеррористической политики еврейского государства, направленные на защиту государства и его граждан от террористической угрозы.

Особую значимость имеет также тот факт, что вопросы мирного разрешения конфликтных ситуаций на территории Ближнего Востока всегда имели особое место в российской, в том числе нижегородской, историографии. Однако у современных исследователей четко прослеживается тенденция к тщательному анализу роли и места мировых держав и Российской Федерации, в частности в разрешении данных вопросов.

Хотелось бы обратить внимание на совместную работу Д.М. Золиной, А.А. Интякова и И.В. Рыжова «Роль ведущих европейских держав в процессе урегулирования ближневосточного кон-

фликта»¹⁷ (2008). Авторы анализируют позицию западных государств (Франции, Германии, Великобритании), занимаемую ими в процессе мирного урегулирования арабо-израильского конфликта. Они раскрывают причины и исторические предпосылки, способствующие формированию политики европейских государств в регионе. Также в исследовании О.А. Колобова, Н.Ю. Жукарина и О.О. Хохлышевой «Арабо-израильский конфликт и новая ближневосточная политика Российской Федерации»¹⁸ (2007) рассмотрены основные особенности процесса ближневосточного урегулирования с учетом фактора России и оценена общая динамика хронического арабо-израильского противостояния в условиях глобализации.

Взаимодействие России и Израиля в последние годы по урегулированию арабо-израильского конфликта исследовано А.А. Ермаковым и А.А. Корниловым в статье «Россия и Северный фронт Израиля: новые грани асимметричного конфликта»¹⁹ (2020). Военную операцию «Северный щит», проведенную Армией обороны Израиля на Северном фронте государства против боевиков «Хезболлы» в 2018–2019 гг., авторы рассматривают в контексте реализации политики безопасности Государства Израиль Биньямином Нетаньяху, а также взаимодействия России и Израиля через призму фактического баланса сил на Ближнем Востоке. Прежде всего была дана оценка важности этой военной операции в процессе разрушения туннелей «Хезболлы», созданных для блокирования поселений в Галилее, а также в контексте усиления сопротивления израильского тыла ракетным обстрелам боевиками организации. ЦАХАЛ продемонстрировал высокую боевую готовность в контексте противодействия «Хезболле», а также подготовки к намеченной военной операции, что существенно подрывает шансы радикалов повлиять на расстановку сил в регионе. Тем не менее авторы предполагают, что в ряде ресурсов израильские силы ограничены, поэтому Израиль нуждается в помощи со стороны наиболее влиятельных игроков современной международной арены, включая Россию.

Нижегородские ученые также не обошли стороной вопросы, касающиеся «арабской весны». Так, например, М.Ю. Бородина в работе «“Арабская весна” как квинтэссенция межарабских противоречий»²⁰ (2012) говорит о том, что арабский мир всегда воспринимался как зона нестабильности из-за большого количества кон-

фликтов, войн, а также ряда социальных и экономических проблем. В этом плане «арабская весна» вполне вписывается в историю бурных событий этого региона. Рассматривая ситуацию в арабском мире, автор предпринимает попытку определить степень влияния межарабских противоречий, которые всегда существовали в регионе, на события, происходящие на Ближнем Востоке в течение двух последних лет.

В первое десятилетие XXI в. на Ближнем Востоке происходили процессы, которые были отмечены многосторонними и двусторонними встречами лидеров ближневосточных государств, их «челночной дипломатией» и порой резкими заявлениями в отношении друг друга. Среди наиболее политически активных стран Ближнего Востока – Турецкая Республика, Исламская Республика Иран (ИРИ) и Израиль. Лидеры этих государств в значительной мере «рисовали» красочную политическую палитру происходящих в регионе процессов. В связи с этим нижегородскими исследователями были предприняты попытки выявить специфику политического лидерства в этих странах.

В статье А.А. Корнилова и А.В. Сулейманова «Политическое лидерство в Турции, Иране и Израиле: сравнительный анализ»²¹ (2011) рассматриваются особенности политического лидерства в трех наиболее влиятельных странах Ближнего Востока – Турции, Иране и Израиле. При этом обосновывается выбор того или иного лидера и дается сравнительная характеристика каждого из них (Р.Т. Эрдоган, М. Ахмадинежад, Б. Нетаньяху).

Влияние внутренних факторов на формирование внешней политики президента Ирана в 2005–2013 гг. Махмуда Ахмадинежада рассматривается А.С. Матвеевым и А.А. Корниловым в работе «Влияние внутренних факторов на формирование внешней политики президента Ирана Махмуда Ахмадинежада»²² (2013). Анализируются политические взгляды президента и его взаимоотношения с лидером революции, а также с аятоллами важнейшего шиитского центра в г. Кум. Изучаются противоречивые тенденции внутри политической системы ИРИ и векторы стратегии иранского руководства в области международных отношений и региональной политики.

Еще в одной работе А.А. Корнилова, написанной совместно с Фаршадом Руми «Российско-иранские отношения в период прези-

дента Махмуда Ахмадинежада»²³ (2015) отмечается то, что отношения в данный период в значительной степени строились под влиянием ядерной программы Ирана. Имея антизападный характер внешней политики, правительство М. Ахмадинежада стремилось установить близкие отношения с восточными странами – Россией и Китаем – и получить их поддержку в мире и в регионе. Однако отношения Ирана с США всегда значительно влияли на развитие отношений между Москвой и Тегераном. Россия, основываясь на своих национальных интересах, выполняла посредническую функцию в спорах между Ираном и западными державами. Такой подход только усиливал влияние российского государства на управление международными кризисами, помогает России достичь статуса мировой державы.

Несомненный вклад в развитие востоковедения в Национальном исследовательском Нижегородском госуниверситете им. Н.И. Лобачевского внес и продолжает вести активную исследовательскую деятельность Алим Маратович Абидулин – преподаватель института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В настоящее время А.М. Абидулин занимается изучением истории Османской империи и Турции; природы и символизма традиционной власти на Востоке; исторической антропологии; официальной государственной идеологии в континентальных империях на рубеже XIX–XX вв.; официальных государственных доктрин на Востоке; влиянием европейской культуры на формирование современных культур на Востоке; культурой Османской империи на рубеже XIX–XX вв.: живопись, архитектура, кинематограф, литература. Так, в своей статье «Ретроспективы развития сотрудничества России и Турции: экономические и внешнеполитические связи»²⁴ (2015) Алим Маратович пишет о том, что партнерские отношения между Россией и Турцией имеют давнюю историю и начались еще в первые десятилетия XX в. Опыт сотрудничества в экономике и промышленности, имеющийся в отношениях двух стран, должен оказывать позитивное воздействие на межправительственный диалог. Установление партнерских связей между странами, в особенности тесных контактов в промышленной, экономической и политической сферах, всегда имеет предысторию, которая влияет на формирование отношений на современном этапе.

Широкий спектр исследований по вопросам истории этноконфессиональных меньшинств и их современного положения, взаимоотношений мусульман и христиан в условиях «арабской весны», отношений между суннитами и шиитами в арабских странах и др. подробным образом анализируются учеными Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в XXI в. Так, например, О.В. Родионов и И.В. Рыжов в статье «К вопросу о противоречиях Турции и стран исламского мира»²⁵ (2012) анализируют различия, существующие между исламскими странами в сфере политики, экономики, культуры. При этом основной акцент сделан на рассмотрении потенциала лидерства Турецкой Республики на основе синтеза специфических особенностей политического развития страны и дилемм, связанных с формированием её внешнеполитического курса. Исследование не только конфликтного потенциала, но и отношений сотрудничества позволяет изучить проблему с исчерпывающей полнотой.

В качестве примера также следует привести исследование М.Ю. Бородиной «Этнические проблемы в современном Иране»²⁶ (2016). На территории современной Исламской Республики Иран проживает около 15 различных этнических меньшинств. В связи с этим этнический фактор воздействует на все сферы жизни иранского государства, будь то политические, экономические или социальные процессы. Сложное этническое разнообразие Ирана зачастую осложняет решение многих социально-политических вопросов и течение межэтнических конфликтов, а сами многочисленные этнические меньшинства испытывают серьезные проблемы интеграции в политическое пространство ИРИ. Таким образом, этнические проблемы, которые сопровождаются стремлением ряда этнических меньшинств к автономии, ростом терроризма и экстремизма, а также весьма высокой заинтересованностью в этом вопросе некоторых региональных и внерегиональных игроков, являются одними из самых актуальных для Ирана.

Наиболее полно вышеупомянутый вопрос рассматривается Н.А. Беренковой в работе «Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока»²⁷ (2018). Вопрос усиливающегося межконфессионального конфликта на Ближнем Востоке является весьма актуальным в современной региональной

политике. В ряде арабских стран шиитские общины представляются властям внутренней угрозой и средством вмешательства Ирана в их внутреннюю политику. Вместе с тем жесткая политика по отношению к шиитским общинам приводит к еще большей их маргинализации. В статье рассматривается два аспекта современных транснациональных шиитских связей: международное религиозное лидерство и политически мотивированные движения. Анализируются основные исторические этапы и особенности развития шиитских транснациональных религиозно-политических движений. Исследуется роль Исламской революции в Иране, которая стала важным событием в истории шиитского политического активизма, однако оказала двойственное влияние на его эволюцию. Несмотря на усиление влияния иранских религиозных школ и активную иранскую культурную политику, в религиозном отношении в современном иснаашаритском шиизме сохраняется многообразие.

Следует отметить, что Н.А. Беренкова в 2015 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967–2013 гг.)»²⁸. Научная новизна диссертационного исследования Натальи Александровны состоит из следующих ключевых аспектов: во-первых, дано определение понятию современного шиитского активизма в Ливане, выделены его основные причины и направления; во-вторых, разработана авторская теория воздействия современных шиитских активистских идеологий и движений на международные отношения на Ближнем Востоке; в-третьих, широкий круг источников по политически-философским доктринам шиизма введен в научный оборот для изучения истории международных отношений в регионе Ближнего Востока; в-четвертых, предложена авторская периодизация шиитского активизма в Ливане, основанная на изменяющихся интересах общины и функциях, выполняемых основными шиитскими движениями, а также периодизация вооруженного исламского сопротивления «Хезболлы»; в-пятых, выявлены базовые дискурсивные принципы шиитского активизма и их влияние на мусульманскую и национальную ливанскую интеллектуальную среду. Стоит отметить, что исследование данной проблематики обусловлено усилением влияния шиитских общин Ближнего Востока на международные отношения.

В целом немаловажным аспектом является то, что в последние два десятилетия в стенах Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского было защищено внушительное число диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по тематике Ближнего Востока. Среди них следует отметить диссертации, написанные под научным руководством А.А. Корнилова. Значительная часть исследований посвящена вопросам, связанным с историей и развитием Государства Израиль. В качестве примера приведем диссертацию Г.М. Зайцева «Стратегия и основные направления внешней политики премьер-министра Государства Израиль Биньямина Нетаньяху (1996–1999 гг.)»²⁹ (2007). Тщательное исследование биографии Б. Нетаньяху и эволюции его политических взглядов – безусловная новизна данного исследования. Также новизна данной диссертационной работы заключается в системном анализе внешнеполитической стратегии Государства Израиль при Б. Нетаньяху; в изучении влияния политики Б. Нетаньяху на динамику мирного процесса на Ближнем Востоке в конце XX в.; учете позиции США и национальных интересов соседних арабских стран в ходе анализа исторического процесса ближневосточного урегулирования.

Ариэлю Шарону – еще одному израильскому политическому деятелю – посвящена работа А.Н. Миронова «“План Размежевания” премьер-министра Израиля Ариэля Шарона и особенности его реализации в процессе ближневосточного урегулирования»³⁰ (2010). Автором исследования впервые в научный оборот введены оригинальные документы правительства А. Шарона, относящиеся к этапу реализации "плана размежевания", и научно-аналитические разработки Института международной политики контртерроризма (г. Герцлия), Центра им. Бегина-Садата (Бар-Иланский университет), Института политических исследований им. Флоершимера. Автор дает собственную периодизацию процесса выработки и реализации «плана размежевания» А. Шарона, предлагает модель анализа деятельности израильских экспертно-аналитических учреждений, доказывает тезис о трансформации политической схемы борьбы «левые-правые» в Израиле, вызванной реализацией плана А. Шарона. В диссертации аргументировано показана уязвимость «проекта размежевания», искусственно замкнутого на личности премьер-министра Израиля.

Одно из проявлений арабо-израильского конфликта – противостояние еврейского государства с ХАМАС и «Хезболлой» – исследовано в работе А.А. Ермакова «Развитие асимметричного конфликта Государства Израиль с радикальными организациями ХАМАС и «Хезболла» (2006–2012 гг.)»³¹ (2015). Автор отмечает, что изучение асимметричных конфликтов 2006–2012 гг. на территориях сектора Газа и Ливана необходимо для понимания причин неблагоприятной для еврейского государства военно-политической обстановки, сложившейся в наши дни у его южных и северных границ. К тому же боевой опыт Армии Обороны Израиля, полученный в ходе асимметричных конфликтов 2006–2012 гг., заслуживает пристального внимания и изучения на предмет возможной его адаптации в деятельности силовых ведомств РФ, занимающихся разработкой и осуществлением антитеррористической политики, проведением антитеррористических операций в регионах повышенной террористической опасности.

Под научным руководством А.А. Корнилова были также написаны диссертации на такие темы, как «Развитие российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики»³² (Е.В. Федюкин, 2007), «Основные направления внешней политики и политики безопасности Иордании при Короле Абдалле II»³³ (А.Г. Никитин, 2009), «Армянские общины Сирии, Ливана, Египта и Ирака в международных отношениях Ближнего Востока (XX – начало XXI века)»³⁴ (С.Э. Давтян, 2011), «Политические проблемы российско-иранских отношений: региональные и глобальные аспекты (1991–2013 гг.)»³⁵ (Руми Фаршад, 2017) и др.

В 2020 г. Н.И. Аюповой была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Эволюция политики Турецкой Республики в отношении ФРГ (2002–2017 гг.)»³⁶. На основании проанализированного пласта источников и документов, автор делает вывод о том, что отношения Турции с Германией всегда были важными для Анкары и значительное место в двусторонних связях занимало торгово-экономическое взаимодействие. Торгово-экономическое сотрудничество Турции с ФРГ в период с 2002 по 2017 г. развивалось поступательными темпами и отличалось положительной динамикой. Проведенный анализ оригинальных турецких документов показывает и явную, определенную асим-

метрию в товарообороте и взаимном движении капиталов в сторону Германии. Однако глубина и масштаб торгово-экономических связей в период власти ПСР настолько возросли, что данная сфера двусторонней кооперации оказалась на долгие годы вперед необратимым элементом внешнеполитического курса двух стран и весомым фактором воздействия на политику Европейского союза и некоторых государств Ближневосточного региона.

Отдельно следует отметить диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, написанные под научным руководством И.В. Рыжова. Истории российско-иракских отношений с начала конфликта в Ираке посвящено исследование В.В. Прелова «Политика Российской Федерации в отношении иракского кризиса (2002–2008 гг.)»³⁷ (2008). В процессе исследования российской политики в Ираке автором был раскрыт не только характер собственно российско-иракских отношений, но также подробно проанализировано взаимодействие России с различными членами международного сообщества по вопросам иракского урегулирования, определено влияние такого рода взаимодействия на процесс осуществления российской внешней политики в отношении Ирака.

Основные проблемы изучения развития и роли Французской Республики в системе отношений на Ближнем Востоке с 1948 по 2008 г. были рассмотрены Д.М. Золиной в диссертации на тему «Развитие ближневосточной политики Франции в 1948–2008 гг.»³⁸ (2010). В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что тесные взаимоотношения с арабскими государствами, активно поддерживаемые с 1960-х годов, привели к созданию значительной арабской общины внутри французского государства, формированию позитивного имиджа Палестинских территорий внутри французского общества, однако эти факторы оказали негативное влияние на развитие отношений с Израилем. Также Д.М. Золина отмечает, что урегулирование арабо-израильского конфликта зависит не только от взаимоотношений между Израилем и Палестинской Автономией, но и урегулирования взаимоотношений между Израилем и его непосредственными соседями – Сирией, Ливаном, в чем также заинтересована и Франция, которую исторически связывают особые отношения с этими странами. Именно эти страны входят в сферу влияния французского государства в регионе.

Широкий спектр этнополитических и этнокультурных проблем Ближневосточного региона с учетом воздействия на них всех основных этнополитических сил, конкурирующих с доминирующими этносами, комплексно исследован в работе А.А. Камракова «Этноконфессиональные меньшинства в политическом процессе Большого Ближнего Востока: особенности институционального развития и диаспоральной деятельности»³⁹ (2009). В данной работе автор затрагивает малоизученные вопросы, связанные с апелляциями к европейским структурам таких этнических меньшинств, как, например, лазы, обладающих серьезным уровнем сплоченности и развитым этническим сознанием, способным стимулировать их политическую активность. Новым представляется также рассмотрение механизмов воздействия региональных диаспор на политические процессы на постсоветском пространстве и возможностей их использования внешнеполитическими ведомствами государств Ближнего Востока.

Под руководством И.В. Рыжова была написана диссертация С.Д. Махнёва «Особенности двусторонних отношений Сирии со странами региона Ближнего Востока в период 1991–2014 гг.»⁴⁰ (2015). Автор делает вывод о том, что Сирия – один из ключевых игроков региона. Это обуславливается тем, что широкие возможности, получаемые в результате взаимодействия с различными центрами силы, позволяют Сирии играть самостоятельную и независимую роль по многим проблемам не только в рамках региона, но и в масштабах мировой политики. Также, учитывая специфику политической культуры Ближнего Востока и характер власти непосредственно в Сирии, личность главы государства играет ключевую роль в процессе принятия внешнеполитических решений, что подтверждается сравнительной характеристикой динамики двусторонних отношений во время правления Хафеза Асада и его сына, Башара Асада, при практически идентичных целях и задачах у обоих президентов.

В своей диссертации «Революционные события в Египте 2011–2012 гг. в контексте “арабской весны”: общее и особенное»⁴¹ (2017) Элдииб Амр Мохамед Абделгавад Абделрасул заключает, что революционные события в Египте 2011–2012 гг. являются составной частью массовых протестных движений на Ближнем Востоке и Северной Африке, известных как «арабская весна» и укладываются в рамки традиционного подхода к феномену «цветных революций», так как представляют

собой процесс смены политического режима Х. Мубарака под давлением массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций.

Вопросу дипломатии Израиля в отношении стран СНГ и Балтии посвящена работа Е.А. Якимовой «Деятельность израильской дипломатии в странах СНГ и Балтии при министрах иностранных дел Ципи Ливни и Авиغدоре Либермане»⁴² (2015). Автор значительное внимание уделяет контактам Прибалтийских республик с Израилем. Предложена авторская периодизация сотрудничества Израиля со странами региона, а также выделены инструменты израильской дипломатии, использованные в процессе налаживания контактов с партнерами. Е.А. Якимовой был проведен анализ связей, напрямую выстраиваемых Государством Израиль с регионами стран СНГ и Балтии, а также еврейскими общинами, проживающими на их территории. Эти факторы в совокупности формируют прочную основу сотрудничества, которая способна предотвратить существенное охлаждение отношений в случае разногласий по политическим вопросам.

Анализ рассмотренного историографического материала исследователей НИ Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, позволяет нам с полной уверенностью утверждать, что регион Ближнего Востока выгодно отличают ряд характеристик, благодаря которым он является крайне важным в современной мировой политике. Во-первых, это, разумеется, геополитическое положение. Он расположен на стыке трех частей света: Азии, Европы и Африки, именно поэтому почти все ведущие мировые державы в разное время пытались установить контроль над Ближним Востоком, объявляя его «зоной своих жизненно важных интересов». У кого под контролем оказывался этот регион, тот не только контролировал всю восточную часть Средиземноморья и западную часть Индийского океана, но и имел возможность наращивать свой политический вес в мировой политике. Также это крупнейший нефтедобывающий регион, оказывающий огромное влияние на состояние мировой экономики, материальное благополучие многих государств и их населения. Кроме того, через регион пролегают важнейшие транспортные артерии, он лидирует в области импорта современных вооружений и ряда других товаров. Все это привлекает к взаимодействию со странами региона не только международных акторов, но также иссле-

дователей международных отношений, мировой и региональной политики к написанию научных трудов по данной тематике, часть из которых мы проанализировали выше.

Все вышеперечисленное говорит о динамичном развитии востоковедения в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Развитие востоковедения в ННГУ им. Н.И. Лобачевского олицетворяет комплексный подход к изучению всех проблем и является важным звеном в непрерывном процессе обучения и становления квалифицированных специалистов-востоковедов. Нижегородские востоковеды обладают собственным «почерком» исследовательской работы: особый интерес к поиску и обработке оригинальных документов на иностранных языках, освоение и использование иностранных языков, зарубежные стажировки, влияние на процесс принятия решений на региональном и федеральном уровнях, развитие вспомогательных параллельных научных структур.

¹ Колобов А.О., Колобов О.А., Хохлышева О.О. Модификация приоритетной композиции политики великих держав на Большом Ближнем Востоке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 281–285.

² Карасев А.В., Колобов О.А., Колобов А.О. Динамика британской политики в процессе ближневосточного урегулирования при Э. Блэре // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2 (1). С. 302–306.

³ Колобов О.А., Хохлышева О.О. Особенности современной политики «великих держав» на Ближнем Востоке: стратегические цели, тактические действия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 33–46.

⁴ Афоньшина А.И., Корнилов А.А. Развитие политики Франции на Ближнем Востоке и в Южном Средиземноморье: опыт президента Ш. де Голля и президентов-неоколлизмов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 9–16.

⁵ Бородина М.Ю. Особенности внешней политики Франции в отношении исламских государств Ближнего Востока и Северной Африки в 2007–2012 гг. // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 3. С. 253–266.

⁶ Балашов Ю.А., Вагин М.В., Колобов О.А., Корнилов А.А. Международные отношения на Ближнем Востоке в XX веке: учебное пособие / Кол. авт.; под общей ред. академика О.А. Колобова. Нижний Новгород, 2002. 185 с.

⁷ Колобов О.А. Современная российская политика на Ближнем Востоке: стратегические цели и тактические действия // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 83–98.

⁸ Рыжов В.И. Экономические аспекты взаимоотношений России с арабскими государствами: от экспорта вооружений к новым аспектам сотрудничества // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1.

- ⁹ Рыжов И.В. Государство Израиль в системе международных отношений второй половины XX века: дис...док. ист. наук: 07.00.15 Нижний Новгород, 2008. 463 с.
- ¹⁰ Интяков А.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке (2000–2011 гг.): особенности и результаты // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 1–2.
- ¹¹ Скорина А.А., Аветисян Ж.Г. Российская Федерация в международных отношениях на Ближнем Востоке в период президентства Д.А. Медведева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1 (2). С. 359–364.
- ¹² Рыжов И.В., Бородина М.Ю. Арабо-израильский конфликт: историческая ретроспектива, современное состояние и тенденции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 332–339.
- ¹³ Ермаков А.А., Корнилов А.А., Рыжов И.В. Новый этап палестино-израильского противостояния // Азия и Африка сегодня. № 11 (712). 2016. С. 24–27.
- ¹⁴ Ермаков А.А., Корнилов А.А. Израиль: война на два фронта // Азия и Африка сегодня. 2016. № 6 (707). С. 18–22.
- ¹⁵ Корнилов А.А. Стратегические альянсы и региональные союзы во внешнеполитических идеях премьер-министров Израиля Давида Бен-Гуриона и Биньямина Нетаньяху // Регион и мир. 2019. № 1. С. 23–27.
- ¹⁶ Рыжов И.В. Некоторые особенности антитеррористической деятельности Государства Израиль // Вестник Нижегородского университета. Вып. 2. Н. Новгород, 2007.
- ¹⁷ Рыжов И.В., Золина Д.М., Интяков А.А. Роль ведущих европейских держав в процессе урегулирования ближневосточного конфликта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 213–219.
- ¹⁸ Колобов А.О., Колобов О.А., Жукарин Р.Ю., Хохлышева О.О. Арабо-израильский конфликт и новая ближневосточная политика Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 258–264.
- ¹⁹ Ермаков А.А., Корнилов А.А., Рыжов И.В. Россия и Северный фронт Израиля: новые грани асимметричного конфликта // VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2020. № 4. С. 885–893.
- ²⁰ Бородина М.Ю., Рыжов И.В. «Арабская весна» как квинтэссенция межарабских противоречий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 252–256.
- ²¹ Корнилов А.А., Сулейманов А.В. Политическое лидерство в Турции, Иране и Израиле: сравнительный анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6. С. 183–187.
- ²² Корнилов А.А., Матвеев А.С. Влияние внутренних факторов на формирование внешней политики президента Ирана Махмуда Ахмадинежада // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (1). С. 304–308.
- ²³ Корнилов А.А., Фаршад Руми. Российско-иранские отношения в период президента Махмуда Ахмадинежада // Вестник Бурятского государственного университета. № 6. 2015. С. 103–107.
- ²⁴ Абидулин А.М. Ретроспективы развития сотрудничества России и Турции: экономические и внешнеполитические политические связи // Современные евразийские исследования. 2015. № 1. С. 72–80.
- ²⁵ Родионов О.В., Рыжов И.В. К вопросу о противоречиях Турции и стран исламского мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2 (1). С. 319–326.

- ²⁶ Рыжов И.В., Бородина М.Ю. Этнические проблемы в современном Иране // Россия и мусульманский мир. 2016. № 7 (289). С. 107–127.
- ²⁷ Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока // Религия и общество на Востоке. Вып. II (2018). ИВ РАН С. 113–135.
- ²⁸ Беренкова Н.А. Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967–2013 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2015. 195 с.
- ²⁹ Зайцев Г.М. Стратегия и основные направления внешней политики премьер-министра Государства Израиль Биньямина Нетаньяху (1996–1999 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2007. 157 с.
- ³⁰ Миронов А.Н. «План Размежевания» премьер-министра Израиля Ариэля Шарона и особенности его реализации в процессе ближневосточного урегулирования: дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2010. 141 с.
- ³¹ Ермаков А.А. Развитие асимметричного конфликта государства Израиль с радикальными организациями ХАМАС и «Хезболла» (2006–2012 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2015. 227 с.
- ³² Федюкин Е.В. Развитие российско-иранского сотрудничества в области ядерной энергетики: дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2007. 216 с.
- ³³ Никитин А.Г. Основные направления внешней политики и политики безопасности Иордании при короле Абдалле II: дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2009. 217 с.
- ³⁴ Давтян С.Э. Армянские общины Сирии, Ливана, Египта и Ирака в международных отношениях Ближнего Востока (XX начало XXI века): дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2011. 210 с.
- ³⁵ Руми Фаршад. Политические проблемы российско-иранских отношений: региональные и глобальные аспекты (1991–2013 гг.): дис... канд. полит. наук: 23.00.04. Москва, 2017. 231 с.
- ³⁶ Аюпова Н.И. Эволюция политики Турецкой Республики в отношении ФРГ (2002–2017 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 2020. 316 с.
- ³⁷ Прелов В.В. Политика Российской Федерации в отношении иракского кризиса (2002–2008 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2008. 220 с.
- ³⁸ Золина Д.М. Развитие ближневосточной политики Франции в 1948–2008 гг.: дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2010. 195 с.
- ³⁹ Камраков А.А. Этноконфессиональные меньшинства в политическом процессе Большого Ближнего Востока: особенности институционального развития и диаспоральной деятельности: дис... канд. полит. наук: 23.00.02. Нижний Новгород, 2009.
- ⁴⁰ Махнев С.Д. Особенности двусторонних отношений Сирии со странами региона Ближнего Востока в период 1991–2014 гг.: дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2015. 220 с.
- ⁴¹ Элдииб Амр Мохамед Абделгавад Абделрасул. Революционные события в Египте 2011–2012 гг. в контексте «рабской весны»: общее и особенное: дис... канд. ист. наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 2017. 218 с.
- ⁴² Якимова Е.А. Деятельность израильской дипломатии в странах СНГ и Балтии при министрах иностранных дел Ципи Ливни и Авиغدоре Либермане: дис... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2015. 223 с.

CONTENTS

Section I. TRENDS OF MODERN DEVELOPMENT	13
<i>V. Belokrenitsky</i>	
The modern Middle East – geopolitical dynamics, specificity of society and the divergence of states	13
<i>N. Mamedova</i>	
Features of social modernization in Iran	28
<i>N. Ulchenko</i>	
On the evolution of the Turkish Islamic bourgeoisie during the rule of the Justice and Development Party	44
Section II. CONFLICTS AND RELATIONS BETWEEN STATES.....	70
<i>V. Ahmedov</i>	
The role of military in Syrian conflict.....	70
<i>I. Ivanova</i>	
The relation of Russia and Turkey in the issue of Syrian settlement	84
<i>V. Sazhin</i>	
Iran in Syria: problems and future.....	102
<i>I. Fedorova</i>	
Iran's policy in Nagorno Karabagh conflict	114
Section III. ECONOMICS AND REGIONAL COOPERATION	125
<i>S. Volkova</i>	
Main directions in the geography of Turkey's foreign trade at the present stage (2014–2020)	125
<i>A. Obuhova</i>	
Specific features of the ownership structure in the Iranian petrochemical industry at a glance.....	148
<i>O. Mitrofanenkova</i>	
Transition to mass drug production in Afghanistan	162
<i>V. Belov</i>	
Iran and India: strategic partnership challenges	173
<i>I. Serenko</i>	
Russia-China-Pakistan: from “Silk road” to “Golden ring” of Eurasian integration?	185
<i>R. Prohorov</i>	
Sino-Pakistani Relations in the International Relative System of the Near and Middle East.....	195

Section IV. NATIONAL RECONCILIATION, STATE BUILDING AND DOMESTIC POLITICS	203
<i>K. Vertyaev</i> Iraqi and Syrian Kurdistan as a rebel states: theoretical approach to the problem of a Kurdish protostate	203
<i>M. Ozmanyana</i> Rojava in the context of the 2020 pandemic (Federation of North-Eastern Syria)	226
<i>I. Vedenev</i> Budget dispute: the problem of financing the Kurdish autonomy of Iraq.....	238
<i>O.M. Nessar</i> National reconciliation in Afghanistan.....	246
<i>S. Poya</i> A systematic approach to the analysis of the relationship between the domestic and foreign policy of Afghanistan. Policy of the United States and regional states and their influence on the political processes in Afghanistan.....	268
<i>S. Slinkin</i> Military-political situation in Afghanistan at the turn of the decade: vague perspectives.....	281
<i>I. Mirzoev</i> Reformists in the lead-up to the presidential elections 2021 in Iran	307
<i>N. Zamaraeva</i> Pakistan: Democratic Institutions and the Army (Challenges 2018–2020).....	317
Section V. SOCIOLOGY AND CULTURE.....	336
<i>I. Svistunova</i> Politics of Turkey in the Field of Education for non-Muslim Minorities	336
<i>A. Polishuk</i> The Islamic festive occasions in Iran	348
<i>M. Kameneva</i> Iranian diaspora in Canada: Iranian Canadians or Canadian Iranians.....	365
<i>V. Mesamed</i> Jewish community of the Islamic Republic of Iran: Between politics and ideology.....	377
<i>O. Mitrofanenkova</i> Problem of women's drug addiction in Afghanistan.....	398
<i>V. Belokrenitsky</i> Karachi – problems and perspectives of a big city in Pakistan.....	408
<i>I. Serenko</i> On the problem of reforming the education system in the culturally complex society of modern Pakistan	427

<i>V. Kirichenko</i>	
The situation of the Ismailites in Pakistan	438
Section VI. HISTORY AND HISTORIOGRAPHY	448
<i>U. Okimbekov</i>	
Taxes and tax policy of Afghanistan in the first half of the 19th Century (example of the agricultural sector)	448
<i>Z. Arabadzayn</i>	
Iran and the World War I.....	474
<i>A. Boldyrev</i>	
On the views of modern Turkish researchers on Turkey's neutrality during World War II and Soviet-Turkish relations	487
<i>I. Ryzov, M. Borodina, A. Komaha</i>	
Oriental sciences and studies of the countries of the Middle East in Nizhny Novgorod State University In XXI century	496

***Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Института Востоковедения РАН***

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

Мусульманский Ближний и Средний Восток (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан, соседние страны) – проблемы современного развития, истории и историографии

Пленарное заседание

Приветственное слово директора Института А.К. Аликберова

Доклад В.Я. Белокреницкого «Современный Средний Восток: геополитика, структура общества и управление общественными процессами»

Доклад Н.М. Мамедовой «Характер и особенности социальной модернизации в Иране»

Доклад Н.Ю. Ульченко «Новые аспекты взаимодействия власти и предпринимательского сообщества в Турции в период правления Партии справедливости и развития»

Секция 1

Первая сессия

Доклад В.М. Ахмедова «Роль армии и религиозного фактора в сирийском кризисе»

Доклад И.И. Ивановой «Российско-турецкие отношения в свете сирийского кризиса»

Доклад В.И. Сажина «Иран в Сирии (2011–2020). История, проблемы, будущее»

Доклад И.Е. Федоровой «Иран и конфликт в Нагорном Карабахе»

Доклад А.Г. Гаджиева «Особенности взаимодействия Турции и ЕС в Восточном Средиземноморье в условиях турецко-греческой напряженности на современном этапе (2018–2020 гг.)»

Доклад В.И. Юртаева (РУДН) «Иран и Индия: вызовы стратегического партнерства»

Доклад Л.М. Раванди-Фадаи «Новые проблемы в отношениях между Ираном и Ираком»

Вторая сессия

Доклад С.Л. Волковой «Основные направления географии внешней торговли Турции на современном этапе (2014–2020)»

Доклад А.Н. Обуховой «Особенности структуры владения в иранской нефтехимической отрасли»

Доклад И.А. Свистуновой (ИМЭМО) «Политика Турции в сфере образования для немусульманских меньшинств»

Доклад И.Н. Саетова «Мехмет Захид Котку и турецкий джамаат «Искандер Паша»: суфии между исламом, политикой и холдингами»

Доклад А.И. Полищука «Особенности исламских традиций в культурной жизни Ирана»

Доклад И.Х. Мирзоева «Лагерь реформаторов в преддверии президентских выборов в Иране 2021 г.»

Доклад М.С. Каменевой «Иранская община в Канаде: канадские иранцы или иранские канадцы?»

Доклад В.И. Месамеда (Израиль) «Еврейская община в Иране – амбивалентность существования в условиях исламского режима»

Окончание работы секции 1

Секция 2

Первая сессия

Доклад И.Н. Серенко «Россия-Китай-Пакистан: от «Шелкового пути» к «Золотому кольцу» евразийской интеграции?»

Доклад Р.Е. Прохорова «Китайско-пакистанские отношения в системе международных связей Ближнего и Среднего Востока»

Доклад О.М. Нессара «Афганский мирный процесс: промежуточные оценки и прогнозы»

Доклад С. Пойя «Влияние отношений США и государств региона на политические процессы в Афганистане (системный подход к анализу взаимосвязей внутренней и внешней политики Афганистана)»

Доклад Н.А. Замараевой «Пакистан: демократические институты и армия (вызовы 2018–2020 гг.)»

Доклад О.Е. Митрофаненковой «Проблема женской наркомании в афганском обществе»

Доклад В.П. Кириченко «Положение исмаилитских общин в Пакистане»

Доклад Е. Брусенцевой (ИСАА МГУ) «Специфика участия этно-региональных сил в общественно-политической жизни Пакистана (на примере белуджского и пуштунского движений)»

Окончание работы секции 2

Общее заседание

Первая сессия

Доклад К.В. Вертяева «Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (Рожавы): феномен протогосударственности в составе государства анклавно-конгломератного типа»

Доклад М.С. Озмаян «Рожавы в условиях пандемии 2020 г.»

Доклад И.Н. Веденеева «Проблема финансирования курдской автономии из бюджета Ирака на современном этапе»

Доклад В.И. Юртаева и Е.М. Савичевой (РУДН) «Внутриконфессионализм как фактор политизации ислама на Ближнем и Среднем Востоке (на примере Ирана и Саудовской Аравии)»

Доклад И.Н. Серенко «К проблеме реформирования системы образования в культурно-сложном обществе Пакистана»

Доклад В.Я. Белокреницкого «Карачи – проблемы и перспективы большого города в Пакистане»

Доклад О.Е. Митрофаненковой «Переход к массовому производству наркотиков в Афганистане»

Доклад Н.И. Гаджимурадовой (МГИМО) «Афганские беженцы в странах Северной Европы: возможности адаптации»

Окончание работы первой сессии

Вторая сессия

Доклад С.Ф. Орешковой «Научное востоковедение и некоторые проблемы российского имперского строительства»

Доклад А.М. Абидулина (Н.Новгород) «Визирь с властью султана. Ибрагим-паша и его роль в политической жизни Османской империи»

Доклад У.В. Окимбекова «Политика колонизации афганского севера и английская разграничительная комиссия»

Доклад З.А. Арабаджяна «Иран и Первая мировая война»

Доклад А.В. Болдырева «К вопросу о взгляде современных турецких исследователей на Вторую мировую войну»

Доклад Е.В. Дунаевой «Модернизация в современном Иране: оценки иранских исследователей»

Доклад И.В. Рыжова и М.Ю. Бородиной (Н. Новгород) «Востоковеды и изучение стран Ближнего Востока в Нижегородском государственном университете в XXI веке»

Подведение итогов работы конференции

ОБ АВТОРАХ

Арабаджян Завен Артемович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; ORCID: 0000-0002-5743-2002.

Ахмедов Владимир Мртузович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований общих проблем современного Востока ИВ РАН; ORCID: 0000-0002-4952-2964.

Белов Владимир Иванович – профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук; ORCID: 0000-0001-6112-5550.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока; ORCID: 0000-0001-8471-928X.

Болдырев Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН; ORCID: 0000-0003-3982-2848.

Бородина Мария Юрьевна – ассистент кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; ORCID: 0000-0003-1477-4077.

Веденеев Илья Николаевич – лаборант-исследователь, аспирант Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН; ORCID: 0000-0002-8808-9745.

Вертяев Кирилл Валентинович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН; ORCID: 0000-0003-3533-3684.

Волкова Светлана Леонидовна – старший преподаватель Военного университета МО РФ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук; ORCID: 0000-0002-3819-1785-8957.

Замараева Наталья Алексеевна – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Иванова Инесса Ильинична – доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока (МГИМО), старший научный сотрудник ИВ РАН; ORCID: 0000-0002-3696-2290.

Каменева Марина Самуиловна – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат филологических наук; ORCID: 0000-0003-3680-0301.

Кириченко Владимир Павлович – младший научный сотрудник Центра изучения общих проблем современного Востока ИВ РАН; ORCID: 0000-0001-8724-2341.

Комаха Анна Алексеевна – бакалавр истории, Институт международных отношений и мировой истории, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Мамедова Нина Михайловна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, доцент МГИМО; ORCID: 0000-0002-4571-8206.

Месамед Владимир Ильич – PhD, ст. преподаватель Института Азии и Африки Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль.

Мирзоев Ильхом Хакимович – соискатель Института востоковедения РАН. ORCID: 0000-0002-8235-2776.

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна – младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН: ORCID: 0000-0003-0076-2956.

Мохаммад Омар Нессар – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат исторических наук. ORCID: 0000-0002-4236-0886.

Обухова Анастасия Николаевна – младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-5576-1649.

Озманиян Мидия Саидовна – младший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0001-9761-4663.

Окимбеков Убайд Вафобекович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-3452-3630.

Полищук Александр Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-2296-4858.

Прохоров Руслан Евгеньевич – кандидат психологических наук, научный сотрудник ИВ РАН. ORCID: 0000-0002-8387-3311.

Рыжов Игорь Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. ORCID: 0000-0002-6417-1517.

Сажин Владимир Игоревич – старший научный сотрудник ИВ РАН, кандидат исторических наук. ORCID: 0000-0003-1429-476X.

Самеулла Пойя – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат исторических наук, кандидат технических наук. ORCID: 0000-0002-8259-1216.

Свистунова Ирина Александровна – старший научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, кандидат исторических наук. ORCID: 0000-0001-5191-9090.

Серенко Ирина Николаевна – старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, кандидат педагогических наук. ORCID: 0000-0002-4949-254X.

Слинкин Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-2287-9039.

Ульченко Наталия Юрьевна – д.э.н., ведущий научный сотрудник ЦИС БСВ, зав. кафедрой ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-0078-1199.

Федорова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН. ORCID: 0000-0003-3819-8957830X.

Научное издание

**МУСУЛЬМАНСКИЙ БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ИСТОРИЯ
И ИСТОРИОГРАФИЯ**

сборник статей

Редактор *Грикурова М.С.*
Корректор *Колесник М.Я.*
Верстка *Макеева Н.В.*
Обложка *Моева Д.С.*

Подписано 01.11.2021
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 33. Уч.-изд. л. 29
Тираж 500 экз. Зак. № 479

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5